

Цетради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 3 2020]

*Н.Я. Данилевский
к 150-летию выхода в свет
работы «Россия и Европа»*

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Октябрь 2020 г.]

**Данилевский
Николай Яковлевич
(1822–1885)**

{ Октябрь 2020 г. }

IN MEMORIAM
Владимир Васильевич
Миронов
1953 – 2020

Цетради

по консерватизму

[№ 3 2020 г.]

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2020

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Моцелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, А.А. Ширинянец, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 3. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020. – 468 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен русскому мыслителю, идеологу панславизма Николаю Яковлевичу Данилевскому и служит откликом на 150-летие (1869) начала публикации в журнале «Заря» его труда «Россия и Европа». Данная работа признана классикой русской консервативной мысли и является основополагающей в формировании противостоящего европоцентричной модели цивилизационного подхода к истории, который получил дальнейшее развитие в трудах как отечественных, так и зарубежных исследователей XX и XXI веков. Теория культурно-исторических типов, обоснование собственного исторического пути России, ее самобытной, отличной от европейской цивилизации, попытка объяснить причины постоянной вражды Европы к России – все эти темы, изложенные и аргументированные в работе «Россия и Европа», сохраняют свою актуальность и поныне. Основной посыл Н.Я. Данилевского, утверждающего, что Россия – не Европа, и в наши дни является центральным нервом общественно-политической повестки страны и дискуссий относительно стратегического выбора пути ее развития.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2020
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2020

О.Н. Данилевская
Слово к читателю
9

Раздел первый

Данилевский: понять историю

В.В. Аксютин
Историософия Н.Я. Данилевского
13

С.И. Бажов
Жизненный путь и философия истории Н.Я. Данилевского
18

Б.Г. Дверницкий
Данилевский – основоположник русской историософии
66

И.Н. Тяпин
Историософия Н.Я. Данилевского и проблема значимости русской философии
76

Раздел второй

Данилевский: свой среди своих?

М.В. Медоваров
Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов
85

Е.Н. Мощелков
Циклизм как стержневая идея русской мысли второй половины XIX –
начала XX века
99

С.Н. Пушкин
Развитие консервативных славянофильских тенденций
в творчестве Н.Я. Данилевского
111

А.Б. Панченко
Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход
от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского
121

Е.В. Перевалова
Участие Н.Я. Данилевского в изданиях М.Н. Каткова в 1880-х годах
135

А.А. Тесля
«Славянофилы» в народнической перспективе: интерпретация
славянофильства 1840–1880-х годов в публицистике Н.К. Михайловского
149

В.Ю. Даренский
Агональный принцип русского самосознания в концепции М.О. Кояловича
160

Д.А. Бадалян
«Немецкие партии» в русской науке XIX столетия
175

Раздел третий

Данилевский: актуальность идей

Ф.И. Гиренок
Россия и Европа: что изменилось после Данилевского?
195

С.М. Вудберн (Stephen M. Woodburn)
Проблема Данилевского (The Danilevskii Problem)
199

С.В. Хатунцев
Шафаревич, Данилевский, Леонтьев и «Бесмысленные мечтания»
223

М.И. Сигачев, А.Н. Харин, П.П. Скакун
«Интегрализм» и «реализм» в российских цивилизационных теориях:
два ответа на вызовы истории
228

И.В. Желтикова
Из настоящего в будущее: образ будущего России Н.Я. Данилевского
238

А.Л. Казин
Русская философия и российская политика
249

Н.С. Скипин
Российская культура как альтернатива глобальной и европейской
континентальной культуре в контексте цивилизационного подхода и явлений
«идеология» и «постидеология»
258

Раздел четвертый

Данилевский: территория памяти

А.Ю. Полунов
«Старые культурные азиатские государства»:
восприятие евразийского пространства русскими общественными
деятелими и публицистами в конце XIX – начале XX века
267

С.В. Зеленин
Данилевский в Вологде
277

С.Н. Киселев
Память о Н.Я. Данилевском в Крыму
296

А.В. Журавель
«Дело... о дворянстве рода Данилевских»:
даты рождения и тайны происхождения
303

О.Н. Данилевская, И.Р. Данильченко, О.В. Тэнни
Жизнь Н.Я. Данилевского. Биографический очерк
345

В.Ю. Даренский
Н.Я. Данилевский как художественный критик
366

Раздел пятый

По мотивам Данилевского

С.В. Перевезенцев
Рождение новых русских смыслов (X – начало XIII века)
381

В.Н. Рудаков
Великий князь Ярослав Всеволодович и нашествие Батыя
411

А.Б. Страхов
«...О начале славяно-российского народа»: происхождение русской
цивилизации в представлениях отечественных мыслителей XVI–XVII веков
437

О.Л. Фетисенко
Константинопольский «Маскаралык» 1876–1877 годов
в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова
444

В.В. Миронов, А.П. Козырев, Ю.В. Пущаев
Европа ли Россия?
Беседа о Николае Данилевском и главном труде его жизни
460

Слово к читателю

Этот номер «Тетрадей по консерватизму» посвящен трудам моего прадеда Николая Яковлевича Данилевского. Для меня большая честь обратиться к читателям с коротким вступительным словом.

Читая труды Н.Я. Данилевского, не перестаешь удивляться, как широки и многообразны его интересы. Трудно найти ученого, чьи статьи охватывали бы диапазон от ботаники и ихтиологии до геополитических и философских проблем. Еще труднее найти отечественного мыслителя, чьи идеи стали остро востребованными более чем через столетие после их высказывания. Невольно приходишь к заключению, что существует феномен Данилевского. Кратко его можно сформулировать так: разнообразие тем и актуальность идей.

Николай Яковлевич получил образование в области естественных наук. Его страстью была ботаника. В юные годы он изучал флору Орловской, потом Вологодской губерний, а в конце жизненного пути – растительность Крыма, создав обширнейший сад в своем имении Мшатка. Но волею судеб ему пришлось стать ихтиологом. Восемнадцать лет – 1853 по 1871 год – он провел в экспедициях, исследуя рыбные промыслы на Каспии, Белом, Черном, Азовском морях и на озерах Русского Севера. Труды этих экспедиций суммированы в восьми томах «Исследований по состоянию рыболовства в России с 1860 по 1875 годы». К сожалению, они ни разу не переиздавались, хотя до сих пор являются уникальными источниками ихтиологических, статистических и этнографических сведений. Данилевский по праву считается основоположником российской рыбохозяйственной науки. На трудах его экспедиций было основано рыболовное законодательство России.

Его «Краткий очерк уральского рыбного хозяйства» (1868) написан образным живым языком. Из детального описания организации яицкими казаками лова рыбы на реке Урал вырисовывается картина рыбного богатства и бережного отношения к нему людей, которые жили на реке и использовали ее щедрость. Другая популярная статья «Взгляд на рыболовство в России» написана как сопровождение к коллекциям по русскому рыболовству, отправленным на парижскую Всемирную выставку в 1867 году. И сейчас, спустя почти 150 лет, обе статьи читаются легко, с большим интересом; они глубоко познавательны.

Казалось бы, Н.Я. Данилевский составил себе карьеру как ихтиолог и мог бы продолжать до конца жизни заниматься рыбной наукой. Но его живой ум не был равнодушен к политическим событиям, происходящим в мире. Он ярко выразил эту мысль в одном из писем своему другу Н.П. Семенову: «Надо, чтобы что-нибудь очень сильно возбуждающее к этому [писанию – О.Д.] меня побудило, как, например, наши политические глупости, для статей о политике и славянстве»¹.

Таким побудительным стимулом к написанию фундаментального труда «Россия и Европа» явилось наблюдаемое им «неуважение Европы к самым законным требованиям России... Поэтому я выбрал его за исходную точку предполагаемого исследования взаим-

ных отношений Европы и России»². Со свойственным Николаю Яковлевичу аналитическим подходом он в деталях исследует проблему и формулирует новую оригинальную теорию «культурно-исторических типов».

Теория не была воспринята современниками. Первое издание книги продавалось с трудом. Но надо отдать должное его другу и соратнику Н.Н. Страхову, который популяризовал идеи Данилевского. Благодаря усилиям Страхова «Россия и Европа» после журнального варианта в 1869 году переиздавалась четыре раза (1871, 1888, 1889, 1895). После почти ста лет забвения ее вновь издали в перестроечное время, в 1991 году. В тот момент возникла острая необходимость в осмыслении судьбы обновленной России. Книга «Россия и Европа» стала востребована и многократно переиздавалась.

Второй фундаментальный труд Н.Я. Данилевского «Дарвинизм. Критическое исследование» забыт еще прочнее. Книгу напечатали только один раз (первый том в 1886 году, второй – в 1889-м), уже после смерти автора, и впервые переиздали в 2015 году³. Дарвинизм являлся ведущим биологическим учением на протяжении более ста лет. Данилевский, позволивший себе критику дарвинизма, ставшего догмой, был объявлен ретроградом и даже мракобесом. Однако современная биология подвергает критике саму концепцию дарвинизма⁴, и это позволяет нам предполагать, что Данилевский уже тогда увидел проблемы в учении Дарвина и не побоялся выступить критиком – вопреки моде «Дарвинизм», таким образом, нуждается во всестороннем осмыслении.

Мой прадед принадлежал к выдающимся государственным деятелям России XIX века. Современники отмечали его моральную безупречность и высокие помыслы, называли его «солью земли русской». Его имя вышло из небытия, но нужно сделать еще много для популяризации его идей и увековечивания памяти. Данный выпуск номера «Тетрадей по консерватизму» служит этой благородной цели.

¹ Данилевский Н.Я. Письмо Н.П. Семенову от 23 мая 1879 г. / цит. по: Волобуева Т.И., Романова С.Н. Творческое наследие Н.Я. Данилевского в документах отделов рукописей РГБ и РНБ // Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, г. Курск, 26–27 ноября 2014 г. Ч. 2. Курск, 2014. С. 24–25.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Известия, 2003. С. 27.

³ Данилевский Н.Я. Дарвинизм: Критическое исследование. Т. 1. Ч. 1–2, СПб., 1885; Т. 2. СПб., 1889; Данилевский Н.Я. Дарвинизм: Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015.

⁴ Куприянов А.В. Дарвин: пора прощаться? // Вестник ВОГиС, 2009. Т. 13. № 2. С. 440–447.

Данилевский: понять историю

{ Раздел первый }

*В.В. Аксючиц
Историософия Н.Я. Данилевского*

*С.И. Бажов
Жизненный путь и философия истории Н.Я. Данилевского*

*Б.Г. Дверницкий
Данилевский – основоположник русской историософии*

*И.Н. Тяпин
Историософия Н.Я. Данилевского и проблема значимости
русской философии*

Историософия Н.Я. Данилевского

Во второй половине XIX века в России появился ряд талантливых религиозных философов. Николай Яковлевич Данилевский в работе «Россия и Европа» изложил концепцию культурно-исторических типов, предвосхитив многие идеи XX века, в частности О. Шпенглера и А. Тойнби. Человечество – это разрушительная абстракция, каждый культурно-исторический тип выражает определенную идею, а вместе они составляют все человечество. Господство одного из культурно-исторических типов ведет к деградации цивилизации. Данилевский отмечает враждебный и агрессивный характер романо-германского культурно-исторического типа по отношению к формирующемуся славянскому типу. В других работах Данилевский критикует теорию естественного отбора Дарвина с позиций естественного богословия.

В вопросе самобытности русского народа и русской культуры Данилевский во многом последователь славянофилов. Д.А. Хомяков – строгий ревнитель славянофильства – признавал, что Н.Я. Данилевского «не без основания причисляли» к «так называемому славянофильству». Сам Данилевский во многом соглашался со славянофилами в понимании Запада: «...если бы разобрать самый характер тех зиждительных сил, которыми построено и на которых держится здание европейской цивилизации, как это и делали Хомяков и Киреевский». Но с критикой Запада славянофилами он соглашался отчасти: «Сама мысль, высказанная славянофилами о гниении Запада, кажется мне совершенно верною, только выразилась она в жару борьбы и спора слишком резко и потому с некоторым преувеличением».

Однако слишком резкая критика славянофилов только подтверждается с десятилетиями и веками. Вместе с тем славянофилов правильнее было бы называть русофилами, ибо у них приоритетным был русский, а не славянский вопрос. Данилевского же можно характеризовать большим славянофилом, чем сами славянофилы, так как, соглашаясь с ними в оценке русского народа («Покойный К.С. Аксаков сказал, что историю русского народа можно назвать его житием, и это глубокая истина»), он был более чем кто-либо озабочен судьбой и миссией славянства. «Быть может, со временем Н.Я. Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» (Н.Н. Страхов). Он критиковал и слабые стороны, как он считал, славянофилов, особенно в их отношении к Западу. Н.Я. Данилевский развивал в стройную теорию положения славянофилов о своеобразии России, о враждебности Запада к России. Он видел, что «настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении идеала западников (“в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации”»).

Критикуя увлечения европейскими теориями, Данилевский дал по этому поводу и оценку славянофилов, преувеличивая зависимость славянофильской мысли от германской философии: «Само учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности, что, впрочем, иначе и не могло быть, потому что оно также имело двоякий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и с большею свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни – в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянских начал, а также, видя успешную уже высказаться в течение долговременного развития, односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники».

После поворота образованных слоев к русскому национальному самосознанию, который совершили славянофилы, Данилевский не только сформулировал в научной форме поставленные ими проблемы, но и впервые решал многие новые актуальные вопросы. Его мощный универсальный ум помимо многих трудов в научных областях (в частности, развенчание дарвинизма) анализирует всеобщую историю и историю славянских народов, на основе чего создает первую историософскую концепцию (в том числе и первую историософию России), на многие десятилетия опередившую эпохи.

Углубляя славянофильское понятие «народность», продолжая осмысливать вопросы, которые были актуальными для славянофилов, а также расширяя проблематику русской мысли о миссии России, Данилевский формулирует теорию культурно-исторических типов, самобытных цивилизаций, что позволило ему по-новому увидеть и оценить многое из ранее известного. По сравнению с этими положительными деятелями в истории человечества выделяются деятели отрицательные (временно появляющиеся феномены – гунны, монголы, турки) и этнографический материал.

По-новому формулируется вопрос об отношении народного к общечеловеческому. Вслед за К.С. Аксаковым Данилевский резко критикует амбиции европейцев (и их русских подражателей) отождествлять европейское с общечеловеческим, которого нет в действительности. Бессмысленно представление о том, что какая-либо народность способна явить собой это огромное многообразие. Отсюда следует, что общечеловеческой и всечеловеческой цивилизации нет и быть не может. Эти категории, считает Данилевский, можно представить только в виде идеала совместного развития всего человечества в прошлом, настоящем и будущем.

Славянофилы достаточно романтически относились к Европе, мечтали, что Россия после восстановления своей самобытности поможет своим европейским странам-сестрам духовно оздоровиться. Данилевский же пишет о коварстве Европы, о вековой агрессивности и эгоизме европейцев. Поэтому европейцы колонизировали, поработали или поголовно истребляли многие народы, а оставшихся крестили огнем и мечом. Сегодня очень актуально звучит его вывод: «Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами». Реальное же всечеловеческое состоит из «совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать».

Народы различных культурных типов не могут обмениваться формами цивилизации. Поэтому если славяне не выработают самобытной цивилизации и не возвысятся «на ступень развитого культурно-исторического типа... то им ничего другого не останется, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал» для достижений других народов. Все культурно-исторические типы одинаково самобытны и из себя самих черпают содержание своей исторической жизни, но не все осуществляют это содержание с одинаковой полнотой и многосторонностью.

Надо сказать, что концепция Н.Я. Данилевского о независимом развитии различных цивилизаций – культурно-исторических типов – мало соответствует исторической действительности. Истории неизвестны такие культурно-исторические типы, которые исключительно для себя и из себя вырабатывали бы образовательные начала своей жизни и не обменивались бы своими культурными началами. Другое дело, что живительный культурно-цивилизационный обмен возможен только на основе собственных культурных начал, а также при избегании рабского заимствования и защите от разрушительного навязывания извне.

Каждый культурно-исторический тип, по Данилевскому, развивается на одной из основ: деятельность религиозная, культурная, политическая, общественно-экономическая. Некоторые исторические типы сосредотачивали свои силы на одной из этих сфер деятельности (так, евреи – на религии, греки – на культуре в тесном смысле), другие проявляли себя сразу в двух или трех направлениях. После анализа всех культурно-исторических типов Данилевский приходит к выводу, что славянский тип будет развивать все четыре сферы человеческой деятельности и будет «первым полным четырехосновным культурно-историческим типом».

Россия культурно-исторически, цивилизационно не принадлежит Европе, а является самобытным славянским государством. Вслед за славянофилами Данилевский критически оценивает некоторые реформы Петра I, с которого началась традиция европейничанья образованных слоев, уничтожающих все национально русское. Достаточно высоко оценивая петровские государственные реформы, он считает, что радикальные «изменения в быте, нравах, обычаях и понятиях» нанесли «величайший вред будущности России», русская жизнь «была насильственно перевернута на иностранный лад». Познакомившись с Европой, Петр влюбился в нее и захотел Россию сделать Европой. Видя плоды европейского дерева, он, по словам Данилевского, сделал вывод о превосходстве самого растения над русским, еще бесплодным ростком. Не приняв во внимание разность в возрасте, Петр захотел срубить его под самый корень и заменить другим. В итоге «европейничанье» как духовная болезнь, плен и рабство может окончательно «лишить историческую жизнь русского народа внутренней зиждательной силы... сделать бесполезным, излишним самое его существование». Высшим российским сословиям, «привыкшим презрительно смотреть на все русское», надо избавиться от «затемнения своеобразного русского взгляда на вещи европейничаньем».

Чтобы избавиться от этого духовного плена и рабства, необходим «тесный союз со всеми плененными и порабощенными братьями... грозный опыт истории». Данилевский видит его в разрешении «восточного вопроса», который является «узлом и жизненным центром будущих судеб Славянства... Все грозное значение России заключается в том, что она прибежище и якорь спасения пригнетенного, но не раздавленного, не упраздненного обширного славянского мира». На этом основании Данилевский формулирует историческую миссию славянства: «Для всякого славянина “после Бога и Его святой Церкви”, – идея славянства должна быть высшею идеею... выше всякого земного блага». Высшая цель всех славян: «духовно, народно и политически самобытное независимое славянство». В итоге из этого следует необходимость политического, то есть государственного единства славянских народов. Данилевский был убежден, что «единственно разумное... единственно возможное» решение «восточного вопроса» – это создание «всеславянского союза», «всеславянской федерации» во главе с единственным независимым славянским государством – Россией, со столицей в Царьграде. Нравственный, политический и экономический идеал народов славянского культурного типа Данилевский формулирует так: «Православие, Славянство и крестьянский надел». Если же Россия не поймет своего назначения, ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного.

Славянофилы верили в мессианские задачи русского народа. Данилевский же, основываясь на своей теории «культурно-исторических типов», отрицал возможность существенного влияния славяно-русской цивилизации на западную и другие цивилизации. Вместе с тем он считал, что славянская цивилизация должна прийти на смену угасающей западной. Славянская цивилизация в отличие от западной неагрессивна. В ней общественный элемент преобладает над личным, индивидуальным, ибо психология славян сложилась преимущественно под влиянием Православия. России предстоит сделать выбор: либо вместе с другими славянскими народами создать всеславянскую цивилизацию, либо полностью утратить свое культурно-историческое значение и стать этнографическим материалом для других цивилизаций.

В целом можно сказать, что позиция и методология Н.Я. Данилевского как выдающегося мыслителя и универсального ученого имела две стороны: универсальность воззрения и мощный аналитический ум; ограниченность натуралистическим измерением, без должного учета духовной сущности человека, народов, цивилизаций, человечества.

В натуралистическом плане человек ни в какой свой период не может явить «все моменты его развития». Но в религиозном измерении душа человека являет «копилку вечности» – итог всех его земных путей, – прежде всего в вечности, но и в каждый момент земной жизни. В натуралистическом измерении никакая цивилизация не может явить общечеловечность. В религиозном измерении человечество соборно (единство многообразия) – происходит от Прародителей, сотворенных Богом. Поэтому человечество имеет единое назначение и общий итог. Так же как невозможно в пределах мира сего постичь назначение и его исполнение каждой личности, так и назначение человечества непостижимо в этом мире. Поэтому Данилевский прав в том, что попытки совершить и завершить это в мирском измерении – утопичны.

В итоге, создав уникальную метафизическую концепцию культурно-исторических типов, Н.Я. Данилевский поддался своего рода натуралистическому соблазну, навязывая фактической истории собственные натуралистические же выводы из нее. В результате получился очередной утопический проект. Насаждение же утопии на живую жизнь всегда разрушительно, а иногда катастрофично. По Данилевскому, славяне делятся на русских, чехов, сербов, хорват, словенцев, словаков, болгар и поляков. Хотя славяне близки нам по крови (в отличие от западноевропейцев), иногда близки и по духу, в истории до Данилевского, при нем и после него невозможно определить момент, когда славянские народы были действительно объединены в едином культурно-историческом типе. Эти народы принадлежат к разным верованиям (православие, католицизм, протестантизм, ислам). Нередко их государства воевали друг с другом. При том, что Россия неоднократно выручала, а иногда и спасала братьев-славян, они практически всегда предавали (как предают и доньне) Россию и русских. Так, после освобождения славян от турецкого владычества при Александре II впервые созданные Россией славянские государства на Берлинском Конгрессе предали Россию в пользу европейских интересов. (Во Второй мировой войне большинство славянских стран воевало с СССР.) Утопия всеславянского союза, всеславянской федерации во главе с Россией и со столицей в Царьграде была основным идеологическим обоснованием вступления России в Первую мировую войну. А иллюзия необходимости защиты славян-сербов, смертельно рискуя собственными жизненными интересами, оказалась спусковым крючком всеевропейской бойни, приведшей Россию к гибели.

Обобщая поиски славянофилов и Н.Я. Данилевского, можно сказать, что субъектом исторического действия является не славянский культурный тип, а русский народ, создавший огромную российскую государственность и сформировавший русскую православную цивилизацию. Таким образом, приоритетом исторического действия для нас является не

славянский культурно-исторический тип, а реальный цивилизационный континент – русская православная цивилизация.

Труды Н.Я. Данилевского оказали большое влияние на развитие русской и мировой философской мысли. Главная заслуга Данилевского – его учение о цивилизациях, имеющее в науке характер мирового открытия.

Аннотация. По мнению автора статьи, Н.Я. Данилевский, изложив в работе «Россия и Европа» концепцию культурно-исторических типов, предвосхитил многие идеи XX века, в частности идеи О. Шпенглера и А. Тойнби. При этом Н.Я. Данилевский в вопросе самобытности русского народа и русской культуры во многом является последователем славянофилов. После поворота образованных слоёв к русскому национальному самосознанию, который совершили славянофилы, Н.Я. Данилевский не только сформулировал в научной форме проблемы, поставленные славянофилами, но и впервые решал многие новые актуальные вопросы, анализируя всеобщую историю, а также историю славянских народов. Автор особо акцентирует Н.Я. Данилевского как создателя историософской концепции, на многие десятилетия опередившую эпохи.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, славянофилы, О. Шпенглер, А. Тойнби.

Victor V. Aksyuchits, Philosopher, Theologian, Publicist. E-mail: Aksyu1@yandex.ru

Historiosophy of N.Ya. Danilevsky

Abstract. According to the author of the article, N.Ya. Danilevsky anticipated a lot of ideas of the 20th century, in particular those of O. Spengler and A. Toynbee, by offering his concept of cultural and historical types in the book "Russia and Europe". At the same time N.Ya. Danilevsky was in many aspects the follower of Slavophiles while interpreting the originality of Russian people and Russian culture. After the turn of the educated society circles to Russian national self-comprehension initiated by Slavophiles, N.Ya. Danilevsky not only scientifically formulated the problems brought forth by the Slavophiles, but also offered for the first time the resolution of new important questions by analyzing the world history and the history of Slavic peoples. The author especially stresses the role of N.Ya. Danilevsky in creating the historiosophic concept that forestalled the epoch for many decades.

Keywords: N.Ya. Danilevsky, Slavophiles, O. Spengler, A. Toynbee.

Жизненный путь и философия истории Н.Я. Данилевского

Учение о культурно-исторических типах Н.Я. Данилевского стало первым вариантом теории локальных цивилизаций – нового (в сравнении с теорией прогресса) направления в философии истории, представленного также именами О. Шпенглера, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтона и др. В отечественной философской литературе второй половины XX века теория локальных цивилизаций в основном именовалась цивилизационным подходом (в отличие от формационного).

Одновременно Н.Я. Данилевский выступил как консервативный мыслитель, в творчестве которого воплотилась историческая неоднозначность, разновекторность русской консервативной мысли середины и второй половины XIX века, в силу чего отдельные стороны его социально-исторических воззрений могут рассматриваться как в русле консерватизма охранительного, традиционалистского, так и просвещенного, консервативно-либерального.

Различие между этими двумя основными типами консерватизма можно усматривать в том, что в то время как представители консерватизма первого типа последовательно отвергают все главные принципы новоевропейской цивилизации, противопоставляя им социокультурные образцы традиционной цивилизации, сторонники консерватизма второго типа демонстрируют принципиальную приверженность различным вариантам синтеза социокультурных начал традиционного и современного (ноевропейского) типов.

Творческая биография Н.Я. Данилевского

Николай Яковлевич Данилевский (4(16).12.1822 – 7/19.11.1885) – ученый, философ, родоначальник теории локальных цивилизаций, автор теории культурно-исторических типов – первого варианта теории локальных цивилизаций, предшественник О. Шпенглера и А. Тойнби, консервативный мыслитель, православный публицист, практический деятель в области народного хозяйства. Творческая деятельность Данилевского многообразна, в целом ее можно подразделить на литературную (научную и публицистическую) и практическую.

Научные интересы Н.Я. Данилевского распространялись на целый ряд естественнонаучных и гуманитарных дисциплин: ботанику, зоологию, экономику, этнографию, статистику, историю и, естественно, философию истории. В публицистике Данилевского рассматриваются актуальные общественно-политические и религиозные вопросы русской жизни второй половины XIX века.

Николай Яковлевич Данилевский родился 4 декабря (старый стиль) 1822 года в селе Оберец Орловской губернии Ливенского уезда. Его матерью была Дарья Ивановна

Бажов Сергей Иванович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН. E-mail: bazhovsi@mail.ru

Данилевская. Его отец, Яков Иванович, был армейским офицером, командовал гусарским полком, впоследствии в звании генерал-майора командовал бригадой.

В связи с тем, что служба Я.И. Данилевского была связана с постоянными переездами с места на место, его семье тоже приходилось передвигаться вместе с полком. Необходимость частой смены места жительства вынудила Я.И. Данилевского в ранние годы отдать сына в пансион. В 1837 году Н.Я. Данилевский поступил в императорский Царскосельский лицей, где обучался за счет родителей.

Окончив лицей в декабре 1842 года, Данилевский принял, видимо, давно обдуманное решение посвятить себя изучению естественных наук, к которым он, по собственному признанию, с самого детства чувствовал непреодолимую склонность. С новой силой увлечение возобновилось, когда Николай Яковлевич проходил в лицее относительно краткий курс естественных наук. Друг Данилевского П.П. Семенов (будущий знаменитый путешественник П.П. Семенов-Тянь-Шанский) отмечал, что в лицее в своем классе Н.Я. Данилевский был «самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников» [35, с. 180].

Как выпускник лицея Данилевский записался на службу в канцелярию Военного министерства, однако должности никакой не занял. Окончив полный курс лицея, в котором преподавание естественных наук, с точки зрения Данилевского, было недостаточно полным, и «чувствуя горячее влечение к естественным наукам», он, используя предоставленное выпускникам лицея право, записывается вольным слушателем на физико-математический факультет Петербургского университета, где занимается в течение четырех лет (1843–1847). В университете главным предметом своих научных занятий Данилевский избрал ботанику.

Летом, проживая в сельской местности, Н.Я. Данилевский и П.П. Семенов занимались составлением гербариев, а весной 1848 года они предприняли путешествие из Петербурга в Москву в целях сбора коллекции растений и минералов.

Материальное положение Н.Я. Данилевского во время обучения в университете было довольно трудным, он не имел никакого состояния. Некоторую материальную помощь оказывали его родственники, так как родители находились «в стесненных обстоятельствах» и не могли присылать ему деньги. Поэтому Николай Яковлевич был вынужден добывать средства к существованию главным образом литературным трудом – он писал «обширные» и, по мнению П.П. Семенова, «очень дельные» научные статьи, публиковавшиеся в журнале «Отечественные записки». Это стало поводом для знакомства Данилевского с Краевским, который был редактором его статей, а также с другими «литературными деятелями и критиками – Белинским и Валерьяном Майковым». П.П. Семенов отмечает, что они оценили необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию.

Однако Н.Я. Данилевский не полагался на литературный труд как на единственное средство улучшения своего материального положения. Вместе с П.П. Семеновым он составил обстоятельный проект исследования черноземного пространства России, с определением его границ, физическим и химическим анализом почв и исследованием растительности на всем черноземном пространстве. Весь объем работ предполагалось осуществить примерно за три года. Проект, представленный на рассмотрение в Вольно-экономическое общество, заинтересовал его руководство; авторы были избраны в действительные члены общества и получили поручение осуществить разработанный проект исследований.

Н.Я. Данилевский отмечал, что успешным исполнением этого поручения он надеялся «проложить себе дорогу в жизни и доставить себе большие средства к продолжению ученых занятий – принести пользу отечеству и честь себе» [13, с. 325–326]. Однако летом 1849 года, находясь в Тульской губернии вместе с П.П. Семеновым и проводя по поруче-

нию Вольно-экономического общества запланированные исследования, Н.Я. Данилевский был арестован по делу М.В. Буташевича-Петрашевского и заключен в Петропавловскую крепость, где провел более трех месяцев. Причиной ареста было его участие в деятельности кружка М.В. Петрашевского.

Причиной того, что Данилевский стал активным участником заседаний этого кружка, было горячее увлечение учением Ш. Фурье. Петрашевского он знал по лицу, но ближе познакомился позднее, в 1844 году. С Н.А. Спешневым (прототип Николая Ставрогина в романе Ф.М. Достоевского «Бесы») знакомство состоялось в 1848 году. В кружке Н.Я. Данилевский прочел ряд рефератов «о социализме и в особенности о фурьеризме, которым... чрезвычайно увлекался, и развивал свои идеи с необыкновенно увлекательной логикой» [35, с. 197]. По авторитетному мнению Н.А. Спешнева, Данилевский основательнее всех других участников кружка знал фурьеризм.

Арест и стодневное пребывание в крепости, «одинокое, размышления и чтение произвели в нем поразительный переворот». Н.Я. Данилевский не разлучался с Библией, которую читал с «необыкновенным вниманием». «Вспомнил он чистые верования своих первых дней юности, и все признаки его многолетнего атеизма исчезли. Пылкое увлечение теорией Фурье уступило место спокойному анализу социалистических учений. В том из них, которому он сочувствовал, потому что оно исключало всякие насильственные перевороты, он признал прекрасную, но неосуществимую утопию, однако остался верен своим великодушным стремлениям к улучшению быта народных масс и освобождению их от крепостной зависимости» [35, с. 217–218].

Летом 1850 года Н.Я. Данилевский был выслан из Петербурга и направлен в административную ссылку в Вологду, где был зачислен на службу в канцелярию губернатора. Через два года по ходатайству Перовского, бывшего председателя суда по делу М.В. Петрашевского, он был переведен в канцелярию самарского губернатора.

Летом 1853 года Данилевский, будучи членом-сотрудником Русского географического общества, в которое вступил вместе с П.П. Семеновым еще в студенческие годы, был избран Советом общества на должность статистика экспедиции, снаряжавшейся Географическим обществом совместно с Министерством государственных имуществ для исследования состояния рыболовства на Волге и в Каспийском море в техническом, статистическом и естественноисторическом отношениях. Как отмечает автор биографического очерка о Н.Я. Данилевском Н.Н. Страхов, эта командировка определила всю дальнейшую судьбу Николая Яковлевича. По окончании экспедиции, зимой 1857 года, Данилевский был зачислен чиновником, состоящим при департаменте сельского хозяйства, а через год назначен на должность младшего инженера.

В 1858 году Н.Я. Данилевский был выдвинут на должность начальника экспедиции для исследования рыболовства в Белом и Ледовитом морях, которая продолжалась три года. Две упомянутые поездки были самыми дальними из всех, которые он совершил. Во время первой поездки Николай Яковлевич побывал в Персии, на южном берегу Каспийского моря, а во время второй посетил Норвегию.

В 1862 году он ездил на Псковское и Чудское озера для разьяснения жалоб на правила рыболовства. В 1863 году началась самая продолжительная и важная работа Данилевского по рыболовству – он был назначен начальником экспедиции для исследования рыболовства в Черном и Азовском морях, продолжавшейся пять лет.

Н.Я. Данилевский и К.М. Бэр организовали рыбохозяйственную экспедицию, которая работала с 1851 по 1870 год на огромном пространстве от Каспийского и Черного морей до Северного Ледовитого океана, включая многие крупнейшие озера. Результаты экспедиции были изложены в девяти томах под общим заглавием «Исследования о состоянии рыболовства в России (1860–1875)».

В 1870–1871 годах Данилевский работал начальником экспедиции для исследования рыболовства в северо-западных озерах России. В 1872 году он был командирован в Крым как председатель комиссии для составления правил о пользовании проточными водами в Крыму. Работа комиссии затянулась в результате неблагоприятной политической обстановки, связанной с угрозой войны.

В 1879 и 1880 годах Н.Я. Данилевский на протяжении нескольких месяцев замещал находившегося в отпуске директора Никитского ботанического сада. В 1880 году он открыл филоксеру в Крыму и руководил мероприятиями по борьбе с ней.

7 ноября (старый стиль) 1885 года, находясь в командировке для «изучения причин уменьшения рыболовства на озере Гохте», Н.Я. Данилевский умер в Тифлисе от приступа болезни сердца в возрасте 63 лет. Похоронили его в имении Мшатка, в Крыму, недалеко от Ялты.

Главным произведением Н.Я. Данилевского 80-х годов XIX века – последнего этапа его творческой деятельности – стала незавершенная книга «Дарвинизм. Критическое исследование», посвященная исследованию учения Чарльза Дарвина. Во введении к книге Данилевский отмечает, что впервые познакомился с учением Дарвина, находясь в командировке в Норвегии в 1861 году. И с тех пор мысль об этом учении уже не покидала его. Позднее Данилевский познакомился «с оригинальными сочинениями самого Дарвина и с главнейшими сделанными против него замечаниями» [15, с. 23].

В целом он оценивает дарвинизм как «предмет, равному которому нет в области тех вопросов, которыми обуреваются в наши дни мыслящая часть человечества». Вопрос о том, прав Дарвин или нет, является вопросом «первостепенной важности для всякого мало-мальски мыслящего человека». Н.Я. Данилевский подчеркивает: он твердо убежден в том, что «нет другого вопроса, который бы равнялся ему по важности, ни в одной области нашего знания и ни в одной области практической жизни». «Ведь это, в самом деле, вопрос о том, быть или не быть в самом полном и в самом широком смысле». Вопрос, решаемый дарвинизмом, «неизмеримо важнее и всего имущества, и всех благ, и жизни всех нас и всего нашего потомства в совокупности» [15, с. 19].

Поясняя, почему он придает исключительное значение вопросу об истинности дарвинизма, Н.Я. Данилевский отмечал: поскольку дарвинизм «устраняет последние следы того, что принято теперь называть мистицизмом, устраняется даже мистицизм законов природы, мистицизм разумности мироздания. А если разумность, то, конечно, и сам разум, как божественный, так и наш человеческий, устраняется, или является одним из частных случаев нелепости, бессмысленности, случайности, которые и остаются истинными, единственными господами мира и природы» [15, с. 19]. В своей последней книге, привлекая обширный материал из ботаники и зоологии, Данилевский разработал аргументы против учения Дарвина и пришел к заключению, что ему удалось научно опровергнуть дарвинизм.

Основные произведения Н.Я. Данилевского

Хотя полного собрания сочинений Н.Я. Данилевского до сих пор нет, его основные произведения опубликованы и неоднократно переиздавались. Для исследователей творчества Данилевского особое значение имеют его опубликованные работы, поскольку объем архивных материалов мыслителя относительно невелик – это автографы его научных статей и письма. Личный архив Н.Я. Данилевского хранится в Государственной публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге (фонд № 237, Н.Я. Данилевский). Ряд материалов Данилевского находится в Вологодском государственном архиве (фонд № 673, Межаковы).

Главным произведением Данилевского, в котором разработано его философско-историческое учение – теория культурно-исторических типов, оказавшаяся первым вариантом теории локальных цивилизаций – нового направления в философии истории, ставшего альтернативой теории прогресса, а также изложены его консервативные взгляды, стала книга «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому». Крупнейшим произведением последнего периода творчества Н.Я. Данилевского стала незавершенная двухтомная книга «Дарвинизм. Критическое исследование», изданная в 1885–1889 годах Страховым. Для понимания взглядов Н.Я. Данилевского существенное значение имеют его статьи, отобранные и опубликованные в 1890 году Н.Н. Страховым в «Сборнике политических и экономических статей».

Центральная в творчестве Н.Я. Данилевского книга «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому» была написана в 1865–1868 годах и впервые опубликована при содействии Н.Н. Страхова в виде серии статей в журнале «Заря» (1869, № 1–6). Отдельным изданием книга впервые вышла в Санкт-Петербурге в 1871 году, однако с учетом журнальной публикации издание ошибочно было обозначено как второе. В 1888, 1889 и в 1895 годах в Санкт-Петербурге вышли еще три издания книги.

В советские годы произведения Н.Я. Данилевского не переиздавались и практически были преданы забвению. За «железным занавесом» в 1966 году в Нью-Йорке была переиздана на русском «Россия и Европа» с предисловием Ю.Г. Иваска. В 1991 году прерванное почти на столетие переиздание трудов Н.Я. Данилевского на родине было возобновлено С.А. Вайгачёвым. В его основу было положено первое отдельное издание книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В приложении к ней С.А. Вайгачев – составитель, автор послесловия и комментариев – опубликовал три статьи Н.Н. Страхова, посвященные творчеству Данилевского. К сожалению, книга была переиздана с сокращениями и в дальнейшем неоднократно переиздавалась, в том числе и в коммерческих целях. В 1995 году «Россия и Европа» была переиздана в Санкт-Петербурге А.А. Галактионовым с четвертого дореволюционного издания с предисловием и комментариями, выдержанными в академической традиции.

«Сборник политических и экономических статей» Н.Я. Данилевского был переиздан в 1998 году А.В. Ефремовым с предисловием, комментариями и под новым названием «Горе победителям».

Философия истории Н.Я. Данилевского

Обращаясь к генезису теории культурно-исторических типов, в первую очередь следует говорить об эволюции социальных воззрений Данилевского, а также об особенностях его мировоззрения. Увлечшись в студенческие годы учением французского утопического социалиста Ш. Фурье, Данилевский на рубеже 1850–1860-х годов отошел от него и заинтересовался славянофильством. Со временем он пришел к выводу, что учение славянофилов представляет собой выражение требований народного чувства и не содержит убедительных ответов на доводы просвещенного разума. Задача, которую сформулировал Данилевский, заключалась в том, чтобы исследовать проблемы создания самобытной славянской цивилизации и превратить славянофильскую мечту в научно обоснованную теорию. Для понимания дальнейшего хода мысли Данилевского необходимо принять во внимание особенности его мировоззрения и взглядов на науку.

Предпосылки философско-исторического учения Данилевского – сочетание православного мировоззрения ученого, положений философии объективного идеализма, антиэволюционистской философии природы и методологии натурализма. Краеугольным

камнем христианского мировоззрения Данилевского было убеждение в существовании Бога – Творца миробытия. Сотворенное миробытие характеризовалось тремя мировыми сущностями: духом, материей и движением. В качестве мировых сущностей три названных начала бытия носят всеобщий и универсальный характер и пронизывают собой все уровни строения бытия тварного – неорганическую и органическую природу и человеческий мир. Каково соотношение указанных мировых сущностей?

Вслед за последователями Аристотеля Данилевский полагал, что все конкретные составляющие мирового сущего – неорганические, органические и социальные – обладают сходной структурой и состоят из идеального начала (морфологического принципа) или формы и материи (неорганической или органической). Данилевский считал, что возможно научное доказательство существования идеального начала в природе. Только ссылкой на такое начало можно научно объяснить явления целесообразного устройства в органической природе. В этом доказательстве автор «России и Европы» усматривал «фактическую», «положительно-научную точку опоры» для идеализма.

Из всего сложного комплекса представлений православно-христианской традиции – важнейшей составляющей мировоззрения Н.Я. Данилевского – в связи с анализом предпосылок теории культурно-исторических типов необходимо указать на общехристианское представление о действии Промысла в истории. Кроме того, следует указать на восходящее к блаженному Августину учение о борьбе града земного и небесного как о смысле и главном содержании исторического процесса, дополненное православным представлением о католицизме как о духовном явлении, относящемся к категории царства земного.

Антидарвинистская философия природы, метод типологии и натуралистическая установка

Специфика строения органической природы по сравнению с неорганической, обуславливала своеобразие проявления общего онтологического структурного закона. Принципиально важна точка зрения Данилевского на происхождение видов. Ученый полагал, что виды в природе являются самостоятельными и обособленными сущностями, поэтому он не мог признать ключом к пониманию происхождения видов идею общего для органического мира эволюционного закона. В философии природы Данилевский стоял на антиэволюционистских позициях.

Выше уже шла речь о том, что ориентация на учение славянофилов была важнейшим стимулом историософского мышления Данилевского. Подчеркнем лишь, что автор «России и Европы» не может рассматриваться в качестве ортодоксального последователя славянофильства.

Более подробно рассмотрим теоретико-методологические предпосылки теории культурно-исторических типов: метод типологии и принцип отождествления органического социального образования – и начнем с анализа второй из указанных предпосылок. Ориентировавшийся на натуралистическую методологическую парадигму Н.Я. Данилевский считал ее общенаучной. Представление об общенаучном характере натуралистической методологии было широко распространено в европейском научном сообществе XVIII–XIX веков.

Натурализм, который можно определить как перенос понятий и методов наук о природе в науки об обществе, был одним из ведущих принципов европейской просветительской мысли XVII–XVIII веков, в общественных науках он продолжал существовать и в XIX веке, когда возникли его новые разновидности. На смену формам натурализма, основанным на науках о неживой природе, пришли формы, основанные на науках о природе органической.

В рамках такого длительного хронологического диапазона как XVII–XIX века существование натуралистической методологической ориентации не может оцениваться однозначно. Если в XVII–XVIII веках натурализм играл в целом положительную методологическую роль, то в XIX веке, когда учеными-обществоведами стала рассматриваться проблема специфики социально-исторической реальности (как в смысле предмета, так и методологических подходов), ориентация на методологический натурализм стала по преимуществу ограничивать, а не открывать перспективы социологических, исторических и других научных исследований. Главным аргументом против натурализма в социально-исторических исследованиях XIX и XX веков является указание на редуccionистский, игнорирующий предметную и методологическую специфику социально-исторической реальности характер натуралистического подхода.

Говоря об отождествлении органического образования с социальным, то есть о сведении социального качества к органическому, следует отметить, что вследствие такого редуccionистского хода возникает концепция фаз существования социально-органического образования. Это общие фазы цикла органического существования, а также движущих сил социально-органического образования – внутренних (развертывание «генетической» программы) и внешних (взаимодействие «организма» с «окружающей средой»).

Метод типологии также рассматривается автором «России и Европы» преимущественно в натуралистическом контексте. Характеризуя метод типологии, было бы неверно игнорировать связь этого метода с позитивной частью антидарвинистской философии природы Н.Я. Данилевского. Эта связь – одно из важнейших оснований использования Данилевским метода типологии. Одними из первых на эту связь указали соавторы книги «Русская философия IX–XIX вв.» А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров.

Рассуждая абстрактно-логически, можно указать на два типа классификации: эволюционную – распределение классификационных типов в виде совокупности («лестницы» или цепочки) эволюционных ступеней и неэволюционную. Именно второй тип классификации выбирает Данилевский для систематизации явлений органического мира. Основанием такого предпочтения является неэволюционный взгляд на происхождение видов. Как отмечали А.А. Галактионов и П.Ф. Никандров: «Определяющими в организме-мире он [Н.Я. Данилевский – С.Б.] считает не общие законы дискретного целого, а индивидуальные законы отдельных типов-организмов. Поэтому всеобщему закону развития, положенному Дарвином в механизм естественного отбора и видообразования, Данилевский противопоставляет «морфологический принцип», согласно которому виды (типы) органического мира не развиваются посредством превращений и восхождения по ступеням единого процесса совершенствования. Они изменяются только в плоскости собственного существования по собственным имманентным законам, реализующим идеальные жизненные начала. Взаимодействие типов между собой и с внешней средой по существу ничего в них не меняет. По аналогии с этой ложной биологической схемой, вызвавшей протесты специалистов, в том числе К.А. Тимирязева, Данилевский обосновал социологическую теорию, получившую название «теория культурно-исторических типов» [9, с. 426].

Вместе с тем Н.Я. Данилевский указывал на иное основание использования метода типологии. Этот метод в качестве ведущего принципа классификации исторического материала он противопоставлял господствующему, по его оценке, в историографии середины XIX века принципу хронологически-стадиальной «классификации» исторического материала. Это – науковедческое основание, которое включает представление об общих фазах развития научного знания и о месте принципа «естественной классификации» (метода типологии), приходящего на смену принципу искусственной классификации в структуре научного знания. Системы искусственной и естественной классификации объектов науки, по Н.Я. Данилевскому, являются универсальными исследовательскими методами, которые соотносятся между собой как существенные признаки различных – менее и бо-

лее развитой – фаз развития научного знания. Один из исследователей теории культурно-исторических типов, А.И. Голосенко, отмечал, что «требования “естественной системы” оказываются экстраполяцией методов биологической науки, прежде всего метода гомологии, устанавливающего однотипные структурные единицы, несмотря на кажущееся различие функций, форм, внешнего вида и т.п.» [10, с. 231].

В основе искусственной системы классификации явлений науки лежит классификация по признаку степеней развития, то есть осуществляется попытка расположить явления данной науки в виде единой лестницы постепенного совершенствования явлений. В основе же естественной системы, напротив, лежит принцип классификации по типам развития.

Методы искусственной и естественной систем классификации явлений науки Н.Я. Данилевский считал общенаучными. В то же время эти методы являются признаками, на основе которых он устанавливал стадию развития науки: господство естественной системы классификации явлений означает, что данная наука находится на более высокой ступени развития, чем та, в которой господствует искусственная система классификации. Эта концепция внутренних стадий развития носит общенаучный характер, и, исходя из нее, автор «России и Европы» анализировал положение дел в исторической науке и разрабатывал программу ее преобразования.

Для обнаружения общего «всем наукам» хода внутреннего развития, считал Данилевский, целесообразно рассмотреть астрономию, поскольку предмет астрономии, как и ход развития этой науки, достаточно просты и в то же время эта наука достигла «значительной степени совершенства», пройдя через определенное число фаз развития [12, с. 149]. Поворотные пункты развития астрономии обозначены следующими «великими именами: греком Гиппархом, славянином-поляком Коперником, немцем Кеплером и англичанином Ньютоном» [12, с. 150].

Поскольку до Гиппарха астрономы в основном собирали факты и материалы, а известные ученым законы (например, относительно предсказания небесного затмения) были, по существу, не законами, а «формулами и рецептами», составленными не на основании вывода правил из сущности процесса, а на основе «долговременного неосмысленного опыта и наблюдения», в развитии науки – это период собирания материалов [12, с. 150].

Накопление массы фактов приводит к невозможности их обозрения, возникает необходимость свести все в систему. Решающим моментом здесь, по Н.Я. Данилевскому, является выбор принципа систематизации, причем маловероятно, чтобы избранный принцип «прямо сразу соответствовал сам самой природе приводимых в порядок фактов, обнимая собою все представляемые им данные» [12, с. 150]. Следовательно, как правило, первый опыт систематизации приводит к возникновению искусственной системы. Гиппарховский метод и был в астрономии методом искусственной системы.

С именем Николая Коперника связан переход от искусственной системы к естественной, поскольку именно ему удалось поставить «факты науки в их настоящее соотношение» [12, с. 151]. Система Коперника сделала возможными расчеты И. Кеплера. Однако законы Кеплера только связывали ряд явлений, не объясняя их, оставляя эти законы разъединенными, «не вытекающими из одного общего, ясного и понятного уму начала», поэтому Н.Я. Данилевский называет их частными эмпирическими законами [12, с. 151]. Соответственно кеплеровский период развития астрономии является периодом частных эмпирических законов.

Последний период в развитии науки характеризуется Н.Я. Данилевским как период общего рационального закона. Общее начало – притяжение, открытое Ньютоном, объемлет частные законы, объясняя их, однако сущность притяжения в законе Ньютона непонятна.

Данилевский считал, что наука, в своем развитии достигшая периода общего рационального закона, завершена, и никакой переворот в ней невозможен и не нужен [12, с. 152].

Для подтверждения истинности приведенной схемы развития науки Данилевский также рассматривал развитие таких естественных наук как химия, физика, ботаника, зоология и минералогия. При рассмотрении способа анализа развития естественных наук неизменно выясняется, что центральным пунктом схемы фаз развития науки является противопоставление искусственной и естественной систем классификации ее объектов.

Общий переход науки от периода господства систем искусственной классификации объектов науки к естественной начался, по Н.Я. Данилевскому, в ботанике. Хотя А.Л. Жюсье довольно верно выделил семейства растений, расположение этих семейств оставалось «совершенно искусственным», ибо формы растительного царства располагали в виде «лестницы постепенного развития и совершенствования», определяя признаки, служащие показателями совершенства, и с учетом этого выстраивая семейства в линейном порядке, что подрывало «основное начало естественной системы, состоящее в возможно всестороннем изучении и оценке совокупности признаков» [12, с. 152]. Завершил формирование системы естественной классификации Ж. Кювье, который отказался от расположения типов как иерархически взаимосвязанных ступеней лестницы постепенного совершенствования существ.

Конечно, переход от искусственной системы классификации к естественной в ботанике и зоологии в свое время был важным завоеванием научной мысли. Однако Н.Я. Данилевский явно переоценивает значение этого перехода для развития науки в целом. В этой связи справедливо утверждение Г.Д. Чеснокова, одного из исследователей творчества Данилевского, о том, что в его теоретических построениях понятие естественной системы отнюдь «не исключает субъективизма» в оценке истинного характера той или иной научной теории. Характеристика воззрения Н.Я. Данилевского на положение дел в исторической науке будет дана ниже.

Поскольку две основные посылки теории культурно-исторических типов выводятся Данилевским из рассмотренных выше двух последних натуралистических теоретико-методологических предпосылок, вполне закономерно возникает вопрос о содержательной асимметрии между выделенным выше достаточно широким кругом предпосылок теории и утверждением о том, что основные положения теории типов выводятся из двух посылок.

Посылки, образующие теорию культурно-исторических типов, в содержательном плане имеют неодинаковый «удельный вес», то есть степень общности. Так, могут быть выявлены общие, фундаментальные посылки, а также посылки, раскрывающие содержание деталей, частных аспектов теории. Эта содержательно-логическая дифференциация массива положений теории и обусловила порядок рассмотрения посылок теории в направлении от фундаментальных к частным.

Искусственная и естественная системы классификации исторических объектов и европоцентризм

Основные положения теории культурно-исторических типов выводятся из двух утверждений. Первое – система классификации в науке всеобщей истории построена на принципах искусственной системы классификации, главный недостаток которой заключается в неразличении степеней развития исторических объектов от типов их развития.

В концепции стадий развития научного знания Н.Я. Данилевский утверждал, что на определенной стадии развития науки ее прогрессивное движение обуславливается заменой господствующей в данной науке искусственной классификации естественной системой. Применительно же к исторической науке из этого общего положения следовал вывод

о необходимости перехода от представления об историческом процессе как о прогрессивной смене различных его ступеней к модели, постулирующей несколько самостоятельных типов исторического развития, внутри которых было бы возможно и вычленение последовательных степеней или фаз развития.

Второй основной посылкой теории культурно-исторических типов было отождествление любого исторического (или историко-этнического) образования или объекта – культуры, общества, нации, народности, племени и др. – с организмом и присущими ему фазами органического развития.

Теперь от реконструкции предпосылок и генезиса посылок теории типов перейдем к рассмотрению хода мыслей Данилевского, связанного с выдвижением и обоснованием первого из двух указанных положений, из которого выводится первый «логический блок» теории культурно-исторических типов.

Исходным пунктом в выдвижении первой посылки служит разработанная Н.Я. Данилевским общая концепция стадий развития научного знания, в которой утверждается, что один из решающих рубежей этого развития – переход от искусственной классификации научного знания к естественной.

Таково самое общее положение, опираясь на которое Н.Я. Данилевский предпринимает попытку построить теорию культурно-исторических типов – альтернативную по отношению к исторической концепции, ядром которой является теория прогресса (исторической эволюции). Конкретизируя исходное положение, Данилевский ставит вопрос о том, на какой стадии развития находится историческое знание, и предпринимает детальное исследование этого вопроса. Это исследование предполагает сравнение основных принципов реально существующей системы исторического знания с теми принципами, на которых основывается естественная классификация научного знания. Каким же критериям должна отвечать система классификации, для того чтобы соответствовать требованиям естественной системы классификации научного знания?

Основываясь на требованиях «здоровой логики», Данилевский выдвигает три критерия: 1) принцип деления, положенный в основу классификации, «должен обнимать собою всю сферу делимого, входя в нее как наисущественнейший признак»; 2) явления внутри одной группы должны иметь друг с другом больше сходства, чем с явлениями другой группы; 3) требование однородности групп – «степень сходства, соединяющая их членов, должна быть одинаковой в одноименных группах» [12, с. 81].

Переходя к оценке реально существующей системы классификации знания в исторической науке, системы, которая, по Н.Я. Данилевскому, всегда есть не что иное как сокращенное существенное содержание данной науки, автор «России и Европы» находит, что общая группировка всех исторических явлений и фактов в науке всемирной истории «состоит в распределении явлений на периоды древней, средней и новой истории» [12, с. 81].

Оценивая соответствие принятой в исторической науке общей группировки исторических событий первому требованию естественной системы классификации, Данилевский отмечал, что основанием отделения древней истории от истории средних веков является дата падения Западной Римской империи, и ставил вопрос о том, как связана с этим событием история Китая, Индии и других неевропейских стран. Очевидно, что история стран Востока непосредственно не связана с относительно локальной датой падения Западной Римской империи. Отсюда следовал вывод о том, что дата падения Западной Римской империи не составляет «такого принципа деления, который бы обнимал собою всю сферу делимого» [12, с. 81].

По Н.Я. Данилевскому, дело не в том, что неудачно был выбран принцип деления, напротив, принцип деления был выбран «наивозможно лучший», а дело в том, что «во-

обще нет такого события, которое могло бы разделить судьбу всего человечества на какие бы то ни было отделы; ибо до сих пор, собственно говоря, не было ни одного одновременного общечеловеческого события, да, вероятно, никогда и не будет» [12, с. 81].

Второе требование естественной системы классификации тоже, по мнению Н.Я. Данилевского, не соблюдалось в реально существующей системе исторического знания, ибо трудно предположить, чтобы история Греции и Рима имела более «аналогии и связи» с историей Индии и Китая, чем с историей новейшей Европы [12, с. 84].

Однако «вся неверность, вся уродливость системы всемирной истории открывается самым разительным образом по отношению к третьему требованию: чтобы степень сродства была одинакова в одноименных группах того же порядка» [12, с. 84]. Например, в группе древней истории оказались соединены истории Египта, Индии, Китая, Вавилона, Ассирии и других стран, которые проходили через различные стадии исторического развития [12, с. 84]. В то же время ступени развития одного и того же германо-романского племени оказались отнесенными в различные группы – в среднюю и новую историю, которые, по Н.Я. Данилевскому, составляют одну группу.

В чем же усматривается причина такой «несообразной» группировки явлений? Поводом или ближайшей причиной явилась так называемая ошибка перспективы, которая определялась тем, что для историков, которые принадлежали к народам, в среде которых совершались события истории средних и новых веков, эти события представлялись значительными и существенными, все же «остальное человечество и все существовавшие века представлялись им как бы на заднем плане ландшафта, где все отдельные черты сглаживаются и он служит только фоном для первых планов картины» [12, с. 85].

Соответственно этот естественным образом искаженный перспективный взгляд на историю привел к той ошибке, что вся совокупность фазисов развития последовательно или одновременно живших племен, названная историками древнею историей, была поставлена «на одну ступень с каждым из двух фазисов развития одного только племени, как бы третий первоначальный фазис развития этого племени», что и обусловило отождествление судьбы Европы (романо-германского племени) с судьбами всего человечества [12, с. 85]. Таким образом, здесь Н.Я. Данилевский одним из первых в мировой историографии открыл феномен, который позднее был охарактеризован как «европоцентристская установка» в философии истории и культуры.

Вместе с тем Данилевский не ставил себе целью специальный детальный анализ этого феномена. Его вполне устраивало то обстоятельство, что он точно зафиксировал несомненный недостаток, присущий модели истории, столь широко распространенной в европейской историографии середины XIX века. Анализируя характерные черты «ошибки перспективы» или «перспективного обмана», искажившего пропорции и структуру всемирной истории, Н.Я. Данилевский усматривал в указанной ошибке только «повод», заставивший перейти к неверной группировке и вытекающему из нее неверному пониманию исторических явлений.

В качестве же главной причины, обусловившей основной недостаток группировки исторических явлений, рассматривалось отсутствие основного для естественной системы классификации различия степеней развития от типов развития. Подобная ошибка, отмечает Н.Я. Данилевский, была допущена и в ботанике на том этапе ее развития, когда А.Л. Жюсье выделил семейства, то есть группы явлений по степени родства, однако классификация этих семейств оставалась искусственной. Причина этого заключалась в том, что ученые представляли себе «формы растительного царства расположенными в виде лестницы постепенного развития и совершенствования», основанной на выделении нескольких признаков, которые служили «мерилом совершенства», и определяли порядок расположения семейств в пределах «лестницы постепенного развития». Подрывалось основное

начало естественной системы, состоящее в «возможно всестороннем изучении и оценке совокупности признаков». Поэтому Ж. Кювье, столкнувшись с аналогичными проблемами в зоологии при изучении низших животных, выделил типы организации [12, с. 91].

Здесь следует отметить, что применительно к проблематике, касающейся выделения признаков, значимых для описания данного объекта (объектов), явно недостаточно ограничиваться указанием на то, что рассмотрение и учет более широкой совокупности признаков предпочтителен по сравнению с аналитическими операциями с одним или несколькими признаками. Следует учитывать, что признаки могут различаться по степени существенности, а применительно к ситуации противопоставления одного существенного признака целой совокупности несущественных (в каком-либо отношении) признаков не может быть использована логика количественного преимущества.

«Эти типы организации, – отмечал Н.Я. Данилевский, – не суть степени развития в лестнице постепенного совершенствования существ (ступени, так сказать, иерархически подчиненные одна другой), а совершенно различные планы, в которых своеобразными путями достигается доступное для этих существ разнообразие и совершенство форм, – планы, собственно говоря, не имеющие общего знаменателя, через подведение под который можно было бы производить между существами (разных типов) сравнения для определения степени их совершенства. Это, собственно говоря, величины несоизмеримые» [12, с. 87]. Поясняя значение типов организации, Н.Я. Данилевский отмечает, что «они соответствуют не частям какого-либо здания, построенного в одном стиле (цоколю, колоннаде, архитраву, круглой башне, куполу, главе какого-нибудь храма), а совершенно различным архитектурным стилям: готическому, греческому, египетскому, византийскому и т.д.» [12, с. 87]. Об архитектурных стилях нельзя сказать, что они служат ступенями в развитии архитектуры [12, с. 87].

Итак, выявление существенного недостатка, свойственного группировке исторических явлений, заключающегося в неразличении степеней развития от типов развития, обуславливает необходимость введения новой системы классификации в исторической науке. Только применение такой концептуальной формы, как естественная система классификации, способно адекватно отразить богатство «форм исторической жизни человечества» [12, с. 88]. Таким образом, заключает Н.Я. Данилевский, формы исторической жизни человечества «как формы растительного и животного мира, как формы человеческого искусства (стили архитектуры, школы живописи), как формы языков (односложные, приставочные, сгибающиеся), как проявления самого духа, стремящегося осуществить типы добра, истины, красоты (которые вполне самостоятельны и не могут же почитаться один развитием другого), не только изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам» [12, с. 88].

Выше уже отмечалось, что содержанием второй посылки теории культурно-исторических типов было отождествление любого исторического образования (общества, нации и др.) с организмом, которому присущи фазы органического развития. Именно с этой точки зрения решается вопрос о содержании таких периодов как древняя, средняя и новая история.

Автор «России и Европы» указывал, что все исторические племена, в какой бы стране они ни жили, – в Риме, Греции, Индии или Египте, «имели свою древнюю, свою среднюю и свою новую историю, то есть, как все органическое, имели свои фазисы развития, хотя, конечно, нет никакой надобности, чтоб их насчитывалось непременно три, ни более, ни менее» [12, с. 85]. В жизни исторических племен, подобно тому, как и в жизни человека, можно насчитывать различное количество периодов или фаз существования, в зависимости от характера их развития, а также точки зрения историка [12, с. 85]. Соответственно формы исторической жизни разнообразятся по культурно-историческим типам и являются органическими образованиями, которым присущи фазы органического развития.

Таким образом, вводится центральное понятие теории культурно-исторических типов – понятие культурно-исторического типа как типа развития и органического образования. Введение в исторической науке подчинения степеней развития типам развития, по мнению Н.Я. Данилевского, имеет так же то преимущество, что «избавляет от необходимости прибегать к помощи ни на чем не основанных гипотез о той точке пути, на которой в тот или другой момент находилось человечество» [12, с. 90].

Кроме того, выделение культурно-исторических типов с определенными фазами или «возрастами» развития открывает, по мнению создателя теории культурно-исторических типов, возможность прогнозирования будущих стадий развития данных типов. В рамках теории культурно-исторических типов эта прогностическая возможность реализуется в отношении двух типов – романо-германского и славянского.

Итак, Н.Я. Данилевский избрал вариант изображения генезиса теории культурно-исторических типов в контексте обсуждения вопроса о степени соответствия широко распространенной в исторической науке системы классификации (древний мир – средние века – новое время) логическим требованиям, предъявляемым к естественной системе классификации. Конечно, то обстоятельство, что на первом плане при изображении генезиса теории типов оказалась проблема классификации, не случайно, достаточно напомнить о том, что, по Н.Я. Данилевскому, существо достигнутого в любой науке в полной мере отражается в принятой в данной науке системе классификации. Это свидетельствует о принципиальном значении «классификационно-центристской» установки в методологии Н.Я. Данилевского. Понимание специфики представлений о роли классификации в развитии научного знания, как отмечалось, возможно, лишь в рамках рассмотрения разработанного им представления об общих фазах эволюции научного мышления.

Необходимо отметить, что центральная для Н.Я. Данилевского (в плане анализа генезиса теории типов) проблема анализа системы периодизации исторического процесса может быть рассмотрена иным образом. В самом деле, если выйти за пределы предлагаемой Данилевским методологической перспективы, характеризующейся классификационной доминантой, то проблему исторической периодизации можно интерпретировать не как вопрос классификации, а как проблему хронологии, хронологического членения. Основное различие между этими вариантами интерпретации состоит в том, что классификация основывается на принципе логического деления понятий, хронологическое же деление описывается совершенно другим принципом – а именно принципом деления целого на части.

Итак, классификация основывается на принципе логического деления понятий, в то время как выделение последовательности хронологических интервалов может рассматриваться как операция деления целого на части. Если же историческая периодизация основывается на втором принципе, то рассмотрение схемы периодизации на предмет соответствия основным требованиям, предъявляемым к естественной системе классификации, является ничем иным как ошибочной интерпретацией.

Другой использованный Н.Я. Данилевским ход – проведение аналогии между ситуацией в историографии XIX века и положением в ботанике и зоологии в период смены в этих науках типов классификации. Использованная автором «России и Европы» аналогия показывала, что ход научного развития идет по пути смены эволюционной классификации неэволюционной типологической.

Несмотря на то, что в целом Данилевский исходил из чуждой науке второй половины XIX века (а также во многом и духу современной науки) антиэволюционистской установки, ему удалось получить целый ряд частных, но тем не менее важных научных результатов. Интересные научные результаты удалось получить именно благодаря определенной новизне неэволюционного подхода в эпоху торжества эволюционной парадигмы с той суще-

ственной оговоркой, что неэволюционная установка была применена в новой области, то есть вне рамок традиционного спора эволюционистов и антиэволюционистов в биологии, так как этот спор уже был в деталях концептуализирован. В самом деле, когда Н.Я. Данилевский выступил с антиэволюционистской аргументацией против учения Ч. Дарвина, этот труд не получил широкого признания, поскольку лишь суммировал и повторял аргументы и концептуальные положения, уже высказанные в споре биологов-эволюционистов с антиэволюционистами. Выход за пределы наработанных стереотипов в области исторического сознания, во многом структурированного эволюционно-прогрессивистской парадигмой, позволил Н.Я. Данилевскому поставить ряд новых проблем, по-новому взглянуть на известные факты.

Анализ изображения Данилевским генезиса теории культурно-исторических типов показывает, что наряду с проблематикой типов классификации предметом рассмотрения были также вопросы, непосредственно связанные с поиском более адекватных по сравнению с существующими форм описания движения всемирной истории, которые, однако, при изображении генезиса теории не фигурировали на первом плане. В первую очередь здесь следует говорить об открытии европоцентристской установки. Поэтому предположение о том, что размышлениям Н.Я. Данилевского присуще принципиальное противопоставление эмпирического и теоретического уровней научной рефлексии, не выдерживает критической проверки. Кроме того, вспомним, что одним из оснований для использования в научном мышлении схемы естественной классификации было стремление усовершенствовать методы анализа явлений, а именно использовать концептуальные средства, позволяющие учитывать не единственный существенный признак, а целую их совокупность. Может быть зафиксирована лишь определенная познавательная ограниченность базовых схем, на основе которых совершался переход от эмпирического к теоретическому описанию предмета. Преодоление такой ограниченности происходит в процессе развития научного знания.

Отметим, что в отличие от Н.Я. Данилевского, руководствовавшегося своей «классификационно-центристской» методологической установкой, О. Шпенглер в качестве главного основания для отказа от традиционной трехчленной схемы периодизации исторического процесса рассматривал необходимость преодоления европоцентристской установки.

Что касается принципиальной оценки разработанного Н.Я. Данилевским понятия культурно-исторического типа, то здесь следует указать на два момента. В первую очередь отметим позитивное значение трактовки исторической реальности как образованной совокупностью различных цивилизаций. Вместе с тем нельзя не признать ошибочным априорное отождествление самобытных типов развития (то есть культурно-исторических типов) с историческими индивидуумами, которыми на уровне эмпирического описания являются реально существовавшие исторические цивилизации, равно как и трактовку цивилизации в качестве органического образования. Эти ошибки имеют принципиальное значение для оценки теории культурно-исторических типов.

Утверждение о тождестве типов развития с эмпирически зафиксированными историческими индивидуумами – цивилизациями, по сути дела, априори превращает все цивилизации в самобытные типы развития. Это ошибочное превращение дискретных исторических индивидуумов – цивилизаций – в своеобразные типы развития можно назвать ошибкой отождествления явления и сущности. В самом деле, до проведения сравнительно-типологического изучения какого-либо множества исторических индивидуумов – цивилизаций – невозможно говорить об их типологической специфике. Только после упомянутого исследования исторические индивидуумы – цивилизации – могут быть отнесены к одному или к нескольким типам.

Предваряя переход к реконструкции и рассмотрению основного содержания теории культурно-исторических типов, следует отметить, что на основе анализа логической структуры теории могут быть выделены несколько содержательных блоков, которые хотя и включаются традиционно в рамки целого – теории типов, представляют собой относительно автономные в структурно-логическом смысле образования.

В структурно-логическом плане теория типов может рассматриваться в качестве совокупности, с одной стороны, определенных посылок теории и дедуктивных следствий из них, а с другой – дополнительных посылок, которые, соответственно, не выводятся из ранее установленных (и в этом смысле логически автономны), а также дедуктивных следствий из дополнительных посылок. Рассматривая в общем плане результаты структурно-логической дифференциации содержания теории типов, следует отметить, что введение в состав теории в неявной форме (то есть в недифференцированном виде, с точки зрения общей дедуктивно-логической композиции теории, а так же без систематического добавочного эмпирического обоснования) дополнительных посылок может быть истолковано как стремление воспроизвести на теоретическом уровне (во многом путем «фактического полагания») сформировавшегося вне и помимо систематически осуществленной научно-теоретической рефлексии содержательного образа или моделей предметной области, которая становится, как в данном случае, объектом разнокачественного, то есть теоретического и внетеоретического, описания.

Было бы неверно однозначно утверждать, что в данном случае применительно к строго определенным относительно частным аспектам теории речь идет о намеренной имитации научно-теоретической рефлексии. Скорее всего, ситуация сложнее, и наряду с психологически объяснимым для творца теории нежеланием углубляться в рефлексию по поводу некоторых частных проблематических моментов в его собственных конструкциях (что, как подсказывает интуиция, чревато перспективой радикальной перестройки уже выстроенного концептуального здания) здесь имеют место методологические затруднения, порожденные натуралистическим стремлением представить «должное» непременно в качестве доказанного с естественнонаучной достоверностью.

Первый структурно-логический блок теории типов – это комплекс, включающий понятие культурно-исторического типа как основной структуры исторического бытия, как определенной социально-стадиальной структуры (цивилизации) и как органического образования. Второй блок – это так называемые законы исторического развития культурно-исторических типов. Только частично эти законы конкретизируют ранее установленные положения теории типов (например, пятый закон). Большой частью они представляют собой формулировки положений, однозначно дедуктивно не связанные с ранее установленными посылками, а следовательно, нуждающиеся в дополнительном эмпирическом обосновании и согласовании с ранее установленными положениями (законы первый – четвертый). Третий блок – это представление о содержательных особенностях германо-романского и славянского культурно-исторических типов. Упомянутые особенности большей частью не вытекают из общих представлений о структуре и динамике культурно-исторических типов, соответственно, они вводятся независимо от общих положений теории типов. Это относится к проведенному Н.Я. Данилевским анализу культурно-исторических особенностей народов (включая, в частности, характеристику «психического строя» и др.) двух указанных культурно-исторических типов. Предпосылки, определившие генезис указанных представлений, во многом были заимствованы Н.Я. Данилевским у славянофилов. Четвертый из упомянутых структурно-логических блоков теории типов включает комплекс историософских представлений о божественном измерении исторического процесса. В рамках дальнейшего рассмотрения теории типов будут последовательно рассмотрены все выделенные структурно-логические блоки теории.

Культурно-исторические типы

Сформулировав центральное понятие теории культурно-исторических типов, автор «России и Европы» получил возможность развить и новый взгляд на исторический процесс. Вопреки философско-историческим доктринам, представившим историю как процесс восхождения человечества по ступеням исторического прогресса, русский философ видел в истории совокупность «биографий» отдельных культурно-исторических типов. Кроме того, на смену идее единого человечества выдвигается идея множественности культурно-исторических типов. Таким образом, в сущности, в двух вышеуказанных положениях относительно содержания исторического процесса и понятия человечества сформулированы основные положения теории культурно-исторических типов.

Свою теорию Н.Я. Данилевский развивает в нескольких направлениях. Во-первых, решается задача выделения из совокупности исторических явлений самобытных культурно-исторических типов, а также характеризуются другие образования, которые входят в круг исторических явлений. Во-вторых, он устанавливает законы исторического движения культурно-исторических типов. Кроме того, формулируется концепция прогресса, а также вводится различие культурно-исторических типов по признакам количества и характера разрядов (или основ) культурной деятельности.

Как же решается задача выделения культурно-исторических типов, совокупность «биографий» которых составляет основное содержание всемирной истории? Типы эти, отмечает Н.Я. Данилевский, общеизвестны, но не были выделены, так как вопреки требованиям естественной системы классификации им не придавалось «первостепенного значения», ибо группировка исторических явлений опиралась на «произвольное» и «совершенно нерациональное деление по степеням развития».

Из указанных предпосылок: славянофильский интерес к самобытным началам народной жизни, антиэволюционизм, понимание социальных организмов как органических, метод типологии – и выводятся основные положения теории культурно-исторических типов. Главное же из них заключается в утверждении, что вопреки широко распространенному представлению об истории как об эволюционно-стадиальном движении единого человечества она представляет собой совокупность «биографий» самобытных и независимых культурно-исторических типов (цивилизаций). По Данилевскому, в общем плане культурно-исторический тип состоит из идеальной формы и органической материи. В качестве специфической основы культурно-исторического типа выступают самобытные начала, проявляющиеся в сфере народности и не передающиеся другим культурно-историческим типам. Поскольку культурно-исторический тип – органическое образование, его эволюция заключается в прохождении фаз жизненного цикла от рождения до старости и смерти. Одновременно для культурно-исторического типа возможна и культурная эволюция в направлении от первоначального этнографического состояния народа к государственному и цивилизованному.

Автор «России и Европы» насчитывает десять «полноценных» культурно-исторических типов: 1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонско-финикийский, халдейский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, 10) германо-романский, или европейский, и два американских типа – мексиканский и перуанский, погибшие «насильственной смертью» до завершения цикла развития [12, с. 91]. Всесторонне Н.Я. Данилевский анализирует только два культурно-исторических типа – германо-романский и славянский.

Народы, составлявшие перечисленные культурно-исторические типы, характеризуются как «положительные деятели в истории человечества», ибо только им было суждено развивать «самостоятельным путем» начало, «заклучавшееся как в особенностях его

духовной природы, так и в особенностях внешних условий жизни, в которые они были поставлены, и этим вносили свой вклад в общую сокровищницу» [12, с. 91].

Но исчерпывается ли содержание всемирной истории совокупностью биографии указанных культурно-исторических типов? По Данилевскому, на долю народа могут выпасть только три возможности – быть либо положительным деятелем истории человечества, либо отрицательным, либо этнографическим материалом. Соответственно эти три категории и исчерпывают круг явлений истории человечества.

Пять законов культурно-исторического развития

Н.Я. Данилевский выделяет пять законов культурно-исторического движения, или законов исторического развития. В первом законе определяется критерий для выделения самобытного культурно-исторического типа – языковое родство, однако только для того племени, которое «по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло из младенчества» [12, с. 95]. Второй закон устанавливает, что условием развития цивилизации данного культурно-исторического типа является политическая независимость. С одной стороны, принцип политической независимости желателен в момент зарождения и развития культурно-исторического типа, с другой стороны, до известного периода цивилизация способна развиваться и не обладая ею. Как показывает пример Древней Греции, цивилизация может существовать некоторое время и после потери политической независимости. Н.Я. Данилевский не считал возможной передачу начал цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Формулировка этого положения и составляет третий закон исторического развития. Очевидно, создатель теории культурно-исторических типов стремился обосновать невозможность передачи начал европейской цивилизации – русской. Вместе с тем полностью не исключалась возможность влияния цивилизаций друг на друга. Однако передаваться может лишь то, что находится «вне сферы народности», то есть «выводы и методы положительной науки, технические приемы усовершенствования искусств и промышленности» [12, с. 105].

По Н.Я. Данилевскому, существуют три типа преемственных связей – «колонизация», «прививка» и «удобрение». Первый способ распространения преемственных связей – простейший: «пересадка с одного места на другое посредством цивилизации», то есть механический перенос культуры с одной почвы на другую [12, с. 103]. Прививка культуры обращает дичка в средство для «лелеемого» черенка. Н.Я. Данилевский считает, что «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», и отрицательно относится к попыткам навязывания самобытной культуре чуждых ей начал [12, с. 104]. В первую очередь имеется в виду опыт петровских преобразований – реформы были попыткой привить России чуждые ей начала и к положительным результатам не привели. Третий тип преемственных связей носит позитивный характер – это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого сравнимо с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм» или влиянием «улучшенного питания на организм животный», именно таким было влияние Греции и Рима на романо-германскую Европу [12, с. 105].

В четвертом законе исторического развития утверждается, что культурно-исторический тип «только тогда достигнет полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразные этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим телом, пользуются независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств» [12, с. 95]. В пятом законе цикл развития культурно-исторического типа «уподобляется тем многолетним одноплотным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжительным, но период цветения и плодоношения относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу» [12, с. 96]. Рас-

крывая специфику фаз органического роста в процессе развития культурно-исторического типа, автор «России и Европы» использует примеры из ботаники, что типично в целом для всей книги.

Изучение истории показывает, что культурно-исторические типы развивают различные стороны культурной и общественной жизни. Так греки развили идею красоты, европейские народы двинулись по пути «аналитического изучения природы и создали положительную науку», «высшие религиозные идеи были созданы семитическими племенами» [12, с. 116]. Эти соображения резюмируются в определении прогресса, который «состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях» [12, с. 90].

Еще один содержательный элемент рассматриваемой теории – классификация культурно-исторических типов по признаку количества «основ» или «разрядов» культурной деятельности. Поскольку Н.Я. Данилевский выделял четыре разряда культурной деятельности – религиозную, культурную, политическую и общественно-экономическую, то культурно-исторические типы, в зависимости от тех разрядов или основ, которые в них более развиты, могут быть одно-, двух-, трех- и четырехосновными. Большинство культурно-исторических типов, существовавших в истории человечества, характеризуются как одноосновные. Двухосновным является германо-романский культурно-исторический тип, четырехосновным – будущий славянский тип.

Сравнительная характеристика романо-германского и славянского культурно-исторических типов

Следует указать и на трактовку Н.Я. Данилевским содержательных характеристик германо-романского и славянского культурно-исторических типов. Основную черту, присущую всем народам романо-германского типа, Н.Я. Данилевский усматривает в «насильственности». Насильственность – это «чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить, волею или неволею, как неравноправный ему» [12, с. 191]. В политике и общественной жизни «насильственность» проявляется в аристократизме, угнетении народностей, стремлении к безграничной свободе, политической раздробленности. В религии «насильственность» европейских народов проявляется в религиозной нетерпимости, либо в отрицании всяких авторитетов. Вместе с тем у такого «психического строя» есть и свои хорошие стороны – «настойчивый образ действий, крепкая защита своих прав и т.д.», но в основном «насильственность» – черта негативная [12, с. 191].

Анализируя особенности «исторического воспитания» европейцев, Н.Я. Данилевский приходит к выводу, что индивидуальная свобода «составляет принцип европейской цивилизации; не терпя внешнего ограничения, она может только сама себя ограничивать» [12, с. 255]. Из этого возникает принцип «народного верховенства», предполагающий установление демократической конституции государства. Данилевский скептически оценивает возможности демократии. Аргументы, которые он выдвигает против принципа демократического устройства государственной и общественной жизни, сводятся к утверждению, что «хотя демократия, всеобщая подача голосов, означает владычество всех, но, в сущности, она значит также точно владычество некоторых, как и аристократия»; во-вторых, демократия обуславливает кризисную нестабильность общества, чреватого революцией, военной диктатурой, и т.д. [12, с. 255].

Если главной чертой «психического склада» народов романо-германского культурно-исторического типа является «насильственность», то главная особенность

славянско-русского характера, по Н.Я. Данилевскому, – «терпимость», «прирожденная гуманность» [12, с. 201]. Из констатации этой основной черты русского национального типа следует ряд выводов. Во-первых, если в странах Западной Европы каждый интерес «представляется партией, и борьба этих партий составляет историческую жизнь как новой Европы, так, кажется мне, и древних Рима и Греции», то, напротив, «не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело обхватывающее его, когда настанет время для его внешнего практического обнаружения и осуществления» [12, с. 208]. Принцип партийного деления привнесен в русское общество извне, в нем самом он возникнуть не мог. Другой вывод, который следует из указанной особенности развития русского народа, «состоит в огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным» [12, с. 210].

Наряду с анализом положительных черт, присущих русскому народу, подвергается критике отрицательная черта русской жизни – «европейничание», которое оценивается как болезнь русской жизни, заключающаяся в искажении народного быта иностранными формами, заимствовании иностранных учреждений и стремлении смотреть на политику сквозь «европейские очки». Изменение форм быта привело к расколу русского народа на два слоя – «низший слой остался русским, высший сделался европейским – европейским до неотличимости» [12, с. 296]. Этот раскол породил не только унижение народного духа, но и недоверие низшего слоя к высшему. Нигилизм, аристократизм, демократизм и конституционализм Н.Я. Данилевский считал только частными проявлениями «европейничания», общим видом его было признание европейского общественного мнения судьей России [12, с. 317]. «Европейничание» содержит в себе симптомы болезни, «которую можно назвать слабостью и немощью народного духа в высших образованных слоях русского общества». Значение этой болезни для русской национальной судьбы исключительно велико, ибо болезнь эта «в целом препятствует осуществлению великих судеб русского народа, и может, наконец (несмотря на все видимое государственное могущество), иссушив самобытный родник народного духа, лишит историческую жизнь русского народа внутренней жидкительной силы, а, следовательно, сделать бесполезным, излишним самое его существование» [12, с. 323].

Какими же средствами можно излечить болезнь, которая угрожает историческому существованию русской нации? Средством этим является решение восточного вопроса. Восточный вопрос является продолжением древневосточного вопроса, заключавшегося в «борьбе римского типа с греческим», в современное Н.Я. Данилевскому время он трансформировался в борьбу германо-романского и славянского типов. Автор «России и Европы» отмечает, что восточный вопрос вступил в третий период, содержанием которого должен стать «отпор Востока – Западу», славяно-греческого мира миру германскому.

Истинное решение восточного вопроса, элементами которого являются конфликт России с Турцией и неполноправное положение славян в Австрии, возможно лишь в рамках всеславянской федерации с центром в Константинополе (Царьграде). Именно всеславянский союз есть «единственная твердая почва, на которой может возрасти самобытная славянская культура», – этот вывод Н.Я. Данилевский называет «главным выводом» всего исследования. Автор «России и Европы» считает неизбежным военное столкновение с Европой при решении восточного вопроса, то есть «из-за свободы, независимости Славян, из-за обладания Цареградом», а на знамени борьбы славянских народов с Европой должно быть начертано – православие, славянство, крестьянский надел.

Будущее славянского культурно-исторического типа

Каким же представлялся Н.Я. Данилевскому будущий славянский культурно-исторический тип под углом зрения четырех основных разрядов культурной деятельности? В поисках ответа на этот вопрос автор «России и Европы» рассматривает задатки еще только начинающейся культурно-исторической жизни этого типа. В сфере религиозной значение деятельности русских велико, так как религия составляла господствующее содержание древнерусской жизни и в настоящее время в ней же заключается преобладающий духовный интерес простых людей. Кроме того, русские и греки – хранители православия и продолжатели «великого дела – быть народами богоизбранными». Таким образом, религиозная сторона культурной деятельности составляет принадлежность славянского культурного типа. В области политической славяне также продемонстрировали успехи. Вторая сторона вопроса о политических способностях славян – способен ли русский народ к свободе? Ответ Н.Я. Данилевского положительный – русский народ и русское общество могут выдержать «всякую дозу свободы». Однако особые надежды Данилевский связывал с деятельностью русских в области общественно-экономической. Дело в том, что «Россия составляет единственное обширное государство, имеющее под ногами твердую почву, в котором нет обезземеленной массы», превосходство русского общественного строя над европейским заключается в крестьянском наделе и общинном землевладении. Это и позволит в будущем установить «не отвлеченную только правомерность в отношениях граждан, но реальную и конкретную».

Незначительные по сравнению с греческим и германо-романским культурно-историческими типами успехи русских и других славянских народов в науке и искусстве Н.Я. Данилевский объясняет сравнительной молодостью этих народов (моложе германских на четыре столетия), а также тем, что большая часть сил до сих пор поглощалась государственной деятельностью. И хотя народное образование не успело еще охватить народные массы, уже есть признаки, свидетельствующие о больших возможностях русских в сфере культуры в узком смысле. Данилевский предполагал, что славянский культурно-исторический тип впервые в истории представит синтез всех сторон культурной деятельности и будет первым из четырех – основным культурно-историческим типом, в котором особенно оригинальной чертой должно быть впервые найденное удовлетворительное решение общественно-экономической задачи.

Завершая размышления о будущем славянского культурно-исторического типа, Н.Я. Данилевский отмечал: «Главный поток всемирной истории начинается двумя источниками на берегах древнего Нила. Один, небесный, божественный, через Иерусалим и Царьград, достигает в невозмущенной чистоте до Киева и Москвы; – другой, земной, человеческий, в свою очередь, делящийся на два главных русла культуры и политики – течет мимо Афин, Александрии, Рима, – в страны Европы. На Русской земле пробивается новый ключ справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства. На обширных равнинах Славянства должны слиться все эти потоки в один обширный водоем» [12, с. 327].

Идейное наследие Н.Я. Данилевского в научной и философской мысли второй половины XIX – начала XXI века

Первые публикации книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» вызвали полемику среди современников, разделившихся на его сторонников и противников. Эти споры и положили начало формированию историографической традиции изучения жизни, творчества, идейного наследия мыслителя. Кроме того, идеи Данилевского оказали существенное вли-

яние на творчество крупных отечественных мыслителей – К.Н. Леонтьева (1831–1891) и Н.С. Трубецкого (1890–1938). Несмотря на то, что в этом подразделе объединены краткие сведения об исследователях творчества Н.Я. Данилевского и о его последователях, развивших собственные социально-исторические учения, понятно, что нужно ясно различать особенности и масштабы творчества исследователей и авторов философских учений.

В качестве наиболее активного сторонника учения Н.Я. Данилевского в 1870-х годах выступил Н.Н. Страхов (1828–1896) – философ, один из идеологов почвенничества, литературный критик. Страхов родился в семье священника, окончил Костромскую духовную семинарию. Первоначально планировал продолжить духовное образование, однако позднее увлекся естественными науками и поступил на физико-математическое отделение Петербургского университета. Впоследствии работал преподавателем в Главном педагогическом институте. В 1857 году защитил магистерскую диссертацию на тему: «О костях запястья млекопитающих».

В первой половине 60-х годов XIX века Страхов сблизился с почвенниками, начал сотрудничать в журналах Ф.М. и М.М. Достоевских «Время», «Эпоха», а впоследствии и в журнале «Заря», в котором впервые опубликовал в виде серии журнальных статей книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В период сотрудничества в журналах братьев Достоевских Страхов вел активную полемику с «Современником», исходя из идеи о самобытном пути развития России, отстаивал тезис о необходимости преодоления влияния Запада и развития самобытных «органических» начал русской жизни, ибо только на этой основе, по Н.Н. Страхову, было возможно дальнейшее прогрессивное развитие России. В своих статьях он обосновывал также и специфически почвеннические положения, например, о необходимости для интеллигенции слияния с «почвой», то есть сближения с народом и др.

В философии Страхов был сторонником объективного идеализма. Он сам указывал на два источника своего философского мировоззрения – естественные науки и учение Г.В.Ф. Гегеля. Свои философские взгляды он развил в книгах «Мир как целое. Черты из науки о природе» (1872), «Опыт систематического изложения начальных оснований философии» (1888), «Об основных понятиях психологии и философии» (1894). Н.Н. Страхов неоднократно организовывал переиздание книги «Россия и Европа» и других произведений Н.Я. Данилевского, был автором предисловий и положительных рецензий. В предисловии к «России и Европе» Страхов включил свою рецензию, ранее, в марте 1871 года, опубликованную в журнале «Заря». С рецензией ознакомился Н.Я. Данилевский и отметил, что все в ней «удивительно верно и точно».

По мнению Н.Н. Страхова, книгу «Россия и Европа» «следует отнести к той школе нашей литературы, которая называется славянофильской, ибо эта книга основана на мысли о духовной самобытности Славянского мира» [40, с. XX]. Поскольку книга «глубоко и полно» обнимает вопрос о духовной самобытности славянского мира, то «ее можно назвать целым катехизисом или кодексом славянофильства» [40, с. XX]. Эта оценка часто приводится в исследовательской литературе. Н.Н. Страхов подчеркивал «завершающее и представительное» значение книги и высказывал предположение, что «со временем Н.Я. Данилевский будет считаться славянофилом по преимуществу, кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» [40, с. XX]. По книге «Россия и Европа», отмечает Страхов, «можно изучать славянофильство каждому, кто его желает изучать» [40, с. XXI].

В связи с тем, что учение Н.Я. Данилевского причисляется Страховым к категории славянофильских, возникает вопрос о том, какими общими со славянофильством чертами, а также особенностями оно обладает. Характеризуя основные компоненты учения Данилевского, Страхов особенно подчеркивал значение теории культурно-исторических типов и выдвигал ее на первый план. В такой интерпретации учение Н.Я. Данилевского, изло-

женное в книге «Россия и Европа», оценивалось как «строго научное», «имеющее целью добыть истину относительно основных начал, на которых должна строиться наука истории» [40, с. XXIII].

Кроме того, с этой точки зрения, отношения между Россией и Европой, славянским и германо-романскими мирами «суть не более как частный случай, – пример, поясняющий общую теорию» [40, с. XXIII]. Выдвижение на первый план теории культурно-исторических типов вполне оправдано, учитывая, что это наиболее оригинальная и значимая в научном отношении сторона социально-философского мировоззрения Н.Я. Данилевского. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что сам Данилевский главное внимание уделял проблемам, связанным с различными аспектами формирования славянского культурно-исторического типа.

Из семнадцати глав, составляющих книгу «Россия и Европа», только в трех главах: четвертой – «Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой?», пятой – «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения и развития» и семнадцатой – «Славянский культурно-исторический тип (вместо заключения)» – непосредственно рассматривается проблематика теории культурно-исторических типов. Остальные пятнадцать глав посвящены различным аспектам проблемы политических и культурных взаимоотношений России и Европы.

Н.Н. Страхов отмечал, что «главная мысль» Данилевского «чрезвычайно» оригинальна и интересна, ибо он дал «новую формулу для построения истории, формулу гораздо более широкую, чем прежние», и соответственно более справедливую и более научную [40, с. XXIII]. Данилевский, отмечал Страхов, «отверг единую нить в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс некоторого общего разума, некоторой общей цивилизации», ибо такой цивилизации, по Н.Я. Данилевскому, не существует, а существуют только частные цивилизации, развитие отдельных культурно-исторических типов [40, с. XXIV].

Отмечая, что теория культурно-исторических типов есть «исходная точка зрения, которая развита в «России и Европе», Страхов указывал, что те славянофильские положения и выводы, к которым пришел Н.Я. Данилевский, опираясь на эту теорию, «приобрели совершенно новый вид, получили новую доказательность, которой, очевидно, не могли иметь, пока не существовали начала, в первый раз указанные в этой книге» [40, с. XXV]. Страхов подчеркивает, что автор «России и Европы» «нигде не опирается на славянофильские учения, как на что-нибудь уже добытое и доказанное», а развивает «исключительно свои собственные мысли и основывает их на своих собственных началах» [40, с. XXIII].

Данилевский отчасти сам указал на свое отношение к славянофилам: «Учение славянофилов было не чуждо оттенка гуманитарности, что, впрочем, иначе не могло быть, потому что оно имело двоякий источник: германскую философию, к которой оно относилось только с большим пониманием и большей свободой, чем его противники, и изучение начал русской и вообще славянской жизни – в религиозном, историческом, поэтическом и бытовом отношениях. Если оно напирало на необходимость самобытного национального развития, то отчасти потому, что, сознавая высокое достоинство славянских начал, а также видя успешную уже выказаться, в течение долговременного развития, односторонность и непримиримое противоречие начал европейских, считало, будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники. Такой задачи, однако же, вовсе не существует» [40, с. XXV–XXVI].

Страхов, отмечая, что в адрес книги были высказаны замечания, будто бы в ней нет «ничего нового», подчеркивал, что «Россия и Европа» есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильством в тесном, литературно-историческом смысле этого слова, не составляющая дальнейшего развития уже высказанных начал, а, напротив, полагающая новые начала, употребляющая новые приемы и достигающая новых, более

общих результатов, в которых славянофильские положения содержатся как частный случай» [40, с. XXII]. Сходство учения Н.Я. Данилевского со славянофильством Н.Н. Страхова усматривает в «практических выводах», имея в виду, что и Данилевский, и славянофилы утверждали возможность и необходимость развития России по самобытному пути, ибо люди, «живо и глубоко чувствующие интересы своей родины, любовно вникающие в ее историческую судьбу, конечно, никогда не разойдутся далеко по вопросам, что следует любить, что следует желать» [40, с. XXII].

Главное же отличие Данилевского от славянофилов и, соответственно, «главная оригинальность» «России и Европы» заключается в том, что если «прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа», то он «представил наиболее строгую теорию для этих стремлений», нашел для них общие и высшие начала, до него никем не указанные [40, с. XXIII]. В учении Данилевского основные положения славянофильства обосновываются с помощью «строго-научной» теории культурно-исторических типов, и именно в этом заключается его оригинальность как мыслителя, связанного со славянофильской традицией. В книге Данилевского анализируются не только взаимоотношения России и Европы, славянского и германо-романского миров, но и философско-историческая концепция, которая «содержит в себе новый взгляд на всю историю человечества, новую теорию Всеобщей Истории» [40, с. XXIII].

Данилевского не удовлетворяло то обоснование самобытного пути развития России, которое разрабатывали славянофилы. Славянофильская концепция не выдерживала научной критики, ибо содержала в себе такие спекулятивные фикции, как признание существования единого человечества и наличия единой общечеловеческой задачи. Данилевский понимал, что в рамках концепции национальности, которой придерживались славянофилы, невозможно было обосновать существование национальности как имеющей цель «в самой себе», самодостаточной реальности, не связанной ни с какой «общечеловеческой задачей». Страхов отмечал, что поскольку Н.Я. Данилевский не придерживался германской философии, он «самостоятельнее славянофилов» [40, с. XXVI].

По Н.Н. Страхову, философию Данилевского «можно бы сблизить с духом естественных наук, например с взглядами и приемами Кювье; но этот общий научный дух не может быть считаем каким-то особым учением» [40, с. XXVI]. Главный вывод книги «Россия и Европа» – тезис о том, что славяне «не предназначены обновить весь мир, найти для всего человечества решение исторической задачи; они суть только особый культурно-исторический тип, рядом с которым может иметь место существование и развитие других типов» [40, с. XXVI]. Достоинство подобного решения проблемы связано с тем, что оно «полагает предел иным несбыточным мечтаниям» и сводит сторонников самобытного пути развития России «на твердую почву действительности» [40, с. XXVI].

В заключение следует отметить, что в трактовке Н.Н. Страховым вопроса о соотношении учения славянофилов и воззрений Н.Я. Данилевского может быть отмечено определенное противоречие. С одной стороны, утверждается, что автор «России и Европы» – представитель славянофильства, с другой – указывается, что Н.Я. Данилевский выдвинул и обосновал философско-историческую теорию, которой не было у славянофилов, а также отказался от представлений о едином человечестве и общечеловеческой задаче, которые разделялись славянофилами.

Как уже говорилось, учение Данилевского оказало существенное влияние на творчество известных русских мыслителей К.Н. Леонтьева и Н.С. Трубецкого. В отличие от Трубецкого, предпочитавшего не ссылаться на Данилевского, К.Н. Леонтьев публично признавал себя учеником автора «России и Европы».

В раннем творчестве Леонтьев ориентировался на славянофильство и рассматривал учение Данилевского как представительный его вариант. Наряду с общими поло-

жениями славянофильства он заимствовал у Данилевского и оригинальную сторону его учения – философско-историческую доктрину. Влияние и модификацию философско-исторических и социально-философских идей Данилевского в творчестве К.Н. Леонтьева можно достаточно определенно увидеть лишь в контексте философских взглядов Константина Николаевича. В философском мировоззрении Леонтьева функцию формирования фундаментальных представлений о бытии выполняют несколько учений – во-первых, религиозное, во-вторых, учение об эстетике жизни, в-третьих, наука как важный источник мировоззрений, значимых для представлений о действительности.

К.Н. Леонтьев выделял два типа религиозного знания – ортодоксальное, основанное на принципах византийского православия, и неортодоксальное, которое можно обозначить термином «либеральная теология» (первый тип он именовал «истинное христианство», второй – «розовое христианство»). Главное различие между этими религиозными доктринами заключается в неодинаковых трактовках религиозно-нравственной сущности жизни в личном и социальном ее измерении. В свою очередь, эти представления служат основанием для толкования писания и предания. С точки зрения К.Н. Леонтьева, все «положительные религии» открыли и усвоили ту истину, что в жизни неизбежны зло, страдания, трагедия. «Все положительные религии, создавшие своим влиянием, прямым или косвенным, главнейшие культуры земного шара, – были учениями пессимизма, узаконившими страдания, обиды и неправду земной жизни» [24, с. 166]. На основе такого понимания жизни К.Н. Леонтьев создает представление об индивидуальном и историческом человеческом бытии.

Однако в современной культуре выработалось представление, что «возможно улучшение жизни для всех», то есть идея прогресса, повлиявшая и на «розовое» христианство. Вряд ли необходима здесь детальная характеристика различий между «истинным» и «розовым» христианством. Следует лишь подчеркнуть, что, по мнению К.Н. Леонтьева, упомянутые религиозные доктрины являются важными историческими агентами, поистине судьбоносными в историческом смысле культурными образованиями. В частности, идея прогресса есть «ложный продукт демократического разрушения старых европейских обществ», выступающий в качестве «могучего орудия постепенного расстройств в незримой руке исторического рока» [24, с. 166].

Второе учение в ряду ранее названных доктрин и наиболее оригинальное в философском мировоззрении К.Н. Леонтьева – это учение об эстетике жизни. Существуют два рода бытия – бытие упрощенное, смешанное, бесконфликтное и бытие сложное, насыщенное противоречиями и конфликтами, «цветущее». С эстетической точки зрения, предпочтителен второй род бытия, так же, впрочем, как и с этической, ибо, отмечает Леонтьев, только в сложных, противоречивых и опасных условиях вырастают прекрасные с эстетической и этической точек зрения характеры. Естественно, что Леонтьев предпочитает сложные и цветущие культуры и готов поддерживать их теоретическими и практическими средствами. К культурам упрощенным, распадающимся и отношение соответственно негативное. Для нас важно охарактеризовать это учение в качестве критерия историософской ориентации, то есть самоопределения мыслителя по отношению к существующим вариантам и возможностям исторического развития.

Третьим онтологическим компонентом в комплексе философских взглядов К.Н. Леонтьева являются научные представления, которые выступают либо в качестве натуралистического аргумента, либо служат основой для обобщений этико-мировоззренческого характера.

Вот пример использования Леонтьевым вслед за Н.Я. Данилевским натуралистического аргумента: надежда на плоды прогресса «противоречит даже здравому рационализму и науке, и вот по какой простой причине: всякий организм умирает; всякий органический

процесс кончается; всякий эволюционный процесс (процесс развития) достигает сперва своей высшей точки, потом спускается ниже и ниже, идет к своему разрешению. Если человечество есть явление живое, органическое, развивающееся, то оно должно же когда-нибудь погибнуть и окончить свое земное существование?» [24, с. 173–174].

По К.Н. Леонтьеву, точки зрения научного реализма и церкви совпадают, ибо церковь проповедует радикальный пессимизм в отношении земной жизни, и данные науки некоторые философы на мировоззренческом уровне истолковывают в пессимистическом духе. Леонтьев ссылается на «реализм», «на реальный опыт веков, т.е. почти науку, вековой эмпиризм, не нашедший себе еще математически-рационального объяснения, но и без того трезвому уму весьма ясный» [24, с. 294]. Пессимизм Э. Гартмана Леонтьев характеризует как нечто более честное в научном смысле, чем прекраснодушный прогрессизм европейцев [24, с. 170].

Историософская концепция К.Н. Леонтьева, в которой, как и у Н.Я. Данилевского, можно выделить два уровня – учение о культурно-исторических типах и религиозно-историческую концепцию, является результатом синтеза теории культурно-исторических типов и оригинальных философских положений. Своеобразие философско-исторических представлений Леонтьева определялось его религиозным и эстетическим учениями, а также различием социально-философских и политических воззрений философов.

Общие и особенные черты в их философско-исторических воззрениях целесообразно выявить в рамках анализа модификации в философском учении К.Н. Леонтьева двух компонентов философско-исторической доктрины Н.Я. Данилевского – учения о культурно-исторических типах и представлений философа о «трансцендентной» детерминации исторического процесса. Рассматривать первый вопрос следует в двух аспектах – анализ натуралистической установки и общеисторических воззрений.

Леонтьев разделяет фундаментальную натуралистическую установку Данилевского, в соответствии с которой социокультурные образования отождествляются с органическими. Н.Я. Данилевский на основе представления о фазах жизненного цикла, присущего органическим образованиям, и с учетом распространенных в историографии представлений о развитии социально-исторических образований (как правило, в историографии первой половины XIX века выделялись два основных периода в развитии общества – догосударственный и государственный) разработал схему фаз существования культурно-исторического типа – этнографический, подготовительный период (доисторическое существование), период образования культурно-исторического типа, высшая фаза его развития – цивилизация и, наконец, фаза «умирания».

В разработанную Данилевским схему Леонтьев в соответствии с особенностями своей философской концепции внес незначительные модификации, сохранив ее принципиальный натуралистический характер. Он выделил фазы эволюции социально-исторического организма – подготовительный период, периоды «цветущей сложности» и «вторичного смесительного упрощения». Очевидно, что наряду с наследием Данилевского, в формировании этой схемы Леонтьев опирался и на учение об «эстетике жизни».

Н.Я. Данилевский считал необходимой разработку общей картины всемирной истории, и рассматривал взаимоотношения славянского и романо-германского культурно-исторических типов как важный ее компонент. К.Н. Леонтьев в первый период своей деятельности сосредоточил внимание исключительно на взаимоотношениях славянского и романо-германского культурно-исторических типов. Позднее, в ходе модификации своей концепции, он включил в нее характеристики культур восточного региона.

В трактовке религиозной детерминации истории оба философа разделяли общехристианские представления – историческое время всемирной истории в их концепциях включено в трансторическое целое библейской метаистории. Вместе с тем их концепциям

присущи и особенности в трактовке религиозной детерминации исторического процесса. Если Н.Я. Данилевский в конечном счете разделял представление о том, что Провидение предопределяет историческую судьбу народов, определяя одни в качестве Богоизбранных, другие в качестве носителей противоположных начал, то К.Н. Леонтьев высказывался менее категорично, утверждая, что на трансцендентном уровне детерминируется только противостояние различных начал бытия (в рамках соответствующих христианских представлений), которые он рассматривал в религиозном и эстетическом учениях.

Основной исторический конфликт Н.Я. Данилевский усматривал в столкновении народов Богоизбранных и небогоизбранных. К.Н. Леонтьев видел этот конфликт в противоборстве двух начал бытия, и конфликт этот может воплощаться в судьбах различных народов. Эти исторические конфликты включены в рамки общехристианского представления о неизбежности движения истории к апокалиптическому концу. Иными словами, в отличие от Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьев не придерживался тезиса о предопределенной богоизбранности некоторых народов и считал, что противоборствующие (в соответствии с христианской схемой основного бытийственного конфликта) начала бытия могут воспринимать различные народы, в зависимости от того, каким жизненно-эстетическим потенциалом они обладают.

Итоговая схема исторического процесса графически изображается К.Н. Леонтьевым как волнообразное (за счет чередования периодов наивысшего расцвета и падения жизни) движение к апокалиптическому концу, за которым следует уже не на историческом, а на трансцендентном уровне новое и окончательное торжество возрожденной жизни.

Носит ли в целом детерминация исторического процесса в сопоставляемых концепциях характер религиозно-натуралистического фатализма? Утверждение о том, что единственными творцами исторического действия в концепциях Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева являются Провидение и природа, было бы неполным и потому ошибочным. Дело в том, что наряду с тезисом о фаталистической предопределенности исторического процесса (планами Провидения и натуралистическим законом), философы указывали и на возможность выбора народами существенно различных вариантов исторического развития.

В самом деле, и Н.Я. Данилевский, и К.Н. Леонтьев ставят Россию перед историческим выбором – либо пассивное втягивание в орбиту культурного влияния западноевропейской цивилизации и потеря культурно-национальной и исторической индивидуальности, либо борьба за сохранение самобытной цивилизации. Именно с указанием на возможность выбора народами существенно различных вариантов исторического развития и связана необходимость разработки и реализации программ практических политических действий в учениях Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. Фактически оба мыслителя исходили из тезиса о сочетании свободы и необходимости в историческом процессе, признавая, с одной стороны, религиозную и натуралистическую детерминацию исторического процесса, а с другой – возможность для народа исторического выбора.

Представления К.Н. Леонтьева об основном историческом конфликте претерпели эволюцию, что было обусловлено изменением взглядов философа на историческую роль славянства. В ранний период творчества К.Н. Леонтьев примыкал к разработанному Н.Я. Данилевским учению и считал, что славяне способны создать самобытную цивилизацию. Эволюция отношения К.Н. Леонтьева к славянству определялась разочарованием мыслителя в его исторических возможностях ввиду их подверженности культурному влиянию Запада. Поэтому П.Н. Милюков и назвал К.Н. Леонтьева «разочарованным славянофилом». В связи с новой негативной оценкой культурных перспектив славянского мира Леонтьев связал свои надежды с восточно-азиатскими культурными силами.

Основным положением социальной философии К.Н. Леонтьева является тезис об эстетической, этической и культурно-исторической неравноценности демократических

и деспотических обществ: демократические общества менее «красивые», менее «сложные и противоречивые» образования, чем общества деспотические. По К.Н. Леонтьеву, усложнение элементов, составляющих общество, требует особой деспотической интеграции. Деспотический принцип общественной жизни есть принцип «византизма». Русский философ отмечал, что «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникает насквозь весь великорусский общественный организм» [24, с. 100].

На византизм как на качество, присущее жизни русского общества, впервые обратил внимание П.Я. Чаадаев, расценивавший его как главное препятствие на пути исторического прогресса русского общества. Более подробно содержание принципа византизма, то есть совокупности принудительных начал в общественной жизни, характеризовалось в государственном отношении как самодержавие, в религиозном – как истинно православное христианство византийского типа, в нравственном – как отрешение от идей обретения земного благополучия, земного счастья. К византийским началам относятся также, в той или иной степени, неравенство, иерархия, строгая дисциплина, смирение и послушание. По мнению К.Н. Леонтьева, именно на фундаменте из этих начал возможно создание истинно прочных и «красивых» общественных и жизненных форм.

С осознанием несовместимости либеральной и консервативной сторон славянофильства связан переход философа на новые позиции по отношению к этому учению. К.Н. Леонтьев подверг критике за «либеральные иллюзии» представителей классического славянофильства и Н.Я. Данилевского.

Основное различие социально-философских взглядов Леонтьева и Данилевского связано с тем, что Леонтьев отчетливо осознал несовместимость консервативно-романтической и либеральной ориентации («эстетики деспотического» и «эстетики демократического») в общественной жизни и предпринял попытку разработать консервативно-охранительное учение, полностью свободное от «либеральных иллюзий». Главную миссию России Леонтьев видел в противодействии «исторической экспансии» Запада: русскому самодержавному государству в первую очередь предписывались охранительные цели во внешней и внутренней политике. Основными пунктами внутривнутриполитической программы были: защита самодержавного политического строя – авторитета государя, православной церкви и разработка охранительной идеологии; борьба с просвещением по западноевропейскому образцу, с либеральной и социалистической идеологиями. Своих политических единомышленников Леонтьев призывал «учиться делать реакцию», «властвовать беззастенчиво». Его политические воззрения в целом характеризуются как консервативно-охранительные.

Наиболее активным противником учения Н.Я. Данилевского в России второй половины XIX века оказался крупнейший русский религиозный философ В.С. Соловьев (1853–1900). Критическому разбору учения Данилевского Соловьев посвятил статьи «Россия и Европа» (1888) и «Немецкий подлинник и русский список» (1890). Если в первой статье Соловьев ставил задачу выяснить, насколько учение Данилевского «основательно», то во второй он стремился доказать, что Данилевский заимствовал основные положения теории культурно-исторических типов из работ второстепенного немецкого историка Г. Рюккерта. Соответственно в первой статье В.С. Соловьев предстает перед читателем как критик, стремящийся к объективной оценке учения Н.Я. Данилевского, вторая статья выдержана преимущественно в полемических тонах, содержит преувеличения и необъективные оценки.

В первой статье в качестве объекта критического рассмотрения Соловьев сразу выделяет положение Данилевского о том, что Россия является основой для возникновения нового славянского культурно-исторического типа, высшего по отношению к Европе, а также рассматривает вопрос о том, «насколько самое деление человечества на культурные типы в смысле Данилевского соответствует исторической действительности» [39, с. 81].

Сельскую общину и крестьянский надел Н.Я. Данилевский рассматривал как экономическую основу славянофильского культурно-исторического типа, а крестьянский надел, кроме того, характеризовал как «нравственную силу» и «экономический идеал» народов славянского культурно-исторического типа. На это утверждение В.С. Соловьев возражал, что в соответствии с современными научными представлениями общины есть «остаток далекого общечеловеческого прошлого», равным образом и «крестьянский надел» не может выступить основой нового общественно-экономического устройства, противостоящего Европе с преимущественно безземельным населением [39, с. 82].

Н.Я. Данилевский усматривал «задатки способностей» самобытного развития в русской науке и искусстве, поэтому В.С. Соловьев обращался и к рассмотрению этих предметов. Выводы, к которым приходит автор статьи, противоречили выводам исследования Данилевского. Соловьев утверждал, что «русские способны участвовать в общеевропейской научной деятельности приблизительно в такой же мере, как шведы или голландцы», а также высказывал мысль о том, что «наука в России уже достигла наивысшей ступени своего развития и вступает в эпоху упадка» [39, с. 86–87].

Рассмотрение уровня и перспектив развития русской философии приводит Соловьева к заключению, «что в области мысли и знания не обнаруживаются положительные задатки «для великого и независимого будущего России» [39, с. 92]. Равным образом и в области русской литературы и искусства В.С. Соловьев не усматривает «никаких положительных задатков новой самобытной культуры» [39, с. 94]. Развивая свою точку зрения, он отмечал, что, «утверждаясь в своем национальном эгоизме», Россия оказывалась бессильною произвести что-либо великое или просто значительное. Напротив, при тесном внешнем и внутреннем общении России с Европой в стране происходили «великие явления», например реформа Петра Первого, поэзия Пушкина [39, с. 96].

Рассматривая проблему прогресса, Н.Я. Данилевский указывал на многообразные достижения китайской культуры, которые свидетельствовали о том, что в Китае в известное время имел место исторический прогресс. Однако В.С. Соловьев, не отрицая оригинальности и изобретательности китайского народа, подчеркивает, что эта страна «не внесла и не внесет никакого вековечного вклада в общее достояние человеческого духа» [39, с. 96]. На этот спор Соловьева с Данилевским о китайской цивилизации обратили внимание китайские историки русской философии, признавшие Данилевского победителем в этом споре [25].

Учитывая современные научные представления о китайской культуре, с подобными утверждениями В.С. Соловьева невозможно согласиться. Конечно, следует принять во внимание то обстоятельство, что в середине XIX века уровень информированности европейцев о достижениях китайской цивилизации был недостаточно высок. Вместе с тем следует признать ошибочным утверждение русского философа о том, что «кроме загадочных метафизических изречений Лаоцзы, вероятно, навеянных извне индийской теософией, китайский ум не произвел ничего достойного быть увековеченным» [39 с. 96]. Здесь также следует отметить, что ни Данилевского, ни Соловьева история и культура Китая не интересовали сами по себе, китайская цивилизация фигурировала в их рассуждениях лишь как аргумент для подтверждения собственных тезисов, поэтому каждый мыслитель ссылался на те стороны предмета, которые подтверждали его собственные положения.

С точки зрения В.С. Соловьева, древняя история вопреки мнению Н.Я. Данилевского о ней как о простой смене культурно-исторических типов представляет собой постепенное «собираение» культурно-исторических типов «через подчинение более узких и частных образовательных элементов началам более широкой и универсальной культуры» [39 с. 98]. Одним из результатов указанного процесса было создание огромной Римской империи, совместившей в себе все прежние культурно-исторические типы; за пределами империи, отмечает В.С. Соловьев, остались умирающие уединенные типы, либо «бесформенная

масса диких и полудиких племен» [39 с. 99]. Еще более важным процессом, чем внешнее объединение человечества в Римской империи, было развитие идеи единого человечества, поскольку греческие философы утверждали, что существует непреодолимая противоположность между эллинами и варварами, свободными и рабами, только христианство, а также философы Цицерон и Сенека возвестили «существенное равенство всех людей» [39, с. 99].

Для понимания позиции В.С. Соловьева важно отметить связь между положением о равенстве и духовном родстве всех людей и идеей единства и солидарности всего человечества. Идея единого человечества вытекала из основополагающих христианских убеждений В.С. Соловьева, национализм же расценивался как возрождение языческих воззрений. Однако, сознавая недостаточность простого противопоставления воззрениям Н.Я. Данилевского христианской идеи единого человечества, Соловьев переходит к дальнейшему научному разбору его теории. По мнению критика, классификация исторических явлений, осуществленная Н.Я. Данилевским на основе принципа естественной классификации, является несостоятельной в научном отношении. В самом деле, за пределами естественной системы классификации осталась своеобразная культурная страна Япония; греки и римляне, составляющие единый культурный и исторический тип, оказались отнесенными к различным типам. Поскольку именно язык Данилевский характеризует как существенный признак самостоятельности данного культурно-исторического типа, то Соловьев рассматривает, насколько выделенные автором «России и Европы» исторические группы соответствуют признаку языкового единства, и находит ряд ошибок и фактических неточностей.

В рассуждениях Н.Я. Данилевского отмечается противоречие; с одной стороны, в «третьем законе исторического развития» утверждается невозможность передачи начал одного культурно-исторического типа другому, а с другой стороны, утверждая, что славяне и Россия являются наследниками Византии, а германо-романские народы – наследниками Рима, он полагал возможной и осуществленной в исторической действительности передачу определенных «духовных» начал одного культурно-исторического типа другому. Как отмечает В.С. Соловьев, этот факт имеет «роковое значение» для всего воззрения Н.Я. Данилевского.

В целом, по В.С. Соловьеву, отрицая единство развития человечества, то есть всемирную историю, Н.Я. Данилевский не принимал во внимание ряд существенных исторических фактов действительной передачи образовательных начал одного культурно-исторического типа другому. В частности, буддизм, возникший в Индии, распространился далеко за ее пределами, превратившись в мировую религию. Естественно, что культурные влияния различных стран друг на друга в истории не были ограничены только сферой религиозного влияния. Например, греческая культура передала многое из своих достижений другим народам. Кроме того, взаимное влияние различных стран и народов можно зафиксировать и в сфере социально-экономической, и технической.

Особое внимание Соловьев уделяет вопросу о том, насколько Н.Я. Данилевскому удалось дать «нечто вроде» философского обоснования своей концепции. Данилевский утверждал, что «человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу как родовое понятие к видовому; следовательно, отношения между ними должны быть вообще те же, какие вообще бывают между родом и видом» [12, с. 125]. Поскольку род есть либо «только отвлечение, получаемое через исключение всего, что есть особенного в видах», и в этом смысле род есть нечто в действительности неосуществимое, либо род есть общее, включающее в себя совокупность определенных особенностей, и в этом смысле род существует, но лишь как совокупность своих видов. Понятия «общечеловеческое» и «всецеловеческое» Данилевский отождествлял с понятием рода в первом смысле, второе – с понятием

рода во втором смысле. Таким образом, заключает он, общечеловеческого в действительности не существует, а существует всечеловеческое, которое «состоит из совокупности всего народного». Однако, по мнению В.С. Соловьева, этот экскурс в область формальной логики имел бы смысл только в том случае, если бы было доказано утверждение, что «человечество и народ (нация, племя) относятся друг к другу как родовое понятие к видовому» [39, с. 118]. Между тем отношение между понятиями «человечество» и «народ» можно мыслить как отношение целого к части. Из двух различных толкований соотношения понятий «человечество» и «народ» вытекают различные следствия, в том числе и практического характера. В этой связи Соловьев утверждал, что предпочтение культурно-исторического типа как реальности более конкретной человечеству как реальности более отвлеченной приводит к тому, что открывается «свободная дорога всякому дальнейшему понижению нравственных требований» ибо в конечном счете наиболее конкретными и определенными для каждого являются его личные эгоистические интересы [39, с. 118]. С другой стороны, «если всякая частная группа, национальная или племенная, есть лишь орган (орудие) человечества, то наши обязанности к народу или племени, т.е. к орудию, существенно обусловлены высшими обязанностями по отношению к тому, для чего это орудие должно служить» [39, с. 122].

Следующий важный аргумент, который В.С. Соловьев выдвигает против теории Н.Я. Данилевского, связан с указанием на универсальный характер науки. Рассмотрение Данилевским вопроса об отношении национальности к науке Соловьев оценивает как «самое значительное во всей его книге» [39, с. 124]. И все же, по его мнению, развитие науки может быть разграничено только на степени, но не типы развития.

Какова же общая оценка Соловьевым «естественной системы» истории Данилевского? «Эта система, соединяющая разнородное, разделяющая однородное и вовсе пропускающая то, что не вкладывается в ее рамки, есть лишь произвольное измышление, главным образом обусловленное малым знакомством Данилевского с данными истории и филологии и явно противоречащее тем логическим требованиям всякой классификации, которые он сам позаботился выставить» [39, с. 120]. В этом «дефективном опыте» нельзя видеть задатков самобытной русской науки.

С рядом замечаний В.С. Соловьева (противоречивая трактовка проблематики культурной преемственности, вопрос о роли нравственной оценки в философском дискурсе, частные замечания) можно согласиться, однако на утверждение, что теория автора «России и Европы» является лишь «произвольным измышлением, главным образом обусловленным малым знакомством Данилевского с данными истории и филологии», следует возразить указанием на то, что теория культурно-исторических типов содержала такие позитивные элементы как анализ европоцентристской установки, критику упрощенного однолинейного представления об историческом прогрессе, разработку проблемы типологии цивилизаций, анализ проблематики особенного в историческом процессе.

Во второй статье, «Немецкий подлинник и русский список», посвященной критическому анализу теории Н.Я. Данилевского, В.С. Соловьев стремится доказать, что «мнимая» «теория Данилевского» находится целиком в книге немецкого историка Г. Рюккерта [39, с. 319]. В статье приводятся обширные выписки из сочинения Рюккерта. Тот факт, что «зачатки» мысли о культурно-исторических типах можно встретить в работах Рюккерта, отвечая В.С. Соловьеву, в предисловии к «России и Европе» прокомментировал Н.Н. Страхов, который объяснял это тем, что мысль о культурно-исторических типах внушается «самими фактами истории». Главное отличие теории Н.Я. Данилевского от воззрений Рюккерта, по Н.Н. Страхову, заключается в том, что именно Данилевский «оценил все значение этой мысли и развил ее с полной ясностью и строгостью», положив теорию культурно-исторических типов в основание своего учения [40, с. XXV]. Изучив этот вопрос,

Соловьев пришел к другому выводу, утверждая, что теория Данилевского лишь «русский список» с «немецкого подлинника».

Отрицание В.С. Соловьевым оригинальности философско-исторической теории Н.Я. Данилевского не нашло поддержки в историографии. И это закономерно. Достаточно указать на органическую связь оснований теории культурно-исторических типов с натуралистическими мировоззренческими и теоретико-методологическими установками мыслителя, на выдвижение Данилевским оригинального обоснования необходимости введения принципа естественной системы классификации в историческую науку.

Особенность подхода В.С. Соловьева к критике теории Н.Я. Данилевского заключалась в том, что Соловьев исходил из двух установок – христианско-гуманистической и научной, соответственно он развертывал два ряда аргументов – «ценностные» и конкретно-научные. Естественно, что с научной точки зрения в первую очередь значимыми представляются аргументы второго рода. Вместе с тем нельзя без внимания отнестись и к тем гуманистическим мотивам, которые лежали в основании критики В.С. Соловьевым теории Н.Я. Данилевского. Соловьева беспокоил негативный потенциал, заключенный в тенденции к абсолютизации национальных интересов и игнорировании идеи общечеловеческого единения. Отметим, что проблемы выявления и реализации национальных интересов не могут адекватно разрешаться в условиях преобладания крайних подходов: тенденции к абсолютизации национальных интересов или тенденции к их полному забвению и игнорированию.

Профессор Варшавского, а затем и Петербургского университетов, член-корреспондент Российской академии наук, Н.И. Кареев (1850–1931) большое внимание в своих работах уделял основным проблемам философии истории. В поле его зрения оказалась и философско-историческая концепция Н.Я. Данилевского, критическому анализу которой он посвятил статью «Теория культурно-исторических типов». Н.И. Кареев отмечал, что и Н.Н. Страхов, и К.Н. Бестужев-Рюмин высоко оценивали чисто научную сторону сочинения Н.Я. Данилевского – теорию культурно-исторических типов, которая характеризовалась как «новая теория всеобщей истории». Именно эту «научную сторону» сочинения Данилевского и подвергает критическому разбору Н.И. Кареев, следующим образом разделяя «публицистические» и «научные» элементы книги «Россия и Европа»: к последним относятся главы III и IV (частично), а также главы V, VI и X [21, с. 68].

«Капитальным пунктом» философско-исторического учения Н.Я. Данилевского, по Н.И. Карееву, является утверждение, что общая теория общества невозможна. Как аргументируется это положение? Данилевский утверждал, что все «явления общественного мира суть явления национальные» и могут изучаться только в качестве таковых. По Н.И. Карееву, здесь смешиваются «представления теоретической социологии. и практической политики, т.е. категории существующего и желательного», «из того, что нет общей теории устройства по одному шаблону, не следует, чтобы не было некоторых общих начал, лежащих в основе всякого общества». Следуя логике Н.Я. Данилевского, позволительно рассуждать, что «все душевные явления индивидуальны, а потому, как таковые, только и могут быть изучаемы и рассматриваемы, т.е. общая теория душевных явлений невозможна» [21, с. 70–71]. Все это дало возможность Н.И. Карееву заключить, что «капитальный тезис философско-исторической теории Н.Я. Данилевского покоится на «шатких и непродуманных основаниях». Аргументы, отрицающие общечеловеческий характер науки, утверждающие «национализм в науке», также не могут быть признаны убедительными.

Вместе с тем в отличие от В.С. Соловьева, который был склонен отзываться о теории Н.Я. Данилевского отрицательно и даже резко отрицательно, Н.И. Кареев настроен на более объективный анализ и отмечает ряд положительных моментов в философско-исторических построениях автора «России и Европы». Данилевский «совершенно верно

подметил одну особенность в западноевропейском понимании истории человечества: это встречающееся и у историков, и у философов истории (например, у Гегеля или у Конта) отождествление судьбы романо-германской Европы с судьбами всего человечества» (то есть европоцентристская установка), а также хорошо объяснил причину этого явления, которая коренится в «ошибке исторической перспективы» [21, с. 71]. Однако способ рассмотрения истории, при котором она «вытягивается в одну линию» (примером здесь может служить способ изображения всемирной истории в философии истории Гегеля), связан не только с наличием перспективной ошибки, но и с «другого рода ошибкой, которая заключается в предположении «внутреннего единства всемирной истории, якобы совершающейся по одному определенному плану» [21, с. 82].

В противоположность «громадному большинству» философов истории, веривших в единый план развития человечества, отдельным моментам которого соответствовали истории отдельных народов, Н.Я. Данилевский отрицает существование такого плана и утверждает существование «своеобразных планов исторического развития», то есть культурно-исторических типов. В сущности, на место одного одностороннего взгляда, для которого характерно «вытягивание» истории народов в одну линию, Н.Я. Данилевский выдвигает другой односторонний взгляд, в соответствии с которым истории отдельных «культурных типов» представляются как параллельные линии, никогда не встречающиеся, нигде не соприкасающиеся, нигде не сливающиеся [21, с. 83]. В качестве реакции на одно крайнее воззрение выдвигается другое крайнее воззрение. Таким образом, если Гегель превращает в единую линию, проходящую через всю всемирную историю, «исторические линии», либо раздельно существующие, но иногда соприкасающиеся или даже сливающиеся одна с другой, то в теории Данилевского оказываются изолированными те «исторические линии», которые переплетаются [21, с. 84].

Общий вывод Н.И. Кареева: «Гегель во имя единства “всемирного духа” ломает все исторические перегородки, – Данилевский во имя самобытности культурно-исторических типов закупоривает все отдушины в этих перегородках» [21, с. 84]. Какая же точка зрения на данный круг вопросов является истинной? Видимо, та, которая, опираясь на факты, преодолевает односторонности и крайности двух выявившихся точек зрения. Кареев предпринимает попытку сконструировать соответствующее представление. Вслед за Данилевским, который различал цивилизации «уединенные» и «преемственные» (вторые в силу своего преемственного характера по своим результатам превосходили результаты цивилизаций «уединенных»), Н.И. Кареев различал цивилизации «уединенные» и «неуединенные». Каково же соотношение между выделенными типами цивилизации, с одной стороны, и историческим процессом – с другой? То, что обособлено и раздельно, стоит вне системы. «Следовательно, китайский и индийский типы находятся вне системы истории, которая именно тем и создается, что отдельные народы постепенно приходят в соприкосновение между собою и приобщаются к некоторой общей жизни» [21, с. 86].

Н.И. Кареев присоединяется к мнению современных ему историков, которые видели начало этой «общей жизни» в завоевательном походе египетского фараона Тутмоса I в Сирию, состоявшемся в XVII веке до н.э. В дальнейшем в истории происходило все большее и большее расширение этой «общей жизни», а «теперь и Китай и Индия выходят из своего уединения» [21, с. 86]. Правильно указывая на становление все более обширного ареала исторических контактов и взаимовлияний, Н.И. Кареев, однако, не рассматривает принципиально важные вопросы о том, каковы причины существования этой тенденции исторического развития и к какому времени относится становление единой всемирной истории. На смену «уединенности», которая есть временное состояние, приходит «общение» в двух его формах – одновременности и преемственности. В этой связи Кареев подчеркивает, что «исторической науке и ставится задача проследить, как постепенно к некоторому обще-

нию народов, цивилизаций и культурно-исторических типов присоединились, конечно, с разными задатками, те или другие, дотоле уединенные, народы, цивилизации и культурно-исторические типы». Н.И. Кареев отмечает, что «естественная система истории дается самим ее ходом». Однако эта система в философско-исторических построениях, подобных философии истории Гегеля, «была искажена стремлением втиснуть в нее то, что стояло вне ее и расположить ее части по некоторому априорному плану». В противовес этим построениям Данилевский «дал чисто искусственное разделение на самобытные типы». Кроме того, само понятие культурно-исторического типа является чем-то «неопределенным и противоречивым» [21, с. 87]. Противоречия присущи и другим сторонам философско-исторической концепции Н.Я. Данилевского, значительным отступлением от основ теории культурно-исторических типов, как отметил вслед за В.С. Соловьевым Н.И. Кареев, является утверждение автором «России и Европы» исторической преемственности наследия от Иерусалима через Царьград – к Киеву и Москве.

Так же как и Соловьев, Кареев противопоставлял теории Данилевского «западническую» аргументацию, частично повторяя аргументы Соловьева, частью выдвигая новые. Возражая против тезиса Данилевского об истории как о совокупности культурно-исторических типов, Кареев вслед за Соловьевым указывал на процесс становления единой истории, «общей жизни». Этому тезису Данилевского Соловьев противопоставлял еще и идею единого человечества, которая была разработана римскими философами и идеологами христианства, подчеркивая нравственную ценность этой идеи. Кроме того, Кареев обнаружил новые частные противоречия в философско-исторической теории Н.Я. Данилевского.

Важным моментом анализа Н.И. Кареевым учения Данилевского было указание и на позитивные стороны теории культурно-исторических типов. Все это позволило ему дать более объективную критику концепции Н.Я. Данилевского. Однако то, что за пределами своего анализа Кареев оставил «полемическую» сторону данной концепции, было шагом назад по сравнению с разбором теории культурно-исторических типов, данной В.С. Соловьевым.

В начале XX века отечественная историография творчества Н.Я. Данилевского наследует две ранее сформировавшиеся линии в осмыслении его наследия – «апологетическую» и «критическую». В работах авторов, продолжавших традиции славянофильства, – В.В. Розанова, Н.М. Соколова, В.З. Завитневича – учение Н.Я. Данилевского рассматривалось как часть славянофильской традиции [34, 38, 20]. Традицию критического отношения к учению Н.Я. Данилевского, заложенную в работах В.С. Соловьева, Н.И. Кареева, П.Н. Милюкова, продолжили Э.Л. Радлов и В.А. Мякотин [32, 28].

Следующий этап в разработке темы наступил после большевистской революции. Одним из последствий эпохи русских революций, завершившейся большевистской революцией, было разделение русской культуры на два русла – культуру русского зарубежья и советскую. В различных культурных мирах закономерно оказались неодинаковыми судьбы идейного наследия Н.Я. Данилевского. Если в русском зарубежье не только было возможно объективное академическое изучение его творчества, но и появились продолжатели его идей, самым ярким из которых был один из крупнейших идеологов и вождей евразийства – Н.С. Трубецкой, то в СССР, если не считать единичных упоминаний об учении Н.Я. Данилевского в 20-х годах XX века на десятилетия, вплоть до 1960–1970-х годов его имя практически было предано забвению. Первые отечественные работы о творчестве мыслителя стали появляться лишь в 70-х годах XX века, а о заметных последователях идей Н.Я. Данилевского в советский период вообще не приходится говорить. Плодотворный философский диалог с Данилевским возобновился только в конце XX – начале XXI века.

Марксисты продолжили критическую традицию в историографии творчества Н.Я. Данилевского на основе своеобразной марксистской аргументации. Первыми публикациями

в годы советской власти по интересующей нас теме были работы А.М. Деборина (автор устанавливал сходство теоретических построений Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера и критиковал с марксистских позиций учения двух авторов-«националистов» [19, с. 108–129]) и М.Н. Покровского, предложившего вариант трактовки учения Н.Я. Данилевского с «классовых позиций» [30].

Исследовательский интерес к творчеству Данилевского тоже начал возрождаться в 1960–1970-х годах. Критическому изложению его философско-исторической концепции посвящен раздел в третьем томе «Истории философии в СССР». Автор раздела М.Н. Пейнова отмечала, что в книге «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский «предпринял попытку обновить взгляд славянофилов на ход исторического развития, придав ему естественно-научное обоснование. Другим элементом его концепции была теория Гегеля о молодых и старых народах» [29, с. 323–341].

Н.В. Мордовской обратил внимание на необходимость изучения «общетеоретических логико-гносеологических и методологических основ» теории культурно-исторических типов. По его мнению, «действительная суть концепции Данилевского заключается в идее изоляции национальной истории и культуры народов или групп генетически родственных народов, иначе говоря, в идее отрицания интернациональной преемственности между народами в их историческом развитии» [27, с. 261–290]. Позитивными аспектами учения Данилевского являются критика европоцентризма и выступление против упрощенной трактовки исторического процесса как прямолинейного и непрерывно-поступательного [27, с. 261–290]. Другой исследователь, Г.Д. Чесноков, пришел к заключению, что теория, претендующая «на создание новой картины всемирной истории, фактически является повторением хорошо известной на Западе со времен Д. Вико концепции исторического круговорота» [48, с. 42].

Автор первой в СССР диссертации о творчестве Н.Я. Данилевского К.В. Султанов, отмечая, что «однозначно определить теоретико-методологические принципы концепции Данилевского трудно», следующим образом характеризовал идейные источники его теории: «В его творчестве встречаются самые неожиданные, часто противоречивые источники: материалистически трактуемый натурализм и выводы в духе объективного идеализма; биолого-антропологическое обоснование культуры и резкие нападки на дарвинизм; попытки историко-социологического анализа сознания и откровенный иррационализм» [41, с. 183–184]. В целом К.В. Султанов рассматривал философско-историческую теорию Н.Я. Данилевского как «оригинальную культурологическую концепцию, которая предвосхитила ряд модных установок современной западной философии истории. Обычно имя Н.Я. Данилевского упоминается в ряду таких известных культурологов как О. Шпенглер, А. Тойнби, О. Андерле, Ф. Нортторп, В. Шубарт, П. Сорокин в качестве «пионера», заложившего подход пространственно-временной локализации явлений культуры. Именно так был оценен его вклад недавно созданным Международным обществом сравнительного изучения цивилизаций» [41, с. 182].

В.А. Грубин в своей небольшой, но содержательной работе о теории культурно-исторических типов рассматривал ее как отражающую в превращенной форме на теоретическом уровне специфику социально-исторического развития русского общества и русской культуры, которая характеризовалась сложным процессом взаимодействия реалий нового, капиталистического строя и феодально-патриархальных, традиционалистских культурных и общественных элементов. Кроме того, Грубин рассматривал теорию типов как оригинальную философско-историческую концепцию, поставившую проблемы, часть которых «до сих пор широко дискутируются в западной социологии, этнографии, культурологии и отчетливо поляризуют теоретическое мышление исследователей, склонных к альтернативным решениям» [11, с. 129]. В.А. Грубин связывал позитивный вклад Данилевского в философско-историческую научную мысль прежде всего с критикой европоцентризма, а

также с тем, что за русским мыслителем «навсегда останется та заслуга, что он один из первых в мировой историографии привлек внимание исследователей общества к проблеме национальных и других этнических особенностей» [11, с. 130].

Один из крупнейших отечественных историков русской философии второй половины XX века В.Ф. Пустарнаков отмечал, что концепция Н.Я. Данилевского – «одна из наиболее ранних и сравнительно пространно разработанных разновидностей концепции «локальных цивилизаций», имеющей хождение до сих пор» [31, с. 118]. Кроме того, в социально-историческом плане учение русского мыслителя характеризуется как консервативно-романтическое. Не следует думать, что эта точка зрения на социальное мировоззрение Данилевского была общепринятой. В частности, Н.В. Мордовской рассматривал Данилевского как идеолога «восходящего российского капитализма» [27, с. 278].

Существенный вклад в изучение творческого наследия Н.Я. Данилевского в 70–80-х годах XX века внесли работы Л.Р. Авдеевой, С.И. Бажова, О.Л. Вайнштейна, А.А. Галактионова, П.Ф. Никандрова, И.А. Голосенко, П.С. Шкуринова, Н.И. Цымбаева, А.Н. Филатова, В.М. Михеева, А.Н. Аринина [1, 3, 8, 9, 10, 50, 48, 46, 2]. Большинство авторов характеризовали Н.Я. Данилевского как продолжателя славянофильской традиции или ее преобразователя – неославянофила. В ряде случаев эти характеристики не являются достаточно конкретными, поскольку не раскрывается значение терминов «славянофильство» и «неославянофильство». Между тем одни исследователи делают акцент на либеральных компонентах славянофильской идеологии, другие – на патриархально-традиционалистских, третьи подчеркивают, что славянофильство, в отличие от позднего его варианта, разработанного К.Н. Леонтьевым, отказавшимся от «либеральных иллюзий», представляло противоречивый синтез либеральных и патриархально-традиционалистских компонентов, являясь в целом учением консервативно-романтического типа.

Рубеж 80–90-х годов XX века как веха в процессе углубляющихся демократических преобразований в СССР и России открыл новый этап в изучении творчества Н.Я. Данилевского. В 1991 году произошло событие, знаменательное не только для специалистов по истории общественной мысли в России XIX века, но и для всех интересующихся историей русской культуры, – С.А. Вайгачёвым в Москве было осуществлено первое в текущем столетии отечественное переиздание книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому», то есть было возобновлено прерванное почти на столетие переиздание трудов Данилевского на родине.

В основу переиздания «России и Европы» было положено первое отдельное издание книги Н.Я. Данилевского. В качестве приложения С.А. Вайгачев – составитель, автор послесловия и комментариев – опубликовал три статьи Н.Н. Страхова, посвященные творчеству Данилевского. К сожалению, книга вышла с сокращениями, осуществленными по принципу изъятия «отчасти малопонятной для неспециалиста, отчасти устаревшей к настоящему времени информации» [7, с. 534].

В послесловии С.А. Вайгачева отразились новые тенденции в подходе к изучению идейного наследия Н.Я. Данилевского. Но утверждение о том, что на Западе произошла эволюция от восприятия Данилевского как «панслависта» к рассмотрению его как родоначальника теории локальных цивилизаций, было не вполне точно. На Западе Данилевский по-прежнему воспринимался в двух ипостасях. Тот факт, что русский мыслитель – родоначальник теории локальных цивилизаций, несколько не противоречит известному обстоятельству, что он – автор комплекса идеологических представлений, который рассматривается как не соответствующий стандартам либерально-демократической идеологии. Другое дело, что в кругах зарубежных исследователей нередко преобладает интерес к тому аспекту социально-философского творчества Н.Я. Данилевского, который оценивается

как наиболее значительное его интеллектуальное достижение, то есть к теории культурно-исторических типов. Вторая часть статьи С.А. Вайгачева была посвящена рассмотрению полемики вокруг идей Данилевского. Автор послесловия рассматривал и последовательно опровергал обвинения, обычно выдвигаемые в адрес Н.Я. Данилевского: «официальный патриот», «монархист», «сторонник нравственного релятивизма» и, наконец, «примитивный националист». Говоря о мыслях Данилевского, особенно значимых в конце XX века, С.А. Вайгачев выделял предостережение «об опасности денационализации культуры». В полной мере сознавая опасности, связанные с денационализацией культуры, не следует упускать из виду и то, что к культуре обращены различные вызовы, включая угрозы тирании, войны и др., соответственно благоразумная политика заключается в том, чтобы предотвращать упомянутую первую угрозу средствами, которые бы не способствовали осуществлению других, не менее значительных угроз.

В последующие годы произведения Н.Я. Данилевского не только неоднократно переиздавались, конец XX – начало XXI века это и время интенсивного развития исследований творчества мыслителя. Именно в этот период выходят серьезные монографические работы о его творчестве, среди которых особое место занимает монография Б.П. Балуева «Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”» (М., 1999), представляющая собой в отечественной науке один из наиболее значительных трудов, посвященных исследованию жизни и творчества Данилевского. Подготовленные в это время кандидатские диссертации А.Н. Птицына, А.В. Ефремова, А.В. Хорошевой и др. вносят важный вклад в осмысление существенных сторон его творчества.

Интерес к изучению наследия Н.Я. Данилевского не ослабевает и в наши дни, ежегодно публикуются новые исследования [23, 6, 33]. В наше время учение Данилевского – предмет осмысления не только научного, но и публицистического, и философского. Особенностью подхода второго типа является политико-идеологическая ангажированность, более или менее определенное указание на конкретную политическую идею, в свете которой и интерпретируется творчество мыслителя. Разумеется, против жанра публицистики как такового возражений быть не может. Протест вызывают попытки заместить публицистикой научное и философское осмысление темы. Публицисты весьма часто не различают общих черт и существенных особенностей учений славянофилов, почвенников, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, евразийцев и т.д.

Научные и философские исследования по определению лишены недостатков при-сущего публицистике заведомо одностороннего, выборочного подхода. Однако с ними могут быть связаны проблемы другого рода. Можно указать на не столь уж редкие научные публикации, лишенные эмпирической и (или) концептуальной новизны и на известную асимметрию исследований научных и философских (в плане решительного преобладания первых над вторыми). Как следствие, существующий дефицит философского осмысления темы зачастую «восполняется» публицистикой со всеми присущими ей особенностями, в силу которых она на деле оказывается не в состоянии полноценно заместить собой отсутствующий философский дискурс.

Впрочем, сегодня в плане философского осмысления наследия Н.Я. Данилевского значительный интерес вызывают исследования А.В. Смирнова, который подходит к оценке вклада автора «России и Европы» в философскую мысль с позиций собственной философии культуры, в которой особое внимание уделяется анализу логических оснований культурно-исторических типов – исламского, европейского и др. [36, 37]. С учетом разработанной Данилевским категории «всечеловеческое» А.В. Смирнов усматривает возможность разработки модели межкультурных и междисциплинарных отношений, альтернативной современной концепции глобализации, основанной на концепте «общечеловеческого».

За рубежом интерес к учению Н.Я. Данилевского проявляется уже с конца XIX века. В 1890 году в Бухаресте вышел французский перевод «России и Европы», а в 1920 году в Берлине – немецкий. В 1966 году в Нью-Йорке была издана «Россия и Европа» на русском с предисловием Ю.Г. Иваска. Первоначально учение Н.Я. Данилевского упоминалось в Австро-Венгрии и в Германии в конце XIX века и на рубеже XIX и XX веков в контексте полемики с панславизмом. Основы более глубокого его осмысления на Западе заложили русские эмигранты, философы и ученые Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, А.А. Кизеветтер в 20–30-х годах XX века.

Наряду с К.Н. Леонтьевым, еще одним русским мыслителем, испытавшим влияние ряда ключевых положений учения Н.Я. Данилевского, но разработавшим свое учение уже в русском зарубежье, был один из идеологов и вождей евразийства Николай Сергеевич Трубецкой. Он не был эпигоном Данилевского, так как, признавая значимость данного учения, многих его положений не разделял. Прежде всего, в отличие от К.Н. Леонтьева, Н.С. Трубецкой отказался от натурализма Данилевского и в методологическом, и в теоретико-содержательном отношении: от схемы разделения искусственного и естественного типов классификации, от идеи отождествления органического и социального образований и др. Также Трубецкой вывел за пределы социально-исторического дискурса религиозно-метафизические положения, без которых нельзя себе представить философско-историческое учение Данилевского. Можно высказать предположение о мотивах такого отказа: судя по всему, Трубецкой стремился, с одной стороны, отказаться от устаревших натуралистических положений учения автора «России и Европы», предпочесть им положения современной социологической теории Г. Тарда, а, с другой – вывести религиозно-метафизические утверждения за скобки теоретического социально-исторического дискурса.

У Данилевского Трубецкой воспринял, во-первых, критику европоцентристской установки, то есть отрицание отождествления интересов и ценностей народов романо-германских (европейских) с интересами и ценностями человечества. Правда, нужно отметить: важнейший тезис Данилевского о том, что интересы романо-германских народов, то есть Европы, не могут отождествляться с интересами человечества, вытекающий из теории культурно-исторических типов, был воспринят Трубецким вне связи с общим философско-историческим учением. Во-вторых, можно говорить о том, что Трубецкой воспринял такую сторону философско-исторической доктрины Данилевского как учение о взаимоотношениях России и Европы, а в рамках этого учения сделал основной акцент на критике европейничания (выражение Данилевского), то есть на негативных последствиях европеизации.

Столь радикальный пересмотр Н.С. Трубецким методологических и теоретико-содержательных положений социально-исторического дискурса Н.Я. Данилевского не мог не привести его к существенной трансформации положений учения автора «России и Европы». Выведенные Трубецким на первый план положения учения Данилевского о взаимоотношениях России и Европы, о европейничании также были переработаны в универсалистском ключе в дилемму «Европа и человечество», а положения о европейничании были существенно развиты и обогащены [45].

Трубецкой обратил внимание на то, что отрицательные последствия европеизации присущи не только европеизирующейся России, но проявляются и у других народов, идущих по пути европеизации. Утверждение Данилевского о европейском влиянии, приводящем к расколу народа на европеизованную (высший класс) и неевропеизованную, сохранившую традиционный образ жизни части, Трубецкой дополнил рядом существенных положений. Дело не только в разделении национального целого под воздействием западных влияний на европеизованный высший и традиционные низшие классы, своего

рода социальный разрыв «по вертикали», но и в разрыве между поколениями – разрыв «по горизонтали». В последнем случае каждое поколение живет особой культурой и различие поколений здесь всегда глубже, чем у народа с однородной национальной культурой. Наконец, различия культур заметно усиливают все различия в среде народа неевропейского, подвергающегося западному влиянию. Раскол нации вызывает обострение классовой борьбы, а разобщенность частей народа препятствует осуществлению политики развития и сотрудничества в культурной работе.

Расколотый, сегментированный, обремененный многочисленными противоречиями и сталкивающийся со многими препятствиями, не только внешними, но и внутренними, неевропейский народ отстает от европейского и проникается сознанием его превосходства над собой, теряет самоуважение. Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное. Отсутствие у европеизирующегося народа единой культуры сопровождается слабым развитием в обществе чувства патриотизма, что не компенсируется патриотизмом отдельных индивидуумов и амбициями правителей. Между тем народы без веры в себя ослаблены в борьбе за существование и попадают в зависимое положение от европейских народов. У европеизирующихся народов отрицательные последствия влияния Запада проявляются и в области исторической динамики. Не имея возможности идти вровень с европейцами, народы европеизирующиеся время от времени пытаются нагнать их, совершая исторические «прыжки», сопровождающиеся затем периодами «застоя». «Скачущая эволюция» тоже расстраивает национальные силы, как и другие аспекты политики европеизации. Различия основных содержательных положений учений Данилевского и Трубецкого обусловили и несовпадения практических программ, формулируемых на основе этих учений. Помимо влияния учения Н.Я. Данилевского, дополнительным побудительным импульсом для разработки Трубецким учения о взаимоотношения Европы и человечества стало стремление мыслителя осмыслить истоки эпохи революций в истории России.

В последующих комментариях к своему учению Н.С. Трубецкой неоднократно высказывал соображения тактического порядка о большей или меньшей актуальности учения в различных исторических обстоятельствах, однако не заявлял об отказе от своего учения и не предпринимал существенной его переработки, из чего можно заключить, что он по-прежнему полагал ключевые положения учения истинными.

Таким образом, несмотря на указанные различия в учениях Н.Я. Данилевского и Н.С. Трубецкого с учетом их общих черт, таких как критика отождествления интересов романо-германских народов с интересами всего человечества и признания неизбежности борьбы европеизирующегося народа с европейцами за свое освобождение, учения Данилевского и Трубецкого могут быть отнесены к одному типу учений, отличных и от других направлений незападной русской мысли XIX–XX веков – славянофильства, почвенничества – и, разумеется, от западных учений.

После Второй мировой войны в связи с образованием социалистического содружества восточноевропейских государств, преимущественно славянских, на Западе интерес к Н.Я. Данилевскому возрос, ибо в нем усматривали провозвестника идеи союза славянских государств. А основанное в США Международное общество сравнительного изучения цивилизаций в 1964 году признало Н.Я. Данилевского одним из родоначальников теории локальных цивилизаций.

Опубликованная в США в 1967 году книга либерального историка Р.Е. Мак-Мастера «Данилевский как тоталитарный философ» до сих пор остается на Западе наиболее значительной и полной исследовательской работой о творчестве Данилевского [55]. В монографии подробно и обстоятельно рассматриваются все основные аспекты его творчества как философа, ученого, публициста. Особенностью подхода Мак-Мастера к изучению наследия русского мыслителя является масштабная разработка им политико-идеологической

проблематики. По мнению исследователя, идеи идеолога панславизма Н.Я. Данилевского как тоталитарного мыслителя могут быть сопоставлены с идеологией большевизма.

Несмотря на то, что не все аспекты разработки Мак-Мастером проблематики творчества Данилевского представляются достаточно убедительными (например, тенденциозной является безапелляционная итоговая характеристика Н.Я. Данилевского как тоталитарного мыслителя, уязвим для критики и экзистенциально-мировоззренческий анализ его идеологической эволюции и др.), в целом книга по праву остается наиболее обстоятельным зарубежным исследованием социально-философского творчества русского мыслителя.

В сравнении с Мак-Мастером польско-американский ученый А. Валицкий в своих работах, разделяя широко распространенный западный взгляд на Данилевского как на идеолога панславизма, одновременно демонстрирует менее тенденциозный подход к осмыслению его творчества и к русской общественной и философской мысли XIX века в целом [56].

Заметной работой, в которой немало места уделено осмыслению творчества Н.Я. Данилевского стала книга А. Янова «Русская идея и 2000 год» [51, 52]. Учение Данилевского Янов истолковывает как оригинальный, но по существу утопический вариант русской идеи как идеологии имперского национализма, дистанцированный от славянофильского либерализма и предшествующий черносотенному шовинизму [51, 52]. Рассматривая учение Данилевского в контексте истории политической идеологии, Янов недостаточно внимания уделяет характеристике интеллектуального вклада мыслителя как родоначальника теории локальных цивилизаций. Кроме того, рисуя общую картину идеологического процесса в России второй половины XIX – начала XX века, он нередко допускает неточности и ошибки. Так, характеризуя учение Н.Я. Данилевского о Всеславянской федерации как звено между либеральным славянофильством и черносотенным шовинизмом, Янов допускает две ошибки. Во-первых, неверно однозначно именовать славянофильство либеральным течением, в действительности это консервативное учение с либеральными компонентами. Во-вторых, учение Н.Я. Данилевского в идеологических процессах в России во второй половине XIX – начале XX века было звеном не между славянофильством и черносотенным шовинизмом, а между славянофильством и учением К.Н. Леонтьева.

В целом же подходу Янова, типичному для либеральных историков, присуща логика бинарной оппозиции: либерализм и антилиберальные течения (марксизм, нацизм, традиционализм и т.д.). Использование такой логики, приводящей к переоценке значимости либерализма и к недифференцированному на консервативно-традиционалистский и консервативно-либеральный типы восприятия консерватизма и соответственно к недооценке значимости консерватизма, заметно искажает общую картину идеологических процессов. Важно не заикливаться на осмыслении действительно драматических коллизий либеральных и антилиберальных идейных течений, но изображать более сложную и адекватную картину движения общественного сознания, в которой наряду с течениями либеральными и антилиберальными выделяются и консервативно-либеральные. Учитывая же более значительный в сравнении с другими идеологическими течениями синтетический, интеграционный потенциал консерватизма просвещенного как консервативно-либерального синтеза, это течение не должно выпадать из общей картины.

Можно предполагать, что в современных условиях интерес западных исследователей к творчеству Н.Я. Данилевского не только не угаснет, но будет возрастать. Его наследие в ряде аспектов по-прежнему мало изучено. Остаются вопросы в рамках сопоставления теории культурно-исторических типов с другими вариантами теории локальных цивилизаций. Если тема «Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер» разрабатывается, хотя и недостаточно, то темы «Н.Я. Данилевский и А.Дж. Тойнби», «Н.Я. Данилевский и С. Хантингтон» и др. еще ждут своих исследователей. Само же древо теории локальных цивилизаций

продолжает плодоносить, недавний яркий пример – упомянутое учение С. Хантингтона о конфликте (локальных) цивилизаций как основном содержании, в частности, современной исторической эпохи.

Важной вехой являются размышления Данилевского историософско-политического плана, побуждавшие его выходить за рамки учения о взаимоотношениях России и Европы как частного случая теории культурно-исторических типов. Размышления Данилевского о политических стратегиях Запада и России стали важной вехой в эволюции консервативного сознания в России, которое в целостном виде и с учетом двух типов консерватизма – традиционалистского охранительного и консервативно-либерального – еще не реконструировано. Современная дискуссия либералов и консерваторов – еще одно свидетельство, что и в контексте рассмотрения динамики консервативного сознания в России творческое наследие Н.Я. Данилевского сохраняет свою актуальность.

К общей оценке социально-исторического наследия Н.Я. Данилевского

Определенная трудность в истолковании социально-исторического дискурса Н.Я. Данилевского связана с тем, что в нем переплетаются две линии размышлений. Первая – философско-историческая, то есть теория исторического процесса, в русле которой взаимоотношения России и Европы как культурно-исторических типов имеют лишь частный случай. Вторая линия размышлений представляет собой сочетание учения о России и Европе как культурно-исторических типах и «растворенных» в этом учении политико-идеологических взглядов.

Разумеется, и первый, и второй аспект являют собой две взаимосвязанные стороны творчества мыслителя. Не случайно Данилевский рассматривается и как теоретик исторического процесса, родоначальник еще одной (в сравнении с теорией прогресса) общей концепции исторического процесса – теории локальных цивилизаций, и как консервативный мыслитель, искавший средствами научно-философского дискурса формулу наилучшего политического устройства России в контексте традиционной для русской мысли системе координат поиска путей исторического развития страны.

Дискурс историософско-политический – характерный, своеобразный, но в то же время изначально «смещенный», в котором политические позиции распределялись не по субъектам деятельности с их политико-идеологическими программами – либералы, социалисты, охранители и т.д., а по странам и цивилизациям – либеральная цивилизация Запада, консервативно-охранительная самодержавная Россия и т.д. В русле такого подхода новоевропейская политико-идеологическая рефлексия, изначально связанная с институциональными и функциональными особенностями новоевропейской цивилизации, с мировоззренческой ориентацией личности, развертывается в своеобразной форме размышления об изначальных особенностях цивилизации, культуры, путей исторического развития и т.д. Как представляется, такой дискурс следует рассматривать как ступень, стадию освоения рефлексии о политической сфере представителями национальной консервативной и охранительной мысли. В конечном же счете необходимо, чтобы философскому содержанию соответствовала философская форма. Философская проблематика должна разворачиваться в форме философской систематики. Проблематика соединения философии с национальной консервативно-религиозной традицией была воспринята и развита в первой половине XIX века в отечественной философской мысли в творчестве славянофилов, почвенников, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, представителей русского религиозно-философского ренессанса первой половины XX века.

Как же в общем плане может быть охарактеризована та линия русской мысли XIX–XX веков, к которой могут быть отнесены учения Данилевского, Леонтьева, Трубецкого и других? Логическое ядро этого направления мысли – парадигма самобытности особенного – кристаллизуется и воспроизводится не сама по себе, а в более широкой системе координат, включающей в себя еще одно «парадигмальное» идейное течение – западничество с его неизменным логическим акцентом на общем. Между тем в национальном философско-историческом и социально-философском дискурсе наличие двух этих направлений часто рассматривалось (и справедливо) как убедительное свидетельство раскола национального политического и культурного самосознания.

С логической точки зрения, решение задачи преодоления этого расколотого состояния предполагает отказ от абсолютизации парадигм общего или особенного, в которых в качестве существенных рассматриваются либо начала общие, либо особенные. Проблема в том, что в абсолютизированных (и потому односторонних) парадигмах невозможно выдвигание гипотез о возможной существенной значимости «альтернативных» начал, в первой – особенных, а во второй – общих.

Как в свете указанных односторонних (в которых абсолютизируются начала общие либо особенные) или синтетических критериев оценки могут быть охарактеризованы воззрения различных представителей самобытнической мысли, в первую очередь Н.Я. Данилевского, а также мыслителей, испытавших его влияние, – К.Н. Леонтьева и Н.С. Трубецкого?

Из видных представителей самобытнической мысли в России XIX – начала XX века К.Н. Леонтьев был первым, кто увидел и осознал существенное значение факта разнородности незападнической мысли, выделил в ней два типа: последовательно антилиберальный (который он сам и представлял) и «непоследовательное» утверждение российской самобытности, с уступками влиянию новоевропейской цивилизации, с «либеральными иллюзиями», «розовую» мысль. За приверженность либеральным иллюзиям К.Н. Леонтьев критиковал славянофилов, Н.Я. Данилевского, Ф.М. Достоевского, не говоря уже о В.С. Соловьеве, стремясь философски сформулировать последовательные консервативно-традиционалистские воззрения. Для него было принципиально важно разделить идейные позиции на последовательно охранительные и непоследовательные. Можно предположить, что в таком строе мысли непоследовательное охранительство воспринималось как большая опасность, чем открыто враждебные леволиберальные идейные течения, поскольку последние открыто бросают вызов существующему положению вещей, а первые рядятся в охранительные одежды, не будучи таковыми по сути, соответственно, здесь или самообман, или обман. Леонтьев неустанно изобличал непоследовательность тех консерваторов, которые допускали реверансы в сторону либерализма, полагая, что тут все дело в том, что тот или иной консерватор в решении тех или иных вопросов оказался во власти леволиберальных чар.

Между тем здесь возможно и прямо противоположное истолкование. У критикуемых Леонтьевым консерваторов – славянофилов, Данилевского, Достоевского – частичные уступки либерализму вовсе не случайное проявление непоследовательности, а вполне сознательное стремление признать частичную правду либерализма. Например, центральной темой творчества Ф.М. Достоевского был человек, личность, фактически – новоевропейский субъект, а выход в зрелом творчестве Достоевского на первый план религиозной проблематики означал смещение внимания на жизнь личности верующей и (или) неверующей. Соответственно в масштабно разработанном Достоевским художественно-мировоззренческом дискурсе имплицитно имело место соединение, сочетание человека, личности, включающей измерение свободного новоевропейского субъекта, с религиозной верой, укорененной в православной традиции. Конечно, здесь

сразу можно заметить, что проблемы свободы выбора и личности – изначально христианские темы, и это несомненно.

Но столь же несомненно, что наиболее масштабное и глубокое развитие темы личности и свободы получили именно в новоевропейской культуре. Поэтому полная формула, призванная отразить существо дела, должна включать в себя указание и на христианские истоки темы личности и свободы, и на новоевропейскую идею субъекта. Достоевский в своей жизни и в творчестве постигал именно такую христианско-новоевропейскую идею личности, раскрывал ее духовные метаморфозы и т.д. Другими словами, в мировоззренческом и художественном дискурсе зрелого Достоевского сочетаются два ряда культурных значений – новоевропейские и православная традиции. В первом случае речь прежде всего идет о личности-субъекте, осуществляющей миссию свободного самоопределения в бытии в соответствии с тем, в чем она усматривает свое благо. Этот конструкт личности-субъекта – один из ведущих принципов новоевропейской цивилизации.

Следующий вопрос: насколько отчетливо сам Достоевский осознавал «зашифрованную» здесь философскую проблематику? Важно то, какой художественный дискурс он конструировал, руководствуясь своей поэтикой. Творчество Достоевского в дальнейшем стало и в известном смысле остается до сих пор объектом философской интерпретации. Как известно, наряду с В.С. Соловьевым Достоевский является родоначальником русского религиозно-философского ренессанса первой половины XX века, а именно, его экзистенциально-персоналистского направления. Кроме того, именно таким путем, то есть соединяя проблематику личности-субъекта и православной традиции, начала современные и традиционные, Достоевский вносил свой уникальный вклад в решение задачи осовременивания православия. Соответственно, речь идет о проблеме сочетания личности и традиции; и ни от одного из этих проблемных компонентов в интересах последовательности и непротиворечивости своих мировоззренческих убеждений Достоевский не готов отказаться. Можно сказать, что в зрелом творчестве Достоевского художественно-мировоззренчески сплавляются, сочетаются темы личности и свободы и тема религиозной веры, сопряженная с проблематикой православной церковной традиции, то есть идейные компоненты «либеральные» и «консервативные», о сочетании которых в послесибирском творчестве писателя можно говорить как о художественно-мировоззренческом, а в идейно-философском отношении «бессознательном» консервативно-либеральном синтезе.

Аналогичным образом может быть охарактеризовано и творчество Н.Я. Данилевского, который мировоззренчески ориентировался на два фундаментальных основания: на западную философию вкупе с новоевропейской наукой и на православную традицию.

Соответственно сформулированное Леонтьевым разделение самобытной мысли на непоследовательно и последовательно антилиберальную можно истолковать как одну из первых попыток разделить консерватизм традиционалистский и просвещенный, основывающийся на синтетической консервативно-либеральной тенденции. При сравнении указанных идейных тенденций эти два типа мысли могут быть проиллюстрированы и на других примерах.

Значит, в целом можно говорить о двух тенденциях в развитии самобытной мысли в России 40-х годов – второй половины XIX – начала XX века: консервативно-либеральной и традиционалистской. Различие этих двух внешне сходных направлений мысли заключается в том, что сторонники их ориентируются на различные пути развития культуры (цивилизации), одни – на последовательную опору в мировоззрении и в жизни на ценности консервативно-охранительные, другие – на синтез традиции с определенными принципами современности (новоевропейской цивилизации). Ввиду важности этого разделения, суждения К.Н. Леонтьева по данному вопросу заслуживают особого внимания.

В либеральной и позитивистской историографии русской социально-философской мысли в России конца XIX – начала XX века П.Н. Милюков был первым, кто не просто эмпирически констатировал различие учений славянофилов и Н.Я. Данилевского, цитируя разъяснения самого Данилевского на сей счет, но придал этому разделению существенное значение, построив на нем типологию славянофильства раннего и позднего, «разлагающегося» [26]. В знаменитых в свое время докладе и статье «Разложение славянофильства» он уделил много внимания творчеству Данилевского, рассматривая его как особое звено в процессе «идейного разложения» славянофильства. По Милюкову, общая схема эволюции славянофильского типа мысли такова: от славянофильства первоначального, представлявшего собой противоречивое сочетание двух разнородных идей – национальной (значимой преимущественно для России) и мессианской религиозной (значимой для человечества), к учениям Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева. В учении Данилевского возобладали «национальный эгоизм» (оценка П.Н. Милюкова, совпадающая с такой же у В.С. Соловьева), а у Леонтьева – религиозный обскурантизм. То обстоятельство, что у Данилевского национальный эгоизм возобладали над общечеловеческим универсализмом, и было разложением национальной идеи славянофилов. Религиозная сторона славянофильства, по Милюкову, нашла продолжение в творчестве В.С. Соловьева. Однако у него славянофильская религиозная мессианская идея, обращенная к человечеству, разложилась и трансформировалась в европеизм и католическую ориентацию. По заключению Милюкова, так и разложились части славянофильства, а само оно умерло. Однако общий вывод Милюкова может быть оспорен. В российском общественном сознании не умерли ни национальная идея, ни религиозная сторона славянофильства, которая к тому же в своей поздней фазе была Милюковым неверно истолкована, ибо автор «Разложения славянофильства» ошибочно рассматривал творчество Соловьева как заключительную стадию эволюции славянофильской религиозной мессианской идеи. Неоправданными оказались и ожидания самого Милюкова, поскольку либеральное западничество не стало для России в начале XX века безальтернативным основополагающим путем в будущее.

Однако нельзя не согласиться с Милюковым в том, что указание на различие славянофильства и учения Данилевского имеет существенное значение. В учениях славянофилов (в частности И.В. Киреевского) и Н.Я. Данилевского задавалась различная «дистанция» между Россией и Европой как культурно-историческими типами, по-разному оценивался «диалогический потенциал» их взаимоотношений. Если Киреевский фактически признавал такой диалог в вопросах поиска истинных путей для современной цивилизации, христианской по своим истокам, то Данилевский признавал продуктивным лишь такое межкультурное или межцивилизационное взаимодействие, которое в конечном счете укрепляло самобытные начала культурно-исторического типа.

Соответственно в незападническом направлении русской мысли в осмыслении взаимоотношений России и Европы могут быть выделены два подхода. У представителей первого подхода – славянофилов и почвенников – полагание противостояния с Западом в одних аспектах (прежде всего в религиозных, как у И.В. Киреевского, Ф.М. Достоевского и др.) сочеталось с признанием значимости диалога с ним. Быть может, в формальном, структурном плане наиболее отчетливо эту несколько парадоксальную установку России по отношению к Западу, в которой сочетается приемлемое и неприемлемое в Европе для России, сформулировал К.Н. Леонтьев, который, с одной стороны, неизменно восхищался «старой» Европой – средневековой, феодальной, аристократической и был непримиримым противником Европы новоевропейской – либерально-демократической, прогрессистской. Второй подход заключался в признании необходимости принципиального, непримиримого противостояния с новоевропейским Западом и основывался на сломе амбивалентного равновесия, присущего первой позиции. Впервые указанный «слом» славянофильской

установки обнаруживается у Н.Я. Данилевского и получает развитие у К.Н. Леонтьева, Н.С. Трубецкого и других евразийцев.

Вслед за К.Н. Леонтьевым и П.Н. Милюковым существенное различие позиций «старших славянофилов», с одной стороны, и Н.Я. Данилевского, Н.С. Трубецкого и других евразийцев – с другой стало предметом осмысления Г.В. Флоровского, который в своей знаменитой статье «Евразийский соблазн» (1920) отмечал не только различие, но и связь судеб России и Запада: «Великая правда старших славянофилов была в их остром чувстве русской религиозно-культурной ответственности пред Западом. Россия должна и призвана ответить на западные вопросы. Русская мысль должна пережить западные соблазны, ибо это человеческие соблазны, соблазны призванного в Церковь человечества». Флоровский продолжал и развивал позицию старших славянофилов: «Географически и биологически не так трудно провести западную границу России, и может быть, даже выстроить на ней стену. Вряд ли так же легко и просто разделить Россию и Европу в духовно-исторической динамике; и вряд ли это нужно. Нужно твердо помнить: имя Христа соединяет Россию и Европу, как бы ни было оно искажено и даже поругано на Западе. Есть глубокая и не снятая религиозная грань между Россией и Западом, но она не устраняет внутренней мистико-метафизической их сопряженности и круговой христианской поруки. Россия, как живая преемница Византии, останется православным Востоком для неправославного, но христианского Запада внутри единого культурно-исторического цикла» [46].

Таким образом, если с учетом вышеуказанного деления охарактеризовать спектр позиций по поводу взаимоотношений России и Европы, то вопреки широко распространенному представлению о наличии здесь двух типов позиций, западнической (неозападнической) и славянофильской (неославянофильской), следует говорить о трех типах позиций. Первый тип – славянофильски-почвеннический, в котором непримиримое противоречие с Западом по отношению к отдельным аспектам западной цивилизации и культуры – в конфессиональном плане и в отношении радикальных тенденции секуляризации и др., сочетаются с признанием необходимости сохранения диалога России с Западом в культурном и цивилизационном отношениях. Второй тип, условно говоря, евразийский, характеризуется признанием необходимости принципиальной борьбы с Западом, само существование которого представляется здесь неизменно сопряженным с эксплуатацией всего незападного мира. И, наконец, третий тип – западнический (неозападнический), предусматривающий принципиальный идейный (и политический) союз России с Западом.

В указанной типологии наиболее продуктивной следует признать первую позицию как наиболее сбалансированную в отличие от односторонних – второй и третьей. Дело в том, что сторонники второй позиции настроены по отношению к Западу односторонне отрицательно. Напротив, сторонники третьей склоняются к отождествлению интересов Запада и России. При таких подходах становятся неизбежными либо переоценка цивилизационных и культурных достижений Запада наряду с неспособностью увидеть его недостатки, присущие ему кризисные явления в сочетании с неизменно критическим настроением по отношению к России, либо рассмотрение Запада исключительно в негативном ключе, с одновременным рассмотрением России как лишенной каких-либо существенных недостатков, что в целом, в рамках данных однотипных позиций, несомненно, ограничивает возможности реалистического и продуктивного осмысления темы. Наиболее продуктивной и сбалансированной представляется перспектива осмысления проблематики цивилизационного и культурного взаимоотношения России и Запада в русле подхода первого типа, ибо это подход сбалансированный и реалистический.

Итак, характеризуя место идейного наследия Н.Я. Данилевского в эволюции консервативного сознания в России, действительно ли следует говорить о нем как о переходном звене от консервативно-либерального славянофильства к «черносотенному национализ-

му», к «боевому» национализму или же каким-то иным образом? Первая характеристика была бы верна в том случае, если бы история консервативного сознания в России была историей сплошного упадка и вырождения, – именно такова с легкой руки П.Н. Миллюкова либеральная трактовка этой истории. С характеристикой Миллюкова согласны и последующие поколения либеральных историков. В действительности же все обстояло с точностью до наоборот. Дело в том, что консервативное сознание в России XIX века было неоднородно, оно включало в себя направление официально-охранительное от графа Уварова до К.П. Победоносцева и К.Н. Леонтьева (примитивизация и омассовление этого направления способствовали формированию «боевого» черносотенного консервативного охранительства) и направление консерватизма «творческого», ориентированного на консервативно-либеральный синтез, важной вехой в становлении которого было творчество представителей русского религиозно-философского ренессанса начала XX века, в исторической практике представленное реформами П.А. Столыпина. В отличие от косных консерваторов чисто охранительного типа, принципиально не идущих на диалог с современными началами, представители консерватизма «творческого» были нацелены на искание в общественной жизни и в культуре меры сочетания, сохраняемого, неизменного и нового, изменчивого.

Среди представителей охранительного консерватизма наиболее яркой и парадоксальной фигурой является К.Н. Леонтьев, идейные искания которого по форме напоминали консерватизм «творческий», однако убеждения Леонтьева были последовательно консервативно-охранительными, косными, в главном ничем не отличающимися от взглядов консерватора-охранителя К.П. Победоносцева – одной из наиболее могущественных фигур последнего периода существования Российской империи за счет сочетания в ней исключительного влияния на формирование политического мировоззрения Александра III и Николая II, глубоко убежденного в гибельности любых существенных общественно-политических и культурных перемен. В этом отношении Данилевский не был похож на Леонтьева, так как первый был представителем консерватизма творческого не только по форме, но и в отдельных содержательных аспектах своих взглядов. Так, Данилевский не был чужд размышлений о том, каким образом возможно сочетание идеала свободы с реалиями российского общества второй половины XIX века, признавая необходимость научного обоснования «славянофильской мечты».

Для верного ответа на вопрос о месте творчества Данилевского в эволюции русского консервативного сознания следует принять во внимание принципиально важные, присущие ему противоречия, отмеченные такими его пронизательными критиками как К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, Н.И. Кареев. Известно, что К.Н. Леонтьев критиковал Н.Я. Данилевского за «либеральные иллюзии». Но почему, собственно, в этом вопросе следует разделять оценки К.Н. Леонтьева, а не сочувствовать исканиям самого Данилевского, задумывавшегося, хотя и непоследовательно, эпизодически о путях сочетания принципов консервативных и либеральных, размышлявшего о том, как учесть стремление русского общества к свободе в период великих реформ Александра II. Таким образом, творчество Данилевского воплотило в себе историческую неоднозначность, разновекторность русской консервативной мысли середины и второй половины XIX века, отдельные его стороны могут рассматриваться как в русле консерватизма охранительного, так и «творческого», консервативно-либерального.

В этой связи нужно отметить, что в истории русской мысли XIX века наряду с односторонними позициями, западнической и «почвеннической», есть также интенции, эскизы в направлении построения синтетических консервативно-либеральных концепций, которые, однако, до сего времени не систематизированы и не занимают отдельного места в современных оценках идейной жизни прошлого. Между тем не следует забывать, что одной

из актуальных задач современного российского общественного сознания является поиск баланса начал западнических и самобытных, отход от одностороннего, абсолютизированного утверждения первых или вторых. Нужно отметить, что односторонним, абсолютизированным позициям – западнической и «почвеннической» – соответствуют последовательное либеральное западничество (а также социалистические направления) и консерватизм традиционалистского типа.

Синтетическая же тенденция воплощалась в первом случае в виде просвещенного консерватизма (синтез консервативно-либеральный или традиционалистско-модернистский), а во втором – в виде национально-государственнически и религиозно ориентированного либерализма, (синтез либерально-консервативный). Понятно, что синтезы консервативно-либеральный и либерально-консервативный с разных сторон приближались к гипотетической центристской или, точнее, к синтетической позиции, противостоящей крайностям как одностороннего, абсолютизированного лево-либерального западничества, так и традиционалистского почвеннического консерватизма.

Таким образом, общий ответ на вызов актуального, устойчиво воспроизводимого со времен начала полемики западников и славянофилов раскола национального политико-культурного самосознания, надо полагать, в значительной мере должен строиться на основе синтеза консервативно-либерального типа. Можно сказать, что внутри цикла российской истории, начатого петровской модернизацией и продолжающегося до сих пор, в рамках которого были апробированы различные подходы: имперский прагматизм, левое и либеральное западничество, – синтез этот в силу особых российских исторических условий один из самых сложных и потому поздний.

В.С. Соловьев и в еще большей мере Н.И. Кареев критиковали Данилевского за то, что в своей философии истории он отступал от начал, сформулированных в теории культурно-исторических типов тогда, когда в картину истории как совокупности «биографий» обособленных культурно-исторических типов (цивилизаций), вводил Провидение, определявшее план борьбы града земного и града небесного [см. 12, с. 31, 47, 50–51]. Да, здесь у Н.Я. Данилевского противоречие, однако важно не только зафиксировать его, но и понять, что за ним стоит. Данилевский считал, что тему культурных и политических взаимоотношений России и Европы невозможно полностью раскрыть без обращения к религиозно-философским размышлениям о смыслах судеб христианства в мире: на Западе и на православном Востоке. А то, как именно этот последний план следует учесть – в духе ли родоначальников славянофильства, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, Ф.М. Достоевского или Г.В. Флоровского и др. – на этот вопрос давались различные ответы, и продолжение этого дискурса – одна из творческих задач отечественной религиозно-философской мысли.

Литература

1. *Авдеева Л.Р.* Русские мыслители: Ап.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов: Философская культурология второй половины XIX века. М.: Изд-во МГУ, 1992.
2. *Аринин А.Н., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М., 1996.
3. *Бажов С.И.* Философия истории Н.Я. Данилевского. М., 1997.
4. *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь, 2001.
5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Глаголь, 1995. С. 432–462.
6. *Буренков А.В.* Творческое наследие Н.Я. Данилевского как составная часть русской христианской философии // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма: Материалы международной научно-практической конференции / Институт русско-славянских исследований имени Н.Я. Данилевского; Курская

- государственная сельскохозяйственная академия имени И.И. Иванова; Академия биоресурсов и природопользования ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского». 2016. С. 32–40.
7. *Вайгачев С.А.* Комментарии // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 1991. С. 556–567.
 8. *Вайнштейн О.А.* Очерки развития буржуазной философии и методологии истории в XIX–XX веках. Л., 1979.
 9. *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Русская философия IX–XIX вв. Л., 1989.
 10. *Голосенко И.А.* Н.Я. Данилевский // Социологическая мысль в России. Л., 1978.
 11. *Грубин В.А.* Проблема общего и особенного в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Вестник ЛГУ. 1973. Вып. 2, № 11. С. 128–131.
 12. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. СПб., 1889.
 13. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991.
 14. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995.
 15. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм: Критическое исследование. Т. 1. СПб., 1885.
 16. *Данилевский Н.Я.* Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890.
 17. *Данилевский Н.Я.* Горе побежденным! М., 1998.
 18. *Данилевский Н.Я.* Показание // Дело петрашевцев. Т. 2. М., 1941. С. 325–326.
 19. *Деборин А.М.* Гибель Европы или торжество империализма? / А.М. Деборин // Философия и политика. М., 1961. С. 108–129.
 20. *Завитневич В.З.* Русские славянофилы и их значение в деле уяснения идей народности и самобытности. Киев, 1915.
 21. *Кареев Н.И.* Теория культурно-исторических типов / Н.И. Кареев // Философия истории в русской культуре. СПб., 1912.
 22. *Королева Л.Г.* Идеи Н.Я. Данилевского и современная философия культуры // Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке: Материалы международной научно-практической конференции / Институт русско-славянских исследований имени Н.Я. Данилевского; Российское общество историков-архивистов; Курская государственная сельскохозяйственная академия имени профессора И.И. Иванова. 2014. С. 75–80.
 23. *Кузнецов Ю.В., Салмина И.Ю.* Философия истории Н.Я. Данилевского и западно-европейская мысль XIX–XX вв.: особенности рецепции // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2011. Т. 14. № 2. С. 248–253.
 24. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886.
 25. *Ли Хайянь.* Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского в России и Китае: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. 09.00.03. М., 2010.
 26. *Миллюков П.Н.* Разложение славянофильства / П.Н. Миллюков // Из истории русской интеллигенции. СПб., 1902. С. 266–308.
 27. *Мордовской Н.В.* К критике «философии истории» Н.Я. Данилевского // Философские проблемы общественного развития. М., 1971. С. 261–290.
 28. *Мякотин В.А.* Данилевский // Энциклопедический словарь товарищества Гранат. 7-е изд. Т. 17. М., б. г. С. 552–558.
 29. *Пеунова М.Н.* Неославянофильство // История философии в СССР. Т. 3 / под ред. В.Е. Евграфова М., 1968. С. 323–341.
 30. *Покровский М.Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.
 31. *Пустарнаков В.Ф.* Концепция «культурно-исторических типов» («локальных цивилизаций») Н.Я. Данилевского // Цивилизация и исторический процесс / под ред. Л.И. Новиковой. М., 1983. С. 118.
 32. *Радлов Э.Л.* Очерк истории русской философии // *Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.Л., Шпет Г.Г.* Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991.
 33. *Рожков В.П.* Русская философия истории: особенности проектов А.С. Хомякова, Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева // Аспирантский вестник Поволжья. 2016. № 3–4. С. 154–158.
 34. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники. Т. 1. СПб., 1913.
 35. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Мемуары. Вып. 1. Пг., 1917.
 36. *Смирнов А.В.* Общечеловеческое и всечеловеческое, или чему сегодня нас может научить Н.Я. Данилевский / А.В. Смирнов // Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М., 2015.
 37. *Смирнов А.В.* Всечеловеческое vs общечеловеческое. М., 2019.
 38. *Соколов Н.М.* А.С. Хомяков и Н.Я. Данилевский // Русский вестник. 1904. № 7. С. 137–193.
 39. *Соловьев В.С.* Собр. соч. Т. 5. СПб., б. г.
 40. *Страхов Н.Н.* Предисловие // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. 4-е изд. СПб., 1889.
 41. *Султанов К.В.* Концепция «культурно-исторических типов» Н. Данилевского и современная западная философия истории // Философские и социологические исследования. Вып. XIII. Л., 1972. С. 183–184.
 42. *Султанов К.В.* Философско-социологическая система Н.Я. Данилевского и ее толкование в современной буржуазной философии (критический анализ): автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Л., 1975.
 43. *Султанов К.В.* Социальная философия Н.Я. Данилевского и проблема «культурно-исторических типов» в современной общественной мысли: автореф. дисс. ... д-ра философ. наук. СПб., 1995.
 44. *Султанов К.В.* Социальная философия Н.Я. Данилевского. СПб., 2001.
 45. *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.

45. *Филатов А.Н.* К характеристике методологии исторического исследования Н.Я. Данилевского // Ученые записки Казанского педагогического института. Вып. 178. Казань, 1977. С. 105–121.
46. *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 34. С. 312–346.
47. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественной мысли XIX века. М., 1986.
48. *Чесноков Г.Д.* Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского / Г.Д. Чесноков // Современная западная философия истории. Горький, 1972.
49. *Шкуринов П.С.* Позитивизм в России XIX века. М., 1980.
50. *Янов А.* Русская идея и 2000 год // Нева. 1990. № 9–12.
51. *Янов А.* Русская идея. От Николая I до Путина. Кн. 1–4. М., 2014–2016.
52. *Fadne F.* Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karamsin to Danilevsky. 1800–1870. Washington: Georgetown University Press, 1962.
53. *Kohn H.* Dostoevsky and Danilevsky. Nationalist Messianism // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1955. P. 480–515.
54. *Mac-Master R.* Danilevsky: A Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge (Massachusetts): Harvard University Press, 1967.
55. *Walicki A.* The Slavophile Controversy: History of a Conservative Utopia in Nineteenth Century Russia Thought. Notre Dame (Indiana): University of Notre Dame press, 1975.

Аннотация. В статье, посвященной биографии и философско-историческому творчеству Н.Я. Данилевского, теория культурно-исторических типов рассматривается не только как первый вариант теории локальных цивилизаций, но и как звено в эволюции русской консервативной мысли середины и второй половины XIX века. Отмечается, что отдельные стороны социально-исторических воззрений Н.Я. Данилевского могут рассматриваться в русле двух основных типов консерватизма – охранительного, традиционалистского и просвещенного, консервативно-либерального.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, философия истории, родоначальник теории локальных цивилизаций, теория культурно-исторических типов, цивилизационный подход, консерватизм.

Sergey I. Bazhov, PhD of Philosophy, Senior Researcher, History of Russian Philosophy Sector, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. E-mail: bazhovsi@mail.ru

N.Ya. Danilevsky's Course of Life and Philosophy of History

Abstract. In an article devoted to the biography and philosophical and historical work of N.Ya. Danilevsky, the author examines the theory of cultural-historical types not only as the first version of the theory of local civilizations, but also as an element in the evolution of Russian conservative thought in the middle and second half of the 19th century. It is noted that certain aspects of the socio-historical views of N.Ya. Danilevsky can be viewed in the framework of the two main types of conservatism – protective, traditionalist type and enlightened, conservative-liberal model.

Keywords: N.Ya. Danilevsky, Philosophy of History, Founder of the Theory of Local Civilizations, Theory of Cultural and Historical Types, Civilizational Approach, Conservatism.

Данилевский – основоположник русской историософии

Обращаясь к русским мыслителям прошлого, мы всегда должны задаваться вопросом: что он значит для наших дней? Только ли это подлинный камертон для настройки нашего самосознания на русский лад или какие-то идеи и прозрения философа сбылись, а то даже и сбываются в наши дни. Или, наконец, он интересен лишь для историков, изучающих наше прошлое.

Н.Я. Данилевский не только один из крупнейших русских мыслителей XIX века, он положил начало самобытной русской историософии. Его теория культурно-исторических типов опередила свое время, но она же и положила начало новой историософии, и не только в России, но и в Европе.

Несомненно, Н.Я. Данилевский был плохо понят своими современниками, и не только «прогрессивными» как Вл. Соловьев, но и консервативно настроенными. Даже Ф.М. Достоевский после первого и сильного увлечения в последние годы охладил к мыслителю за его излишнюю критику Европы. Перед ее «священными камнями» Данилевский не был готов лить слезы.

Идеи Данилевского по-своему трансформировались у Л.Н. Гумилева в его фазах этногенеза, а ранее у К.Н. Леонтьева в выделенных им фазах развития государств (первоначальной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения). К числу движущих факторов истории Данилевский, наряду с культурно-историческими типами, добавил так называемых бичей Божиих – нерациональный фактор истории. У Гумилева это «пассионарные толчки» неземного происхождения и, возможно, «антисистемы», увлекающие временами значительную часть населения тех или иных стран.

По своему месту в русской историософии Данилевского можно сравнить с Глинкой в русской музыке или Пушкиным в русской поэзии, а его книгу «Россия и Европа» – с «Шинелью» Гоголя, из которой, по словам Достоевского, вышла вся русская литература.

Все русские философы истории, развивая свои идеи, «внешне», казалось бы, совсем далекие от культурно-исторических типов, тем не менее всегда благоговейно относились к «Глинке» русской историософии, ибо, по существу, продолжали или развивали идеи Данилевского. Бесплодность же многих современных геополитиков в России во многом объясняется тем, что они идут не от Данилевского, а продолжают и развивают чужие историософские идеи и построения.

Знание теории Данилевского о наличии славянского и германо-романского культурных типов, без всякого сомнения, избавило бы нас от многих наших иллюзий о существовании христианской и гуманистической Европы, желающей нам добра, благополучия и процветания, и наивных удивлений о наличии двойных стандартов в отношении к России.

Дверницкий Борис Георгиевич, метафизик, главный редактор журнала «Русское самосознание». E-mail: dvernitb@mail.ru

Вот что писал Данилевский о двойных стандартах 150 лет назад: «После раздела Польши едва ли какое другое действие России возбуждало в Европе такое всеобщее негодование и сожаление, как война с кавказскими горцами и, особенно, недавно совершившееся покорение Кавказа. Сколько ни стараются наши публицисты выставить это дело как великую победу, одержанную общечеловеческой цивилизацией, ничто не помогает. Не любит Европа, чтобы Россия бралась за это дело. – Ну, на Сырдарье, в Коканде, в Самарканде, у дико-каменных киргизов еще куда ни шло, можно с грехом пополам допустить такое цивилизаторство, все же вроде шпанской мушки оттягивает, хотя, к сожалению, и в недостаточном количестве, силы России, а то у нас под боком на Кавказе; мы бы и сами здесь поцивилизовали. – Что кавказские горцы и по своей фанатической религии, и по образу жизни, и по привычкам, и по самому свойству обитаемой ими страны – природные хищники и грабители, никогда не оставляющие и не могущие оставлять своих соседей в покое, – все это не принимается в расчет. Рыцари без страха и упрека, паладины свободы, да и только! В шотландских горах с небольшим лет сто тому назад жило несколько десятков, а может и сотен тысяч таких рыцарей свободы; хотя те были христиане, и пообразованнее, и нравом посмирнее, – да и горы, в которых они жили, не кавказским чета, – но, однако же, Англия нашла, что нельзя терпеть их гайлендерских привычек и при удобном случае разогнала их на все четыре стороны. А Россия, под страхом клейма гонительницы и угнетательницы свободы, терпи с лишком миллион таких рыцарей, засевших в не исследуемых тущубах Кавказа, препятствующих на целые сотни верст кругом всякой мирной оседлости; и, – в ожидании, пока они не присоединятся к первым врагам, которым вздумается напасть на нее со стороны, – держи, не предвидя конца, двухсоттысячную армию под ружьем, чтобы сторожить все входы и выходы их этих разбойничьих вертепов» [1, с. 30–32].

Несомненно, новыми в науке и философии следует считать введенные Данилевским понятия об искусственных и естественных системах, а также о законах-рецептах и подлинных законах. Правильно понятые нами они помогают здраво и трезвенно оценивать многие существующие теории и системы, в подавляющем своем большинстве искусственные. Понятые так, они уже не имеют над нами прежней силы и влияния. И другого способа избавиться от их «очарования» или «прелести» в аскетическом понимании этого слова нет. Разве что создать другую искусственную систему на ту же тему.

Не устарела критика Данилевским дарвинизма и демократии, а также многие его публицистические статьи, посвященные геополитике и либерализму. Об этом свидетельствует быстро разошедшийся, вышедший в 1998 году, сборник его политических статей «Горе победителям».

Правильному восприятию Данилевского мешает многое. Больше всего – предубеждения, глубоко вкорененные в наше сознание. Так, многим трудно серьезно говорить о национальной философии, науке, экономике, ибо они, по их убеждению, интернациональны.

Однако как понимал национальное Н.Я. Данилевский? Национальное он видел прежде всего в самобытном изначальном подходе к решению тех или иных проблем, в том «первичном национальном моменте», о котором говорят отдельные философы и который предопределяет и все последующее. Поясню это на примерах.

«Борьба и соперничество», изначально присущие, по мнению Данилевского, англосаксам, породили три односторонние теории. Т. Гоббс создал политическую теорию образования государств на принципах «войны всех против всех»; А. Смит – экономическую теорию свободного соперничества и борьбы между производителями и потребителями; Ч. Дарвин – биологическую теорию борьбы за существование, объясняющую происхождение всех видов растений и животных. Дополним, А. Тойнби в своей многотомной книге «Постижение истории» утверждал, что принцип «Вызов – и Ответ» является основой исторического развития и раскрывает логику всей истории мировой культуры.

Подобный национальный подход при решении тех или иных задач нам никогда не следует принимать за общечеловеческий. Мы должны искать собственное национальное решение, опираясь на свой «первичный момент», на свои традиции, свой склад ума и характер и на многое другое, что характерно для нашего народа. Естественно возникает вопрос: а что характерно для русского подхода к решению научных и философских проблем?

«Организмизм» или «органическое» объяснение природы и общества в их специфике и цельности как общего и отдельного, – пишет А.А. Галактионов, – принадлежат к числу «сквозных» концепций в истории русской философии и социологии. Ей следовали люди различных, часто взаимоисключающих политических и теоретических взглядов; она существовала в многообразных вариантах, включалась в системы идей или являлась их формообразующим началом, и приводила, разумеется, к несоответствующим выводам» [1, с. XI]. «Поэтому, – продолжает он, – принцип “организмизма” в истории русского мышления играл роль определенной методологической установки, способа осмысления, приемов исследований и изложения научно-философских проблем в их связях, в их системности. В этом отношении роль органической теории сопоставима лишь с методологией антропологизма или диалектики, также определявших образ мысли многих русских интеллектуалов» [1, с. XI]. Сказанное не исчерпывает характеристику русского «изначального момента», но как иллюстрация национального подхода вполне достаточна. Здесь просто не место развивать эту тему, она заслуживает отдельного разговора.

Многие утверждения Данилевского шире их первичного применения. Так, пять фазисов развития науки (собрание материала, период искусственных систем, фаза естественных систем, период частных эмпирических законов и период общего рационального закона) приложимы и к развитию философии. Я писал об этом в своей статье о Вл. Соловьеве [7, с. 168–177]. То же отмечено А.А. Галактионовым в отношении пяти геополитических законов Данилевского: «Теория культурно-исторических типов Данилевского – цельное, системное учение о нациях, их сущности, происхождении, признаках и законах. К сожалению, этого не оценил никто из авторов, писавших о Данилевском, потому что старые русские историки и социологи в большинстве не принимали славянофильской концепции Данилевского и потому за конкретной проблемой “Россия и Европа” не увидели ее теоретического ядра – теории нации; а мышление советских теоретиков было замкнуто в установках работы “Марксизм и национальный вопрос”, которая считалась бесспорным первоисточником. Однако законы культурно-исторических типов близки по смыслу с признаками нации, названными И.В. Сталиным через сорок лет после выхода в свет книги “Россия и Европа”... Законы культурно-исторических типов, открытые Данилевским, начинают длительный поиск определения признаков нации, продолжающийся и в настоящее время. Все предлагаемые варианты, в том числе и самые последние, восходят или просто с некоторыми несущественными поправками повторяют уже известное, изложенное в книге “Россия и Европа”» [1, с. XIX].

Напомню эти пять законов.

1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собой для того, чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, – составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу.

По природе и характеру развития самобытных цивилизаций Данилевский выделял четыре культурно-исторических типа: «подготовительный» (первичный или автохтонный), «одноосновный», «двухосновный» и «четырёхосновный». Цивилизации подготовительного типа имели задачу выработать те условия, при которых вообще становится возможной жизнь в организованном обществе [1, с. 401]. К ним относятся египетский, китайский, древнесемитский, индийский и иранский типы. Второй тип – «одноосновный» (еврейский, греческий, римский, новосемитский, или аравийский). «Цивилизации этого типа развили только одну из сторон культурной деятельности. Еврейская цивилизация – сторону религиозную; греческая – собственно культурную; римская – политическую» [1, с. 405]. Третий тип – «двухосновный» (германо-романский или европейский) и четвертый тип – «четырёхосновный», он реализуется славянами. Исходил Данилевский при этом из конкретной истории существования и развития этих культурно-исторических типов. Однако на основе теории Данилевского и анализа исторических фактов мы можем сформулировать шестой закон существования самобытных цивилизаций:

«Каждая цивилизация включает в себе четыре (три) основы, но не всякая их реализует. Развиваясь, основы должны не отменять, а дополнять одна другую, постепенно раскрываясь в исторической жизни нации. Когда этого не происходит, цивилизация исчезает как таковая».

В истории еще не было ни одной цивилизации, которая бы в своем развитии прошла четырёхосновный тип развития. Особые надежды при этом Данилевский возлагал на Россию. Отдельный вопрос: что принимать за эти «основы»? – мы рассмотрим ниже. Каждая «основа» цивилизации в своем развитии проходит несколько периодов или фаз. У Гегеля мы видим пять периодов развития абсолютного духа: детство, отрочество, юность, возмужалость и старость. Л.Н. Гумилев выделял семь фаз (подъем, акматическая фаза, надлом, инерция, обскурация, мемориальная фаза и гомеостаз). Н.Я. Данилевский говорил о трех периодах развития культурно-исторических типов: этнографическом, государственном и цивилизационном.

Кризис и даже трагедия нашего времени состоит в том, что мы, находясь в цивилизационном периоде, завершающем ход развития третьей «основы», приступили к реализации четвертой «основы» нашей цивилизации. Данилевский пишет об этом времени: «период цивилизаций есть время растраты, – растраты полезной, благотворной, составляющей цель самого собирания, но все-таки растраты; как бы ни был богат запас сил, он не может, наконец, не оскудеть, не истощиться» [1, с. 91].

Вернемся к основам. Данилевский принимал за «основы» религию, политику (государство), культуру и экономику. Я ранее [9] писал о четырех стадиях, или, что то же, основах становления русского народного духа: идеократической (религиозной), государственной (политической), имперской (культурной) и националистической. На этих стадиях

своего становления русский народный дух осознал себя православным в Киевской Руси, затем государственным в период Московского Царства, далее имперским в Российской Империи и, наконец, на последнем четвертом завершающем этапе должен осознать себя конкретно русским или, может быть, великорусским. Другими словами, народный дух в своем историческом развитии всегда стремится достичь максимально ему доступных высот, силы, широты (мощи) и глубины (крепости).

Максимальной высоты мы достигли, став православным народом; силу обрели, развив в себе государственное чувство, которое еще до сих пор сохраняет нас как единый народ; широта русского духа проявила себя в создании громадной Империи, воспитав в нас чувство комплиментарности к народам, издавна живущим вместе с нами на просторах России – Евразии и ответственность за их судьбы. И вот теперь перед нами стоит новая историческая задача достижения глубины познания самих себя как русских людей и связанное с этим обретение нашей внутренней крепости. Только на этом глубинном уровне мы сможем обрести новую сплоченность, вызвать к жизни новые силы единения русского народа, без которых ни наше государственное чувство, ни наша имперскость, ни даже наша православность, не будут в состоянии сохранить единство русской нации.

То, что будущее за «четырёхосновными» нациями и цивилизациями, – это несомненно. В утверждении этого заключается гениальное прозрение Н.Я. Данилевского для наших дней. Будущее всегда за теми, кто вписан в историю, через кого она осуществляется в своей позитивной части.

Итак, Россия вступила в начальную фазу четвертой стадии, или «основы», для которой характерны немногочисленность национальных пассионариев и значительное число субпассионариев по сравнению с предыдущей стадией. С развитием четвертой «основы» во времени число национальных пассионариев будет неуклонно возрастать. И это закон Истории, а с ним шутки плохи. И тут чрезвычайно важно чтобы доминанта национальности или национализма не погасила остальных «основ» нашей исторической жизни, как это имело место в Германии. Может быть потому, что это всего лишь «двуосновная» нация по Данилевскому, а может быть и по какой другой причине. В начале нашей эры Израиль, связав воедино свои религиозные и национальные (племенные) чаяния, совершил этим величайшую историческую ошибку и сошел с исторической сцены в качестве самостоятельного положительного фактора истории.

Где будут проходить основные линии вражды, могущие ввергнуть мир в тягчайшие испытания в XXI веке? Знание этого чрезвычайно важно, так как может помочь нам занять правильную позицию и не дать ввергнуть себя в чужие войны и столкновения. Говорит ли нам что-нибудь Данилевский по этому поводу.

В конце XX века Самюэль Хантингтон, отмечая «устарелость» деления истории после холодной войны на «первый», «второй» и «третий» миры, пишет: «в нарождающемся мире основным источником конфликтов будут уже не идеология и не экономика. Важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой. Наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями (или группами), принадлежащими к разным цивилизациям. Столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это и есть линии будущих фронтов» [2, с. 33]. При этом он выделяет восемь цивилизаций: Запад, Православие – Россия, Ислам, Китай, Индия, Япония, Африка, Латинская Америка. И тут он мыслит всецело в духе Данилевского. Однако к концу XX века цивилизации в основном уже нашли и «застолбили» свои естественные границы и определили свои пути развития. Исключение составляют индуистская и мусульманская Индия, то есть Пакистан, и еще ряд более мелких источников напряжений. В то же время необходимо отметить, что на самом деле с учетом разного подхода к определению

цивилизаций, суперэтнотосов и культур число их существенно больше. (Я выделил 27 таких сообществ [см. 7, с. 5–29].) Отсюда возрастает и число линий противостояния. Этим определялась война между исламскими странами: суннитской Саудовской Аравией и шиитским Ираном и ряд других конфликтов. Но не подобные, хотя и кровопролитные, столкновения будут доминирующими в XXI веке.

На мой взгляд, главный ряд столкновений и основную напряженность в мире будут вызывать те цивилизации, которые по каким-либо причинам будут выходить из границ своего цивилизационного пространства. То есть будут под разными обоснованиями навязывать другим цивилизациям свою идеологию, культуру, способы экономического развития, либо будут эксплуатировать другие цивилизации (экономический колониализм). И здесь, безусловно, ясно всем, что основным источником напряженности в XXI веке будут США. Однако этим не исчерпываются все главные опасности наступившего века.

Особую опасность во все времена представляли, по определению Данилевского, «бичи Божии». В книге «Россия и Европа», он выделил три категории исторических деятелей: положительных деятелей в истории человечества (десять культурно-исторических типов и одиннадцатый – славянский, находящийся в развитии); «временно появляющиеся феномены, смущающие современников, как гунны, монголы, турки, которые, совершив свой разрушительный подвиг, помогли испустить дух борющимся со смертью цивилизациям и разнеся их остатки, скрываются в прежнее ничтожество», – «отрицательные деятели человечества»; «племена, которым не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия, – ни положительной, ни отрицательной исторической роли» [1, с. 75].

На мой взгляд, к современным «бичам Божиим» следует относить те племена и народности, которые, не став или перестав быть самобытной цивилизацией, пытаются решать всемирные глобальные задачи в рамках других цивилизаций, произвести мировую революцию различного толка. В свое время мы наблюдали троцкизм, мечтавший о построении «земношарной республики советов». В том или ином виде он, впрочем, как и иные радикальные левацкие движения, существует и поныне. Влиятельным движением были и те разновидности сионизма, которые претендовали на нечто большее, чем создание национального еврейского государства. Впрочем, как пишется в книге «Мертвая вода», изданной в 1992 году в Санкт-Петербурге и впервые появившейся в самиздате под названием «Разгерметизация» еще в конце 1980-х годов: «Участь еврейства, его доля ничуть не легче и не слаще, чем участь и доля других народов» [4, с. 178], «Вырваться из порочного круга могут обе толпы вместе, а не кто-то один; евреи за счет народов или народы за счет евреев» [4, с. 181]. Что и показал XX век. В настоящее время таким «бичом Божиим» является исламский терроризм. Если идея «исламизировать» весь мир победит в исламском мире, то он может превратиться в разрушительный фактор истории XXI века. И у нас «одноосновность» начиналась с терроризма: с бомбометателей начала XX века, а ранее с поджогов и тайных организаций революционеров и «Народной воли».

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Н.Я. Данилевский заложил основы русской историософии и геополитики, не западной и не славянофильской, а именно русской. И дело не в том, что они имели общий источник мировоззрения, а именно германскую философию, хотя при этом «славянофилы относились к ней с большим пониманием и большей свободой» [1, с. 98]. Суть в том, что общей для них была вера в существование единой общечеловеческой цивилизации. Данилевский же открыл нам ту основополагающую истину, что «общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что это была бы только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Все-человеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать,

идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [1, с. 104]. Или совсем кратко: исторический «прогресс состоит вовсе не в том, чтобы идти все время в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях».

Другим принципиальным отличием русской историософии от западной, является то, что последняя не признавала самобытного русского пути исторического развития и всегда стремилась и стремится к «европейничанью» или чистому копированию Европы, а теперь и США. Это не только непродуктивно, но и прямо губительно для нас, как и для всех цивилизаций, которые вступают на путь подражания.

Принципиальное отличие русской историософии от славянофильской заключается в том, что славянофилы считали, «будто бы славянам суждено разрешить общечеловеческую задачу, чего не могли сделать их предшественники». Данилевский же утверждал, что «такой задачи вовсе и не существует... Задача человечества состоит ни в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, *in potentia*) в идее человечества» [1, с. 97–98]. «Для коллективного же... человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме разновременного и разноместного (то есть разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе развития» [1, с. 100].

С этой точки зрения мы и должны различать историософию и геополитику русского, славянофильского и западного направлений. И когда мы объявляем Россию или даже СССР «авангардом» в решении общечеловеческих или даже общеевропейских задач, то мы не на русском направлении. Россия должна решать свои задачи. Лишь успешное их разрешение будет вкладом в сокровищницу всемирной истории, во всечеловеческую цивилизацию.

2. Итак, Н.Я. Данилевский – основатель русской историософии, создатель первой естественной философии истории. Но как наша музыка не остановилась на Глинке, а была продолжена не менее гениальными композиторами, правда, всегда благоговейно относившимися к Глинке, так и русская историософия была продолжена, и мы должны сказать несколько слов о тех выводах, к которым русские философы пришли, и которые существенно дополняют Данилевского.

Н.Я. Данилевский писал, еще до освобождения болгар, то есть до русско-турецкой войны 1877–1878 годов следующее: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгарина, (желал бы прибавить, и поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них не достижимо без ее осуществления, – без духовно-народно- и политически-самобытного, независимого Славянства; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности» [1, с. 107]. Тем самым он утвердил существование славянского национализма, или патриотизма, который должен жить в нашем сердце. И мы должны всегда помнить, что славянская культура нам ближе и роднее, чем германская или романская, а тем более китайская или индусская.

Продолжатели Данилевского на этом не остановились и доказали наличие еще и евразийского, или шире – российского, национализма или патриотизма. И он тоже несомненен, только идет по другой линии исторического развития, выявляя общее «месторазвитие», или единую Родину для исторических народов России, общую ответственность за

судьбу наших народов и многое другое. И мы вправе, сохраняя стиль и манеру Данилевского, дополнить его следующими положениями.

«Для всякого евразийца и россиянина: великоросса, украинца, белоруса, татарина, карела, чуваша, мордвина, башкира, калмыка и других представителей евразийских народов, – после Бога и Его святой Церкви, после своей нации или народности, идея Евразийства должна быть вышею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них не достижимо без ее осуществления, – без политически независимой России; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями существования независимой и самобытной России».

Наконец, существует и общехристианская идентичность, ибо мы, несомненно, имеем нечто общее и с романо-германскими народами, которые также как и мы, в массе своей приняли христианство. Значит, есть нечто общее в наших архетипах, мифах, традициях, что роднит нас между собой, несмотря на разность характеров, и народного духа, на культурные и языковые отличия. А потому мы вправе дополнить славянский и евразийский национализмы еще и христианством и сказать следующее:

«Для всякого европейца и христианина: русского, немца, француза, испанца, итальянца и прочих представителей христианских европейских племен, – после Бога и Его святой Церкви, после своей нации и племени, идея Христианства должна быть вышею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них не достижимо без ее осуществления, – без сохранения традиций и образа жизни христианских племен; а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями существования христианских племен».

Сведенные вместе заветы должны помочь нам лучше понять наше действительное и мнимое единство со славянскими, евразийскими и европейскими народами и племенами; уяснить, что у нас действительно общего, а в чем мы остаемся разными; где мы должны действовать вместе, а где порознь. Данилевский положил этому начало. Не будем его осуждать за то, что он не всегда четко различал русский и славянский национализм и придавал, на взгляд некоторых, излишнее значение Славянству. Наша задача понять нашу общность и родство со всеми вышеперечисленными народами и племенами и строить свою жизнь в соответствии с этим. Только так мы преодолеем соблазн космополитизма, не станем жить в услужении – «у немцев на галерах», по выражению Л.Н. Гумилева, не станем сырьевым придатком или просто «жизненным пространством» для других народов.

Русская нация и славянская, евразийская и христианская цивилизации, не есть нечто внешнее для нас или то, куда мы должны войти. Это мы сами, в нас живут и существуют четыре основы, в нашем народном духе, характере, архетипах, языке, словесности, менталитете и многом другом, что составляет сущность русской нации. И наша задача в настоящий момент состоит не в выборе других или новых «основ» жизни, – за нас и для нас, их выбрали и реализовали наши предки, – а лишь в определении «доли» православия, государственности, имперскости и национализма в нашей жизни и в нашем творчестве.

И тут мы должны преодолеть два искушения. Первое – не впасть в «апатию отчаяния» [1, с. 90], воспринимая современность как крушение наших «вечных» идеалов, которых мы достигли в процессе исторического развития (для одних это симфония Церкви и Царства в Московский период нашей истории, для других – самодержавная форма власти, для третьих – военная мощь СССР). Ничто нельзя абсолютизировать в истории и ничто достигнутое не пропадает, оно так или иначе остается в исторической памяти Нации и плодотворно скажется в будущем. Данилевский называл это «апатией самодовольства» [1, с. 91], когда цивилизации «успокаиваются на достигнутом, считая завет старины вечным идеалом для будущего».

Второе искушение – это не власть в новую «одноосновность». «Одноосновность» классового подхода при решении всех национальных и мировых проблем мы испытали на себе. Она принесла неисчерпаемые беды стране и народу. Слава Богу, это для нас уже прошлое. Однако все новые и новые «одноосновности» «прельщают» нас. Одна из них – это рожденная в эмигрантских кругах ложная историософия об особой роли российских императоров в качестве «удерживающих» мир (Фес. 2: 7) от прихода антихриста. Ошибочность этой концепции обстоятельно разобрана диаконом Даниилом Сысоевым в журнале «Благодатный огонь» [5, с. 53–62] и в дополнении не нуждается. Но «зарубежникам» нейдет. М. Назаров реанимировал эту геополитическую идею. Теперь «призвание быть вселенским удерживающим» он возложил на «три ветви русского народа» [6, с. 33] и другой более важной задачи у нас нет. По существу, это беспочвенность, или исторический нигилизм, в который впадают все отечественные геополитики, которые игнорируют наследие Данилевского. Вот почему так важно постоянно обращаться и проверять себя Данилевским. Он не только камертон для настройки нашего самосознания на русский лад. Лишь верность его историческим прозрениям и заветам сохранит нас в истории и даст прочную опору новых исторических свершений России в XXI веке.

Снова и снова обращаясь к труду Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» и связывая его мысли и прозрения с духовным пониманием истории, я пришел к следующим окончательным выводам. Будущее в истории за теми человеческими образованиями, которые преодолеют двухосновность своего культурно-исторического типа и осуществят в истории его трехосновность.

Род человеческий имеет триединую структуру. Эта структура приведена в книге Бытия, где говорится, что потомки Сима, Хама и Иафета (сыновья Ноя) делятся «по племенам их; по языкам их, в землях их; по народам их» (Бытие 10: 31). До Христа цивилизации носили односторонний характер. Они развивали только одно из начал триединства рода человеческого. Еврейская цивилизация (потомки Сима) реализовала религиозное начало, римская (потомки Иафета) – государственное начало, греческая (потомки Хама) – культурное начало. Христианство создало условия, при которых народы, племена и культуры могут сосуществовать вместе, образуя триединую цивилизацию. Такая цивилизация и была создана Русской Нацией.

В самом деле, русское племя выбрало Православие (988 год) в качестве своей религии, в качестве своей сакральной основы и было ему верным вплоть до настоящего времени, несмотря на испытания абсолютизмом и государственным атеизмом. Русский народ государственно структурировался сначала в княжеские формы, затем царские и имперские. Сейчас живем в федеративной форме власти, которую предсказал Н.Я. Данилевский 150 лет назад. В XVIII–XX веках мы создали высокую русскую культуру, которая внутренне скрепляет страну от Мурманска до Севастополя, от Калининграда до Владивостока. Да, сейчас она переживает болезнь русскоязычности [8]. И все наши усилия на культурном фронте мы должны направить на преодоление болезни европеизма (американизма), русофобии и русскоязычности. При этом надо помнить, что высокая культура должна иметь постоянную опору в народной культуре. Это лучшая прививка и от русскоязычности, и от американизма.

О том, что такое народность в высокой культуре, разъяснил нам А.Ф. Лосев в статье, посвященной «Снегурочке» Римского-Корсакова. Он писал: «Народность создает конкретизацию мироощущения. Народная музыка находит в мировом целом нас самих. Ибо если музыка вообще есть живописание внутренней жизни духа и бытия, то народная музыка есть в одно время и мы сами, и та воделенная глубина мироздания. Потому-то, несмотря на изысканную сложность симфонической структуры творения Римского-Корсакова – сложность, временами превосходящую вагнеровскую, несмотря на изуми-

тельную красочную и многосложную инструментовку, метрику и ритмику, мы чувствуем себя при живописании этих глубин, как у себя дома. Эта наша русская глубина, и это наше место в мировом целом».

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1995.
2. *Хантингтон С.* Грядущее столкновение цивилизаций, или Запад против остального мира // Полис. 1994. № 1.
3. *Князев М.А.* Будущее мирового сионизма. М.: Шихино, 1997.
4. Мертвая вода. СПб., 1992.
5. *Сысоев Даниил, диак.* Богословские соблазны монархического движения // Благодатный огонь. М., 2000. № 4.
6. Православная беседа. 2002. № 6.
7. *Адрианов Б.* Русский народ и его цивилизация // Русское самосознание. СПб., 2001. № 8.
8. *Дверницкий Б.Г.* Железный век России. СПб., 2016.
9. *Дверницкий Б.Г.* Русская идея XXI века: Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. СПб., 2018. № 1. С. 172–173.

Аннотация. В статье обосновывается мнение, почему Н.Я. Данилевский является основоположником самобытной русской историософии. Автор прослеживает ее развитие от истоков до наших дней, обозначая вызовы и угрозы, стоящие перед нынешней Россией, и возможности их купирования.

Ключевые слова: русская историософия, Н.Я. Данилевский, цивилизационный подход, теория культурно-исторических типов.

Boris G. Dvernitsky, Publicist; Editor-in-Chief, «Russian Consciousness» Journal. E-mail: dvernitb@mail.ru

Danilevsky – the Founder of Russian History of Philosophy

Abstract. The author of the article substantiates the opinion that N. Y. Danilevsky was the founder of specific Russian history of philosophy. The author traces the historiosophy development from its beginnings till present days, denoting the challenges and threats that modern Russia is facing, as well as the ways of their eliminating.

Keywords: Russian Historiosophy, N. Ya. Danilevsky, Civilizational Approach, the Theory of Cultural and Historical Types.

Историософия Н.Я. Данилевского и проблема значимости русской философии

Полемические споры о том, является ли русская философия значительным или хотя бы самостоятельным явлением в мировой мысли, не сформировали в качестве итога какого-то преобладающего мнения (по причине разнообразия направлений и в силу многих обстоятельств политико-идеологического характера). Пафосность и субъективность характерны для оценок как с «плюсом», так и с «минусом», когда одно крайнее суждение вызывает и поддерживает противоположное. Если, скажем, роль русской мысли для формирования национальной идеи определена и признана (правда, опять же с полярными оценками правоты), то вопрос о ее общем познавательном значении остается открытым. Сохранение конфронтационности свидетельствует также о том, что как объект отечественная мысль зачастую оказывается в контексте постмодернистского мышления, где к истории философии положено относиться как к архиву. Значима главным образом современная философия, почему и «русская философия – отдаленное прошлое и ценна исключительно своей экзотичностью» [20, с. 7]. Отсюда же – установка на процесс историко-философской работы как субъективной интерпретации мелочей и целенаправленного ухода от системного, взвешенного, объективного рассмотрения, что выражается в распространении практики сосредоточения на второстепенных аспектах учений отдельных персоналий. Следовательно, необходимость взвешенной оценки отечественной философии (как до, так и после 1917 года), несущая в себе возможность сопротивления критической мысли всяким монополизирующим истину позициям, актуальна в ситуации аналитическо-постмодернистского вырождения (пост)философии, фактически отказавшейся сегодня от понимания собственного «дискурса», избегающей системного подхода, опирающейся на спекулятивные аргументы релятивистского толка, конструирующей образ псевдореальности, подменяя знание информацией, а информацию – набором математических символов, шумом и т.п.

Позиция скептиков по отношению к наследию отечественной философии сводится к следующим положениям:

1) отсутствие длительной философской традиции (всё мировоззренческое наследие, начиная от «Изборника» и «Слова о законе и благодати» и заканчивая К. Истоминым, объявляется в лучшем случае предфилософией, а последующее академическое богословие (к примеру, Ф. Лопатинского) и философия русского Просвещения – не содержащими ни «грамма» оригинальности);

2) существование в режиме «идейного импорта» в дальнейшем, на протяжении XIX–XX веков, так что свободная от прямого подражания, зависимости и эклектики русская философия вообще не начиналась (даже В.С. Соловьев обвиняется в том, что «не

Тяпин Игорь Никифорович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет». E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

оставил не только законченной системы или хотя бы вполне законченной концепции, но не разработал даже в философском смысле ни одной из основных проблем философии» [19, с. 786]);

3) контекстуальный, «не развернутый» характер решения важнейших для «классической» философии онтологических и гносеологических проблем;

4) фрагментарность идейного влияния русских мыслителей на зарубежную философскую мысль (к числу редких исключений можно отнести фактическое заимствование О. Шпенглером концепции Н.Я. Данилевского, «погружение» в Ф.М. Достоевского, знакомство французских экзистенциалистов с идеями Н.А. Бердяева и других носителей «нового религиозного сознания») и слабый интерес к ней со стороны последней.

С другой стороны, большинство специалистов по русской философии, внимательно и с уважением относящихся к ее наследию (М.А. Маслин, И.И. Евлампиев, В.Л. Обухов, В.Н. Сагатовский, Е.С. Гревцова, В.В. Сербиненко и др.), по сути, видит главное значение русской мысли в разработке методологического подхода, основанного на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты (онтологогносеолого-аксиологического синтеза).

Скажем, В.Л. Обухов, по пунктам сравнивая западную и русскую философскую традиции, называет в числе признаков последней антропоцентричность (обращенность онтологии прежде всего к человеку, социуму, этике, эстетике), поиск истины как основы справедливой жизни (а не бесстрастного теоретического понимания), гносеологический реализм (единство рациональных и иррациональных форм) и др. [13]. В.Н. Сагатовский выделяет: ориентацию на решение (а не просто постановку) проблем, антропокосмизм, аксиологичность (единство духовных ценностей как основы выбора целей и средств деятельности), стремление к целостности (бытия и познания), онтологизацию субъективного (самодостоверность сознания вместе с тем означает его неустранимость) [14]. К этому можно добавить часто встречающиеся утверждения об экзистенциальной ориентации, приоритете жизнесмысловых проблем – любви, счастья, синергизме/синергичности – культивировании идеи соединения энергий, воле, праксиологичности, когда познание уже прямо толкуется как событие бытия, социальном активизме, положительной, основополагающей функции по отношению к идеологии и через нее к обществу и др.

Разумеется, русские философские традиции в ходе истории трансформировались под влиянием внешних воздействий. Но эти посторонние воздействия на русскую философию, ее традиции оказались сложными, диалектичными по своему характеру и последствиям [15].

Так, в X веке в результате крещения Руси русская (пред)философская мысль приобрела статус христианской, дав за следующие несколько сотен лет десятки имен церковных и светских авторов, оставивших сочинения богословского, политического и исторического характера, объединенные нравственным посылом. Становление собственно философской традиции происходит в конце XVII – первой половине XIX века (когда философию начали преподавать в Славяно-греко-латинской академии, а затем русские умы испытали последовательное влияние французской и немецкой философии), но уже в то время русская мысль не просто учится у Западной Европы, но и активно оппонирует ей, «подобно тому, как французские просветители учились у английских и полемизировали с ними, немецкие – у французских и английских, и очень резко, нередко жестко критиковали их, особенно французских деятелей культуры» [12, с. 230]. С последней четверти XIX столетия в русской мысли сосуществовали и боролись как минимум два мощных направления: 1) шедшее за западной культурой, но сохранявшее при этом собственную позицию; 2) создававшее свои оригинальные творения в дружеском или резком противопоставлении с Западом.

В рамках второго направления, начиная от А.С. Хомякова, возникла плеяда деятелей, чьи труды составили ее вершину. Значимость славянофильства как явления в истории русской мысли определяется прежде всего тем, что именно с него принято начинать отсчет существования самостоятельной философии в России. «Творчески переработав европейский мыслительный опыт, славянофилы заложили основы русской национальной философской традиции, в центре которой были идеи целостного знания, духа и жизни, соборности» [9, с. 519]. Высшим же результатом этого движения стала религиозная философия, представленная длинным рядом великих мыслителей во главе с В.С. Соловьевым.

Стоит привести мысль И.И. Евлампиева о том, что в конце XIX – начале XX века русская философия вышла на передний край общеевропейского развития, стала лидирующей традицией в общеевропейском движении к новым формам содержательной философии в связи с продолжающимся наступлением эмпиризма в философии западной, тогда как только в национальной философской традиции сохранилась парадигма подлинной – мистической – философии (исходящей из того, что все самое важное в мире глубоко спрятано от непосредственного опыта и требует развития особых форм постижения, не поддающихся строгой рационализации и систематизации) [6, с. 138]. Добавим, что хотя ее спецификой стали уход от сциентистского, наукообразного аналитического характера, гуманитарность, «образно-синтетическое» видение мира, более напоминающее литературное размышление над смысложизненными проблемами, интуитивизм, прорицательность, тем не менее это была в основном философия доказательная. Не терявшая связи с логикой, здравым смыслом и в своей духовной работе по модернизации мировоззренческой системы исправлявшая недомыслие (по выражению А.Ф. Замалеева) западной философии. Мессианская, но редко утопическая (напротив, выработавшая принципы органического единства морали и права, личности и общества и т.д.). Не принявшая культурно и ментально «догму Гераклита о единстве Логоса (разума) и войны, догму, ставшую «мудростью» диалектики и «перводвигателем» Запада» [18, с. 66]. Убежденная в осуществимости полноты Истины, торжества Добра, возрождения Красоты. Несущая тем самым наряду с познавательной, мировоззренческой, методологической и другими традиционными для философии функциями еще и функцию художественно-эстетической оценки природного и социального бытия.

Тем не менее наличие/отсутствие идейно-концептуального воздействия на мировую (читай – западную) философскую мысль остается для скептиков главным доводом в их «пользу». Именно поэтому необходима систематическая работа историков философии по определению конкретной новизны идей русских философов для своего времени и обобщение этих работ в плане сравнения с наследием зарубежных мыслителей.

В указанном отношении весьма примечательна фигура О. Шпенглера, считающегося одним из столпов так называемого цивилизационного подхода в Западной философии.

В рамках обозначенной проблемы вопрос идейного влияния на представителя «второго поколения» философии жизни некоторых видных фигур славянофильского и охранительного направлений русской мысли, прежде всего Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева (по словам М.А. Емельянова-Лукьянчикова, двух равновеликих «отцов-основателей» цивилизационного подхода в русской науке [7, с. 9]), относится к числу едва ли не загадочных. Дело в том, что здесь мы имеем дело с ситуацией бросающегося в глаза идейного сходства при отсутствии ссылок и прямых документальных подтверждений (сам О. Шпенглер прямо ссылаясь на Н.М. Карамзина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, К.С. Аксакова, А.М. Горького, П.Н. Милюкова, называл даже В.И. Ленина, но совершенно не упоминал наиболее идейно близких авторов, хотя вполне мог быть знаком с их трудами), что продолжает создавать почву для дискуссий и полемики.

Между тем о явном влиянии первого из крупнейших русских мыслителей-антизападников XIX века на главный труд О. Шпенглера "Der Untergang des Abendlandes" свидетельствует хотя бы следующий тезис Н.Я. Данилевского: «Для коллективного... и все-таки конечного существа – человечества – нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и разноместного (т.е. разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе» [4, с. 135]. Теория О. Шпенглера о смене культур, частью которой стал взгляд на историю и «дух» России, не сводящийся к восприятию ее самобытности как отсталости и призывам к догоняющей-копирующей модернизации, очевидно продолжает теорию культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, убежденного, что каждая культура имеет свою характеристику развитости, а основная задача каждого культурно-исторического типа – наиболее полная реализация собственной индивидуальности. При этом Шпенглер стал частью едва ли не массового сознания западного общества, в то время как русский мыслитель почти не известен вне постсоветского пространства (а те западные историки философии, кто знаком с теорией Данилевского, пытаются дискредитировать его, искусственно и совершенно неадекватно привязав к социал-дарвинизму и даже фашизму, на что обращает внимание В.А. Гуторов [2]).

По нашему мнению, отсутствие у О. Шпенглера прямых ссылок на Н.Я. Данилевского как раз и доказывает значительный масштаб этого влияния, поскольку главный принцип работы с источниками для представителя второго поколения «философии жизни» состоял очевидно в том, чтобы сослаться на того или иного автора по частным, вспомогательным вопросам, но не сослаться при обращении к центральным идеям [17]. По сути, О. Шпенглер попытался синтезировать главнейший тезис Н.Я. Данилевского о молодости русского культурно-исторического типа с постулатами К.Н. Леонтьева о восточно-византийских основах России как государства и культуры, негативном характере западного культурного влияния (по крайней мере во второй половине XIX века), недостаточной результативности российской культурно-государственной жизни.

Н.Я. Данилевский за полвека (!) до О. Шпенглера писал, что каждая культура как организм проходит все стадии развития – от рождения до распада, и подчеркивал, что применить к ним единую хронологию – Древний мир, Средние века, Новое время – невозможно, ибо у любой культуры есть свой Древний мир, свои Средние века и свое Новое время. Русский мыслитель утверждал, что Запад уже прошел период своего «культурного цветения» и находится на спаде, хотя терминологически и не выделял, как немецкий философ, в исторической динамике культуру и цивилизацию. Россию же, как пишет А.С. Маджаров, Данилевский считал более молодым историко-культурным типом, полагал, что она моложе Европы на «четыре столетия» [11, с. 51], далека от перехода к цивилизации и, соответственно, делал выводы о наличии у нее долгосрочного перспективного будущего.

Н.Я. Данилевский не просто положил начало самобытной русской историософии. Его теория, совмещающая в своей трактовке истории натуралистически-позитивистский и религиозно-идеалистический, провиденциалистский подходы [10, с. 352], опередила свое время, стала принципиально новым явлением не только для России, но и для Европы. Как пишет, к примеру, М.С. Тимофеев, Данилевский «предложил, по сути, новое деление истории по типам организации вместо обычного и традиционного ее деления по ступеням развития. Такое деление допускалось философом только внутри отдельного культурно-исторического типа» [16, с. 127]. В свою очередь, Б.Г. Дверницкий отмечает, что «несомненно, новыми в науке и философии следует считать введенные Данилевским понятия об искусственных и естественных системах, а также о законах-рецептах и подлинных законах» [5, с. 284].

При этом теория культурно-исторических типов была примером именно историософии, то есть такого типа философии истории, при котором определяется смысл истории

и выделяются метафизические факторы общественно-исторического процесса. Элементы позитивизма в методологии Н.Я. Данилевского не сочетались, а скорее смешивались с романтико-теологическим видением истории. Будучи, по сути, православным мыслителем и рациональным противником дарвинизма (верно увидевшим его идеологическую сущность – стремление «изгнать Бога» из всех сфер человеческой теории и практики, а также социокультурные истоки, в частности популярность в британской идеологии (Т. Гоббс, А. Смит и др.) идеи «войны всех против всех» [3]), Данилевский признавал «разумность мироправления», искал «идеальные причины» [8, с. 14].

Наследие Н.Я. Данилевского актуально и в социально-этическом отношении в связи с проблемой национального единства и социальной справедливости. Релятивизм ценностей, нигилизм (пост)современности отчасти характеризовал и ряд предыдущих эпох, в частности конец Нового времени. Однако тогда философы смогли противопоставить хаосу антиморали проверенные временем императивы. Н.Я. Данилевский, как отмечает А.В. Буренков, считал, что нигилизм в России – чисто западное явление, пришедшее к нам с интеллигенцией и внесшее разрушающее действие в единство народа и государства [1, с. 86]. Решение проблемы он видел в практической реализации православной этики, когда власть своими законами, пропагандой и другими мерами ограничит экономическое расслоение и на Русской земле пробьется «новый ключ» справедливо обеспечивающего народные массы общественно-экономического устройства.

Таким образом, сохранение национально-цивилизационной специфики философии в России требует понимания того значимого и великого, что есть в истории ее различных периодов, определение ее общемирового значения, пусть и не(до)оцененного «мировым сообществом». В условиях окончательного превращения западной философии (избавившейся от «репрессивного» наследия классики) в инструмент поддержки и (псевдо)обоснования разнообразных, но по существу взаимодополняющих суицидных (для человека, общества и культуры в их традиционном понимании) доктрин (трансгуманизма, гендерологии, глобализма и др.) важнейшим делом национально ориентированной философии в современной России становится осуществление критического анализа последних и использование мировоззренческо-методологического потенциала для построения адекватных концепций человека, общественного устройства и (в условиях, когда сфера этического ввергнута в состояние неопределенности и непредсказуемости, трансформирована в манипулятивную технологию) социальной этики. Среди них одно из главных мест должна занять историософия Н.Я. Данилевского, развивающая идею многообразия цивилизаций, обосновывающая смысл человеческой истории как развертывания всех потенциальных возможностей человеческого духа на принципах общественного единства и социальной справедливости. Конечный результат историко-философской работы видится в создании объективной и целостной истории достижений отечественной мысли как не только прошедшего, но и продолжающегося явления философской культуры.

Литература

1. Буренков А.В. К вопросу о национальной идеологии // Вестник Воронежского государственного ун-та. Серия: Философия. 2017. № 2 (24). С. 81–87.
2. Гуторов В.А. Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных FASCIST STUDIES // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 4. С. 307–312.
3. Данилевский Н.Я. Дарвинизм: Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015. 975 с.
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. 592 с.
5. Дверницкий Б.Г. Н.Я. Данилевский – основоположник русской историософии // Вестник РХГА. 2019. Т. 20. № 4. С. 283–290.
6. Евлампиев И.И. Историческое значение русской философии // Вече. 2015. № 27-1. С. 131–143.
7. Емельянов-Лукьянчиков М.А. Концепция исторического развития в наследии русских и европейских

- основателей цивилизационного подхода: дис. ... канд. ист. наук / 07.00.02. М., 2006. 271 с.
8. *Кашин В.В.* Историсофия Н.Я. Данилевского // Вестник Оренбургского государственного педагогического ун-та. 2004. № 1 (35). С. 10–15.
 9. *Кошарный В.П.* Творческое наследие А.С. Хомякова и феномен национальной философии // А.С. Хомяков – мыслитель, поэт, публицист: сборник статей. М., 2007. Т. 1. С. 519–524.
 10. *Кузнецов Ю.В.* Исторические судьбы России в учении Н.Я. Данилевского о культурно-исторических типах // Вестник Мурманского государственного технического ун-та. 2011. Т. 14. № 2. С. 347–352.
 11. *Маджаров А.С.* Н.Я. Данилевский и О. Шпенглер о соотношении России и Европы как культурно-исторических типов // Известия Иркутского государственного ун-та. Серия: История. 2014. Т. 9. С. 47–52.
 12. *Меньшиков В.М., Гатилова Н.Н., Хохлова А.Б.* РОССИЯ... Возвращение к своей культуре // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 4 (19). С. 223–234.
 13. *Обухов В.Л.* Место русской философии в мировой философии // Вестник Ленинградского государственного ун-та имени А.С. Пушкина. 2016. № 3. С. 80–88.
 14. *Сагатовский В.Н.* Есть ли будущее у русской философии? // Вестник РХГА. 2009. Т. 10. Вып. 1. С. 121–132.
 15. *Сухов А.Д.* Русская философия: особенности, традиции, исторические судьбы. М.: ИФ РАН, 1995. 157 с.
 16. *Тимофеев М.С.* Н.Я. Данилевский и цивилизационные основы сильного Российского государства // Вестник Российского ун-та кооперации. 2015. № 3 (21). С. 125–129.
 17. *Тяпин И.Н.* Проблема исторического возраста России в концепции О. Шпенглера (в контексте влияния Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева) // Философский полилог. 2019. № 2. С. 37–45.
 18. *Шулевский Н.Б.* Софиасофия – современное бытие спасения // Философия хозяйства. 2015. № 6. С. 63–78.
 19. *Яковенко Б.В.* Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. 976 с.
 20. *Яковлев А.А.* Претворение традиции // Путь. 1992. № 1. С. 3–8.

Аннотация. Статья посвящена осмыслению историсофической концепции Н.Я. Данилевского в контексте результатов и перспектив исследования истории русской философии. Обосновывается тезис о значимости отечественной мысли, разработавшей в XIX – начале XX века методологический подход, основанный на принципах нестрогой систематизации, отказа от крайностей и содержательной полноты. На примере сопоставления философско-исторических взглядов Н.Я. Данилевского и О. Шпенглера ставится проблема недостаточной исследованности скрытого влияния русской мысли на западную философию неклассического периода. Формулируется авторское видение целей и результатов дальнейшей исследовательской работы сообщества историков русской философии в условиях глубокого кризиса современной западной философии, имеющей не только теоретическую, но и практическую направленность, связанную с актуализацией наследия русской мысли в деле противодействия распространению деструктивных псевдорациональных доктрин.

Ключевые слова: русская философия, кризис западной философии, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, постмодернизм, историсофия, концептуально-методологический потенциал.

Igor N. Tyapin, Doctor in Philosophy, PhD in History, Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Vologda State University. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

N.Ya. Danilevsky's Historiosophy and the Problem of the Significance of Russian Philosophy

Abstract. The article is devoted to the understanding of N.Ya. Danilevsky's historiosophical concept in the context of the results and prospects of researching the history of Russian philosophy. The article substantiates the thesis about the significance of Russian thought, which developed in the 19th – early 20th century the methodological approach based on the principles of lax systematization, rejection of extremes and content completeness. The author brings forward the problem of insufficient research into the hidden influence of Russian thought on Western philosophy of the non-classical period by comparing the philosophical and historical views of N.Ya. Danilevsky and O. Spengler. The author states his vision of the goals and results of further research work of the community of Russian philosophy historians in the context of the deep crisis of modern Western philosophy, which has not only theoretical, but also practical orientation, associated with the actualization of the heritage of Russian thought in resistance to the spread of destructive pseudo-rational doctrines.

Keywords: Russian Philosophy, Western Philosophy Crisis, N.Ya. Danilevsky, O. Spengler, Postmodernism, Historiosophy, Conceptual and Methodological Potential.

Данилевский: свой среди своих?

{ Раздел второй }

*М.В. Медоваров
Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов*

*Е.Н. Мощелков
Циклизм как стержневая идея русской мысли второй половины XIX – начала XX века*

*С.Н. Пушкин
Развитие консервативных славянофильских тенденций
в творчестве Н.Я. Данилевского*

*А.Б. Панченко
Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход
от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского*

*Е.В. Перевалова
Участие Н.Я. Данилевского в изданиях М.Н. Каткова в 1880-х годах*

*А.А. Тесля
«Славянофилы» в народнической перспективе: интерпретация
славянофильства 1840–1880-х годов в публицистике Н.К. Михайловского*

*В.Ю. Даренский
Агональный принцип русского самосознания в концепции М.О. Кояловича*

*Д.А. Бадалян
«Немецкие партии» в русской науке XIX столетия*

Геополитические концепции русских консерваторов 1890-х годов

По материалам журнала «Русское обозрение» и его оппонентов

Расцветом русской геополитики заслуженно считается начало XX века, когда творили Э.Э. Ухтомский, С.Ф. Шарапов, С.Н. Сыромятников, А.Е. Вандам, И.И. Дусинский, Г.Н. Трубецкой, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, П.Н. Савицкий [1–7]. Их предшественниками во второй половине XIX века, как известно, были Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский, К.Н. Леонтьев [8–10], их последователями – евразийцы. В историографии названных мыслителей подчас именовали «протогеополитиками» [11, с. 9], хотя точнее было бы говорить о периоде 1900–1917 годов как о времени уже устоявшейся, классической геополитической мысли в России. На фоне таких имен из внимания исследователей практически полностью выпал промежуточный период 90-х годов XIX века, когда старые корифеи уже ушли из жизни, а новое поколение геополитиков еще не успело заявить о себе. Даже такие крупные события тех лет, как бурные дискуссии вокруг идей Ламанского, до сих пор не были достаточно изучены.

В этих условиях на первый план выходит обращение к полемическим статьям русских консерваторов на геополитические темы, преимущественно в периодической печати. В ряде случаев их дополняют дневники и письма данных мыслителей. Выбор консерваторов для целей нашего анализа обусловлен тем, что в либеральном и социалистическом лагере до конца 1900-х годов о геополитическом мышлении говорить не приходится вовсе: их представители почти всегда рассуждали абстрактно, без привязки к конкретному пространству и задачам внешней политики России.

В России конца XIX века было не так уж много консервативных органов печати. К их числу относились «Московские ведомости», пришедший в упадок «Русский вестник» и переживавшее расцвет «Русское обозрение» (с 1890 по 1898 год), а также постоянно закрывавшиеся эфемерные издания С.Ф. Шарапова («Русское дело», «Русская беседа», «Русский труд»). Этот перечень дополняли «Гражданин» князя В.П. Мещерского и славянофильские «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» (в 1890–1891 годах переименованные в «Славянские известия», в 1892–1894-м – в «Славянский вестник», после чего закрытые и возродившиеся под первоначальным названием лишь в 1903 году). К наиболее серьезным геополитическим мыслителям данного периода следует отнести В.А. Грингмута (ученика Леонтьева и Каткова), лидера поздних славянофилов генерала А.А. Киреева, академика В.И. Ламанского, а также начальника Главного управления по делам печати и разностороннего ученого М.П. Соловьева.

Восьмидесятые годы XIX века, когда ушли из жизни Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, И.С. Аксаков, М.Н. Катков и Н.П. Гиляров-Платонов, ознаменовались серьезной

трансформацией русской консервативной мысли, получившей при Александре III доминирующее влияние на власть. Среди наиболее важных процессов этого периода следует назвать стремительное становление позднего славянофильства, с 1883 года обзаведшегося собственным печатным органом. Разумеется, не было недостатка и в критике поздних славянофилов со стороны охранительных мыслителей. Особое место в этом плане заняла ревизия славянофильской геополитики Данилевского – Аксакова, предпринятая Константином Леонтьевым. В недавно обнаруженных документах по идеологии «гептастилизма», датируемых 1883–1887 годами, Леонтьев высказывал очень смелые по тем временам мысли, предвосхищающие евразийство XX века и даже некоторые современные нам реалии: «IV. – Великий Восточный Союз (Россия во главе; – Царьград центр; – славяне; греки; румыны; мадьяры; турки; персияне; индусы...): систематическое объединение против Западно-Европейских и Американских Государств (противу разлагающейся Романо-Германской Государственности). – Таможенные и т.п. ограничения. V. – Новая привилегированная аристократия. – Размножение благословенного Царствующего рода Романовых: – народ привык за него молиться в храмах; – прекратить браки с немецкими принцессами (разумеется – надо по-прежнему обращать их в Православие) было бы невыгодно потому – что германская кровь очень государственна – но можно восстановить и браки с русскими дворянками (или даже ввести и браки с девицами различных союзных племен). Брать – даже можно русскую или греческую крестьянку или полу-дикую жительницу Индии и Кавказа, если она породиста и сильна. – Обращать при этом внимание на атавизм и его выгоды» [12, с. 133–134].

Леонтьевская критика поздних славянофилов стала катализатором внутренних споров между ними, едва не приведших к организационному расколу движения и способствовавшая выделению нескольких крыльев в нем. Безусловно, главной причиной расхождения между левыми славянофилами вроде Ореста Миллера (скончавшегося в 1889 году) и Афанасия Васильева, центристами А.А. Киреевым и С.Ф. Шараповым и правыми «потомственными славянофилами» Д.А. Хомяковым и Ф.Д. Самариним стали внутривнутриполитические споры о правах и свободах, о земском соборе и т.д. Однако немаловажную роль в обострении конфликта сыграла полемика о западных славянах и панславизме, разгоревшаяся на страницах «Известий Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества» в 1887–1888 годах, когда их новый редактор академик В.И. Ламанский критически переоценил свои прежние панславистские убеждения и подверг суровой критике западнославянских и южнославянских политиков. Столкнувшись с горячими возражениями генерала Киреева и неприличной травлей со стороны Васильева и его соратников, поставившей на грань распада само Славянское благотворительное общество [13, с. 39–43], Ламанский был вынужден уйти из «Известий» и сосредоточиться на издании научного этнографического журнала «Живая старина» и на подготовке своего фундаментального труда «Три мира Азийско-Европейского материка», который будет опубликован в 1892 году и явится непосредственным предшественником евразийских работ 1920-х годов.

Разумеется, усиление той части русских консерваторов, которая критиковала панславизм, в конце 1880-х годов, не было случайностью. К этому моменту Россия утратила влияние на Балканах. Правящие деспотичные режимы Сербии и (с 1887 года) Болгарии были крайне враждебны России, отношения с Грецией и Румынией тоже были весьма прохладными, а карликовая Черногория воспринималась как не очень надежный союзник. В 1887–1890 годах окончательно распался формальный союз России с Германией и Австро-Венгрией. Начался процесс переориентации русской внешней политики, увенчавшийся заключением союза с Францией в 1892 году. Неудивительно, что в эти годы общественное мнение в России частично отвернулось от болгар и сербов, чехов и хорватов с их вечными проблемами, конфликтами и обидами друг на друга и на Россию, частично

же обвиняло российскую дипломатию и даже императора в провалах на балканском направлении. Поэтому полемика, начавшаяся с атак Леонтьева и Ламанского на идеалы панславизма, перекинулась в 1890–1891 годах на страницы новых журналов: надпартийного консервативного «Русского обозрения» и левославянофильского «Благовеста», а также «Славянских известий».

В статье, написанной за два месяца до смерти К.Н. Леонтьева, но опубликованной уже после, Н.П. Аксаков в «Благовесте» обрушился на него с уничтожающей критикой. Признавая за его взглядами логичность и стройность, он категорически отвергал его «ретроградный консерватизм» наряду с западным либерализмом, хотя и делал оговорки про тождество славянофильской и леонтьевской терминологии и про «некоторую общность врагов, да по временам сходство мнений в вопросах внешней политики, да и то скорее призрачное» [14, с. 1720]. Вспомним, что Леонтьев считал себя «правее А.А. Киреева и тем более пламенных славянолюбцев “Благовеста”, недавно с таким неуважением ожесточенно нападавших на этого самого Киреева за его благоразумие и умеренность» [10, с. 662].

Тем не менее изначально инициатором спора стал приверженец Леонтьева и Каткова – В.А. Грингмут. В очередной статье своего внешнеполитического цикла в «Русском обозрении» он утверждал, что за годы, прошедшие после окончания русско-турецкой войны, российское общество «распознало» характер сербов и болгар. Грингмут передавал слова некоего сербского чиновника: «Россия обязана освободить нас от азиатского ига и вернуть нам наше прежнее место в Европе; мы же впоследствии выразим ей благодарность тем же путем: мы и ей поможем войти в нашу европейскую цивилизацию» [15, с. 374]. Будучи уроженцем Германии, Грингмут, как известно, сделал выбор в пользу антизападных взглядов Леонтьева и потому возмущался: «Россия является для австрийских и турецких славян не целью их стремлений, как мы себе их иногда воображаем, а лишь средством к их европеизации» [15, с. 374]. Презрительно отзываясь об ориентации одних польских и чешских политиков на Англию, Францию и Америку, а других – на Германию и Австрию, мыслитель предупреждал, что после обретения независимости «чехи будут отличаться от немцев только тем, что одни будут говорить по-чешски, а другие по-немецки, чувствовать же оба народа будут одинаково по-европейски и с одинаковым не то презрением, не то сожалением будут относиться к тем миллионам русских, которые будут не только говорить, но и думать, и чувствовать по-русски» [15, с. 376].

Эта мысль, несомненно, была навеяна «Византизмом и славянством» Леонтьева, но усугублена новейшими событиями. Грингмут не доверял даже галицким русинам, считая, что те мечтают, избавившись от гнета австрийских властей, перейти к парламентаризму – главному предмету ненависти мыслителя. Он предлагал оставить в покое славян на двести лет, прежде чем они не раскаются в увлечении демократией и не захотят самодержавия: «Народу, пригубившему отравленный кубок парламентаризма, не остается другого исхода, как выпить его до дна, до подонков» [15, с. 380]. Соглашаясь с необходимостью обеспечивать безопасность России и помогать православной церкви на Балканах, Грингмут не допускал присоединения «зараженных» либерализмом «братушек» к России и указывал: «Россия достаточно могущественна, чтобы иметь право идти своею дорогой, по которой она уже идет больше тысячелетия, не заботясь о том, нравится ли это “Европе” и разным прихвостням Европы. Если к ней, на этом русском пути, присоединится какое-нибудь из прочих славянских племен – хорошо, если же не присоединится – горе будет невелико» [15, с. 382].

Разумеется, такой выпад Грингмута в журнале, общем для всех направлений консерваторов, не мог остаться без ответа со стороны идейного лидера поздних славянофилов А.А. Киреева. К тому моменту его взгляды были хорошо известны. Еще в 1881 году Киреев писал: «В чем должна заключаться наша политика внешняя? В Европе

это только один славянский вопрос, для нас более нет никаких вопросов. <...> Hand off от Балканского полуострова, больше нам не о чем хлопотать» [16, л. 6 об.]. При этом генерал не возражал против активной азиатской политики России в принципе, напротив, он ставил ее по важности на второе место после славянской: «Для нас в Европе только один интерес – славянские земли – обо всем другом думать нечего, все наши интересы в Сибири, в Китае, Центральной Азии, а не в крохотной Европе!» [17, л. 242]. Уже в июне 1885 года Киреев восклицал, что отдал бы два Афганистана за успех на Балканах: «Мы теряем всё у себя под носом, там, где мы поставлены Богом!» [18, л. 33–33 об.; 19, л. 88]. Он обращался к англичанам: «Мы не хотим ваших Индий. Мы не знаем, что делать с ними» [19, л. 76 об.].

В 1890 году Киреев с тревогой констатировал, что «балканские государства, лишённые нашего влияния, развращаются, делаются враждебными нам» [20, л. 316 об.]. Однако из данного факта он сделал вывод, противоположный грингмутовскому, а именно что Россия должна все силы бросить на вмешательство в дела славян и их спасение. В августе 1890 года мыслитель выступил с ответом «в защиту братушек», напечатанным одновременно в «Славянских известиях» и «Русском обозрении» [21, 22]. На тот момент Киреев не знал, что за псевдонимом Spectator скрывался именно Грингмут, и предполагал, что ведет спор с кем-то из российских дипломатов, столь ненавидимых им за космополитизм, западничество и безнравственность. В своей статье генерал полностью соглашался с критикой в адрес европейского парламентаризма, но брался доказывать, что болгары и сербы в массе своей привержены самодержавию и православию, чтят имя русского царя, что антирусские режимы в Белграде и Софии навязаны извне. В утрате влияния России, по мнению Киреева, была виновата сама российская дипломатия, бессистемная и непоследовательная: «Ни руководящей руки, ни руководящей нити, полнейшая безусловная безыдейность». «Как же не быть колебаниям в уме балканских славян, когда мы сами колеблемся! Мы сами действуем то как монархисты, славянофилы и консерваторы, то как парламентаристы, западники и демагоги!» – восклицал Киреев [21, с. 646]. В конце статьи он призвал добиваться создания на Балканах независимых православно-монархических государств.

Редактор «Русского обозрения» князь Д.Н. Цертелев вмешался в спор Киреева и Грингмута. Безусловно осудив парламентаризм и демократию, он обратил внимание на рост в Германии агрессивных планов войны с Россией и прозорливо предрек угрозу мировой войны между Россией, Францией и Италией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией и Турцией – с другой [23, с. 432]. Цертелев считал естественной российскую экспансию в сторону границ Индии и Китая и за счет Османской империи – вплоть до Сирии и Суэцкого канала. «Россия не только исконный враг, но и наследница монгольского царства», – напоминал он [23, с. 434]. Ссылаясь на своего друга, известного немецкого философа Э. фон Гартмана, Цертелев замечал: «Славянские народы кокетничают с Россией только до тех пор, пока не добьются независимости» [23, с. 438]. Поддерживая Грингмута, он в то же время указывал на необходимость овладения проливами, а претензии Киреева отвергал: «Как бы ни огорчались этим новейшие последователи славянофилов, Россия не может ради весьма неясной идеи всеславянства рисковать или жертвовать собственными интересами и еще менее отождествлять свои интересы с интересами славянства. До единства России западным славянам нет никакого дела (разумеется, пока их не приглашают присоединиться к этому единству). О самодержавии они ничего знать не хотят и мечтают обогнать Европу усовершенствованной конституцией, а православие, как истинная вера, не нуждается, конечно, не только в вооруженной, но и в дипломатической защите. Ввиду этого, что бы ни говорили о нашей выжидательной политике на Востоке, она единственно возможная» [23, с. 439]. Отрицая проповедь панславянской миссии России, Цертелев ука-

зывает на то, что в Божием замысле о ней может быть и иная миссия, иная судьба, например, спасение всей Европы от демократии и либерализма.

Диалог между Киреевым и «Русским обозрением» на этом не закончился. Грингмут сходил с Киреевым в крайне отрицательном отношении к антироссийским правителям Сербии и Болгарии – Милану и Стамболову, распространяя, однако, эту неприязнь и на сами народы [24, 25]. Впрочем, выводы из этой ситуации он делал прежние – одобрение изоляционистского курса Александра III: «Блестящие результаты этой политики императорского правительства перед нашими глазами: никогда достоинство России не стояло так высоко в Европе, как в настоящее время. Не связанная никакими договорами, Россия совершенно свободна в своих действиях; она грозна и неуязвима для своих внешних врагов и может спокойно сосредоточиться над своим внутренним развитием и усилением» [24, с. 422]. Грингмут предлагал ждать, пока сербы с их «сухим, мелким эгоизмом, корыстною расчетливостью, узкими низменными идеалами и неограниченным, доходящим до болезненности... властолюбием» «не извернутся в своих “идолах” и не вернуться к нашим “идеалам”» [25, с. 385]. Пусть болгары, восклицал он, «еще пожарятся в собственном соку и насладятся до пресыщения и отвращения всеми прелестями “европейской” культуры» – тогда Россия покончит с балканским вопросом одним ударом: «Для нас эта гуртовая работа будет и удобнее, и много дешевле» [24, с. 425].

В октябре 1890 года Грингмут призывал к изоляции России от союзов с европейскими странами и благословлял негативные последствия Берлинского мира 1878 года, подтолкнувшего, по его мнению, Россию к отказу от вестернизации и либерализма, в то время как западные и южные славяне поддались на эти соблазны: «Мы вовремя остановились и не приняли участия в этом пошлом маскараде, тогда как наши братушки не только несутся в вихре всеевропейского канкана, но и считают этот вихрь настоящей жизнью. <...> И их-то мнением Россия должна дорожить?» [26, с. 879]. Напрямую отвечая Кирееву, Грингмут провозглашал: «Да, мы сами виноваты, что мы Болгарии навязали конституцию, но мы несколько не виноваты в том, что эта конституция так им пришлась по вкусу» [26, с. 879]. Соглашаясь с православным и самодержавным идеалом славянофилов, охранитель Грингмут усматривал задачу России на XX век воплотить его на практике и привлечь к себе западные страны. Высказывая уважение к поздним славянофилам, он писал, что все-таки не согласен с их панславистской программой: «Я вовсе не говорю, что России должно враждебно относиться к южным и западным славянам. Я говорю лишь, что она не должна ни заискивать в них, ни в ущерб самой себе хлопотать об их благоденствии» [26, с. 885].

Спустя почти полгода Киреев ответил Грингмуту и Цертелеву статьей «Россия и славяне» с теоретическим обоснованием панславизма. Статья появилась в марте 1891 года в «Русском обозрении», а два месяца спустя и в «Славянских известиях» [27, 28]. Киреев провозглашал всемирный переход от системы государств к системе «племен» и «рас». Называя утопическими надежды Грингмута на обращение гибнущей Европы к русским идеалам, он считал вполне достижимым единство славян: «Отношения наши к славянам не созданы нами произвольно, они нам даны судьбой и нам с ними приходится считаться, даже ежели бы мы этого не желали» [27, с. 218]. Больше всего Киреев опасался вакуума силы на Балканах и его заполнения австро-германским влиянием: «Восток не может оставаться нейтральным, он не может идти самостоятельно, его поведут, и если поведем не мы, то поведут наши враги, общие и его и наши враги!» [27, с. 223]. Именно это и происходило в те годы, по мысли Киреева: «Нам среди официального полного мира мирными средствами наносят тяжелые поражения, враги наши не без успеха колеблют наше влияние там, где оно одно должно господствовать, где оно одно имеет право властвовать, ибо оно одно служит представителем правды, независимости и бескорыстной любви... Хозяиничанье наших врагов на Востоке не знает границ», – сетовал мыслитель [27, с. 226]. Характерно,

что то же самое генерал будет повторять и спустя два десятка лет: «Слабые славянские народы не могут оставаться нейтральными между Россией и Германией... Ежели они не будут под нашим влиянием, они будут под влиянием австро-германским» [29, л. 51 об.].

В ответ Цертелев вновь поддержал Грингмута, заявив, что равнодушие России к балканским делам – это не «отречение от своей исторической миссии», а «наступившее отрезвление от ложной мечты» [30, с. 894]. Призывы Киреева тратить силы на южных славян, численность которых была на тот момент в пять раз меньше населения Российской империи, Цертелев категорически отвергал, как и сам принцип этноязыковой солидарности: «Неужели неопределенных этнографических данных достаточно, чтобы перевесить единство, основанное на тождестве материальных, а в значительной мере и нравственных интересов?» [30, с. 895]. В полном соответствии с заветами Леонтьева редактор «Русского обозрения» отвергал «принцип национальностей» как ведущий к развалу Российской империи и отпадению от нее всех неславянских земель.

В июне 1891 года Цертелев включил ответное письмо Киреева с разъяснениями по некоторым частным вопросам в «Современную летопись» и сам, в свою очередь, настойчиво разделял религию и политику на Балканах [31, с. 860–867], а также упрекал генерала в отсутствии ясного критерия русской нации: «Относительно России последовательное применение националистического принципа дало бы, кажется, довольно сомнительные результаты. Заменяя вполне ясное государственное единство неопределенным пониманием кровного племенного родства, за присоединение (даже нематериальное) сербов и болгар, которые с нами соединиться не желают, пришлось бы отказаться от Финляндии, Балтийских провинций, Кавказа, Сибири, всех наших владений в Средней Азии и т.д.» [31, с. 867].

В следующем номере «Русского обозрения» Цертелеву пришлось поместить очередную ответ Киреева от 30 июня 1891 года, в котором он ставил религию выше государства, а этнический принцип проведения границ между государствами считал путем к миру, хотя и оговаривался, что он применим только к обособленным народам с ясным самосознанием [32, с. 416–422]. В ответ редактор журнала обвинил лидера славянофилов в самомнении и политизации церкви, а насчет пользы от этнографического принципа границ говорил, что для проверки данного тезиса потребуется великое переселение народов (увы, XX век подтвердил эту горькую истину). Наличие же общих идеалов у русских с зарубежными славянами Цертелев отрицал [32, с. 422–424].

С тех пор ответы Киреева в «Русском обозрении» не появлялись, потому что это запретил начальник Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистов, не желавший возбуждать интерес к теме земских соборов. Однако в «Славянских известиях» Киреев немедленно парировал статьей «Славяне и Россия». Несмотря на название, в ней он свел спор с Грингмутом исключительно к внутривнутриполитическим вопросам [33]. Вскоре аналогичную статью генерал написал и в ответ Цертелеву. В ней он называл государство Российское лишь средством, инструментом для выполнения религиозной и народной миссии, в очередной раз повторяя: «Если бы политические границы государств были приведены в соотношение с границами этнографическими, то, конечно, вместе с тем исчезла бы одна из главнейших причин войны» [34, с. 550]. Киреев оговаривался, что определял этническую принадлежность не по крови, а исключительно по самосознанию.

На этом спор Киреева и Грингмута затих, оставшись по сей день неоцененным по своей значимости эпизодом из истории русской общественной мысли. Однако Грингмут продолжал развивать свои геополитические мысли на страницах «Русского обозрения». В сентябре 1891 года в статье «Быть или не быть туркам?» [35] он разделял озабоченность общественности будущим черноморских проливов после неминуемого ослабления Османской империи. По мнению Грингмута, Россия сейчас неспособна удерживать проли-

вы и потому лучше переманить турок на свою сторону, отказавшись от славянофильской пропаганды и дав гарантии султану. «Стремиться теперь же к насильственному разрешению турецкого вопроса посредством изгнания турок из Европы неблагоприятно по чисто политическим причинам», – писал он [35, с. 346]. По мысли Грингмута, следовало даже восстановить власть султана над Болгарией и поддержать турецкое иго на Балканах как противовес европейскому либерализму и демократии (с последним тезисом, выдвинутым К.Н. Леонтьевым, не спорил даже Киреев).

Месяц спустя Грингмут заявил о себе наиболее фундаментальной и программной из своих геополитических статей [36]. На этот раз речь шла о том, что миссия России – одинаково блестяще царствовать и в Азии, и в Европе (которую Грингмут в протоевразийском духе построений Ламанского считал полуостровом Азии). Публицист утверждал: «Мы прежде всего русские, а затем нас могут считать кем угодно, европейцами или азиатами, или и теми и другими вместе (что, пожалуй, будет правильнее) – от этого сущность дела не изменится. Мы чувствуем себя одинаково дома, как в Ташкенте, так и в Петербурге, и всюду мы призваны осуществить одну и ту же культурную и государственную задачу... Всюду мы обязаны трудиться с равномерной энергией, вкореняя и развивая русские культурные и государственные начала. Будущность наша не в одной Европе и не в одной Азии, а в той и другой части света, если только их можно считать отдельными частями света» [36, с. 834]. Но Грингмут шел еще дальше, воспринимая Российскую империю как систему государств, народов и «внутренних колоний» (Сибири), включенных в ее состав, – систему, аналогичную по статусу европейскому «концерту» в международных отношениях. «Единое, неделимое, сплошное государство, в котором постоянно умножаются миллионы его народонаселения, найдет себе вдоволь простора на многие столетия. В то время пока западные державы будут истощать свои силы в непрерывных войнах из-за того или другого заморского владения, Россия будет лишь собирать и укреплять свои силы, благодаря тому что ей придется их не разбрасывать по всем частям света, а сосредоточивать в своих же собственных владениях», – провозглашал Грингмут [36, с. 836]. Он призывал «без особого труда приобретать новые территории в Средней Азии» и угрожать британской Индии.

Здесь в полной мере виден переход публициста к «мышлению пространством», к подлинно геополитическому анализу. Предвосхищая евразийцев, Грингмут выдвигал идею экономической автаркии: «Россия должна себе обеспечить среди предстоящих в Европе социальных и колониальных катастроф спокойную и независимую будущность, обильную внутренними культурными и экономическими задачами. Она должна стать великим, самодовлеющим государством, не нуждающимся ни в нравственной, ни в материальной поддержке со стороны каких бы то ни было иноземных держав, но могущим, наоборот, оказать им, при случае, подобную поддержку... Такая власть будет покоиться в руках России, прочно и несокрушимо утвердившейся в обеих половинах своей империи и претворяющей их в одно великое, не европейское и не азиатское, а православное, самодержавное, русское целое с богатой, своеобразной и разнообразной культурой» [36, с. 839]. Таким образом, в евразийской парадигме Грингмута европейская политика союзов и блоков между разными государствами являлась признаком слабости, а непосредственное включение целых стран и народов в состав Российской империи – признаком силы и явлением гораздо более полезным, чем непрочные союзы. По существу, саму империю мыслитель воспринимал как союз народов и их бывших государств, слившихся в одно целое.

Своеобразным преломлением идей Грингмута в «Русском обозрении» стала рецензия Г.П. Георгиевского на «Три мира Азийско-Европейского материка» В.И. Ламанского в 1892 году [37]. Четырьмя годами ранее Ламанский выступал против вмешательства в дела западных славян с той же аргументацией, что впоследствии использовали Грингмут и Цертелев. Теперь Георгиевский приветствовал выделение Российской империи, славянских

и греческих земель в особый «срединный» мир между собственно Европой и собственно Азией. Однако если Грингмут и поздний Ламанский делали при этом акцент на самобытности народов Российской империи, предвосхищая евразийство, то Георгиевский вслед за Н.Я. Данилевским интерпретировал теорию «трех миров» в панславистском ключе.

Спустя несколько лет Ламанский стал инициатором еще одного спора. 10 ноября 1894 года он произнес речь, посвященную внешней политике России, поддержав курс Александра III на мир в Европе, борьбу с «немецким засильем» и отказ от «мечтательности и сентиментализма» на Балканах [38]. Академик выразил надежды на мирное и благополучное царствование Николая II, дальнейшее процветание России и славянства. На речь Ламанского немедленно откликнулся А.А. Башмаков, усиливший акценты в сторону германофобии вплоть до призывов отказаться от браков Романовых с немецкими принцессами и сломать «средостение» между царем и народными крестьянскими массами [39]. Другой панславист, полковник П.А. Гейсман подверг критике Ламанского, обвиняя его в незнакомстве с военной стратегией и требуя присоединения к России Восточной Галиции и Восточной Пруссии и создания укрепленной линии по Висле [40]. Напротив, либералы приветствовали отказ Ламанского от идеи русской экспансии в Болгарии [41].

Что касается А.А. Киреева, то он собирался вновь вступить в спор с Ламанским [42, л. 48], однако вместо этого провел беседы со славянофильским кружком студентов Московского университета, обратившихся к генералу именно по совету Ламанского [43, л. 10 об.]. Итогом беседы Киреева со студентами стала его программная статья «Спор с западниками настоящей минуты», законченная 25 марта 1895 года, посвященная тем самым студентам и направленная против либералов С.Н. Трубецкого и П.Н. Милюкова [44]. В ней генерал вновь защищал принцип славянского единства и политического освобождения славян, на сей раз указывая на предсмертное письмо Леонтьева в свою поддержку; напротив, «отречение» Ламанского от панславизма генерал вновь подверг жесткой критике. Спустя еще два года ему вторил в этом Е.В. Крылов, также осудивший речь академика 1894 года и подтвердивший, что «Россия никому другому не может уступить своего влияния на Балканском полуострове» [45, с. 618].

К тому времени, однако, акценты в спорах русских геополитиков сместились в сторону Азии. Кончина императора Александра III совпала с началом японо-китайской войны 1894–1895 годов, которая привела к переориентации внешней политики Петербурга на Дальний Восток. После смерти министра иностранных дел Н.К. Гирса началась чехарда его преемников. Итоги внешней политики Александра III и Гирса Киреев подвел в таких словах: «Наша бесцветная политика не мешала нашему росту. Почему? Потому что за нас время; то время, которое против Запада. Запад сходит вниз, мы, хоть и неумело, да идем в гору... И такого инстинктивного поворота к самостоятельности достаточно было, чтобы мы сделались грозными. Что же бы было, если бы мы знали, чего желать, к чему идти. К сожалению, этого мы не понимали, и не понимаем, и по-прежнему придерживаемся выжидательной политики. Но эта “выжидательность” не подкреплена, не мотивирована. Просто сидим и растем! Иностранцы же этим пользуются, радуются нашей неподвижности и кадят нам, обдывая свои делишки» [43, л. 1 об. – 2]. Как обычно, генерал возмущался хаотичностью русской дипломатии: «Политика эта (наша) отличается полнейшим отсутствием системы; от этого происходит, что и умные наши представители ничего или немного могут путного сделать, самые противоречивые системы сменяются в 24 часа, то мы славянофилы, то враги славянства, и т.д.» [46, л. 2 об.].

Киреева стало беспокоить, что русское правительство отказалось от балканской политики в пользу экспансии сначала в Средней Азии, а потом в Корее и Маньчжурии. Без влияния на Балканах, говорил Киреев, Россия будет лишь «очень большой», но не великой державой. Мыслитель не желал полного уничтожения Османской империи: он предполагал,

изгнав ее из Европы и Армении, сохранить турецкое владычество над Константинополем, азиатскими и африканскими владениями. Киреев хотел видеть такую Турцию достаточно сильным и независимым от Запада союзником России. Так, в 1896 году в период между армянским и критским кризисами он записал: «Турция разлагается, опасаясь, что Лобанов затеет что-нибудь (с Австрией сообща) для дележа Турции, что-нибудь в ущерб славянства» [43, л. 78 об.]. Несмотря на сочувствие армянам и грекам, Киреев считал, что в данный момент поднимать «восточный вопрос» невыгодно, поскольку «время за нас работает и против наших врагов турок и австрийцев» [43, л. 83 об.]. Говоря о проекте русского посла в Константинополе А.И. Нелидова по разделу Османской империи, при котором Болгария и проливы доставались бы России, а Сербия – Австрии, Киреев в 1897 году отмечал: «Это нам несколько не было выгодно, шло бы вразрез с нашими традициями» [43, л. 141 об.]. Даже незадолго до смерти, в 1909 году, Киреев скажет: «Нам теперь должно желать, чтобы султан оставался владельцем Царя-града. Мы пока еще слишком слабы для этой роли. Отдать его грекам – тоже нельзя, равно и болгарам» [29, л. 45]. Когда после греко-турецкой войны 1897 года Николай II способствовал получению автономии Крита, де-факто передав его под контроль Афин, а дотоле лояльный к России султан Абдул-Хамид II стал ориентироваться на Германию, Киреев восклицал: «Глупо! Я понимаю, что турок нужно изгнать из Европы, но ведь греки относятся к нам совершенно враждебно, смотрят на нас как на врагов, а мы их усиливаем и возбуждаем вражду Турции против себя» [47, л. 104 об.]. «Греки нас терпеть не могут (и вечно будут нас предавать), – повторял Киреев в 1902 году. – Турки хотя и дикари, но не раз были готовы с нами помириться и быть в союзе» [47, л. 193]. «Окончательная ликвидация турецкого наследства еще не наступила, – писал мыслитель в 1896 году, – но она уже в виду, и недалеко то время... когда православие на Востоке будет снова свободно... Призрак оттоманского могущества бледнеет и скоро может исчезнуть. Что же останется на его месте? Привыкшие к политиканству этнографические единицы. Зрелище неутешительное! Где древняя слава, древнее величие, всесветная ученость Церквей Востока?.. Их нет!» [48, с. 462].

Правда, Киреев выступал за активные завоевания в Средней Азии, за экспансию в Персию и Афганистан с перспективой создания угрозы для Индии, за проникновение в Тибет и Уйгурию. В 1900 году он восклицал: «Нужно было законтраковать, заарендовать Кашгар, Кульджу и Яркенд. Этих у нас никто не отнимет и через два поколения они будут русскими... Нам нужны Памир и Гиндукуш! И умный посланник в Кабуле, вот что нам нужно! Тогда и Англия будет сидеть смирно!» [47, л. 5]. В ноябре 1903 года, накануне русско-японской войны, Киреев предлагал отдать в сферу влияния Японии почти всю Маньчжурию, получив взамен все те же три города в Синьцзяне [47, л. 276 об.].

Совершенно иначе славянофил относился к Дальнему Востоку. Первые шаги России по экспансии в Маньчжурии и Корею он сдержанно приветствовал уже летом 1894 года, опасаясь японской угрозы [20, л. 452 об., 454, 461 об.]. В 1895 году Киреев поддержал предоставление займа Китаю и аренду гавани в Желтом море [43, л. 16 об., 19 об., 21], в то же время предвещая негативные последствия посягательств России на Порт-Артур [43, л. 17, 20]. В марте 1898 года генерал предсказывал, что «величественно-бестолковый план Витте захвата Китая не может уже удался. В дележе примут участие и другие» [43, л. 187 об.]. «Очень боюсь, чтобы наши успехи на Дальнем Востоке не помешали нашим действиям на Ближнем, гораздо более для нас важном православном Востоке, – рассуждал генерал. – Ведь ни зерна, ни бумажных изделий, ни машин мы вывозить (своих) не будем на Дальнем Востоке» [43, л. 186].

В 1900 году, отмечая быстрый рост империалистических appetitов Австрии, Италии, Германии на Балканах, Киреев призывал Россию срочно бросить все азиатские дела и вернуться в славянский мир, а не «водворять европейскую культуру у хунзузов и камча-

далов» [47, л. 4]. По словам Киреева, российская дипломатия хотела бы «съесть комара» (то есть Персию и Порт-Артур), отдав «верблюда» (то есть Балканы) на растерзание Германии и Австрии [47, л. 7]. Он восклицал: «Мы сбились с пути, променяли наш Ближний Восток на Дальний! Мы ушли с нашего ближнего, святого Востока, и место наше занято! Занято крепко, крепким немцем!» [47, л. 55 об. – 56]. 31 октября 1900 года Киреев писал Л.А. Тихомирову, апологету христианской миссии России в Китае: «Ваши статьи умны, и поистине православны, и, тем не менее, опасные, скажу вредные... Вредны они тем, что, во-первых, возбуждают в нашем уме неосуществимые желания, во-вторых, что переносят наши слабенькие (увы) силы – в Дальний, ненужный нам Восток, и отнимают их у нашего, исторического Востока. Нам нечего задаваться новыми, бесцельными мечтаниями, неосуществимыми для наших слабых средств, когда у нас под носом уходит наше кровное достояние» [49, л. 69 а, 69 в].

В июле 1900 года, при подавлении восстания ихэтуаней («боксеров») русскими и европейскими войсками, Киреев призывал трезво осознавать неизбежный военный и демографический подъем Китая в ближайшие полвека и выстраивать с ним равноправные и дружественные отношения [47, л. 29 об. – 31 об.]. Вообще он уже с 1860-х годов неизменно осуждал политику России в Китае как грабительскую и варварскую и желал видеть державу Цинов сильной и дружественной. Начальник Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвиг в 1900 году в письме к Кирееву одобрил его мысли: «Не дай Бог делить Поднебесную империю! Китай нам не страшен, если мы сумеем оградить нашу границу и быстро закончить постройку железной дороги; лучше жить бок о бок с людьми “желтой расы”, десятки тысяч которых бегут, завидев сотню хорошо вооруженных русских казаков, чем иметь в Азии соседями – Германию, Англию, Италию в концессионных миниатюрах! Европейцы жаждут поделить Китай и проповедуют об этом в своих газетах и журналах: им досадно, что они бессильны тревожить нас на пространстве обширной границы нашей в 8 тысяч верст, они также знают хорошо, что собственно Россия может мирно жить с Китаем, ибо у нас там совсем другие задачи; а они все никогда не откажутся ни от торговой эксплуатации, ни от миссионерской деятельности, ни от развращения Китая опиумом! *Inde ira!* А затем и пагубные советы делить Китай!» [50, л. 3 об. – 4 об.].

Любопытно, что в том же письме Гартвиг обрушивался с резкой критикой на Францию (с чем Киреев всегда был согласен): «Французы не отстают от других европейцев, ибо несмотря ни на какие франко-русские симпатии, мы с ними никогда не сговоримся ни на турецком Востоке (Палестина), ни на Крайнем. <...> Точно франко-русский союз, который сослужил полезную службу и до настоящего времени, когда нужно, являлся прекрасным пугалом для англичан и немцев, точно, говорю я, франко-русский союз налагает на нас обязанность жертвовать своими правами и интересами *pour plaire à mr. Delcassé...* и тысячам других вздорных французов!» [50, л. 4 об. – 5 об.]. При этом Гартвиг утешал Киреева тем, что обстановка меняется и в ближайшие годы снова обострится ситуация на Балканах [50, л. 6–10]. Как известно, именно так и случилось, в том числе при активной роли самого Гартвига – посла в Белграде с 1909 года.

Киреев был уверен, что Германия и Австрия нарочно подталкивают Россию на Дальний Восток, чтобы она забыла о Балканах. В 1900 году он сетовал: «Прежде Россия представлялась мне (издалека, из-за границы) идущей неуклонно к какой-то высокой цели. Теперь как будто она остановилась в миролюбивой нерешительности, повернувшись спиной к нашему, исконному, православному Востоку пяти патриархов, и собирается лезть к китайцам, монголам, японцам... да еще, пожалуй, в Персидский залив открывать себе “доступ к морю”, к незамерзающему морю! столь необходимому для вывоза наших несуществующих товаров нашей несуществующей торговли. Нас, со всевозможным любезностями, ставя 12 баллов за поведение и миролюбие, выпроваживают из Европы в Азию» [51, л. 103–104]. «Удаляясь по-детски упрямо от Германии, мы вместе с тем ничем

себя не вознаграждаем, даем и Германии и Австрии усилиться на Балканском полуострове и в Малой Азии. Наши приобретения на Дальнем Востоке, конечно, представляют лишь Ахиллесову пяту для России, без какой бы то ни было выгоды, а наша союзница Франция становится всё слабее и ничтожнее», – отмечал Киреев в 1902 году [47, л. 162]. Заключение англо-японского союза против России в 1902 году Киреев воспринял как чувствительное поражение («вся Европа и Америка над нами смеются»), в то же время полезное как импульс к возвращению центра тяжести русской политики на Балканы [47, л. 121]. «Англия держит нас в своих когтях (благодаря Японии), а прежде мы ее на Инде держали в наших когтях», – сокрушался мыслитель [47, л. 218 об.].

Забытым эпизодом в развитии русской геополитической мысли стала полемика в «Новом времени» в 1900 году о развитии русского флота. Киреев уверял читателей, что военный флот России в принципе не нужен, так как войны и с Англией, и с Германией нам придется вести на суше [52]. К. Лисовский возражал, считая именно флот главной ударной силой в будущих войнах XX века: «Было бы грешно и даже очень опасно останавливаться на полудороге в силу только того олимпийского соображения, что за соседями нам не угнаться. Как ни тяжело, а гнаться надо!» [53]. В ответ Киреев приводил расчеты стоимости постройки кораблей и предлагал расходовать данные средства более рационально, ограничившись «быстроходными крейсерами и подлодками» вместо «огромных, страшно дорогих эскадренных броненосцев» [54]. Мыслитель подчеркивал, что на любой театр войны русские войска все равно пойдут по суше. Сравнивая Россию со слоном, а Англию с китом, Киреев предвосхищал популярные в геополитике XX–XXI веков образы континентального Бегемота и океанического Левиафана.

По мысли генерала, России не следовало вторгаться в Индию, но «если когда-либо Англия своей двуличной и назойливой политикой заставит нас произнести роковое “*Delenda est Carthago*”», быть наготове сделать это, а также с помощью крейсеров сделать британские морские коммуникации убыточными и принудить Лондон к уступкам. Цели русской геополитики на Дальнем Востоке Киреев предлагал строго ограничить присоединением Маньчжурии, Монголии и Уйгурии к Российской империи («через два-три поколения жители этих стран войдут бесповоротно в великую русскую семью»), не продвигаясь далее и выбрав тактику обороны Сибири. Тем более исключал он возможность участия России в колониальной гонке западных стран, считая, что «приобретение колоний было бы для нас настоящим бедствием. Они нам нисколько не нужны; нужны они тем государствам, у которых своему народу некуда деваться и у которых оказывается перепроизводство фабрикатов, которые нужно куда-нибудь сбывать» [54]. Конечной целью российской геополитики Киреев по-прежнему считал Балканы и Царьград с проливами.

Как же повели себя во время дальневосточной экспансии России и восстания ихэтуаней консервативные оппоненты Киреева? Доживавший последний год жизни М.П. Соловьев, например, испытывая ненависть к Британии, призывал воспользоваться англо-бурской войной и «сорвать что-то в Турции, Персии, Китае: мы всегда в силах получить там всё, что нужно нам» [55, л. 222]. «Мы подвигаемся к Англии косолапою медвежьей походкой, но следовало бы поторопиться», – писал Соловьев С.А. Рачинскому, в отличие от своего однофамильца-философа ничуть не опасаясь «панмонголизма» [56, л. 191 об.]. При этом поддержку восстания в Индии М.П. Соловьев считал нецелесообразной, опасаясь прихода там к власти мусульманских князей [57, л. 11 об.]. Исходя из своей мечты начать войну с Англией, он полагал уместным начать ее с территории Китая при поддержке Франции [58, л. 24].

Что касается В.А. Грингмута, то он в очередной раз выступил против славянофильской позиции А.А. Киреева и М.П. Соловьева, одобрив предсмертные сочинения Владимира Соловьева и указав на «мировое значение китайского вопроса» [59, с. 67–69]. «Китай окончательно проснулся и стал, как непримиримый враг, лицом к лицу ко всем сво-

им соседям», – писал Грингмут. При этом он пророчил «мировой христианско-монгольский кризис» и «мировое призвание России», «русскую эру в истории человечества» [59, с. 69], которая должна была наступить в результате как военной победы над Китаем, так и духовной победы над «внутренней китайщиной», под которой он парадоксальным образом понимал социализм и революционное движение [59, с. 71]. Такая победа, подчеркивал Грингмут, станет возможна лишь тогда, когда Россия обновится и не на словах, а на деле воплотит в жизнь идеал православной монархии.

Заявляя в противовес Кирееву о необходимости сохранения существующих границ Российской империи и на Ближнем, и на Дальнем Востоке, Грингмут все же допускал возможность военных конфликтов по причине англо-японских интриг и призывал Россию подерживать свое «политическое обаяние на Востоке» [59, с. 123]. «В какой именно дипломатической форме будет решен настоящий, вступительный фазис китайского вопроса, – это безразлично, – полагал публицист. – Важно лишь одно, что он, с помощью Божией, будет решен именно как вступительный фазис, согласно жизненным интересам и историческому призванию России» [59, с. 124]. События в Китае, предрекал Грингмут в 1900 году, станут «прологом к той мировой драме, конец которой увидят лишь наши правнуки» [59, с. 113]. Между тем продолжали обостряться и балканские проблемы (переворот в Сербии и македонское восстание 1903 года), и Грингмут снова пылко настаивал на том, что Россия не может повторить события 1877 года и жертвовать собой ради антирусских политиков балканских стран. Он усматривал будущее России в планомерном продвижении на Дальний Восток то мирными, то военными средствами, исходя из тактических обстоятельств. При этом Грингмут уже в 1903 году предрекал войну против Японии и Англии [59, с. 121–124]. После начала русско-японской войны в 1904 году Грингмут не преминул выступить в печати еще с одной статьей «Где мировое призвание России?», в которой вновь назвал Россию государством одновременно европейским и азиатским и резко высмеял славянофилов, по его мнению, не желающих вникать в мировые события и геополитическую стратегию на Дальнем Востоке. Их программе замыкания интересов России в одном балканском регионе мыслитель противопоставил широту взглядов Александра Македонского и полководцев Рима, завоевывавших всё новые земли, не заботясь об этническом составе их населения [59, с. 90]. Идеальный образ геополитического будущего мира для Грингмута сводился к тому, что западные державы будут делить заморские колонии, а Россия изолируется от сильных противников чередой слабых буферных государств вроде Кореи, Афганистана и Персии. При этом он соглашался вовсе отказаться от планов приобретения проливов и любых других балканских территорий [59, с. 125]. При этом все же Грингмут туманно предрекал, что недалек час окончательного расчленения Османской империи [59, с. 118–121].

Таким образом, последнее десятилетие XIX века и первые годы XX столетия отнюдь не были «провалом» в истории русской геополитической мысли. Они стали «белым пятном» в ней лишь по причине недостаточного внимания историков. В эти годы в бурных, но в целом корректных спорах между консерваторами различных направлений происходило осмысление стратегических целей России на XX век. Поздние славянофилы настаивали на приоритете балканского направления, хотя отнюдь не призывали к полному отказу от среднеазиатской и дальневосточной политики. Их оппоненты-охранители, развивая заветы Леонтьева, стремились свести к минимуму вмешательство России в судьбы зарубежных славян и перенести акцент на Дальний Восток и отчасти Центральную Азию, в то же время полагая идеалом баланс сил между всеми направлениями и стремление к самодостаточности и автаркии для могущественной Российской империи. Совместными усилиями русские консерваторы 1890-х годов подготовили золотой век русской геополитической мысли, наступивший в начале XX века.

Литература

1. *Вандам А.Е.* Геополитика и геостратегия (Наше положение. Величайшее из искусств). М.: Кучково поле, 2002. 269 с.
2. *Дусинский И.И.* Геополитика России. М.: Москва, 2003. 311 с.
3. *Ухтомский Э.Э.* К событиям в Китае. Об отношениях Запада и России к Востоку. М.: URSS, 2012. 96 с.
4. *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 461 с.
5. *Савицкий П.Н.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 776 с.
6. *Шарапов С.Ф.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 744 с.
7. *Шарапов С.Ф.* Россия будущего. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 720 с.
8. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации; Благословение, 2011. 816 с.
9. *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 928 с.
10. *Леонтьев К.Н.* Восток, Россия и славянство. М.: Республика, 1996. 798 с.
11. *Смолин М.Б.* Панславистский политический теоретик в истории русской геополитики: Иван Иванович Дусинский // *Дусинский И.И.* Геополитика России. М.: Москва, 2003. С. 5–22.
12. *Медоваров М.В., Снежницкая С.И.* Раскол среди поздних славянофилов (1887–1897 гг.) и роль В.И. Ламанского в нем // *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского.* 2019. № 5. С. 38–47.
13. *Леонтьев К.Н.* Денисову. 7 столбов новой культуры // *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с. С. 133–134.
14. *Аксаков Н.П.* О народности вообще и русской народности по преимуществу (Письма к приятелю). [Ч. 3] // *Благовест.* 1891. 15 декабря. Вып. 46. С. 1711–1720.
15. *[Грингмут В.А.] Spectator.* Текущие вопросы международной политики: IV. Наши братья // *Русское обозрение.* 1890. № 7. С. 372–384.
16. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 3.
17. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 9.
18. РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 265.
19. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 10.
20. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 11.
21. *Киреев А.А.* В защиту братушек: Первый ответ Spectator'у (Письмо к редактору) // *Славянские известия.* 1890. № 36 (9 сентября). С. 644–648.
22. *Киреев А.А.* В защиту «братушек» (Письмо к редактору) // *Русское обозрение.* 1890. № 8. С. 833–842.
23. *[Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение.* 1890. № 9. С. 426–450.
24. *[Грингмут В.А.] Spectator.* Текущие вопросы международной политики: V. Г. Татищев и г. Стамбулов // *Русское обозрение.* 1890. № 9. С. 412–425.
25. *[Грингмут В.А.] Spectator.* Текущие вопросы международной политики: III. Сербские скандалы // *Русское обозрение.* 1891. № 3. С. 377–385.
26. *[Грингмут В.А.] Spectator.* Текущие вопросы международной политики: VI. Россия и европейские союзы // *Русское обозрение.* 1890. № 10. С. 873–886.
27. *Киреев А.А.* Россия и славяне: Второй ответ Spectator'у // *Русское обозрение.* 1891. № 3. С. 214–227.
28. *Киреев А.А.* Россия и славяне: Второй ответ Spectator'у // *Славянские известия.* 1891. № 19 (12 мая). С. 334–339.
29. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 15.
30. *[Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение.* 1891. № 4. С. 879–899.
31. *[Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение.* 1891. № 6. С. 858–876.
32. *[Цертелев Д.Н.] Современная летопись // Русское обозрение.* 1891. № 7. С. 405–426.
33. *Киреев А.А.* Славяне и Россия: Третий ответ Spectator'у // *Славянские известия.* 1891. № 28 (14 июля). С. 481–490.
34. *Киреев А.А.* Ответ комментатору современной летописи «Русского обозрения» // *Славянские известия.* 1891. № 32 (11 августа). С. 545–551.
35. *[Грингмут В.А.] Spectator.* Текущие вопросы международной политики: IX. Быть или не быть туркам? // *Русское обозрение.* 1891. № 9. С. 342–353.
36. *[Грингмут В.А.] Spectator.* Текущие вопросы международной политики: X. Где наша будущность: в Европе или в Азии? // *Русское обозрение.* 1891. № 10. С. 829–841.
37. *Георгиевский Г.П.* [Рец.:] Три мира Азийско-Европейского материка. В. Ламанского. СПб., 1892 // *Русское обозрение.* 1892. № 10. С. 989–993.
38. *Ламанский В.И.* Речь в Славянском обществе / В.И. Ламанский // *Геополитика панславизма.* М., 2010. С. 480–490.
39. *Башмаков А.А.* По поводу речи В.И. Ламанского, произнесенной в Славянском обществе // *Русское обозрение.* 1894. № 12. С. 996–1004.
40. *Гейсман П.А.* Несколько мыслей по вопросу об отношениях стратегии к политике: По поводу речи В.И. Ламанского в общ. собр. чл. С.-Петерб. слав. о-ва 10 ноября 1894 г. СПб., 1895. 19 с.
41. *[Слонимский Л.З.] Новые идеи старых славянофилов: Соображения В.И. Ламанского о внешних делах // Вестник Европы.* 1894. № 12. С. 854–864.
42. ГАРФ. Ф. 634. Д. 101.
43. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 12.

44. Киреев А.А. Спор с западниками настоящей минуты // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 207–277.
45. [Крылов Е.В.] В.Е.К. Что умерло: Славянофильство или Западничество? // Русское обозрение. 1897. № 2. С. 617–645.
46. ОР РНБ. Ф. 349. Д. 6.
47. ОР РГБ. Ф. 126. Д. 13.
48. Киреев А.А. Религиозные задачи России на православном Востоке / А.А. Киреев // Сочинения. Т. 1. СПб., 1912. С. 457–460.
49. ГАРФ. Ф. 634. Д. 8.
50. ОР РНБ. Ф. 349. Д. 23.
51. ГАРФ. Ф. 634. Д. 101.
52. Киреев А.А. О значении флота (Письмо в редакцию) // Новое время. 1900. 1 (14) июня. № 8713. С. 2.
53. Лисовский К. Современное значение военного флота // Новое время. 1900. 7 (20) июня. № 8719. С. 2.
54. Киреев А.А. Еще о флоте // Новое время. 1900. 28 июня (11 июля). № 8740. С. 2.
55. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 112.
56. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 113.
57. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 114.
58. ОР РНБ. Ф. 631. Д. 116.
59. Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. 544 с.

Аннотация. Статья посвящена анализу геополитических взглядов русских консерваторов конца XIX века. Первостепенное внимание уделяется «забытому» исследователями периоду после смерти классиков геополитической мысли 1880-х годов и до начала «золотого века» русской геополитики. Доказывается влияние наследия Константина Леонтьева и новых работ Владимира Ламанского на журнальные дискуссии 1890-х – начала 1900-х годов. Делается вывод о том, что поздние славянофилы и охранители по-разному расставляли приоритеты российской стратегии на Балканском полуострове, в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. В статье демонстрируется постепенное формирование «протоевразийства» в русской мысли данного периода.

Ключевые слова: русская геополитика, русский консерватизм, евразийство, панславизм, «Русское обозрение», позднее славянофильство, Константин Леонтьев, Владимир Ламанский, Владимир Грингмут, Александр Киреев, Михаил Соловьев.

Maxim V. Medovarov, Associate Professor, Department of Information Technologies in Humanitarian Studies, Lobachevsky Nizhni Novgorod State University. E-mail: mmedovarov@yandex.ru

**Geopolitical Concepts of Russian Conservatives in the 1890s
(Based on the Publications of “Russkoe Obozrenie” Journal and Its Opponents)**

Abstract. The article is devoted to the analysis of geopolitical views of the Russian conservatives in the late 19th century. Primary attention is paid to the period “forgotten” by researchers after the death of the classics of geopolitical thought in the 1880s and before the beginning of the “golden age” of Russian geopolitics. The influence of the legacy of Konstantin Leontiev and the new works of Vladimir Lamansky on the discussions published in the journal in the 1890s – early 1900s is proved. The author concludes that the late Slavophiles and the “Guardians” set different priorities in Russian strategy in the regions of Balkan Peninsula, Central Asia and the Far East. The article demonstrates the gradual formation of “proto-Eurasianism” in the Russian thought of that period.

Keywords: Russian Geopolitics, Russian Conservatism, Eurasianism, Pan Slavism, “Russkoe Obozrenie” (“Russian Review”), Late Slavophilism, Konstantin Leontiev, Vladimir Lamansky, Vladimir Gringmut, Alexander Kireev, Mikhail Solovyov.

Циклизм как стержневая идея русской мысли второй половины XIX – начала XX века

В обыденном сознании большинства народов всегда сосуществовали и сосуществуют по сей день два образа времени – линейно-поступательное и циклическое. В рамках первого образа человек живет в условиях постоянного увеличения своего возраста и возраста окружающих его людей, в рамках второго – в условиях все время циклически повторяющихся явлений: времен года, дней недели, суток. Оба образа детерминированы объективной реальностью, хотя второй (циклический) часто связывают с субъективными восприятиями. Но это, конечно, не так, хотя бы потому, что циклическое кругообращение является доминирующей формой движения во Вселенной.

Оба эти образа нашли свое отражение в мировой общественной мысли в виде двух основных парадигм социального времени и социальной динамики – линейной и циклической. Необходимо констатировать, что как наиболее очевидная всегда доминировала линейная парадигма. Циклическая парадигма начинает фрагментарно разрабатываться уже античными и арабскими мыслителями, центральное место она занимала в трактате Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе вещей» (1725–1744), а в XIX веке – в философии истории Гегеля (спираль восхождения Абсолютного духа) и теории общественно-экономических формаций К. Маркса. Так, по представлениям Маркса, цикличность истории проявляется в том, что при переходе от одной общественно-экономической формации к другой в обществе возникают аналогичные возвратно-повторяющиеся ситуации – конфликт производительных сил и производственных отношений, разрушаемый социальной революцией, сменой господствующего класса, системой отношений собственности и т.д.

В своем чистом и многогранном виде циклическая парадигма разрабатывается во второй половине XIX века представителями отечественной общественной мысли, а уже потом развивается западными учеными. Важно отметить, что в отечественной мысли во второй половине XIX – начале XX века циклическое мировидение распространяется на важнейшие сферы гуманитарного знания: философию и политические учения (Б.Н. Чичерин, 1826–1904), социальную теорию и социологию (Н.Я. Данилевский, 1822–1885 и К.Н. Леонтьев, 1831–1891) и, наконец, на теорию циклов (волн) мировой социально-политической динамики (Н.Д. Кондратьев, 1892–1938).

Чичерин: круговорот господствующих государствообразующих идей

В 1869 году находящийся в отставке профессор Московского университета Б.Н. Чичерин издает первый том своего фундаментального пятитомного труда «История политических учений». В этом труде автор не только впервые вводит в научный оборот по-

Мощелков Евгений Николаевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: enm@inbox.ru

нятие «история политических учений», которое позже станет широко распространенным в мировой философско-политической мысли, но и придает ему интегративный смысл и значение.

Исходное положение Чичерина состоит в следующем: «Мы видим в истории мысли постоянное повторение одних и тех же воззрений, которые возвращаются в силу необходимости...» [1, с. 28]. Но в истории мысли Чичерин специально выделяет историю политических учений, которая, по его мнению, есть «лучшее руководство к познанию основных начал государственной жизни» [1, с. 28].

Политическое учение, по Чичерину, это прежде всего философское учение о государстве, философское осмысление основных проблем политики в их ретроспекции [1, с. 28–30]. Это проявляется в понимании Чичериным структуры государства, его элементов. Государство, по мнению Чичерина, состоит из четырех взаимосвязанных элементов: 1) общественная власть («необходимая общественная сила, подчиняющая себе силы частные»; «она дает обществу бытие, ибо без нее нет единства, нет целого, а есть только разрозненные члены» [1, с. 30]); 2) свобода (или «свободное лицо») «с его правами, с его интересами...» [1, с. 31]; 3) закон («общие правила, истекающие из разума и налагающие на человека нравственное принуждение или обязанность» [1, с. 31]); 4) общее благо, которое «состоит именно в гармоническом развитии и соглашении противоположных элементов общежития» [1, с. 31].

Отражение или осмысление каждого из этих элементов государства в политической мысли и обуславливает, по Чичерину, появление тех или иных политических учений и теорий. Но есть ли какой-либо порядок, закономерность в выдвижении на передний план в различные исторические эпохи определенного политического учения? Чичерин ответил на этот вопрос утвердительно: «Внимательное изучение политических теорий, – писал он, – убеждает нас... что все... разнообразие взглядов сводится к некоторым основным группам, которые постоянно повторяются в истории, а исследование самого содержания систем показывает, что эти группы соответствуют основным элементам государственной жизни» [1, с. 29]. Таким образом, Чичерин приходит к выводу, что «в истории политических учений мы встречаем четыре главные школы, которые возвращаются постоянно, в каждую эпоху развития политической мысли. Эти четыре школы можно назвать: общежительную, нравственную, индивидуальную, идеальную» [1, с. 32].

Уточняя свою теорию, Чичерин предостерегает от упрощенного ее понимания в смысле буквального циклического повторения политических идей в мировой истории. Как истинный гегельянец, Чичерин представлял этот циклический процесс в виде восходящей спирали. По его мнению, истинный «закон исторического развития политической мысли» состоит в следующем: «Постоянное повторение в истории одних и тех же учений указывает на присутствие одних и тех же элементов, но не означает совершенного их тождества. Что прежде существовало в зародыше, то впоследствии является во всей своей полноте своих определений. Общий закон развития вещей состоит в том, что из первоначального единства выделяются различия, и затем различия опять сводятся к единству» [1, с. 34]¹. Следует отметить, что, формулируя «закон исторического развития политической мысли», Чичерин видел в нем отражение более «общего закона развития вещей», всемирной истории в целом².

¹ Следует отметить, что примерно за десятилетие до Чичерина к мысли о необходимости выявления универсального в развитии политических наук пришел Д.И. Каченовский [см. 2, с. 18–21].

² Один из теоретиков истории литературы того времени (дисциплины, по своим задачам во многом родственной и пересекающейся с историей политических учений), В.В. Сиповский так определил предмет своей науки: «Историей литературы мы назовем науку, изучающую... произведения в их генетической и закономерной последовательности, ...изучающую простые и сложные явления литературной жизни, строящую законы, которыми обусловлено зарождение, создание и судьбы этих явлений» [3, с. 60].

«Человечество, – писал он, – отправляется от первоначального единства, развивает из него противоположные определения и опять сводит их к единству, стремясь к высшей гармонии жизни. История политических учений с поразительной ясностью и в малейших подробностях подтверждает этот закон, который один дает ключ к пониманию всемирной истории, а потому – к разрешению главных вопросов, занимающих человечество» [1, с. 34].

Характеризуя роль истории политической мысли, Чичерин делает чрезвычайно важный вывод о том, что данный раздел истории мысли помогает нам не только глубоко понять циклическое движение государственных идей, но и представляет собой «и самый удобный путь к уразумению истории вообще... [она помогает] исследовать историческое развитие человечества и отыскать управляющие им законы» [1, с. 28].

Данную идею в своих трудах Чичерин практически не развивает. Она станет предметом концептуального рассмотрения других русских мыслителей этого периода, которые и попытаются найти эти «управляющие историей законы».

Данилевский и Леонтьев: циклы жизни локальных общественных систем

Одновременно с первым томом «Истории политических учений» Б.Н. Чичерина в 1869 году выходит в свет труд Н.Я. Данилевского. «Россия и Европа»¹, а спустя шесть лет (1875) сборник статей К.Н. Леонтьева под названием «Византизм и славянство»². В этих работах идеи циклизма переносятся уже на социальную динамику, на ход развития человеческой истории.

Суть новых идей заключалась в признании специфического общего закона развития, действие которого распространяется как на живую, органическую природу, так и на общество, и состоит в том, что, во-первых, развитие, процесс всяких изменений происходит не просто как безграничное «распространение», «разлитие» (термины Леонтьева) по социальному универсуму, а как развитие замкнутых, локализованных друг от друга общественных организмов или систем, и во-вторых, по Данилевскому, историческое развитие не является прогрессирующим восхождением целостного социума³, а есть последовательная смена стадий развития неких культурно-исторических типов, которые, как и любой живой организм, имеют момент рождения, периоды созревания, зрелости, старости и неминуемую смерть⁴.

Данную модель развития Данилевский и Леонтьев конкретизируют в рамках всемирной истории. Человечество у них, с одной стороны, состоит из отдельных индивидуумов, каждый из которых живет прежде всего внутренней жизнью, а с другой – расчленяется на локальные общественные организмы, развитие которых подчинено главным образом собственным законам.

У Данилевского такими общественными организмами выступают культурно-исторические типы или цивилизации⁵; в них и проявляется качественное своеобразие

¹ Сначала печатается в журнале «Заря» (1869), затем в 1871 году выходит отдельным изданием.

² Сначала печатается в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1875), а затем в 1876 году в Москве выходит отдельным изданием.

³ Данилевский пишет: «...Бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении (а еще более во всех направлениях) есть очевидная невозможность» [4, с. 135–136].

⁴ Следует отметить, что Леонтьев хорошо знал труд Данилевского «Россия и Европа» и принимал «за истинное открытие его общую мысль, его теорию смены культурных типов» [5, с. 482].

⁵ У Данилевского понятие «цивилизация» употребляется в двух значениях: 1) как синоним понятия «культурно-исторический тип»; 2) как фаза, этап развития культурно-исторического типа. Данилевский пишет: «Формы исторической жизни человечества, как формы растительного и животного мира <...> не изменяются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческим типам» [4, с. 107].

«религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития» [4, с. 107]. Каждый из культурно-исторических типов (а их Данилевский выделяет более десяти) развивается самостоятельно и имеет по три основных этапа или состояния: этнографическое, государственное, цивилизационное или культурное [4, с. 111].

У Леонтьева в качестве локальных общественных единиц выделяются так называемые государственные организмы, которые, по его мнению, как и все другие органические системы, в своем развитии повторяют один и тот же путь: «Все сначала просто, потом сложно, потом вторично упрощается, *сперва уравниваясь и смешиваясь вторично*, а потом еще более упрощаясь отпаданием частей и общим разложением, до перехода в неорганическую “Нирвану”» [6, с. 72]. Это «постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему», по Леонтьеву, осуществляется в три основных этапа (им, в отличие от Данилевского, Леонтьев дает метафорические названия). Начинается развитие любого, в том числе, и общественного, организма с первичной простоты, затем наступает цветущая сложность и, наконец, вторичное смешительное упрощение, во время которого наступает гибель организма или системы [6, с. 75].

Леонтьев проводит сравнительные исторические расчеты длительности существования различных государственных организмов и приходит к выводу, что их гибель наступает не позднее, чем через 1000–1200 лет после возникновения [см. 6, с. 84]¹.

Данные идеи Данилевского и Леонтьева содержали в себе основу новой, принципиально отличной от прогрессистской, парадигмы исторического процесса, в соответствии с которой сущность и направленность общественного развития определялась уже не хронологическим, а хронометрическим (циклическим) временем.

Центральным в этой новой парадигме было положение о законообразной и поэтому необходимой повторяемости явлений и процессов при развитии различных замкнутых (локальных) общественных систем (культурно-исторических типов или государственных организмов). Любая общественная система по этому закону повторяемости, к какой бы эпохе истории человечества она ни относилась и какой бы спецификой внутреннего устройства ни обладала, в своем развитии проходит одни и те же стадии и фазисы. При обосновании данного вывода у Данилевского и появляется искомое понятие «цикл»: «Раскрывая историю отдельного культурного типа, если цикл его развития вполне принадлежит прошедшему, мы точно и безошибочно можем определить возможность этого развития, можем сказать: здесь оканчивается его детство, его юность, его зрелый возраст, здесь начинается его старость, здесь его дряхлость...» [4, с. 109–110].

Какое же место в теориях Данилевского и Леонтьева занимает проблема исторической переходности (или в современной терминологии – исторического транзита)? Общий ответ на данный вопрос заключается в следующем: в этих теориях мы сталкиваемся с принципиально отличными от прогрессистских представлениями о переходных процессах в обществе. В прогрессистской парадигме переходность интерпретируется как восстановительно-созидательный процесс («упорядочение беспорядка»). Маркс внес в эти прогрессистские идеи важное уточнение – общество от одного порядка (формации) к другому может перейти только через мировую революцию, которая является не просто вынужденным и праведным насилием низших слоев общества по отношению к высшим (такое представление о революции было уже у просветителей), а способом (механизмом) разрешения объективно возникающего конфликта производительных сил и производственных отношений угасающей формации.

¹ Необходимо отметить, что у Леонтьева, в отличие от Данилевского, понятие «цивилизация» ни при каких интерпретациях не совпадает с понятием «государственный организм». Цивилизация для него тождественна культуре, и «...цивилизации обыкновенно надолго переживают те государства, которые их произвели» [6, с. 111].

У Данилевского и Леонтьева кардинально иная модель исторического транзита. В этой модели кардинальные исторические сдвиги и переломы связываются с неизбежным гибельным исходом, социальными катастрофами¹ локальных общественных организаций, из которых и состоит человечество.

Близкое к традиционному понимание переходности встречается у Данилевского в связи с чередованием определенных этапов, фаз в развитии отдельных культурно-исторических типов, когда он говорит о закономерности перехода «из этнографического состояния в государственное... из государственного в цивилизационное, или культурное...» [4, с. 139]. И хотя сами переходные ситуации в данном случае только констатируются, здесь появляется чрезвычайно важная для понимания взглядов Данилевского идея внешнего толчка, в соответствии с которой внутренняя, подчиненная прежде всего собственным законам жизнь культурно-исторических типов подвержена тем не менее внешним влияниям. Крупные изменения в культурно-исторических типах, в том числе и переходы от одного состояния к другому, по мнению Данилевского, обуславливаются «толчком или рядом толчков внешних событий, возбуждающих и поддерживающих деятельность народа в известном направлении» [4, с. 139].

Таким образом, локальность, внутренняя замкнутость культурно-исторических типов не исключает, а, наоборот, предполагает их взаимодействие, взаимовлияние. Причем эти внешние толчки-события, по Данилевскому, обнаруживаются в реальной истории не только между сосуществующими, но и между гибнущими, уходящими и нарождающимися, становящимися цивилизационными системами [4, с. 123–126].

Эти две идеи в воззрениях Данилевского и Леонтьева – катастрофа локальных цивилизаций как кардинальный и в то же время закономерный сдвиг (переход) в мировой истории и внешние влияния (толчки) между этими цивилизациями – создают диалектическую модель соотношения национального (локального) и интернационального в мировой истории.

В этой модели локальные катастрофы не носят апокалипсического характера для человечества, они лишь вспышки калейдоскопической динамики цивилизационного многообразия мира, проявления действия фундаментального закона циклической повторяемости явлений природы и общества. Эта повторяемость охватывает и соединяет национальный и интернациональный уровни мировой исторической жизни. Повторяющиеся этапы в развитии общественных систем объективно обуславливают накопление социальной информации, которая может передаваться по горизонту истории. Вместе с этим повторяемость проявляется и на уровне межцивилизационного взаимодействия. Упадок одной цивилизации с необходимостью вызывает подъем другой, а гибель какой-то цивилизации означает появление другой, новой.

Таким образом, сама проблема общественных изменений, а значит и проблема переходности к новой циклической парадигме исторического процесса становится прежде всего проблемой специфического проявления закона единого цикла в различных слоях и уровнях мирового социума².

Циклические идеи Данилевского и Леонтьева в значительной степени были обусловлены эмоционально-психологической реакцией русского интеллектуального сообщества на поражение России в Крымской войне и унижительными для России (впервые после петровских военных побед) ограничениями и потерями (в том числе и территориальными). В их модели кругообращения цивилизации чрезвычайно важной и новой была идея не-

¹ Понятия «гибель», «катастрофа» и т.п. применительно к завершающей фазе круговорота государственных организмов особенно часто употребляет К. Леонтьев [см. 6, с. 71–72, 114, 116 и др.].

² В XX веке идею циклического развития локальных цивилизаций развивают в своих трудах О. Шпенглер, А.Дж. Тойнби, П. Сорокин, К. Ясперс и др.

избежной смерти этой цивилизации. Любой цивилизации, а значит и славянской. Когда это произойдет – уже другой вопрос. Главное, что когда-то произойдет обязательно. Не случайно идеи Данилевского да и Леонтьева частью русского общества были приняты в штыки и подверглись резкой, а подчас и оскорбительной критике.

Некоторые исследователи полагают, что циклические теории появляются в России во второй половине XIX века и как тревожное предощущение надвигающихся социальных и национальных катастроф, в результате которых могут погибнуть не только устаревшие политические порядки, но и целые общественные системы (цивилизации). Эти предощущения и умонастроения не в последнюю очередь были вызваны крупными сдвигами в геополитическом взаимодействии основных политических сил на евроазиатском субконтиненте, когда в самом начале 70-х годов XIX века после объединения Германии для многих русских мыслителей и политиков (не только для Данилевского и Леонтьева [см., напр., 7, 8]¹) стало очевидным неизбежное столкновение Германии и России, обусловленное более глубоким историческим противоборством германства и славянства.

В начале XX века эти опасения полностью оправдались. Осознанием данного факта, а также новым катастрофическим историческим контекстом во многом через полвека было обусловлено появление новых циклических теорий. В частности, книга О. Шпенглера «Закат Европы», где изложена одна из таких теорий, увидела свет в 1918 году, то есть в то время, когда Европа после мировой войны лежала в руинах, хоронила миллионы погибших, когда распались четыре европейские империи, рушились прежние политические и социально-экономические системы. Образ «заката», то есть «смерти» наиболее адекватно отражал эту историческую ситуацию.

Кондратьев: циклы (волны) социально-экономической динамики

В 1920-х годах отечественный ученый-экономист Н.Д. Кондратьев разработал оригинальную концепцию, которую можно было использовать и для объяснения механизмов противоречивого и циклического развития российского общества. Важнейшей особенностью этой концепции было то, что она строилась не на метафизических и историософских рассуждениях, а на базе строгих экономико-математических расчетов.

Н.Д. Кондратьев и сотрудники его института² провели скрупулезное сравнительное изучение статистических данных экономической динамики в наиболее развитых странах мира (Англия, Франция, США, Германия) в период с конца XVIII по 20-е годы XX века и на его основе сделали вывод о том, что мировой рынок (или мировая конъюнктура) имеет не просто поступательно-восходящую, но и волнообразно-циклическую траекторию своего развития³.

В исследуемом периоде (то есть на протяжении 150 лет) Кондратьев обнаруживает устойчивую повторяемость социально-экономических и политических явлений и процессов, которая выстраивается в три цикла или три длинные волны⁴ продолжительностью 50–

¹ Нельзя не упомянуть о таком выдающемся явлении русской мысли конца XIX века как философско-религиозная система Вл. Соловьева, итог которой так или иначе сводился к идее катастрофы. Е.Н. Трубецкой – автор двухтомного труда о творчестве Вл. Соловьева об этом пишет так: «Предчувствия нависшей над человечеством катастрофы, всегда сильные у Соловьева, теперь сгустились и кристаллизовались в одно цельное и яркое впечатление. Перед ним во весь рост встал образ смерти, предстоящей в недалеком будущем всему человечеству. Земной путь последнего представляется философу уже оконченным» [9, с. 285–286].

² Институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур (Конъюнктурный институт). Основан Кондратьевым в октябре 1920 года.

³ Эти результаты практически сразу стали достоянием научной общественности как в СССР, так и за рубежом [10, 11].

⁴ Чтобы избежать путаницы в терминах, необходимо уточнить, что в рамках теории Кондратьева поня-

75 лет каждая. В рамках этих циклов (длинных волн) периоды оживления экономики, улучшения конъюнктуры рынка, общей либерализации хозяйственной жизни (повышательная волна) неизменно сменяются периодом замедления экономического роста и даже спада производства, применения статистических методов управления хозяйством (понижательная волна)¹.

При сравнительном анализе конкретных событий и явлений, происходящих в рамках экономических циклов, Кондратьев обнаруживает ряд закономерностей, или, как он их называет, «эмпирических правильностей», которые давали ключ к пониманию природы циклического движения общества. Для нашей темы особенно важное значение имеет вторая такая «эмпирическая правильность», суть которой Кондратьев формулирует следующим образом: «Периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн» [12, с. 203]. Данное наблюдение Кондратьева подводило к очень важному эвристическому выводу о том, что в длинной волне скрыты не только динамика и противоречия экономических явлений, но и синтез экономики и не экономики, сложная взаимосвязь хозяйственно-экономической и социально-политической сфер общества. Тем самым открывались новые возможности для исторического и политического анализа, связанные с тем, что теперь развитие общественной жизни можно было объяснять не только при помощи философских моделей соотношения необходимости и случайности, объективных факторов и субъективной воли, но и привлекая методы и инструментарий таких наук, как экономика, математика, статистика и т.д.

Необходимо отметить, что сам Кондратьев очень осторожно относился к своим выводам. Он делал три очень важные оговорки. Во-первых, свою концепцию длинных волн конъюнктуры он считал не более чем гипотезой, во-вторых, действие длинных волн ограничивалось полутора столетиями, так как Кондратьев использовал эмпирический и статистический материал только этого периода, и, в-третьих, данные и выводы он распространял только на наиболее развитые страны мира.

Последователи Кондратьева существенно расширили концептуальные и пространственно-временные рамки действия длинных волн [см. 13–15 и др.]. Но вместе с тем среди множества направлений научных исследований, по которым особенно в 1960–1980-х годах стали развиваться идеи Кондратьева, остается одно, на которое и в отечественной, и в зарубежной научной литературе до сих пор обращается очень мало внимания. Это направление связано с проблемой применимости теории длинных волн к историческому процессу в России.

Выше уже говорилось о том, что сам Кондратьев ограничивает действие длинных волн зоной наиболее развитых стран, в число которых не включалась Россия. Правда, косвенное участие России в волновых процессах фигурирует в открытых им эмпирических закономерностях (или «правильностях») и прежде всего во второй – возрастании социально-политической напряженности и конфликтности в период повышательной волны. В период первой повышательной волны (1780-е – 1814–1817) Кондратьев выделяет восемнадцать событий мировой истории, подтверждающих указанную закономерность, в девяти из них

тие «цикл» (или «большой цикл») тождественно понятию «длинная волна», а каждый цикл или длинная волна состоят из так называемых повышательной и понижательной волн.

¹ Кондратьев определяет временные рамки трех длинных волн: первая – с конца 80-х – начала 90-х годов XVIII века до 1810–1817 годов (повышательная волна) и с 1810–1817 до 1844–1855 годов (понижательная волна); вторая соответственно с 1844–1855 до 1870–1875-го и с 1870–1875 до 1890–1896 годов; третья – с 1890–1896 до 1914–1920-го. Понижательная волна этого цикла Кондратьевым не определялась [см. 12, с. 197]. «Верхушки» длинных волн (1810–1817, 1870–1875 и 1914–1920) последователи Кондратьева позднее назвали «фаза Т».

активное и непосредственное участие принимает и Россия (например, войны с Наполеоном). В период второй волны (1840–1850-е – начало 1870-х) данное соотношение выглядит как 18:1 (Крымская война 1853–1856 годов), в период третьей волны (1891–1896 и 1914–1921) – 22:5 [12, с. 203–204].

В целом же проблема включенности России в зону действия длинных волн представлялась Кондратьеву и его последователям достаточно сложной и нерешенной. Прежде всего это было обусловлено специфическим и противоречивым статусом и положением России в системе мировых взаимосвязей. С одной стороны, было бы вполне правомерно допустить, что Россия должна испытывать на себе действие общих тенденций развития мирового сообщества и прежде всего Западной Европы уже в силу того, что по крайней мере со времени петровских реформ российская экономика была достаточно прочно интегрирована в мировой рынок, а значит и испытывала на себе его динамику. Кроме этого, нельзя забывать, что на протяжении всего XIX века Россия как мощная военно-политическая держава выступает непосредственным и очень важным субъектом международных отношений, участником всех крупных событий политической истории.

Но, с другой стороны, общий уровень и технологические возможности российской экономики существенно уступали показателям развития передовых европейских стран, что в структуре мирового сообщества относило Россию если и не к самой отсталой периферии, то по крайней мере к полупериферии. Видимо, на стыке этих двух противоречивых особенностей положения России в мире и нужно искать ответ на вопрос о характере и степени действия циклической динамики развитого мира в российском социуме. Рассмотрим для этого два взаимосвязанных тезиса.

Первый тезис. Общественное развитие России, безусловно, подвержено воздействию длинных волн мировой экономики и в целом подчиняется законам и тенденциям ее динамики. Одно из наиболее важных подтверждений этого вывода содержится в сделанном уже современными исследователями наблюдении об очевидной и устойчивой синхронности длинных волн конъюнктуры и циклов «реформа – контрреформа» в России [см. 16, 17]. Так, все три повышательные волны кондратьевских циклов совпадали с периодами реформ в России, а понижательные волны, наоборот, с периодами контрреформ.

Повышательные волны

Первая (1780-е–1814–1817) – проекты и частичные преобразования М. Сперанского в первое десятилетие XIX века, конституция Польши и Уставная грамота Российской империи (1815–1819).

Вторая (1840–1850-е – начало 1870-х) – реформы 60–70-х годов XIX века.

Третья – реформы Витте – Столыпина 1905–1911 годов.

Понижательные волны

Первая (1817–1814) – периоды николаевского «застоя» после восстания декабристов.

Вторая (начало 1870-х – 1890 –1896) – контрреформы 1880–1890-х годов, начавшиеся после убийства Александра II.

Синхронность таких масштабных процессов (мировой экономики и реформационно-контрреформационных мероприятий в России) на протяжении полутора веков, конечно, не может быть случайной и отражает действие единых, общемировых факторов развития общественных систем, находящихся в системе взаимосвязей.

Второй тезис. Более внимательное и скрупулезное сравнение временных параметров длинных волн мировой конъюнктуры и событий российской истории приводит к выводу о том, что, несмотря на очевидность детерминационных влияний этих волн на Россию (первый тезис), их действие является не прямым и непосредственным, а получает заметную корректировку. Это проявляется прежде всего во временном несоответствии

пиковых моментов длинных волн и российского политического процесса, что легко обнаруживается при их простом наложении друг на друга.

Это наложение показывает, что траектория циклической динамики российских реформ и контрреформ отстает во времени от волн мировой конъюнктуры примерно на 5–10 лет. Так, например, период реформ в начале XIX века заканчивается не в 1814–1817 годах, а немного позже, так как в 1818–1819 годах Александр I все еще вынашивает планы политических преобразований, свидетельство чему – Конституция Польши и Уставная грамота Российской империи. Начало же другого периода реформ во второй половине XIX века приходится на самое начало 60-х годов, а не на 1840–1850-е годы. Такая же картина наблюдается и в третьей кондратьевской волне: она опережает и в низшей, и в высшей своей точке реформы в России на 5–10 лет.

Таким образом, первое эмпирическое наблюдение, которое можно сделать из сопоставления длинных волн и периодов реформ-контрреформ в России, заключается в том, что здесь процессы заметно отстают от динамики мировой развитой экономики. Длинная волна приходит в Россию как бы с некоторым опозданием.

Но дело не только в этом. Эффект более позднего действия длинной волны в России вполне объясним самим взаимоотношением центра системы и ее периферии. В центре связи более непосредственные и жесткие, изменения в одной части этого центра тут же соответствующим образом отзываются во всех его других частях. Связи же центра и периферии менее прочные, поэтому передача «сигнала» тех или иных изменений уже не настолько быстра и непосредственна.

Кроме же несовпадения временных параметров длинных волн и циклов российских реформ-контрреформ в их синхронизации обнаруживаются и более серьезные расхождений. Кондратьев, например, не отрицает того, что социальные потрясения могут происходить не только в период повышательной волны (закономерность возрастания аномальных социальных явлений), но и в период понижательных волн, только в данном случае таких событий значительно меньше. Но этот вывод не совсем соответствует реалиям российской истории.

Достаточно сказать, что именно на середину двух первых понижательных волн (то есть в период относительной социальной стабильности, по Кондратьеву) приходится два крупнейших социальных катаклизма в российской истории XIX века, оказавших сильное влияние на дальнейший ход общественного развития в России и ставших переломами в политическом процессе от реформ к контрреформам. Речь идет о восстании декабристов в 1825 году (понижательная волна кондратьевского цикла: 1814–1817 – 1840–1850) и убийство Александра II в 1881-м (начало 1870-х – 1891–1896). В. Рязанов, принимающий также общий вывод о правомерности гипотезы симметричности периодов экономических реформ в России повышательным фазам развития мировой экономики, вместе с тем также указывает на одно из серьезных отклонений от этой закономерности. Этим отклонением уже в постмонархической России является, по его мнению, нэп – стремительный подъем экономики Советской России, тогда как в это время мировая конъюнктура входит в свою понижательную фазу [см. 17, с. 39–40].

Некоторые коррелятивные расхождения обнаруживаются при сравнении волн мировой конъюнктуры, с одной стороны, и масштабности, интенсивности политических и социально-экономических изменений в России – с другой.

Кондратьев считал, что, несмотря на общее восходящее (трендовое) развитие мировой экономики, условные колебания основных экономических показателей внутри каждого цикла примерно одинаковы. Но такое соответствие не наблюдается в российской истории. Сравним, например, «фазы Т» двух циклов – первого (1814–1817) и третьего (1914–1921). Если перемены, произошедшие в указанные периоды, по характеру и масштабам между-

народных процессов еще можно сопоставлять: наполеоновские войны и Первая мировая война, то соответствующие характеристики внутренних перемен в России (преобразования Александра I и крушение монархии, неудачи постсамодержавной демократии, социалистическое переустройство страны), разумеется, абсолютно несопоставимы.

Таким образом, попытки применить теорию длинных волн Кондратьева к анализу российского исторического процесса приводят нас к двоякому выводу.

С одной стороны, российская экономика и российское общество испытывают на себе совершенно определенное, хотя и не однозначное воздействие циклической динамики экономики наиболее развитых стран мира. Эти динамические процессы берут начало, формируются в недрах сложной сети социально-экономических и политических связей в определенной зоне мира¹, что создает мощный детерминационный импульс для развития всего мирового сообщества. Это в свою очередь создает устойчивый временной ритм, который определяет и обеспечивает темп глобальной социальной динамики.

С другой стороны, анализ реальных исторических перемен в России показывает, что внешним детерминационным импульсом и созданным им временным ритмом невозможно адекватно объяснить отечественные политические процессы. Их развитие имеет серьезные отклонения от волн мировой конъюнктуры. А это заставляет искать не только внешние, но и внутренние, национальные источники, или матрицы, которые создают локальные временные ритмы и тенденции развития.

* * *

Анализируя отечественную мысль на протяжении полувека (1870-е годы – первая четверть XX века), мы отчетливо видим, что идея циклизма органично переходит из истории философско-политической мысли во всемирную историю и теорию социальной динамики, а из этих научных сфер гуманитарного знания – в область прикладных социальных теорий, в которых выявляются циклические (волновые) процессы в социально-экономических сферах.

Тем самым труды русских мыслителей закладывают основы дальнейших широко-масштабных исследований циклизма в мировой науке XX века по двум направлениям: 1) историософские и социологические концепции развития мировой истории (О. Шпенглер, П. Сорокин, А.Дж. Тойнби² и др.) и 2) моделирование циклов экономического развития национальных и мировой экономики (Й. Шумпетер, С. Кузнец, К. Кларк, У. Митчелл и др.). Циклы в историческом развитии, в том числе и России, являются важной темой и для отечественных исследователей в последние два десятилетия [см., напр., 21–31 и др.].

¹ Сам Кондратьев считал, что «материальной основой больших циклов является изнашивание, смена и расширение основных капитальных благ, требующих длительного времени и огромных затрат для своего производства. Смена и расширение фонда этих благ идут не плавно, а толчками, другим выражением чего являются большие волны конъюнктуры» [12, с. 217–218]. Другие исследователи указывают на более фундаментальные основы детерминаций волнообразно-циклических процессов. Таких моделей в настоящее время в мировой науке существует очень много: от эмпирической теории космических (солнечных) влияний на исторический процесс (А. Чижевский) до синергетической теории самоорганизации социальных систем (И. Пригожин). Но, может быть, это лишь уровни пока еще неизвестной науке глобальной системы детерминационных связей Вселенной?

² Следует указать фундаментальные труды названных авторов: *Шпенглер О. Закат Европы* (1918) [18]; *Сорокин П. Социальная и культурная динамика* (1937–1941) [19]; *Тойнби А.Дж. Постигание истории* (1934–1961) [20].

Литература

1. *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. 1. СПб., 2006.
2. *Каченовский Д.И.* Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859.
3. *Сиповский В.В.* История литературы как науки. СПб., б.г.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2008.
5. *Леонтьев К.Н.* Владимир Соловьев против Данилевского / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М., 1996.
6. *Леонтьев К.Н.* Избранное. М., 1993.
7. *Ламанский В.И.* Три мира азийско-евразийского материка. 2-е изд. Пг., 1916.
8. *Хачатурян В.М.* Теория цивилизаций в русской исторической мысли // Новая и новейшая история. 1995. № 5.
9. *Трубецкой Е.Н.* Миросозерцание Вл.С. Соловьева. Т. 2. М., 1995.
10. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. Вып. 1.
11. *Kondratief N.* Die Lange Wellen der Konjunktur // Archiv für Sozialwissenschaft ans Sozialpolitik. 1926. Bd. 56. H. 3.
12. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. М., 1989.
13. Научное наследие Н.Д. Кондратьева и современность: Сб. материалов научной конференции. Ч. 1–2. М., 1991.
14. *Модельски Дж., Томпсон У.* Волны Кондратьева, развитие мировой экономики и мировая политика // Вопросы экономики. 1992. № 10.
15. *Дубовский С.* Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратьева) // Общественные науки и современность. 1993. № 5.
16. *Умов В.И., Лапкин В.В.* Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ // Полис. 1992. № 4.
17. *Рязанов В.Т.* К вопросу о «длинных волнах» экономических реформ в России // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 1992. Вып. 2. № 12.
18. *Шпенглер О.* Закат Европы: в 2 т. Т. 1. М., 1993; Т. 2. М., 1998.
19. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ.ст. и коммент. В.В. Сапова. М., 2017.
20. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории [Электронная версия] // Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_t/toinby_hyst000.php
21. *Пашинский В.М.* Цикличность в истории России. (Взгляд с позиций социальной экологии) // Полис. 1994. № 4. С. 111–112.
22. *Савельева И.М., Полетаева А.В.* История и время: В поисках утраченного. М., 1997.
23. *Мельников Ю.Н.* Цикличность в истории России // Общественные науки и современность. 1997. № 5.
24. *Севостьянов В.Н. Малолеткова П.С.* Социальное время России. Красноярск, 2000.
25. *Лапкин В.В.* Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Политические исследования. 2002. № 4.
26. *Пантин В.И.* Волны и циклы социального развития: Цивилизационная динамика и процессы модернизации. М., 2004.
27. *Семенов И.С.* Парадигма эволюционных циклов истории // Политические исследования. 2006. № 2.
28. *Ефимчук И.В.* Фрактальность истории // Общественные науки и современность. 2010. № 5; 2011. № 1.
29. *Горюнов А.В.* Современная модель социальных изменений: Опыт экспликации // СОЦис. 2011. № 2.
30. *Замятин Д.Н.* Геопациализм: Онтологическая динамика пространственных образов // Общественные науки и современность. 2011. № 5, 6.
31. *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М., 2011.
32. *Емельянов Б.В.* История русской философии. Космизм. М., 2016.
33. *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. М., 2016.
34. *Мощелков Е.Н.* История и политика: Философские истолкования. М., 2013.
35. *Мощелков Е.Н.* Цикл, цикличность (в обществе) // Философия политики и права: Энциклопедический словарь. М., 2018. С. 497–498.
36. *Русский космизм: Антология философской мысли.* М., 1993.
37. *Н.Д. Кондратьев: кризисы и прогнозы в свете теории длинных волн: Взгляд из современности.* М., 2017.

Аннотация. В статье анализируются идеи и концепции циклического развития человеческой мысли и истории, которые развивают в своих работах русские мыслители второй половины XIX – начала XX века. Показано, что в этот период отечественной мысли циклическое мировидение распространяется на важнейшие сферы гуманитарного знания: на философию и политические учения (Б.Н. Чичерин, 1826–1904), социальную теорию и социологию (Н.Я. Данилевский, 1822–1885 и К.Н. Леонтьев, 1831–1891) и, наконец, на теорию циклов (волн) мировой социально-экономической динамики (Н.Д. Кондратьев, 1892–1938). Русские мыслители тем самым закладывают концептуальные основы оригинальной циклической парадигмы социальной динамики, которые впоследствии развивают ряд западных ученых (О. Шпенглер, 1880–1936; А.Дж. Тойнби, 1889–1975 и др.).

Ключевые слова: циклическое мировидение, отечественная мысль второй половины XIX – начала XX века, социальная динамика, цивилизация, культурно-исторические типы, волны Кондратьева.

Evgeny N. Mochshelkov, PhD in Political Sciences, Professor, Head, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: enm@inbox.ru

Cyclism as the Core Idea of Russian Thought in the Second Half of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries

Abstract. The article examines the ideas and concepts of the cyclic development of human thought and history, which were developed by Russian thinkers in their works in the second half of the 19th and early 20th centuries. The author shows that in the said period of domestic thought development the cyclic worldview spread in the most important spheres of humanitarian knowledge: philosophy and political teachings (B.N. Chicherin, 1826–1904), social theory and sociology (N.Ya. Danilevsky, 1822–1885) and K.N. Leontiev, 1831–1891), and finally, the theory of cycles (waves) in world socio-economic dynamics (N.D. Kondratyev, 1892–1938). Thus, Russian thinkers laid the conceptual foundations of the original cyclic paradigm of social dynamics, which later were further developed by a number of Western scientists (O. Spengler, 1880–1936; A.J. Toynbee, 1889–1975, etc.).

Keywords: Cyclic Worldview, Russian Thought of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries, Social Dynamics, Civilization, Cultural and Historical Types, Kondratiev's Waves.

Развитие консервативных славянофильских тенденций в творчестве Н.Я. Данилевского

Значительная часть современных исследователей определяет взгляды ранних славянофилов как преимущественно либеральные. В частности, в достаточной мере последовательно данную точку зрения выражает Е.А. Дудзинская. Исследуя проблему отмены крепостного права, она приходит к выводу, что по мере ее разрешения идейные позиции западников и славянофилов сближаются, «знаменуя процесс формирования русского либерализма как буржуазной идеологии». По ее утверждениям, славянофилы – либералы, стремящиеся посредством реформы не только перевести свои хозяйства на «путь капиталистического развития», но и внести «буржуазные изменения во весь строй русской жизни» [10, с. 165–166, 240–241]. Т.Ф. Пирожкова также отмечает, что славянофилы и западники, еще в 40-х годах XIX века представлявшие в русском обществе консерваторов и либералов, уже в середине 50-х годов «создали единый либеральный блок». Этому, полагает она, во многом способствовал курс правительства Александра II на буржуазные по своей природе реформы. В результате их относящиеся ранее весьма «настороженно к западному опыту» славянофилы не могли не признать его необходимости для России [15, с. 131–133].

А.Д. Сухов, напротив, акцентирует внимание на неприятии славянофилами капиталистического общества, критике его негативных сторон, их неудовлетворенности им. Он присоединяется к мнению, что в отличие от западников – в общем-то признанных представителей русского либерализма, в оценках либеральной ориентированности славянофилов подобное единодушие отсутствует. Но тем не менее и западничество, и славянофильство рассматриваются им как два полюса отечественного либерализма [22, с. 144–145].

Н.И. Цимбаев объявляет славянофильство очередным этапом русского либерализма. В годы николаевского царствования славянофилы, по его словам, – верные хранители либеральной традиции русского общественного движения, достаточно активно проявившие себя деятели русского либерализма эпохи его зарождения, которые «до конца своих дней... стояли на позициях умеренного либерализма...» [26, с. 303].

Однако далеко не все исследователи русской философии согласны с тем, что славянофильство можно определить лишь как одно из западнических направлений в России, как либеральную оппозицию правительству.

Подобные утверждения присущи и самим славянофилам. В Москве, пишет, например, А.С. Хомяков, «сосредотачивается и выражается сила историческая, сила предания, сила устойчивости общественной; но этой силе нужно выражение, этому выражению нужна свобода, хотя бы в свободе и проглядывало какое-нибудь, по-видимому, оппозиционное начало. Эта мнимая оппозиция есть, – по Хомякову, – истинное и единственное консерваторство» [25, с. 172].

Пушкин Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и теологии Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина. E-mail: shushkin1949@mail.ru

Заявляя, что славянофильские идеи «далеки от консерватизма в его нелепой одно-сторонности», он обнаруживает в слове «либерал» выражение «равнодушия религиозного», что для глубоко верующего Хомякова совершенно неприемлемо. К.С. Аксаков также утверждает, что консерватизм – качество, органически присущее русскому человеку. И в этом смысле «стоит нам только быть русскими – вот мы и консерваторы». А историософия И.В. Киреевского, по словам А. Валицкого, представляет собой рассмотрение с консервативных позиций актуальных проблем отечественной и европейской истории, «приближаясь к идеальному типу консерватизма».

Однако ранние славянофилы – не просто противники западных нововведений, усматривающие идеал в прошлом. Они активно выступают за то, чтобы, ориентируясь на лучшие образцы нашего допетровского прошлого, быстрее и эффективнее приближать будущее. Поэтому славянофилы стремятся не к прошлому, а к коренным основам русской жизни, к пути древней Руси. Именно этот путь, по их мнению, должен определять истинное направление развития русского общества. И если оно «с дороги сбилось», то прежде всего следует «воротиться на дорогу». «Где есть движение, где есть путь, там есть вперед! Там слово “назад” не имеет смысла, – восклицает К.С. Аксаков. – Славянофилы желают не возвратиться назад, но вновь идти вперед прежним путем, не потому, что он прежний, а потому, что он истинный» [1, с. 112]. Хотя проблему соотношения социального идеала и действительности он, в отличие от большинства других ранних славянофилов, намеревается решить не в будущем, а в настоящем, что нередко вызывает их критику в его адрес.

Таким образом, славянофильству так или иначе присуще сочетание и либеральных, и консервативных идей и взглядов. А поэтому, по мнению некоторых отечественных исследователей, к славянофилам очень подходит определение «консервативные прогрессисты». По убеждению Ю.З. Янковского, именно в этом следует искать «основное противоречие славянофильской доктрины». «Славянофильство как система, как выстраданное вероучение совмещало в себе, – по его словам, – консерватизм, в который обращалось его общественное бытие, с выразительной устремленностью в будущее, в которой оно самоутверждалось» [28, с. 150]. И подобного рода желание объединить прошлую и настоящую Россию помогало славянофилам не только обосновывать свои идеи, но и противопоставлять собственные взгляды и европейскому консерватизму, и европейскому либерализму.

К измерению идеологических и политических пристрастий ранних славянофилов нельзя подходить с европейским аршином. Так, например, для А.С. Хомякова, заявлявшего: «Я анти-республиканец, анти-конституционалист», – многие ценности европейского либерализма были явно неприемлемы. Предпочитая говорить о своем консерватизме, он (как и многие другие славянофилы) указывал на его неевропейскую природу. Глубоко и искренне симпатизирующий Англии с ее взаимовлиянием либерализма – вигизма и консерватизма – торизма, где каждый либерал так или иначе консерватор и наоборот, он осознает, что европейские характеристики для России не подходят. Ибо в Англии, по утверждениям Ю.Ф. Самарина, «торизм и вигизм выросли из одного народного корня, развивались в одной народной среде. У нас вигизм привит извне». Неудивительно, что «в России единственный приют торизма – черная изба крестьянина. В наших палатах, в университетских залах веет всеиссушающим вигизмом». А поэтому мы далеки от полного примирения либерализма и консерватизма, так как их противостояние в России переросло в «борьбу народного быта с безнародною, отвлеченною цивилизацией» [17, с. 402].

Однако славянофилы не ограничивались констатацией этой борьбы, а, отказываясь от крайностей и либерализма, и консерватизма, все же стремятся обеспечить приоритеты последнего. Ведь, по их мнению, именно консерватизм, а не либерализм обуславливает в итоге развитие русского общества. А.С. Хомяков пишет: «Истинное просвещение имеет по преимуществу характер консерватизма, которое есть постоянное усовершенствование,

всегда опирающееся на очищающуюся старину» [25, с. 203]. В.В. Розанов прямо заявляет, что ненавидит в славянофилах их либеральную закваску. Но он сразу уточняет, что «и консерватизм русский без них – какую же бы мысль хранил в себе? что охранял бы? Славянофилы для нашего исторического сознания, – заключает мыслитель, – положили драгоценное зерно; в навоз действительности положили жемчужину» [16, с. 491–492]. Вместе с тем нельзя не отметить, что славянофилы стремятся и к широкому осуществлению либеральных преобразований в русском обществе. А.А. Тесля, например, убежден в том, что для славянофилов консерватизм – прежде всего способ «выражения либерального содержания». Формулируя политическую позицию славянофильства, он констатирует, что «его правомерно определить как *либерально-консервативное националистическое движение*, где в связке “либерализм” и “консерватизм” определяющим будет именно либерализм...» [23, с. 32].

В.В. Сербиненко, напротив, заявляет, что к славянофилам весьма подходит такое привычное для западной политологии понятие как «либерал-консерватор», которое призвано обосновать отсутствие какой-либо серьезной границы между либерализмом и консерватизмом. Ибо консерватор может выступать не только противником, но и сторонником реформ. Однако обязательно реформ постепенных, не ведущих к коренным изменениям общества [18, с. 106–107]. Принадлежа к дворянскому, а не буржуазному либерализму, славянофилы, утверждает Ю.З. Янковский, не могли не быть консерваторами «во всех своих прогрессистских начинаниях». Целесообразность и актуальность для России умеренных преобразований они обосновывали главным образом с помощью консервативного идеала [28, с. 7].

По словам же Л.Е. Шапошникова, славянофилы, весьма осторожно провозглашая свою оппозиционность к существующему в России политическому режиму, пропагандировали идеи народности. Определяя их позицию как новаторский традиционализм, он указывает, что славянофилы «понимают традицию не как мумифицированную, а как живую, развивающуюся, отвечающую на вызов времени» [27, с. 62]. А поэтому, отрицая трактовку истории с фаталистских традиций, славянофильские мыслители обосновывают насущную необходимость развития, совершенствования общества, при обязательном сохранении прочных эволюционных связей между прошлым, настоящим и будущим.

Испытывая славянофильское влияние, Н.Я. Данилевский призывал активно исследовать Европу, познать которую, пишет он, «стало бы гораздо яснее и очевиднее, если бы разобрать самый характер тех зиждательных сил, которыми построено и на которых держится здание европейской цивилизации, как это и делали Хомяков и Киреевский» [8, с. 144]. С этим согласны многие исследователи его творчества. «В основе теории Данилевского, – указывают А.И. Новиков и Т.С. Григорьева, – лежит известное положение славянофилов о структурной нетождественности русской и европейской культур, а также идея сосуществования непрерывных культурных традиций, целостных форм культуры, исходящих из собственных предпосылок» [14, с. 304].

Не случайно, что завершенная в 1868 году, опубликованная в следующем в журнале «Заря», изданная отдельной книгой в 1871, 1888, 1889 и 1895 годах «Россия и Европа», по многочисленным утверждениям последователей Н.Я. Данилевского, являет собой подлинный образец славянофильства. С этой точки зрения, именно он концептуально завершает основные идеи раннего славянофильства. И, несмотря на то, что «не все великолепные и полные внутреннего содержания намеки Хомякова он раскрыл в строгой и законченной форме научной истины. ...Но то, что Данилевский взял у него, – пишет Н.М. Соколов, – сделано до конца; эту работу переделывать не придется» [19, с. 148].

В этой связи «Россия и Европа» – «книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная ранним славянофильством в тесном, литературно-историческом смысле этого

слова... а, напротив, – утверждает Н.Н. Страхов, – полагающая новые начала, употребляющая новые приемы и достигающая новых, более общих результатов, в которых славянофильские положения содержатся как частный случай» [21, с. 512]. Вклад Н.Я. Данилевского в славянофильство ведет к серьезным изменениям этого учения, которое, по Страхову, вполне может быть названо «данилевщиной». Однако несмотря на это все «трудящиеся умом» славянофилы признали «Россию и Европу» своею, хотя некоторые и сделали это без особого восторга и энтузиазма.

Очевидно, что ее автор не был простым популяризатором славянофильской доктрины, которую он весьма удачно преобразовал в оригинальную концепцию культурно-исторических типов. Предпосылки этой концепции были заложены еще ранними славянофилами, однако они так и не смогли подвести под собственную культурно-историческую типологию серьезное социально-философское основание. Н.Н. Страхов справедливо утверждает, что «если... прежние славянофилы верно поняли не только интересы, но и самый дух своего народа, то Данилевский есть именно тот писатель, который представил наиболее строгую теорию для этих стремлений...» [21, с. 512]. При этом речь у него идет как об образовании из России культурно-исторического типа, так и о миссии России, вставшей во главе славянской цивилизации, в мире.

По заявлениям исследователей творчества автора «Россия и Европа», мыслитель весьма удачно выразил наше национальное самосознание, позволившее определить основания нашего национального развития. Призывая в этой связи глубже вникать в книгу Данилевского, К.Н. Бестужев-Рюмин негодует, что «мы так привыкли к самоунижению, самобичеванию, что каждый твердый голос, защищающий русское начало, кажется нам какой-то непозволительной ересью» [4, с. 270]. Очевидно, что «Россия и Европа», представляя собой весьма яркий пример борьбы с Западом, позволяет ее автору аргументированно критиковать некоторые взгляды славянофилов, провозгласивших национальную идею, но не заботящихся при этом «о необходимости “самобытного национального развития”» [11, с. 64].

По мнению В.В. Зеньковского, идеи Н.Я. Данилевского представляют самостоятельную научную значимость отнюдь не благодаря только их широкому использованию в борьбе с Западом. Характеризуя творчество Данилевского, С.И. Бажов, например, подмечает, что Н.Н. Страхов на первый план выдвигает теорию культурно-исторических типов, ибо «это наиболее оригинальная и значимая в научном отношении сторона его учения» [2, с. 41]. Хотя, по утверждению того же исследователя творчества Н.Я. Данилевского, концепция культурно-исторических типов была воспринята преимущественно людьми антизападнической ориентации. Формулируя данную позицию, Н.И. Кареев еще в конце XIX века писал: «Теория культурно-исторических типов... вся рассчитана на то, чтобы быть научной основой нашего обособления от Европы» [13, с. 468].

Рассматривая проблему взаимоотношений России и Европы, Н.Я. Данилевский указывает: европейские народы, составляющие единую цивилизацию, наиболее ярко характеризует чрезмерно развитый индивидуализм. Поэтому европейская цивилизация всех пытается подчинить своему интересу, часто насильственным образом. Европейский же интерес, уточняет он, есть понятие вполне ясное для каждого европейца, независимо от его национальных пристрастий. При этом основную опасность со стороны Европы для России Н.Я. Данилевский обнаруживает не в ее политическом, а культурном господстве. Не следует забывать, постоянно повторяет он, что Европа чужда нам и враждебна.

По его многочисленным заявлениям, «настоящая глубокая опасность заключается именно в осуществлении того порядка вещей, который составляет идеал наших западников: в воцарении не мнимой, а действительной, столь любезной им общечеловеческой цивилизации» [8, с. 361]. Подвергая их критике, автор «России и Европы» утверждает,

что они под общечеловеческим понимают все то, что получило развитие на Западе, то есть все противоположное, противоречащее русскому, славянскому. При отождествлении общечеловеческого с европейским, общечеловеческое рассматривается ими как «нечто, прорвавшее национальную ограниченность». Ибо европейские страны, по логике рассуждений Данилевского, – всего лишь только политические единицы, культурная же единица – Европа в целом.

Постоянно объявляя Европу не романо-германской, а общечеловеческой цивилизацией, западные политики, убежден Н.Я. Данилевский, поступают так для того, чтобы активно навязывать свою цивилизацию другим народам. И, конечно, эта цивилизация «неизмеримо бы выиграла», замечает автор «России и Европы», если бы славянские народы в конце XIX века были похожи на жителей Северной Америки в эпоху их завоевания европейцами. Поэтому неудивительно, что «на взаимоотношения Западной Европы и России, а затем и всего славянства Данилевский вскрывает истинный смысл навязчивого агрессивного западно-европейского мессианизма» [12, с. 137], – выражает его точку зрения В.В. Зеньковский.

И это с либеральной точки зрения вполне логично. По утверждению В.В. Ванчугова, либеральная модель так или иначе сориентирована на универсальные, наднациональные схемы, тогда как модель консервативная – на образы локальные, национальные. «Последняя являет собой здоровый, конструктивный национализм, где органичная связка “мы и они”, в то время как в либеральной модели преобладают “мы как они”, желание и даже должностование раствориться в “они”» [5, с. 44].

Вместе с тем европейская и славянская цивилизации, по Данилевскому, формируются на совершенно разных основах. «Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии – славяне, – предваряя К.Н. Леонтьева, утверждает он, – и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом» [8, с. 260]. Присущие им коренные особенности находятся в постоянном активном противостоянии, которое автор «России и Европы» обнаруживает прежде всего в их политических взаимоотношениях, так как Европе весьма свойственна насильственность по отношению к России. Основываясь на этом, Данилевский неустанно повторяет: «всякое нарушение политического равновесия между Европейскими государствами выгодно для России; во всяком случае гораздо выгоднее Европейского мира, всегда скрывающего в своих недрах грозу против России, готовую разразиться при всяком удобном для того случае или предлоге» [9, с. 26]. Поэтому ее внешняя политика ни в коем случае не должна ориентироваться на солидарность с европейским интересом.

Его насильственный характер, полагает Н.Я. Данилевский, в первую очередь обусловлен развитым чувством личности, всегда готовой вступить в жестокую борьбу за свои права. Это чрезмерное развитие личности в европейских странах и обусловило ту индивидуальную свободу, которая «составляет принцип европейской цивилизации; не терпя внешнего ограничения, она может только сама себя ограничивать» [8, с. 200]. Неудивительно, что религиозные верования европейцев ориентировались или на личный произвол протестантизма, или на папский авторитаризм католицизма, для которых насильственность весьма характерна. Но поскольку насильственность совершенно не свойственна христианству, то очевидно, что эти качества могли быть заимствованы католицизмом и протестантизмом из характера исповедующих их народов. Так, католицизм во времена Карла Великого превращается в государственную религию его империи, что в дальнейшем положило начало разделению ранее единой христианской цивилизации на два мира – романо-германский и славяно-греческий.

Славянская цивилизация, указывает Н.Я. Данилевский, может быть только православной, ибо православие пропитывает все содержание русской жизни. Все разговоры

о религиозном индифферентизме русского народа – выдумка, фантазии тех, кто не понимает, не хочет понять Россию. Только в православии выражаются истинные ценности русских людей – главных хранителей религиозной истины. Под влиянием православия и формируется характер славянских народов, сумевших воплотить соответствующую христианским идеалам ненасильственность. Сами природные свойства отличались у них тем, что у славян не было задатков для искажения кроткого духа христианства, которому они вполне добровольно подчинились.

Н.Я. Данилевского отнюдь не смущает, что «религиозная деятельность русского народа была по преимуществу охранительно-консервативной». Иначе, по его мнению, и быть не может, ибо «религиозная деятельность есть охранительная по самому существу своему, как это вытекает из самого значения религии, которая – или действительное Откровение, или, по крайней мере, почитается таковым верующими» [8, с. 408]. Поэтому развитие религии – это раскрытие ее внутренних истин, уточнение и углубление их понимания. Никаких «новых» истин, кроме тех, которые изначально в ней содержались, у подлинной религии нет и быть не может. Осознание этого славянскими народами и позволяет осуществлять передачу православия будущим поколениям в чистоте и полноте, что особенно актуально после отделения католической церкви от православной.

Для Данилевского данное трагичное событие означает прежде всего невозможность и полную бесперспективность создания общечеловеческой цивилизации, основанной на католицизме и протестантизме. Отождествлять судьбу Европы, судьбу германо-романской цивилизации с судьбами всего человечества ему казалось не только неверным, но и опасным. Это вело к утрате самостоятельности и самобытности всех народов, кроме тех, которые выработали европейскую цивилизацию. Европа не хочет принять Россию в семью своих народов, она, утверждает Н.Я. Данилевский, видит в ней чужое и враждебное начало, ибо Россию нельзя ассимилировать, лишить независимой, самобытной жизни.

Подобную неприязнь и враждебность автор «России и Европы» усматривал в первую очередь не в каких-то конкретных фактах и поступках, а в исторических инстинктах европейских народов. «Это-то бессознательное чувство, этот-то исторический инстинкт и заставляет Европу не любить Россию... Все самобытно русское и славянское кажется ей достойным презрения, – с негодованием восклицает он, – и искоренение его составляет священнейшую обязанность и истинную задачу цивилизации» [8, с. 42].

Резко выступая против любых насильственных форм распространения европейской цивилизации, Данилевский сравнивал ее носителей с барыней, всеми способами стремящейся к безоговорочному послушанию своих крепостных во время их телесных наказаний. В итоге он приходит к выводу, что Европа, относящаяся к России, как к своей крепостной девке, требует, чтобы «она держала руки по швам, когда ей вздумается бить ее...» [9, с. 116]. Поэтому каждый русский может обрести достоинство в глазах европейца только тогда, когда утратит свой национальный облик. То же самое относится и к любому другому славянину. В этой связи Н.Я. Данилевский много писал о том, что «туман единой истинной и спасительной европейской цивилизации отуманивает головы многих» представителей интеллигенции славянских народов, тогда как народы ориентировались преимущественно на Россию.

Однако и сама Россия, по Данилевскому, была насильственно «перевернута на иностранный лад» Петром I. Но, влюбившись в Европу, Петр и Россию стремится сделать Европой. Неудивительно, что его реформы – очень тяжелая и болезненная операция для России. К ней Петр I относился только как к материалу для реализации, воплощения европейского образца. Но поскольку он страстно хотел этот образец превзойти, его государственная деятельность в определенной мере оказалась полезной и плодотворной.

Начала же русской жизни – ее быт, нравы и прочее, которые Петр I ненавидел, были подвергнуты им коренной реформе, охватившей быт преимущественно высших слоев общества. Однако впоследствии искажение русской жизни проникает и в глубь народных масс. Тем не менее простой русский народ все же сохранил основы своей национальной самобытности. Поэтому, «несмотря на подражательность в обычаях, нравах и образе жизни... направление внешней политики России, в течение всего XVIII столетия, оставалось вполне русским» [9, с. 161]. В эту сферу преклонение перед Европой проникает лишь на рубеже XVIII–XIX веков.

Определенной точкой отсчета начала смены политического курса Н.Я. Данилевский полагал годы правления императора Павла. С этого времени Российское государство, утратив сформированную Петром I и Екатериной II национальную направленность внешней политики, превращается в значительной мере в служебную силу для защиты европейских, преимущественно германских, интересов. «Россия принимала к сердцу интересы, ей совершенно чуждые, – пишет автор «России и Европы», – и с достойным всякого удивления геройством приносила жертвы на алтарь Европы» [8, с. 32]. Он не может не возмущаться людьми, утверждающими, что Россия должна быть подчинена просвещенной Европе, якобы всегда сориентированной на возвышенные цели.

В целом же петровские реформы не способствовали ни развитию самобытной русской культуры, ни европейская культура должным образом в России не усваивалась. Однако подражательность Европе долгое время была во многом бессознательной. Хотя в дальнейшем именно это привело Россию к тяжелым испытаниям. Россия серьезно «заразилась» и надолго заболела болезнью, название которой «европейничество». «Данилевский ясно видел, – отмечает А.А. Галактионов, – что любые социальные преобразования будут безуспешными, хуже того, разрушительными, если они осуществляются по сомнительным рецептам, вопреки национальным интересам, под воздействием чужеродных сил, и тем более – давлением извне» [6, с. VI]. В результате мы получили нигилизм, сепаратизм, бюрократизм и пр.

Н.Я. Данилевский активно борется против идей евроцентризма. И, несмотря на то, что многие, ослепленные блеском Европы, не обнаруживают перспектив вне европейского пути развития, «сколько-нибудь пристальным взглядом нельзя не видеть, что европейская цивилизация так же односторонняя, как и все на свете» [8, с. 57], – констатирует он. Именно поэтому автор «России и Европы» не может согласиться с мыслью о том, что поскольку Запад представляет полюс прогресса, а Восток – полюс застоя, то вне европейской цивилизации, отождествляемой с общечеловеческой, никакой иной цивилизации быть не может, ибо вне ее нет прогресса. Для него прогресс – это в первую очередь не собирание, не накопление материальных и духовных ценностей, а расширение сфер деятельности народа.

Он полагает крайне опасным отождествлять судьбы молодых народов с судьбами народов отживающих. Это не только лишает каких-либо серьезных исторических перспектив многие неевропейские и в первую очередь славянские народы, но и угрожает им разложением и уничтожением. Ибо если европейская цивилизация – единственно возможная, то ее гибель неизбежно влечет за собой гибель всего человечества. Усматривая реальную альтернативу дальнейшего мирового исторического развития в рамках славянского культурно-исторического типа, Н.Я. Данилевский крайне негативно относится к попыткам подчинения России европейской цивилизации.

Все свои надежды на перспективы молодой славянской цивилизации он возлагает на русский и славянские народы, интеллигенция которых, по его мнению, рассматривала ее лишь как пассивный материал для цивилизаторских опытов Запада. Для него же очевидно, что интеллигенция должна более внимательно относиться к народному быту, опираться

на «народные начала», иначе народ, представляющий собой крепкий общественный организм, может «извергнуть из себя чужое». Подобное восторженное отношение славянской интеллигенции к европейской цивилизации волнует Данилевского значительно больше, чем все ее негативные проявления. Поэтому он стремится не столько к критике европейской цивилизации, сколько к уяснению ее отличий от цивилизации славянской.

Вместе с тем Н.Я. Данилевский обосновывает: ни одна из цивилизаций не может заявить о том, что она представляет высшую точку развития человечества. Однако, по его утверждениям, «народы каждого культурно-исторического типа не вотще трудятся; результаты их труда остаются собственностью всех других народов, достигающих цивилизационного периода своего развития... Но деятельность эта бывает всегда односторонняя и проявляется преимущественно в одной какой-либо категории результатов» [8, с. 107], ограниченных определенными временными и географическими рамками.

Идея цикличности у автора «России и Европы» наполнена разнообразным этнокультурным содержанием, что позволяет ему детально рассматривать переходы от культуры к цивилизации. Однако, описывая неизбежно, с его точки зрения, наступающую после этого гибель культурно-исторических типов, Данилевский не стремится проанализировать причины их исторической кончины. Все это до настоящего времени порождает мнение, согласно которому он отрицал реальность мирового исторического развития, его совершенствование.

Однако нельзя не учитывать, что Н.Я. Данилевский подразделяет цивилизации на уединенные, не способные передавать плоды своей деятельности другим цивилизациям, и преемственные, способные питать почву для развития последующих культурно-исторических типов. Последнее было бы невозможным, если бы у преемственных цивилизаций отсутствовала бы единая общая нить исторического развития, которую, по утверждению Н.И. Кареева, у автора «России и Европы» «можно отрицать в истории всего человечества, но следует признать в истории известной ее части» [13, с. 446].

В этом смысле прогресс человечества выражается не в накоплении материальных и духовных ценностей, а в многообразии выражения человеческого духа. Но, несмотря на то, что Данилевский в своем творчестве допускает дискретность исторического процесса, некоторый изоляционизм во взаимоотношениях культурно-исторических типов и прочее, прогресс цивилизации, высказывает одну из его важнейших идей Ю.Н. Говоруха-Отрок, «заключается не в идее поступательного движения, а в идее органического развития» [7, с. 744]. Знакомясь с ценностями закончившей или заканчивающей свой жизненный путь цивилизации, новая цивилизация, по глубокому убеждению автора «России и Европы», может заимствовать лишь то, что «стоит вне сферы народности», – «выводы и методы положительной науки», «технические приемы и усовершенствования искусств и промышленности», что не формирует собственные основы, которые должны создаваться самостоятельно.

Они могут быть уничтожены, но не заменены основами, выработанными другими культурно-историческими типами. Например, англичане, заявляет автор «России и Европы», весьма активно занимались организацией в Индии «своих деятельных и полезных ученых обществ», но они так и не передали ей европейской цивилизации, а римляне, завоевавшие многие народы, не смогли внедрить в них свою цивилизацию. И хотя он признаёт, что более развитая греческая цивилизация оказала влияние на римскую, однако сразу же уточняет: «Только в том, в чем римляне остались римлянами, произвели они нечто великое» [8, с. 80]. По мнению автора «России и Европы», народ выражает себя в соответствии со своим складом характера. В этой связи он последовательно утверждает, что европейская цивилизация отнюдь не единственно возможная. И поскольку ни одна из цивилизаций не может быть вечной, он не усматривает ничего противоестествен-

ного в возможности существования сразу двух цивилизаций одновременно. Ибо если культурная жизнь нового исторического типа зарождается, то, по его глубокому убеждению, жизнь старого угасает. Вместе с тем, отмечает Н.А. Бердяев, он не согласен, что «универсально-общечеловеческое находится в индивидуально-национальном, которое делается замечательным именно своим оригинальным достижением этого универсально-общечеловеческого» [3, с. 100].

В отличие от ранних славянофилов, создававших свои идеи в дореформенной России, Н.Я. Данилевский формирует собственные взгляды в условиях уже России пореформенной. Славяноцентристские идеи ранних славянофилов представляются ему уже слишком либеральными, что и обуславливает его консервативные взгляды. Неудивительно, что он постоянно критикует ранних славянофилов. Противопоставляя их взглядам концепцию культурно-исторических типов, автор «России и Европы» прибегает к помощи методологии, выработанной в естествознании.

По утверждениям большинства исследователей отечественной философии, Н.Я. Данилевского вполне можно отнести к славянофильскому направлению. Н.Н. Страхов заключает, что в отличие от А.С. Хомякова, которого никогда не забудут в России, сказанное Данилевским «сильнее и яснее отразится в умах». Ибо он был не только «славянофилом по преимуществу», но и «кульминационной точкой в развитии этого направления, писателем, сосредоточившим в себе всю силу славянофильской идеи» [20, с. XXVII].

Таким образом, в отличие от ранних славянофилов, часто стремящихся лишь к обоснованию основных различий между Россией и Европой, Н.Я. Данилевский постоянно повторяет: Европа враждебна России, ибо она всегда будет выступать против ее укрепления. «В геополитическом плане никакое самостояние России без соотнесения с Европой через борьбу попросту невозможно. О нас не забудут, нас не простят, – пишет Е.С. Холмогоров, – А потому идущая с переменным успехом борьба России за свой Лимитроф вечна и неизбежна» [24, с. 154]. В итоге Данилевскому, замечает В.В. Зеньковский, «решительно чужда та задача, которая рано увлекала первых славянофилов... задача синтеза Запада и России...» [12, с. 134].

Литература

1. Аксаков К.С. Статьи из газеты «Молва» // Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. М.: Типогр. Т-ва И.Д. Сытина, 1910. С. 103–122.
2. Бажов С.И. Идеиная борьба вокруг философско-исторической доктрины Н.Я. Данилевского в России XIX в. // Из истории религиозной философии в России XIX – начало XX вв. М.: ИФАН, 1990. С. 39–66.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990. С. 43–271.
4. Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. 1888. № 5. С. 210–270.
5. Ванчугов В.В. Образ России в «этнософических портретах» русских философов // Тетради по консерватизму. 2015. № 3. С. 34–45.
6. Галактионов А.А. Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. С. V–XX.
7. Говоруха-Отрок Ю.Н. [Ю. Николаев] Заметки о прогрессе и цивилизации // Русское обозрение. 1897. № 1. С. 88–96.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та; Глаголь, 1995. 552 с.
9. Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1890. 678 с.
10. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М.: Мысль, 1983. 271 с.
11. Замалеев А.Ф., Осипов И.Д. Русская политология: обзор основных направлений: Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994. 208 с.
12. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа: Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж: YMCA-Press, 1955, 280 с.
13. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. СПб.: Издатель, 1899. 519 с.

14. *Новиков А.И., Григорьева Т.С.* Консервативная утопия Константина Леонтьева // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: Наука, 1991. С. 297–308.
15. *Пирожкова Т.Ф.* Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 164 с.
16. *Розанов В.В.* Сочинения. М.: Советская Россия, 1990. 592 с.
17. *Самарин Ю.Ф.* Сочинения: Статьи разного содержания по польскому вопросу. М.: Типогр. А.И. Мамонтова и К°, 1877. Т. 1. 402 с.
18. *Сербиненко В.В.* История русской философии XI–XIX вв.: Курс лекций. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1993. 148 с.
19. *Соколов Н.М.* А.С. Хомяков и Н.Я. Данилевский // Русский вестник. 1904. № 7. С. 137–193.
20. *Страхов Н.Н.* Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германско-Романскому. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Глаголь, 1995. С. XXI–XXXIV.
21. *Страхов Н.Н.* О книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 576 с.
22. *Сухов А.Д.* Русская философия: пути развития. (Очерки теоретической истории). М.: Наука, 1989. 208 с.
23. *Тесля А.А.* Славянофильский «консерватизм»: между национализмом и либерализмом? // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 23–33.
24. *Холмогоров Е.С.* В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 136–156.
25. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. Письма. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1904. Т. 8. 528 с.
26. *Цимбаев Н.И.* Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013. 447 с.
27. *Шапошников Л.Е., Пушкин С.Н.* Русская историософия: избранные школы и персоналии. СПб.: Изд-во РХГА, 2014. 464 с.
28. *Янковский Ю.З.* Патриархально-дворянская утопия: Страница общественно литературной мысли 1840–1850 годов. М.: Художественная литература, 1981. 373 с.

Аннотация. В статье рассматриваются различные оценки современных исследователей в определении принадлежности ранних славянофилов к либеральному и либерально-консервативному направлению отечественной философской мысли. Определяя славянофильское идейное наследие как один из важнейших источников взглядов Н.Я. Данилевского, автор анализирует трансформацию либерально-консервативных идей в консервативные. Обращая основное внимание на отношение мыслителя не только к постоянно отмечаемым славянофилами противоречиям между Европой и Россией, но и к ее враждебности к ней, автор статьи подчеркивает: выявив ключевые направления славянофильских идей, Данилевский преобразует их в целостную концепцию культурно-исторических типов. При этом в статье обосновывается, что тот и другой аспекты творчества мыслителя отнюдь не противоречат, а, напротив, в должной мере органично взаимодополняют друг друга.

Ключевые слова: славянофилы, либерализм, консерватизм, культурно-исторические типы, цивилизация, Россия, Европа.

Sergei N. Pushkin, PhD, Professor, Philosophy and Theology Department, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University. E-mail: spushkin1949@mail.ru

The Development of Conservative Slavophile Trends in N. Danilevsky's Creative Work

Abstract. The article deals with the various contemporary scholars' assessments of referring the early Slavophiles' to liberal and liberal-conservative directions of the Russian philosophic thought. While defining Slavophiles' ideological legacy as one of the most significant sources of Danilevsky's views, the author analyses the transformation of liberal-conservative ideas into conservative. Paying special attention to the thinker's attitude not only toward the constantly noted by Slavophiles contradictions between Europe and Russia but to the hostility of the former towards the latter, the author emphasizes that having revealed the major trends of Slavophile's ideas, Danilevsky transforms them into an integral conception of cultural-historic types. The article substantiates that both aspects of the thinker's creative work do not conflict with each other, but on the contrary, sufficiently and intrinsically augment one another.

Keywords: Slavophiles, Liberalism, Conservatism, Cultural-historic Types, Civilization, Russia, Europe.

Наднационализм в эпоху национализма: цивилизационный подход от Н.Я. Данилевского до В.И. Ламанского

Понятие «цивилизация» и связанный с ним цивилизационный подход прочно вошли в лексикон общественных наук не только в России, но и в мире. В числе основоположников этого подхода называют немецкого культуролога Освальда Шпенглера и британского историка античности Арнольда Джозефа Тойнби. В нашей стране к ним причисляют еще и биолога и публициста Николая Яковлевича Данилевского, создателя теории культурно-исторических типов, писавшего свои работы почти на пятьдесят лет раньше Шпенглера и на шестьдесят пять – Тойнби. При этом следует отметить, что понятие «цивилизация» им мало использовалось, хотя оно было достаточно широко распространено в современной ему Российской империи. Однако сразу же после выхода сочинения «Россия и Европа», в котором были заложены основы новой теории, оно стало восприниматься не с научной, а с идеологической точки зрения – как изложение определенной национальной идеи. И в зависимости от политических пристрастий комментаторов, взгляды Данилевского либо критиковались как противоречащие европейской сущности России, либо, напротив, всячески превозносились. При этом упускалось из виду, что эта идея носила не столько национальный, сколько наднациональный характер. Это было вполне естественное заблуждение, исходя из того, что XIX век прочно ассоциируется с рождением идеологии национализма, через призму которой и анализировались те или иные концепции. В данной статье предпринята попытка рассмотрения эволюции цивилизационного подхода в российской мысли во второй половине XIX века и как научной теории, и как наднациональной идеи, рожденной в эпоху господства национализма.

Понятие «цивилизация» к середине XIX века уже прочно вошло в лексикон интеллектуального сообщества Российской империи. Будучи калькой с французского, оно чаще всего трактовалось как «гражданственность», «образованность» или «просвещение». В то же время предпринимались попытки и более глубоко осмыслить его значение, вдохновленные, в том числе, курсами лекций французского историка Франсуа Гизо «История цивилизации в Европе» и «История цивилизации во Франции». В 1839 году вышло сочинение А.Л. Метлинского «О сущности цивилизации и значении ее элементов», в котором была дана комплексная трактовка термина «цивилизация»: «физико-моральное развитие человека, личное, общественное и общечеловеческое, при условиях общественности» [11, с. 15]. В ее сферу входят люди как субъект развития (на что влияет принадлежность к тому или иному «поколению» – раса, язык и нравы), общество как форма и условие человеческого развития (определяемое организацией, религией, искусством, наукой и хозяйственным развитием) и развитие человека как продукт цивилизации (проявляющее-

ся в физическом, умственном и нравственном совершенствовании). При этом достижение цивилизации возможно только совместными усилиями всех человеческих обществ, а уклонение от взаимодействия друг с другом является исключительно вредным: «Если были эпохи, которые вполне исчезли с запасом своего развития, то они, ничего не передавая человечеству, бесплодно для него исчезали; – если и есть общества, которые развиваясь уединенно и самобытно, и в самих себе замыкая богатство такого развития, не стремятся ни собирать дань общечеловеческого совершенствования, ни разливать на человечество дары своего образования; то это и для таких обществ гибельные, и для общечеловеческого развития бесплодные уклонения от общего назначения человечества» [11, с. 8–9]. Таким образом, цивилизация трактовалась как определенный уровень развития человечества, для достижения которого необходима совместная деятельность всех без исключения обществ-государств.

Однако к тому времени во Франции, а потом и в Англии уже происходило определенное переосмысление значения понятия «цивилизация». Так, уже в сочинениях французского историка Франсуа Гизо заметен переход от трактовки цивилизации как всемирного явления к соотношению ее сначала только с Европой, и далее – к особым формам цивилизации внутри отдельных европейских стран. Уже само название прочитанного Гизо курса – «История цивилизации в Европе» – говорит о том, что всемирный процесс достижения цивилизации можно без ущерба для понимания дробить на региональные «истории». Хотя при этом он и говорил, что «действительно человечество имеет общее предназначение; что существует передача сокровищ цивилизации из поколения в поколение и, следовательно, существует всеобщая история цивилизации» [2, с. 19], но в дальнейшем, приводя ряд примеров различных обществ, подводил к тому, что к настоящему времени цивилизация раскрылась только в Европе. Причем все эти примеры в явном виде указывали на то, что истинная цивилизация возможна только на либеральных основах. Как отметил И.Н. Ионов: «Опираясь на идею цивилизации, Гизо стремился противопоставить легитимистскому образу “Европы государей”, где господствует Россия, либеральный образ “Европы наций”, в которой он надеялся найти место Франции» [5, с. 34]. В схожем духе рассуждал и английский историк Генри Бокль, который, правда, в центр европейской цивилизации ставил уже Англию, но опирался при этом на те же идеи. Таким образом, можно отметить, что использование понятия «цивилизация» к середине XIX века в европейской общественно-политической и исторической мысли от обозначения универсальной, общечеловеческой категории все больше двигалось в сторону превращения его в категорию, относящуюся только к одному из регионов – Европе и далее – к отдельным европейским странам. При этом важно указать на то, что к числу таких стран Россия европейскими авторами не относилась. Фактически же идея цивилизации начала превращаться в национальную идею, что неудивительно в условиях победоносного шествия национализма в эту эпоху. Причем этот национализм имел политический и гражданский характер, поскольку цивилизации приписывались такие атрибуты как свобода слова, мысли, гарантированные права и т.д.

В России же ситуация была принципиально иной. Во-первых, после подавления восстания декабристов все дискуссии о гражданской нации были насильственным образом свернуты вместе с прекращением использования понятия «нация» в общественно-политическом дискурсе. На смену ему пришло понятие народности, в котором основную роль играла этнокультурная составляющая. В силу этого российский национализм начал формироваться на принципиально других основаниях, нежели во Франции или Англии. Кроме того, поскольку в качестве компонентов народности назывались язык и вера, национальная идея фактически приобрела лингво-конфессиональный характер, что вывело ее за пределы государственных границ Российской империи, в частности, в форме

панславизма. Во-вторых, идея цивилизации в России по-прежнему воспринималась как всеобщая, распространяющаяся на все человечество. Однако частота употребления термина привела к тому, что его содержание стало крайне размытым.

Именно это побудило одного из крупнейших мыслителей пореформенной России – Петра Лавровича Лаврова – обратиться к разбору понятия «цивилизация». Обращая внимание на то, что под ним часто понимают современный уровень развития европейских стран, он указал на пагубность влияния европейской культуры на другие народы, не достигшие еще такого же уровня научно-технического развития. Исходя из этого, Лавров разделял понятия «культура» и «цивилизация». И если культурой обладают все живущие на земле народы, то цивилизация присуща в первую очередь европейцам. Таким образом, под культурой понимался некий базовый уровень развития человечества, а под цивилизацией – более высокий. Причем переход этот возможен для всех народов при соблюдении одного условия: «тогда народ перешел со ступени зоологически-культурной на ступень цивилизованную, когда психологический процесс мышления достиг в нем формирования общих понятий, и логика может начать свой процесс анализа и синтеза над этими человеческими формациями мысли» [1, с. 261–262]. Соответственно цивилизация – это уровень абстрактно-логического мышления, что делает бессмысленным такие понятия как «европейская» или «французская цивилизация». Таковыми могут быть только культуры.

Именно в рамках такого дискурсивного поля следует рассматривать сочинение Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа», которое многими рассматривается как труд, заложивший основы цивилизационного подхода. Одной из методологических основ этого труда стала идеология панславизма, активно развивающаяся в то же время. Часто панславизм называют разновидностью национализма, но скорее более корректно выглядит точка зрения Л. Снайдера, который считает его «одним из наиболее значительных и ранних проявлений макронационализма в Европе» [цит. по: 13, с. 3].

Зародившись как лингвистическое течение, стремившееся создать единый славянский язык на основе нескольких, уже существующих, панславизм через короткое время приобрел политические черты, тем самым приблизившись к превращению в национализм. Однако в то же время всеми сторонниками этого течения признавалось, что необходимо сохранять разнообразие славянских народов, не стремясь слить их в один. Таким образом, имея сходство с культурным измерением национализма, панславизм расходился с ним в главном – общая культура должна была стимулировать не унификацию, а многообразие.

Что же касается политического измерения, то здесь ситуация была еще более сложной. Возникнув в Чехии, которая в тот момент была частью Австрийской империи, панславизм как реакция на пангерманизм довольно быстро разделился на два направления, которые существовали одновременно, а их представители достаточно часто переходили из одного лагеря в другой (в первую очередь это относится именно к австрийским славянам). Первое из этих направлений носило название австрославизма и ставило своей целью борьбу за равноправие в рамках Австрийской империи в целях последующей интеграции в семью европейских народов. Второе направление – «истинный» панславизм – предусматривал объединение славянских народов вокруг Российской империи на правах федерации. Так, в статье, написанной в 1848 году, во время революции в Австрии, поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев фактически обосновал право славян на создание своего объединения, независимого от Австрии и под эгидой России. Указывая на распространение в Европе революционных взглядов, он называл Россию последним оплотом чистоты веры, а именно в вере сохраняется национальность. Славяне Австрии как сохранившие национальную жизнь «в ее гуситских верованиях» имеют связь со своим героическим прошлым, и это является тем звеном «которое когда-нибудь свяжет чеха Богемии с его восточными братьями» [15, с. 302–303].

Утверждение о связи православия с чистотой национальной жизни имело несколько важных следствий: обосновывалось право славян Австрии и отрицалось право поляков-католиков на национальную независимость, отвергались претензии венгров на господство над славянами. В деле сохранения национальной самобытности религия играет положительную роль, а распространение революционных и либеральных идей – отрицательное. При этом важнейшую роль играет именно конфессиональная, а не этническая принадлежность, поэтому такой союз – это в первую очередь союз Православный, и только потом – Славянский. Путем переноса центра тяжести на религиозную принадлежность закладывались перспективы на будущее включение в этот союз балканских народов: болгар, а также румын и греков, которые не являются славянами.

Если первый Славянский съезд прошел в 1848 году в Праге, то второй состоялся в 1867 году уже на территории России, что свидетельствовало об усилении внимания к идеям панславизма в среде российской политической и интеллектуальной элиты. В рамках съезда проводилась большая этнографическая выставка, на которой были представлены как народы, населяющие Россию (в том числе и неславянские), так и зарубежные славяне. Тем самым была обозначена претензия на главенствующую роль в панславистском движении. При этом не озвучивались идеи о «русификации» славян, за ними признавалось право на самостоятельное культурное и даже частично политическое существование. Таким образом, панславизм выступал в качестве наднациональной идеи в эпоху, когда национализм становился все более распространенным явлением, в том числе и среди славянских народов.

Спустя два года после второго Славянского съезда увидел свет труд «Россия и Европа», в котором панславистские идеи играли не последнюю роль. Причем во многом они оказались приправлены «антиевропейством», порожденным поражением в Крымской войне. Вмешательство европейских держав на стороне Османской империи в войну 1853–1856 годов привело к тому, что в общественном сознании начало появляться стремление к выделению России из Европы. Прежде даже славянофилы говорили о том, что Россия – это полноценная европейская страна: «восточная Европа, законная сестра христианского Запада, христианская как и он» [14, с. 285], по словам того же Тютчева. При этом, безусловно, Россия обладает некоторыми особенностями, а русские отличаются от немцев и французов. В Европе проживает три группы народностей – романцы, германцы и славяне, первые две занимают западную часть, а третья – восточную. Но уже в 1856 году Алексей Сергеевич Хомяков утверждал: «Россия и мир Восточный не принадлежат собственно ни Азии, ни Европе» [16, с. 206]. Описывая дискуссию между условными западником и славянофилом, он так характеризовал понимание народности обеими сторонами. Западники, не отрицая ее реальности, призывали к преодолению национального ради общечеловеческого: «народность есть ограничение общечеловеческого, а только общечеловеческое и дорого» [16, с. 216]. Славянофилы, не отказываясь от общечеловеческого, утверждали, что только познав свою народность, можно возвыситься до его уровня, тогда как в России в настоящее время в интеллигенции «народность заменилась не общечеловеческим началом, а многонародностью Вавилонскою, и человек, не добившись невозможной чести быть человеком безусловно, делается только иностранцем вообще, не только в отношении к своему народу, но и ко всякому другому, даже к самому себе» [16, с. 221]. Народность же понималась как «начало общечеловеческое, облеченное в живые формы народа» [16, с. 228]. И здесь можно наблюдать любопытный парадокс: западники фактически предстают в образе более консервативного течения, чья трактовка близка к существовавшей в XVIII веке идее цивилизации как явления общечеловеческого. Славянофилы же оказываются сторонниками идей национализма, что в большей степени сближало их с современными им европейскими мыслителями.

Точка зрения Хомякова в некотором плане представляла собой возврат к высказанному за двадцать лет до этого тезису П.Я. Чаадаева о том, что Россия не имеет традиций ни Запада, ни Востока, но с заменой знака с минуса на плюс – теперь это рассматривалось как позитивное явление, позволяющее русскому народу стать самим собой, обрести уникальную идентичность. Причем здесь можно отметить запоздалую реакцию на то, что к тому времени уже порядка двадцати лет европейские интеллектуалы исключали Россию из европейской цивилизации, чего долгое время не замечали (или не хотели видеть) представители российского общественного движения (причем как западники, так и славянофилы). Однако поражение в Крымской войне открыло глаза на этот факт. В это же время начинает обретать зримые черты российский национализм (одним из вариантов которого является русский, но в силу отсутствия общепризнанного в ту эпоху разграничения между русскими и российским они часто смешивались), проводниками которого становятся в первую очередь именно славянофилы – «истинно русские люди».

Таким образом, в «России и Европе» объединилось несколько разнородных дискурсов: о цивилизации, о панславизме, о национализме и о том, что Россия не является частью европейской цивилизации. Если прежде говорилось о месте России в Европе, то теперь Россия провозглашалась отдельным регионом, равным Европе: «она не причастна ни к европейскому добру, ни к европейскому злу; как же может она принадлежать к Европе» [4, с. 61]. Россия не является Европой по своим корням и, несмотря на все усилия государства и интеллигенции, не принимается на равных в Европе. Во многом именно это стало отправной точкой в рассуждениях Данилевского – отказ от попыток вписать Россию в сообщество тех стран, которые категорически не воспринимают ее как «своего» – ни в религиозном (выступление христианских стран на одной стороне с мусульманской Османской империей), ни в культурном (Россия не включается в число стран, достигших цивилизации), ни в политическом (восприятие России как восточной деспотии) смыслах.

На методологию Николая Яковлевича наложили отпечаток и его научные взгляды как биолога. Именно на основе них он принципиально пересмотрел существующее географическое деление. Говоря о признаках, позволяющих выделить части света, он называет естественные и искусственные системы. Под искусственными системами Данилевский подразумевает такие, которые довольствуются одним или немногими признаками. И далее: «Рассматривая с этой точки части света, мы сейчас же приходим к заключению, что это – группы искусственные. В самом деле, южные полуострова Европы: Испания, Италия, Турция (к югу от Балкан) – имеют более сходства с Малою Азией, Закавказьем и северным побережьем Африки, нежели с остальной Европой» [4, с. 55]. И далее: «Вот если бы Азия имела общий однородный характер, а из всех ее многочисленных членов только одна Европа – другой, от него отличный, тогда бы другое дело...» [4, с. 57]. Таким образом, одновременно под сомнение была поставлена уникальность Европы как географического региона, а также – универсальность существующего на тот момент способа структурирования пространства. При этом прямой связи между географическим фактором и историко-культурными особенностями народов Данилевским не проводилось, просто указывалось на искусственность существующей классификации.

Исходя из своих географических рассуждений о Европе и Азии, Н.Я. Данилевский пишет о том, что понятие «Европа» имеет определенный смысл, только не географический, а культурно-исторический: «Европа есть поприще германо-романской цивилизации – ни более ни менее; или, по употребительному метафорическому способу выражения, Европа есть сама германо-романская цивилизация» [4, с. 59]. Далее он указывает на то, что помимо локального ограничения в пространстве, европейская цивилизация локально ограничена и во времени. Так, греко-римская цивилизация (а по Данилевскому греческая и римская – это две разные цивилизации), которую европейцы считают своим «детством»

или прошедшим золотым веком (но непременно своим), не имеет никакого отношения к европейской: «Нет, поприще этих цивилизаций было иное. То был бассейн Средиземного моря – совершенно независимо от того, где лежали страны этой древней цивилизации – к северу ли, к югу или к востоку, на европейском, африканском или азиатских берегах этого моря... древнеэллинская культура, совершая свое развитие, обошла все три так называемые части света – Азию, Европу и Африку, а не составляла исключительной принадлежности Европы. Не в ней она началась, не в ней и закончилась» [4, с. 59].

Локально ограничив европейскую цивилизацию в пространстве и времени, Данилевский, таким образом, говорит о неправильности отождествления европейской цивилизации с общечеловеческой, из которого фактически вытекало разделение всех народов на европейцев и неевропейцев, неспособных к самостоятельному развитию. Основанием для этого стали положения, взятые Данилевским из ботаники, где к тому времени начала складываться научная систематика для естественной классификации растений. Опираясь на три важнейших принципа систематики: «1) Принцип деления должен обнимать собою всю сферу делимого, входя в нее как наисущественнейший признак. 2) Все предметы или явления одной группы должны иметь между собою большую степень сходства или сродства, чем с явлениями или с предметами, отнесенными к другой группе. 3) Группы должны быть однородны, то есть, степень сродства соединяющая их членов должна быть одинакова в одноименных группах» [4, с. 81], он подверг критике существующую концепцию истории, указав, что неверно деление всемирной истории на основании европейских событий на историю древнюю, средневековую и новую: «Какое дело Китаю, какое дело Индии до падения Западной Римской Империи?.. Одним словом, составляет ли падение Западной Римской империи... такой принцип деления, который обнимал бы собою всю сферу делимого? Ответ будет, по необходимости, отрицательный. Но не менее очевидно, что это происходит не оттого, что принцип был дурно выбран..., но оттого, что вообще нет события, которое могло бы разделить судьбу всего человечества на какие бы то ни было отделы; ибо до сих пор, собственно говоря, не было ни одного одновременного общечеловеческого события, да, вероятно, никогда и не будет» [4, с. 82–83].

И здесь произошло сплетение нескольких разнонаправленных дискурсов, опровергнув положения которых, Николай Яковлевич вышел на уровень создания новой теории. Так, он развил до логичного конца господствующие в европейских странах представления о том, что идея цивилизации носит национальный характер, а раз так, то не может быть явлением универсальным. Тем самым это нанесло удар по господствующим в России представлениям о цивилизации как об уровне развития всего человечества, который может быть достигнут только совместными усилиями, – это невозможно, в том числе из-за «узурпации» европейцами понятия «цивилизация» и принципиальной неготовности признавать другие страны, в том числе и Россию, равными себе носителями его. Но, подвергнув критике идею достижения общего для всех стран и народов уровня развития, Данилевский тем самым фактически отказался и от понятия «цивилизация». А на смену представлениям об универсальном пути человечества пришла мысль о существовании множества уникальных маршрутов. Казалось бы, это вписывалось в рамки националистических дискурсов (одним из составляющих которых всегда является идея собственной исключительности), но только субъектами этого процесса развития являются не отдельные народы, а более крупные общности – культурно-исторические типы.

Для их выделения Н.Я. Данилевским было предложено понятие «тип человеческой деятельности», который характеризует каждый культурно-исторический тип (цивилизации – во множественном числе, противопоставляющиеся несуществующей общечеловеческой цивилизации), являющийся порождением народностей. Все стороны человеческой деятельности были сгруппированы им в четыре разряда: деятельность религиозная, куль-

турная в узком значении этого слова (отношение человека к внешнему миру), политическая и общественно-экономическая. Использование термина «тип» в данном случае тоже идет из биологии, где он является следующей номенклатурной единицей после царства (в данном случае – человечества, в другом месте человечество названо родом, а отдельные народы – видами). Это подразумевает принципиальную невозможность сравнивать цивилизации между собой, в том числе по уровню развития (понятие уровня имеет смысл только внутри одного типа).

Однако, выделяя культурно-исторические типы, Николай Яковлевич сделал это исключительно на основе эмпирических наблюдений, потом уже подводя под них соответствующие разряды человеческой деятельности. Из-за этого можно увидеть определенную непоследовательность, когда часть историко-культурных типов связывается с одной народностью (например: египетский, греческий, еврейский), часть – с полиэтничными государствами (например: индийский и китайский), а часть – с несколькими народностями, не имеющими политического единства (например: халдейский, романо-германский и потенциальный славянский). Нет и единого принципа взаимодействия между этими типами: они могут быть как «уединенными», не взаимодействующими с соседями, так и «преемственными», которые могут передавать свои достижения друг другу. И если уединенность индийской цивилизации можно связать с географическим фактором, то в случае с китайской это не работает (в оправдание этого можно сказать, что на тот момент истории Индии и Китая еще были слабо изучены, что давало основание различным исследователям воспринимать их как нечто стабильное, замкнутое само в себе). Однако с позиции современного исторического знания следовало бы все цивилизации отнести к числу преемственных, в том числе за счет выделения в рамках истории Индии и Китая различных историко-культурных типов.

Основными принципами существования культурно-исторических типов в рамках предложенной Н.Я. Данилевским модели стали законы исторического процесса: 1) для развития необходимо родство языка народов, составляющих культурно-исторический тип; 2) необходима политическая независимость этих народов; 3) начала цивилизации вырабатываются самостоятельно, под большим или меньшим влиянием других цивилизаций; 4) цивилизация тогда достигает полноты развития, когда она состоит из разнообразных этнографических элементов, не поглощенных одним политическим целым; 5) ход развития цивилизации подобен многолетнему растению с коротким периодом цветения [4, с. 516]. Здесь также необходимо отметить, что выведение этих законов носило эмпирический характер, исходя из особенностей прежде выделенных историко-культурных типов. При этом заметно, что некоторые цивилизации противоречили выделенным законам. Например, египетская и римская сформировались в рамках единого политического целого, причем в случае с египетской произошло и поглощение различных этнографических элементов.

На основании этих законов Николай Яковлевич отмечал, что не все народы способны к созданию цивилизаций. Кроме «положительно-деятельных культурных типов» существуют «временно появляющиеся феномены», такие как гунны, монголы, турки. Это второй тип – «отрицательные деятели человечества». Их задача – подобно Божьему бичу уничтожать одряхлевшие цивилизации, чтобы расчистить поле деятельности для новых. Иногда «отрицательная» и «положительная» задача достается одному и тому же народу: германцам и арабам, которые после уничтожения предшествующего историко-культурного типа оседают на прежде занятой им территории, заимствуя его отдельные культурные достижения.

Кроме того, существуют племена, которым несвойственны ни положительная, ни отрицательная исторические роли. Они составляют этнографический материал, входя в культурно-исторические типы, но сами «не достигают исторической индивидуальности»,

так как не обладают ни созидательной, ни разрушительной силой. Это третий вид народов, которые, без сомнения, обогащают цивилизации и в будущем, возможно, еще разовьют в себе живительные силы. На стадию этнографического материала могут опуститься и те народы, которые некогда были самостоятельными, но уже «умерли и разложились» и находятся в ожидании, пока новый формационный принцип опять их не соединит. Однако при этом не объяснялось, почему одни народы способны к самостоятельной исторической роли, а другие – нет. Одним из условий перехода от этнографического типа к созданию цивилизации названа борьба – как внутри той или иной народности, так и с давлением соседей, но при этом не объяснялось, почему итогом этого стало создание всего лишь двенадцати культурно-исторических типов за последние шесть тысячелетий.

В условиях популярности националистического дискурса Николай Яковлевич не мог не использовать основных понятий, однако вкладывал в них иное содержание. В силу того, что в Российской империи гражданская составляющая национализма была исключена из публичных дискуссий, национализм в трактовке Данилевского оказывался «наднациональным». Так, говоря о соотношении общечеловеческого (само это понятие он считал бессмысленным, говоря скорее о всечеловеческом – но как о недостижимом идеале) и национального, он писал, что «Культурно-исторические типы соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода» [4, с. 130], тем самым уравнивая понятие ветви языковой семьи и этнической группы. При этом далее он вполне обозначал разницу между ними, говоря отдельно о Славянстве и отдельно – о славянских народах. Соответственно национализм в трактовке Н.Я. Данилевского бывает как частнонародным (русский, чешский, сербский), так и общецивилизационным (славянский). Причем в условиях того, что славянской цивилизации еще нет, только ведется борьба за ее создание, «для всякого Славянина: Русского, Чеха, Сербя, Хорвата, Словена, Словака, Булгара (желал бы прибавить и Поляка), – после Бога и Его святой Церкви, – идея славянства должна быть вышею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него не достижимо без ее осуществления» [4, с. 133]. Из этого следует, что частный национализм должен носить подчиненный характер по отношению к общецивилизационному, поскольку в противном случае неизбежен провал цивилизационного проекта и превращение славянских народов в этнографический материал для других культурно-исторических типов.

Далее Николай Яковлевич осуществил переход от общетеоретических к конкретно-историческим построениям. В основе лежал Восточный вопрос, связанный с присоединением Константинополя к России, созданием единой Славянской федерации и славяно-австрийскими противоречиями. Данилевский был категорически против сведения его к извечной борьбе Европы с Азией. В поддержку своего мнения он выдвинул следующие аргументы: 1) борьбы Европы с Азией никогда не существовало, так как ни Европа, ни Азия не осознавали себя единым целым; 2) никогда не было случая, чтобы все народы Европы объединились против всех народов Азии; 3) Европа и Азия одновременно географические, этнографические и культурно-исторические понятия, причем Азия – это не один культурно-исторический тип, а несколько; 4) войны, причисляемые к борьбе Европы с Азией, по характеру не отличаются от внутриевропейских и внутриазиатских войн; 5) если Восточный вопрос считать борьбой Европы с Азией, то Азия просто не может по силе соперничать с Европой.

В результате Восточный вопрос в понимании Н.Я. Данилевского сводится к серии различных противостояний: славяно-турецкое, славяно-европейское, внутриславянские. Славяно-турецкие противоречия заключаются в стремлении балканских славян обрести политическую независимость от Османской империи при поддержке России. На стороне Стамбула в этой борьбе выступают европейские государства, ко-

торые, провозглашая на словах право славян на суверенитет, на деле всячески этому препятствуют, вплоть до вступления в войну с Россией на стороне Османской империи в 1854–1856 годах. Из этого противоречия вытекает следующее – славян и романо-германской цивилизации. В наиболее концентрированном виде они проявляются в соперничестве России с Австро-Венгрией за преобладающие позиции в славянском мире (фактически здесь говорится о столкновении двух панславистских проектов). Австрия являлась своеобразным щитом против османского нашествия на Европу и в этом качестве получала от европейских держав поддержку. К середине XIX века надобность в таком щите полностью отпала, а, следовательно, как считал Данилевский, отпала необходимость и в существовании Австрии как таковой, не говоря уже о претензиях Вены на объединение славян. Помимо этого существуют и внутриславянские противоречия, связанные с опасением славян попасть в политическую зависимость от России. В таких условиях возможно только одно решение Восточного вопроса, связанное с исторической необходимостью, – освобождение славян от османского владычества и создание Славянской конфедерации со столицей в Константинополе. Только таким образом возможно создание славянского культурно-исторического типа, способного реализовать себя во всех сферах человеческой деятельности.

При этом ослабление принципиальности России в деле защиты славянских народов, под влиянием ли давления европейских держав или от неверия в собственные силы, приводит к тому, что балканские народы, освобожденные от османского владычества по итогам войны 1877–1878 годов, начинают смотреть на Запад и искать там себе покровителей [3, с. 141–142]. Более того, итогом победы в войне и дипломатического поражения после ее окончания становятся новые преграды между славянскими народами, болгарами, румынами и греками с одной стороны и Россией – с другой. По сути, единственным позитивным итогом этого является тот факт, что европейские страны снова в открытую продемонстрировали свою враждебность России и славянству, что должно было сплотить против общего врага все национальные силы и способствовать переходу к активной фазе строительства Славянской федерации.

Как указывает В.Н. Кудряшов: «Данилевский доводит до логического завершения эволюцию славянофильства в панславизм. Он отказался от нации как самостоятельного исторического субъекта. Нации у него – творцы истории и двигатели прогресса, но только в составе культурно-исторических типов. Вне типов национальности утрачивали способность к исторической деятельности и становились объектом ассимиляции» [6, с. 67]. Соглашаясь с тем, что идеи панславизма зачастую отрицают многие славянофильские постулаты, следует все же указать на главное противоречие. Славянофилы, несмотря на название, фактически были романтическими русскими националистами, близкими по духу к националистам германским. Говоря о других славянских народах, славянофилы видели в них полноценные нации, которые хотя и родственны русским, но являются вполне самостоятельными историческими единицами, даже если лишены политической независимости. Для Данилевского же такой частный национализм воспринимается как губительный, мешающий созданию общеславянской федерации, только в рамках которой и возможно полноценное развитие всех славянских наций. В этом отношении панславизм предстает как идейный антипод пангерманизма, подразумевающего слияние отдельных германских государств в одно, в рамках которого будет существовать одна, единая германская нация. Если пангерманизм – это воплощение идеи национализма, то панславизм – наднационализма, хотя и оперирующего националистической риторикой. Однако в рамках панславизма в трактовке Н.Я. Данилевского существовало одно слабое место, проигнорированное создателем теории культурно-исторических типов, – то, что Россия не является чисто славянской страной, а русские – чисто славянской нацией.

Попытка решить этот вопрос была предпринята Константином Николаевичем Леонтьевым, дипломатом, писателем и философом, «разочарованным славянофилом». В серии статей «Письма о восточных делах» (1883) им был сформулирован тезис, что русская нация «из всех славянских наций самая не славянская и в то же время самая славянская. Она самая не славянская, потому что по истории своей, по составу (быть может, и по крови), по психическому и умственному строю она от всех других славян очень отлична... только из более восточной, из наиболее, так сказать, азиатской – туранской нации в среде славянских наций может выйти нечто от Европы духовно независимое» [10, с. 387]. Соответственно бессмысленно стремиться к созданию Славянской федерации любой ценой – назначение России никогда не было только славянским, оно гораздо шире. Причина же такой судьбы заключается в том, что «Россия, взятая во всецелости со всеми своими азиатскими владениями, – это целый мир особой жизни, особый государственный мир, не нашедший еще себе своеобразного стиля культурной государственности» [10, с. 380].

Не соглашаясь с панславизмом Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьев поддерживал идею общеправославного союза с центром в Константинополе. Он сформулировал положение о том, что близость народов определяется не общностью их происхождения, а общностью исторических судеб, выражающейся, в том числе, в общности религии. Таким образом, Константин Николаевич выходил на новый уровень осмысления национализма – не как политического (против которого он всегда категорически выступал, видя в нем средство уничтожения культурного разнообразия) или этнолингвистического, а как результат длительной совместной жизни различных народов, на особенности которой влияет, в том числе, географическая среда. Соответственно нация в данном случае – это продукт межэтнического взаимодействия в определенном географическом регионе. Национализм у Леонтьева является, таким образом, не гражданским, не этническим, а государственным, поскольку именно государство воспринималось им как воплощение культурно-исторического типа.

Исходя из этого, принципы исторического развития цивилизаций у Данилевского были развернуты Леонтьевым при создании модели существования государств как живых организмов. Процесс развития любого объекта состоит из трех фаз: «1) первичной простоты, 2) цветущей сложности и 3) вторичного смесительного упрощения» [9, с. 197]. Средний возраст жизни государственного организма, вычисленный им эмпирическим путем через сравнение, составлял порядка тысячи – тысячи двухсот лет. Если национализм у Н.Я. Данилевского разделялся на узконациональный и общецивилизационный, то К.Н. Леонтьев попытался совместить их в государственном, принципиально отличающемся от гражданского. Если гражданский национализм ведет к уравниванию граждан в политическом смысле, за которым следует и уравнивание культурного уровня, то государственный национализм, напротив, стимулирует культурное разнообразие, как и разнообразие форм политической организации в рамках одного объединения. Соответственно, если Данилевский писал о славянской цивилизации, частью которой является Россия, то у Леонтьева это скорее российская цивилизация, в которую входят, в том числе, и славянские государства (наравне с туранскими). И в этом отношении национализм Леонтьева тоже носил наднациональный (в европейском понимании этого термина) характер.

Окончательная «привязка» цивилизации к территории была осуществлена историком-славистом и географом Владимиром Ивановичем Ламанским (одним из главных организаторов Славянского съезда 1867 года). Причем можно проследить определенный дрейф его взглядов от «славизма» к российскому национализму. Так, в написанной в 1859 году работе «О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании» необходимость изучения Азии объяснялась тем, что это родина славян, а в будущем может оказаться выгодной для русских [7, с. 175–178 прил.]. Но спустя более чем три десятка лет в статье

«Три мира Азийско-Европейского материка» (1892) уже говорилось о единстве Европейской России и русской Азии, которое обеспечивается не происхождением (общим у русских с другими славянами), но историко-культурным типом. В.И. Ламанский положил в основу деления Евразии этнический признак, отнеся к «Срединному миру» все территории, населенные славянами, Европу населяли романо-германские народы, а в Азии существовала пестрая этническая картина. Обозначив географические параметры «срединного мира», Ламанский определил его отличия от двух других миров: «Громадная территория Среднего мира, в 24 почти миллиона кв. килом., с 170 милл. с лишком жителей занимающая более трети Азии и более половины Европы, резко отличается своим географическим характером от собственной, не-русской, Азии и от собственной, неславянской и не-русской, а чисто романо-германской Европы, или Романо-германского мира Старого света» [8, с. 45]. Природно-географические различия определили, в том числе, различную плотность населения, что не могло не сказаться на особенностях исторической судьбы народов каждого из выделенных регионов.

Границей «Срединного мира» в Азии называлась политическая граница Российской империи. При этом все-таки были заметны и панславистские убеждения Ламанского. В его трактовке западные славяне в первую очередь являются именно славянами, антагонистами европейцев, а сам Срединный мир именуется славяно-греческим (от греков взяты культурные особенности, в частности, православие, а от славян – этнологический элемент, сумевший заселить огромные просторы). Но заметно и влияние взглядов К.Н. Леонтьева, поскольку признаётся, что жители Азии все больше и больше сближаются с русскими, составляя с ними одну этнокультурную и политическую общность. Соотнося Россию со Срединным миром, Владимир Иванович укреплял основания считать ее отдельной цивилизацией, хотя и имеющей большую близость к Европе, нежели к Азии: «Таким образом, Средний мир и в этнологическом, и в историко-культурном отношении, при всех своих отличиях от собственной Европы и собственной Азии, находится в гораздо более близком внутреннем сродстве с первой, чем с последнею» [8, с. 47]. Уникальность Российской империи определяется этническим составом, территориальным размахом и, самое важное, ненасильственным распространением культуры среди азиатских народов.

В сочинениях В.И. Ламанского термины «нация» и «национальность» использовались гораздо чаще, чем у его предшественников, однако о национализме или национальной идее он отдельно не писал. При этом национальность использовалась в двух значениях (как и у Данилевского) – как для обозначения цивилизационной (романо-германская или греко-славянская национальности), так и собственно национальной общности (немецкая, французская, русская национальности). Таким образом, произошло определенное «замыкание круга» – от идей сочетания частнонародного и общецивилизационного национализма, основанного на этнолингвистических особенностях к идее государственного национализма, опирающегося на этнокультурные характеристики, присущие народам, проживающим на определенной территории, и, наконец, переход к неразделенности частнонародного и общецивилизационного национализма, возникшего на определенной территории, особенности которой привели к формированию особой этнокультурной общности. В условиях господства националистических дискурсов Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и В.И. Ламанский не могли не использовать их риторику, но при этом вкладывали в эти термины совершенно иной смысл, нежели представители европейской науки или же различных западных течений в общественной мысли. Принципиально иное значение было приписано и понятию «цивилизация», что происходило, с одной стороны, в рамках общеевропейской тенденции «национализации цивилизации», превращения ее в национальную идею, но при этом в отличие от гражданско-правовой характеристики определенного уровня развития она превратилась в этнокультурную общность.

Для западников же понимание цивилизации во многом осталось на уровне начала XIX века и продолжило тесно увязываться с понятием общечеловеческого прогресса. Так, в известном сочинении Льва Ивановича Мечникова «Цивилизация и великие исторические реки», опубликованном уже после смерти автора, за основу было взято определение французского мыслителя П. Мужолля, который писал, что понятие цивилизации «обнимает собою совокупность всех совершенных открытий и изобретений, оно определяет сумму идей, находящихся в обращении, и сумму употребляемых в обществе приемов деятельности; оно указывает степень совершенности науки, искусства и промышленности, выражает собой данное состояние семейного и общественного строя и вообще всех существующих учреждений; наконец, оно подводит итоги индивидуальной и общественной жизни, взятых в совокупности» [12, с. 24]. При этом, будучи убежденным социалистом, Мечников отказался от восприятия технического прогресса как главного критерия цивилизации, предпочтя ему прогресс в области социальных отношений, процесс нарастания общечеловеческой солидарности. Как бы то ни было, идея цивилизации как всеобщего уровня развития продолжала владеть умами значительной части интеллигенции как либеральных, так и социалистических взглядов.

Понятие «цивилизация», прочно вошедшее в общественно-политическую мысль в XVIII веке, в следующем столетии претерпело серьезные изменения. В европейской науке произошла его национализация, когда из общечеловеческого уровня развития оно сначала было сведено только к Западной Европе, а затем – к отдельным ее странам. В России же долгое время сохранялось прежнее восприятие этого термина, хотя и предпринимались попытки развести его с понятием культуры, которое считалось едва ли не синонимичным ему (часто как тождественные употреблялись понятия «цивилизированные народы» и «народы культурные»). Однако во второй половине XIX века Николаем Яковлевичем Данилевским был произведен кардинальный пересмотр этого понятия, которое в его работах стало обозначать культурно-историческую общность, причем разные общности принципиально не могут сравниваться между собой по уровню развития. Каждая цивилизация включает в себя несколько различных народов, что ставит вопрос о соотношении частнонародного и общецивилизационного национализмов. Так началось формирование цивилизационного подхода, в рамках которого отрицалась идея универсального пути развития всего человечества, но при этом выделялись общности, более крупные, чем отдельные народы, которые и являлись субъектами исторического процесса. В сочинениях Константина Николаевича Леонтьева и Владимира Ивановича Ламанского взгляды Данилевского получили дальнейшее развитие (хотя некоторые идеи были подвергнуты сомнению). В результате к концу XIX века произошло оформление нового методологического подхода к изучению истории, и Россия в соответствии с ним была выделена в качестве отдельной цивилизации, в рамках которой наднациональная идея на данный момент должна быть превалирующей над национализмами отдельных народов, входящих в ее состав.

Литература

1. *Арнольди С.С.* Цивилизация и дикие племена. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 266 с.
2. *Гизо Ф.* История цивилизации в Европе. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. 336 с.
3. *Данилевский Н.Я.* Горе победителям // Сборник политических и экономических статей Н.Я. Данилевского. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1895. С. 138–219.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романно-германскому. СПб.: Типогр. бр. Пантелеевых, 1895. 671 с.
5. *Ионов И.Н.* Идея «цивилизации» в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 27–50.

6. *Кудряшов В.Н.* Трансформация славянофильства в панславизм как смена концепции русского национализма // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 65–71.
7. *Ламанский В.И.* О Славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1859. 370 с.
8. *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка. СПб.: Типо-хромолитограф. А. Траншель, 1892. 132 с.
9. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Собр. соч. Т. 5. М.: Изд-е В.М. Саблина, 1912. С. 110–260.
10. *Леонтьев К.Н.* Письма о восточных делах / К.Н. Леонтьев // Собр. соч. Т. 5. М.: Изд-е В.М. Саблина, 1912. С. 377–468.
11. *Метлинский А.Л.* О сущности цивилизации и значении ее элементов. Харьков: Университетская типогр., 1839. 122 с.
12. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. Киев, Харьков: Южно-русское книгоизд-во Ф.А. Иогансона, 1899. 294 с.
13. *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 3–15.
14. *Тютчев Ф.И.* Россия и Германия / Ф.И. Тютчев // Полн. собр. соч. СПб.: Изд-е т-ва А.Ф. Маркс, 1913. С. 279–295.
15. *Тютчев Ф.И.* Россия и революция / Ф.И. Тютчев // Полн. собр. соч. СПб.: Изд-е т-ва А.Ф. Маркс, 1913. С. 295–307.
16. *Хомяков А.С.* Разговор в подмосковной / А.С. Хомяков // Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Университетская типогр., 1900. С. 202–230.

Аннотация. Понятие «цивилизация», вошедшее в общественный дискурс в XVIII веке, в следующем столетии претерпело значительные изменения. В Западной Европе наметился процесс национализации этого понятия, в результате чего идея цивилизации стала соотноситься с отдельными странами. В России же долгое время сохранялось представление о цивилизации как об универсальном уровне развития, достижение которого возможно только совместными усилиями всего человечества. Однако после поражения в Крымской войне возникает идея о том, что Россия не является частью Европы, что делает невозможным распространение на нее европейских понятий об уровне развития. Биологом Н.Я. Данилевским были сформулированы основные принципы нового подхода к изучению истории, в рамках которого субъектом исторического процесса является не человечество, а отдельные цивилизации, состоящие из нескольких народов. При этом существует определенное противоречие между общецивилизационным и частнонародным национализмом. В дальнейшем идеи Данилевского были развиты К.Н. Леонтьевым и В.И. Ламанским, которые дополнили понятие цивилизации этнокультурным и географическим содержанием.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационный подход, национализм, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский.

Alexey B. Panchenko, PhD in History, Associate Professor, Social and Humanitarian Education Department, Surgut State Pedagogical University. Email: alexeypank@rambler.ru

Supranationalism in the Era of Nationalism: Civilizational Approach From N.Ya. Danilevsky To V.I. Lamansky

Abstract. The notion of «civilization» entered the public discourse in the 18th century and changed significantly in the next century. In Western Europe, outlined the process of nationalization of that concept, as the result of which the idea of civilization began to be associated with particular countries. In Russia the idea of civilization as a universal level of progress that could be reached only through the joint efforts of all mankind was preserved for a long time. However, after the defeat in the Crimean War, there appeared the idea that Russia was not a part of Europe, which made it impossible to apply there the European notions about the level of progress. Biologist N.Ya. Danilevsky formulated the main principles of the new approach to studying history, which made the subject of historical process not mankind but local civilizations consisting of several nations. At the same time, there were certain contradictions between civilization and private nationalism. Later Danilevsky's ideas were further developed by K.N. Leontiev and V.I. Lamansky, who supplemented the concept of civilization with ethno-cultural and geographical content.

Keywords: Civilization, Civilizational Approach, Nationalism, N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontiev, V.I. Lamansky.

Участие Н.Я. Данилевского в изданиях М.Н. Каткова в 1880-х годах

Творческое и публицистическое наследие мыслителя, культуролога и социолога Н.Я. Данилевского и публициста и издателя М.Н. Каткова – выдающихся представителей консервативной идеологии последней трети XIX века – сегодня активно переосмысливается в контексте сложившейся геополитической ситуации и поиска нового места России в мире. В настоящей статье анализируется участие Н.Я. Данилевского в издаваемых Катковым журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости» – наиболее влиятельных и авторитетных консервативных органах российской печати 1860–1880-х годов. Сопоставление позиции ученого и журналиста по ряду важных вопросов внешней и внутренней политики Российской империи позволяет получить более четкие представления об их общественно-политических взглядах, уточнить процессы формирования разнообразных течений и идейных платформ русской общественной мысли в конце XIX века.

М.Н. Катков и Н.Я. Данилевский принадлежали к одному поколению российской интеллигенции, чьи философские и общественно-политические взгляды формировались во второй половине 1830-х – начале 1840-х годов, в период увлечения образованной молодежи европейской наукой, в первую очередь немецкой идеалистической философией и французскими социалистическими учениями. Они оба получили фундаментальное гуманитарное образование: Данилевский окончил Царскосельский лицей, где традиционно в большом объеме преподавались социально-политические и гуманитарные дисциплины, Катков учился на словесном отделении Московского университета, где был членом философского кружка Н.В. Станкевича и на почве интереса к эстетике Г. Гегеля тесно сблизился с В.Г. Белинским. Поступив по окончании лицея на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, Данилевский одновременно с естествоведением продолжал изучать историю, политическую экономию, социологию, интересовался вопросами общественного устройства. Катков для усовершенствования образования на два года уехал в Германию, где прослушал курс лекций Ф. Шеллинга и усиленно занимался философией.

Любопытно, что и Данилевский, и Катков свои первые шаги в журналистике сделали в одном и том же издании, лишь с разницей в несколько лет: в 1840-х годах они оба сотрудничали с «Отечественными записками» А.А. Краевского – на тот момент лучшим журналом среди отечественных «толстых» ежемесячников. Катков, хотя его литературный дебют состоялся еще в 1838 году в журнале «Московский наблюдатель», был обязан «Запискам» своим первым серьезным опытом журналистской и редакторской работы. С конца 1830-х годов он писал в этот журнал статьи и библиографические заметки, занимался перевода-

Перевалова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и массовых коммуникаций имени М.Ф. Ненашева Московского политехнического университета.
E-mail: helenpv@yandex.ru

ми, исполнял разного рода черновую редакционную работу и быстро стал одним из основных сотрудников издания, так что В.Г. Белинский – идеолог и ведущий критик «Отечественных записок» начала 1840-х годов, признавался, что они «издаются трудами трех только человек – Краевского, Каткова и меня» [4, с. 557]. Вклад Данилевского в журнал Краевского был намного скромнее: будучи студентом Петербургского университета, он в 1843 году опубликовал в нем «Письмо в редакцию» – о повести О.И. Сенковского (барона Бромбеуса) «Падение Ширванского царства», а в 1848 году – две статьи, посвященные французскому биологу А. Дютроше и немецкому естествоиспытателю А. Гумбольдту и отражавшие взгляды начинающего ученого на принципы ведения научных исследований и изложение их результатов. Факт сотрудничества с либерально-западническими «Отечественными записками», направление которых отражало развитие прогрессивной общественной мысли России и идейные искания передовой образованной интеллигенции, весьма показателен для характеристики как Данилевского, так и Каткова, и свидетельствует о единстве их духовных запросов и близости мировосприятия.

Перед каждым из молодых ученых открывалось широкое поприще научной деятельности, однако судьба рассудила иначе. Данилевский, увлекшись научным социализмом, в первую очередь социалистической системой Ш. Фурье, начал посещать «пятницы» М.В. Петрашевского, что стало причиной его ареста в 1849 году и почти четырехмесячного заключения в Петропавловской крепости. И хотя ему удалось доказать свою непричастность к пропаганде революционных учений, он был выслан из столицы в административную ссылку в Вологду, где несколько лет прослужил в канцелярии вологодского губернатора, затем был переведен в Самару, откуда в 1864 году переехал на Южный берег Крыма. Все это время Данилевский продолжал заниматься научными изысканиями, широта которых свидетельствует об универсальности его научных интересов. Он профессионально изучал водные ресурсы и рыболовные промыслы Российской империи, принял участие в нескольких крупных научных экспедициях, изъездил весь юг России, Урал, берега Ледовитого океана, написал несколько трудов естественнонаучной направленности и даже в 1866 году был награжден золотой медалью Русского географического общества. Результатом его общественно-политических трудов стала теория культурно-исторических типов, явившаяся продолжением славянофильских концепций первой половины XIX века и придавшая им новый импульс.

М.Н. Каткова, казалось бы, ожидала классическая ученая карьера: в 1845 году он защитил диссертацию и приступил к чтению лекции по истории философии и логике в Московском университете, что открывало перед ним хорошие перспективы для дальнейшей исследовательской и научной работы. Его участие в печати, по всей вероятности, свелось бы к публикации сугубо научных статей, однако обстоятельства вскоре лишили молодого ученого возможности продолжать преподавание (после революционных событий 1848 года в Европе во всех российских университетах по высочайшему распоряжению в 1850 году были закрыты кафедры философии), и он был вынужден вновь вернуться к издательской деятельности и журналистике. В 1851–1855 годах Катков с успехом исполнял должность «редактора на жалованьи» университетских «Московских ведомостей», тираж которых сумел увеличить за эти годы более чем вдвое, хотя при этом весьма тяготился постоянной финансовой зависимостью от Правления Московского университета и руководства университетской типографии, регламентировавших каждый его шаг. Приобретенный опыт позволил ему с 1856 года вместе с профессором П.М. Леонтьевым приступить к изданию собственного литературного и общественно-политического журнала «Русский вестник», который быстро занял место в ряду лучших «толстых» отечественных ежемесячников и успешно выдерживал конкуренцию с «Современником» Н.А. Некрасова и И.И. Панаева и «Отечественными записками» А.А. Краевского. С 1863 года, приобретя на правах

аренды у Московского университета «Московские ведомости» и университетскую типографию и став наконец их полновластным хозяином, Катков превратился в одного из самых влиятельных издателей и журналистов своего времени. Кульминацией его журналистской карьеры стали 1880-е годы, когда в нем видели едва ли не «серого кардинала» императора Александра III, «подспудного премьера» [2, с. 445] и приписывали огромную власть и влияние на ход государственных дел. Газета «Московские ведомости» считалась «опорой правительства» [34, л. 35] и воспринималась как едва ли не самая влиятельная сила в государстве, управляющая принятием решений в наиболее существенных областях его деятельности. Современники называли ее «инспекцией всероссийской службы» [25, с. 36] и видели в ней «...своего рода департамент, в котором обсуждались и подготавливались к решению важнейшие вопросы по внутренней и внешней политике» [14, с. 14].

Идейная эволюция Каткова шла от умеренного либерализма в 1850-х годах к консерватизму в 1880-х, и в глазах современников он с годами стал одним из символов охранительной идеологии. Не отрицая назревшую в России необходимость преобразований, он в качестве фундамента прогрессивного развития страны отстаивал принцип «разумного консерватизма», под которым подразумевал сохранение незыблемых самодержавных и православных основ российской государственности и объединение всех сословий вокруг общего дела – сохранения единой и великой России. Публицист последовательно и системно проводил мысль о том, что лучше идти путем мирных, «постепенных и рациональных» изменений на «незыблемых основах законности и порядка» в рамках единоличной власти монарха, связывая будущее России исключительно с самодержавной формой правления. В своих передовых статьях в «Московских ведомостях» он неуклонно утверждал идею о «совершенной общности» интересов монарха «с государственной пользой и благом народным» [22] и, несмотря на усиление протестных настроений среди интеллигенции и появление тайных революционных организаций, сохранял уверенность, что России не грозят политические смуты и революции, так как любые революционные устремления изначально чужды русскому народу, признающему самодержавную власть бесспорной и священной.

Современными исследователями отмечается близость идейных установок консерваторов последней трети XIX века с мировоззрением Данилевского, отразившим «переходный этап от позиции почвенников к политическому реализму второй половины XIX века», среди представителей которого называются прежде всего М.Н. Катков и публицисты его круга [1]. Однако появление труда «Россия и Европа» в 1869 году в петербургском журнале «Заря» В.В. Кашпирева не вызвало каких-либо сочувственных откликов в консервативных московских изданиях. В «Русском вестнике» была помещена лишь небольшая «Литературная заметка» историка П.К. Щербальского, который, кратко изложив теорию культурно-исторических типов, выразил категорическое несогласие с выдвинутой Данилевским идеей смены одних типов другими, весьма иронично заметив, что автор «построил обширное здание на острие булавки» [16, с. 358]. При этом каких-либо убедительных контраргументов Щербальский не привел, словно бы сочтя однозначно бесспорной несостоятельность теории Данилевского, и ограничился лишь замечанием, что «преемственность культуры в жизни человечества еще очевиднее, чем в жизни отдельных людей» [16, с. 361]. Признав, однако, что статья «в своих подробностях заслуживает внимания и уважения», историк остановился на выдвинутой Данилевским идее величия славянского мира и последующего развития умственной культуры славянских народов вслед за грядущим в недалеком будущем упадком Европы. Но и здесь он отнесся весьма скептически к предположению Данилевского об особом историческом предназначении славянского историко-культурного типа, заметив, что «славянский мир явится во главе умственного движения, но это случится лишь тогда, когда мы овладеем современной культурой, когда просвещение проникнет толщу русского народа, когда на русской почве составитя слой солидной образованности,

на который только и могут расти кедры умственного царства». Отрицая саму возможность выработать особую, славянскую, «свою [подчеркивание автора – Е.П.] культуру», автор «Русского вестника» настойчиво утверждал, что «ныне культура одна для всех <...> в основаниях своих единая» [16, с. 361–362].

Друг и горячий поклонник таланта Данилевского – литературный критик, философ и публицист Н.Н. Страхов – тщетно пытался вызвать П.К. Щербальского на продолжение полемики, опубликовав в «Заре» комментарий «"Русский вестник" о статье "Россия и Европа"», где подчеркивал новизну и оригинальность выводов труда мыслителя, указывал на содержащуюся в нем «новую, более точную формулировку» «вопросов, давно и глубоко интересующих каждого истинно русского человека» и их решения» [27].

Спустя несколько лет другой постоянный автор «Русского вестника» – публицист и экономист В.П. Безобразов в обширном исследовании «Война и революция. Очерки нашего времени» (1873–1874) вновь признал труд Данилевского заслуживающим глубокого внимания и уважения, отмечал, что в сочинении «Россия и Европа» «славянофильские или лучше панславистские воззрения получили, благодаря разнообразной учености и талантливости автора, новые и весьма оригинальные для себя основания» [3, с. 174], однако каких-либо серьезных попыток его анализа все же не предпринял. Решительно заявив, что «с общими выводами этой книги мы всего менее можем быть согласны» [3, с. 174], Безобразов указал на ошибочность, по его мнению, взглядов Данилевского и несоответствие теории культурно-исторических типов реальной действительности. Мысль об особом, отличном от европейского типе славянской цивилизации он оценивал как несостоятельную и писал, что она основана не столько на фактах, сколько «на гадательном истолковании смысла нынешней европейской цивилизации по отношению к будущим, самым отдаленным судьбам всемирной истории» [3, с. 175–176]. Публицист «Русского вестника» настоятельно подчеркивал, что «в настоящем и ближайшем будущем Россия принадлежит к одной и той же системе государств со всеми западноевропейскими народами; она развивается пока те же самые начала, как и Западная Европа», и на ней «не могут не отразиться все события и движения нашего времени» [3, с. 176]. Исходя из сходства основных начал исторического быта России с западноевропейским, он делал вывод о принадлежности России к той же исторической культурной группе, что и все остальные европейские народы и невозможности ее обособления от европейского исторического развития: «Даже в политическом отношении нельзя обособлять Россию от Западной Европы, а должно признать, что обе они идут одной и той же дорогой» [3, с. 182].

Столь скромная оценка труда Данилевского публицистами «Русского вестника» не была случайностью: журнал Каткова с первых лет основания тяготел к западничеству, в нем постоянно делались отсылки к западноевропейской практике, особенно к опыту Англии, в социально-экономической и культурной жизни которой его авторы видели лучший образец для подражания, и потому сама мысль о какой-либо обособленности и уникальности славянской культуры, особой исторической миссии славянских народов в процессе «ниспровержения европейской цивилизации» была чужда программе издания и вряд ли могла вызвать в нем сочувствие и одобрение.

«Славянский», или «восточный», то есть вопрос о взаимоотношениях России с другими населяющими Европу славянскими народами продолжал активно дискутироваться на страницах «Русского вестника» и «Московских ведомостей» в конце 1860-х и на протяжении 1870-х годов в связи с обострением событий на Балканах и набирающим силу движением панславизма, усиливающейся борьбой славянских народов за политическое возрождение и национальную независимость. Но если автор «России и Европы» последовательно проводил идеи политического панславизма и считал необходимым политическое объединение всех славянских племен в Славянскую федерацию во главе с императором всероссийским

и со столицей в Константинополе, то публицисты «Русского вестника» и «Московских ведомостей» рассматривали панславизм исключительно как культурное движение, отражающее объективные устремления славянских народов к объединению, аналогичные таким же стремлениям других европейских народов. «Я говорю не о единстве государственном, но об единстве умственном, – писал один из ведущих публицистов журнала П.К. Щербальский. – В этом отношении между всеми славянскими племенами должно произойти то, что происходило везде при образовании великих умственных центров и великих органов мысли» [37]. В публикациях Е.М. Феоктистова, П.К. Щербальского, К.Н. Леонтьева настойчиво проводилась мысль о единстве славян на основе национально-культурной общности, в которой России отводилась роль оплота православия и объединительного, но отнюдь не политического центра, тогда как, по мнению Данилевского, для сплочения славянских народов в единый славянский мир недостаточно лишь культурного взаимодействия и необходим межславянский политический союз. Историки Е.М. Феоктистов и П.К. Щербальский неоднократно писали о необходимости выработки «вполне сознательной национальной политики», исходящей из интересов России и «единокровных и единоверных» славянских народов [33], но при этом они отрицали какие бы то ни было притязания России на политическое господство. «Ни один здравомыслящий русский не может желать бесконечного растяжения своей государственной территории и увеличения разнообразия в этнографическом разнообразии своего отечества», – писал, в частности, П.К. Щербальский в связи с распространенным в Европе мнением о панславизме как об антизападном «нашествии варваров» [38, с. 148]. К.Н. Леонтьев полагал, что объединение славян в одно государство стало бы «кануном разложения России», и «русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев», на основе чего делал вывод, что «государственное всеславянство может быть куплено только ослаблением русского единого государства» [12]. Сам Катков на вопрос: «Нужно ли России вводить в состав освободившиеся славянские народы?» – отвечал, что «России нужно не расширение своей территории и даже не приращение своего населения; ей нужно, напротив, взаимодействие, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдельно, но не на одной почве. <...> единство между ними не должно быть государственное, а являться выражением только их племенной связи, еще сохранившей свою жизненность» [17]. Словом, в отличие от Данилевского, ни сам Катков, ни его авторы, не видели необходимости в политическом союзе России со славянскими православными народами, что становилось существенным препятствием для сближения ученого с редакцией авторитетных московских изданий.

Столь существенная разница в решении вопроса о путях дальнейшего исторического развития России и Европы и ее взаимоотношений с остальным славянским миром сделала невозможным участие Данилевского в изданиях Каткова в 1860–1870-х годах: последний допускал лишь те публикации, основные положения которых согласовывались с его собственными воззрениями и не имели существенных расхождений с программой издаваемых им газеты и журнала. Сотрудничество литераторов, ученых, общественных деятелей, не разделяющих заявленную редактором точку зрения, было невозможно. Однако военные действия 1876–1878 годов на Балканском полуострове, от исхода которых зависело будущее соотношение сил в Европе, а также связанный с этими действиями патриотический подъем в России способствовали, как можно предположить, возникновению большего понимания между мыслителем и влиятельным московским журналистом, так как, несмотря на разницу в подходах к «восточному вопросу», их взгляды на события на юго-востоке Европы и роль в них России имели, скорее, больше общего, нежели различного. В оценке ситуации на Балканах, которые в указанные годы стали сосредоточением интересов почти всех крупных европейских держав, и Данилевский, и Катков руководствовались в первую очередь национальными интересами и соображениями государственной

пользы. Оба публициста активно включились в ожесточенное информационное противостояние российской и западноевропейской прессы, неуклонно проводя в своих выступлениях мысль, что основная задача и обязанность России заключается в том, чтобы стать лидером и опорой славянского движения, возглавив борьбу балканских славян за независимость.

«Московские ведомости» Каткова, будучи одним из самых влиятельных изданий России и Европы, играли в противостоянии с европейской, в первую очередь проправительственной английской и австрийской прессой, едва ли не ключевую роль, отражая точку зрения значительной части политического истеблишмента России. Они настойчиво внушали своим читателям мысль о кровном братстве и единстве интересов славянских народов и неотступно призывали к немедленному оказанию им помощи. Газета решительно настаивала на том, что российской дипломатии необходимо немедленно отказаться от «политики уступок и мира» по отношению к «концерту европейских держав» и следовать жесткой «политике ультиматума», подобной той, которой она придерживалась в 1863 году во время восстания в Польше и которая позволила избежать постороннего вмешательства в русско-польский конфликт. В передовых статьях звучали призывы к решительным действиям: «Нет, нам нечего озираться по сторонам, нечего опасаться коалиции. Политическое положение благоприятствует нам, если только мы сами не испортим его. Нам стоит только фактически показать, что угрозы нас не пугают, и они сразу умолкнут. К решительному противнику придраться труднее, чем к тому, кто колеблется. Государственная физика учит, что не слабостью и податливостью государства обеспечивают себе мир, а решимостью и готовностью принять любой вызов. Даже малое государство внушает уважение к себе твердостью и готовностью к отпору», – писали «Московские ведомости» в канун заключения Сан-Стефанского мира [18].

Катков и Данилевский были солидарны в понимании опасности, исходящей от коалиции самых могущественных на тот момент европейских держав – Австро-Венгрии и Великобритании, которые отнюдь не стремились к укреплению роли России на Балканском полуострове, свидетельством чему стал пересмотр итогов Сан-Стефанского мирного договора на Берлинском конгрессе летом 1878 года. Принятые в Берлине решения продемонстрировали антироссийский характер политики правительств европейских государств, в том числе и Германии, канцлер которой О. фон Бисмарк объявил себя нейтральным посредником на переговорах, но на деле поддержал требования английской и австрийской делегаций и вынудил Россию принять большую их часть. В опубликованных в петербургских изданиях «Русский мир» и «Русская речь» циклах статей «Война за Болгарию» и «Горе победителям» Данилевский подчеркивал, что ситуация вокруг Балкан и в первую очередь решения Берлинского конгресса подтверждают тезис о противостоянии германо-романского и славянского культурно-исторических типов и о враждебности интересов Западной Европы интересам России. Эти заявления ученого были близки по смыслу передовицам Каткова этого же периода в «Московских ведомостях», в каждой строчке которых сквозила мысль, что геополитические интересы большинства европейских стран враждебны России. Публицист с горечью писал о современном международном положении России, которая, победив в войне, тем не менее проиграла дипломатическую кампанию, так как связала себя вредной политикой «так называемой солидарности» с Европой. В унижительных для России решениях Берлинского конгресса Катков, как и Данилевский, видел смертельную обиду и кровное оскорбление, нанесенное европейскими державами России, оплатившей своей кровью свободу балканских славян: «Мы присутствуем при неслыханном в истории обмане громадных размеров, – негодовали «Московские ведомости» после подписания соглашений в Берлине. – Чему более удивляться, грубости ли средств, употребленных в

дело, или расчетам главных виновников обмана на его окончательный успех? Сколько бы ни пришлось нам испытать горьких оскорблений, обман падет окончательно все-таки на голову своих виновников...» [19].

Близость позиций Данилевского и Каткова по вопросам внешней политики России сохранялась и после завершения Берлинского конгресса, когда геополитическое положение России существенно изменилось в худшую сторону вследствие утверждения прав Австро-Венгрии сначала в Сербии, а затем и в Болгарии, вытеснения России с Балкан и разрыва ее отношений с Болгарией. Оба публициста были убеждены, что в изменившейся ситуации наиболее приемлемым союзником России в Европе может стать Франция, где после поражения Парижской коммуны утвердилась власть Третьей республики. По мнению Данилевского, союз с Францией уравнивает геополитическую ситуацию в Европе и создаст преграду на пути набирающей силы объединенной Германии. «Усилившаяся Германия, – писал он, – непременно выкажет со всею яростью и очевидностью противоположность политических целей и стремлений немецких и русских, и Россия вынуждена будет выступить на защиту самых существенных своих интересов, нераздельных с интересами всего славянства» [9, с. 135]. Со своей стороны и Катков в 1880-х годах в «Московских ведомостях» неоднократно поднимал вопрос о преимуществах союза с Францией, исходя при этом, как и Данилевский, из соображений государственной пользы и практической целесообразности. С присущей ему настойчивостью он доказывал, что России в ее отношениях с другими странами необходимо следовать политике «полной свободы действий», не допускающей «никаких заранее заключенных обязательств или обещаний, в какой бы то ни было форме данных» [10, л. 3–10], но в целях противодействия антироссийским коалициям европейских держав все же необходимо заключить оборонительное соглашение с Францией, которое, по его мнению, позволило бы «сохранить наше достоинство, уберечь наши интересы, приобрести должную силу в Европе и подобающий России авторитет на Востоке», тогда как подобное соглашение с Германией, напротив, ослабило бы Россию и поставило бы ее «неизбежно в подчиненное положение» [11, л. 19–25].

Политический рационализм, свойственный как Данилевскому, так и Каткову, в оценке внешней политики России, как представляется, явился основной причиной участия ученого в консервативных московских изданиях в 1880-х годах. С другой стороны, на его решение публиковаться у Каткова, возможно, повлияло отсутствие других, столь же авторитетных консервативных изданий, программа и направление которых соответствовали бы его общественно-политическим взглядам. Так, к началу 1880-х годов прекратилось столь успешно начатое сотрудничество Данилевского в основанной генералом М.Г. Черняевым газете «Русский мир» и журнале А.А. Навроцкого «Русская речь»: направление «Русского мира» после смены издателя к концу 1870-х годов резко изменилось на либеральное, а «Русская речь», не приобретя успеха у публики, прекратила издаваться в 1882 году. Организованные в 1883 году по инициативе Ф.М. Достоевского «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества», публиковаться в которых настойчиво приглашал Данилевского Н.Н. Страхов («Это будет лучше моей “Зари” и Вашей “Русской речи”» [28, с. 453–454]), имели сугубо научный характер и относительно ограниченную аудиторию. Участие в издаваемой с 1880 года славянофилами газете «Русь» тоже, видимо, не совсем удовлетворяло мыслителя: по свидетельству Н.Н. Страхова, это издание казалось ученому скучным и напоминало департаментские бумаги [29, с. 464]. Да и сам Страхов, добровольно взявший на себя обязанности издателя трудов Данилевского, с горечью отзывался в своих письмах к мыслителю о петербургской прессе: «Прислушиваясь к теперешним реакционным суждениям, я все больше огорчаюсь: все та же бестолковщина и тупость» [29, с. 464].

Напротив, в изданиях Каткова сотрудничали многие единомышленники Данилевского. Так, его ближайший друг – сенатор и видный государственный деятель эпохи реформ

Александра II Н.П. Семенов, с которым ученый познакомился еще во время учебы в Царскосельском лицее, с 1860-х годов был постоянным сотрудником «Русского вестника», помещая в нем статьи о крестьянской реформе и новых экономических отношениях в аграрной сфере. Сестра Семенова, Н.П. Грот также сотрудничала с Катковым: под инициалами «Н.Г.» она помещала в «Московских ведомостях» статьи по педагогическим вопросам, а ее супруг, академик Я.К. Грот, был автором фундаментальных историко-литературных изысканий в «Русском вестнике». С редакцией этого журнала был тесно связан и Ф.М. Достоевский, с которым Данилевский познакомился еще в 1840-х годах в кружке М.В. Петрашевского. Как можно предположить, окружение сыграло немалую роль в сближении ученого с авторитетными московскими изданиями: в 1881 году в «Московских ведомостях» была опубликована его статья «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”» – своего рода политический манифест мыслителя, здесь же печатались его естественнонаучные статьи, посвященные борьбе с филлоксерой – незаметными глазу насекомыми, нашествие которых угрожало уничтожить значительную часть виноградников крымского южного бережья; в «Русском вестнике» в 1882 году был помещен экономический труд «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов». Уже после смерти Данилевского в журнале Каткова были напечатаны выдержки из третьей, незавершенной части его фундаментального труда «Дарвинизм».

К сожалению, нам не удалось найти каких-либо документов, свидетельствующих о знакомстве Данилевского с Катковым, однако можно с полной уверенностью утверждать, что появление его имени в московских изданиях в 1880-х годах было далеко не случайным. При «направленческом» характере журналистики второй половины XIX века в большинстве газет и журналов, как правило, складывался круг авторов-единомышленников, взгляды которых отвечали направлению издания и соответствовали заявленной в нем общественно-политической программе. Издания Каткова, который был весьма взыскателен и избирателен в выборе авторов и сотрудников, не являлись исключением. Данилевский, несомненно, во многом разделял убеждения влиятельного московского публициста и сочувствовал его программным заявлениям в «Московских ведомостях», называя эту газету изданием, в котором «никогда не помещается не только статей, заведомо искажающих истину, но и статей, легкомысленно относящихся к серьезному делу» [6].

Свидетельством того, что многое в общественно-политической концепции «Московских ведомостей» было созвучно взглядам ученого, может служить его статья «Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей “либеральной прессы”», опубликованная в мае 1881 года. Сходство основных положений этой статьи, опубликованной спустя лишь несколько недель после трагической гибели императора Александра II, с передовицами самого Каткова этого же периода очевидно. Оба публициста сходились в убеждении, что введение конституции, идея которой широко обсуждалась в среде либеральной интеллигенции в связи с деятельностью министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова и проводимой им либеральной внутренней политики, получившей название «диктатуры сердца», в России абсолютно неприемлемо и даже абсурдно. В самодержавной власти Катков видел единственно возможную в России форму правления, и после трагедии 1 марта с еще большей энергией и решительностью продолжал отстаивать необходимость сохранения в России неограниченной монархии в ее традиционной для страны форме, заявляя, что любое представительство есть «шаг более или менее широкий на пути ослабления власти». «Нет, конституция в России совершенно и абсолютно невозможна, – вторил Каткову Данилевский. – <...> Державность и верховенство народа, понимаемые в смысле управления внешними и внутренними делами государства на основании воли народа, есть фикция, абсурд, нелепость» [7].

По глубокому убеждению мыслителя, в России «внешнее формальное ограничение царской власти <...> немислимо и неосуществимо; оно осталось бы пустою формою, не дающею никаких других гарантий или обеспечений политических и гражданских прав, кроме тех, которые верховная власть хочет предоставить своему народу, насколько и когда этого хочет», тогда как сохранение неограниченной монархии он полагал жизненно необходимым для нашей страны, могущество которой напрямую связывал с сильной властью и строгой централизацией. Правда, в отличие от Каткова, который первоосновой самодержавного государства считал неограниченную волю государя, Данилевский видел эту основу в русском народе, которому, по его мнению, было присуще такое понятие о верховной власти, которое делает «русского государя самым полноправным, самодержавным властителем», и таким образом русское государство есть «выражение воли народа его образующего, осуществление его коренных политических воззрений». Причину нарастающей популярности радикальных теорий, которые в 1880-х годах уже невозможно было игнорировать, и Катков, и Данилевский, видели в российской интеллигенции, в ее безудержном стремлении во всем следовать Европе, брать за образец западные либеральные институты и т.п., и лучшей гарантией безопасности государства, сохранения его целостности и могущества, считали русский народ, который «всегда был силен своим патриотическим духом, своей единодушной преданностью престолу, чувством своего безусловного “абсолютного” единства с Царем» [20], «всегда отличался безусловной преданностью своему законному Государю, в котором видит свою собственную, Богом дарованную ему власть, оплот и силу своего государственного бытия, свое олицетворение» [21].

Как можно предположить, влиятельные издания М.Н. Каткова, к голосу которых прислушивались не только высокопоставленные государственные сановники, но и сам император Александр III, привлекали Данилевского и тем, что давали ему возможность обратиться не только к весьма обширной аудитории, но в первую очередь к политическому истеблишменту, позволяя тем самым рассчитывать не только на широкий общественный резонанс, но и на практическую реализацию его идей. Так, в труде «Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов» Данилевский предлагал систему мер по ликвидации бюджетного дефицита – эта задача являлась одной из первоочередных для российской экономики 1880-х годов. Для ее реализации ученым была проанализирована зависимость денежного курса от торгового баланса государства и логично и убедительно, на основе большого количества статистической информации и фактических данных, собранных во время многочисленных поездок по разным регионам страны, доказана необходимость введения покровительственной тарифной системы как основного источника повышения государственных доходов России. «России нужно покупать как можно меньше и стараться сколько возможно заменять предметы, ввозимые из-за границы, предметами внутреннего производства, и этим путем достигать обращения торгового и вообще расчетного баланса на свою выгоду, а никак не стремиться усилить вывоз до сравнения его со ввозом», – убежденно писал Данилевский, подчеркивая, что «изо всех обширных государств Россия имеет наименее благоприятные условия для ведения обширной внешней торговли, ибо не имеет никакого специального продукта вывоза, а по отношению к сырым продуктам соперничающие с ней страны имеют пред ней естественные преимущества по климату, почве, удобствам сбыта» [8, с. 520]. В публикации подробно анализировались меры, способствующие сокращению вывоза металлических денег за границу, в частности, предлагалось сократить правительственные заграничные заказы и даже наложить значительные пошлины на заграничные паспорта, чтобы таким путем убедить россиян отказаться от продолжительных зарубежных поездок. С большим воодушевлением ученый высказался против монополизации железных дорог и

поддержал пропагандируемую в этот период в «Московских ведомостях» идею их выкупа правительством, подчеркнув, что только таким образом они могут «оказать все свое благодетельное влияние на общественное благосостояние» [8, с. 532].

Работа Данилевского, без сомнений, была с одобрением и сочувствием встречена в редакции катковских изданий, которые с конца 1870-х годов энергично выступали в защиту курса на развитие отечественного производства. В них последовательно проводилась мысль, что России необходимо ориентироваться на национальное производство, стремиться к созданию собственной обрабатывающей промышленности, вводить покровительственные пошлины на иностранную продукцию. В передовых статьях «Московских ведомостей» велась пропаганда протекционистской политики и ожесточенно критиковались действия министра финансов Н.Х. Бунге, сторонника либеральной экономической доктрины и «свободного рынка», подчеркивалось, что вывоза дешевое сырье и полуобработанные материалы и ввоза их назад, но уже в обработанном виде и по гораздо более высоким ценам, наше государство таким образом оплачивает труд иностранных рабочих и тем самым обедняет собственное работающее население, лишая его «значительной заработной платы за обработку этих продуктов и тем сокращая денежные средства народа» [23].

Публикация Данилевского в «Русском вестнике» стала одним из наиболее весомых и аргументированных выступлений отечественной печати в защиту покровительственных мер в экономике, а многие из предложенных ученым мер по ликвидации бюджетного дефицита легли в основу финансовой политики России в 1890-х годах. Это отнюдь не было случайностью. Статья произвела сильное впечатление на предпринимателя и финансиста И.А. Вышнеградского, многолетнего корреспондента Каткова и постоянного автора статей по финансовым вопросам. Он даже «не прочёл, а изучил» [30, с. 126] ее по совету своего школьного товарища Н.Н. Страхова, и, как видно, строгая и четкая аргументация ученого, наглядность и весомость его доказательств произвели на него сильное впечатление: в письме Страхову Вышнеградский признался, что «в первый раз нашел совершенно ясное доказательство покровительственной системы» [30, с. 126]. В январе 1887 года И.А. Вышнеградский сменил на посту министра финансов Н.Х. Бунге, причем его назначению в немалой степени способствовал Катков (в околоправительственных кругах Вышнеградского прямо называли креатурой редактора-издателя «Московских ведомостей»). За несколько лет пребывания в этой должности (с января 1887 по апрель 1893 года) он во многом реализовал основные предложения, изложенные в публикациях Данилевского и Каткова, в частности усилил протекционизм в отношении отечественной промышленности и принял меры по ликвидации бюджетного дефицита.

Последняя публикация Данилевского на страницах изданий Каткова состоялась уже после смерти ученого: в пятом и шестом номерах «Русского вестника» за 1887 год были напечатаны выдержки из третьей, неоконченной части его фундаментального труда «Дарвинизм» – «Экспрессия, или выражение чувств у человека и животных», споры вокруг которого стали одним из самых ярких и интересных эпизодов «дарвиновской темы» на страницах отечественной периодической печати [13, 26]. Две первые части труда, в котором ученый на основе собственных естественнонаучных наблюдений над флорой и фауной и накопленного в течение всей жизни огромного эмпирического материала подверг критическому переосмыслению основные положения теории Ч. Дарвина о происхождении видов путем естественного отбора и доказывал, что борьба за существование не играет главной роли в эволюции растений и общества, вышли отдельным изданием в 1885 году, а третья, к сожалению, осталась незавершенной и не вошла в издание.

Что привлекло внимание Каткова – издателя и редактора, к неоконченному труду Данилевского? Можно предположить, что его интерес был обусловлен не столько естественнонаучной значимостью последней работы мыслителя, сколько полемикой с демо-

кратической прессой, принимавшей год от года все более ожесточенный характер. Для представителей демократического лагеря – публицистов журналов «Дело» и «Отечественные записки», которые видели в естественных науках основу рационального преобразования общества и, придавая учению Дарвина универсальный характер, нередко переносили принципы борьбы за существование и естественного отбора на законы человеческого общества, дарвинизм стал основой для формирования новых мировоззренческих и идеологических установок и воспринимался как краеугольный камень революционной идеологии. В ответ на вульгарное, упрощенное истолкование основных положений дарвиновской теории авторы «Русского вестника» – А.П. Лебедев, И.Ф. Цион и др. пытались показать ущербность, односторонность увлечения исключительно естественными науками, недопустимость рассмотрения естественнонаучных выводов применительно к социальной жизни. Строго научный подход Данилевского, при котором открытия английского естествоиспытателя рассматривались не только как гипотеза в области естествознания, но и как философская теория, логичность и последовательность приводимых ученым доказательств делали его труд весомым аргументом консерваторов в борьбе с революционными демократами и их сторонниками.

Усилению полемического характера публикации Данилевского способствовала предпосланная ей статья Н.Н. Страхова, опубликованная в первой книге «Русского вестника» за 1887 год и весьма вызывающе и даже сенсационно озаглавленная «Полное опровержение дарвинизма». Горячий поклонник и последователь мыслителя, труд которого он оценивал как «истинный подвиг русского ума и русского чувства», «честь русской ученой литературы» [31, с. 62], Страхов запальчиво заявил, что тем, «кто не читал книги Н.Я. Данилевского, тому теперь решительно нельзя давать права говорить о знаменитой теории; а кто читал и вник в дело, тот с изумлением увидит, что писания ее сторонников, начиная с самого основателя Дарвина и кончая последними продолжателями, представляют такие прорехи и недосмотры, что явным образом расходятся по всем швам» [31, с. 58].

Он без обиняков обвинил последователей английского естествоиспытателя в превращении его гипотезы в одно из «характернейших и распространеннейших заблуждений нашего века» и потребовал отказаться от дарвиновской теории «без всякого остатка», потому что «вопрос, ею разрешаемый, требует совершенно других исходных точек и других приемов» [31, с. 58]. Пламенный публицист и блестящий полемист, Страхов не забыл о естественнонаучных доводах и подробно остановился на палеонтологических, биогеографических и биостатистических изысканиях Данилевского, сопроводив их ссылками на труды таких крупных ученых-естественников, как К.Э. Бэр, Л. Агассис, А. Мильн-Эдвардс, А.Т. Броньяр, М.-Ж. Флуранс, Ж.-Л. Катрфаж и др., также доказывающих несостоятельность теории Дарвина.

Восторженный отзыв Страхова о книге Данилевского, пафос которого был направлен против тех, кто стремится приспособить дарвиновские идеи к политической «злобе дня», вызвал многочисленные возражения со стороны авторитетных сторонников учения Дарвина и спровоцировал оживленную журнальную полемику. Ответом на это выступление стала статья К.А. Тимирязева «Опровергнут ли дарвинизм?» в журнале «Русская мысль» [32], в дальнейшем к полемике присоединились философы Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов, академики А.С. Фаминцын, А.П. Карпинский... Дискуссия вышла далеко за рамки обсуждения сугубо естественнонаучных проблем и приобрела общеполитический, мировоззренческий характер.

Так, В.В. Розанов, не будучи специалистом в области естественных наук, в опубликованной в «Русском вестнике» статье «Вопрос о происхождении организмов» рассмотрел теорию Дарвина с философской точки зрения, поставив под сомнение общетеоретические положения дарвинизма. «Высокий интерес, который связан с теорией Дарвина и ее кри-

тикой, – отмечал Розанов, – обусловлен тем, что она явилась косвенным разрешением вопроса, в течение длительного ряда веков тревожившего человеческое сознание, вопроса о причинности и целесообразности» [24]. Данная дискуссия способствовала выработке культуры научной и философской полемики, формированию критического мировосприятия, но в то же время споры вокруг учения Дарвина и дарвинизма все больше приобретали политический характер: защита дарвиновских идей воспринималась едва ли не как часть политической борьбы с правительством, тогда как критика дарвинизма приобретала оттенок «ретроградства» и обскурантизма. Фундаментальный труд Данилевского был надолго исключен из предметной области естественных наук как «несостоятельный», а журнал Каткова, однозначно вставший на сторону мыслителя, стал предметом осуждения и порицания со стороны либерально настроенной научной общественности. Стоит, однако, отметить, что в XX веке антидарвинистская теория имеет сторонников в лице Л.С. Берга, А.А. Любищева, С.В. Мейена, а предпринятый в последние годы современными учеными-эволюционистами анализ трудов Данилевского [15, с. 35–36] подтвердил правоту многих сделанных им выводов и привел к убеждению в его актуальности в контексте концепции множественности устойчивых состояний сложных природных и социальных систем.

Подводя итоги, можно отметить, что несмотря на разницу воззрений Данилевского и Каткова сближало общее для обоих публицистов стремление к противодействию усиливающимся в обществе радикальным настроениям, понимание пагубности бездумной и неоправданной замены отечественного социально-политического опыта зарубежными аналогами, а также желание поддержать традиционные ценности нации и государства, убедить общество сохранить связь с культурой и историей предшествующих поколений. Их консерватизм во многом может быть отождествлен с первоначальным значением латинского “conservare” – «сохранять», «сберечь». Если воспользоваться определением философа Н.А. Бердяева, Данилевского и Каткова объединяло стремление препятствовать «движению назад и вниз, к хаотической тьме, к возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур» [5, с. 97], в их взглядах нашла отражение «здоровая реакция против насилия над органической природой, против покушения на убиение жизни, которая хочет быть длящейся», а заложенное в их публицистических выступлениях консервативное начало было само по себе не противоположно развитию, но лишь требовало, «чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать» [5, с. 100].

Литература

1. *Дубина В.С.* Русский консерватизм и Н.Я. Данилевский: дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2000.
2. *Бартенев П.И.* Из записной книжки «Русского архива» // Русский архив. 1912. Кн. 3.
3. *Безобразов В.П.* Война и революция: Очерки нашего времени // Русский вестник. 1872. № 9.
4. *Белинский В.Г.* Письмо В.П. Боткину. 4 октября 1840 г. / В.Г. Белинский // Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 11. М., 1956.
5. *Бердяев Н.А.* О консерватизме / Н.А. Бердяев // Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923.
6. *Данилевский Н.* Ответ на корреспонденцию «Из Крыма» в № 50 «Московских ведомостей» // Московские ведомости. 1881. 14 апреля. № 102.
7. *Данилевский Н.* Несколько слов по поводу конституционных вождедений нашей «либеральной прессы» // Московские ведомости. 1881. 20 мая. № 138.
8. *Данилевский Н.Я.* Несколько мыслей по поводу низкого курса наших бумажных денег и некоторых других экономических явлений и вопросов // Русский вестник. 1882. № 8.
9. *Данилевский Н.Я.* Россия и франко-германская война // Горе победителям. М., 1998. С. 135.
10. *Катков М.Н.* Письмо Александру III. 1887. Январь. Санкт-Петербург // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 48.
11. *Катков М.Н.* Письмо Александру III. 1887. Март. Санкт-Петербург // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 45.
12. Константинов Н. [Леонтьев К.Н.] Панславизм и греки // Русский вестник. 1873. Кн. 2.

13. *Кругликова О.С.* Эволюционная теория Дарвина в отражении русской консервативной и либеральной прессы второй половины XIX в. // Вестник Московского государственного университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 5.
14. *Любимов Н.А.* Михаил Никифорович Катков: По личным воспоминаниям // Русский вестник. 1888. Кн. 1.
15. *Назаров В.И.* Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. М.: ЛКИ, 2007.
16. *П.Ш. [Щебальский П.К.]* Литературные заметки // Русский вестник. 1869. № 5.
17. Передовая статья // Московские ведомости. 1867. 14 мая. № 105.
18. Передовая статья // Московские ведомости. 1878. 17 февраля. № 46.
19. Передовая статья // Московские ведомости. 1878. 28 июня. № 164.
20. Передовая статья // Московские ведомости. 1881. 1 мая. № 119.
21. Передовая статья // Московские ведомости. 1881. 20 мая. № 138.
22. Передовая статья // Московские ведомости. 1884. 12 января. № 12.
23. Передовая статья // Московские ведомости. 1886. 10 января. № 10.
24. *Розанов В.В.* Вопрос о происхождении организмов // Русский вестник. 1889. Кн. 5.
25. *Розанов В.В.* Суворин и Катков // Новое время. 1997. Кн. 7.
26. *Снетова Н.В.* Учение Чарльза Дарвина в критической рефлексии Николая Данилевского и Николая Страхова (из истории дарвинизма в России) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. 2017. Вып. 1.
27. *Страхов Н.Н.* «Русский вестник» о статье «Россия и Европа» // Заря. 1869. № 7.
28. *Страхов Н.Н.* Письмо Н.Я. Данилевскому. 7 февраля 1882 г. Санкт-Петербург // Русский вестник. 1901. № 2.
29. *Страхов Н.Н.* Письмо Н.Я. Данилевскому. 21 марта 1883 г. Санкт-Петербург // Русский вестник. 1901. № 2.
30. *Страхов Н.Н.* Письмо Н.Я. Данилевскому. 29 ноября 1883 г. Санкт-Петербург // Русский вестник. 1901. № 3.
31. *Страхов Н.Н.* Полное разоблачение дарвинизма // Русский вестник. 1887. Кн. 1.
32. *Тимирязев К.А.* Опровергнут ли дарвинизм? // Русская мысль. 1887. Кн. 5.
33. *Феоктистов Е.М.* Россия и Сербия перед последней восточной войной // Русский вестник. 1869. Кн. 11.
34. *Феоктистов Е.М.* Письмо М.Н. Каткову. 9 июля. Б.г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 38.
35. *Чайковский Ю.В.* Активный связный мир: Опыт теории эволюции жизни. М.: Т-во научных издательств КМК, 2008.
36. *Шадрин Н.В.* Критика дарвинизма Н.Я. Данилевским: современный взгляд // Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма. Симферополь, 2015.
37. *Щебальский П.К.* Прегний и нынешний панславизм // Русский вестник. 1867. Кн. 4.
38. *Щебальский П.К.* Глава из современной истории // Русский вестник. 1870. Кн. 9.

Аннотация. В статье анализируется участие Н.Я. Данилевского в изданиях авторитетного консервативного публициста 1860–1880-х годов М.Н. Каткова – журнале «Русский вестник» и газете «Московские ведомости». Выявляются причины, сблизившие мыслителя с редакцией влиятельных консервативных изданий, анализируется общность позиций Данилевского и Каткова по ряду важнейших вопросов внутренней и внешней политики России. Особое внимание уделяется «славянскому вопросу», в решении которого между Данилевским и литераторами круга Каткова имелась существенная разница, не помешавшая, однако, сотрудничеству ученого в указанных изданиях в 1880-х годах. Сделана попытка определить место опубликованных уже после смерти Данилевского в «Русском вестнике» выдержек из третьей, неоконченной части его труда «Дарвинизм» в полемике вокруг учения Ч. Дарвина между изданиями Каткова и либерально-демократической печатью 1880-х годов.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, М.Н. Катков, «Русский вестник», «Московские ведомости», консерватизм, «славянский вопрос», протекционизм, дарвинизм.

Elena V. Perevalova, PhD in Philology, Associate Professor, Head, Journalism and Mass Communications Department, M.F. Nenashev Moscow Polytechnic University. E-mail: helenpv@yandex.ru

N.Ya. Danilevsky's Participation in M.N. Katkov's Periodicals in 1880s

Abstract. The article analyzes the participation of N.Ya. Danilevsky in the periodicals of the authoritative conservative publicist of the 1860–1880s M.N. Katkov – “Russian Vestnik” magazine and “Moscow Vedomosti” journal. The author identifies the reasons that brought together the thinker and the editors of influential conservative periodicals and analyzes the common views of Danilevsky and Katkov on a number of important issues of Russian domestic and foreign policy. Special attention is paid to the “Slavic question”, which was differently interpreted by Danilevsky and the writers of the Katkov’s circle, however that did not prevent the thinker to participate in those periodicals in the 1880s. The author of the article attempts to determine the role of the fragments of the third, unfinished part of Danilevsky’s work “Darwinism” published after his death in the «Russian Vestnik», in the polemics over the teachings of Charles Darwin that went on in Katkov’s periodicals and the liberal democratic press in the 1880s.

Keywords: N.Ya. Danilevsky, M.N. Katkov, “Russian Vestnik”, “Moscow Vedomosti”, Conservatism, “Slavic Question”, Protectionism, Darwinism.

Славянофильство в народнической перспективе: интерпретация славянофильства 1840–1880-х годов в публицистике Н.К. Михайловского*

Методологическое введение

Интерпретация, вероятно, любого относительно долговременного и более или менее влиятельного интеллектуального движения предполагает по меньшей мере два важных ракурса:

– во-первых, попытку имманентного описания, интерпретации направления/движения/интеллектуального круга, исходя из внутренней логики, развития ключевых идей, лежащих в его основании, – соответственно в данном случае определяя историю с точки зрения образования, формирования этого круга/системы идей, – и вплоть до того, как изменения уже не позволяют говорить о сохранении прежней системы, когда приходится констатировать ее распад или существенную перестройку, выход на передний план не обязательно иных, но исходно второстепенных положений, а значит оценку того, что ранее понималось как фундаментальное, в качестве второстепенного, необязательного;

– во-вторых, описание через оппозиции и/или соотнесения с другими интеллектуальными позициями, направлениями, движениями, которое при этом в свою очередь может быть дано по меньшей мере в трех планах: 1) *синхронности*, описания и анализа соотношений на какой-либо момент времени – формирования, расцвета, упадка, если пользоваться с долей риска органической метафорикой, что через соединение моментов ведет нас к 2) *диахронии* – и в этом случае акцент может быть сделан на меняющихся оппозициях, где исходное противопоставление, значимое для формирования, затем уходит на второй план или вовсе снимается/исчезает, заменяясь другими. И, наконец, мы можем описывать интеллектуальный феномен, накладывая на него более или менее вневременную сетку понятий, анализировать его в рамках какой-либо большой 3) *структуры* – например, идеологий XIX века («консерватизма, либерализма, социализма»), усложнять наложением других осей («национальное», «сословное», «классовое», «религиозное») и т.д. И столь же понятно, что третий, структурный план не противоречит двум первым, выступая в конкретном исследовании либо исходной сеткой, которая затем конкретизируется через «моменты времени», «события» или «длительность», либо, напротив, выступая итогом, обретая определенность через собирание, наложение оппозиций, зафиксированных в конкретных обстоятельствах изучаемого места и времени.

* Работа была выполнена в рамках гранта РНФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете имени И. Канта.

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИГН БФУ имени И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ имени И. Канта. E-mail: mestr81@gmail.com

О лицах, ситуации времени и изменяющемся контексте

Применительно к русскому славянофильству два со значительной долей условности выделенных ракурса описания дают, на наш взгляд, весьма продуктивный интерпретативный результат – не только с точки зрения понимания собственно славянофильства, но во многом и осмысления русской интеллектуальной истории последних двух третей XIX – начала XX века. Позволим себе отметить несколько основных вех, возникающих в результате взаимоналожения описаний.

Прежде всего история славянофильства распадается на два существенно разных этапа, обусловленных структурными отношениями с другими идейными/идеологическими позициями. Для первого этапа, который условно можно датировать 1838/1839 – начало 1850-х годов, основная оппозиция, хорошо известная из историографии, пролегает между «западниками» и «славянофилами». Poleмика между двумя этими направлениями, осмысляемыми П.В. Анненковым в позднейших, созданных в 1870-х годах мемуарах как части русского либерализма, собственно и приводит к их конституированию – обретению формы и узнаваемых (верно или ложно приписываемых) идейных черт. При этом полемизирующие направления вполне предсказуемо пытаются сблизить оппонентов с другими, выходящими за пределы дихотомии, направлениями, смешивая (сознательно или нет) с ними, указывая на сближения как на проявления внутренней логики. Так, для «западников» (прежде всего для Белинского) будет характерно представление «славянофилов» как более или менее единой в идейном плане группы, включающей и М.П. Погодина, и А.С. Хомякова, и К.С. Аксакова, и издателей журнала «Маяк»¹. С другой стороны, «славянофилы» будут охотно отмечать и подчеркивать черты, сближающие «западников» с имперской бюрократией, позицию одновременно «сверху вниз» (от лица «знания-власти» и одновременно от лица «просвещенного Запада», позицию «агентов») и т.п.

Второй, существенно другой этап истории славянофильства наступает с распадом, исчезновением «западничества» как относительно цельного направления. Если в первой половине 1850-х происходят еще своего рода «арьергардные» бои, когда «Отечественные записки» и «Современник» делят полемику, повторяя устоявшиеся ходы и риторические конструкции, то вторая половина 1850-х окончательно снимает единство «западничества». Следствием этого оказывается, что теперь «славянофильство» выступает в сложной конфигурации по отношению к массе других направлений, от демократически-разночинческого «Современника» до сословно-консервативной «Вести» и т.д. Не менее важно и то, что в оптике других направлений «славянофильство» предстает не дихотомически определяемым оппонентом, а частью интеллектуального ландшафта. Если для самих славянофилов речь идет о сохранении целостности учения, «наследства», оставленного А.С. Хомяковым, братьями И.В. и П.В. Киреевскими, К.С. Аксаковым, то для других направлений «славянофильство» еще и нечто, имеющее историю, с проблематичным соотношением

¹ Отметим попутно, что этого рода позиция выйдет далеко за пределы полемического приема, повлияв (и отчасти влияя по сей день) на последующую историографию. Так, Г.В. Плеханов в статье о Погодине [14, с. 45–101], написанной в самом начале 1910-х, фактически отождествит его взгляды со взглядами «славянофилов» в целом (в свою очередь Н.Л. Рубинштейн в «Русской историографии» начнет историографический анализ славянофильства с критического расторжения этих позиций [15, с. 273]). Но обращение к более или менее современным работам, например, к монографии Р. Виттекера 1980-х годов [4], демонстрирует употребление характеристики воззрений того или иного персонажа как «славянофильских» в качестве весьма широкой. Так, славянофилом оказывается И.И. Давыдов и ему подобные. Видимо, в данном случае под «славянофильством» понимается некое весьма расплывчатое охранительство/консерватизм с националистическими обертонками (вследствие чего, отметим попутно, характеристика «почвенничества» многое утрачивает, поскольку позиция отталкивания оказывается размытой, полемичность противопоставления, стремление найти «третью», иную позицию вне спора «западников» и «славянофилов» становится менее внятной, чем могла бы быть).

между нынешним и прошлым, возможностью разграничения между «славянофильством» как оппонентом «западничества», историей 1840-х годов и современными дебатами.

Другой важный аспект – соотнесение и осмысление «славянофильства» со стороны направлений/течений русской мысли, которые так или иначе оказывались претендующими на темы/сюжеты/ключевые понятия, с ним связанные и/или ассоциирующиеся. И здесь мы непосредственно переходим к основному сюжету данного эссе – анализу осмысления славянофильства и размещения его в историческом пространстве истории русской общественной мысли со стороны одного из ключевых представителей «народнической» публицистики (хотя сам он за собой характеристику «народника» неизменно отвергал) Н.К. Михайловского¹. Это актуально уже постольку, поскольку восходящее к Герцену направление «русский социализм», одним из наиболее заметных теоретиков которого в 1870–1890-х годах был Михайловский, в самом своем генезисе во многом осмыслялось как сближение со славянофильством, усвоение и переосмысление славянофильской проблематики². Следовательно, не только понимание славянофильства, но и установление отчетливых линий демаркации было актуальным как в интеллектуальном, так и в политическом плане.

Михайловский и его суждения о славянофильстве 1870–1890-х годов

Отметим, что собственно «полемика со славянофилами» в публицистическом наследии Михайловского встречается весьма редко и не представляет, на наш взгляд, существенного интереса³. Это связано с обстоятельствами преимущественно внешнего, объективно-

¹ «Народнической» публицистике и Н.К. Михайловскому посвящен огромный массив публикаций. Мы отсылаем к работам В.В. Блохина, исследователя, наиболее интенсивно в последние два десятилетия работающего над данными сюжетами, и к библиографии, помещенной в указанных монографиях [1–3].

² Приведем именно в силу типичности, расхожести суждение А.П. Милюкова из небольшого мемуарного очерка о Герцене, с которым он встречался в Лондоне в 1857 году: «Мне показалось даже, что в это время Герцен, по некоторым своим суждениям, приближался к той партии, которую прежде так беспощадно осмеивал. В его взглядах на русский народный характер, на общину и круговую поруку было много общего с славянофильскими журналами; а отзывы его о европейском обществе в отношении к явлениям, возникшим после событий 1848 и 1849 годов, невольно напоминали известные иеремиады о гниющем Западе. Что касается вопроса об освобождении крестьян, то во всех главных основаниях его он прямо примыкал к славянофилам. Я думаю, что впоследствии он мог бы согласиться и с другими принципами этой партии, за исключением разве ее религиозных убеждений» [7, с. 141–142].

³ Так, в начале 1882 года, посвящая очередные ежемесячные заметки полемике с Аксаковым, Михайловский обстоятельно опровергает взгляд на благочестие Московской Руси, приписывая этот взгляд славянофилам и Аксакову в частности. Обращаясь к брадобритию и нравам, Михайловский, ссылаясь на статью известного историка русского права И.И. Дитятина, пишет: «<...> почитание бороды осложнилось религиозным характером. Этому способствовала и церковная иконопись, изображавшая святых обыкновенно с бородами. Но было и еще одно обстоятельство, способствовавшее к брадобритию. Сопоставляя различные показания современников на счет брадобрития и содомского греха, сильно развившегося в лучезарный московский период русской истории, надо признать, что бороды брили те несчастные или подлые твари мужеского пола, но женского назначения, которые служили грязнейшим инстинктам бородатых людей. Отсюда, по предположению г. Преображенского, столь непомерно суровое постановление стоглавого собора, отсюда же (между прочим, разумеется) и такое презрение к бритым. Справедливо это предположение или нет, но читатель видит, что разделение на бритых и небритых существовало и в московской Руси, но что разделение это, при полной невинности относительно чреды образованности, целокупно свидетельствовало о глубочайшем нравственном падении...» [12, с. 580]. При этом Михайловский целиком игнорирует главный в данном аспекте славянофильский тезис, проводящий грань между допетровскими временами и Петровским периодом русской истории, как различие между культурно однородным обществом, где между разными сословиями существуют многообразные отличия, но нет пропасти, и петровской реформой, создавшей феномен двух культур – европеизированных образованных слоев и сохраняющего прежние культурные формы большинства («народа»). Смысл этого игнорирования вполне прозрачен, исходя из общей интерпретации Михайловским славянофильства и позиции Аксакова 1880-х как стремления говорить от лица и по поводу «России» в целом, «нации», а не о фундамен-

го характера. С конца 1860-х – начала 1870-х годов – к тому моменту, когда Михайловский становится заметной фигурой в русской журналистике, когда на страницах «Отечественных записок» появляются его статьи «Что такое прогресс?» (1869), «Аналогический метод в общественных науках» (1869), «Суздальцы и суздальская критика» (1870), «Теория Дарвина и общественная наука» (1870–1873) и авторские ежемесячные заметки, объединяемые в циклы (например, «Из литературных и журнальных заметок», 1872–1873)¹, – «славянофильство» как отдельная позиция, представленная в конкретных печатных органах, фактически отсутствует². А уже в ситуации первой половины 1880-х, когда в общественном пространстве Российской империи заметно присутствует аксаковская «Русь» (1880–1886), она рассматривается во многом как часть общего, более или менее консервативного лагеря, прежде всего как личный орган И.С. Аксакова, а не некоего «славянофильства». Поэтому свои основные суждения о славянофильстве Михайловский формулирует в основном либо в историческом/ историографическом ключе, как правило, попутных замечаний в рамках разработки другой темы, либо растождествляя какую-либо позицию/суждение, которое читатель может воспринять как славянофильское, от последнего.

Славянофильские воззрения составляют значительную часть сюжетов общественной дискуссии 1860–1880-х годов, однако, как мы и отметили выше, теряют свою исключительность. С одной стороны, многие славянофильские темы и образы входят, включаются в идейные позиции, в целом более или менее далекие от славянофильства. С другой – сами «славянофилы» в качестве конкретного круга людей во второй половине 1850-х годов во многом сходят со сцены. С третьей – славянофильство в ситуации конца 1850–1860-х и последующих лет оказывается не только философской позицией и общей идеологией. Славянофилы вместе с другими группами и направлениями обращаются к конкретным сюжетам и вопросам общественной жизни, в связи с чем возникает возможность сложных конфигураций союзников/противников, симпатизантов и оппонентов по конкретным вопросам, не совпадающая с общими мировоззренческими установками.

Для прояснения понимания Михайловским славянофильства в середине 1870-х годов показательное осуществляется им в цикле статей «Десница и шуйца Льва Толстого» (1875) разграничение взглядов Толстого (выраженных преимущественно в его педагогических статьях) и славянофилов. Прежде всего Михайловский отмечает тот пункт, в котором можно увидеть славянофильство Толстого, а именно, предположение, «что исторический путь, которым идет западная Европа <...> не есть единственный и что он может и должен быть избегнут Россией. Известно, что совершенно так же смотрят на дело славянофилы и их выродки – “почвенники”. При ближайшем однако рассмотрении анализа прогресса Толстого оказывается, что он самым существенным образом отличается от славянофильских воззрений» [10, с. 443].

тальном различии между «трудом и капиталом». Эксплицитно проясняя это разграничение, Михайловский в декабрьском номере «Отечественных записок» за 1881 год отмечал: «...общественным элементом, который наиболее приближал бы нас к намеченной цели» (под таковой понимается «человеческая личность, цельная и полная»), является «народ. Народ в смысле не нации, а совокупности трудящегося люда. Труд – единственный объединяющий признак этой группы людей – не несет с собой никакой привилегии, служа которой мы рискуем услужить какому-нибудь одностороннему началу: в труде личность выражается наиболее ярко и полно» [12, с. 536, 537].

¹ Во второе, наиболее известное и распространенное собрание сочинений Михайловский включит большую часть этих ключевых для него статей в I и IV тома (к последнему будет приложен портрет автора [9, 11].

² Напомним, что славянофильский журнал «Русская беседа» прекратил свое существование в 1860 году, редактируемые И.С. Аксаковым газеты «День» (в которой он был еще и издателем, 1861–1865) и «Москва», «Москвич» (1867–1868) к моменту вступления Н.К. Михайловского на общероссийскую публицистическую арену уже не существовали.

«Непричастность гр. Толстого к славянофильству» [10, с. 447] доказывается через серию последовательных растождествлений, от обратного обрисовывающих ту конструкцию славянофильской доктрины, с которой работает Михайловский. Прежде всего отмечается отсутствие представлений об особом месте/роли «славянского мира», отсутствие апелляций к особому «русскому национальному духу»:

«В статье¹ нет и помину об одной из любимейших тем славянофильства – о великой роли, предназначенной Провидением славянскому миру, совершенно посрамить мир романо-германский. Мало того, что тема эта не затронута в статье, – гр. Толстой и вообще не написал на нее ни одной строки, – статья отрицает ее в самом корне, ибо гр. Толстой признаёт, что исторический ход событий сам по себе неразумен, бессмысленен, что для человека неустраимо сознание возможности с ним бороться, свободно ставя перед собой идеалы. Гр. Толстой с своей обычной смелостью бросает перчатку историческим условиям, вовсе не имея в виду, соответствуют они или не соответствуют началам русского, тем паче славянского национального духа» [10, с. 447–448].

То есть Толстой мыслит вне категорий «национального духа», что принципиально для славянофильства, и обращается к универсальному, «человеческому», в отличие от славянофилов, для которых, как отметит несколькими годами позднее сам Михайловский, принципиальным выступает сопряжение «национального» и «универсального», вселенское значение русского народа (как способ в том числе выхода из тупика скептицизма, вызываемого акцентированием национального, местного в познавательном процессе [см. 11, с. 434–439]).

Вторым моментом концептуального размежевания выступает понятие «народ»:

«Хотя славянофилы и много толковали о “народе”, но почти всегда разумели под этим словом стихийную совокупность людей, говорящих русским языком и населяющих Россию. Гр. Толстой не признаёт этого единства русских людей или, по крайней мере усматривает в нем такие два крупные обособления, что считает возможным приравнять их отношения к отношениям враждебных национальностей. Для него “общество” и народ стоят друг перед другом в таких же, если можно так выразиться, нравственных позах, как французы и немцы <...>. Интересы “общества” и народа, говорит он, всегда противоположны. Правда, славянофилы также указывали на разнь идеалов и интересов высших и низших слоев совокупности русских людей. Они полагали, что разнь эта порождена Петровским переворотом и только им. <...> я почти уверен, что печатное изложение мнений гр. Толстого о Петровской реформе вполне обнаружило бы его непричастность славянофильству, хотя бы уж потому, что Русь до-Петровскую он не может себе представить в розовом свете. И в до-Петровской Руси существовали раздельно народ, “занятые классы” и, как выражается гр. Толстой, “общество”, правда, грубое, грязное, невежественное, но все-таки общество. <...> гр. Толстой не верит в единство целей и интересов всех людей, говорящих русским языком, на протяжении русской истории. Он знает, что единство это есть явление крайне редкое в русской, как и в европейской истории <...>» [10, с. 448–449].

На первый взгляд это утверждение Михайловского может показаться принципиально неверным – и в полемических целях, и, вероятно, отчасти из-за цензурных условий он

¹ Имеется в виду статья Л.Н. Толстого «Прогресс и определение образования».

действительно представляет картину предельно упрощенной¹. Однако ключевое в данном случае для Михайловского – это противопоставление славянофильскому, не социально-экономическому, а конфессиональному, политическому и культурному пониманию «народа» своей трактовки «народа» именно как категории «трудящихся» («занятые классы»), которая отделяет от «народа», например, включаемых в его состав славянофилами купцов или духовенство. Чуть позже, в 1878 году, Михайловский сформулирует это отличие в понимании предельно отчетливо, заявляя:

славянофилы «нашли точку опоры в национальности или, как они любили неправильно выражаться, в народности» [11].

В рассуждении, связанном с Толстым, эта мысль сформулирована не столь отчетливо, но тем не менее ясно: «Славянофильство имело много почтенных сторон и оказало не мало ценных услуг русскому обществу, чего, впрочем, отнюдь нельзя сказать о его преемниках, о тех межеумках, которые получили название “почвенников”, – умалчиваю о головоногих “Гражданина”. Я имею в виду только один, но весьма существенный признак славянофильства: в трогательной идиллии или с бурным пафосом, серьезно или при помощи буффонады, но славянофилы упорно отождествляли интересы и цели “незанятых классов” (древней или новой России) с интересами классов занятых, выдвигая их в национальное единство. Это справедливо и относительно первых славянофилов [выделено нами – А.Т.]» [10, с. 457].

Позволим себе далее привести обширную цитату, поскольку в ней в отчетливой форме дана характеристика Михайловским уже славянофильства конца 1850 –1870-х годов, от которой он в дальнейшем не отказался, лишь добавляя в некоторых случаях жесткости и полемичности формулировкам [см., напр., 12, с. 509, 513, 574–584]:

«Я далек от мысли признавать славянофилов людьми, сознательно подтасовывавшими факты и понятия – напротив, наиболее видные славянофилы были люди вполне искренние. Но тем не менее, оставляя в стороне их богословские верования и панславизм <...>, не трудно видеть, что они провозили не мало контрабанды под флагом начал русского народного духа. В экономическом отношении сделать из России Европу легче всего при помощи славянофильской программы, за вычетом из нее одного только пункта – поземельной общины. Как это на первый взгляд ни странно, но оно так. Славянофилы никогда не протестовали против утверждения в России европейских форм кредита, промышленности, экономических предприятий. Они требовали только, чтобы производительные силы России и ее потребители находились в русских руках. Так, например, они требовали покровительства русской промышленности, попросту говоря, высоких тарифов. Обставляя это требование элементами в вышеприведенном стиле, т.е. рассуждениями о величии России и восклицаниями о каликах переходящих и киевских колоколах, славянофилы не смущались тем, что покровительственная торговая политика выгодна не России, а русским заводчикам. Под покровом киевских колоколов и калик переходящих они, сами того не замечая [выделено нами – А.Т.], стремились ускорить появление в России господствующих в Европе отношений между трудом и капиталом, т.е. того, что они сами готовы были отрицать на словах и что составляет самое больное место европейской цивилизации. Гарантируйте русским фабрикантам десяток-другой лет отсутствия европейской конкуренции, и вы не отличите России от Европы в эконо-

¹ О понятии «народ» у славянофилов, см. в частности [16, 17].

мическом отношении. Недаром весьма просвещенные русские заводчики проникаются необычайной любовью к России всякий раз, когда заходит речь о тарифе. <...> Все выработанные и освященные европейской цивилизацией формы экономической жизни принимались славянофилами с распростертыми объятиями, со звоном киевских и других колоколов, если они обставлялись русскими и обруселыми именами собственными. А тем самым вызывалось изменение начал русской экономической жизни в чисто европейском смысле. Но изменение не могло ограничиться экономической стороной общественной жизни. Допустим, что русские фабриканты обеспечены от европейской конкуренции, что вследствие этого Русь-богатырь имеет своих собственных святорусских пролетариев и свою собственную святорусскую буржуазию; что значительная часть деревенского населения, стянувшись к городам, передала свои земли святорусским лендлордам и фермерам; что появилась более или менее высокая заработная плата <...>. Таким образом, русская промышленность и русское сельское хозяйство процветают. Как отзовется это изменение на других сторонах русской жизни? Вовсе не надо быть пророком, чтобы ответить на этот вопрос, потому что означенное изменение уже отчасти совершается. Мы видим, например, что народ забывает те свои, чисто народные песни, которые так восхищали славянофилов, как выражение начал русского духа и запеваает:

Мы на фабрике живали,
Мелкие деньги получали, –
Мелкие деньги пятаки
Посносили в кабаки.

Или:

Я куплю своему милому
Тот ли бархатный жилет.

Этой перемене должно, конечно, соответствовать и изменение нравственного характера русского рабочего люда. Политические условия страны опять-таки необходимо должны измениться, экономическая сила буржуазии и лендлордов необходимо повлечет ее по пути развития одного из европейских политических типов. В конце концов знаменитых начал русского духа не останется даже на семена, хотя процесс начался звоном киевских колоколов и вызовом тени Ильи Муромца» [10, с. 454–456].

По поводу различия между «первыми славянофилами» и славянофильством пореформенной поры Михайловский замечает: «Может показаться, что первые славянофилы гораздо глубже и, главное, пронизательнее ненавидели европейскую цивилизацию. Я об этом спорить не буду. Замечу только, что Киреевские, Хомяков были поглощены преимущественно богословскими и философско-историческими, вообще отвлеченными, теоретическими интересами, что зависело от условий времени. Как только жизнь выдвинула на очередь вопросы практические, так немедленно обнаружилось внутреннее противоречие славянофильской доктрины, ее бессознательное тяготение к провозу европейской контрбанды под флагом начал русского народного духа» [10, с. 456–457].

Примечательно, что здесь Михайловский *de facto* не только сходится, но и во многом опережает последующее понимание и критику славянофильства со стороны К.Н. Леонтьева (и следует напомнить, в свою очередь, большое значение для Леонтьева и влияние на его мысль А.И. Герцена). Здесь можно видеть, как аналитика и критика «слева» и «справа»

сближаются, однородно квалифицируя славянофильство, по крайней мере те его конкретные формы, в которых оно выразилось в 1860–1870-х годах. Несколько лет спустя, в январской книжке «Отечественных Записок» за 1878 год, разбирая первый том посмертного собрания сочинений Ю.Ф. Самарина, Михайловский, обосновывая свой интерес и право на внимание читателя, писал:

«<...> можно поручиться, что, быть может, в самом недалеком будущем поперек вашей дороги ляжет бревно, которое будет очень похоже на славянофильство, хотя утратит многие существенные его признаки и даже называться будет не славянофильством, а как-нибудь в роде национал-либерализма¹» [11, с. 433]².

В 1879 году, обращаясь к трактовке спора «западников» и «славянофилов», Михайловский пишет, что 1840-х выставили два начала: «славянофилы – общину, западники – личность. Разумея под общиной, общинным началом сознательное подчинение личности целому, славянофилы утверждали, что оно составляет нашу национальную особенность, завещано нам всей нашей историей и как идея, и как факт. Но вместе с тем этому началу приписывалось всемирное, как бы безусловное значение, в силу чего и обещались славянскому племени великие мирные победы над европейской цивилизацией, независимо от побед воинских. Западники справедливо указывали на елейную лживость этих уверений, соглашаясь, однако, что личное начало, подавленное на Востоке, торжествует на Западе, в чем именно и состоит величие Запада.

Все это в целом ныне никуда, можно сказать, не годится и должно быть перестроено от фундамента до крыши. Начать с того, что невозможно приписывать исключительный, национальный характер «общинному началу», ни в том смысле, как его разумели славянофилы, ни в том, как его понимали западники, ибо во всяком случае, фактически, оно в свое время определяло правовые отношения и в Европе. Далее, торжество личного начала в западной Европе имеет весьма условный характер. <...> Только в конце сороковых годов с полной резкостью обозначилось в Европе то направление, которому принадлежит будущее и которое, примиряя в себе односторонности предыдущих исторических моментов, может быть формулировано как *торжество личного начала при посредстве начала общинного* [выделено нами – А.Т.]. Конечно, последнее надо понимать не в том елейном смысле, в котором бессильно барахтались славянофилы, как мухи в деревянном масле.

<...> ясно, что идеалы и программы сороковых годов, как бы они ни были для своего времени хороши, нам не указ. Мы, на тридцать, сорок лет младше, тем самым на тридцать, сорок лет старше» [11, с. 700–701].

¹ Чуть далее в той же статье Михайловский замечает: ««Славянофилы <...> подняли множество чрезвычайно любопытных и в высокой степени важных вопросов. Из-за них, из-за этих вопросов, отцы наши вели много споров, в непосредственно практическом смысле совершенно бесплодных, но чрезвычайно горячих, пространных, обстоятельных. В полемическом увлечении, происходившем вдобавок в некотором безвоздушном пространстве, без всякой практической «почвы», отцы наши не всегда могли как следует разобраться в своих спорах. Теперь, и именно теперь, когда чистое славянофильство погребено, а ягоды на его могиле еще не созрели, мы можем с большою пользою взглянуть попристальнее на труды наших отцов, спокойно отделить в них правду от неправды и затем предусмотреть цвет, вкус, аромат тех ягод, которые созреют на могиле славянофильства из цветов нынешнего газетного патриотизма» [11, с. 433].

² Примечательно, что увлекающийся в свои ранние годы «Русью» Аксакова П.Б. Струве в дневнике 1884 года, когда ему было четырнадцать лет, определяет свои воззрения именно как национал-либеральные [см. 6; 5, с. 38–39], а затем, уже на рубеже веков, делает много для последовательной интерпретации славянофильства, прежде всего И.С. Аксакова, как национал-либерализма и реабилитации понятия «национализм» [18]. Во многом его собственные воззрения 1900–1910-х будут близки к тому, что описывал во второй половине 1870 – начале 1880-х как славянофильские Михайловский, только, разумеется, с принципиальной сменой знаков: звучавшее в устах Михайловского осуждением и уничтожающей критикой, обращалось у Струве в предмет прославления и пропаганды.

В существенно более позднем цикле статей, «Литературные воспоминания и современная смута» («Русское богатство», 1891, июль) Михайловский набросает общую схему истории русской общественной мысли 1840 – начала 1860-х годов, существенно скорректировав ее в сравнении с вышеизложенной. Теперь он определял раскол «западников» и «славянофилов» как связанный с переживаемым в то время, в 1840-х годах, «европейской цивилизацией» кризисом:

«И те, и другие одинаково желали свободы личности, стесненной не только крепостным правом, но и всем строем нашей тогдашней жизни. Но славянофилы искали гарантий этой свободы в древне-русских или славянских и византийских чертах быта; западники же или совершенно отрицали надобность в каких бы то ни было подобных гарантиях, или в поисках за ними следовали по стопам идущей тоже Европы» [8, с. 145–146].

Герцен оказывается первым, кто делает следующий шаг, – он «не постеснялся признать русскую крестьянскую общину именно такою гарантией возможной свободы личности, которой недоставало Европе», «сходясь в этом отношении со славянофилами и будучи совершенною им противоположностью во всем остальном [выделено нами – А. Т.]» [8, с. 146]. Дальнейшая история для славянофилов отсутствует:

«К шестидесятым годам славянофилы подошли, ничего не прибавив к своему символу веры и ничего из него не вычеркнув, со всеми своими светлыми и тусклыми сторонами. Из них только выделилась небольшая, межеумочная группа “почвенников”, о которых не стоит и говорить» [8, с. 146].

А среди «западников» происходит раскол – одни оказываются приверженцами «чистой доктрины либерализма», исходя из предположения, «что кризис, пережитый Европой в конце сороковых годов, был лишь случайною вспышкой, вызванною несколькими неразумными и горячими головами. Во главе этой партии в литературе стоял покойный Катков», сошедший «с этого пути <...> окончательно <...> лишь ко второй половине шестидесятых годов» [8, с. 146]. Тогда как «во главе другой партии западников стоял “Современник”» [8, с. 146], но буквально следующим предложением автор дезавуирует предыдущее и находит итоговую формулировку:

«Но едва ли справедливо называть эту партию западническою, так как она, во-первых, не останавливалась перед критикой самых основ европейской цивилизации, а, во-вторых, не отказывалась признать доброе, подлежащее дальнейшему развитию и в основах русской жизни. Если, однако, название “западнической” не подходит к этой партии, то сближения со славянофилами, которое г. Боборыкин усматривает в этих “петербургских радикалах”, тоже не было. Вернее сказать, что на этом пункте истории русской литературы произошло полное упразднение обеих доктрин с их односторонностями. Сложилось новое, цельное мирозозерцание, значительность которого до известной степени уже а priori гарантировалась не только высокими дарованиями людей, вырабатывавших его, а и величием того исторического момента, под давлением которого оно складывалось» [8, с. 146–147].

И уже по отношению к этой партии – преемником и наследником выступают «Отечественные записки» и «Русское богатство», та позиция, которую занимает сам Михайловский, что особенно ярко будет проговорено в долгом «споре о наследстве», начатом в 1891 году статьей В.В. Розанова и далеко не завершено ленинской брошюрой 1897 года «От какого наследства мы отказываемся?».

Выводы

Таким образом, подводя краткие итоги интерпретации славянофильства в публицистике Михайловского, мы видим, что славянофильство в социально-политическом плане понимается им как вариант национал-либерализма. При этом понятийно-терминологически Михайловский стремится ввести отчетливость, интерпретируя «народ» именно как социально-экономическое понятие, тождественное с «трудовым народом», настаивая на устранении во многом синонимичности понятий «народ» и «нация» и утверждая, что славянофилы обращались к понятию «народ», подразумевая под ним именно «нацию», национальное сообщество. Диссонирующим элементом в интерпретации славянофильства, признаваемым самим Михайловским, является значение для них «поземельной общины» и стремление к ее сохранению, что противоречит объективной логике их поддержки развития национального капиталистического хозяйства и индустриального развития. Противоречие это не снимается, а лишь отчасти объясняется разрывом между объективными последствиями славянофильской программы и субъективной убежденностью (признанием «искренности» по крайней мере за основными представителями славянофильства). Тем самым значение «общины», «артельных начал» и т.п. – важнейшей соединительной черты между славянофильством и народничеством – минимизируется для текущей, актуальной социально-политической повестки, переводясь в план истории мысли, а собственная позиция предсказуемым образом предстает как исторический итог, преодоление противоречий западничества и славянофильства. При этом и то, и другое устойчиво характеризуются как направления, весьма отдаленные во времени («тридцать, сорок лет» от конца 1870-х) и, следовательно, последующая интеллектуальная работа ведется уже в других координатах. Само же славянофильство объявляется к началу 1860-х не внесшим ничего нового по сравнению с предшествующим периодом движением, имевшим лишь короткий момент интеллектуального развития, тем самым вполне укладываясь в возникающую позднее конструкцию «классического славянофильства», датируемого преимущественно 1840-ми годами и относящегося, следовательно, к спорам «людей 40-х годов» и о них. Расцвет же последних приходится на 1870-е годы, и отзвуки тех споров явно сказываются в концептуальном построении Михайловского [см. 13, с. 23–65].

Литература

1. *Блохин В.В.* Жандарм литературной республики: Н.К. Михайловский: жизнь, литература, политическая борьба. М.: Весь мир, 2019.
2. *Блохин В.В.* На переломе, 1881–1904: Н.К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века: исторические этюды. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2004.
3. *Блохин В.В.* Историческая концепция Николая Михайловского (к анализу мировоззрения российской народнической интеллигенции XIX века). М.: Пробел-2000, 2001.
4. *Виттекер Р.* Последний русский романтик: Аполлон Григорьев (1822–1864 гг.). М.: Common place, 2020.
5. *Колеров М.А.* Петр Струве: революционер без масс, 1870–1918. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2020.
6. *Колеров М.А.* Юношеский дневник П.Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2006/2007 год. М.: Модест Колеров, 2009.
7. *Милюков А.П.* Литературные встречи и знакомства. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1890.
8. *Михайловский Н.К.* Литературные воспоминания и современная смута: в 2 т. Т. I. СПб.: Изд-е редакции «Русское богатство», 1900.
9. [Михайловский Н.К.] Сочинения Н.К. Михайловского: в 6 т. Т. I. СПб.: Изд-е редакции «Русское богатство», 1896.
10. [Михайловский Н.К.] Сочинения Н.К. Михайловского: в 6 т. Т. III. СПб.: Изд-е редакции «Русское богатство», 1897.

11. [Михайловский Н.К.] Сочинения Н.К. Михайловского: в 6 т. Т. IV. СПб.: Изд-е редакции «Русское богатство», 1897.
12. [Михайловский Н.К.] Сочинения Н.К. Михайловского: в 6 т. Т. V. СПб.: Изд-е редакции «Русское богатство», 1897.
13. Мостовская Н.Н. И.С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX в. Л.: Наука, 1983.
14. Плеханов Г.В. Сочинения. Т. XXIII: История русской общественной мысли в XIX веке (материалы). Кн. 1: Западники и славянофилы / под ред. Д.Ю. Рязанова. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926.
15. Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1941.
16. Тесля А.А. О понятии «народа» в текстах Самарина // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 231–240.
17. Тесля А.А. К характеристике политической теории славянофилов: о воззрениях И.В. Киреевского // Вестник Свято-Филаретовского института. 2019. № 31. С. 189–203.
18. Тесля А.А. Реабилитация «национализма»: О понятии «нация» и «национализм» в работах П.Б. Струве дореволюционного периода // Вопросы национализма. 2018. № 1 (31). С. 155–170.

Аннотация. История интеллектуальных/идейных направлений представляет существенный интерес и в аспекте осмысления и интерпретации со стороны иных, конкурирующих, синхронных направлений. Задачей данной работы является анализ предложенных ведущим публицистом народнического лагеря русской общественной мысли 1870 – начала 1900-х годов Н.К. Михайловским интерпретаций славянофильства и его места в общем процессе развития русских идейно-политических направлений. Напряженность славянофильской проблематики для народничества связана прежде всего с очевидными и во многом подчеркиваемыми внешними наблюдателями связями ряда центральных тем народничества и славянофильства – и вместе с тем с очевидными издержками принятия подобного интеллектуального преемства. В статье показано, каким образом Михайловский стремился минимизировать в историографическом плане связи и влияние славянофильства на народничество, одновременно подчеркивая радикальную противоположность понимания ключевого как для славянофилов, так и для народников понятия «народ». Предложенная Михайловским интерпретация славянофильства, прежде всего его политического и классового значения, оказала прямое и косвенное влияние на последующую историографию славянофильства, что должно стать предметом дальнейшего изучения, прежде всего в аспекте изучения ранней советской историографии русской общественной мысли.

Ключевые слова: историография славянофильства, история понятий, народничество, понятие «народ», славянофильство.

Andrey A. Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Scientific Director, Russian Thought Research Centre, Institute of Humanities, Kant Baltic Federal University (IKBFU). E-mail: mestr81@gmail.com

Slavophilism in the Populist Perspective: Slavophilism Interpretation in the Publicism of N.K. Mikhailovsky in 1840–1880*

Abstract. The history of intellectual/ideological directions presents sufficient interest for comprehension and interpretation on the part of other, competing and synchronous tendencies. The goal of the present article is to analyze Slavophilism interpretations and its place in the general process of Russian ideological and political directions development, proposed by the leading publicist of Russian populist camp in the years of 1870 – 1900. The intensity of Slavophil problems for the Populism (“Narodnichestvo”) was related to the evident and even stressed by some of the outside observers, connections of the key topics of populists and Slavophiles, as well as obvious unpleasant by-products of accepting such intellectual continuity. The article shows how Mikhailovsky tried to minimize historiographically the connections and influence of Slavophiles on the Populists, emphasizing at the same time the radical contradiction in understanding the notion of “people”, that was the key issue for both Slavophiles and Populists. The interpretation of Slavophilism suggested by Mikhailovsky, especially its political and class significance, directly and indirectly influenced the subsequent historiography of Slavophilism. This aspect should be further studied, first of all in relation to the early Soviet historiography of Russian public thought.

Keywords: Slavophilism Historiography, History of Notions, Populism (“Narodnichestvo”), Notion of “People”, Slavophilism.

* This research was supported by Russian Science Foundation grant No 18-18-00442 “Mechanisms of Meaning Making and Textualization in Social Narratives and Performative Discourses and Practices” in I. Kant Baltic Federal University.

Агональный принцип русского самосознания в концепции М.О. Кояловича

Русская мягкость, совестливость и искреннее уважение к научности, чья бы она ни была, и как бы горька ни была для родного чувства, долго заставляли нас платить непомерно высокую дань...

Не доверяйте обманчивой объективности, в истории ее меньше всего; в истории почти все субъективно... Я находил такой русский субъективизм, который и больше других обнимает фактическую часть русской истории и лучше других освещает действительные и существенные ее стороны... Он лучше других и в народном, и в научном смысле, и даже в смысле возможно правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации.

М.О. Коялович

Профессор Михаил Осипович Коялович (20.09.1828 – 23.08.1891 ст. ст.) до настоящего времени, к сожалению, практически не рассматривался в качестве мыслителя и исследователя русского национального самосознания. Он может быть отнесен к когорте «поздних славянофилов», которые уже не создавали русскую национальную мысль, а исследовали ее достижения. В качестве историка Западной Руси, унии и русской исторической науки М.О. Коялович внес в эти исследования свой, совершенно особый вклад. Главным ракурсом его рассмотрения этой тематики было видение становления русского самосознания как результата борьбы с цивилизационной агрессией Запада.

Русское самосознание развивалось из двух источников: внутренних начал – Православия и особого типа русской цивилизации, а также процесса борьбы против иноземных влияний, стремившихся его поработить и уничтожить. Классики славянофильства основное внимание уделяли первому аспекту, а М.О. Коялович – второму. Фактически им была рассмотрена история роста русского самосознания по модели А. Тойнби «вызов-и-ответ», что делает его работы методологически актуальными для нашего времени.

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Во все времена русское самосознание имело агональный характер (от др.-греч. ἀγών – борьба, состязание), то есть возникало и развивалось в острой борьбе с культурно-политической и военно-политической экспансией Запада. Хотя в отдельные периоды истории, когда Россия достигала могущества и стабильности, эта борьба затихала и возникала склонность к «европеизму», причем не только у элиты, но и у достаточно широких масс населения, но в ситуациях кризисов и войн с Западом эта изначальная сущность русского самосознания всегда проявлялась с новой силой.

«Россия – это не Европа» – таков изначальный императив русского национального самосознания, без которого никогда бы не возник и сам русский народ, и сама Россия как великое государство и самостоятельная цивилизация. Это императив может не осознаваться на рациональном уровне, но именно он является внутренним двигателем всей русской истории. Заслуга М.О. Кояловича состоит в том, что он фактически первым специально исследовал именно этот исток русского самосознания. Кроме того, Коялович был представителем западной, Белой Руси, ставшим одним из самых видных идеологов общерусского единства. Поэтому его личность и научное наследие актуальны и для современной кризисной ситуации в Белоруссии.

В течение тридцати пяти лет М.О. Коялович работал на кафедре русской истории Санкт-Петербургской Духовной академии и долгое время эту кафедру возглавлял. Сын православного священника из бывших униатов, он занимался разработкой источников по истории Брестской унии и написал о ней несколько обобщающих работ, в их числе «Литовская церковная уния» (в двух томах) и докторская диссертация «История воссоединения западнорусских униатов старых времен (до 1800 г.)». Характерно название одной из его работ: «Три подъема русского национального духа для спасения нашей государственности во времена самозванческих смут» (СПб., 1880). Важнейший его труд – «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (первое издание – СПб., 1884). Коялович сотрудничал в издаваемой И.С. Аксаковым газете «День», а также в консервативном журнале «Гражданин». Его «Лекции по истории Западной России», впервые изданные в 1864 году, затем постоянно расширялись, и самое полное, четвертое их издание вышло под названием «Чтения по истории Западной России» в 1884 году.

Историю русского самосознания в научной русской литературе М.О. Коялович широко исследовал первым. Он не развивает в своем труде философских концепций этого явления, а как историк скрупулезно анализирует научные сочинения, касающиеся исследуемой им проблемы. Его книга выросла из лекций, прочитанных автором в 1880/1881 учебном году и являющихся вводной частью в его курс «Чтений по русской истории». Иван Аксаков писал, что «История русского самосознания» – «это превосходнейший и крайне полезный труд». Лев Тихомиров считал обязательным иметь ее у себя каждому думающему человеку. Как справедливо отмечает М.Б. Смолин, «книга “История русского самосознания”, с универсальностью ее тематики и профессиональной обстоятельностью, по прошествии столетия не уходит из контекста научно-исторической литературы» [11]. Вместе с тем, подробный анализ этой книги еще ни разу не был осуществлен. В данной статье мы выделим только те ее аспекты, которые касаются становления русского самосознания в историографии.

К настоящему времени идейное наследие М.О. Кояловича остается почти не исследованным. Есть лишь биографическая книга Н.В. Черепицы «Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества» (Гродно, 1998) [15] и ряд ознакомительных очерков о нем [9, 11, 13, 14, 16–18], а также новая статья П. Якуши, в которой дан более подробный анализ его исторической концепции [19]. Стоит выделить важное замечание В.М. Вивчара о том, что М.О. Коялович исследовал «взаимодействия цивилизационных процессов в русинских землях» [1, с. 62], а это означает, что его методологию уже можно отнести к тому «циви-

лизационному» подходу, который получил развитие только в XX веке. В данной статье мы рассмотрим те аспекты его наследия, в которых был раскрыт «агональный» принцип исторического становления русского самосознания.

М.О. Коялович был одним из создателей важного направления мысли, получившего впоследствии название «западнорусизм». Эта школа утверждала, что современные Беларусь и Украина являются частью единого русского мира или русской цивилизации. «Под именем Западной России, – писал в своих «Лекциях» М.О. Коялович, – нужно разуметь не одну Белоруссию или Литву, а вместе с ними и Малороссию <...> Называя эту страну – Западная Россия, мы, очевидно, смотрим на нее с тех русских пунктов, совокупность которых населена более плотным и цельным русским народом, т.е. с серединой части русского населения, серединой России» [6, с. 6]. А поскольку Западная Русь долгое время находилась под польской оккупацией, то «западнорусская историческая жизнь есть просто жизнь народа, отстаивающего свою народность и веру и ищущего свободного их развития» [6, с. 13]. Очевидно, что принципы «западнорусизма» чрезвычайно актуальны и в наше время, поскольку позволяют понимать историю территорий, которые сейчас называются Украиной и Белоруссией, как органическую часть общерусской истории, хотя и имеющих свою специфику.

М.О. Коялович писал об этом так: «До сих пор плохо уяснены древние русско-славянские начала жизни и те особенности, какие были выработаны восточную и западную половинами русского народа, когда они были в разъединении» [6, с. 16]. В статье «Наши русские исторические знамена – веры и народности» он следующим образом определяет основную закономерность русской истории: «Завоеванные, подавленные азиатскими варварами-татарами, и в то же самое время вынужденные отражать злорадные замыслы своих западных латинских соседей, русские глубоко сознали свое славянское и православное отличие от тех и других и берегли это отличие всеми силами» [8, с. 709]. Именно поэтому Русь в обеих своих частях – восточной, московской, и западной, «литовской», сохранила национальное единство, несмотря на разницу условий исторического существования. «Этнографические изыскания, – отмечает М.О. Коялович, – вполне подтверждают народное единство русского населения Западной и Восточной России. Народные песни западнорусского народа, например, о Владимире, народные мифические обряды, как празднование Святков, Юрьева дня, Купалы, обряды свадебные и похоронные поражают своим сходством с восточнорусскими» [3, с. XX].

Разницу условий исторического существования двух частей Руси М.О. Коялович определяет следующим образом: «На русском пространстве формируются новые политические центры. Литовская династия Гедиминовичей объединяет разрозненные литовские и русские земли на западе, а на востоке дело собирания русских земель берет в свои руки династия московских князей от Даниила, сына Александра Невского. Сознание единства Русской земли столкнуло обоих претендентов в споре за обладание всей ее целостью. Сначала литовский князь Витовт думал с поражением татар подчинить себе всю Русь. Спустя несколько времени уже московский князь Иван III объявил ее своей «отчиной». Этот политический по преимуществу спор в XVI веке осложнился культурным и религиозным фактором: ВКЛ [Великое княжество Литовское – *В.Д.*], в котором прежде замечалось господство русского языка и культуры, соединилось с латинской Польшей, и в образовавшейся Речи Посполитой стало расширяться влияние польского языка и культуры» [8, с. 257]. Этот процесс привел к разобщению Западной и Восточной Руси. Соединение ВКЛ с Польшей М.О. Коялович называл «воплощенным, безусловным злом», «смертоубийством» [8, с. 257], поскольку оно повлекло за собой вытеснение русского языка из официальной сферы, полонизацию и окатоличивание высшего сословия и национальное унижение всех остальных.

Но дело было не только в национальных различиях и в подавлении одной нацией другою, но в отличиях цивилизационных. В Речи Посполитой традиционное западноевропейское презрение к низшим сословиям достигло самых крайних и уродливых форм. «По теории польского шляхетства, – отмечает М.О. Коялович, – шляхтич, кто бы он ни был, – богатый или бедный сосредоточивал в себе все права, все преимущества, все блага. Всякий нешляхтич не мог стоять подле него со сколько-нибудь заметною долею прав и самобытности, напротив, он должен быть орудием, средством для шляхтича, условием его благоденствия. Поэтому вместе с польскою теорией шляхетства перенесено в литовское княжество и польское рабство народа – польское состояние хлопа. Литовско-русская близость крестьянина к сословиям дворянским, литовско-русское самоуправление разрушалось, падали и повергали его в безусловно бесправное положение» [3, с. CIV]. В результате, как пишет М.О. Коялович о народе Западной Руси, «рабство, рабство ужасное, какое только может быть в демократических обществах, легло на него с такою же тягостью, с какою оно лежит на неграх южных штатов Америки, где тоже есть аристократия и та же бездна между ею и неграми!» [8, с. 261].

Встреча «двух различных цивилизаций – православной и латинской – привела к упорной борьбе между ними» [6, с. 138]. Церковную унию М.О. Коялович считал детищем иезуитов, которые «воспользовались происходившим тогда в западнорусской Церкви сильным разладом между мирянами, сгруппировавшимися в церковные братства, и высшей иерархией, сильно испорченной» [3, с. CX]. Церковная уния была заключена несколькими духовными лицами, как говорится в Протестации православного Брестского собора 1596 года, вопреки присяге послушания Константинопольскому патриарху, вопреки собственным обещаниям, вопреки церковным канонам, привилею короля Стефана о свободе православного вероисповедания, против воли православных обывателей ВКЛ [3, с. 168]. Характерно название одной из работ ученого: «Глумление над русским и православным делом в Западной России» [2]. Таким образом, не удивительно, что после разделов Речи Посполитой и возвращения земель Западной Руси в состав России «целые десятки тысяч народа вдруг присоединились к Православной Церкви. Не успевали присылать православных священников. В течение полутора лет, в 1794 и в начале 1795 года, присоединились к Православию больше трех миллионов униатов без волнения и пролития крови. Это беспримерное явление в истории! Тут бессильны все возражения. Так мгновенно не совершаются крупные факты путем насилий, приказов» [7, с. 289]. Этим фактом подтверждается та закономерность истории Западной Руси, о которой писал М.О. Коялович – а именно, как «жизнь народа, отстаивающего свою народность и веру и ищущего свободного их развития». Тем самым здесь проявляется агональный характер народной жизни и народного самосознания, определявшийся стремлением выстоять в условиях гнета.

Особое место в наследии М.О. Кояловича занимает работа «Историческая живучесть русского народа и ея культурныя особенности» (СПб., 1883). В ней следующим образом говорится о создании великой России как государства и целой цивилизации: «великий исторический труд мог совершить народ не только исторически живучий, но и даровитый, тем более, что это не был какой-либо азиатский труд, как лава быстро и опустошительно разливающаяся и скоро потухающая. Это был европейский труд – медленный, упорный и крайне тяжелый» [4, с. 74]. Народное самосознание определялось ученым как «единое знамя Святой Руси»; однако помимо этого религиозно-нравственного фактора, был фактор и экономический: «русский народ развивал культурную форму жизни – земельную общину со сходкой, или русским миром, – общину, которая является у него тоже с древнейших времен и коренилась не на первобытных родственных отношениях – родовом быте, а на начале полюбовного соглашения» [4, с. 75]. В данном случае мы видим, что земельная община – это не только форма экономических отношений, но также и выражение моральных

качеств народа, удерживавших его от падения в индивидуализм и сохранявшего принцип братской взаимопомощи в экономической жизни.

В свою очередь, тот же самый принцип братской взаимопомощи лежал и в основе создания России как огромного многонационального государства. «На всех важнейших наших окраинах, – писал М.О. Коялович, – самой историей поставлена русскому народу счастливейшая и благороднейшая задача – охранять исконное, туземное население от пришельцев и нередко насильников, и восстанавливать в их отношениях нравственную правду (например, в Финляндии охранять туземцев Финнов от пришельцев Шведов; в Балтийских областях – Эстов и Латышей от Немцев, в Польше – “простой польский народ от сделавшихся ему во многом чужими польских панов и ксендзов” и т. д.)» [4, с. 81–82].

Как известно, большинство народов России входили в ее состав добровольно, и завоевания были не правилом, а исключением. Более того, часто даже Россия не могла сразу принять их в свой состав, поскольку это повлекло бы за собой тяжелые войны с соседями. Характерным примером этого являются Украина и Грузия, спасенные Россией от иноземного гнета, за что России потом пришлось платить тяжелую цену войнами с Польшей и Турцией соответственно. Россия как огромное многонациональное государство в принципе не могла бы быть создана на основе завоевания территорий, а изначально представляет собой содружество народов перед лицом внешней агрессии с Востока и с Запада.

Таким образом, в основе русского национального характера лежат в первую очередь качества, воспитанные православной верой, и именно они определили его историческую судьбу. М.О. Коялович прямо пишет об этом следующим образом: «Наконец, мы – русские исповедуем и такую веру, которая не знает ни латинского привилегированного положения интеллигенции, так наглядно выражающегося в воображаемой сокровищнице сверхдолжных дел, из которой удобнее всего черпать богатым людям, ни протестантского принижения простых, малообразованных людей, уму которых недоступна книжная вера, а для свойственной им сердечности мало пищи. Наша народная православная вера проповедует начала истинного братства, равенства всех перед Богом <...>, как это можно видеть в наших храмах во время богослужения. Наша русская вера освящает наши коренные русские начала! Это совпадение – величайшее наше историческое счастье и благо!» [4, с. 82–83]. Эта важнейшая и коренная мысль всего славянофильства выражалась и другими авторами, но М.О. Кояловичу удалось ее изложить в самой яркой и точной формуле.

Не менее точное и удачное определение принадлежит М.О. Кояловичу и по поводу основного принципа отношения России к Европе. Он писал: «Мы не должны и не можем устраняться от общения с другими культурными народами Европы. Мы не можем и нам не следует устраняться от усвоения себе исторических опытов жизни старых цивилизованных народов, не брать от них так называемой цивилизации. На этом пути нам предстоит даже великая задача, вполне достойная общепризнанной русской даровитости, именно: выделять и отбрасывать в этой цивилизации национальные особенности, – английские, немецкие, французские, и брать только то, что действительно составляет мировое достояние. Но и на этом пути нам необходима великая и нелегкая забота – сохранять свою самобытность» [4, с. 83–84]. Как видим, и здесь в основу положен принцип агональности, то есть состязательности и борьбы за свою самобытность, которая включает в себя и усвоение достижений других народов. В свою очередь, основой успешности такого состязания для России является тот православный народный характер, о котором сказано выше. Пока этот характер сохраняется, состязание за свою самобытность будет успешным.

Наконец, целью его главной книги «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», как писал М.О. Коялович, было показать, «сколько напряженных усилий, сколько самоотверженного труда, нередко с невознаграждаемыми

потерями, положено русскими историками на то, чтобы пробиться к русскому разумению своей истории, которое и прежде нередко оказывалось более научным разумением, а теперь, по всей справедливости, может быть признаваемо уже и научным русским торжеством. Русское самосознание может теперь опираться не только на родное чувство, но и на основания научные» [5, с. 670]. По мнению ученого, причиной долгой выработки русского воззрения на отечественную историю и долгого порабощения русской мысли иностранными воззрениями были в том числе и позитивные черты русского характера. Как отмечает М.О. Коялович, «русская мягкость, совестливость и искреннее уважение к научности, чья бы она ни была, и как бы горька ни была для родного чувства, долго заставляли нас платить непомерно высокую дань» [5, с. 178].

Итак, можно говорить о том, что именно недостаток агональности и христианская отзывчивость характера сыграли с русским мировоззрением весьма злую шутку. Излишне доверяя чужой «учености», русские долгое время просто стеснялись мыслить самостоятельно. «Просвещение», шедшее из Европы, на самом деле оказалось не только просвещением, но не в меньшей степени и интеллектуальным порабощением народа. Это делает понятным то, какой интеллектуальный и нравственный подвиг совершили славянофилы, первыми посмеявшие мыслить самостоятельно. А на фоне других славянофилов особая заслуга М.О. Кояловича состояла в том, что он фактически первым детально исследовал процесс становления русского самосознания на конкретном материале русской историографии.

Это стало возможным потому, что Коялович проявил огромную методологическую смелость, которая делает его близким историкам XX века, исследовавшим субъективные основания восприятия истории по модели «диалога с прошлым» и «истории ментальностей». В этом отношении он намного опередил свое время. В то время, когда все историки наивно верили в позитивистский миф об «объективности», Коялович первым решился утверждать нечто прямо противоположное. Но это была вовсе не прихоть, а результат большого научного опыта. Он писал: «я не мог не полюбить исторической истины, и не менее других могу уважать научные приемы знания, облегчающие достижения ее. Но чем дальше, тем больше я приходил также и к тому убеждению, что в истории область объективных истин весьма невелика, а все остальное субъективно и неизбежно субъективно, нередко даже в области простейших, голых фактов» [5, с. 37]. В последнем замечании мы видим, что Коялович как минимум на полвека опередил свое время и сам дошел до понятия «конструктивность научного факта», соответствующего неклассической рациональности XX века, исходящей из принципа «включенности наблюдателя» в фиксируемую реальность.

Однако это только первый методологический шаг. Второй состоял в том, что поскольку любая научная реконструкция исторического прошлого всегда неизбежно субъективна (субъективна даже интерпретация самих исторических источников, поскольку они помещаются разными исследователями в разные контексты), то задача состоит не в достижении «объективности», которая невозможна в принципе, а в выборе такой субъективности, которая позволяет понять историю существенно глубже, на более существенном уровне ее содержания, чем другие субъективизмы. Как пишет об этом сам Коялович, «при исследовании этих субъективизмов главной моей задачей было определить: какой из них обнимает большее число фактов и лучше обнимает, чем другие... при внимательном изучении оказывалось, что факты не собираются, а выбираются, и не объединяются, а насильно подгоняются под начала, наперед составленные, взятые готовыми у чужих людей – у разного рода западноевропейских ученых. Такова большая часть сочинений наших западников и тесно с ними связанных реалистических» [5, с. 38–39].

В результате долгой и кропотливой работы ученый пришел к следующему выводу: «Наконец, я находил такой русский субъективизм, который и больше всех других обнима-

ет фактическую часть русской истории, лучше других освещает действительные и существенные ее стороны. Такой русский субъективизм я находил и нахожу в сочинениях так называемых славянофилов. Он лучше других и в народном, и в научном смысле, и даже в смысле возможно правильного понимания и усвоения общечеловеческой цивилизации... и этот субъективизм я не считаю изъятим от погрешностей, неизбежных во всяком, даже лучшем субъективизме, и что я не задавался мыслью кого-либо призывать к нему. Но к чему я считаю своей обязанностью располагать и призывать всех, так это к тому, чтобы все мы давали себе ясный отчет, какому субъективизму мы следуем» [5, с. 40]. Требование, «чтобы все мы давали себе ясный отчет, какому субъективизму мы следуем», – это единственный принцип осознанной, рефлексивной работы историка, то есть принцип того, что можно условно назвать «объективностью» в исторической науке, который вообще возможен.

К такому выводу М.О. Коялович пришел также агональным путем. Он констатировал факт, «как под видом научности широко разлилось в нашей науке зло немецких национальных воззрений на наше прошлое и с каким трудом русские ученые боролись с этим злом и направляли нашу науку на ее настоящие пути» [5, с. 295]. Относительно писаний иностранцев, ученый отмечал, показывая это на множестве конкретных примеров: «В этих сочинениях чаще всего видно поразительное незнание нашей жизни и отсюда – невольное искажение фактов, а нередко – и злонамеренное искажение, чему так много способствовали не только просто чужестранство, но и то внутреннее отчуждение между нами и европейскими иноземцами, какое так давно существует и так упорно держится» [5, с. 91]. Здесь М.О. Коялович фиксирует объективную неизбежность агонального отношения между двумя типами историографии – русской и иностранной, которая является объективным следствием борьбы двух цивилизаций, на которую никто не имеет права закрывать глаза.

Но как нужно воспринимать русское прошлое, чтобы наш русский субъективизм давал больше для реального понимания истории, чем субъективизм иностранцев? Коялович формулирует принцип такого понимания: «В событиях нашего прошлого есть немало ума, но еще больше сердца. Наше прошлое есть по преимуществу самоотверженный труд, подвиг, и понять все это больше всего можно хорошим русским сердцем» [5, с. 216–217]. Здесь два принципиальных момента. Первый: русское прошлое есть в первую очередь «самоотверженный труд, подвиг», и только такое его понимание позволяет объяснить уникальные исторические достижения России во всех сферах жизни. Перед этим фактом смешны и либеральные, и марксистские мифы об истории России как якобы истории какого-то «рабства». Даже в чисто экономическом отношении в Западной Европе рабства было на порядок больше, чем в России. В Европе было изобретено крепостное право и в своей жестокой форме внедрено в России Петром Первым как важная часть «европеизации». Но тут дело не только и не столько в экономике. Дело в том, чтобы понимать историю России в нравственных категориях. И именно здесь Россия имеет явное преимущество над Европой, поскольку именно нравственные мотивы в истории России всегда были определяющими, иначе бы она вообще не смогла возникнуть как страна; в то время как в Европе они всегда были на втором месте, а первое место там всегда имел материальный, прагматический интерес.

Второе – это то, о чем М.О. Коялович говорит: «В событиях нашего прошлого есть немало ума, но еще больше сердца». Относительно ума много объяснять не нужно – ведь ни в одной стране Европы среди ее правителей не было столько святых, канонизированных Церковью, как в России. А кто такой святой? Святой – это человек, который кроме своей жизненной праведности, еще стяжал и «ум Христов», то есть ум, причастный божественной Премудрости. А этот исторический факт объясняется только тем, что таков был и их народ, из которого они сами вышли и который сами воспитывали в благочестии.

Современное понятие «ума», созданное светским «просвещением», не имеет к этому никакого отношения. Коялович пишет совсем не об этом.

А что значит «еще больше сердца»? «Сердце» тут нужно понимать не в смысле сентименталистов XVIII века, а в смысле русских философов-классиков, начиная с малороссов Г.С. Сковороды и П.Д. Юркевича. Если смотреть на историю русской философии, то М.О. Коялович скорее интуитивно, чем сознательно, исходя из конкретного исторического материала, подтверждает ее главное положение: основой русского исторического бытия всегда было единство нравственной личности, а не какие-то прагматические интересы. Впрочем, такие историософские прозрения скорее составляют правило, чем исключение в том, что пишет Коялович. «Величайшее бедствие России, – по его словам, – татарский разгром, повлекший татарское иго, вызвало злоумышления против нее и ближайших соседей, и отдаленных наших зложелателей. Во главе их стали папы и хотели разделить с татарскими ханами власть над Россией, наложить на нее духовное свое иго. Они непосредственно общались с нашими князьями, например, с Александром Невским и Даниилом Галицким, и поднимали против нас ближайших наших соседей – шведов, ливонских рыцарей, Литву и даже посылали к татарам посольства в тех же видах» [5, с. 99]. Здесь очевидны типологические отличия между агрессорами западными и восточными. Восточные враги требовали только дани, то есть экономического подчинения, но не трогали внутренней жизни народа. Западные же, наоборот, хотя и эксплуатировали экономически, главную свою цель видели в духовном порабощении народа – уничтожении его веры. Но именно поэтому народ и проявил такую силу сопротивления, защищая свое самое святое.

Цивилизационный подход, который в Европе появился только в XX веке, М.О. Коялович применил в своем анализе истории Западной Руси. В этом смысле он вместе с Н.Я. Данилевским и К.Н. Леонтьевым опередил О. Шпенглера. На конкретном юридическом материале Коялович пишет о том, чем отличались правовые отношения в Западной, «европейской» Руси, от тех же отношений в Руси Восточной, Московской. Это послание Михаила Литвина молодому тогда литовско-польского государю Сигизмунда Августа. «Разочарование этого писателя-литвина в благах польской цивилизации доходит до крайних пределов» [5, с. 102]. В частности, там сказано: «...мы держим в непрерывном рабстве людей своих, добытых не войной и не куплей, принадлежащих не к чужому, но к нашему племени и вере, сирот, неимущих... мы злоупотребляем нашей властью над ними, мучая их, уродуя, убивая без суда, по малейшему подозрению. Напротив того, у татар и москвитян ни один чиновник не может убить человека даже при очевидном преступлении, – это право предоставлено только судьям в столицах» [5, с. 103]. Среди жителей нынешних Украины и Белоруссии очень многие воспринимали переход в подданство Российской Империи в первую очередь как спасение от гибели и от бесправия.

И хотя книга М.О. Кояловича вышла позже классической книги Н.Я. Данилевского, в ней есть формулировки важных исторических закономерностей, углубляющих выводы великого русского мыслителя. «И свободолобивое протестантство в лице англичан, – пишет Коялович, – и мрачно деспотическое иезуитство сошлись на том, чтобы подчинить Россию; Англия – своей торговле, иезуиты – своему папству. Само собой разумеется, что при такой задаче те и другие должны были смотреть на Россию, как на материал, который необходимо пересоздать, потому что в нем все дурно» [5, с. 108]. Тем самым два варианта идеологии Запада являются двумя вариантами русофобии, которые по-разному соблазняют русских: одна видимостью «свободы», вторая видимостью «справедливости» социализма, – но обе обманом.

На основании большого исторического материала, пишет М.О. Коялович мы можем утверждать следующее: «Начало иноземства, заложенное в России мощной рукой Петра I, логически развивалось в своих последствиях и прорывало даже такие преграды, как на-

циональное возбуждение при Елизавете Петровне и Екатерине II... В русском обществе даже при Елизавете с неудержимой силой развивалось западноевропейское разделение между государством и Церковью, между светской и духовной жизнью, выражавшееся в сильном неверии и безнравственности» [5, с. 165–166]. И что в данном случае для России было одинаково роковым, с точки зрения ее будущего существования, М.О. Коялович сформулировал следующим образом: «Оба они – и Бирон, и Шлецер совершенно одинаково относились к русским людям с величайшим презрением и к России почти с одинаковым корыстолюбием. Наконец, оба почти одинаково утверждали свой авторитет с истинно немецкой наглостью» [5, с. 178]. Эти обстоятельства «заставляли русских людей обращать взоры на свое прошедшее и в нем искать указаний для правильного решения современных дел; а великий Ломоносов и за ним Державин, выдвигавшие так смело и могущественно самобытное величие русского слова, как бы воскресшего со всеми его многовековыми сокровищами, закрепляли еще более это направление» [5, с. 179]. Так, например, Болтин «показывает, какими жестокостями и истреблением ознаменована западноевропейская история сравнительно с русской, имеющей собственно одного тирана – Иоанна IV. Особенно сильно он поражает с этой стороны Леклерка за его восхваления успехов иноземцев во времена самозванцев. Болтин указывает, как эти прославляемые Леклерком иноземцы сознательно нарушили мир России без всякого повода с ее стороны, как они ввели в нее заведомого обманщика и сколько беззаконий совершили на русской земле» [5, с. 185–186]. В свою очередь, «Болтин смеется над западноевропейской личной волей простых людей без хозяйства, без земли» [5, с. 186].

Общий вывод Кояловича таков: «Оторванная Петром от родной почвы, русская словесность постоянно стремится восстановить эту связь... Это русская борьба с оторванностью русской мысли от ее родника – русской жизни – во всем ее объеме. Она-то и заставляла лучшие русские натуры кидаться от западноевропейской теории и образцов в область своего прошедшего и там искать себе освежения и умиротворения» [5, с. 195]. Но русский ответ на эту ситуацию не опоздал последовать в первую очередь со стороны изящной литературы: «Всем известно, каким богатством сатиры отличается история словесности прошедшего столетия. Сатиры Кантемира, Фонвизина служат выражением недовольства русского общества своим состоянием и его желанием выйти из этого положения. То же самое выражалось в многочисленных тогдашних периодических изданиях, быстро возникавших и исчезающих одно за другим. Злая насмешка казнила разврат, слепую подражательность всему иноземному. Но обличение зла есть только половина дела. Нужно указать еще положительное дело, которое должно заменить дурной порядок. Этим тоже занимались журналы и часто вели речь о любви к Родине, об уважении ее обычаев, нравов. Но на этот вопрос могли удовлетворительно отвечать уже не журналисты, а историки. Вот где глубокий смысл такого ценного труда, как трактат Щербатова “О повреждении нравов”, в котором обращается внимание на лучшие стороны допетровского русского прошедшего... Россия XVIII в. так втянулась в западноевропейскую жизнь, так глубоко ввела в себя западноевропейские начала, что и сознав свое развращение, стала искать западноевропейского врачевства. В те времена таким врачевством считалось масонство» [5, с. 200–201]. Это принципиальный момент, и в будущем он создаст «псевдоморфозу» русского сознания, которая в итоге стала для страны роковой. В 1917 году предатели России уничтожили государство, свергнув сакральную монархию, но при этом наивно веря, что творят благо для России. Все это было результатом одичания политического и культурного сознания, замаскированного под видом «интеллигентности».

М.О. Коялович предполагал, что так и может произойти. Стоит поэтому привести следующий большой фрагмент из его оригинального текста, поскольку именно он показывает исходные мотивы защиты русской идентичности. Он писал: «Карамзин далеко ото-

шел от новиковских общечеловеческих начал жизни и гораздо больше его приблизился к пониманию русских национальных начал. Ниже мы увидим, что были писатели (так называемые славянофилы), которые несравненно глубже Новикова поняли общечеловеческие начала и несравненно глубже Карамзина поняли и лучше выяснили русские национальные начала» [5, с. 216]. А то, в чем так называемые декабристы были страшными разрушителями России, он сформулировал так: «В среде декабристов образовались фракции, и в числе их самая крайняя и самая невежественная в делах России составила по мысли Пестеля “Союз спасения” – чисто революционное тайное общество. Порядки западноевропейского либерализма, конечно, в менее резких формах захватывали тогда не одну передовую молодежь. Значительная часть тогдашнего чиновного мира разделяла эти бредни. Само правительство, как мы уже замечали, держалось подобных взглядов и даже осуществляло их на деле самым тяжелым для русского чувства образом» [5, с. 228]. Однако в отличие от «декабристов», «Карамзин понимал самодержавие не в смысле азиатского или папского абсолютизма, а в той своеобразной форме, в какой оно развивалось и развивается только в России. Он признавал его совместимым и со строгой законностью, и с широкой гражданской свободой, и в особенности со свободой мнения» [5, с. 231].

Европеизм, по М.О. Кояловичу, оказывается самым разрушительным явлением для России. Например, «История» Н. Полевого «имеет то главное и почти незаменимое достоинство, что она лучше всего показывает, какое чудовищное искажение всего нашего прошедшего строя можно произвести, примеривая к нему западноевропейский строй, хотя бы то по самым научным западноевропейским книгам» [5, с. 257]. Поэтому «у Полевого, вышедшего почти из народа (сын купца) и решившегося написать “Историю” русского народа – решительное ниспровержение народной силы. Она – грубый материал для народного государственного строения и для мирового движения человечества. Совершенно естественно вышло дальнейшее последствие, что и всю русскую историю нужно принизить перед западноевропейской под видом всемирной» [5, с. 259]. Это связано с той общей закономерностью, что «отрицание русской культуры подрывало в корне способность взяться за разработку положительной стороны русской жизни, поэтому так называемые у нас западники меньше всего сделали для русской истории... Отрицание может создавать критику, полемику, но не ведет к положительной, созидательной деятельности» [5, с. 322]. И даже «народное» происхождение самого историка на это никак не влияет. Более того, как раз из народа часто и выходят именно такие поклонники Европы, которые становятся самыми оголтелыми русофобами. Это вполне закономерно с психологической точки зрения: стараясь возвыситься в собственных глазах, но не имея для этого никаких реальных достоинств, эти люди заменяют их унижением собственной Родины. В современной литературе это явление получило наименование «смердяковщина».

Принципиальной является оценка М.О. Кояловичем центрального события русской истории: «русская Смута была делом иноземной интриги, особенно польско-иезуитской, что вкус этой интриги почувствовали не только все ближайшие наши соседи, но и многие отдаленные иноземцы, и старались ловить рыбу в мутной воде» [5, с. 404]. Этот факт подчеркивался и другими авторами, но Коялович был первым, кто увидел в нем принцип всей русской истории, который подтвердился и трагическими событиями XX века.

М.О. Коялович формулирует совершенно непривычную характеристику русского Просвещения: «если бы России представлено было идти этим естественным путем: объединять просветительные начала – свои, западнорусские, греческие, вырабатывать из них свою народную культуру. Что на этом пути было много хорошего и прочного – это лучше всего доказывает история XVIII века, когда мы глотали западноевропейские заимствования. Действительные просветительные нужды России больше всего удовлетворялись из источников этого именно допетровского просвещения – из Киевской Академии,

из Славяно-греко-латинской Академии и развившихся из них епархиальных школ. Но, к истинному несчастью России, рядом с этим просветительным направлением развилось в ней другое – чисто западноевропейское. Больше и больше в России оказывалось иноземцев, и они больше и больше пробивались из области ремесленной западноевропейской культуры в область духовной просветительной, т.е. больше и больше вносили в Россию национальные западноевропейские типы и делали завоевания в душе русского человека» [5, с. 408].

Как это ни странно для традиционного взгляда «просветителей», настоящими просветителями России в то время были именно греческие духовные академии, носители традиции Святого Афона, а вовсе не европейского просвещения. Но кто бы, кроме Кояловича, отметил этот парадоксальный ситуации, когда «перед глазами Петра была, с одной стороны, мятежная, неистовая русская Москва, с другой – веселая, дружественная немецкая Москва. Из-за той и другой Москвы он не видел спокойной, богатой добрыми чувствами и силами России, или смотрел на нее то как на ту же мятежную Москву, то как на грубый материал, подлежащий обработке по иноземным образцам» [5, с. 416]. Но Петр не видел это великой самобытной России и кто, как не М.О. Коялович мог сказать об этом? Тем не менее он сказал о заслуге этого царя следующим образом: «в его делах было слишком мало сердечного и нравственного отношения к действительной, живой России. После этого понятно, что какова бы ни была его вера в русский народ, она могла создавать в русских людях одно лишь знание, которое и оказывалось постоянно бездушным и бесплодным еще при Петре, и тем более после его смерти. Уже впоследствии русской даровитости и русской сердечности пришлось справляться с этой односторонностью Петровских преобразований, причем сейчас же стал возникать вопрос о возврате к началам старой Руси и о восстановлении связи с русским народом, т.е. возник вопрос о самобытности русской культуры» [5, с. 424–425].

Однако его вывод очень жесток и по радикальности превосходит все вердикты известных славянофилов: «...тридцать семь лет Петр нагромождал в России преобразования, большей частью помимо всякой нравственности, всякой сердечности и всякого уважения к живому организму России. Преобразования оказались внешними, подлежащими разбору, и, разбираясь в них, Россия дошла до бироновщины, и только спустя полстолетия с лишним от начала этих преобразований начала разбираться в них действительно в своих интересах» [5, с. 425]. И что в результате? «Самым важным временем будет время Елизаветы Петровны, при которой нужды русской народности впервые после долгого времени освещены были ясным сознанием и которую только родство с Петром удерживало от еще более решительного разрыва с его делами. Время до Елизаветы должно быть признано неумолимым обличением дурной стороны Петровских преобразований, а время Екатерины II – неоспоримым доказательством, как трудно оправдать теорию, что идеал цивилизации России – в Западной Европе. Недаром лучшие русские люди времени Екатерины, как Болтин, заговорили об особенностях России от Западной Европы и о различии их культур» [5, с. 432]. А с прагматической точки зрения все было еще более цинично: «Крепостное право у нас систематически усиливалось с усилением Петровских преобразований и с усвоением нашей интеллигенцией западноевропейского идеала благородного человека» [5, с. 445].

М.О. Коялович напоминает о том, что «в действительности освобождение крестьян с землей есть возвращение к началам древней русской исторической жизни и есть неоспоримое отрицание культурных западно-европейских начал, усвоенных нами, а что касается закрепощения крестьян, то оно находится в несравненно большей связи с этими западноевропейскими началами, чем с русскими потребностями... всякий непредубежденный читатель видит ясно эту связь, – связь рабского ига русского народа с западноевропей-

ским просвещением нашей интеллигенции» [5, с. 390]. Это весьма принципиальный тезис. Ведь привычная нам идеология говорит о том, что так называемое крепостное право – это якобы какая-то особая провинность России, хотя на самом деле оно было заимствовано из Европы и просуществовало около 200 лет, а в Европе – более 600. Кроме того, в Европе крепостное право имело характер личной зависимости от землевладельца и поэтому воспринималось как угнетение. В России же крепостные обязанности (обычно не превышавшие 12–15 дней в году) были ответственностью всей общины, не имели характера личной зависимости и воспринимались как нравственная обязанность, как служба Богу и Государю, а не как «эксплуатация». Поэтому отмена крепостного права с выкупом земли часто воспринималась крестьянами как нравственное оскорбление – как отказ государства от их службы, как будто государство от них «откупилось».

Но Коялович указал на различия более конкретные, которые часто и определяли отношения людей, помимо своей религиозной принадлежности. Он писал: «В Восточной России – суд всем общий и равный, и судья признавал виновными представителей высших сословий, если они отказывались выходить в поле для судебного доказательства своей правды борьбой с людьми низшего сословия. В Восточной России правительство законодательными мерами обеспечивало правильность крестьянского перехода и правильность поступления в холопы, не трогало вольных людей и само указывало на них двигателям колонизации, как монастырям или Строгановым. В Западной России, по судебникам Казимира и по Статуту, суд делался более и более привилегированным; допускается вмешательство панов в судебные дела и дозволяется им делать свидетельские показания вместо их крестьян» [5, с. 403]. Естественно, что равный и народный суд также определял отношения людей.

Принципиальный тезис М.О. Кояловича: «Так называемое светское, западноевропейское образование вводилось у нас без надлежащих и даже без всяких предосторожностей. Оно и стало быстро вторгаться в духовную область русского человека и тем успешнее овладевать ею, что в русском человеке того времени подорвана была Петром же вышеуказанная, обычная у всех народов охрана от чужого – народное чувство. Но, кроме того, подорвана была у нас тогда и другая, еще более надежная охрана. Русская историческая жизнь выработала по отношению к Западной Европе ясное, всеобъемлющее указание на эту границу между своим и чужим – именно Православие. Но известно, как легкомысленно и безрассудно Петр оскорблял и унижал это русское историческое начало в первую половину своего царствования. Его шутовские религиозные потехи составляют несомненное воспроизведение протестантских воззрений на папство и несомненное доказательство, что Петр тогда был жертвой иноземных интриг против Православия. Потом Петр понял свою ошибку и строго охранял Православие... Но ошибка уже была сделана и последствия ее больше и больше вторгались в русскую жизнь» [5, с. 420–421].

В целом же, по его ключевому определению, «не старое русское варварство, а тягости западноевропейских у нас порядков подрывали смысл свободы низших людей и заставляли сосредоточивать ее в меньшем и меньшем числе людей» [5, с. 447]. Таким тезисом ученый показывает истинный смысл крепостного права как части «европеизации» России. Вместе с тем он проявляет и глубокое понимание мотивов тех ученых, которых он жестко критиковал в своей книге. Например, он пишет о том, что «С.М. Соловьев, как и другие наши русские историки, чем дальше, тем больше входил в область чисто русских воззрений и очищал себя от иноземных взглядов» [5, с. 454]. И это не случайно, поскольку к этому склоняют обычные факты нашей истории. Например, сам М.О. Коялович пишет: «чисто нравственные качества и дела наших богатырей, подвиги в борьбе с инородцами наших казаков, еще более высокие подвиги наших русских колонистов, наших религиозных богатырей-иноков или таких проповедников личной свободы и самобытности, как препод-

добный Нил Сорский» [5, с. 476]. Вообще важно отметить, что именно Коялович первым в исторической литературе привлек для обоснования величия в древней русской истории подвижничества великих святых. В.О. Ключевский, который защитил об этом свою докторскую диссертацию, потом о них мало вспоминал.

Обобщающий, цивилизационный вывод М.О. Кояловича таков: «В нашем русском прошедшем мы не жили ни понятиями греков и римлян о варварстве всего остального человечества, ни унаследованными от них понятиями западноевропейцев о всеподавляющем господстве интеллигенции страны над массой народной или одного народа над другим. Нам, русским, естественно и в науке нашей истории, как в нашей исторической жизни, проводить начала христианского братства для всей массы русских и для всех народов» [5, с. 548]. Выделение элемента христианского воспитания в народном характере как одного из важнейших факторов исторического процесса, определившего невероятную пассионарность русского народа и его способность к симбиозу с другими народами, создавшему огромное государство, – это несомненное и выдающееся научное открытие славянофилов. М.О. Коялович сформулировал его в четкой и яркой форме. В контексте нашей темы понятно также, что это свойство народного духа и характера, воспитанное христианством, и стало главным «ресурсом» в его многовековой борьбе, «агоне» с Западом. Россия не только устояла в этой борьбе, но и достигла огромных успехов именно в силу того, что превосходила Запад в нравственных основаниях своей силы. Еще ранее М.О. Кояловича Н.Н. Страхов 22 июня 1863 года в письме к редактору «Дня» писал о достижении «*нравственной победы над Европою*» как главной цели русского самосознания [12, с. 61]. Н.Н. Страхов, как известно, впервые сформулировал агональный принцип русского самосознания уже в самом названии своей книги «Борьба с Западом». Однако то, что русское самосознание только ставило своей целью, в самой русской истории уже было успешно достигнуто самим фактом создания великой России, устоявшей перед натиском с Запада.

Обобщая проведенный краткий анализ поставленной темы, можно сделать следующие выводы:

1) М.О. Коялович продемонстрировал удивительную самостоятельность мышления и благодаря этому сделал ценные обобщающие формулировки идеологии славянофилов;

2) Коялович впервые обратился к материалу истории русской исторической науки с особой точки зрения, показав, насколько последовательно вызревало в ней русское историческое самосознание;

3) данный подход позволил Кояловичу сформулировать определяющий принцип русского исторического самосознания – принцип агональности, то есть борьбы с навязыванием иноземного воззрения на русскую историю и утверждением оснований «русского исторического самосознания»;

4) Коялович провел свое обоснование на трех уровнях анализа материала – на материале борьбы южнорусского народа против католической унии, на материале общих формулировок русского сознания, которое роднит его с классическими славянофилами;

5) на материале текстов русской классической историографии М.О. Коялович показал процесс становления русского исторического самосознания как результат ответа на подавление иноземными влияниями;

6) общая концепция русского ученого показывает агональный характер становления русского национального сознания как результат успешной борьбы с внешними влияниями, которые пытались его подавить, что делает анализ Кояловича особенно актуальным в наше время. Все это позволяет считать научное наследие М.О. Кояловича чрезвычайно ценным и требующим изучения уже на уровне средней школы.

Литература

1. *Ви́чар В.М.* «Западно-русистское» понимание Брестской унии М.О. Кояловича // Вестник Омского ун-та. 2012. № 1. С. 58–62.
2. [Коялович М.О.] Глумление над русским и православным делом в Западной России: три письма проф. М.О. Кояловича. СПб.: Изд-во Деп. уделов, 1880. 19 с.
3. *Коялович М.О.* Документы, объясняющие историю западно-русского края и его отношения к России и к Польше. СПб.: Типогр. Эдуарда Праца, 1865. С. IV–CCIII.
4. *Коялович М.О.* Историческая живучесть русского народа и ее культурные особенности // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2005. № 5. С. 73–86.
5. *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 688 с.
6. *Коялович М.О.* Лекции по русской истории / под ред. В.Н. Черепицы. Гродно: Изд-во Гродненского гос. ун-та, 2008. 587 с.
7. *Коялович М.О.* Чтения по истории Западной России. Новое изд., перераб. и доп. СПб.: Типогр. А.С. Суворина, 1884. 349 с.
8. *Коялович М.О.* Шаги к обретению России. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 752 с.
9. *Пальмов И.С.* Памяти Михаила Иосифовича Кояловича // *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 5–28.
10. *Хотеев Алексей, свящ.* Основы концепции западнорусизма в творчестве М.О. Кояловича [Электронный ресурс] // Минск: БГУ, 2012 / Режим доступа: http://kronsh.prihod.ru/publikacii,_doklady,_vystuplenija/view/id/1132205
11. *Смолин М.* Профессор Коялович Михаил Осипович – русский историк [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://fondiv.ru/articles/6/260/>
12. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 576 с.
13. *Теплова В.А.* Михаил Осипович Коялович и русская православная историография // *Коялович М.О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Минск: Лучи Софии, 1999. С. 385–395.
14. *Трещенок Я.И.* Михаил Осипович Коялович и его время: Послесловие // *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 674–678.
15. *Черепица В.Н.* Михаил Осипович Коялович: история жизни и творчества. Гродно: Изд-во Гродненского гос. ун-та, 1998. 328 с.
16. *Черепица В.Н.* Послесловие // *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. Минск: Лучи Софии, 1997. С. 669–673.
17. *Шикло А.Е.* Коялович Михаил Осипович // Историки России: биографии / сост. и отв. ред. А.А. Чернобаев. М.: РОССПЭН, 2001. С. 223–228.
18. *Шириняц А.А.* Михаил Осипович Коялович (1828–1891) // Вестник Московского ун-та. Серия 12: Политические науки. 2005. № 5. С. 70–72.
19. *Якуша П.* М.О. Коялович – историк Руси и рачитель Русского мира [Электронный ресурс] // Камертон: Сетевой литературный и исторический журнал. 2019. № 119. Сентябрь / Режим доступа: <https://webkamerton.ru/2019/09/mo-koyalovich-istorik-rusi-i-rachitel-russkogo-mira?fbclid=IwAR1A-HsXA6uCBJ4HqIL0vufVw6bCrODzMUD1J0ZuL5wt9Keh8BBIT811rtk>

Аннотация. В статье показано, что М.О. Коялович продемонстрировал удивительную самостоятельность мышления, сделав ценные обобщающие формулировки идеологии славянофилов. Он впервые обратился к материалу истории русской исторической науки с особой точки зрения, проследив, насколько последовательно вызревало в ней историческое самосознание. Данный подход позволил ученому сформулировать определяющий принцип русского исторического самосознания – принцип агональности, то есть борьбы с навязыванием иноземного воззрения на русскую историю. Коялович провел свое обоснование на трех уровнях анализа материала: борьба южнорусского народа против католической унии; общие формулировки русского сознания в духе классических славянофилов и анализ истории русской исторической науки. На материале текстов русской классической историографии Коялович показал процесс становления русского исторического самосознания как ответ на его подавление иноземными влияниями, что делает данный анализ особенно актуальным в наше время. Все это позволяет считать научное наследие Кояловича чрезвычайно ценным и требующим изучения уже на уровне средней школы.

Ключевые слова: М.О. Коялович, русское самосознание, агональность, Западная Русь, история, уния, русское сопротивление.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

The Agonal Principle of Russian Consciousness in the Concept of M.O. Koyalovich

Abstract. The article shows that M.O. Koyalovich demonstrated an amazing independence of thinking and thus made valuable synthesis formulations of Slavophil ideologies. He was the first to turn to the material of the history of Russian historical science with a specific approach showing the consistent maturing of Russian historical consciousness. This approach allowed M.O. Koyalovich to define the constitutive principle of Russian historical consciousness, - the principle of agonality, i.e. the struggle against the imposition of foreign views on Russian history. M.O. Koyalovich carries out the substantiation of his theory at three levels of the material analysis –the struggle of the southern Russian people against the Catholic Union; general definitions of Russian consciousness in the spirit of classic Slavophiles; and the analysis of the history of Russian historical science. On the basis of Russian classical historiography texts Koyalovich showed the process of Russian historical consciousness formation in response to its suppression by foreign influences, which makes this analysis especially relevant nowadays. All this allows us to consider the scientific heritage of M.O. Koyalovich extremely valuable and requiring study already at the secondary school level.

Keywords: M.O. Koyalovich, Russian Consciousness, Agonality, Western Russia, History, Union, Russian Resistance.

«Немецкие партии» в русской науке XIX столетия

Есть ли у науки национальность? Может она быть русской, немецкой или какой-либо еще? Свой ответ на этот вопрос Н.Я. Данилевский дал в 1869 году, заявив, что все науки в большей или меньшей степени обладают национальным характером. Менее всего он проявляется в дисциплинах, основанных на точных методах исследования, о которых автор «России и Европы» говорил: «Здесь роль народности ограничивается почти лишь способом изложения и выбором методы исследования, если таких приложимых метод несколько» [1, с. 206].

Подобные заявления делались в нашей стране не в первый раз. Да и сам Николай Яковлевич подчеркивал, что проблему национального в науке до него подняли и освятили славянофилы [см. 2, с. 60–61]. Однако именно Данилевский представил подробную картину того как в тех или иных науках проявляется национальное сознание. Завершая посвященную этому главу VI своей книги, он утверждал: «Роль народности в науках увеличивается по мере усложнения предмета, не допускающего введения точной и строгой методы. Если науки эти не принадлежат к разряду наук общественных, то причина национального характера, который они могут и должны принимать, зависит от особенности психического строя каждой народности, в особенности же каждого культурно-исторического типа. Наиболее же национальный характер имеют (или, по крайней мере, должны бы иметь для успешности своего развития) науки общественные, так как тут и самый объект науки становится национальным» [1, с. 206].

I

В том же 1869 году Данилевский не мог не узнать об истории со славистом и этнографом А.Ф. Гильфердингом, который был выдвинут кандидатом на открывшуюся вакансию академика, но забаллотирован на общем собрании Академии наук. Академик А.В. Никитенко, в своем дневнике так объяснял произошедшее: «Тут немцы всему виною, то есть немцы-академики, которые не выбрали Гильфердинга потому будто бы, что он ратует против них и отстаивает интересы славян. Тут видят целый заговор этих немцев против русского патриотизма» [3, с. 162]. Таким же образом, как известно, в 1880 году был забаллотирован «немецкой партией» великий Д.И. Менделеев.

Менее всего здесь стоило бы сосредотачивать внимание на Академии наук с ее «немецким засильем» (которое на исходе XIX века возмущало и ее президента – великого князя Константина Константиновича). Во-первых, ее проблемы отнюдь не исчерпывались

Бадалян Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), доцент Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: dmit.bad@gmail.com

тем, что в Академию выбирали «не тех». Как отметила В. Тольц, еще к началу XIX века «Академия прочно утвердилась, в том числе методологически, как учреждение, отражающее космополитические и энциклопедические идеалы Просвещения» [4, с. 17]. Во-вторых, те же самые сложности (только в разной степени) встречались едва ли не во всех учреждениях империи, связанных с наукой и высшим образованием.

Так, А.И. Герцен, учившийся в Московском университете в 1829–1833 годах, вспоминал: «Профессора составляли два стана, или слоя, мирно ненавидевшие друг друга: один состоял исключительно из немцев, другой – из не-немцев. Немцы <...> вообще отличались незнанием и нежеланием знать русского языка, хладнокровием к студентам, духом западного клиентизма, ремесленничества, неумеренным курением сигар и огромным количеством крестов, которых они никогда не снимали. Не-немцы, с своей стороны, не знали ни одного (живого) языка, кроме русского, были отечественно раболепны, семинарски неуклюжи, держались, за исключением Мерзлякова, в черном теле и, вместо неумеренного употребления сигар, употребляли неумеренно настойку» [5, с. 120].

Преподаватель другого университета – Петербургского – тогда еще молодой адъюнкт-профессор Никитенко в апреле 1832 года отметил в своем дневнике, что «люди образованные и патриоты» в обществе «составляют род союза против иностранцев и преимущественно немцев», а далее добавил: «Немцы знают, что такая партия существует. Поэтому они стараются сколь возможно теснее сплотиться, поддерживают все немецкое и действуют столь же методично, сколько неуклонно. Притом деятельность их не состоит, как большей частью у нас, из одних возгласов и воззваний, но в мерах» [3, с. 116].

«Сколь возможно теснее сплотиться», очевидно, это о том же, подмеченном Герценом, «духе западного клиентизма». В случае, описанном им, немцы были приезжие. Как заметил сам Герцен, «больше из Геттингена» [5, с. 120]. В других учреждениях служили и ученые-немцы из остзейских губерний. Но обычно к «немецкой партии» прибывались прочие иностранцы и даже российские подданные – чаще всего поляки. К примеру, доктор медицины А.И. Ильинский, вспоминая годы учебы в Казанском университете (1849–1854), писал: «...тогда в университете были партия русская и немецкая. Последняя была сильнее, потому что поляки, не имевшие своей партии, всегда примыкали к немецкой, как неблагоприятной для русских» [6, с. 5]¹.

К тому, как национальность влияла на методологию, выбор научного языка и направления исследований мы еще обратимся, а начнем с более тривиальных сюжетов – с того, как и почему возникала вражда между немецкими и русскими учеными и причем тут «дух клиентизма».

Особые этнокорпоративные отношения был развиты в целом ряде социальных и профессиональных сообществ. Например, среди военных: армейских офицеров, чинов Главного штаба, моряков, а также среди медиков. Еще в 1760-х годах в Санкт-Петербурге действовало хирургическое общество, объединявшее врачей немецкого происхождения, служивших главным образом в военных и морских госпиталях [11, с. 477].

В 1819 году в столице появилось новое подобное учреждение, где гражданские медики уже не являлись исключением. Это было «Немецкое врачебное общество Санкт-Петербурга» (*Der deutsche aertzliche Verein in St.Petersburg*). Общество включало в себя сначала 11 человек, затем 20 и, наконец, остановилось на постоянном числе 25 членов.

¹ Уже из сказанного видно, что термин «немецкая партия» зачастую употреблялся как культурный и идеологический конструкт. Выражение это встречается в разнообразных источниках XIX века, включая личные и делопроизводственные документы. Мы используем именно его, так как в последние десятилетия оно применялось и применяется целым рядом исследователей в отношении к различным сферам, в том числе и научной [7, с. 9, 12, 172]. Подробнее о явлении «немецкой партии» в литературе и журналистике см. [8, с. 317–334; 9, с. 132–134; 10, с. 41–43].

Поэтому Т.А. Шрадер вполне справедливо заключает, что оно являлось «в определенной степени закрытым и элитным»: только смерть одного из его членов открывала возможность для вступления в Общество нового медика из петербургских немцев [12, с. 116].

Позднее в столице появились еще два немецких общества. В 1850 году – «Общество практикующих врачей в Санкт-Петербурге» (“Verein praktischer Aerzte zu St. Petersburg”), где протоколы велись именно на немецком языке. А в 1858-м – «Всеобщее общество Санкт-Петербургских врачей» (“Allgemeiner Verein St. Petersburger Aerzte”). В последнее могли принять и специалистов немецкого происхождения, но весьма немногих. Т.А. Шрадер пишет: «До 1884 года 6,6% членов Общества носили русские и польские фамилии. К 1909 году число их сократилось до 4,7%» [12, с. 118]¹.

Первое русское объединение подобного рода попытался создать в декабре 1832 года лейб-медик С.Ф. Вольский. Позднее он вспоминал: «На предпринятое мною намерение основать Общество русских врачей, иностранные, находящиеся в русской службе и многие отечественные врачи, в особенности баронет Я.В. Виллие, смотрели с неблагоприятием до такой степени, что военные врачи, чтоб не потерять по службе, должны были оставить Общество; а доктор Нагумович и лейб-медик Мандт письменно отказались от данного ими обещания принять участие в основании Общества» [13, с. 199].

Шотландец лейб-медик Я.В. Виллие являлся директором медицинского департамента Военного министерства и президентом Медико-хирургической академии – этим объясняется его власть над военными врачами. Преодолеть сопротивление его и ему подобных удалось лишь благодаря высоким покровителям – генерал-штаб-доктору С.Ф. Гаевскому и директору канцелярии Министерства внутренних дел П.П. Никифорову. Только в сентябре 1833 года император подписал устав этого общества [11, с. 480]. Среди его первых членов были и врачи польского происхождения, например, Ф.А. Пшесмыцкий и В.М. Шклярский. Такого же происхождения был упомянутый Вольским Л.Я. Нагумович, а М.М. Мандт – уроженцем Франкфурта-на-Майне. Уже из этого видно, что общество изначально не имело узко национального характера.

Конкуренция между русским и немецким обществами развивалась и далее. Очередным поводом для нее явился приезд в 1841 году в столицу Н.И. Пирогова. Заполучить его в свои ряды стремились оба учреждения, но Николай Иванович выбрал немецкое общество, куда его приняли как почетного члена. Авторы «Истории военной медицины России» объясняют это так: «...поскольку до этого ему пришлось длительное время постоянно общаться с врачами и студентами, для которых немецкий язык был родным, а сам Н.И. Пирогов также в совершенстве им владел и писал свои работы на немецком языке» [11, с. 481]. Однако из русских врачей далеко не один Пирогов учился вместе с немцами-медиками и владел их языком. То же самое можно сказать, к примеру, про родившегося за пределами Российской империи В.М. Шклярского, который однако стал почетным членом «Общества русских врачей в Санкт-Петербурге»². Очевидно, у Пирогова, переехавшего в столицу ради службы в Медико-хирургической академии, не было желания портить отношения с ее начальником да еще при первых же шагах на новом поприще. Но было еще одно серьезное обстоятельство: высокая репутация немецкого общества, участие в котором обеспечивало

¹ Добавим также: «В Петербурге к концу XIX века были открыты три немецкие больницы для лиц только немецкой национальности, в которых практиковали немецкие врачи и обслуживающий персонал также состоял из немцев. Помещения этих больниц были украшены портретами и бюстами немецких кайзеров» [12, с. 119].

² Валентин Михайлович Шклярский (1787–1879) родился близ Кракова. В Краковском университете изучал не только медицину, хирургию и акушерство, но и иностранные языки, включая немецкий; в 1819–1820 годах учился в Вене, а в 1822–1823 годах в Берлинском университете, где получил диплом доктора медицины и хирургии. В Санкт-Петербурге жил с 1823 года.

лучшие связи не только в научной, но и в околоставной сфере. Ведь спустя время Пирогов заручился поддержкой и покровительством великой княгини Елены Павловны (урожденной принцессой Вюртембергской).

II

Столкновения с «немецкими партиями» в различных сферах заметно активизировались в 1840-х годах. В это время они приобретают характер не банальной конкуренции за поле деятельности, за высоких покровителей и материальные блага, а столкновения принципиально различных позиций. И одной из сфер, где это проявляется особенно очевидно, является наука. Подчеркнем: 1840-е годы – это время, когда в публичную сферу выходят чуть ранее начавшиеся споры славянофилов и западников, споры о России, ее историческом своеобразии, отношениях с европейскими странами и месте в мире. Это время споров о «народности» и формирования у русского общества национального сознания.

Схожие, но скрытые процессы шли и во властных кругах. Примером чему – деятельность С.С. Уварова. В 1834 году, еще только будучи исправляющим должность министра, Уваров приступил к изданию «Журнала Министерства народного просвещения», который, как отмечают Р.Х. Галиуллина и К.А. Ильина, «стал органом довольно четко сформулированного государственного дискурса не только “русского университета”, но и национальной науки». Более того, «появлению концепта “русская наука” мы обязаны целенаправленным усилиям министерства Уварова и его журнала» [14, с. 19]. Разумеется, «русская наука» не понималась в примитивно толкуемом националистическом смысле. Те же авторы подчеркивают, что в «Журнале Министерства народного просвещения» печатались, к примеру, присланные из Казани «статьи немцев, поляков, иранцев» [14, с. 16].

Продолжением этой же тенденции явились уваровские реформы университетской системы и сферы образования в целом. В том числе – учебных заведений Западного края и Прибалтийских губерний. Так, еще в первой половине 1830-х годов во всех учреждениях Виленского учебного округа – в Литве и Белоруссии, а также на Правобережной Украине (за исключением Киева), обучение велось только на польском языке. И это при том, что поляки среди населения края составляли абсолютное меньшинство. Уваров добился включения русского языка и русской истории в программы начальных и средних училищ западных губерний и основал Киевский университет Св. Владимира, где обучение велось на русском языке. Уже эта деятельность министра встретила упорную оппозицию придворной «немецкой партии», примером чему противодействие, оказанное ему в 1838 году М.А. Корфом на посту государственного секретаря [15, с. 171–176, 183–185, 191–192, 194–195, 201–202].

Еще более сплоченное сопротивление встретил Уваров в Прибалтийских губерниях, где речь об обучении на русском языке даже не возникала. Министр лишь поставил целью за несколько лет добиться знания русского языка у профессоров и студентов округа. Однако и это наткнулось на отпор, организованный остзейскими дворянами и их покровителями в Санкт-Петербурге. К примеру, протесты предводителей местного дворянства в 1839 году были переданы императору через активно поддерживавшего их гр. А.Х. Бенкендорфа [16, с. 129]. Николай I пошел им навстречу и отсрочил до конца 1845 году введение правил, требующих от студентов знания русского языка. Даже кафедра русской истории, несмотря на усилия министра, появилась в Дерптском университете уже после его отставки [см. 16, с. 128–132; 17, с. 226–229].

Сознавая невозможность радикальным образом реформировать Академию, президентом которой сам же Уваров и являлся, он развивал и поддерживал независимые от нее научные структуры, которые являлись (для кого-то осознанной, для кого-то нет) альтерна-

тивой отдельным направлениям деятельности Академии наук¹. Таким учреждением стала Археографическая комиссия, созданная в 1834–1837 годах при покровительстве Уварова, она действовала в системе Министерства народного просвещения и лишь в 1922 году была передана в ведение Академии наук.

Затем вне пределов Академии возникли новые научные общества, в частности Русское географическое и Санкт-Петербургское археологическо-нумизматическое. У истоков их создания стояли ученые-немцы. Но в первые же годы деятельности обоих учреждений, в них возникла борьба «русской» и «немецкой» партий.

Русское географическое общество (состоящее из четырех отделений – общей географии, математической географии, статистики и этнографии) было учреждено в августе 1845 года при поддержке Министерства внутренних дел. Министр Л.А. Перовский представил Николаю I предложение об учреждении Общества, и среди первых его членов было немало чиновников Министерства внутренних дел (многие из них впоследствии стали активными участниками подготовки Крестьянской реформы).

Один из чиновников этого министерства Я.В. Ханьков (под чьим руководством в то время служил славянофил Ю.Ф. Самарин²) в феврале 1847 года выступил на собрании Общества с докладом о научной географической терминологии. Приведя многочисленные примеры существующих в живом русском языке слов для обозначения различных видов местности, Ханьков заявил, что наука при этом пользуется весьма ограниченным набором терминов. Поэтому докладчик предложил начать собирание народных, связанных с особенностями местного ландшафта, выражений, которые будут важны для дальнейшей выработки «точной географической терминологии». Свидетель этого выступления, член Общества Д.А. Милютин вспоминал: «Прочитанная Ханьковым записка была встречена враждебно присяжными немецкими учеными. В немногих замечаниях, высказанных некоторыми из них, ясно сквозил протест, как смеют соваться в дело специалистов какие-то молодые, неизвестные дилетанты!». Д.А. Милютин объяснял реакцию немецких ученых, также тем, что они увидели в предложении Ханькова желание «обрусить научную терминологию». Сразу же после этого заседания, по рассказу Д.А. Милютина, «около Ханькова стеклось множество членов, возмущенных высокомерным отношением ученых специалистов к попытке не принадлежавших к их касте членов Общества служить целям его, работать на обширном поприще географии России. Горячо высказывалось негодование против

¹ Добавим, что при Московском и Казанском университетах выходили периодические издания, являвшиеся альтернативными по отношению к печатавшимся на иностранных языках журналам Академии наук. Так, Р.Х. Галиуллина и К.А. Ильина говорят об «Ученых записках, издаваемых Императорским Казанским университетом», что «для представителей целого ряда дисциплин они стали возможностью иметь право голоса, независимо от Академии наук». Как пример тому эти авторы ссылаются на статьи Н.И. Лобачевского по неевклидовой геометрии (1835–1838 и 1853–1855 годов): «Известно, что академики агрессивно восприняли изобретение казанского ученого и вряд ли бы допустили его к публикации» [14, с. 37]. Об иных аспектах и обстоятельствах противостояния Уварова с «немецкой партией» см. [18].

² В середине 1840-х годов Ханьков исполнял обязанности правителя канцелярии Рижского военного губернатора и лифляндского, эстляндского и курляндского генерал-губернатора Е.А. Головина; в 1846 году он был назначен председателем ревизионной комиссии Министерства внутренних дел, изучавшей городское устройство и хозяйство Риги. При этой комиссии в непосредственном подчинении Ханькова служил Ю.Ф. Самарин, который в 1848 году представил итоги своих размышлений в «Письмах из Риги». Распространение их рукописи в салонах Москвы и Петербурга вызвало яростное возмущение остзейских дворян и их союзников. Среди первых читателей «Писем из Риги» был сам Ханьков, а также министр внутренних дел Л.А. Перовский, его брат, член Государственного совета В.А. Перовский, министр государственных имуществ гр. П.Д. Киселев, Е.А. Головин, к тому времени уже не губернатор, а член Государственного совета, Н.А. Милютин и другие чиновники Министерства внутренних дел [10, с. 45]. История с «Письмами из Риги» – единственный скандальный эпизод из в целом негласного, скрытого противостояния остзейским дворянам и придворной «немецкой партии», в котором вступило министерство, руководимое Л.А. Перовским.

этой исключительности немецких ученых, и вот образовалась против них многочисленная коалиция с целью низвергнуть их преобладание в делах общества. Война с “немцами” была решена» [19, с. 139].

Вскоре, то есть к 1848 году, как описывает Н. Найт, «“русская фракция” получила в свои руки значительный контроль над статистическим и этнографическим отделениями, оставив немцам контролировать географические отделения и управленческие структуры общества» [20, с. 161].

Следующий, уже по-настоящему серьезный, этап в борьбе партий внутри Географического общества наступил в 1848–1849 годах, когда подходили к концу четыре года, изначально определенные как срок действия временного устава Общества. Его членам надлежало разработать новый устав, отражающий главную цель Общества и «место России в рамках мирового научного сообщества» [20, с. 162]

Проект устава, подготовленный «немецкой партией» во главе с гр. Ф.П. Литке, не имел приоритетной целью изучение России и развитие русской науки. Поэтому он вызвал энергичные возражения «партии», возглавляемой Н.А. Милютиным. Чиновник особых поручений Министерства внутренних дел, востоковед В.В. Григорьев тогда заявил: «География сама по себе далеко не интересует меня так, как археология или лингвистика; но я русский в душе и все, что в каком-либо отношении приносит пользу России, не может быть для меня чуждым. Общество объявило, что оно трудится для России, и я счел за счастье присоединить свои слабые усилия к общей массе его трудов. Если бы оно сказало, что главной целью его учреждения будет возделывание земледелия как науки, на пользу человечества вообще и Западной Европы в особенности – я бы никогда и не подумал искать чести быть его членом¹. Большая часть членов общества тоже не географы, и не статистики по специальности своих занятий, и, смею думать, приняли участие в трудах общества единственно по тем же патриотическим побуждениям, что и я» [22, с. 95–96].

Сторонники братьев Милютиных и Григорьева так же возражали против высказанного в проекте намерения выпускать издания Общества не на русском, а на иностранных языках [20, с. 164]. По их мысли, публикации трудов Общества должны были в первую очередь служить интересам России и развитию русской науки. Отказ от использования иностранных языков в то же время ставил в весьма затруднительное положение таких ученых как К.Э. фон Бэр. Уроженец Эстляндской губернии Российской империи, он плохо знал русский язык и почти все свои работы писал и публиковал на немецком или латинском (но со второй половины 1840-х годов, то есть после начала споров о языке науки, некоторые труды Бэра стали печатать в переводах на русский).

В 1849 году в Русское географическое общество вступил штабс-ротмистр Генерального штаба А.Э. Циммерман. В своих воспоминаниях о противоборстве двух партий он рассказывал: «...не национальность, а различие взглядов на направление деятельности общества были причиной такого разделения. В немецкой партии было много русских, и обратно в русской партии находилось много членов носивших немецкие имена» [23, л. 66]. Так, по словам мемуариста, к «немецкой партии» принадлежал профессор геодезии и топографии Императорской военной академии А.П. Болотов (по предложению которого тот и вступил в Общество), а к «русской партии» «примыкал» чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел К.К. Грот. Он дружил с племянником Литке А.К. Гирсом, в 1849–1851 годах являвшимся секретарем Общества, которого гр. С.Г. Строганов называл

¹ В свете этих слов как не вспомнить афоризм Хомякова, впервые появившийся в 1856 году в славянофильском журнале «Русская беседа» (где печатался и Григорьев): «Не верю я любви к народу того, кто чужд семье, и нет любви к человечеству в том, кто чужд своему народу» [21, с. 273].

«креатурой» Н.А. Милютина [24, л. 9]. Гирс служил чиновником особых поручений при министре внутренних дел и, вероятно, в словах Строганова была доля истины.

Научные споры двух группировок Циммерман представлял довольно предвзято: «Немецкая партия хотела, чтобы общество оставалось верно своему названию и обращало свою деятельность на географические труды, отправление экспедиций в малоизвестные части России, издание карт и пр. Русская партия стремилась направить силы и средства общества на статистические и этнографические исследования. Тут участвовал также дух интриги; немецкая партия не отвергала пользы статистических и этнографических занятий, но не желала исключительно этому предаваться. В русской партии было очевидно желание придать политический характер деятельности общества, немецкая же партия хотела оставаться в строго научной сфере» [23, л. 66–66 об.].

Назвав «душою русской партии» братьев В.А., Д.А. и Н.А. Милютиных, А.П. Заблоцкого-Десятовского, К.С. Веселовского, И.П. Арапетова, а отчасти и А.В. Головнина, Циммерман тут же характеризовал их следующим образом: «...олигархи бюрократии, которым ныне царствующий государь, по скудоумию своему, вверил бразды правления, ослепленный их либерализмом, и которых конечно должно считать главными виновниками бедственного положения, в котором теперь Россия находится. Из них-то Яков Иванович Ростовцев составил свою пресловутую Редакционную комиссию, которая так неудачно устроила освобождение крестьян¹» [23, л. 66 об.].

Обвинения в том, что «русская партия» стремилась придать Обществу «политический характер», прозвучали у Циммермана, очевидно, не случайно. В том же самом стремились убедить III отделение его информаторы, посещавшие заседания Общества.

В записке «О географическом обществе» от 1 мая 1848 года (в архивном деле она названа «собственноручной запиской Дубельта», но, возможно, этот документ был лишь переписан и отредактирован управляющим III отделением) о происходящем в Обществе сообщалось: «Действительной пользы для отечественной географии нет и не предвидится, а суждения выражаются иногда самые оппозиционные. Многие старики перестают от этого и ездить в собрания, а это еще более ободряет остающихся. Все говорят, что общество это должно бы было присоединиться к Академии наук, где ведется верный протокол всех заседаний и речей, – так, что члены всегда под присмотром правительства. Здесь же часто рассуждают не о русской географии, а о теперешних политических обстоятельствах Европы с будущими их последствиями. Имя г-на Надеждина упоминается очень невыгодно...» [24, л. 1]².

О дискредитации Н.И. Надеждина пеклась именно «немецкая партия». Почему? Объяснением этого служит его активная деятельность в Обществе, к которой мы обратимся чуть позже.

В результате борьбы двух «партий» был принят устав Русского географического общества, учитывающий многие предложения «русской группировки». В декабре 1849 года

¹ В 1866–1868 годах, когда писались эти слова, «аристократическая» оппозиция (которая представляла интересы крупных помещиков, недовольных Крестьянской реформой) выступала союзницей «немецкой партии». Взгляды тех и других отстаивала газета «Весть» [10, с. 50, 62].

² Хотя находящееся в архиве III отделения дело «О Русском географическом обществе» включает в себя и сведения о нем как вполне благонадежном учреждении [24, л. 2, 7], большая часть донесений содержит политические обвинения тех, кто объединился вокруг Милютиных. Так, гр. С.Г. Строганов в перлюстрированном письме брату называл их «партией коммунистов» [24, л. 9]. В другой записке, датированной 30 марта 1851 года, со слов анонимного агента сообщалось: «В Географическом обществе допускаются рассуждения совершенно противные духу нашего правительства! Например: упрекают правительство, что оно терпит на службе немцев; желают дать всему вид, обычаи и правила русской старины; упрекают Государя наследника в излишней доброте и покровительстве немцам; дерзают даже самого Его называть немцем и видят свое спасение только в особе великого князя Константина Николаевича» [24, л. 15].

Общество получило название «Императорского», а уже в феврале следующего года его вице-председателем вместо Литке был избран М.Н. Муравьев (председателем официально являлся молодой великий князь Константин Николаевич, чьим наставником прежде был Литке)¹. Как вспоминал позднее П.П. Семенов-Тянь-Шанский, который при выборах вместе с К.К. Гротом занимался подсчетом голосов, «только на перебаллотировке М.Н. Муравьев получил перевес одним голосом» [26, с. 202].

В III отделении не склонны были вникать в различие научных подходов двух группировок, но тем не менее оказались вынуждены признать, что лидер «немецкой партии» с пренебрежением относится к интересам своего государства. В записке, составленной в этом учреждении по поводу состоявшихся выборов, говорилось: «В глазах всех членов Географического общества г. Литке почтеннее Муравьева, но в Муравьеве больше энергии и больше русского духа. В Литке замечено явное предпочтение иностранным ученым, тогда как русские ученые не хуже швейцарца, француза, пруссака, австрийца, итальянца, и всех их вместе, ибо русский ученый не будет обращать своих сочинений во вред царю и отечеству, как это делалось в Париже и Берлине. – Это нерасположение к Литке, не совсем неосновательное» [24, с. 3 об. – 4].

Далее в записке рассказывалось, что золотопромышленник П.В. Голубков пожертвовал Обществу две тысячи рублей серебром для составления карты Средней Азии, которая в условиях острой политической конкуренции в этом регионе России с Англией и иными державами, должна была оставаться для них секретом. Информатор III отделения сообщал: «Голубковскую карту, необходимую для каждого русского, могли сделать русские ученые, по русским верным источникам и русские деньги пошли бы на русский хлеб русским людям, но Литке заказал русскую карту сделать мюнхенским ученым, и она будет напечатана и обнародована в Мюнхене. Г. Литке не удостоил членов Географического общества объяснением причин такого неосмотрительного распоряжения и члены, дорожа государственным секретом, не могли, не должны были, по совести, дать ему предпочтение перед Муравьевым» [24, с. 5 об. – 6].

В своей статье о Географическом обществе Н. Найт отчасти следует риторике «немецкой партии» и называет «просвещенными бюрократами» [20, с. 160, 163, 187, 190] братьев Милютиных и их окружение, то есть тех, кто спустя годы будут активными деятелями Великих реформ. Тем не менее исследователь довольно ясно представил процесс становления русской этнографии, зародившейся в спорах, разделявших это Общество.

Найт подчеркивает, что хотя Бэр в своих работах часто рассуждал о различных «народах» и «племенах», в них не найти «идеи нации как органической цельности, обладающей особой трансцендентальной сущностью» [20, с. 169]. Далее он пишет о Бэре: «...его рассуждения хорошо укладывались в рамки западноевропейской этнологии того времени. В его взглядах отразилась основополагающая дихотомия “цивилизованных” и “дикарей”, европейцев и неевропейцев, белых и “цветных”, которая лежала в основе этнологии середины девятнадцатого столетия» [20, с. 172–173]. По сути, Бэр развивал ту самую науку, которая воспроизводила мир с точки зрения «цивилизованного» ученого: словно лестницу, ведущую от варварства к вершине, на которой стоят одинокие в своем величии европейцы. Для пояснения своей мысли Найт ссылается на пример известного современника Бэра, исследователя индейцев Г.Р. Скулкрафта, который воспринимал их «как единую расу, а не собрание племен» [20, с. 185]. В итоге, надо признать, Бэр и его единомышленники

¹ Археолог Н.И. Веселовский в 1900 году писал по поводу соперничества Литке и Муравьева: «Председатель Географического общества великий князь Константин Николаевич все время держался в стороне от этой борьбы, но есть основание думать, что он, несмотря на глубокое уважение к своему воспитателю, внутренне сочувствовал проявлению самосознания и самостоятельности со стороны русских людей. Известно также, что и император Николай I одобрительно смотрел на новое веяние» [25, с. 61].

развивали именно то направление науки, которое оказалось подвергнуто резкой критике в XX веке в работах исследователей так называемого постколониального направления.

Создатели русской этнографии, такие как Н.И. Надеждин, В.В. Григорьев, П.И. Небольсин и др., изначально отказались от выстраивания «цивилизационной» иерархии. Предмет такой этнографии – национальность, народность, которая постигается в первую очередь через изучение ее быта. Найт подчеркивает: «Понятие быта как целостной совокупности материальных и культурных элементов, составляющих особый образ жизни, было уникальной чертой именно русской этнографии. <...> “быт” не подразумевал никаких иерархий или сравнительных схем» [20, с. 181].

Добавим, что именно Надеждин в споре с Бэрром и его союзниками провозгласил: «...главным предметом занятий наших должна быть Россия <...> в России, которая в настоящем величие своем сама есть целый огромный мир, главным предметом внимания нашего должно быть то, что именно делает Россию Россией, то есть – “человек русский”! Разумею: совокупность отличительных черт, теней и оттенков, усложняющих особую, самообразную бытность “человечности”» [27, с. 61]. Это не значит, что Надеждин выступал за отказ от изучения других народов и народностей. Он и сам занимался исследованиями зырян, мордвы, балканских славян, разрабатывал рекомендации для описания быта и образа жизни народов Камчатки. И не случайно М.К. Азадовский назвал его «одним из пионеров изучения национального фольклора народов России» [28, с. 16]. Однако приоритеты русской этнографии были сформулированы однозначно им. Судя по всему, именно такой позицией Надеждин и заслужил возводимые на него политические обвинения.

Этнография, сформировавшаяся в России XIX века как самостоятельное научное направление, по сей день отличается от этнологии и культурной антропологии, сложившихся и развивающихся в русле западной науки. Она в полной мере оправдывает сделанное Найтом заключение: «Отделение национальной науки от общего научного дискурса оказало существенное влияние на развитие отдельных дисциплин. Освобожденные от доминирующего влияния иностранных моделей отдельные сферы науки могли теперь сами определять свой предмет, цели и методологию в соответствии со спецификой национального и государственного контекста» [20, с. 166].

III

Вскоре после образования Географического общества, в 1846 году было учреждено Санкт-Петербургское археологическо-нумизматическое общество, через три года получившее наименование «Императорское русское археологическое».

Среди его членов-учредителей заметную роль играли медальер и нумизмат, уроженец Варшавы, Я.Я. Рейхель, а также нумизмат и геральдист, только в 1845 году переехавший в Петербург из Берлина, Б.К. Кёне. Еще одним учредителем общества был 22-летний археолог, сын министра народного просвещения А.С. Уваров. И хотя он так же являлся членом Географического общества, с этим его связывали особенно тесные отношения. Самую энергичную поддержку Археологическо-нумизматическому обществу оказал его отец С.С. Уваров. Он выступал ходатаем за него, когда нужно было утвердить статуты Общества, и позднее, когда оно испытывало потребность в правительственной субсидии [25, с. 36].

Историк этого Общества археолог Н.И. Веселовский утверждал, что в нем изначально проявилось более причин для столкновения русских и немцев, чем в Географическом обществе. И главной он называл «то пренебрежение к русскому языку, которое обнаружено было членами основателями Общества, что вызывало горечь обиды в людях с сильно развитым национальным чувством» [25, с. 61]. Пренебрежение это выражалось и в том,

что на заседаниях Общества все доклады и сообщения должны были делаться исключительно на французском или немецком языках. Если председатели, в виде исключения, соглашались допустить выступление на русском языке, то они сталкивались с решительными возражениями Кёне. К примеру, именно он помешал сделать доклад на русском языке будущему академику А.Ф. Бычкову.

Воцарившийся в Обществе порядок Веселовский объяснял таким образом: «...некоторые из членов основателей или вовсе не были знакомы с русским языком, или знали его хуже главнейших иностранных, и имели преимущественно в виду знакомить иностранцев с памятниками древности, находимыми в нашем отечестве, о чем на первом же заседании и заявил Рейхель. Что же касается Кёне, то он <...> всего менее был заинтересован в распространении научных знаний в самой России и преследовал, главным образом, личные цели» [25, с. 49].

Надо добавить, что основное издание Общества – вышедшие в шести томах “*Mémoires de la Société archéologique*” – печаталось только на французском и немецком языках (хотя отдельные научные издания выпускались на русском и французском языках, а с 1849 года на русском стали выходить «Записки Русского археологического общества»). Таким образом, очевидно, контролирующая Общество «немецкая партия» демонстрировала, что оно существует лишь для избранного круга специалистов, а не в интересах развития национальной науки и просвещения нации.

Конкуренция же между направлениями деятельности внутри Общества, судя по всему, была сведена к минимуму тем, что, по предложению председателя, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, в нем были устроены три отделения, соответствующие различным научным дисциплинам – русской и славянской археологии, восточной археологии, древней и западной археологии.

Вероятно, одно из первых столкновений из-за языка исследований произошло между фольклористом И.П. Сахаровым и Кёне. Как рассказывал Веселовский, «Сахаров заявил, что у него имеется много материалов археологического характера, и что он готов знакомить с ними членов Общества, но только на русском языке, на иностранных языках сообщать ничего не будет» [25, с. 62–63]. И действительно, фольклорист занялся публикацией собранных им материалов только после произошедших в Обществе перемен. Впрочем, их не пришлось долго ждать.

Первым их знаком послужило избрание в декабре 1851 года помощником председателя Общества, вместо Рейхеля, гр. Д.Н. Блудова. В октябре следующего года скончался герцог Максимилиан Лейхтенбергский, и новым председателем Общества стал великий князь Константин Николаевич. В этой должности он повел себя уже менее дипломатично, чем в Географическом обществе. При первом же своем выступлении в стенах учреждения, в декабре 1852 года, великий князь заявил: «...я всеми силами буду поддерживать направление, которое проистекает из самого названия Императорского русского археологического общества, направления всего более соответствующего его пользе и, смею надеяться, сообразное с желаниями всех гг. членов». Приведя эти слова, Веселовский подчеркнул: «Высказывая такую программу августейший председатель решительно стал на сторону представителей той группы, которая стремилась придать деятельности Общества национальный характер» [25, с. 65].

Начавшая вскоре свою работу ревизионная комиссия в феврале 1853 года показала, что «иностранные Мемуары Общества вовсе не покупаются и не читаются в России», а по своему содержанию они «не соответствуют цели Общества и не знакомят Западную Европу с российскими и византийскими древностями» [25, с. 68]. И с этого момента издание “*Mémoires de la Société archéologique*”, которые редактировал Кёне, было прекращено. Тем не менее ревизионная комиссия рекомендовала начать выпуск на французском языке

непериодического издания "Mémoires de la Société Impériale d'Archéologique russe", имеющего целью «познакомить Европу с древностями нашего отечества» [25, с. 70].

Еще до того, как было подписано заключение ревизионной комиссии, по предписанию председателя Общества состоялись выборы управляющих и секретарей всех трех отделений. В отделении древней и западной археологии управляющим выбрали герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, а секретарем – Кёне. Великий князь Константин Николаевич, утвердив в должности Мекленбург-Стрелицкого, отказался утвердить секретаря отделения. Позднее Веселовский объяснял это тем, что с именем Кёне были связаны в то время некие распространившиеся «неблагоприятные слухи» [25, с. 66]. Вскоре Кёне подал заявление о выходе из Общества, и великий князь выразил на него свое согласие.

Противоречия между двумя группировками были накалены и, как писал Веселовский, «неудовольствие против иностранцев у представителей русской партии дошло прямо до болезненного раздражения, так что они долго еще после достигнутого успеха боялись дать какой-либо ход в Обществе немцам, и скорее соглашались терпеть бездеятельность того или другого отделения, чем допустить туда управляющими немцев» [25, с. 61–62].

IV

С 1840-х годов стали постепенно разгораться страсти еще в одном Императорском учреждении, где прежде ни о какой «немецкой партии» не поминали. Речь идет об Императорской Публичной библиотеке, которой с 1811 по 1843 годы руководил А.Н. Оленин. Правда, в период его директорства среди сотрудников библиотеки ученых было немного. В подборе кадров Оленин делал ставку на литераторов, таких как опекаемые им К.Н. Батюшков, Н.И. Гнедич и И.А. Крылов. Самое известное исключение из этого ряда – академик-филолог А.Х. Востоков (при рождении он, уроженец Лифляндии, получил фамилию Остенек). Для первой половины XIX века фигура Востоков совершенно не типична, и не только потому, что тогда он был единственным немцем, отдавшим библиотеке многие годы своей жизни, но и потому, что посвятил себя изучению славянских рукописей и славянской культуры.

Перемены в библиотеке начались в период директорства Д.П. Бутурлина, который вступил в должность в апреле 1843 года. Военный историк, генерал-майор, он представлял обычный для своего времени пример европейского космополита. Большинство своих научных трудов Бутурлин писал по-французски, и также как сменивший его в 1849 году барон М.А. Корф, издевался над уваровской идеей «народности» [29, с. 523]. Как и Корф, он интриговал против Уварова, и потому именно Бутурлин позднее оказался во главе «Негласного комитета 2 апреля 1848 года», призванного контролировать цензурную деятельность Министерства народного просвещения.

Если при Оленине в библиотеке и во входившем тогда в ее ведение Румянцевском музее служили англичанин и двое французов-эмигрантов, то после немецкая конкуренция избавила библиотеку от прочих иностранцев. Бутурлин не только ввел за правило опираться на научные кадры из уроженцев немецких княжеств¹, но и – что не менее показательно – уже весной 1844 года избавился от Востокова. В собрании Румянцевского музея, хранителем которого являлся ученый, была проведена ревизия, и после вскрывшихся недочетов Востокова уволили.

И при Бутурлине, и при Корфе, руководившем библиотекой в 1849–1861 годах, немцы составляли более трети их подчиненных. В.И. Ламанский, который служил в библиотеке в

¹ Бутурлин принял на службу не только, к примеру, будущего академика востоковеда Б. Дорна и ставшего уже в библиотеке ученым-книговедом Р.И. Минцлова (прослуживших там 25 и 35 лет соответственно), но и бывшего учителя немецкого языка Э.С. Шрейбера.

1855–1857 годах, позднее, в 1871 году, рассказывал о ней: «Как теперь, так и тогда главный личный ее состав был преимущественно немецкий. Впервые в моей жизни очутясь в иностранном обществе, я стал наблюдать его...» [30, л. 3]¹. Далее будущий академик описывал, как эти «живые наблюдения» послужили для него импульсом к развитию его научных интересов. Ведь вслед Данилевскому, Ламанский в своих исследованиях уделял особое внимание отношениям романо-германского мира со славянами. Но не менее интересна здесь характеристика окружавшего его коллектива как «иностранного общества»! Надо лишь уточнить, что при Корфе в число немцев, являвшихся поданными (или бывшими подданными) германских государств, влилась небольшая часть немцев-остзейцев. Впрочем, и сам Модест Андреевич, как известно, происходил из рода курляндских баронов.

Как мы уже видели на примере иных учреждений, язык – не только средство общения, но и, при желании – средство разделения, сегрегации и демонстрации превосходства. Поэтому стоит ли удивляться, что во второй трети столетия не только большинство работ сотрудников Публичной библиотеки издавалось на немецком и французском языках, но и заседания ее Совета проходили на немецком. Уже после директорства Корфа, в 1866 году поляк А.Д. Ивановский предложил вести Совет на русском языке как «единственно приличном государственному русскому учреждению». Ему ответили, что это не выполнимо [31, с. 112] (хотя знание русского языка было формальным требованием при приеме на службу в библиотеку [32, с. 86]).

Похожим образом Корф и его немецкое окружение определяли приоритетные направления деятельности библиотеки. Любимым детищем и гордостью Корфа было отделение «Россика», аккумулирующее в себе труды о России, написанные именно иностранцами, а запланированное отдельное собрание отечественных книг о России так и не было сформировано. По какой причине? Как заявил сам Корф, «потому, что оказалось бесполезным» [33, с. 107].

Когда же историк А.Д. Ивановский в 1858 году предложил создать в библиотеке особое Польское отделение либо Отделение славянских наречий, его идею даже не стали всерьез обсуждать [34, с. 233]. А это не была прихоть одного-единственного поляка. Славянские библиотеки уже действовали, к примеру, в Париже, Гельсингфорсе (нынешнем Хельсинки), Киеве. Необходимость в Славянском отделении диктовалась развитием славяноведения, импульс к формированию которого в России дал Уваров. Поэтому и будущий академик Ламанский в 1867 году со страниц «Журнала Министерства народного просвещения» заявил, что Россия должна позаботиться о создании «возможно-полных Славянских библиотек». Он настаивал: «В этом отношении и наша Императорская Публичная библиотека неудовлетворительна. Ныне всего более обращает на себя внимание неимение особого специального Славянского отделения в этой библиотеке» [35, с. 259–260] и далее изложил программу первоочередных мер в этом направлении. Но... его программой так никто и не воспользовался.

В середине века в библиотеке горячо обсуждали ее главные цели, исходя из которых следовало строить ее деятельность. Идею библиотеки как национального достояния, которое служит «общей пользе», отстаивали В.В. Соболевский, А.Ф. Бычков, К.А. Коссович, А.А. Стойкович и единственный немец – историк К.А. Беккер. Их противники убеждали, что библиотека должна служить только для ученых, то есть для немногих избранных. В.В. Стасов позднее вспоминал, что сторонниками этой концепции были «некоторые патентованные немцы-педанты», которые свои аргументы выдвигали «с должною важностью и достаточно ученым видом». Это были: Р.И. Минцлов, Б. Дорн, историки М.К. Поссельт и Э. фон Муральт, филолог-классик Х.Ф. Вальтер [33, с. 112; 36, стлб. 1516–1517].

¹ За возможность познакомиться с этим источником автор благодарен С.Л. Ронгонен.

Ивановский и далее пытался указывать на национальные приоритеты в развитии библиотеки. В частности, проводя в ней экскурсии, он обращал внимание, что на фоне целого ряда отделений, имеющих систематические каталоги, «русское отделение Библиотеки отличается прежде всего отсутствием систематического каталога» [37, с. 16]. Побывавший на экскурсии с Ивановским молодой журналист О.К. Нотович писал: «С чувством оскорбленного национального достоинства мы вышли из этого оставленного на произвол судьбы русского отделения» [37, с. 17]. И затем снова подчеркивал: «...для каталогизации книг на восточных и еврейском языках приглашены специалисты-ориенталисты. Слава Богу – будем иметь каталоги книг: еврейских, халдейских, сирийских, но только не российских книг. Ведь и печатный каталог рукописей начат с восточных – а русско-славянских и помину нет» [37, с. 30]. Вслед за экскурсоводом автор статьи отметил отсутствие в отделе рукописей портрета «академика Востокова, посвятившего столько лет своей полезной деятельности на палеографические исследования рукописи Остромирова Евангелия и признаваемого отцом русской палеографии» [37, с. 22].

После этой статьи Ивановского постигла судьба уволенного Бутурлиным Востокова. Вероятно, своими предложениями, а теперь еще и публичной критикой он исчерпал терпение коллег-немцев. И хотя прежде за безупречную службу Ивановский был награжден тремя орденами, из-за этой публикации его уволили. Он просил позволить завершить разбор переданных благодаря ему в библиотеку книг и архива библиофила Ф.И. Прянишникова, ему было отказано.

Еще прежде из библиотеки ушел Ламанский, который особенно болезненно воспринимал немецкое чванство. На одном из субботних совещаний у Корфа, когда он услышал обычное для директора с оттенком брезгливости обращение «любезный», Ламанский заявил: «Барон Модест Андреевич, может быть “майн либа” и хорошо звучит по-немецки, но по-русски “любезный” если и говорят, то только лакеям...» [38, с. 49]. После этого, как рассказывал Ламанский, он и подал прошение об отставке.

И хотя никаких признаков деятельности сплоченной «русской партии» в библиотеке обнаружить не удастся, периодически напряженность в отношениях с немцами обострялась, примером чему – история с А.Б. Пихлером. Этот баварский ученый-богослов, член Мюнхенской академии наук в 1869 году приехал в Россию за счет российского Министерства внутренних дел, был принят при дворе великой княгини Елены Павловны. С высочайшего разрешения его назначили сверхштатным старшим библиотекарем Богословского отделения (с окладом значительно выше, чем у обычных библиотекарей). При этом по библиотеке постоянных обязанностей у Пихлера не было и русским языком он не владел. Однако вскоре получил орден Св. Святослава 2-й степени.

В библиотеке в это время стали регулярно пропадать ценные издания, в том числе отдельные тома из собраний сочинений. По этому поводу Пихлер со смехом заявил: «Подобные бессмысленные кражи могут случаться только у вас, в России, где люди воруют книги как дрова, не начиная даже с первого тома. Не ясно ли, что это дело ваших безграмотных служащих?» [31, с. 156]. После того как В.И. Соболевскому¹ удалось задержать Пихлера с поличным, выяснили, что за 19 месяцев он украл 4478 книг и 427 гравюр (возвращали их на семи огромных возах). Состоялся суд, и Соболевский настоял, чтобы отчет о судебном процессе над Пихлером был издан по-немецки и разослан в крупнейшие библиотеки Германии [31, с. 155–161; 39, с. 472–472].

¹ Об отношении немцев к Соболевскому, который в библиотеке трудился и за библиографа, и за архитектора, и за казначея, говорит такой факт. В 1851 году он выступил в качестве автора проекта перестройки здания библиотеки и осуществлял надзор за строительными работами. Затем ему устроили проверку, которая показала, что все «исполнено совершенно удовлетворительно». Но... комиссию для проверки работы Соболевского составляли одни немцы: А.П. Брюллов, К.А. Тон и А.И. Кракау [31, с. 124].

Этот случай, конечно, из ряда вон выходящий, но надменность, презрение к чужой культуре, какие проявил Пихлер, нередко демонстрировали и иные его соотечественники или выходцы из Остзейского края. Подтверждением тому деятельность Е.Е. Беркгольца и В.А. Гена. Первый из них – историк, уроженец Лифляндии, уйдя из библиотеки, стал редактором рижского журнала “*Baltische Monatsschrift*”. Во второй половине 1860-х, когда в прессе разгорелась дискуссия о преподавании истории в остзейских гимназиях по-русски и о введении в Прибалтийских губерниях русского языка в официальное делопроизводство (тогда исключительно немецкое), его журнал рассуждал о русском варварстве и невежестве, помещал иные оскорбительные суждения о России и славянах, в том числе, присланные другом Беркгольца историком и филологом В.А. Геном.

Последний, тоже остзеец, прослужил в Императорской Публичной библиотеке почти 18 лет, был высоко ценим Корфом, который его называл «перлом библиотеки», получил два ордена, чин действительного статского советника (4 класса) и пенсию. Выйдя в отставку, он уехал в Берлин. Известны его записки о России, изданные посмертно в 1892 году [40] с предисловием, представлявшим автора как знатока русского народа, русской литературы и русской науки [41, с. 89]. В этих записках Ген объяснял, что «честь и чувство долга у русских неизвестны, господствующий характер – склонность к мошенничеству» [41, с. 85], что русские совсем не способны понимать и создавать настоящее искусство, истинную музыку, оригинальную живопись [41, с. 88], что «все лучшее идет в России от немцев» и даже знаменитейшие, как он выражался, лоретки в России «всегда только немки, большую часть из остзейских провинций», так как русским женщинам для этого занятия «недостает внутреннего благородства» [41, с. 86].

В свое время Е.В. Тарле и П.Б. Струве указывали на творение Гена, как на образец самой яркой русофобии [41, с. 84–85; 42, с. 159], в этом же качестве его представляют современные исследователи [43, с. 44–45; 44, с. 103].

V

В последней трети XIX столетия в России помимо Императорской Академии наук уже имелись или создавались новые учреждения и общества, представлявшие ученым возможности для выбора между институтами с разной профессиональной средой и реализовывавшие отличные одна от другой научные стратегии. Следовательно, такие учреждения волей-неволей участвовали в научной конкуренции. И это давало ученым необходимую возможность для маневра. Иллюстрацией чему история, произошедшая в 1880-х годах с востоковедом В.Р. Розеном.

Сын остзейского барона, он в юности плохо говорил по-русски и, поступив в Санкт-Петербургский университет, вел конспекты лекций только по-немецки. Однако под влиянием своего научного руководителя и наставника В.В. Григорьева Виктор Романович стал патриотом-государственником и активным сторонником русского направления в науке. В 1879 году он был избран адъюнктом в Академию наук и завоевал в ее стенах репутацию одного из лидеров «русской партии»¹. Розен упорно доказывал, что одним из научных приоритетов Академии должен быть «собственный Восток России», то есть изучение культуры и языков окраинных народов страны. Тогдашнее руководство Академии с ним не согласилось, и ученый вышел в отставку. Свою научную деятельность он с успехом продолжил в стенах Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Русского археологического общества, Восточное отделение которого он возглавил в 1885 году.

¹ В этот самый год Ламанский, обращаясь к И.С. Аксакову, так описывал ситуацию в академической сфере: «Вы себе представить не можете, какая это пакость наша Академия. Много пожирает денег на немецкую и ничего не дает для науки русской» [45, л. 2 об.].

Годы, проведенные вне Академии наук, стали для Розена временем расцвета его замечательного таланта. Впрочем, и в это учреждение он вернулся, но когда сама Академия значительно изменила научные приоритеты и избрала Розена своим действительным членом. Произошло это в 1890 году [4, с. 18–20].

В конце концов Розен не только создал собственную научную школу, не предполагающую деление на «цивилизованных» и «диких», но и добился того, что иностранные коллеги стали учить русский язык, дабы иметь возможность знакомиться с его работами и работами его учеников. Ведь он сам предпочитал печататься по-русски и всячески побуждал к тому учеников. Поэтому вполне оправданно звучат слова исследователя этой школы В. Тольц: «Розен сыграл решающую роль в завершении “национализации” российского востоковедения, добиваясь его одновременной интернационализации» [4, с. 18].

Тенденцию, с которой боролся Розен, а прежде его учитель Григорьев и Надеждин, Н. Найт описывает как характерную для западноевропейских ученых и выступающую за «возвышение чистой науки над потребностями России» [20, с. 162–163, 165]. Однако В. Тольц ту же самую тенденцию, по нашему мнению, вполне убедительно интерпретирует как проявление «космополитического мировоззрения эпохи Просвещения», а деятельность ее оппонентов, русских ученых, рассматривает в русле «общеевропейской тенденции национализации науки» [4, с. 14–15]. Из этого становится понятнее почему, чем ближе к концу XIX столетия, тем чаще мы встречаем примеры ученых, которые, несмотря на свое этническое происхождение, никак не вписываются в парадигму «немецкой партии»: А.Х. Востоков, В.И. Даль, А.Ф. Гильфердинг, О.Ф. Миллер, В.Р. Розен и его ученики С.Ф. Ольденбург и В.В. Бартольд...

Итак, «немецкие партии» как отдельные неформальные группировки или фракции действовали во многих научных учреждениях или организациях России XIX столетия. Такие группировки стремились по-особенному влиять на сообщества, в которые они входили, формируя предпочтительные им правила поведения и научные стратегии. Причем очень часто их деятельность выливалась в конкуренцию и интриги внутри и за пределами учреждения.

Впрочем, в первые десятилетия XIX века столкновения с «немецкими партиями» зачастую носили характер лишь вялотекущей конфронтации или отдельных скрытых конфликтов. Ведь до мер, предпринятых Уваровым и Л.А. Перовским, невозможно было и помыслить об организованной борьбе за «русскую науку». К тому же существовали такие учреждения, как Дерптский университет или Императорский Эрмитаж, где ученые-немцы многими десятилетиями не допускали для себя никакой конкуренции. В отдельных случаях такое «партийное» влияние оказалось столь сильно, что пережило эпоху Первой мировой войны (когда борьба с «немецким засильем» приняла гипертрофированные масштабы) и Революции. Примером чему – Эрмитаж, где среди научного персонала даже в 1920–1930-х годах сохранялась клановая система, так что в отделе древностей, как вспоминал Б.Б. Пиотровский, языком повседневного общения оставался немецкий, а в отделе живописи – французский [46, с. 34].

Что объединяло немцев, а иногда и других иностранцев в подобные группировки? Часто общие интересы – социальные, политические или просто материальные. Но еще чаще – общие воззрения. В эпоху начала в России процесса «нациестроительства», то есть формирования представлений о нации, национальной культуре, национальных интересах и всего того, что позднее назовут национальным сознанием, «немецкая партия» продолжала мыслить категориями космополитизма. Представления о родине и нации для немцев (и большинства приезжих иностранцев) заменяла идея подданства: они служили не стране, а императору, так же как их предки – своему сюзерену.

Именно такое явление Данилевский в своей книге «Россия и Европа» называет «политическим патриотизмом». Для ученых, подобных Бэру и Корфу¹, представления о подданстве полностью заменяли идею национальности. Десятилетиями ранее такое мышление можно было встретить не только у приезжих иностранцев, но и у русских дворян (чему примером гр. А.А. Аракчеев, который в 1812 году в ответ на рассуждения о том, что в интересах отечества Александру I необходимо покинуть действующую армию, заявил: «Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, оставаясь при армии» [48, с. 385]).

Однако именно в 1830–1840-х годах, как уже было отмечено, в мировоззрении русского дворянства произошел коренной перелом, связанный с осознанием роли нации. Остзейцы и дворяне-иностранцы на русской службе продолжали судить об окружающем их мире в категориях космополитизма. Причем не «абстрактного» космополитизма, а именно космополитизма европейского, для которого центр мира сосредоточен в Западной Европе, а все остальное пространство – второразрядная и третьеразрядная окраина. Отсюда и отношение не только к «примитивным народам», но и к окружавшим их русским как нецивилизованным, варварам (вспомним хотя бы Беркгольца, Гена и Пихлера). Именно такое высокомерное обращение романо-германского мира с представителями иных культурно-исторических типов описал в своей книге Данилевский. И, судя по всему, определенную долю впечатлений, необходимых для выводов, сделанных в «России и Европе», ее автор почерпнул в стенах Русского географического общества, членом которого стал в конце 1840-х годов.

¹ Помимо того, что Корф сделал карьеру государственного деятеля, он фактически являлся придворным историографом. Об этой его деятельности И.В. Ружицкая пишет: «В течение длительного времени Корфу принадлежала монополия на разработку сюжетов так или иначе связанных с историей императорского дома и государственной политикой. Все рукописи, затрагивающие эту область, неизбежно должны были пройти через его руки» [47, с. 52].

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Академический проект, 2015. 602 с. (Философские технологии. Теории цивилизаций).
2. *Бадалян Д.А.* «Официальная народность» или народность? С.С. Уваров и А.С. Хомяков // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 51–66.
3. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. Т. 1: 1826–1857. [М.; Л.:] Гослитиздат, 1955. 542 с.
4. *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
5. *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 4: Былое и думы. 1852–1868: Ч. 1–3 / ред. Д.Д. Благой; коммент. Н.П. Ждановского. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 518 с.
6. *Ильинский А.И.* За полстолетия: 1841–1892: Воспоминания о пережитом // Русская старина. 1894. Т. 81. Апрель. С. 3–35.
7. *Петров Ф.А.* Немецкие профессора в Московском университете. М.: Христиан. изд-во, 1997. 180 с.
8. *Проскурин О.А.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. 366 с.
9. *Бадалян Д.А.* «Московский телеграф», «Литературная газета» и III отделение: скрытая механика покровительства и наказания // Философия: Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 3. № 2. С. 128–157.
10. *Бадалян Д.А.* Ю.Ф. Самарин, славянофилы и борьба с «немецкой партией»: 1840–1870-е годы // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 41–67.
11. История военной медицины России: в 4 т. Т. 3: XIX – начало XX в. / гл. ред. И.Ю. Быков. 2006. 687 с.
12. *Шрадер Т.А.* Немецкое врачебное общество в Санкт-Петербурге в XIX веке // И.Ф. Буш и развитие медицины в XVIII–XIX веках: Материалы симпозиума. Санкт-Петербург, 28 февраля 2001 г. / под ред. А.А. Вихмана. СПб.: Б. и., 2002. С. 115–121.
13. *Вишленкова Е.А.* Врачебные общества Петербурга в первой половине XIX века: от представительства во власти к самоорганизации // История и историческая память. 2014. № 10. С. 189–207.
14. *Галцуллина Р.Х., Ильина К.А.* «Ученые записки» ученого сословия (первая половина XIX века) (Препринт). М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012. 41 с.
15. *Корф М.А.* Дневники за 1838 год / предисл., подг. текста к печати, коммент. и именной указатель. И.В. Ружицкой. М.: Квадрига, 2017. 248 с. (Исторический памятник).
16. *Шевченко М.М.* Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С.С. Уварова // Величие и язва Российской империи: Междунар. науч. сб. в честь 50-летия О.Р. Айрапетова / сост.: В.Б. Каширин; редкол.: М.А. Колеров и др.; авт. вступ. ст. А.В. Ганин. М.: Регнум, 2012. С. 121–158.
17. *Виттекер Ц.Х.* Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 350 с. (Современная западная русистика).
18. *Бадалян Д.А.* С.С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218.
19. *Милютин Д.А.* Воспоминания генерал-фельд-маршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина, 1843–1866 / под ред. и с предисл. Л.Г. Захаровой. М.: Рос. фонд культуры и др., 2000. 524 с.
20. *Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет / сост.: П.В. Верт, П. Кабытов и др.; отв. ред. О. Леонтьева, М. Долбилов. М.: Новое изд-во, 2005. С. 155–198.
21. *Хомяков А.С.* О старом и новом: Статьи и очерки / сост., вступ. ст. и коммент. Б.Ф. Егорова. М.: Современник, 1988. 461 с.
22. *Веселовский Н.И.* Василий Васильевич Григорьев по его письмам и трудам, 1816–1881. СПб.: Императорское русское археологическое о-во, 1887. 397 с.
23. *Циммерман А.Э.* Воспоминания. Ч. II. 1866 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 325 (Циммерман А.Э.). Карт. 1. Ед. хр. 2. 200 л.
24. О Русском географическом обществе // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109 (III отделение). Оп. 23. 1 экзп. 1848. Д. 201. 19 л.
25. *Веселовский Н.И.* История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. СПб.: Типогр. Главного управления уделов, 1900. 514 с.
26. [Семенов-Тянь-Шанский П.П.] Мемуары П.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. I: Детство и юность. 1827–1855 / ред. К.А. Залесский; вступ. ст. и коммент. А.А. Богданова и М.А. Семенова-Тянь-Шанского. М.: Кучково поле. 2019. 557 с.
27. *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // Записки Русского географического общества. СПб.: Типогр. Императорской академии наук, 1847. Кн. 2. С. 61–115.
28. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. Т. 2. М.: Учпедгиз, 1963. 363 с.
29. *Анненков П.В.* Литературные воспоминания / вступ. ст. В.И. Кулешова; коммент. А.М. Долотовой, Г.Г. Елизаветиной, Ю.В. Манна, И.Б. Павловой. М.: Художественная литература, 1983. 694 с. (Серия литературных мемуаров).
30. *Ламанский В.И.* Черновик речи, произнесенной В.И. Ламанским на защите своей докторской диссертации. 21 февраля 1871 г. // Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 35 (Ламанский В.И.). Оп. 2. Ед. хр. 115. 4 л.
31. *Голубева О.Д.* В.И. Соболевский. СПб.: РНБ, 2001. 200 с. (Деятели Российской национальной библиотеки).

32. *Михеева Г.В.* Дмитрий Петрович Бутурлин // История библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005 / ред. Г.В. Михеева. СПб.: Российская национальная библиотека, 2006. С. 79–93.
33. *Голубева О.Д., Михеева Г.В.* Модест Андреевич Корф // История библиотеки в биографиях ее директоров, 1795–2005 / ред. Г.В. Михеева. СПб.: Российская национальная библиотека, 2006. С. 95–135.
34. *Эльзон М.Д.* Ивановский Антон Доминикович (Антоний) // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь / редкол. Л.А. Шилов и др. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1995. С. 233–234.
35. *Ламанский В.И.* Заметка о славянских топографических названиях // Журнал Министерства народного просвещения. 1867. Ч. СХХХVI (136). С. 251–261.
36. *Стасов В.В.* Воспоминания гостя библиотеки / В.В. Стасов // Собр. соч. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1894. Т. 3. Стлб. 1516–1517.
37. *Маркиз де Креки [Нотович О.К.]* Воскресное обозрение Публичной библиотеки. СПб.: Типогр. и литогр. С.Н. Степанова, 1869. 36 с. (Оттиски из газеты «Деятельность». 1869. № 183, 185, 186).
38. *Ястребцов Н.В.* Памяти Владимира Ивановича Ламанского как друга книги // Библиологический сборник. Пг.: Русское Библиологическое о-во, 1916. Т. 2. Вып. 1: Материалы по истории библиотековедения в России. С. 49–53.
39. *Голубева О.Д.* Соболевский Василий Иванович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь / редкол. Л.А. Шилов и др. Т. 1: Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1995. С. 471–475.
40. *Hehn V.* De moribus Ruthenorum: Zur Charakteristik der russischen Volksseele: Tagebuchblätter aus den Jahren 1857–1873. Stuttgart, 1892. 252 s.
41. *Тарле Е.В.* К истории русско-германских отношений в новейшее время. I. Без маски // Русская мысль. 1914. № 11. С. 83–93 (2-я пагин.).
42. *Струве П.Б.* Суд истории. IX // Русская мысль. 1914. № 11. С. 158–168.
43. *Шириняц А.А.* «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX в. // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 35–47.
44. *Скорородова С.И.* «Письма из Риги» в историософии Ю.Ф. Самарина // Соловьевские исследования. 2011. № 4 (32). С. 101–113.
45. *Ламанский В.И.* Письма к И.С. Аксакову, 6 июня и 27 декабря 1879 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 14 (Аксаков И.С.). Д. 197. 4 л.
46. *Пиотровский Б.Б.* Страницы моей жизни / отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. М.: Издательский дом «Руда и Металлы», 2009. 303 с.
47. *Ружицкая И.В.* Барон М.А. Корф – историк: По материалам его архива. М.: Археографический центр, 1996. 57 с.
48. *Комаровская Е.Л., Комаровский Е.Ф.* Воспоминания, М.: Захаров, 2003. 464 с.

Аннотация. В статье представлена история противостояний немецкой и русской группировок, возникших в различных научных учреждениях и сообществах России XIX века: Русском географическом обществе, Русском археологическом обществе, Императорской Публичной библиотеке и др. Рассматривается влияние этих группировок на развитие тех или иных научных направлений, что проявлялось в выборе языка науки, научных приоритетов и стратегий, нередко – в научной методологии, а в конечном счете – в формировании научных школ. Все это подтверждает сформулированные в XIX столетии представления славянофилов и Н.Я. Данилевского о влиянии на науку национального сознания и особенностей мировоззрения ученых.

Ключевые слова: «немецкая партия», русская наука, история науки, научные общества в России XIX века, Н.Я. Данилевский, С.С. Уваров, Русское географическое общество, Русское археологическое общество, Императорская Публичная библиотека

Dmitrii A. Badalian, PhD in History; Senior Researcher, National Library of Russia; Associate Professor, Saint-Petersburg State University. E-mail: dmit.bad@gmail.com

“German Parties” in the Russian Science of the 19th Century

Abstract. The article is devoted to the issue of German and Russian groups opposition that arose in various scientific institutions and associations in Russia in the 19th century, such as Russian Geographical Society, Russian Archeological Society, Imperial Public Library and others. The author examines the influence of those groups on the development of certain scientific lines of research, which demonstrated itself in the choice of the scientific language, scientific priorities and strategies, also very often – in the choice of scientific methodology, and finally – in the formation of scientific schools. All this confirms the ideas of the Slavophiles and N.Ya. Danilevsky formulated in the 19th century regarding the influence on science of national consciousness and specific worldviews of the scientists.

Keywords: “German Party”, Russian Science, History of Science, Russian Scientific Societies in the 19th Century, N.Y. Danilevsky, S.S. Uvarov, Russian Geographical Society, Russian Archeological Society, Imperial Public Library.

Данилевский: актуальность идей

{ Раздел третий }

Ф.И. Гиренок
Россия и Европа: что изменилось после Данилевского?

С.М. Вудберн (Stephen M. Woodburn)
Проблема Данилевского (The Danilevskii Problem)

С.В. Хатунцев
Шафаревич, Данилевский, Леонтьев и «Бессмысленные мечтания»

М.И. Сигачев, А.Н. Харин, П.П. Скакун
*«Интегрализм» и «реализм» в российских цивилизационных теориях:
два ответа на вызовы истории*

И.В. Желтикова
Из настоящего в будущее: образ будущего России Н.Я. Данилевского

А.Л. Казин
Русская философия и российская политика

Н.С. Скипин
*Российская культура как альтернатива глобальной и европейской
континентальной культуре в контексте цивилизационного подхода и явлений
«идеология» и «постидеология»*

Россия и Европа: что изменилось после Данилевского?

Русская философия возникает как вид литературы, повествующий о должном и сущем. Н. Данилевский усомнился в языке повествования русских философов, усмотрев в нем избыток метанарраций. Усомнился и переместил вопрос о подлинном из области литературы в область науки, которая не повествует, а исследует. В результате из языка Данилевского исчезли абстрактные сущности. Данилевский не философ. Он ученый. Позитивист, как и Эйнштейн. Оба они выкидывали ненаблюдаемые сущности. Эйнштейн – в физике, Данилевский – в историософии. Эйнштейн – эфир, Данилевский – единую цивилизацию.

Данилевскому нравилась мысль Аксакова о том, что колесо европейского движения обращается раз в столетие. Сегодня можно с грустью сказать, что колесо русского движения в XX веке обращалось быстрее европейского. У нас поменялось все: власть, политика, экономика, страна. Россия распалась на множество независимых государств.

Неизменным осталось только то, что Данилевский называл болезнью русской души: европейничанье. Что это за болезнь? Это трусливый страх перед приговорами Европы. И одновременно удивительно тщеславное удовольствие от ее похвал. Каким образом у нас возникла эта болезнь? Эта болезнь у нас возникла посредством реформ Петра Великого. Чему способствовали эти реформы? Появлению самого неудачного изобретения русской истории – русской интеллигенции. Почему неудачного? Данилевский нам разъясняет. Вот 1878 год. Россия победила в войне с Турцией. Казалось бы, надо радоваться. А радоваться было нечему. Европа злилась, в ней господствовали антирусские настроения. На стороне Турции была «жидовствующая, банкирствующая, биржевая, спекулятивная Европа... На ее стороне Европа католическая со святым папой во главе... На стороне же Турции... Европа демократическая, революционная, социалистическая» [1, с. 69]. Но это полбеды. Главное, внутри России возникли сомнения в самом смысле ее существования, исторического бытия. У кого возникли эти сомнения? У русской интеллигенции. Мощным телом России стала управлять хилая голова интеллигенции. Данилевский с тоской пишет: «С такими сомнениями в сердце исторически жить невозможно» [1, с. 269]. Судьба России была предрешена всеми этими сомнениями. Во время Первой мировой войны интеллигенция выдвинула лозунг о поражении России и превращении внешней войны во внутреннюю.

Что сегодня изменилось в России после Данилевского? То, что, слава Богу, исчезла русская интеллигенция, а вслед за ней исчезла и интеллигенция советская. Кто же им пришел на смену? Интеллектуал.

Современный интеллектуал – это даже не интеллигент, не критически мыслящая личность, не герой. Ведь интеллигент – это человек, который своими личными качествами

Гиренок Федор Иванович, профессор, доктор философских наук, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: girenok@list.ru

залатывал дыры в плохо работающей русской социальной машине. Поскольку в России социальная машина всегда работала плохо, постольку ей всегда нужны были герои, интеллигенты. Они нужны нам даже сегодня. Интеллигентам противостоял бюрократ. В Европе социальная машина худо-бедно работала, поэтому ей нужны были не интеллигенты, а профессионалы. Интеллектуал не безумец, не авантюрист. Ни один интеллектуал не является философом, и ни один философ не является интеллектуалом. Интеллектуал объявляет себя экспертом и представляет несуществующее экспертное знание. Интеллектуал стал функционером истины. Но и власть перестает быть сущностью, которая сама себя раскрывает. Теперь ее раскрывает чиновник. Власть теряется в мелочах службы бюрократа. Никто теперь не может сказать, где находится власть, и кто является ее носителем. Отныне чиновник превращается в распорядителя формализованных различий. Никто не видит власти, хотя она везде. Значимость интеллектуала состоит в том, что в его фигуре функционер истины совпадает с бюрократом власти. Функционер находит поддержку у власти для истины, а бюрократ находит у истины поддержку для власти. Так они и существуют в современной России.

Никому не дана привилегия бесконечного прогресса. И Европе не дана. Каждое общество стареет по-своему. Есть время цветения и есть время плодоношения и угасания. На взгляд Данилевского, Европа отцвела в XVI–XVII веках. Плодоносным был для нее XIX век. Но плод есть дар начала осени. Солнце Европы перешло меридиан и склоняется к западу. Как долго продлится осень Европы, никто не знает. И Данилевский этого не знал.

Что изменилось после Данилевского в Европе?

1. Европа перестала быть христианской.

2. Она перестала быть источником научных знаний и технологий. Мастерской мира стал Китай.

3. Центр Европы не в Европе, а в Америке.

Что из этого следует?

Если Европа перестала быть христианской, то Россия перестала быть Европой. Поэтому вслед за Данилевским мы можем сказать: Россия не Европа. Европа – наша сварливая соседка. Россия для нее – это враждебное начало. Почему враждебное? Потому что она не смогла нас, как выражается Данилевский, и я с ним согласен, переварить. Русофобия – это уже не только сознательная политика Европы, но ее бессознательное, то есть сознательные намерения, редуцированные на уровень инстинкта.

Что изменилось в отношении русских к Европе? Прежде всего появилась концепция трех сил. Ее придумал Соловьев. И ею до сих пор пользуется наша власть. В чем суть этой концепции? В выделении трех сил. Первая сила – это Восток. Вторая сила – это Запад. Россия не Восток и не Запад, но и не самостоятельная сила. Восток отрицает свободу, подчиняя себя Богу. Запад отрицает Бога, подчиняя человека свободе. В итоге мир распадается. С одной стороны, в нем безбожный человек, а с другой – бесчеловечный Бог. А мы – третья сила. Мы примиряем единство одних со свободой других. В чем Соловьев видит задачу русских? В том, чтобы мы оживили Восток и одухотворили Запад. Но откуда у нас общее и с Востоком, и с Западом содержание? Ответ Соловьева: мы – посредники между божественным миром и человечеством. Но ведь мы не евреи. Зачем Соловьев ставит нас не на свое место? Русские, полагает Соловьев, сами по себе неинтересны. Почему мы неинтересны? Потому что у нас нет ничего своего. Все, что у нас есть, мы присвоили у других. Наша экономика убога, общество примитивно, культура бедна, философии никакой. У нас нет даже собственных интересов. Зачем же мы тогда появились? Ответ Соловьева: чтобы жить и мучиться. Но зачем? Затем, чтобы нашими страданиями рождалась душа, которой так не хватает Западу. Таково, на взгляд Соловьева, наше место в мировой истории или, как говорит Соловьев, в мире всеединого. Запад дает нам цивилизацию, а мы

ему – свою душу. А что мы даем Востоку? Человечность и лес. Позднее Панарин скажет, что между нами и Западом сложилось странное разделение труда. Они нам поставляют знаки и символы, а мы им – нефть и газ.

Если никаких общечеловеческих ценностей не существует, то в отношениях с любой страной России нужно держаться «русского эгоизма». И говорить о нем прямо и ясно. Если интересы Европы и России противоположны, то нужно способствовать тому, чтобы внутри Европы возникли распри. Когда у них там распри, у нас покой. Для того чтобы устранить антагонизм между Европой и Россией, не нужно обращаться к Америке. Нужно сделать так, чтобы в Европе появилась фигура масштаба Наполеона. Наполеон – враг Англии, единой Европы, поэтому он – друг России. Объединенная Европа нам не нужна. Пока Европа является волонтером США, нужно иметь дело не с волонтером, а с США или Китаем. У России нет истории, как говорил Аксаков. У нас есть житие. У Европы есть история. Но нет жития. Поэтому нам с ней не сойтись, ни до Урала, ни до Чукотки. Европа – это маленький полуостров Азии.

Пока существуют государства, в отношениях между ними не будет работать нравственный закон. Ошибка России, как прежней, так и нынешней, состоит в том, что она иногда необъяснимым образом ни с того ни с сего начинает кого-то любить и жертвовать собой. Следуя за Данилевским, я могу только повторить, что основной закон внешней политики – это око за око, зуб за зуб.

Пока в наших головах существуют призраки, и мы их поселяем в будущее, мы не оставим попыток переносить эти призраки из будущего в настоящее. А это значит, политические революции вопреки Данилевскому будут всегда, в том числе и в России. Единственное, чего у нас не будет, так это дисциплинированного энтузиазма народа, ибо такой энтузиазм проистекает из власти, соединенной с идеей справедливости. Если же власть не соединена с идеей справедливости, то бытие ее становится призрачным. Идея справедливости будет всегда нами, русскими, ставиться выше любого права и любого закона.

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Горе победителям. М.: АЛИР; ГУП «Облиздат», 1998. 416 с.

Аннотация. В статье исследуется то, что Данилевский называл болезнью русской души. Автор сопоставляет феномены русской интеллигенции и интеллектуала. В статье указывается, что современный интеллигент – это не герой, не критически мыслящая личность. Интеллигенту всегда противостоял бюрократ. Интеллектуал же стал функционером истины. Функционер находит поддержку у власти для истины, а бюрократ находит поддержку у истины для власти. В статье отмечается, что после Данилевского Европа перестала быть христианской, а Россия перестала быть Европой. Автор критикует концепцию трех сил, придуманную Соловьевым. В результате делается вывод о том, что если власть не сопряжена с идеей справедливости, то ее бытие становится призрачным. Идея справедливости ставилась Данилевским выше любого права и любого закона.

Ключевые слова: Россия, Европа, интеллектуал, интеллигенция, справедливость, В. Соловьев, общечеловеческие ценности.

Feodor I. Girenok, PhD in Philosophy, Professor, Head, Sub-Faculty of Philosophic Anthropology, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: girenok@list.ru

Russia and Europe: What Are the Changes After Danilevsky?

Abstract. The article examines what according to Danilevsky was the disease of the Russian soul. The author compares the phenomena of the Russian intelligentsia and the intellectual. According to him, a modern intellectual is not a hero, not a critically thinking person. The intellectual is always opposed by a bureaucrat. But the intellectual has become a functionary of truth. The functionary of truth finds support of the power for the benefit of truth, and the bureaucrat finds support of the truth for the benefit of power. The article notes that since the time of Danilevsky Europe ceased to be Christian, and Russia ceased to be Europe. The author criticizes the concept of the three forces, introduced by Solovyov. As the result, he concludes that if power is not associated with the idea of justice, then its existence becomes illusory. Danilevsky gave the idea of justice priority over any right and any law.

Keywords: Russia, Europe, Intellectual, Intelligentsia, Justice, V. Solovyov, Universal Values.

Проблема Данилевского

Работы Николая Данилевского не издавались почти сто лет, но с окончанием советского периода их популярность многократно возросла, ибо русские вновь открыли для себя Данилевского, пытаясь обнаружить в прошлом полезные ценности. Значительный рост интереса к его работам возник в результате беспрецедентного пересмотра русскими своей политики, философии, идеалов и идентичности после того, как советские варианты этих понятий и явлений утратили свои приоритеты.

Работая на значительном удалении, я наблюдал за этими процессами в момент, когда они происходили, так как это время совпало с ходом моей личной академической карьеры. Однако я постоянно оказывался в невыгодном положении по сравнению с моими российскими учеными коллегами и не могу рассчитывать на то, чтобы оказаться на лидирующих позициях в новых исследованиях Данилевского, не говоря уже о прочих областях. Я был аутсайдером на этом празднике, наблюдая за действием из угла и видя все сквозь толпу. Возможно, именно аутсайдер может предложить остальным интересный ракурс изучения вопроса. К сожалению, моим русским читателям будет не особенно интересно, если я представлю им обзор англоязычных научных трудов, посвященных Данилевскому, поскольку их достаточно мало и большинство из них были изданы еще до широко цитируемой биографии ученого, составленной Робертом Макмастером и опубликованной в 1967 году [см., напр., 1, 2].

Академические исследования трудов Данилевского в англоязычном мире в основном

Nikolai Danilevskii's works spent almost a century out of print, but since the end of the Soviet period, these works have enjoyed their greatest popularity ever, as Russians have discovered him while searching for the usable past. The dramatic increase in interest in his works resulted from an unprecedented time of Russians reconsidering their politics, philosophy, ideals, and identity once the Soviet variety of all these things lost its unchallengeable supremacy. Working at a great distance, I have watched this process more or less as it happened, since the timeline of these events coincided with my own academic career. However I have always been at a disadvantage to my Russian academic colleagues and cannot hope to stay abreast of all the new scholarship on Danilevskii, not to mention other areas. I have been a wallflower at this dance, looking on from the corner, partly able to see the room through the crowd. Perhaps an outsider can add an interesting perspective. Unfortunately it would not be especially helpful for me to survey the English-language scholarship on Danilevskii for my Russian readers, because there has been little enough of it, most of it older than Robert MacMaster's widely cited 1967 biography [1, 2]. Academic research on Danilevskii in the Anglophone world peaked decades ago, and reflected Cold War preoccupations with Pan-Slavism for its insight into the workings of the Eastern Bloc or the Soviet mind. Since the end of the Cold War, American academic interest has turned elsewhere, and attention to theorists of Russian national identity or Slavic unification

проводились несколько десятилетий назад и отражали увлечение общества времен холодной войны панславизмом, который позволял получить представление о процессах в Восточном блоке и советском образе мыслей. После окончания холодной войны приоритеты американских ученых изменились, и ни русское национальное, ни славянское единство больше не находились в центре внимания. В 2010 году, завершив черновик для первого в истории перевода на английский книги «Россия и Европа», я начал предлагать рукопись ведущим академическим изданиям в Америке, но она у них интереса не вызвала. Как говорится в старом анекдоте, меня выкидывали из лучших баров города. Один издатели поначалу проявил интерес, надеясь, что я захочу написать затем книгу об Александре Дугине. Но это не входило в мои планы. В конце концов издательство “Slavica Publishers” университета Индианы оценило важность самого перевода и опубликовало его без сокращений, а затем и прочие мои переводы. Это не принесло мне славы в прямом смысле слова, но позволило познакомиться с потомками Николая Яковлевича – Ольгой Данилевской и учеными из разных стран мира. И я очень благодарен Родиону Михайлову за возможность опубликовать свою статью в данном журнале.

Проблема Николая Данилевского в том, что его работа полезна для целого ряда идеологических задач. В некотором смысле такой проблеме можно позавидовать. Не часто встречаются ученые, работы которых получают вторую жизнь после десятилетий забвения в родной стране. Я уверен, что большинство авторов этого журнала с восторгом восприняли бы перспективу того, что их работы будут «вновь открыты» и станут широко публиковаться в следующем веке, но немногие сочтут такую перспективу действительно реальной. Таким образом, предсказание Достоевского, что его главная книга «Россия и Европа» станет «настойной книгой славянофилов», оказалось пророческим: ее часто цитируют и на нее ссылаются не только славянофилы. Полезность для различных задач происходит и от различий в интерпретациях. Интерпретации меняются, в зависимости от приоритетов того или иного времени, а работы Данилевского способны служить решению новых задач просто благодаря прочтению их в новом свете и поиску соответствующих

has waned. In 2010, having completed a draft of the first ever English translation of *Rossija i Evropa*, I began pitching the manuscript to top American academic presses, but did not get much response. As the old joke says, I got thrown out of the best bars in town. One editor expressed interest at first, in hopes that mine could be turned into a book about Aleksandr Dugin. Not what I intended. Finally Slavica Publishers at Indiana University appreciated the significance of the translation itself and agreed to publish it unabridged, and subsequently my other translations as well. It has not exactly brought me fame, but it brought me into contact with Nikolai Iakovlevich's descendants, through Olga Danilevskaia, and with scholars from around the globe. I thank Rodion Mikhailov for the invitation to contribute to this present volume.

Nikolai Danilevskii has the problem of being useful to a variety of ideological purposes. In some ways, this is an enviable problem to have. It is not typical for most scholars to have their works revived after spending decades out of print in their home country. Most contributors to the present volume would be delighted by the prospect of their works being rediscovered and widely circulated in the twenty-second century, but few of us would insist that is likely to happen. So Dostoevskii's prediction that Danilevskii's magnum opus *Rossija i Evropa* would become a “handbook of Slavophilism” was more than correct: It is still frequently cited, like a reference work, and not only by Slavophiles. Being useful for a variety of purposes comes from being interpreted in a variety of ways. The interpretations shift with the priorities of the times, and Danilevskii can be enlisted to serve new purposes simply by reading him in a new light and combing his prose for supportive quotations. Doing so brings us no closer to the core of who Danilevskii was and how he saw the world, but rather tells us mostly about the preoccupations of his later interpreters, which is the heart of the Danilevskii problem.

No one in the nineteenth century would have predicted that the first full-length biographical study of Danilevskii in any language, written by Robert MacMaster in the 1960s, would identify totalitarianism as the key concept in his thought [3]. Of course, one can still construct

цитат в его прозе. Но это не приближает нас к пониманию сути Данилевского и его видения мира, а просто отсылает к приоритетам более поздних его интерпретаторов, и именно это обстоятельство лежит в основе проблемы Данилевского.

Никто в XIX веке не смог бы предположить, что первое полномасштабное биографическое исследование Данилевского на любом языке, написанное Робертом Макмастером в 1960-х годах, будет обозначать тоталитаризм как главную концепцию его идей [3]. Конечно, можно привести аргументы в пользу выводов Макмастера. На определенном уровне все великие теории отличаются тоталитарностью, если задачей их является охват реальности в наиболее широком спектре, как это происходит с теорией Данилевского о культурно-исторических типах. А его утверждение в книге «Россия и Европа», что мир делится на десять человеческих цивилизаций, достойных подобного названия (подозрительно круглая цифра для всей человеческой истории), в совокупности с его определением всех остальных человеческих сообществ как «просто этнографического материала» предполагают высокомерное игнорирование интересов малых народов, что характерно для исключительного фокуса тоталитаризма на доминирующей власти. Очевидно, что Данилевский отдавал предпочтение твердой власти сильного государства по сравнению с убедительной силой культуры, и все же его собственные примеры стремления к господству монотеизма древних евреев или греческой цивилизации, овладевающей своими римскими завоевателями, опровергают его выводы. А его опасения, что цивилизация Западной Европы может аналогично поглотить славянскую цивилизацию, заставляли его поддерживать идею сильного Российского государства, проводящего политику агрессивной обороны, хотя и с более слабых позиций в конце XIX века, поскольку промышленная и транспортная инфраструктура страны в это время отставала от западноевропейской. В последних главах книги «Россия и Европа» автор выражает непоколебимый оптимизм в отношении результатов неизбежной войны с Западом, в том смысле, что тоталитарные силы приветствуют войну как высокое и святое дело, и мнение Данилевского в этом отношении было отнюдь не уникальным. Все больше общественных деятелей Европы конца XIX – начала

some kind of argument in defense of MacMaster's conclusion. On some level, all grand theory is totalitarian, if its intention is to encompass reality on the broadest scale, as was Danilevskii's theory of cultural-historical types. And his identification in *Rossiiia i Evropa* of exactly ten human civilizations worthy of the name (a suspiciously round number for the whole of human history), coupled with his designation of all other human societies as "mere ethnographic material" suggests a highhanded dismissal of the interests of minority populations, characteristic of a totalitarian's exclusive focus on dominant power. Clearly Danilevskii trusted the hard power of a strong state over the soft power of a compelling culture, yet his own examples of Hebrew monotheism's ascendance or Greek civilization overwhelming its Roman conquerors argued against him here. His attendant fear that western European civilization would analogously overwhelm Slavic civilization made him favor a strong Russian state to play aggressive defense, albeit from a weaker footing in the late nineteenth century, as its industrial and transportation infrastructure lagged behind western Europe. The final chapters of *Rossiiia i Evropa* present a robust optimism for the outcome of an inevitable war with the West, in the way that totalitarians glorify war as a high and holy cause, but Danilevskii was not unique in this. An increasing number of public figures across Europe throughout the fin de siècle and early twentieth century did the same in the run-up to the Great War of 1914-1918, albeit with different rivals cast in the role of strategic other.

Setting aside the fact that totalitarianism was a twentieth century political concept, and thus an anachronism for Danilevskii's context, even the closest analogous nineteenth century idea of autocratic absolutism Danilevskii hardly mentioned in his works, and these references seem to be perfunctory, even obligatory. Yes, Danilevskii described Russia as a biological organism with the tsar as the head of the body, which in time of crisis could be excited into a condition of "disciplined enthusiasm" as the whole people acts according to the single will of the ruler [4, ch. 16, p. 393–395].¹ It offers an interesting explanation for the Russian response to huge cataclysms like the Napoleonic invasion,

XX века придерживались тех же позиций перед началом Мировой войны 1914–1918 годов, хотя и видели иных противников и стратегии.

Если оставить в стороне тот факт, что тоталитаризм являлся политической концепцией XX века, а, следовательно, анахронизмом для исторического контекста Данилевского, даже для самого приближенного аналога самодержавного абсолютизма XIX века, который Данилевский почти не упоминал в своих работах, и эти упоминания представляются формальными, даже обязательными. Да, Данилевский описывал Россию как биологический организм, где царь является головой этого тела, которая в кризисные времена способна проявлять «регламентированный энтузиазм», когда весь народ действует по единой воле правителя [4, гл. 16, с. 393–395]¹. Это может служить интересным объяснением реакции России на грандиозные катаклизмы, такие как нашествие Наполеона или война против Гитлера (хотя это объяснение и неприменимо для обычной жизни в промежутках между значительными событиями). Но все это весьма далеко от понятий централизованного политического аппарата и государственно-центристского духа массовых политических движений XX века, включавших в себя концепцию тоталитаризма. Помимо всеобъемлющей идеи тоталитаризма и философии экзистенциализма (многократно упоминавшегося в книге), биография Роберта Макмастера рассказывает нам о только что появившихся интеллектуальных тенденциях середины XX века не меньше, чем о Данилевском.

Подобным же образом мы можем получить представление о конце советской эпохи из работ и интеллектуальных трудов начала 1990-х годов. Опубликовано Людмилой Авдеевой в 1992 году «философско-культурологическое» исследование о Данилевском, Григорьеве и Стракове [5]², возможно, представлялось очень смелым для своего времени, так как выдвигало на передний план консервативных мыслителей, находившихся в немилости у советского руководства, но в ретроспективе можно сказать, что в книге использовался достаточно безопасный подход к анализу творчества этих трех консервативных мыслителей. Эта книга в американских научных библиотеках все еще числится среди наиболее популярных русских работ о Данилевском, хотя

or the war against Hitler (although inapplicable to ordinary life in the intervals between major events). But this is far from the centralized political apparatus and state-centered ethos of the twentieth century mass political movements embodying the concept of totalitarianism. Between the overarching idea of totalitarianism and the philosophy of existentialism (invoked dozens of times in the book), Robert MacMaster's biography tells us as much about the intellectual fashions of the mid-twentieth century when it was conceived, as it does about Danilevskii.

Similarly we can draw conclusions about the end of the Soviet era from the intellectual works of the early 1990s. Liudmila Avdeeva's 1992 study of "philosophical culturology" in Danilevskii, Grigoriev, and Strakhov [5]² probably seemed daring for its time, validating conservative thinkers long out of Soviet favor, but in hindsight the book seems to have taken an ideologically safe approach to these three conservative thinkers. The book is still one of the most widely held Russian books on Danilevskii in American research libraries, although it is far from the best. Its success is presumably due to standing purchase orders for all books produced by Moscow University Press, which in itself is a reflection of Cold War priorities on monitoring the academic output of Russia's flagship university. In contrast, the popularizing works of Valery Mikheev in the first half of the 1990s reflected more of the new freedoms from former ideological constraints. His works began with the sensationalistic *Slavianskii Nostradamus* (1993) and the transparent rehash of MacMaster's book, *Totalitarnyi myslitel'* (1994), and followed with reductionist introductions to Danilevskii's main ideas, as briefer alternatives to reading the original works [6–9].

The works of this era signal that Danilevskii had come into vogue with Russians looking to the past as a source of inspiration or guidance. The Bolsheviks had promised to transform Russia by introducing the most progressive system the world would ever know, to which the whole world would eventually yield. By the mid- to late-twentieth century, the inadequacy of the Soviet system to deliver on these promises was widely acknowledged. And many Russians happily shrugged off the yoke of So-

она и далека от совершенства. Возможно, ее популярность объясняется регулярным заказом на книги, выпускаемые издательством Московского университета, что само по себе является отражением приоритетов времен холодной войны по мониторингу аналитических публикаций ведущего российского университета. Напротив, популяризаторские работы Валерия Михеева в первой половине 1990-х годов стали в большей степени отражением освобождения от прежних идеологических оков. Одними из его первых работ стали сенсационная книга «Славянский Нострадамус» (1993) и представляющая собой переработку биографии Макмастера работа «Тоталитарный мыслитель» (1994), за которыми последовали работы, упрощенно излагающие основные идеи Данилевского, как сокращенный вариант чтения вместо изучения оригинала [6–9].

Работы данного периода говорят о том, что Данилевский вновь приобрел популярность у россиян, ищущих в прошлом источник вдохновения или руководство к действию. Большевики обещали преобразовать Россию, внедряя наиболее прогрессивную систему, к которой в конце концов придет и весь мир. К середине и концу столетия стало очевидно, что советская система неспособна исполнить обещанное. И многие россияне в 1991 году с облегчением скинули с себя хомут советского строя. Однако, сделав это, они оказались перед лицом двойного отрицания своего национального прошлого. И хотя советская система во многих отношениях оказалась провальной, она успешно дискредитировала царский режим досоветской эпохи (который, надо сказать, тоже себя дискредитировал). Для россиян, выросших на советской историографии, отказ от коммунистической системы не означал реабилитацию царского прошлого.

Если коммунистическая эпоха была неправильным историческим поворотом и отклонением или просто этапом развития, который уже в прошлом, и если царизм был несовершенным отголоском святынь средневековья, которые нельзя возродить, то что, если какие-либо явления досоветского времени пригодятся и россиянам из поколения нового тысячелетия? Коммунистические исследователи обычно подразделяли русских интеллектуалов XIX века на две основные группы – революционеров и реакционеров. А постсо-

viet rule in 1991. In doing so, however, they faced a double negation of their national past. While the Soviet system failed in many respects, it had successfully discredited the tsarist system of pre-Soviet times (which could also be said to have discredited itself). For Russians reared on Soviet historiography, rejecting the communist system did not rehabilitate the tsarist past.

If the communist era was a wrong turn, a historical detour, or simply a developmental stage now past, and if tsarism was a ragged remnant or holy relic of medieval times not to be revived, then what if anything from the pre-communist past was salvageable for Russians of the millennial generation? Communist interpretations tended to group nineteenth-century Russian intellectuals into two main camps, revolutionaries and reactionaries. Post-Soviet Russians were suddenly able to question this simple binary. Looking for a middle ground between revolution and reaction, where Russia existed, meant uncovering works from the past and listening to voices long ignored or suppressed.

The 1991 publication of Danilevskii's *Rossia i Evropa*, with a print run of ninety thousand copies, revealed other changes in the prevailing values of the late-Soviet and early post-Soviet era. This is the most sizable edition of the book ever published, after the book had spent 94 years out of print (within Russia, not counting the 1920 German abridgement and 1966 American reprint of the 1895 edition). The explanation I found (but have not corroborated) for the large print run is that the book suddenly became required reading in Russian military academies [10, p. 5]. If this is correct, then the Afterword makes clear the attempt to substitute national identity for abandoned Soviet goals, to give these recruits a unifying sense of purpose. In the words of S.A. Vaigachev: "In light of the events of our recent history, Danilevskii's warning that we cannot sacrifice national interests in the name of abstract goals that are falsely considered 'progress' sound, it seems, more than timely. ...Danilevskii's book contains many ideas whose relevance has greatly increased in the closing of the twentieth century. One of them is the author's warning ... about the denationalization of culture. The establishment of the global

ветские ученые неожиданно смогли поставить под сомнение это простое противопоставление. Поиск средних позиций между революцией и реакцией, где и существовала реальная Россия, означал необходимость открывать работы прошлых лет и прислушиваться к голосам, которые долгое время игнорировались или подавлялись.

Издание в 1991 году книги Данилевского «Россия и Европа» тиражом девяносто тысяч экземпляров ознаменовало новые перемены в господствующих приоритетах на этапах позднесоветской и ранней постсоветской эпохи. Это самый крупный тираж издания данной книги, особенно после того, как она вообще не издавалась в течение 94 лет (в России, не считая сокращенного издания 1920 года в Германии и перепечатку в 1966 году в Америке издания 1895 года). Объяснение этого факта, которое я нашел (но которое мне не удалось подтвердить), заключается в том, что эта книга неожиданно вошла в список обязательного чтения в российских военных академиях [10, с. 5]. Если это верно, то послесловие С.А. Вайгачева дает понять, что делается попытка найти замену утраченным советским задачам в национальной идентичности и дать молодым курсантам чувство общей целеустремленности. По словам Вайгачева, «В свете событий нашей недавней истории предостережения Данилевского и Страхова о недопустимости жертвовать народными интересами во имя абстрактных целей ложно понимаемого “прогресса” звучат, думается, более чем актуально. <...> Книга Данилевского содержит немало мыслей, ценность которых ощутимо возросла в конце XX столетия. Одна из них – это предостережение автора “России и Европы” об опасности денационализации культуры. Установление всемирного господства одного культурно-исторического типа, по мнению Данилевского, было бы губительным для человечества, поскольку господство одной цивилизации, одной культуры лишило бы человеческий род необходимого условия совершенствования – элемента разнообразия. <...> Данилевский решительно осуждал Запад за навязывание им своей культуры (под фиговым листком “общечеловеческих ценностей”) всему остальному миру». [см. 11, с. 566–567].

«Недавние события» 1989–1991 годов, без сомнения, были катастрофическими, но они были спровоцированы скорее кризисом доверия

hegemony of a single cultural-historical type would be harmful for all humanity, since the hegemony of a single culture, a single civilization, would deprive humanity of a necessary condition for improvement: the element of diversity. ...Danilevskii strongly condemned the West for imposing its own culture (under the fig leaf of ‘universal values’) on the rest of the world.” [11, с. 566–567]

The “recent events” of 1989–1991 were certainly cataclysmic, but were triggered by a crisis of confidence in and among Soviet leaders rather than a foreign invader. The 1990s can be characterized as an outbreak of “undisciplined enthusiasm” (in Danilevskii’s usage), when Russians experienced an identity crisis, pulled in opposite directions by competing desires to embrace the West and preserve national pride. In this context, Vaigachev called for the preservation of national culture based on the value of human diversity. The emphasis on diversity expressed the changed power balance of the times. Minority groups first raised the banner of cultural diversity as a positive good to preserve against the encroachment of the dominant cultural majority. A formerly strong power adopting the diversity defense of its own interests signals the waning of its power. It was not sufficient means to prop up the collapsing Soviet empire.

Danilevskii can certainly be cited as a champion of the cause of diversity, since it makes a key part of his argument in the first half of *Rossiiia i Evropa*. There he argues for plural human civilizations, each developing on its own life cycle, occurring at different stages in different ages of history, not a single civilization that peoples either possess or lack. He defined human progress as “not everyone going in the same direction, but in the whole field of humanity’s historical activity proceeding in different directions.” Each civilization makes unique “contributions to the common treasury of humanity,” and as an example Danilevskii reminded readers of the often-overlooked cultural achievements of India and China as both signals of a high level of cultural development and potential contributions to the development of other cultures [4, ch. 4, p. 72–74]³. We must note the fact that both India and China had fallen under imperialist dominion of western European countries at the time of his

к советским лидерам и в их собственной среде, чем внешним вмешательством. 1990-е годы могут характеризоваться как всплеск «недисциплинированного энтузиазма» (по терминологии Данилевского), когда россияне испытали кризис идентичности, разрываясь между противоречивыми желаниями обняться с Западом и сохранить национальную гордость. В этих обстоятельствах Вайгачев призывает сохранить национальную культуру, основанную на ценности человеческого разнообразия. Акцент на разнообразии отражал в то время смену баланса сил. Группы меньшинств впервые подняли знамя культурного разнообразия как положительного фактора, который следует защищать от агрессии доминирующего культурного большинства. Сильная прежде власть, принимающая разнообразие защиты своих интересов, подает сигналы о том, что она слабеет. Этого было недостаточно для поддержки разрушающейся советской империи.

Данилевский, без сомнения, может служить примером борца за дело многообразия, поскольку оно составляет главную часть его аргументов в первой половине книги «Россия и Европа». Он выступает за множественные человеческие цивилизации, каждая из которых развивается согласно своему жизненному циклу, возникая на различных этапах и в разные века истории, в отличие от единой цивилизации, которая либо есть у народов, либо ее нет. По его определению, «прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, исходило в разных направлениях». Каждая цивилизация вносит «вклад в общую сокровищницу человечества», и в качестве примера Данилевский напоминает читателям о часто игнорируемых культурных достижениях Индии и Китая, которые говорят о высоком уровне культурного развития и потенциальном вкладе в развитие других культур [4, гл. 4, с. 72–74]³. Нужно заметить, что и Индия, и Китай в то время, когда это было написано, находились под гнетом империалистической Западной Европы. Мультикультурализм в качестве научной точки зрения получил широкое распространение в 1990-х годах, и изучение работ Данилевского как сторонника мультикультурализма и защитника человеческого многообразия в этом контексте, несмотря на имперский колониализм,

writing. Multiculturalism as an academic viewpoint flourished in the 1990s, and reading Danilevskii in that context, as a proponent of multiculturalism and defender of human diversity in spite of imperial colonization, was consistent with Russia's declining power status during the time.

The 1995 edition of *Rossiiia i Evropa* makes more explicit the use of the book as a token or totem of national identity, in a book designed for display as much as for reading. The handsome blue leather cover with gold accents opens to tsarist symbols on the flyleaf and in the photo insert between the introductions and the text. The imperial crest, shown in multiple sizes alongside the emperor's family crest, associate the book with tsarism, which the text of the book itself does not sustain. Danilevskii championed Russian state power in general, more than the particular form of autocracy or the person of the tsar. Other illustrations at each chapter heading depict historical episodes related to the argument of each chapter, and the final page bears an illustration of an imperial scepter with the cap of Monomakh. This handsome edition is a collage of symbols of national heritage, not all of which complement the ideas of the book. The introduction by A. Galaktionov emphasizes that history sometimes repeats itself – a fourth unification of Germany, the Slavic world divided once again, and Russia entering the family of European nations, but with the perennial risk that the Eastern Question may open once again, disturbing Europe's preferred status of equilibrium [12, p. XX]. Geopolitical circumstances have a way of echoing the past, but the homage to tsarism in this edition serves as a reminder of imperial heritage rather than a part of history likely to repeat itself.

Subsequent editions of *Rossiiia i Evropa* reflect academic attention to the text more than the desire to commodify national identity. In the process of translating *Rossiiia i Evropa*, I examined most new editions as they were published. But for comparison, my reference point remained the 1966 American reprint of the 1895 edition, which reproduced the original nineteenth century orthography; this is the text I translated. Of the editions appearing after 1995, I found the 2003 *Izvestiia* edition very useful as a readable, complete text (including some of the religious refer-

вполне согласовывалось с упадком статуса российской власти в это время.

Издание «России и Европы» 1995 года делает более очевидным использование книги в качестве символа или тотема национальной идентичности, предназначенной равно как для демонстрации, так и для чтения. Прекрасный синий с золотом кожаный переплет, царские гербы на форзаце и вклейки с фотографиями между вступлением и текстом отличают это издание. Изображения имперского герба наряду с гербом царской семьи позволяют ассоциировать книгу с царским строем, хотя содержание самой книги и не несет этой идеи. Данилевский поддерживал российскую государственную власть в целом, а не конкретную форму самодержавия или личность царя. Иллюстрации, помещенные в начале каждой главы, демонстрируют исторические эпизоды, соответствующие содержанию этой главы, а на последней странице мы видим изображение императорского скипетра и шапки Мономаха. Это красивое издание представляет нам целый набор элементов национального наследия, не все из которых отвечают идеям, изложенным в книге. В предисловии, написанном А. Галактионовым, подчеркивается, что иногда история повторяется, – четвертое объединение Германии, новое разделение славянского мира и Россия, вступающая в семью европейских народов, но с вечным риском того, что Восточный вопрос может вновь встать на повестку дня, нарушая предпочитаемое Европой состояние равновесия [см. 12, с. XX]. Геополитические обстоятельства обладают особенностью переключаться с прошлым, но дань царизму в этом издании книги скорее служит напоминанием об имперском наследии, чем об этапе истории, который может повториться.

Последующие издания «России и Европы» в большей степени отражают научный интерес к содержанию книги, чем желание продвигать национальную идентификацию. Занимаясь переводом этой книги, я изучил большинство новых ее изданий по мере их публикации. И для сравнения в качестве отправной точки использовал сделанную в 1996 году американскую перепечатку издания 1895 года, которая воспроизводила оригинальную орфографию XIX века; именно этот текст и был переведен. Из изданий, появившихся после 1995 года, хотелось бы отметить публика-

ences omitted from the 1991 edition) with helpful annotations. The 2008 Terra/Knizhnii Klub edition added very helpful subject and personal name indexes. But as an academic resource, of all the recent editions I consulted, the 2010 ROSSPEN edition (volume 61 in the series Biblioteka Otechestvennoi Obshchestvennoi Mysli) clearly excelled. The scholarly apparatus in this edition impressed me greatly, and set the bar very high for other editions. The 2011 Institut Russkoi Tsvilizatsii edition came out too late for me to use while translating, but over twenty of the author's living descendants have signed my copy of this edition, presented to me by Olga Danilevskaia at my book launch, making it very dear to me.

Also very dear, but in a different sense of the word, the 2012 gift edition from Delibri (see picture) reflects the changing times in Russia. "With natural leather, gold leaf, gold embossing, silk ribbon and binding, all produced as a luxurious and original gift for serious people... a worthy gift for worthy people." The current description on the Delibri website is now more subdued, having changed since I captured my screenshot, but the price has increased. This again turns national consciousness into a commodity, but the "novie russkie" joke almost writes itself:

– Giving that book to the boss, eh?

How much did it cost?

– About 15000 rubles.

– You got ripped off. I know a place where it costs twice as much!

Like the 1995 edition, this gift edition was designed for display, to be looked at certainly, not necessarily to be read. But rather than signaling patriotism by flaunting symbols of national identity, this version, although suitably patriotic in subject matter, flaunts wealth. How far from the simple economy of the 1991 edition, with the price of "5 r." imprinted on the

Подарочный вариант книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». Переплет ручной работы из натуральной кожи с тиснением золотой фольгой

цию 2003 года издательства «Известия», так как текст здесь легко читаемый, полный (включая, некоторые религиозные ссылки, отсутствовавшие в издании 1995 года) и снабжен полезными примечаниями. В издании «Терра/Книжный клуб» 2008 года были добавлены полезные указатели тем и личных имен. Но в качестве академического источника из изданий последнего времени, с которыми я работал, самым выдающимся, безусловно, является публикация 2010 издательства «РОССПЭН» (серия «Библиотека отечественной общественной мысли», т. 61). Исследовательские материалы, включенные в данное издание, произвели на меня большое впечатление и подняли планку для прочих изданий очень высоко. Издание Института русской цивилизации 2011 года появилось слишком поздно, чтобы я мог использовать его в процессе перевода, но более двадцати ныне живущих потомков автора подписали экземпляр, подаренный мне Ольгой Данилевской на церемонии выхода в свет моей книги, что сделало для меня это издание особенно ценным.

Также очень ценным, но в другом смысле, стало для меня подарочное издание «Delibri» 2012 года (см. иллюстрацию), так как оно отражает перемены в России. «Кожаный переплет, золотой обрез и золотое тиснение, шелковая лента и скрепление, – все изготовлено так, чтобы сделать издание оригинальным подарком для серьезных людей, <...> достойным подарком для достойных людей». Сейчас описание книги на сайте «Delibri» более скромное, оно изменилось с того времени, как я сделал свою фотографию, но цена книги возросла. Тем самым национальное самосознание снова превращается в товар, но «новые русские» так шутят об том:

– Собираешься подарить эту книгу боссу, да? Сколько она стоила?

– Около 15 000 рублей.

– Тебя надули. Я знаю место, где она стоит в два раза дороже!

Как и издание 1995 года, это подарочное издание предназначается больше для демонстрации, очевидно, чтобы им любоваться, но необязательно читать. Но вместо того чтобы говорить о патриотизме, демонстрируя символы национального самосознания, оно, хотя и патриотичное по содержанию, скорее щеголяет богатством. Как далек этот вариант от простого экономного изда-

rear cover! It makes a statement about Russia in the time of oligarchs that Nikolai Iakovlevich could not have foreseen, and may not have approved, considering his humble preferences reported by Strakhov. I am serious person and, I think, worthy, but my academic budget has not allowed me to acquire a copy of this edition.

The 1990s boom in Russian scholarship on Danilevskii has sustained and even increased in the twenty first century. The sheer volume of attention in popular periodicals, academic journals, academic monographs, and online discussion forums attests to enduring interest in Danilevskii's ideas. Of the works I have read, I appreciate the historicist analysis of A.V. Efremov's *Bor'ba za Istoriiu* (2006). As a historian primarily and translator secondarily, I see Danilevskii's texts and ideas firmly rooted in the nineteenth-century, and not just in the context of polemics with his peers, as Efremov's book pursues (although this is an important and often neglected aspect), but also in the context of the many intellectual and political cross-currents of nineteenth century Europe. Yes, Europe, because as a biologist Danilevskii avidly followed the work of "naturalists" or scientists of various disciplines across the continent – not just Darwin, whom he wrote against at length, but many scientists whose names are now forgotten appear throughout Danilevskii's works. Likewise he followed political debates in Britain's Parliament, Germany's Reichstag, Austria's Diet, and France's Second Empire, as well as imperial maneuvers by each in their colonial possessions around the world. As an American, I learned things from Danilevskii as a nineteenth-century observer of my own country.

Not only was he widely read, but he was intellectually honest, or at least tried to be. He cited facts in support of his nationalist arguments, not falsehoods, even if he sometimes bent the facts to make them fit. In this era of "Fake News," of misinformation and political propaganda, accelerated in its spread by digital communication and social media technologies, we would all do well to bring Danilevskii's breadth and depth of erudition to our evaluation of new information. In *Rossiiia i Evropa*, Danilevskii recorded a couple instances of "fake news" or groundless rumor. One, the Swede in Norway in chapter 2, who

ния 1991 года, которое имело цену всего пять рублей, указанную на задней обложке. Это многое говорит о России времен олигархов, что Николай Яковлевич не мог предположить и вряд ли одобрил бы, тем более что, по словам Страхова, отличался скромностью в быту. Я серьезный и, как надеюсь, достойный человек, но мои заработки ученого не позволили мне приобрести это подарочное издание.

Начавшийся в 1990-х годах бум российских исследований работ Данилевского, продолжился и даже вырос в XXI веке. Сам масштаб внимания в популярной периодике, академических журналах и монографиях, дискуссиях на интернет-форумах свидетельствуют о постоянном интересе к идеям Данилевского. Среди прочитанных мною работ хотелось бы выделить исторический анализ в книге А.В. Ефремова «Борьба за историю» (2006). Будучи в первую очередь историком и только затем переводчиком, я вижу, что тексты и идеи Данилевского уходят корнями глубже его полемики со своими современниками, что рассматривается в книге Ефремова (хотя это весьма важный аспект, которым часто пренебрегают), затрагивая множество противоречивых интеллектуальных и политических течений в Европе XIX века. Да, Европа, поскольку как биолог Данилевский с интересом следил за работой «натуралистов» и ученых различных специальностей на континенте, – не только Дарвин, против которого он выступал, но и многие другие ученые, имена которых теперь забыты, упоминались Данилевским в его работах. Подобным же образом он следил за политическими дебатами в английском парламенте, немецком рейхстаге, парламентах Австрии и французской Второй империи, а также за политическими маневрами в каждом из их колониальных владений в мире. Будучи американцем, я с интересом узнал из работ Данилевского о его наблюдениях за моей страной в XIX веке.

Он был не просто очень начитанным, но и интеллектуально честным человеком, или по крайней мере старался быть таким. В подтверждение своих националистических аргументов, он опирался на факты, а не на вымысел, даже если порой и мог слегка эти факты подправить, чтобы они лучше соответствовали его выводам. В наш век «фальшивых новостей», дезинформации и политической пропаганды, скорость распростра-

accused the Russian government of composing the epic poem Kalevala to promote Finnish nationalism against Sweden. Another, the Arkhangelsk proprietor in chapter 11, who insisted that cholera was spread by government officials, under the influence of “Germans [*nemtsy*]” in the literal sense of foreigners, acting as spies and saboteurs [4, ch. 11, p. 21, 235]⁴. Danilevskii tried to salvage the latter example as proof that the Russian people innately sense Europe’s hostility toward Russia. In this case, it seems a stretch, considering the ample documentation of wide distrust for state officials among the Russian common people, who nevertheless deeply believed in the tsar’s benevolence. When Danilevskii disputed Darwin, it was not as a caricature or misrepresentation. Rather, by an almost philological method of careful reading of different editions, he seized upon apparent contradictions in the revisions made to interpolate changes or lapses in Darwin’s reasoning.

As a historian, I also appreciated K.V. Sultanov’s critique in *Sotsial’naia filosofiia N. Ya. Danilevskogo: konflikt interpretatsii* (2001), which assesses Danilevskii philosophically, but with historical attention to the philosophies of his nineteenth-century context. For instance, Sultanov points out that Danilevskii challenged nineteenth-century nihilists on their own philosophic grounds, producing methodological contradictions in “an attack on positivist naturalism by means of the very same naturalism.” Likewise he notes a contradiction between Danilevskii’s cultural relativism on the one hand, which supports the diversity argument as mentioned earlier, and metaphysical teleology on the other. “The victory of the Slavic type of culture seems to him the realization of the will of Providence and thus appears as the highest of moral goals, while the guarantees of a right outcome [*spravedlivost’*] are presented in the spirit of positivist utilitarianism of Bentham, Mill, and Milton.” [13, c. 44, 67, 196, 197]. As contradictory as the logical conclusions might be, Danilevskii came by these intellectual influences honestly. Nationalists all across Europe in the first half of the nineteenth century, often called “romantic,” believed in a force of history or divine will personified as Providence guid-

нения которых растет благодаря цифровым средствам связи и технологиям социальных сетей, нам всем только пойдет на пользу, если мы сможем использовать широту и глубину эрудиции Данилевского для оценки новой информации. В книге «Россия и Европа» Данилевский приводит два примера «фальшивых новостей» или беспочвенных слухов. Один, в главе II, представляет собой высказывание шведа из Норвегии, который обвиняет русское правительство в создании эпической поэмы «Калевала» в целях поддержки финского национального движения против шведов. Второй эпизод из главы XI об архангельском предпринимателе, который настаивал на том, что холера распространялась правительственными чиновниками, работавшими на «немцев» (в буквальном смысле – иностранцев) и являвшимися шпионами или саботажниками [4, гл. 11, с. 21, 235]⁴. Данилевский пытался использовать последний пример как доказательство того, что русский народ внутренне ощущает враждебность Европы в отношении России. В этом случае аргумент представляется слегка натянутым, если принять во внимание многочисленные документы, говорящие о недоверии простых людей к государственным чиновникам, при этом те же люди свято верили в благие намерения царя. В спорах с теорией Дарвина Данилевский не прибегал к искажениям или карикатурам. Вместо этого он практически филологическим методом прочтения различных изданий выявил явные противоречия в переизданиях, сделанных для того, чтобы интерполировать изменения и недостатки теории Дарвина.

Как историк я также высоко оценил критическую работу К.В. Султанова «Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретаций» (2001), в которой труды Данилевского оцениваются с философской точки зрения, но с историческим вниманием к философскому контексту XIX века, когда он творил. Например, Султанов подчеркивает, что Данилевский бросил вызов нигилистам XIX века на их собственной философской почве, создавая методологические противоречия в «наступлении на позитивистский натурализм при помощи этого же самого натурализма». Подобным же образом он отмечает противоречия между культурным релятивизмом Данилевского, который поддерживает упомянутый ранее аргумент о многообразии, с одной

ing the development of their particular national group. Comte's positivism undergirded his view of the natural science, and Danilevskii definitely thought of his cultural-historical types and the laws of their operation as scientifically certain, making him a Newtonian lawgiver for a new science of civilizations. He did indeed conceive his Slavic federation in utilitarian terms, the greatest good for the greatest many and cost/benefit analysis, with the enumeration of the populations of the smaller Slavic peoples, as well as the inconvenient Romanians and the intractable Poles, with an assessment of the benefits and liabilities each would bring to the Slavic union.

Sweeping smaller peoples, both Slavic and non-Slavic, into a Russian-led federation of states, without giving those peoples much say in the matter, creates a stark contrast to the “diversity Danilevskii” identified earlier, who championed the multiplicity of cultural viewpoints. Here the diversity agenda yields to a singular Slavic civilization that in practice turns out to mean Great Russian, in the same way that “Eurasian” seems to reduce to “Russian” in the final analysis. The capital of Danilevskii's vision could never be Prague, Warsaw, or Minsk, but rather must be a Russian-occupied Istanbul, rechristened Tsargrad, as a nominally independent federal capital, like the District of Columbia in the United States. Also like the District of Columbia, its neutrality would be illusory. Where D.C.'s proximity to Virginia protected the institution of slavery from serious challenge for almost eighty years, Russian control of Tsargrad would guarantee that all policy decisions would be made in Moscow, very much like the administration of the Eastern Bloc. The element of raw power highlights a different aspect of the same thinker that we could call “domination” or “dominion Danilevskii.” Dominion Danilevskii followed the logic of nineteenth century imperialism, a point of view not completely suppressed in the twentieth century, but mostly channeled into the assembly of strategic alliances rather than annexation of territory.

Danilevskii thought like an old-fashioned imperialist because he lived in a world of old-fashioned imperialists. His admiration for Catherine the Great had no limit, and even Emperor Paul earned approval by his enthusi-

стороны, и метафизической телеологией – с другой. «Победа славянского типа культуры видится ему как реализация воли Провидения и потому является высшей нравственной целью, а гарантии справедливости предлагаются в духе позитивистского утилитаризма И. Бентама, Дж. Милля и Дж. Милтона» [13, с. 44, 67, 196, 197]. Настолько противоречиво, насколько возможно для логических выводов, Данилевский честно пришел к этим интеллектуальным влияниям. Националисты первой половины XIX века по всей Европе, которых часто называли романтиками, верили в силу истории или божественную волю, олицетворенную как Провидение, направляющее развитие их особенной национальной группы. Позитивизм Конта являлся фундаментом его взглядов на естественную науку, и Данилевский определенно расценивал его культурно-исторические типы и законы их работы как научно обоснованные, что делало его ньютоновским законодателем для новой науки о цивилизациях. Он действительно представлял свою славянскую федерацию в понятиях утилитаризма как наибольшее благо для подавляющего большинства и анализ затрат/преимуществ, с учетом населения малых славянских народов, а также беспокойных румын и непокорных поляков, с оценкой выгод и обязательств, которые каждый из них привнесет в славянский союз.

Объединение малых народов, как славянских, так и неславянских, в федерацию государств под руководством России без учета мнения этих народов представляет собой полный контраст с описанным выше «многообразием Данилевского», который был поборником разнообразия культурных точек зрения. И здесь осуществление такого многообразия на деле превращает единую Славянскую федерацию в Великоорусскую – точно так же как Евразийская в конечном счете обратится в Русскую. Столицей представленной Данилевским картины никогда не могли бы стать Прага, Варшава или Минск, а скорее оккупированный русскими Стамбул, вновь переименованный в Царьград, в качестве независимой федеральной столицы подобно округу Колумбия в Соединенных Штатах. И так же как и в случае с округом Колумбия, ее нейтралитет будет иллюзорным. Подобно тому, как близость округа Колумбия (D.C.) к Виргинии защищала

astic marginalia on Rostopchin's memorandum. By my count, he mentioned Bismarck only twelve times in *Rossiiia i Evropa*, but obviously Bismarck inspired the entire book. Danilevskii wanted a Russian Bismarck to do the same for united Slavdom that the Prussian prime minister was doing (as Danilevskii was writing) to unite Germany. This connection is easily overlooked, but once you see the connection, you cannot unsee it. So the entire book also stands as a veiled criticism of the timidity in foreign relations of Russia's nineteenth century tsars. This point is less veiled and more explicit in Danilevskii's political articles during the Russo-Turkish War of 1877–1878.⁵ Danilevskii's high hopes for the beginning and middle of the war faded into discouragement, as the gains made for the Slavic cause in the Treaty of San Stefano turned into losses at the Congress of Berlin, where Bismarck played host. As Danilevskii complained in the bitter postscript, "obstacles destroyed by Russian bayonets were raised again, strengthened, or created anew by Russian diplomats, and the negative results of Russian politics exceeded the positive results of Russian military arts and prowess." [14, p. 121]⁶ Throughout Danilevskii's political articles, he expresses frustration as well as grudging admiration for Great Britain's (or "England's" as Danilevskii preferred to call it) global reach and imperial prowess. Wherever Britain could imagine a threat to its sea lanes or colonial possessions, it preemptively played offense to secure more possessions in the name of strategic defense, whether or not the imagined threat ever materialized. Danilevskii half seriously complained that this provocative offense-as-defense brinkmanship would backfire, as Britain's interference in the Straits could actually force Russia to retaliate by attacking India by land, precipitating the very thing Britain set out to prevent by denying Russia control of the Straits. [14, p. 99–101]⁷ He knew no nineteenth century tsar would take such bold action, not to mention the logistical and material difficulties of an overland attack on India, but he well grasped the imperialist calculus that made it an option.

Although in Danilevskii's day Russia held a weaker position vis-à-vis the West, evidenced by the Crimean War and the reversal

институт рабства от серьезных угроз в течение почти восьмидесяти лет, так и контроль русскими Царьграда гарантирует, что все политические решения будут приниматься в Москве, так же как это происходило при управлении Восточным блоком. Элементы неограниченной власти высвечивают иной аспект убеждений мыслителя, который можно назвать «доминированием» или «доминированием по Данилевскому». Такое «доминирование» следовало логике империализма XIX века, которая не полностью исчезла и в XX веке, но приобрела форму создания стратегических альянсов, а не захвата территорий.

Данилевский мыслил как старомодный империалист, ибо он жил в мире старомодных империалистов. Он безгранично восхищался Екатериной Великой, и даже император Павел вызывал его одобрение, судя по заметкам ученого на полях меморандума Ростопчина. По моим подсчетам, в книге «Россия и Европа» он только двенадцать раз упоминал Бисмарка, но очевидно, что именно Бисмарк вдохновил его на написание этой книги. Данилевский хотел, чтобы российский Бисмарк сделал для славянского объединения то же самое, что прусский премьер-министр делал (как писал Данилевский) для объединения Германии. Эту связь очень легко проглядеть, но если уж вы обнаружили ее, то это нельзя игнорировать. Таким образом, вся книга представляется завуалированной критикой нерешительной внешней политики российских царей в XIX веке. Высказывания Данилевского менее завуалированы и более определены в его политических статьях в период русско-турецкой войны 1877–1878 годов⁵. Большие надежды Данилевского в начале и середине войны превратились в разочарование, когда выигрыш для дела славян, полученный по договору в Сан-Стефано, превратился в потери по результатам Берлинского конгресса, где председательствовал Бисмарк. Как с горьким разочарованием писал Данилевский в послесловии, «преграды, разрушенные русскими штыками, были возведены вновь, укреплены или созданы заново русскими дипломатами, и негативные результаты российской политики намного превосходили положительные результаты русско-военного искусства и героизма» [14, р. 121]⁶. В своих политических статьях Данилевский выражал разочарование и неохотное восхищение

at the Congress of Berlin, Danilevskii nurtured a vision of Slavic supremacy based on two conflicting tendencies within his thought. Both tendencies rested on his belief in the inevitable decline of the West, which was for him a biological fact and a metaphysical certainty.⁸

In terms of biology, the West was clearly at its peak, but after the peak comes decline and death. Furthermore, analogies in the natural world prove the apparent peak follows long after the actual peak: the peak heat of the day comes hours after the sun peaks at noon; summer heat peaks well after the summer solstice, when the days have begun to shorten. The abundant fruit at harvest is just a short interval away from dormancy (perennial plants) or death (annual plants). All living things have a lifecycle. Peoples or nations are a living thing made up of living things, so they have a meta-lifecycle. High summer in the West proves autumn and winter are coming, while Slavdom was then still in the bud of spring.⁹ In metaphysical or quasi-theological terms, Danilevskii emphatically believed that things existed in nature for a purpose. This is a teleological belief, but it was also essentially ontological: Since the idea of a united and flourishing Slavic civilization existed, it must eventually become reality. Danilevskii's metaphysics may or may not have been fully Christian. Strakhov's biography hints that Danilevskii as a university student was an atheist; Semenov Tian-Shanskii's *Memuary* confirms it, but insists that he regained his faith during his imprisonment in the Petrashevskii affair (or so he claimed when proposing marriage to his first wife). When Danilevskii's first wife died, he wrote a letter to his friend expressing that he clung to Christian beliefs and must believe in the afterlife, because he could not imagine never seeing her again.[16; 17, с. 217–218]¹⁰ Professions of faith made at moments of emotional hardship, however, should be cited cautiously.

In public writings, Danilevskii's framed his beliefs more vaguely. *Rossia i Evropa* makes frequent reference not to God, but to Providence, which is not the same as God, but a personification of divine will guiding history. In the final chapter, he contrasted it with "blind, unthinking Fate" at the core of ancient Greek religion, which taught humans to submit to the sheer random-

действиями Великобритании (или Англии, как он предпочитал ее называть) по проникновению во все регионы мира и ее внешнеполитическим имперским искусством. Во всех случаях, когда Британия считала, что что-то угрожает ее морским коммуникациям или колониальному владению, она прибегала к упреждающему нападению, чтобы получить больше владений в целях стратегической обороны, независимо от того, реализовывалась ли когда-либо эта воображаемая угроза. Данилевский полусуто жаловался, что такая провокационная конфронтация по типу «наступление как оборона» может привести к обратным результатам, так как вмешательство Британии в положение в районе проливов может вынудить Россию в качестве ответных действий предпринять сухопутное наступление на Индию, что только спровоцирует ситуацию, которой Британия пытается избежать, не допустив контроля России над проливами [14, p. 99–101]⁷. Он не знал ни одного монарха XIX века, который мог бы пойти на столь решительные действия, не говоря уже о логистических и материальных сложностях сухопутного похода в Индию, но очень хорошо понимал империалистические расчеты, позволяющие рассматривать подобный вариант.

Хотя позиции России времен Данилевского в противостоянии с Западом были более слабыми, о чем свидетельствовали результаты Крымской войны и Берлинского конгресса, Данилевский лелеял идею о славянском превосходстве, основывавшуюся на двух противоречивых тенденциях в его рассуждениях. В основе обеих этих тенденций лежала его вера в неизбежный закат Запада, что являлось для него биологическим фактом и метафизической достоверностью⁸.

На языке биологии Запад явно находился на пике своего развития, но после такого пика наступают упадок и смерть. Более того, аналогии из мира природы доказывают, что видимый пик продолжается долго после реального пика: самая сильная жара днем наступает через несколько часов после того, как солнце находилось в зените в полдень; самые жаркие дни лета наступают уже после летнего солнцестояния, когда дни становятся короче. Богатый урожай собирается незадолго до периода покоя (многолетних растений) или гибели (однолетних растений). У всего живого в природе существует жизненный цикл.

Instead, he elevated purposefulness as the key to understanding the world, and upheld it in similar fashion against Darwinism in his lengthy critique. If all of Nature has a purpose, then that purpose must express the will of God or Nature itself, personified. The purpose seems more important for Danilevskii's thought than the divine persona whose purpose it is. Providence is the guarantee that Russia exists for a purpose, to lead Slavic civilization, which also has a purpose, described at length in the final chapter. In the book, chapter 9 contrasts Orthodoxy with western Christianity, and casts Providence in explicitly Christian terms. Earlier in the book, Danilevskii in passing calls Christianity the cultural product having the single greatest influence on humanity, which in time will encompass all of humanity [4, ch. 4, p. 66]¹¹ – also indicating Christian theology at work. But in the introduction to *Darvinism*, the massive polemic left unfinished when he died, Danilevskii states his main objection with Darwin's teaching as its elevation of “absolute random chance,” *sluchainost'*, as its “highest explanatory principle.” [19, т. 1, с. 6] His critique did not uphold a literal reading of the creation account in Genesis, or object to Darwin's theory on Christian theological grounds. Rather he clearly defended his own understanding of purposefulness in nature and in history, on which his entire argument in *Rossiiia i Evropa* rested. If Slavdom has no unique historical purpose, he argued in *Rossiiia i Evropa*, then Russia exists for no other reason than to be the secondhand bearer of European civilization to the peoples of central Asia. “*Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus*. In truth, a mountain birthing a mouse, some kind of colossal historical redundancy, something gigantically unnecessary is how our Russia comes across as a bearer of European civilization.” [4, ch. 3, p. 51]¹² As a biologist, he could not accept a scientific theory that negated his nationalist convictions that Russia had a historical and even metaphysical task or purpose, “*zadacha*” being the word he favored.

As stated above, Danilevskii nurtured a vision of Slavic supremacy based on two conflicting tendencies within his thought. Both tendencies rested on his belief in the inevitable decline of the West, which was for him a biologi-

Народы или нации тоже представляют собой живой организм, составленный из живых существ, поэтому и у них есть последующий жизненный цикл. Середина лета на Западе говорит о том, что наступят осень и зима, в то время как славянские народы находились на этапе начала весны⁹.

С точки зрения метафизических или квазитеологических положений, Данилевский твердо верил в то, что вещи существуют в природе с определенной целью. Это телеологическая, но в то же время и онтологическая вера: раз идея объединенной и процветающей славянской цивилизации существует, она должна будет рано или поздно реализоваться. Метафизика Данилевского может быть, а может и не быть полностью христианской. В биографии Страхова автор намекает, что в период студенчества Данилевский был атеистом, а Семенов Тянь-Шанский в своих «Мемуарах» подтверждает это, но настаивает, что тот вновь обрел веру во время тюремного заключения по делу петрашевцев (по крайней мере он заявлял об этом, когда делал предложение своей первой жене). После смерти первой жены Данилевский написал письмо другу о том, что находит утешение в христианстве и верит в загробную жизнь, так как не может представить себе, что больше никогда не увидит жену [16; 17, с. 217–218]¹⁰. Заявления о преданности вере, сделанные в моменты эмоциональных испытаний, должны, однако, восприниматься с долей скептицизма.

В своих публицистических работах Данилевский высказывался о вере более туманно. В книге «Россия и Европа» он часто ссылается не на Бога, а на Провидение, что не равнозначно Богу, а является персонификацией божественного промысла, управляющего историей. В последней главе он противопоставляет этому «слепую бессмысленную Судьбу», которая была в центре религии Древней Греции и учила людей покоряться абсолютной случайности событий. Вместо этого он выдвигает на передний план целесообразность, которая является ключом к познанию мира, и подобным же образом в своих критических статьях противопоставляет ее дарвинизму. Если все в природе имеет цель, то эта цель должна выражать волю Бога или самой персонифицированной Природы. Цель представляется для Данилевского более важной, чем божественная личность, эту цель определяющая. Провидение

cal fact and a metaphysical certainty. This raised the question: Since the decline of the West was inevitable, what should Russia do in the meantime? The two conflicting tendencies align with answers to this question implied within or derived from his thought. The first we can call the Menshevist tendency, borrowing from the disputes over inevitable socialist revolution in the early twentieth century. If Slavic supremacy is inexorably advancing, if its ultimate arrival is an inevitable scientific fact, then the only rational, natural course of action is to wait for it to happen. Perhaps the enlightened few could try to promote Slavic identity and unity, and spread the word of this new science of historical-cultural types and their lifecycles, but even this would be unnecessary because far larger forces at work in history drive the processes that guarantee this outcome. Larger events will awaken Slavic consciousness across national lines while reducing the status of the West, but these events and processes will take as long as they must take. No amount of human striving will make the apple tree bear its fruit any faster. Such striving actually reveals a misunderstanding of how Nature or Providence works, and is doomed to be abortive, like trying to reap the harvest prematurely. Nature knows what it is doing and cannot be rushed.

Of course the Menshevist approach has limited appeal among those most sympathetic to the message. It is frustrating to be told to “Hurry up and wait,” for one’s deep longing and hopeful aspiration. A similar pattern exists among fundamentalist Christians, in America for certain but perhaps everywhere, regarding the apocalypse foretold in the book of Revelation. The rational response for the faithful should be some reassurance that in the end, God prevails and abolishes evil, establishing an eternal kingdom of righteousness. But this is boring. It is far more engaging to believe Armageddon is imminent, to see the apocalyptic significance in world events, to assign roles of apocalyptic actors according to one’s preferences, and to imagine the heavenly pyrotechnics and earthly horrors about to begin. In my observations, lifelong Christian fundamentalists in old age obsess about eschatology the most, for a few reasons. First, spiritual leaders have warned that this “black swan” event was

является гарантией того, что Россия существует с определенной целью, – возглавлять славянскую цивилизацию, у которой тоже есть цель, подробно описанная Данилевским в последней главе. В девятой главе автор противопоставляет православие западному христианству и описывает Провидение в недвусмысленно христианских терминах. Ранее в книге Данилевский мимоходом называет христианство культурным продуктом, имеющим самое большое влияние на людей, который со временем будет включать все человечество [4, гл. IV, с. 66]¹¹, и отмечает также воздействие христианской теологии. Но в предисловии к большой полемической работе «Дарвинизм», оставшейся неоконченной из-за смерти автора, Данилевский говорит, что его основное возражение против теории Дарвина заключается в том, что Дарвин превозносит «абсолютный случай» (случайность) как «основной принцип объяснения» [19, т. 1, с. 6]. Его критика не основывалась на буквальном прочтении рассказа о сотворении мира в книге, не выдвигал он и возражений против теории Дарвина на основании христианской теологии. Вместо этого он отстаивал свое понимание целесообразности природы и истории, на котором основывалась вся его аргументация в книге «Россия и Европа». Если у славянского мира нет уникальной исторической задачи, утверждал он в «России и Европе», то Россия существует только для того, чтобы быть второразрядным носителем европейской цивилизации для народов Центральной Азии. «Parturiunt montes, nascitur ridiculus mus». Поистине горою, рождающею мышь, – каким-то громадным историческим плеоназмом, чем-то гигантски лишним является наша Россия в качестве носительницы европейской цивилизации» [4, гл. III, с. 51]¹². Как биолог он не мог принять научную теорию, которая отрицала бы его националистические убеждения, что Россия обладает исторической или даже метафизической целью и задачей, именно термину «задача» он отдавал предпочтение.

Как уже было сказано выше, Данилевский лелеял надежду на славянское превосходство на основании двух конфликтующих тенденций его идей. Обе эти тенденции базировались на его вере в неминуемый закат Запада, что было для него биологическим фактом и метафизической неизбежностью. В этой связи возникает вопрос:

fast approaching for their whole lives, so the last thing they expect is to die without seeing it. Moses lived to see the children of Israel enter the Promised Land; Simeon announced he could now die, upon confirming the birth of the Christ. From such examples, they may conclude that by a lifetime of faithfulness they have earned the right to witness it. The prospect of long awaiting something that never happens, brings impossible disappointment. Furthermore, contemplating the end of all things and the passing of this world is preferable to, and offers relief from, contemplating the end of one's own life, and the infinite suspense of dying without knowing how history ends. Any political or theological movement promising ultimate restoration and redemption breeds this kind of impatience to see it achieved soon, within one's lifetime, and a willingness to take steps to move toward it or bring it about.

Which brings us to the Bolshevik tendency in Danilevskii's thought. I grew up in the United States during the late Cold War era, hearing two contradictory messages: Communism will never work; and therefore we must fight it at every turn! The one does not logically follow from the other. Why take action if no action is necessary? Because it is so hard to wait for the inevitable. Waiting fosters the doubt that perhaps the inevitable might not actually be so inevitable after all. Chapter 7 of *Rossiiia i Evropa*, "Gniet li Zapad?" frames the argument of the first half of the book by answering in the affirmative, the West is decaying, so time is on Slavdom's side. But the penultimate chapter 16, "Bor'ba," makes the case for Russian maintaining vigilance and readiness for the coming of a final showdown, bringing the opportunity to invert the power balance and place united Slavdom on top. By the end of "Gore pobediteliam," Danilevskii demanded Russia seize upon any and all of Europe's missteps or internal strife to pursue a Catherinian policy of territorial enlargement.

Rossiiia i Evropa established the logical basis for this approach. Throughout the book, Danilevskii identified political equilibrium as the regulatory principle of the system of European states. And in the event of a disruption to the equilibrium, such as Louis XIV, the Thirty Years' War, or Napoleon, the rest of Europe united

если закат Запада неизбежен, что будет делать в это время Россия? Две противоположные тенденции подкрепляются ответами на этот вопрос, которые подразумеваются или получаются на основе его идей. Первую мы можем назвать меньшевистской тенденцией, опираясь на дискуссии о неизбежности социалистической революции в начале XX века.

Если славянское господство неумолимо приближается, если его окончательный приход является неотвратимым научным фактом, то единственным разумным и естественным образом действия будет просто ждать, когда оно наступит. Возможно, некоторые просвещенные деятели могут постараться приблизить славянскую идентичность и славянское единство, распространяя информацию о новой науке об исторически-культурных типах и их жизненных циклах, но все это будет излишним, так как в истории действуют гораздо более мощные силы, продвигая процессы, гарантирующие конечный результат. Более крупные события пробудят славянское самосознание в национальном направлении, снижая статус Запада, но эти события и процесс потребуют определенного количества времени. Никакие человеческие желания не смогут заставить яблоню дать плоды раньше. Подобные желания обычно говорят о непонимании того, по каким законам действуют Природа и Провидение, поэтому они обречены на неудачу, подобно попыткам преждевременно собрать урожай. Природа знает, что она делает, и ее нельзя торопить.

Конечно, меньшевистский подход не так привлекателен для приверженцев этой идеи. Очень разочаровывает, когда вам говорят «потерпите и ждите» в ответ на ваши страстные желания и оптимистические устремления. Подобные примеры в связи с предсказанным в Откровении Иоанна Богослова апокалипсисом существуют не только среди христианских фундаменталистов в Америке, но, возможно, и в других странах. Разумным ответом верующим будет заверение в том, что в конце концов Бог победит и уничтожит зло, установив вечное царство добродетели. Но это скучно. Гораздо интереснее верить, что Армагеддон неотвратим, придавать апокалиптическое значение происходящим в мире событиям, распределять роли апокалиптических героев соответственно своим предпочтениям и представлять, что

against the disruptor, to reestablish equilibrium once again. In the earlier cases not so much, but in the latter case, Europe looked to Russia to take a side and determine the outcome. This is why I chose the medallion with the two emperors' embracing for the cover of my translation. Danilevskii viewed the 1807 Treaty of Tilsit, which the medallion commemorates, as a missed opportunity. Russia's alliance with France could have allowed it to pursue its own goals for the benefit of Slavdom at the expense of western Europe's unity. Danilevskii takes this lost opportunity as the example to teach the goal: European equilibrium benefits each European state, but not Russia; disturbances to the equilibrium create risks for European states, but not for Russia. Therefore Russia should use disturbances in the European equilibrium to pursue its advantage.

The twentieth century saw major disturbances to the European equilibrium that allowed Soviet Russia to follow Danilevskii's advice to some degree. But two major wars brought damage to Russia itself and the expanded Soviet empire aroused resistance to Russian leadership both within and without. In terms of soft power, or compelling culture, the West prevailed. Once Premier Khrushchev tasted Pepsi cola and liked it, the inevitable was truly inevitable. A full spectrum of radio and television airwaves, the back channels for western trade goods, rock 'n roll music, Hollywood movies, and many more cultural exports probed the cracks and found ways into Soviet private and public life. When Russia opened to such things as Soviet rule faded, the appetite was insatiable. In the mid-1990s my host family asked me questions about America, based on what they saw on "Santa Barbara." Can you buy all those clothes, or do you have to make them? Are the walls of apartments and houses always so white? What is this baked item, called a blueberry muffin? My host brother's friends asked me which Jean Claude van Damme movie I liked best. I had never seen one, but they had seen them all.

The pendulum swung back by the late 1990s. In 1996, my host brother asked at each kiosk if they had Snickers bars. Obviously he wanted to show me they had such

вот-вот начнется светопреставление. По моим наблюдениям, люди, всю жизнь исповедующие христианский фундаментализм, в преклонном возрасте особенно одержимы эсхатологией, и тому есть несколько причин. Во-первых, духовные лидеры предупреждали, что эпохальное событие («черный лебедь») быстро приближалось в течение всей их жизни, так что последнее, что они могут ожидать, это умереть, не увидев его. Моисей жил для того, чтобы увидеть детей Израиля, входящими в Землю Обетованную; Симеон объявил, что может умереть теперь, когда засвидетельствовал рождение Христа. На основании этих примеров можно подумать, что если быть искренне верующим всю жизнь, то заслужишь право стать свидетелем этих событий. А перспектива долгого ожидания того, что никогда не случится, приносит огромное разочарование. Более того, размышления о конце всего сущего и конце света предпочтительнее и приносят больше облегчения, чем мысли о собственной кончине и возможности умереть, так и не узнав, как закончится история. Любое политическое или теологическое движение, обещающее полное восстановление и искупление, способствует такому нетерпению увидеть достижения как можно быстрее, в течение одной человеческой жизни, а также желанию предпринять шаги для ускорения процесса.

А это подводит нас к большевистской тенденции в идеях Данилевского. Я рос в Соединенных Штатах в последние годы эпохи холодной войны и знал о двух противоречащих друг другу идеях: коммунизм никогда не победит, а следовательно, мы должны бороться с ним на каждом шагу! Одно совершенно не следует логически из другого. Для чего предпринимать какие-то действия, если действия вообще не требуются? Потому что очень тяжело ждать неизбежного. Ожидание рождает сомнения, так ли уж неизбежно это неизбежное. В седьмой главе книги «Россия и Европа» «Гниет ли Запад?» на этот вопрос дается положительный ответ, подтверждая аргументы первой половины книги. Да, Запад приходит в упадок, так что время работает на славянское единство. Но в предпоследней, шестнадцатой, главе «Борьба» выдвигаются доводы, что России необходимо сохранять бдительность и готовность к решающему поединку, который даст

things, but they were always sold out. When I returned for a visit in 1998, I brought him a gift. He opened the box and looked inside. “Oh, Snickers,” he said contemptuously. I later read Zhirinovskii led demonstrations outside the U. S. embassy, throwing Snickers bars at it. They are not my favorite either.

In the twentieth century, information warfare favored the West, as the Soviets struggled to turn back the rising flood. Working against the tide, the KGB convinced few Americans to distrust their government and disbelieve western news media. After the end of the Cold War, however, many Americans on the Republican side adopted those KGB ideas as their own, oblivious to the origin. President Trump, the American Zhirinovskii, complained of a Deep State whenever laws or agencies did not favor his personal interests, and complained of Fake News whenever reports covered inconvenient reality or his own ineptitude. Even his most loyal supporters, it has been said, take him seriously, but not literally.

In the twenty first century, information warfare tilted much more in Russia’s favor. After the terrorist attacks of 11 September 2001, President Putin successfully rebranded the conflict in Chechnya from a war against separatism to a war against terrorism, seeming to make common cause with the United States. The sense of cooperation proved short-lived, but reframed the topic of Russia’s handling of the Caucasus and reduced scrutiny of chronic regional tensions. The internet, built upon western ideals of free speech, became a perfect tool for misinformation campaigns and dubious political advertisements. Along with its many benefits, it has provided the same convenient means for cross-border political interference as the airwaves gave the West during the Cold War. Western democracies now contend with Russia, Iran, Turkey, Saudi Arabia, Israel, and China indirectly taking part in their elections on a regular basis. A massive ad purchase on Facebook, for a “hard” Brexit with no plan for the transition, alarmed a colleague of mine in the UK. There is no British constituency to benefit from such an outcome, of course, but a foreign actor, hoping to disrupt the political equilibrium of the European system of states,

возможность славянскому единству изменить баланс сил и занять лидирующее положение. В конце главы «Горе победителям» Данилевский призывает Россию использовать абсолютно все ошибки или внутренние раздоры Европы, чтобы проводить екатерининскую политику увеличения территории.

В книге «Россия и Европа» определяются логические основы для такого подхода. Данилевский определяет политический баланс как регулирующий принцип системы европейских государств. А в случае нарушения баланса, как во времена Людовика XIV, Тридцатилетней войны или наполеоновских войн, остальные европейские государства объединяются против этого нарушителя, чтобы снова восстановить баланс. В отличие от первых двух примеров, в последнем случае Европа ждала, чью сторону примет Россия и определит результат конфликта. Именно по этой причине я выбрал медаль с изображением объятия двух императоров для оформления обложки издания моего перевода. Данилевский рассматривал Тильзитский мирный договор 1807 года, в честь которого и была выпущена эта медаль, как упущенную возможность. Союз России с Францией мог бы позволить ей преследовать свои цели по укреплению позиций славян за счет единства Европы. Данилевский приводит этот пример упущенной возможности как урок, который необходимо усвоить: европейский баланс идет на пользу каждой европейской стране, но не России; нарушение баланса создает риски для стран Европы, но не для России. Потому Россия должны использовать нарушения баланса в Европе для достижения своих целей.

В XX веке в Европе произошли значительные нарушения баланса, позволившие советской России в определенной степени последовать совету Данилевского. Но две большие войны нанесли урон и ей самой, а расширившаяся Советская империя вызвала сопротивление российскому лидерству как внутри, так и вовне. С точки зрения мягкой силы или привлекательности культуры Запад одерживал победу. Однажды премьер Хрущев попробовал «пепси-колу», и она ему понравилась – неизбежное действительно неизбежно. Полный спектр радио- и телевещания, «черный рынок» западных товаров, рок-н-ролл, голливудские фильмы и многие другие виды культурного

would find online political ads much less expensive and much more effective than conventional espionage. Political advertising is nearly untraceable, as anyone can create a shadow corporation to make an ad purchase. The freedom of speech and democratic processes in the West have been effectively weaponized against targets such as the EU, NATO, the World Health Organization, and other international agencies, as well as political parties in various countries. So long as targeted online advertising is inexpensive and effective at swaying opinion and democratic outcomes, it will continue to be used. As long as American super PACs do not have to report where their money comes from, foreign funds will flow into them. Internet infrastructure will continually be targeted for hacking, especially systems related to elections.

Social media offers the promise of free speech, but each platform's proprietary algorithms create an echo chamber effect, placing each user behind an Iron Curtain of their own making. We think we are thinking our own thoughts, but as the algorithms select what content we see and measure our engagement with each piece, it becomes clear that the algorithms do our thinking for us. Facebook is especially culpable in promoting outrage and partisanship in pursuit of user engagement.

Danilevskii's "domination" message might encourage Russian leaders to use available means to promote disequilibrium in the West, in order to elevate Russia's relative position and power. But instability abroad has a way of encouraging instability at home, as protests against injustice highlight other injustices. The Putin system no less than the Soviet system depends upon its own kind of equilibrium for power. Demonstrations in Minsk or anti-Kremlin protests in the Amur basin may draw encouragement from each other, and also from the record-setting crowds in Black Lives Matter protests and counter-protests across America, partly stoked by Russian information campaigns. Conflict between Azerbaijan and Armenia tears a hole in the message of Eurasian economic unity. Democratic mechanisms allow countries in the West periodically to "throw the bums out" and replace unpopular rulers, while a president for life must

экспорта создавали трещины в обороне и проникали в советскую частную и общественную жизнь. Когда советский строй пал и Россия открылась для всех этих вещей, аппетиты народа были огромными. В середине 1990-х годов семья, где я жил, задавала мне вопросы об Америке, основанные на том, что они видели в сериале «Санта-Барбара». Можете ли вы купить всю эту одежду или вам надо ее шить? Действительно ли стены квартир и домов такие белые? Что это за выпечка, которую вы называете «черничный маффин»? Друг брата моего хозяина спросил меня, какой фильм Жан-Клода Ван Дамма мой любимый. Я не видел ни одного из этих фильмов, а они видели все.

Маятник качнулся в обратную сторону в конце 1990-х годов. В 1996 году брат моего хозяина спрашивал в каждой палатке, есть ли у них батончики «Сникерс». Очевидно, он хотел доказать мне, что в стране есть такие продукты, но они всегда были распроданы. Когда я вернулся в 1998 году, то привез ему подарок. Он открыл коробку, заглянул внутрь. «О, «Сникерсы»», – презрительно сказал он. Позднее я прочитал, что Жириновский проводил демонстрацию около посольства США, и демонстранты швыряли «Сникерсы» к стенам посольства. Я тоже не очень люблю эти батончики.

В XX веке информационная война дала преимущества Западу, когда Советы пытались остановить нарастающий поток. Борясь с этой волной, КГБ удалось убедить ряд американцев не верить своему правительству и не доверять западным средствам массовой информации. После окончания холодной войны, однако, многие американцы из республиканской партии приняли эти идеи КГБ как свои собственные, не отдавая себе отчет в их происхождении. Президент Трамп, как американский Жириновский, жаловался на «глубинное государство» в любых случаях, когда законы или органы власти не отвечали его личным интересам, и сетовал на лживые новости, когда репортажи освещали неприглядную реальность его собственной некомпетентности. Даже его самые преданные сторонники, как говорят, воспринимали его не слишком серьезно.

В XXI веке информационная война гораздо больше склонилась в сторону России. После террористической атаки 11 сентября 2001 года,

prop up others, no matter how unpopular, to preserve the appearance if not the reality of stable and happy equilibrium in the former Soviet space.

Is it helpful to find justification for twenty-first century information warfare in Danilevskii's analysis of the imperial balance of powers in the late 1860s? Is it helpful to find millenarian hopes in the promise of inevitable Slavic unity, and would not the Slavic federation be just as fraught with tensions and competing interests as other unions, systems, or alliances? Is it helpful to use Danilevskii to justify Russian primacy within an All-Slavic, or perhaps Eurasian, union? Is it helpful to invoke the same analysis to defend cultural diversity, in an argument against imperial enlargement at a time of contraction in Russian power? Is it helpful to promote the book (in its largest ever print run) to prop up the Soviet empire while facing collapse of Soviet ideology? Is it helpful to read the same book as a philosophic precursor of Stalinist totalitarianism? All of these have seemed true in their time, while the book they all stem from enjoyed only limited success in its own day, the time it was actually written about. And if this book is not actually about that time, but is prophetic, then what other time is it about: the Soviet era, the current era, or some future era? Will that time ever come, or will it remain eternally inevitable while never actually arriving?

I have wished there was a name for the genre of literature written long in the past that seems to be written about the present day. Danilevskii's works fit that genre. In my translator's introduction, I called *Rossia i Evropa* possibly the most important nineteenth century Russian book for the post-Soviet period; as one reviewer said of my translation of *Woe to the Victors!*, replace the word "England" with "America," and you could believe this was written today. Perhaps foreign relations really are so habitual and predictable, but more likely readers perceive the relevance of this book subjectively, glossing over the parts that do not fit their narrative (not always noticing how the narrative changes over time), and not pressing the points of alignment too hard lest they fail under testing.

президент Путин успешно переформатировал конфликт в Чечне как войну против терроризма, как бы объединяясь с Соединенными Штатами в борьбе с общим врагом. Ощущение сотрудничества продлилось недолго, но позволило переформатировать вопрос действий России на Кавказе и снизило степень внимания к хроническим региональным конфликтам. Интернет, заточенный на западные принципы свободы слова, стал идеальным инструментом для кампаний дезинформации и распространения сомнительных политических заявлений. Наряду с многочисленными преимуществами он создал удобные условия для продвижения через границы политического вмешательства, подобно тому, что делали западные радиостанции во времена холодной войны. Западные демократии теперь опосредованно вступают в единоборство с Россией, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией и Китаем, постоянно вмешиваясь в их выборы. Массовая покупка рекламы на «Фейсбуке», выступления за «жесткий брексит» без плана переходного периода всерьез обеспокоили моего британского коллегу. В Великобритании не существует сообществ, которым было бы выгодно такое развитие событий, но иностранный агент, надеющийся нарушить баланс системы европейских стран, понимает, что размещение политической рекламы – это менее дорогостоящее и гораздо более эффективное средство, чем обычный шпионаж. Политическую рекламу почти невозможно проследить, так как любой может создать теневую корпорацию для приобретения рекламы. Свобода слова и демократические процедуры Запада были успешно превращены в оружие против таких целей, как Европейский Союз, НАТО, Всемирная организация здравоохранения и другие международные организации и политические партии в разных странах. До тех пор, пока целенаправленная реклама в Интернете остается недорогой и эффективной для влияния на мнения и демократические процессы, ее будут использовать. До тех пор, пока американские комитеты политических действий не будут обязаны сообщать о своих источниках финансирования, иностранные средства будут поступать на их счета, а Интернет будет подвергаться атакам хакеров, в особенности, системы, связанные с проведением выборов.

Социальные сети предлагают якобы свободу слова, но на самом деле алгоритмы собственника каждой платформы создают эффект эхокамеры, помещая каждого пользователя за созданный ими железный занавес. Мы считаем, что думаем сами, но в действительности алгоритмы отбирают, какой контент мы видим, и измеряют нашу заинтересованность в каждой публикации, то есть получается, что эти алгоритмы думают за нас. «Фейсбук» особенно отличается тем, что продвигает недовольство и пристрастия в стремлении получить больше пользователей.

Теория «доминирования» Данилевского может подвигнуть российских лидеров на использование доступных средств для разрушения баланса на Западе, чтобы улучшить относительное положение и повысить силу России. Но нестабильность за границей может также провоцировать нестабильность внутри страны, когда протесты против несправедливости высвечивают и другие несправедливости. Путинская система в не меньшей степени, чем советская, зависит от баланса собственной власти. Демонстрации в Минске или антикремлевские протесты в Амурском регионе могут подпитываться друг от друга или от рекордно массовых выступлений активистов группы «Черные жизни имеют значение» и антипротестных выступлений по всей Америке, отчасти поддерживаемых российскими информационными кампаниями. Конфликт между Азербайджаном и Арменией пробивает брешь в идее о евроазиатском экономическом единстве. Демократические механизмы позволяют странам Запада периодически «выбрасывать бездельников» и заменять непопулярных руководителей, в то время как пожизненный президент вынужден поддерживать других, независимо от их непопулярности, чтобы сохранять видимость, если и не реальность, стабильности и хорошей сбалансированности на постсоветском пространстве.

Будет ли полезно найти оправдание информационной войне XXI века в анализе Данилевским империалистического баланса сил в конце 1860-х годов? Будет ли полезно связать надежды тысячелетия с обещанием неизбежного славянского единства, не будет ли славянская федерация также наполнена напряженностью и конфликтами интересов, как и другие объединения, системы и альянсы? Будет ли полезно использовать Данилевского для оправдания лидерства России во всеславянском или даже евроазиатском союзе? Будет ли полезно снова использовать тот анализ для защиты культурного многообразия в споре с имперским расширением в то время, когда сила России уменьшилась? Будет ли полезно продвигать книгу (самым большим тиражом), чтобы поддержать Советскую империю в момент крушения советской идеологии? Будет ли полезно рассматривать эту книгу как философский предвестник сталинского тоталитаризма? Все это казалось правильным в свое время, хотя книга, в которой берут начало эти рассуждения, пользовалась весьма скромным успехом в момент выхода в свет, во время, когда автор развивал свои идеи. И если книга действительно повествует не о своей современности, а является пророческой, то о каком же времени идет речь: советской эпохе, настоящем времени или какой-то будущей эре? Наступит ли когда-нибудь эта эра или она останется вечно неизбежной и никогда не настанет?

Мне всегда хотелось, чтобы было специальное название для жанра литературы, которая создавалась много лет назад, но, кажется, повествует о сегодняшнем дне. Произведения Данилевского прекрасно соответствуют такому жанру. В своем предисловии я как переводчик книги назвал «Россию и Европу», возможно, самой важной русской книгой XIX века для постсоветского периода. Как сказал один литературный критик в адрес моего перевода работы «Горе победителям!»: «Замените “Англию” на “Америку”, и можно подумать, что произведение было написано сегодня». Возможно, международные отношения не отличаются разнообразием и предсказуемы, но читатели, скорее всего, воспринимают значение книги субъективно, приукрашивая те части, которые не соответствуют их нарративу (не замечая, что нарративы со временем меняются), и не очень настаивая на точках совмещения, чтобы они не попали под слишком пристальное внимание.

¹ В других изданиях книги «Россия и Европа» см. соответствующие страницы главы XVI.

² Всемирный каталог регистрирует 94 экземпляра за пределами России.

³ В других изданиях книги «Россия и Европа» см. соответствующие страницы главы IV.

⁴ В других изданиях книги «Россия и Европа» см. соответствующие страницы главы XI.

⁵ Первоначально собраны и опубликованы посмертно в 1890 году Николаем Страховым в «Сборнике политических и экономических статей». Политические статьи из этого сборника были переизданы в 1998 году в работе «Горе победителям!» под редакцией А.В. Ефремова и в 2013 году в книге «Политическая философия: дополнение к книге “Россия и Европа”».

⁶ В других изданиях см. соответствующие страницы в книге «Горе победителям!».

⁷ В других изданиях книги «Горе победителям!» см. главу «Общеввропейские интересы» в статье «Конференция, или даже конгресс».

⁸ В статье я не упоминал работы, в которых Данилевского сравнивали со Шпенглером и Тойнби. Они повторяются и встречаются довольно часто, так что я оставляю другим авторам анализ этих работ. Последняя из тех, о которой я знаю, это статья М.А. Емельянова-Лукьянчикова «Иерархия радуги» (М.: Русский мир, 2008) [15]. В 2019 году американский социолог прислал мне восторженное письмо, сообщив, что свой следующий проект он посвятит этой теме. Желаю ему удачи.

⁹ См. «Россия и Европа», глава VII.

¹⁰ «Понесенная мною потеря вполне показала мне тщету всего кроме христианских убеждений, ибо они одни, когда все потеряно здесь, дают надежду на возвращение всего там в лучшем и совершеннейшем виде» [18, л. 8–9].

¹¹ В других изданиях см. середину главы IV.

¹² В других изданиях см. середину главы III.

Литература

1. *Fadner, Frank*. Seventy Years of Pan-Slavism in Russia: Karazin to Danilevskii. Washington DC: Georgetown University Press, 1962.
2. *Thaden, Edward*. Conservative Nationalism in Nineteenth Century Russia (Seattle: University of Washington Press, 1964).
3. *MacMaster, Robert*. Danilevsky: A Russian Totalitarian Philosopher. Cambridge: Harvard University Press, 1967.
4. *Danilevskii, Nikolai*. Russia and Europe: transl. and annotated by Stephen Woodburn. Bloomington: Slavica, 2013.
5. *Авдеева Л.Р.* Русские мыслители: А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов: философская культурология XIX века. М.: Изд-во Московского университета, 1992.
6. *Михеев В.М.* Славянский Нострадамус. Брест: Заря над Бугом, 1993.
7. Тоталитарный мыслитель. Брест: Заря над Бугом, 1994.
8. Философско-историческая концепция Н.Я. Данилевского. Брест: Заря над Бугом, 1994.
9. *Аринин А.А., Михеев В.М.* Самобытные идеи Н.Я. Данилевского. М.: ИнтелТех, 1996.
10. *Black J.L.* Russia Faces NATO Expansion. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000.
11. *Вайгачев С.А.* Послесловие // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 566–567.
12. *Галактионов А.* Органическая теория как методология социологической концепции Н.Я. Данилевского в книге «Россия и Европа» // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб.: Глагол; Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995.
13. *Султанов К.В.* Социальная философия Н.Я. Данилевского: конфликт интерпретации. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2001.
14. *Danilevskii, Nikolai*. Woe to the Victors!: trans. Woodburn. Bloomington: Slavica, 2015.
15. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги. М.: Русский мир, 2008.
16. *Страхов Н.Н.* Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / сост. А.А. Галактионов. 6-е изд. СПб., 1995.
17. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Воспоминания. М.: Кучково поле, 2019.
18. *Данилевский Н.Я.* Письмо А.П. Межакову, 14 июля 1853 г. // Государственный архив Вологодской области. Ф. 673. Оп. 226.
19. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм: критическое исследование. СПб., 1885. Т. 1. С. 6.

Перевод с английского Анны Тапалаевской

Аннотация. За последние полвека книга Николая Данилевского «Россия и Европа» многократно интерпретировалась самым различным образом, в зависимости от контекста прочтения. Широко известная биография Данилевского, написанная Макмастером, отражает существовавшую в середине двадцатого столетия глубокую озабоченность проблемами тоталитаризма и Восточного блока, в то время как постсоветские авторы искали в работах Данилевского источники для восстановления русской национальной идентичности без советской идеологии. Новые издания книги также отражают изменения в приоритетах времени. Но контекст других работ Данилевского показывает его вовлеченность в интеллектуальные и политические противоречивые течения в Европе девятнадцатого века, а также демонстрирует определенные ограничения применимости его теорий к другим эпохам.

Ключевые слова: «Россия и Европа», тоталитаризм, постсоветская национальная идентичность, многообразие, империализм, Бисмарк, информационная война, миллениаризм.

Stephen M. Woodburn, Professor of History, Southwestern College (Kansas).
E-mail: stephen.woodburn@sckans.edu

Danilevskii Problem

Abstract. In the last half century, Nikolai Danilevskii's *Rossia i Evropa* has been interpreted variously according to the contexts in which he is read. MacMaster's well-known biography reflects mid-twentieth century preoccupations with totalitarianism and the Eastern Bloc, while post-Soviet interpreters have sought source material for reconstructing Russian national identity without Soviet ideology. New editions of the book also reflect changing desires of the times. But the context of Danilevskii's other works reveal his involvement with intellectual and political cross-currents of nineteenth-century Europe, and the limits of his applicability to other times.

Keywords: Rossiia i Evropa, Totalitarianism, Post-Soviet national identity, Diversity, Imperialism, Bismarck, Information warfare, Millenarianism.

Шафаревич, Данилевский, Леонтьев и «Бесмысленные мечтания»

Такой масштабный русский мыслитель как Игорь Ростиславович Шафаревич не мог не обратить внимание на такого автора как Николай Яковлевич Данилевский и пройти мимо его фундаментальной работы «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому» [1], впервые опубликованной полтора века назад в журнале «Заря». Более всего ценились им две идеи, в ней содержащиеся: идея культурно-исторических типов и идея, что на смену германно-романскому приходит новый культурно-исторический тип – славянский, при этом будущее принадлежит славянскому союзу, центром которого станет Россия, а столицей – Константинополь.

Шафаревич считал, что точка зрения Данилевского дает правильный исходный пункт для оценки того, с чем Россия пришла к XX веку, что происходило и до сих происходит в России. Этот пункт – противостояние двух цивилизаций, русско-славянской и европейской, причем в том числе внутри самой России, когда часть образованного слоя оказывалась и оказывается союзником не России, а Запада или просто выступает против России, скатываясь в русофобию, нередко – отъявленную. Например, когда японскому императору посылаются поздравления в связи с победой японского флота над русским при Цусиме. Среди этого образованного слоя распространился взгляд на Россию как на весьма труднопреодолимое препятствие к развитию и распространению «настоящей» человеческой, то есть европейской цивилизации. Того же взгляда придерживались и придерживаются либеральные европейцы, да и не только они. Шафаревич полагал, что всю русскую историю того времени можно понять только если рассматривать ее по Данилевскому – как борьбу, столкновение двух цивилизаций, нашей и европейской. При этом Россию и Данилевский, и Шафаревич видели препятствием на пути цивилизации Запада, а не прогресса как такового.

А основным идейным оружием данной цивилизации оба мыслителя совершенно справедливо считали такое понимание прогресса, согласно которому история есть движение все время по одной линии, в одном и том же направлении, причем последней достигнутой точкой является сама западная цивилизация. И в этом смысле страны романо-германского типа являются странами «передовыми», а чем больше другая страна от них отличается, тем больше она «отсталая» [2].

С данными представлениями и с признанием самой идеи существования культурно-исторических типов одним из наиболее ценных элементов интеллектуального наследия Н.Я. Данилевского трудно не согласиться.

В то же время мысль о том, что на смену германно-романскому типу приходит новый, славянский, культурно-исторический тип и будущее принадлежит славянскому союзу, центром которого станет Россия, по-видимому, ничуть не оправдывается. В последние деся-

тилетия мы наблюдаем масштабное и трагическое сжатие «русского мира», российского цивилизационного пространства, от которых откололись не только западные и большая часть южных славян, но и значительная часть русского народа, его украинской ветви. На очереди – выход из них массы все еще остающихся в поле их тяготения русских людей, живущих на Украине и в Белоруссии, который, увы, вполне вероятен уже в сравнительно недалеком будущем. Российские власти решительно ничего стоящего, вменяемого и значимого для прекращения этого процесса не делают. «Бегство от России», начавшееся еще в конце 1980-х, с 2013–2014 годов получило новый серьезный импульс, настоящее «второе дыхание». Мало того, что в нем участвуют «новые независимые» страны постсоветского мира, лимитрофы, все больше становящиеся антироссийскими, – вполне возможным становится повторение РФ судьбы СССР. Таким образом, лимитрофизация грозит даже регионам самой России – прежде всего национальным республикам, расположенным на Северном Кавказе и в Поволжье, равно как Туве и Якутии¹. Перспективы преодоления данных тенденций пока, увы, не просматриваются, что отнюдь не свидетельствует в пользу грядущей смены германо-романской цивилизации славяно-русской.

Идея неизбежности смены европейского культурного типа типом славянским зародилась в пореформенную эпоху – эпоху, когда Россия начала развиваться не просто быстро – стремительно, все более и более ускоряя свой социальный и экономический бег, что и позволяло надеяться на будущее торжество славянства, питало собой уверенность в том, что цивилизация, которую оно представляет и вырабатывает, имеет широкую и прочную, всемирных масштабов историческую перспективу. То есть данная идея являлась продуктом своего времени, можно сказать, была порождена его духом.

В этой связи уместно вспомнить еще одного великого русского мыслителя XIX столетия – Константина Николаевича Леонтьева. Он тоже надеялся на появление нового культурно-исторического типа с центром на Босфоре, в Константинополе, но видел и понимал, что тогдашняя Россия вступила в ту же стадию упадка, «вторичного смесительного упрощения», что и Европа [5]. При этом одним из двигателей процесса «вторичного смесительного упрощения», по его мнению, являлся «Протей» «племенной», национальной политики [6]. Эти взгляды начали складываться у Леонтьева еще в первой половине 1870-х годов [7, с. 215–236], а в смену европейского культурно-исторического типа типом, который он называл «славяно-восточным», мыслитель верил как минимум до конца 1880-х годов. Но тогда же Леонтьев если и не разочаровался в этой идее, то стал весьма существенно ее корректировать [8, с. 173].

Данилевский, как и затем Освальд Шпенглер, в рамках цивилизационного подхода придерживался концепции доминирования в мире в тот или иной период какого-то одного культурно-исторического типа. Оба они считали, что во время такого доминирования

¹ Собственно лимитрофами – межцивилизационными пространствами – являются, например, страны Прибалтики и Закавказья, Таджикистан, Туркмения, Молдова, большая часть Киргизии и тем паче Узбекистана, южные районы Казахстана, Западные Украина и Белоруссия. Приднестровье же и остальные (основные!) районы Украины, Белоруссии и Казахстана – это территории лимбовые, то есть обладающие выраженной, в данном конкретном случае российской цивилизационной идентичностью вкуче со второстепенными, несистемообразующими признаками переходности. Таким образом, они относятся к цивилизационной платформе. То, что я обозначаю как «лимб», во многом соответствует тому, что В.Л. Цымбурский называл «лимесом». Лимбы представляют собой неустойчивую окраину цивилизационной платформы, и в том случае, если они геополитически не присоединены к цивилизационному ядру, им грозит «соскальзывание» в лимитрофы [3, с. 159; 4, с. 231, 324]. Именно это, в сущности, и произошло с Белоруссией, Украиной и Казахстаном в целом. Они лимитрофизировались. Северный Кавказ – земли, которые по самой своей природе являются лимитрофными. Вполне возможна лимитрофизация Тувы и Якутии – лимбовых территорий. Не исключена она, в случае получения международного суверенитета, и для регионов Поволжья и Приуралья – «внутреннего лимитрофа» российского мира. Впрочем, в этом случае мы будем иметь дело не с настоящими, а с «ложными» лимитрофами. Но от этого окруженному снаружи и разрезанному изнутри «острову Россия» станет ничуть не легче.

другие культурно-исторические типы находятся либо в состоянии естественного, органического упадка, «старости», либо некоего начального становления, «детства» и «юности». Таковы взгляды школы Данилевского – Шпенглера. По-видимому, этим представлениям был не чужд и К.Н. Леонтьев.

Однако на практике цивилизации выглядят скорее как хронологически соположенный ряд меняющих свои формы и проявления культурно-исторических общностей, существующих в рамках определенных географических ниш (месторазвитий) в течение многих тысячелетий [9]. Их можно назвать поколениями (генерациями) или же формациями цивилизованных обществ. Так, общества античного поколения, античной формации по всему Старому Свету, от Лузитании до Желтого моря включительно, в V–VIII веках н.э. сменили общества нынешнего, современного поколения. После этого в Европе сложился по преимуществу кельто-романо-германский социум, в России – славяно-тюрко-уральский (финно-угорский). При этом славянский элемент в нашей стране являлся (и до сих пор является) преобладающим, системообразующим элементом: без него российское общество не могло бы сформироваться и существовать сколько-нибудь длительный период. Русские создали Россию – конечно же, с помощью других народов ее цивилизационного, культурно-исторического пространства. Тем не менее не будь русских, России, в том числе как мировой силы, не было бы точно так же, как без римлян не было бы Римской державы в целом и Римской империи в частности.

Таким образом, актуальный славянский мир (равно как и европейский) пока что, слава Богу, стоит, а вот второму славянскому миру, по-видимому, не бывать. Против него как минимум демография, свидетельствующая о быстром и неуклонном снижении численности всех славянских народов за исключением разве что польского. Можно сказать, что демографическое состояние нынешнего славянства, равно как и подавляющего большинства народов Европейского континента, вполне соответствует демографическому состоянию упавшего римского общества, Римской империи времени ее разложения и дряхлости, наступившего уже в III веке н.э. Тренд это сравнительно недавний и «свежий»; наблюдается он в последние полстолетия. Между тем «новые» народы, с именами которых и был связан следующий этап истории человечества, отличал отменный демографический рост, который и дал им силы победить создателей античной формации, этносы античной эпохи: римлян, греков, арамейцев, персов доисламского периода, древних китайцев, скифов, сарматов. В числе этих победителей были германцы, «алтайцы»¹ (тюрки, монголы, маньчжуры), корейцы, японцы, арабы, финно-угры и, конечно, наши славяне. До поры до времени они составляли «варварскую периферию», «внешний пролетариат» обществ античной эры, активно взаимодействуя с ними в течение многих столетий.

Данная точка зрения ближе скорее к идеям А. Тойнби и С. Хантингтона. Несмотря на то, что в плане понимания природы цивилизаций эти англосаксы гораздо примитивнее и немца Шпенглера, и русского Данилевского, выдвинутые ими концепции очень хорошо объясняют, почему славянский или же российский культурно-исторический тип не сменяет и даже в перспективе не сменит собой тип европейский или же романо-германский. А этого ждал не только Данилевский, но и в своем предвосхищении грядущей «русско-сибирской культуры» мирового значения Освальд Шпенглер.

Таким образом, против надежды на торжество славянского культурно-исторического типа над романо-германским играет затяжной и многосторонний – геополитический, собственно культурный, демографический кризис этого самого типа, что выражается в потере

¹ То есть народы, говорящие на языках так называемой алтайской языковой семьи. Помимо перечисленных далее, к таковым некоторые лингвисты относят корейцев, японцев и население островов Рюкю, находящихся между Тайванем и Кюсю.

им населения, значительных территорий или же контроля над ними, влияния, в том числе влияния на умы и т.д.

Отметим, что столь длительных и глубоких кризисов история России еще не знала. Даже катастрофическое «Смутное время» уложилось в одно-единственное десятилетие: к концу этого срока тенденции к нормализации положения и оздоровлению общества стали вполне очевидными.

Корни этого кризиса укрыты в толще веков. В целом они восходят к отказу от собственной цивилизационной, культурно-исторической идентичности и к постепенной утрате оной. Их можно обнаружить с рубежа XVI–XVII столетий, но на поверхность жизни они выходят только в XVIII веке.

Во внутренней политике России такого рода отказ выражался в превращении правящего слоя в «европейцев рязанского разлива», во внешней – в так называемом европохитительстве, стремлении влезть в силовое поле европейского континента, стать «великой европейской державой» и участвовать во всех возможных, даже самых мелких и ничтожных делах Европы, абсолютно чуждых России и ее интересам. Практика «европохитительства» была вскрыта и блистательно проанализирована безвременно ушедшим В.Л. Цымбурским, интеллектуальное наследие которого, в том числе – не вполне законченная докторская диссертация, было опубликовано благодаря огромному подвижническому, едва ли не «апостольскому» труду Б.В. Межуева, нашедшего для этого силы и средства, эффективно организовавшего их. При этом в советские времена губительный для нашей цивилизации курс только усугубился. Внутренние колонизаторы из «рязанских европейцев» трансформировались в «московских» и прочих «западников», а «европохитительство» сменилось «западопохитительством». Россия, как избушка на курьих ножках, повернулась к самой себе задом, а к своему «Другому», европейской цивилизации, передом. И стала для нее и возникшего на ее основе «коллективного Запада» «Чужим», вечным и неизменным жупелом, дежурной страшилкой.

В свете ситуации, сложившейся на сегодняшний день и, к глубокому сожалению автора этих строк, хорошо просматривающейся и весьма вероятной, если не вполне очевидной, перспективе ее развития, упования на смену европейской цивилизации цивилизацией славяно-российской можно, памятуя об известной речевой ошибке вступающего на престол Всероссийский императора Николая Александровича, назвать «бессмысленными мечтаниями».

О том, к чему приводят разные «бессмысленные мечтания», свидетельствует крайне поучительная история австро-венгерской монархии, которая накануне своего развала вместо интенсивного внутреннего переустройства и трансформации занялась активной внешней экспансией. В октябре 1908 года она аннексировала культурно, религиозно, исторически и национально чуждый ей регион – Боснию и Герцеговину, после чего в июле 1914 года с захватническими целями развязала войну, ставшую мировой. Эта война и погубила ее безвозвратно всего через четыре с небольшим года. Такой оборот события в государстве, просуществовавшем к тому времени больше половины тысячелетия, приняли потому, что его правящие круги совершенно неправильно понимали задачи, стоящие перед империей Габсбургов, и, соответственно, предлагали и осуществляли решения, которые даже рядом не стояли с подлинными ее интересами. Если пользоваться терминологией А. Тойнби, то австро-венгерские власти дали неадекватный «ответ» на те «вызовы», с которыми они столкнулись. Во многих сферах общественной жизни удовлетворительные ответы не были найдены и руководством Российской монархии, результатом чего стала цивилизационная катастрофа 1917 года.

Поэтому крайне важно правильно понимать и формулировать задачи, стоящие перед страной и обществом, перед цивилизацией и культурой.

Актуальная задача России, русской цивилизации – самоукрепление и самосохранение. И здесь интеллектуальное наследие Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и тем паче нашего старшего современника И.Р. Шафаревича может и должно сыграть серьезную роль. Оно представляет собой огромный ресурс и все еще мало использованный резерв русской национальной мысли. И если такие ее носители как крепкие своею думой Иваны – Ильин, Солоневич и прочно ассоциирующийся с ними Александр Солженицын шельмуются непрерывно, то имена Данилевского, Леонтьева, но более всего Шафаревича, этой печальной участи пока избежали. Будем надеяться, избегнут и впредь.

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб., 1995.
2. *Шафаревич И.Р.* Духовные основы российского кризиса XX века. Ч. 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://pravoslavie.ru/sretmon/uchil/shafarevich1.htm>
3. *Хатунцев С.В.* Вадим Цымбурский, русский геополитик // Тетради по консерватизму. 2015. № 1.
4. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
5. *Хатунцев С.В.* Отечественная история в системе общественно-политических взглядов К.Н. Леонтьева // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 155–159.
6. *Хатунцев С.В.* К.Н. Леонтьев о национализме и национальной политике // Страницы истории и историографии отечества / Искра Л.М., Алленова В.А., Сарычев А.Г., Гришаев О.В. Воронеж, 2001. С. 128–143.
7. *Хатунцев С.В.* Общественно-политические взгляды К. Леонтьева в 1850–1870-е гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2004.
8. *Хатунцев С.В.* «Консервация будущего»: гептасталистическая геополитика Константина Леонтьева // Тетради по консерватизму. 2015. № 4. С. 171–178.
9. *Хатунцев С.В.* Этапы освоения цивилизационных ниш и перспективы исторического процесса // Социологические исследования. 1996. № 9. С. 125–128.

Аннотация. В статье дается краткий анализ отношения И.Р. Шафаревича к некоторым идеям Н.Я. Данилевского и их оценка в свете реальностей текущего дня.

Ключевые слова: И.Р. Шафаревич, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, О. Шпенглер, В.Л. Цымбурский, А. Тойнби, культурно-исторический тип, смена культурно-исторических типов, цивилизация, цивилизационный подход, лимитрофы, лимитрофизация.

Stanislav V. Khatuntsev, PhD in History. E-mail: khatuntzev.stanislaw@yandex.ru

Shafarevich, Danilevsky, Leontiev and “Senseless Dreaming”

Abstract. The article offers a concise analysis of I.R. Shafarevich's attitude to the ideas of N.Ya. Danilevsky and their assessment in the context of the present day reality.

Keywords: I.R. Shafarevich, N.Ya. Danilevsky, K.N. Leontiev, O. Spengler, V.L. Tsymbursky, A. Toynbee, Cultural and Historical Type, Change of Cultural-Historical Types, Civilization, Civilizational Approach, Limitrophe, Limitrophization.

«Интегрализм» и «реализм» в российских цивилизационных теориях: два ответа на вызовы истории

Развитие цивилизационных теорий часто совпадает с серьезными социально-политическими процессами в мире или в отдельных странах. Здесь можно вспомнить и теорию Н.Я. Данилевского, возникшую как своеобразный ответ на ту ситуацию, в которой оказалась Россия после Крымской войны (и не только). Или же работу Освальда Шпенглера «Закат Европы», увидевшую свет в разгар Первой мировой войны. Крах биполярного мира и распад СССР вновь подогрел интерес к цивилизационной тематике. Правда, в этот период стали возникать самые разнообразные концепции. Например, идея Ф. Фукуямы о «конце истории» [1]. Однако вскоре и сам Фукуяма отказался от своей концепции, да и ситуация в мире явно не соответствовала столь оптимистичным, с западной точки зрения, прогнозам. Так или иначе, но сложная ситуация в мире и в нашей стране не сделали концепцию Фукуямы востребованной. Наоборот. Обострился интерес, как и говорилось выше, к идеям о цивилизационном плюрализме.

В связи с этим можно вспомнить концепцию С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» в 1990-х годах и теорию М. Хатами о «диалоге цивилизаций». Кроме того, можно добавить, что наступившая эпоха продемонстрировала кризис прежних научных теорий в политических и социальных науках, в особенности универсалистских концепций. В мировой политической науке, философии, особенно в практической политике сложилась своеобразная мешанина из противостоящих друг другу идей глобализации, однополярного американского мира, теорий империи в целом, новых постмодернистских концепций и теорий плюрализма культур, множественности цивилизаций.

Одним из следствий происходящих в мире процессов (как политических, так и идеологических) стало формирование внушительной цивилизационной парадигмы в самой России [2, с. 58–63]. Обобщая, мы можем выделить в ней четыре основных подхода к анализу феномена цивилизаций.

«Ценностный» (А.Г. Дугин, С.Г. Киселев, Л.Г. Ивашов). Данный подход является наиболее распространенным. Его представители берут за основу систему ценностей. Например, Л.Г. Ивашов понимает под цивилизацией формирующиеся во времени и пространстве различные культурно-исторические типы общества, отдельные геополитические, социальные, духовные структуры, отличающиеся друг от друга не только характером

Сигачёв Максим Игоревич, кандидат политических наук, младший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской Академии наук (ИМЭМО РАН). E-mail: maxsig@mail.ru

Харин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук Кировского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: LHarin@yandex.ru

Скакун Павел Павлович, независимый философ, политолог. E-mail: pavel-skakun@mail.ru

производства, социально-экономическим строением, но и образом жизни человека, обычаями, мифологией, мышлением, религиозным сознанием [3, с. 179].

Примерно в таком же духе интерпретирует цивилизацию и А.Г. Дугин. Это широкие и устойчивые географические и культурные зоны, объединенные приблизительно общими духовными, ценностными, стилистическими, психологическими установками и историческим опытом. Чаще всего (но не обязательно) эти зоны совпадают с границами распространения мировых религий. В состав такой цивилизации могут входить несколько государств, притом порой границы цивилизаций проходят по отдельным государствам, разделяя их на части [4].

«*Этнологический*» (В.Л. Цымбурский). С позиции такого подхода народы, этносы, создавая государства, выступают ядром цивилизации [5, с. 56]. К данному подходу мы еще вернемся ниже. Пока лишь отметим, что, как правило, цивилизация здесь ограничивается пределами того или иного государства.

«*Культурно-географический*», или (в терминологии его сторонника С.В. Хатунцева) «*геокультурный*». Здесь маркировка цивилизаций, как правило, происходит по географическому критерию [6]. Например, Хатунцев полагает неправомерным маркировку цивилизаций на основе религий: «православная», «конфуцианская»... Для всех цивилизаций, на его взгляд, более подходит территориальное определение. Носители определенной религии не всегда близки друг к другу: например, у мусульман Индонезии и Африки мало общего с арабами и персами. Кроме того, у многих народов, которых относят к тем или иным цивилизациям, сильно влияние пережитков язычества. Поэтому, полагает геополитик, наиболее приемлемой является маркировка именно по территориальному критерию. В связи с этим для С.В. Хатунцева, цивилизации – это геокультурные сообщества, возникшие и функционирующие в рамках нескольких существующих на нашей планете «географических индивидов» – «месторазвитий» [6].

«*Универсалистский*» (А.С. Панарин, Ю.В. Яковец). Правда, в данном подходе есть и свои разночтения. Если А.С. Панарин занят разработкой «православного проекта», носящего вселенский характер, как Ответ на глобальный Вызов западного мира, то у Ю.В. Яковца немного иные основания. Фактически Яковец и его коллеги разработали и предложили идею создания глобальных цивилизационных органов власти [7, с. 11–12]. Таким образом, если А.С. Панарин больше внимания уделял духовным аспектам цивилизационного глобализма, то Ю.В. Яковец обратил внимание и на институциональный аспект. Но в целом именно А.С. Панарин – один из ярких представителей данного направления.

Неопределенность и хаотичность нового мира Постмодерна наряду с фундаментальным кризисом российской государственности после катастрофы советского проекта представляют для российской цивилизации, если пользоваться терминологией А. Тойнби, исторический «вызов» невиданного масштаба. Из всех описанных выше теорий, исходя не только из содержания цивилизационных концепций их авторов, но опираясь на совокупность их социально-философских, политических и исторических идей, для нас особый интерес представляют два оригинальных подхода, содержащих достаточно целостные и обоснованные варианты геополитического будущего России в эпоху распада системы Модерна.

Мыслители А.С. Панарин и В.Л. Цымбурский дали два различных и, как нам представляется, крайне ценных в теоретическом плане цивилизационных, геополитических и геостратегических ответа на вызов эпохи, стоящий перед Россией. Эти ответы затрагивают не только восприятие авторами сути понятия «цивилизация», но выражают две различные, хотя в ряде своих положений и пересекающиеся философские концепции развития России. Поэтому представляется целесообразным обозначить данные философские

концепции как *цивилизационный интегрализм* А. Панарина и *цивилизационный реализм* В. Цымбурского¹.

Оба мыслителя работали в Институте философии РАН и выстраивали свои научные и философские изыскания в рамках реакции на происходящие исторические перемены. Как А. Панарин, так и В. Цымбурский начинали свой путь в отечественной гуманитарной науке в период краха СССР в качестве мыслителей западнической ориентации. Но достаточно быстро, как и у многих других общественных и научных деятелей того времени, у Панарина и Цымбурского произошло своеобразное отрезвление от наивных идей построения нового гармоничного «мира для всех» на основе либеральных ценностей Просвещения. Крах иллюзий и надежд был связан с попыткой установления агрессивной американской гегемонии над миром, постепенным отходом от ценностей Модерна². Более того, имел место и крах либерального проекта внутри страны, показавшего, что навязывание ничем не ограниченного рынка чревато серьезными социально-экономическими и политическими последствиями. Не оправдал себя и внешнеполитический курс либерал-реформаторов.

Правда, между А.С. Панариным и В.Л. Цымбурским при осмыслении происходящего и в выработке стратегии дальнейшего развития страны, ответа на вызовы времени обнаружилось и серьезные противоречия. Идеи В. Цымбурского относительно содержания понятия «цивилизация» связаны с совокупностью теорий, представляющих собой указанный нами выше «этнологический» подход. Однако непосредственно его авторскую концепцию, ориентированную на решение встающих перед Россией вызовов, целесообразно обозначить как «реализм». Этот реализм Цымбурского, выносящий «за скобки» ценностное содержание межцивилизационных взаимодействий, сосредотачивающийся на геополитическом и временном (хронополитическом) измерении, характере этих взаимодействий, применительно к российской цивилизации приводит к формированию одной из наиболее теоретически обоснованных концепций российского изоляционизма, раскрытой в статье «Остров Россия» и развитой в дальнейших работах автора [8].

Б.В. Межуев, описывая эволюцию взглядов В.Л. Цымбурского [9], показывает, что последний, увидев, что элиты США не намерены сотрудничать с оформлявшейся в горбачевском СССР либеральной империей и не мешают его краху, предвидел то, что в дальнейшем американская империя не справится с функцией наведения порядка в мире. Подтверждавшиеся предвидения грядущего хаоса и торжества идей Постмодерна, осмысление причин катастрофы сначала Российской империи, затем СССР через концепцию «циклов похищения Европы» привели Цымбурского к мысли о необходимости для российской цивилизации закрыться на собственной цивилизационной платформе, сосредоточиться на самой себе, на своем «острове» и его развитии, отказавшись от идеи активного участия в мировой политике вне пределов сферы своих интересов.

В отличие от А.С. Панарина В.Л. Цымбурский отрицал альтернативу «островной стратегии» в виде нового ценностного универсалистского проекта, основанного на идеях Просвещения и христианского наследия. Более того, в любых таких универсалистских, хоть сколько-то имперских экспансионистских проектах, Цымбурский усматривал очередной виток губительных, по его мнению, для России «циклов похищения Европы» и в этом плане не делал существенного различия между «западниками» и «евразийцами».

Для В.Л. Цымбурского «цивилизации» – это народы или группы народов, составляющие популяционное ядро, государственно контролирующее достаточно выделенный

¹ Учитывая российскую ориентацию научных изысканий В. Цымбурского, его идеи можно обозначить также как «геополитический изоляционизм» (Б. Межуев).

² И если с точки зрения В. Цымбурского речь шла об ошибке, связанной с отказом от сотрудничества с либерализовавшейся Советской империей, то Панарин указывал на сознательные действия западных элит.

ареал в мировом географическом раскладе на географической, этноцивилизационной платформе [10]. При этом они освящают свою геополитику «сакральной вертикалью», религией или идеологией [5, с. 56]. Цивилизационная геополитика, по В.Л. Цымбурскому, должна, в первую очередь, рассматривать взаимоотношения ядра и народов периферии. С.В. Хатунцев вполне обоснованно указывает, что понятие «цивилизация» трактуется В. Цымбурским в качестве «надстройки над тем или иным этнокультурным базисом, имеющим свою конкретную географию» [11]. Что особенно важно: по мнению Хатунцева, при таком подходе «цивилизация на каждом из этих базисов может быть не одна, ее можно и поменять», в то время как поменять этнокультурное ядро гораздо труднее.

Характеризуя понятие «сакральной вертикали» в рамках идей В. Цымбурского, Б.В. Межуев указывает, что в данной концепции цивилизация отличается от своего лимитрофного фона «не какими-то особыми, в том числе религиозными качествами, но просто «особостью как таковой» [9, с. 110]. В.Л. Цымбурский пишет об «авторитетной маркированности народа или группы народов, поддержанной долгосрочным геополитическим строительством» [12]. По сути, Цымбурский в разных своих работах проводит мысль о том, что народ или народы этнокультурного ядра цивилизации должны осознавать себя в качестве «Основного человечества», «опорный географический ареал» которого «возвеличивался до уровня «Мирового Центра» [13, 14]. В рамках подобного подхода мыслитель, цивилизационная теория которого не отделена от геополитики, подчеркивал проектное, инструментальное значение последней, которая для него понималась как «восприятие мира в политически заряженных географических образах» [5] и как своеобразное «политическое творчество» [9].

Для более полного понимания концепции В.Л. Цымбурского и в целом его геополитических и хронополитических воззрений, на основе которых и была сформулирована концепция «циклов похищения Европы» и логично вытекающая из нее идея «Острова России», следует обратиться к истокам его взглядов на цивилизационный процесс, лежащим в идеях О. Шпенглера. Следуя парадигме Шпенглера, усматривавшего в императорской «петровской» России пример «псевдоморфоза», политолог видел в истории России последних трехсот лет, вытекающие из этого «псевдоморфоза» чуждые для нее циклы похищения Европы. Данные циклы и сама неестественная для России зависимость от европейских цивилизационных дел вовлекают, по мнению Цымбурского, страну в чуждые для нее внутриевропейские противостояния¹.

Важно также, что, согласно авторской концепции, подобная вовлеченность российской цивилизации в орбиту влияния и внутренних взаимоотношений Запада не дает нашей стране возможности пройти и завершить собственный цикл развития, осуществив собственную «городскую революцию», которую уже давно воплотила в жизнь европейская цивилизация. Геополитик В.Л. Цымбурский видит в возвращении к исходной геополитической ситуации XVII века, до начала циклов похищения Европы, не столько катастрофу, как, например, А.С. Панарин, а скорее возможность спасения от подступающего хаоса на «острове Россия» и шанс на преодоление через подобную «изоляцию» ситуации псевдоморфоза цивилизаций России и Европы, «европохитительства» и завершения внутренних процессов развития российской цивилизации уже через новую Контрреформацию.

Как пишет исследователь С.В. Хатунцев, работы Цымбурского, «призваны помочь отвлечь нашу страну и прежде всего правящий ее слой от возобновления вредных, бессмысленных, противоречащих национально-государственным интересам попыток продолжить политику «похищения Европы», а с середины 1980-х годов – «похищения Запада», в

¹ Исходя из реалистической цивилизационной концепции, противостояния стратегически безуспешные, ради того, чтобы добиться признания Европы, будь то через вовлечение во внутренние противостояния или даже покорение последней.

том или ином виде» [11]. Публицист Е.С. Холмогоров считает, что «рецепт Цымбургского оказался во многом сходен с рецептом Данилевского и состоит в отказе от европейничания, от соотнесения себя с европейским и вообще любым глобальным порядком» [15]. Возвращение с «острова» на поле борьбы идейных проектов, а значит и возврат к политике выхода за пределы собственной этнокультурной цивилизационной платформы в понимании Цымбургского будет для России возможно и целесообразно осуществить только после завершения собственных циклов цивилизационного развития. В таких условиях Россия будет внутренне готова породить собственные идейные проекты, новые сакральные вертикали, а не следовать губительным «европохитительским» идеям.

В отличие от Панарина, философа больших содержательных, интеграционных, глобальных идей и проектов, Цымбургский – это мыслитель, работающий в рамках осмысления геополитических и хронополитических процессов, происходящих на поле взаимодействия цивилизационных платформ. Для него идеи после констатируемой им гибели универсалистских проектов «либеральной империи» – это производные от геополитического, межцивилизационного взаимодействия. Даже применительно к российской цивилизации, находящейся в фокусе его исследовательского интереса, Цымбургский игнорирует ценностное, идейное наполнение той самой сакральной вертикали, которая необходима любой цивилизации. Как пишет Б.В. Межуев, ученый симпатизировал идеям, которые можно охарактеризовать как идеи «консервативной модернизации» [9], а также концепциям С.Ю. Глазьева. Все эти идеи, как полагает Межуев, хорошо ложатся в концепцию завершения циклов внутреннего развития российской цивилизации через этап Контрреформации. Однако серьезного развития, раскрытия эти наработки Цымбургского, к сожалению, не успели получить.

Панарин же в свою очередь сосредоточил усилия не только на осмыслении концепции цивилизационного развития, но и на ценностном наполнении исторических и политических процессов. Ключевое в мировых цивилизациях, по А. Панарину, это их ценностное ядро [16, с. 23], через которое они воссоздают себя. «Всякая цивилизация творит социальные и культурные образцы, которым следуют благодаря тому, что они обладают ценностным статусом». В одной из своих работ, полемизируя с С.П. Хантингтоном, А.С. Панарин категорически утверждал: «Цивилизация есть надгосударственный и «сверхгосударственный», не укладывающийся в чисто политические рамки суперэтнический синтез» [16, с. 263]. В целом основанием цивилизаций как надэтнических общностей является духовная связь этносов и регионов [17, с. 129, 207–208]. Характерно, что уже в определениях понятия «цивилизация» Панарин проявляет себя в качестве философа-интегралита, указывая на то, что помимо культурных, ценностных оснований своеобразие тех или иных цивилизаций определяется также естественными, объективными условиями жизни, в том числе способом производства [18]. При этом он также оговаривает, что сосуществование цивилизационных сообществ в пространстве и времени, их взаимодействие и взаимосвязь определяют единство мировой истории. Тем самым в основе концепции Панарина находится продвигаемая им в целом ряде трудов [18, 19] идея о сочетании формационного и цивилизационного подходов.

Цивилизационные, межкультурные различия, вопросы геополитического противостояния государств и цивилизаций, несомненно, отражены в трудах Панарина, но они являются вторичными, подчиненными вопросам общечеловеческой судьбы, затрагивающим все культурно-исторические типы, вопросам социального противостояния и конкуренции проектов мироустройства. Панарин в своей целостной интегрирующей философской концепции дает ответ как на вызов агрессивного проекта американского однополярного мира, в основе которого лежит в первую очередь социальная идея, так и на вызов Постмодерна – фундаментального разделения человечества на сообщества принципиально разной судьбы.

Ключевое цивилизационное противостояние, по Панарину, напрямую касающееся России, – это противостояние не культурно-исторических типов, а исторических социальных общечеловеческих проектов, носителями которых выступают в реальной истории западная и российская (до этого византийская) цивилизации. А.С. Панарин отказывается от абсолютизации разделения народов по различным цивилизациям как основного в мировой истории и современной политике. Он видел ключевые противоречия современного мира в социальной, ценностной, проектной борьбе с либеральной и расистской, по сути, гегемонией Запада, но посредством не разделения и архаизации, а реализации альтернативного мирового проекта.

Философ неоднократно писал о том, что в крайне глобализированном мире сложилась ситуация мировой «гражданской войны» [19], которая ведется руководящей верхушкой правящих классов западной цивилизации совместно со своими союзниками в западных цивилизациях против остального человечества. В том числе и против собственных «нижних классов» на основе идей либерального однополярного мира и концепций Постмодерна, посредством деконструкции миропорядка и системы ценностей, отражающих идеи единства человечества, ценностей Просвещения и христианского наследия. Следует отметить, что за прошедшие после смерти ученого годы непредвзятый наблюдатель мог увидеть, что значительная часть элитных групп внутри западной цивилизации ведет войну не просто против более низших в социальной иерархии классов своих обществ, но и против западной цивилизации как культурно-исторического явления.

Если Цымбурский исходил из шпенглеровского отрицания возможности понимания великими культурами друг друга [9, с. 80–81], то Панарин подобную позицию принципиальной непроницаемости цивилизаций не принимал. Политолог писал о неразделимости процесса всемирной новой реформации, нового «осевого времени», основой которого может и должна стать российская православная цивилизация. Философ отмечал, что «человеческое бытие не мозаично, а ход истории не является плавно линейным, они организуются вокруг некоторого “ядра”, смыслового и событийного» [19]. По А.С. Панарину, Россия не сможет отбиться от атаки западной цивилизации и справиться с деструктивными тенденциями, разворачивающимися в мире Постмодерна, находясь в изоляции, ей придется выдвинуть универсалистский проект, который будет основан на ценностях Православия и наследия эпохи Просвещения, гуманизма.

Россия, по мнению ученого, будучи православной цивилизацией, несет в себе начала альтернативного мироустроительного проекта. При этом философ четко определял, что его дискурс православной цивилизации не относится к классической парадигме теории культурно-исторических типов Данилевского – Тойнби – Хантингтона [20, с. 245]. Православная цивилизация Панарина – это не один из культурно-исторических типов, противопоставленный остальным, не элемент «конфликта цивилизаций». Последнюю концепцию, растиражированную СМИ, исследователь рассматривает как элемент сокрытия, камуфлирующий псевдоним [19] истинной сути конфликта на мировом уровне, наряду с идеей «борьбы мировой цивилизации с мировым варварством». В целом А.С. Панарин скептически относится к такому виду цивилизационного подхода. Данный подход в его чистом виде являет собой оптику, «вполне вписывающуюся в систему современной символической репрессии» со стороны «победившего в холодной войне либерализма», который репрессировывает классовый подход. Последний делает акцент на специальной, эксплуататорской подоплеке всех современных противостояний, сдвигов и реваншей. А в либеральной интерпретации «цивилизационный подход объединяет социально противопоставленных, объединенных одной верой, но противопоставляет тех, кому полагалось бы быть социально солидарными».

А.С. Панарин вполне справедливо констатирует: глобалисты знают, что они противостоят туземному населению всех наций, религий и цивилизаций. Но их жертвам пред-

лагают сохранять свою цивилизационную идентичность, воздерживаясь тем самым от естественной социальной солидарности [19].

Однако, делая акцент на глобальном, надкультурном или надцивилизационном, социальном (проектном) характере мирового противостояния США с остальным миром, Панарин не возвращается к безоговорочному универсализму уже на основе идей православной цивилизации. «Мир слишком велик для того, чтобы управляться одной-единственной страной; кроме того, такие характеристики, как полицентризм и многообразие, являются необходимой предпосылкой выживания человечества» [19]. Мыслитель выступает в полном смысле интегралистом, призывая к многокультурному, полисубъектному совместному развитию человечества. В своих трудах он опирается на наследие российской православной цивилизации, Византии, христианское и просвещенческое наследие Европы. А.С. Панарин, апеллируя к глобальному уровню мировой политики, остается приверженцем интеграционного евразийства, сотрудничества в решении общих вопросов всех цивилизаций континента, в том числе европейской.

В.Л. Цымбурский в отличие от А.С. Панарина, как нам представляется, фиксировал для себя возможность либо единого модернистского имперского проекта (или две версии одного проекта), притом в его американском варианте, либо совокупность различных замыслов цивилизационных платформ. Он не видел шансов для реализации идеалистической концепции Панарина о возможности их интегративного объединения при сохранении плюрализма.

Если рассмотреть подходы Панарина и Цымбурского к цивилизационной геополитике с точки зрения соотношения философских категорий Должного, Сущего и Возможного как связующего звена между ними, то следует признать, что панаринский цивилизационный интегрализм с его приверженностью к «собираению пространств» относится прежде всего к сфере Должного. В то же время выдвинутая В.Л. Цымбурским концепция «Острова России» в значительно большей степени раскрывает Сущее и Возможное. Данная геополитическая модель исходит из того факта, что возможности России после распада СССР существенно сократились, поскольку она фактически оказалась отброшена к географическим границам XVII века. Фактически Цымбурский выступает в роли геополитического реалиста-прагматика, тогда как Панарин с его приверженностью глобальным вселенским проектам собирания не только пространств, но и целых миров, – как платоник-идеалист.

Однако с точки зрения реальной политики, наблюдаемой нами в последние двадцать лет, получается, что при всей соблазнительности и кажущейся реалистичности, прагматичной оправданности идеи изоляции на «острове Россия» российская цивилизация при всем желании не сможет замкнуться сама на себе. Слишком велико давление со стороны США, слишком сильны конфликтные потенциалы на границах страны. В то же время при всей идеалистичности, ценностной ориентированности концепции Панарина мировой альтернативный проект мироустройства является мощнейшим прагматическим оружием для российской цивилизации именно с точки зрения реализации стратегических интересов страны, и не только в противостоянии с западной цивилизацией, но и в деле внутреннего укрепления собственной.

В отстаивании долгосрочных жизненных интересов российской цивилизации и интегрализм, и реализм, могли бы взаимно дополнять друг друга. Несмотря на то, что при жизни оба талантливых и внесших огромный, к сожалению, не всегда достойно оцененный вклад в российскую политическую науку и философию исследователя не находили явных точек соприкосновения и даже полемизировали друг с другом¹. Представляется,

¹ При этом, анализируя пусть и незначительную по объемам полемику двух мыслителей, в основном развивавших свои теории вне какой-либо прямой связи друг с другом, мы видим серьезнейшее недопонимание. Панарин с его обостренно ценностным, интегративным взглядом увидел в Цымбурском лишь «продукт

что цели их научных изысканий были общими и принадлежали они к фундаментально единому мировоззренческому подходу. Этот подход Б.В. Межуев в своем труде, посвященном наследию В.Л. Цымбурского, опираясь на введенную О. Шпенглером концепцию и понятийный аппарат, обозначил как ориентацию на «партию ценностей». Несмотря на внешнюю исключительную реалистичность и прагматичность, симпатию к идеям самого Шпенглера, который отдавал явное предпочтение противоположной партии, «партии жизни» с ее ориентацией на борьбу за власть, «жизнь как жизнь», а не борьбу идей и духа, Цымбурский все же принадлежал именно к «партии ценностей», хотя и не видел иного потенциала актуализации этих ценностей, чем в обращении к «цивилизационным истокам» и внутреннему потенциалу России в ближайшие десятилетия. В противном случае он гарантированно оставался бы стороне «либерального лагеря», который в наше время ориентируется как раз на силу, торжество «воли к власти» в рамках однополярного американского мира.

Цымбурский желал, если можно так выразиться, спасти и укрепить Россию на своем родном «острове» в рамках собственной, органичной для нее цивилизационной платформы, желал преодоления губительных циклов «похищения Европы» и творческой реализации собственного внутреннего цивилизационного потенциала российского культурно-исторического типа. Он не видел позитивного для страны потенциала в торжестве многополярного мира или в том, чтобы присоединиться к масштабной антизападной коалиции или сформировать ее. Подобную возможность допускал А.С. Панарин, правда, в контексте борьбы с агрессией «либеральной империи». Цымбурский же видел в хаосе межцивилизационных столкновений не меньшую опасность, чем в торжестве однополярного мира, поэтому и считал наиболее оптимальным на ближайшее время «полутораполярный» миропорядок.

Подводя итог нашему осмыслению интегралистского и реалистского ответов А.С. Панарина и В.Л. Цымбурского на вызовы истории, вставшие перед Россией, следует отметить, что ни один из них по прошествии времени нельзя назвать ни ошибочным, ни всецело подтвердившим свою истинность. Скорее всего, так однозначно их оценить не удастся еще очень долго, а возможно, и никогда. В их основе лежат две стратегии для российской цивилизации, почти что «идеологии» в широком значении этого слова: беспрерывная борьба на ценностной, социальной, проектной почве с мировым гегемоном, активное позиционирование России в мировом пространстве или же временный, но все же рассчитанный на десятилетия «изоляционизм» в целях актуализации внутренних потенциалов как материального, так и духовного, культурного развития.

Учитывая объективные условия внешнего и внутреннего для России характера, реализация ни одной из подобных стратегий не могла бы осуществляться достаточно долго. По Панарину, Россия слишком ограничена в ресурсном плане и не обладает прежним потенциалом пассионарности, чтобы в долгосрочной перспективе делать ставку на полноценное участие в виде одного из полюсов силы в «мировой гражданской войне». Но и сосредоточиться на себе на достаточный для актуализации всех внутренних сил срок России тоже не дадут. Идеи о «двадцати годах мирного развития», по Столыпину, или об «Острове Россия», по Цымбурскому, никогда в своем чистом виде не удавались и, видимо, не будут реализованы из-за совокупности внешних и внутренних факторов.

сочетания заемного “разумного эгоизма” с языческим натурализмом, не ведающим, что в основе больших государств лежат не естественные ниши, а цивилизационные идеи мощного интегративного характера» [21, с. 26]. Тогда как Цымбурский разглядел в Панарине в первую очередь «собирателя пространств» и с высокой вероятностью, учитывая серьезные симпатии Панарина к евразийским идеям и его во многом сохраняющуюся симпатию к Европе, очередного мыслителя, осознанно или неосознанно работающего в губительной, с точки зрения геополитика, парадигме европохитительства.

В определенной ситуации концепции интегрализма и реализма/изоляциялизма могли бы стать идейной и теоретической основой для оформления своеобразных партий в российской политике. Если партий и не в прямом смысле этого слова, то как минимум групп влияния с серьезным интеллектуальным ядром, в чем-то конкурирующих друг с другом, а в чем-то и взаимодополняющих. С точки же зрения политической философии и науки, в России серьезный потенциал дальнейшего развития цивилизационной теории (или теорий) заложен в развитии тематики конструктивного соотношения для российской цивилизации идей интегрализма, связанных с претензией на выдвигание глобальной универсалистской теории, и изоляционизма, основанного на модели актуализации внутреннего потенциала развития.

Литература

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. Режим доступа: <https://100knig.com/v-poiskah-utrachennogo-cargrada-cymburskij-i-danilevskij/>
2. Харин А.Н. Цивилизационный подход в современной российской философии геополитики: основные направления и проблемы // Геополитика и безопасность. 2013. № 1. С. 58–63.
3. Ивашов Л.Г. Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. М.: Эксмо; Алгоритм, 2002.
4. Дугин А.Г. Теория многополярного мира. М.: Евразийское движение, 2012.
5. Цымбурский В.Л. Конъюнктуры Земли и Времени: Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа, 2011.
6. Хатунцев С.В. К вопросу о Хантингтоне [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.apn-nn.ru/539683.html>
7. Яковец Ю.В., Акаев А.А. Перспективы становления устойчивого многополярного мироустройства на базе партнерства цивилизаций. М., МИСК, 2016.
8. Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы: 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007.
9. Межуев Б.В. Политическая критика Вадима Цымбурского. М.: Европа, 2012.
10. Цымбурский В.Л. Циклы похищения Европы [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.intelros.org/books/rythm_ros_7.htm
11. Хатунцев С.В. Цивилизационная геополитика Вадима Цымбурского [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://politconservatism.ru/articles/tsivilizatsionnaya-geopolitika-vadima-tsymburskogo>
12. Цымбурский В.Л. Цивилизация – кто будет ей фоном? [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.intelros.org/books/rythm_ros_6.htm
13. Цымбурский В.Л. Народы между цивилизациями // Pro et Contra. 1997. Т. 3. № 3.
14. Цымбурский В.Л. Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М., 2000.
15. Холмогоров Е.С. В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский [Электронный ресурс] //
16. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир, 2005.
17. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФРАН, 1995.
18. Панарин А.С. Философия истории. М.: Гардарики, 1999.
19. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004.
20. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002.
21. Панарин А.С. Россия в Евразии: вызовы и ответы // Вестник Московского университета. Серия 12. 1994. № 5.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению взглядов на цивилизационную геополитику двух русских философов – А.С. Панарина и В.Л. Цымбурского. Оба мыслителя представляют собой два различных подхода к философии геополитики – цивилизационного «реализма» и «интегрализма». Данные подходы отражаются и на оценках авторами перспектив России. В.Л. Цымбурский предлагал вариант своеобразной изоляции, «укрытия» России за «проливами». В то время как А.С. Панарин видел выход в разработке глобального проекта, который бы Россия могла предложить миру.

Фактически в расхождениях А.С. Панарина и В.Л. Цымбурского присутствует своеобразное противостояние геополитиков и цивилизационных мыслителей. Но здесь же и противоречие прагматика и теоретика. Несмотря на расхождения, оба философа внесли достойный вклад в философию геополитики, цивилизационную теорию, понимание той непростой ситуации, в которой оказалась Россия после распада СССР.

Ключевые слова: цивилизации, цивилизационный подход, философия геополитики, Панарин, Цымбурский, остров Россия, российская православная цивилизация.

Maxim I. Sigachev, PhD in Political Science, Junior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science. E-mail: maxsig@mail.ru

Alexey N. Kharin, PhD in History, Associate Professor, Head, Department of Humanities, Kirov Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: LHarin@yandex.ru

Pavel P. Skakun, Independent Philosopher, Political Scientist. E-mail: pavel-skakun@mail.ru

“Integralism” and “Realism” in the Russian Civilization Theories: Two Answers to the Challenges of History

Abstract. The article is devoted to the examination of the views on civilizational geopolitics of the two Russian philosophers – A.S. Panarin and V.L. Tsymbursky. The two thinkers represent two different approaches to the philosophy of geopolitics – civilizational “realism” and “integralism”. Those approaches are reflected also in the authors' assessments of the prospects of Russia. V.L. Tsymbursky suggested a kind of some quaint isolation, “shelter” for Russia beyond the “straits”. A.S. Panarin saw the answer in the development of a global project that Russia could offer the world.

Actually the disagreements between A.S. Panarin and V.L. Tsymbursky represent a kind of confrontation between geopoliticians and civilizational thinkers. But they also reflect the contradictions between a pragmatist and a theorist. Despite the disagreements, both authors made their worthy contribution to the philosophy of geopolitics, civilization theory and the understanding of the difficult situation that Russia faced after the collapse of the USSR.

Keywords: Civilizations, Civilizational Approach, Philosophy of Geopolitics, Panarin, Tsymbursky, Island Russia, Russian Orthodox Civilization.

Из настоящего в будущее: образ будущего России Н.Я. Данилевского*

Книга Данилевского «Россия и Европа»: постановка проблемы

«Россия и Европа» – книга неожиданная во многих отношениях, начиная с того, что автор, биолог по образованию, обращается к анализу геополитических вопросов и предлагает альтернативную существовавшей методологию исторического анализа, заканчивая расширением ракурса рассмотрения России с масштаба Российской империи до всего славянского мира. С момента первого, журнального, выхода книги в 1869 году интерес к ней то затихает, то возобновляется. Вызывают споры не только высказанные автором идеи, но и определение того, чему, собственно, посвящена «Россия и Европа». Книгу часто рассматривают как историсофское сочинение, в котором был предложен новый подход к трактовке исторического процесса. Такой ракурс взгляда на произведение возник в полемике Николая Страхова, большого почитателя Данилевского, и критически к нему настроенного Владимира Соловьева. Их печатная дискуссия развернулась уже после смерти автора «России и Европы», в середине 1880-х годов. Как ни странно, оба мыслителя как бы «не замечали» подзаголовка книги, в который Данилевский вынес итог своих многолетних размышлений – взгляд на культурные и политические отношения славянского мира и германо-романского. Публикация глав книги в номерах журнала «Заря» придала сочинению определенный «публицистический налет», связанный с частым обращением автора к современным ему внешнеполитическим вопросам, тематической расплывчатостью, высказыванием суждений по широкому кругу проблем.

Современные исследователи нередко говорят о том, что для самого автора «Россия и Европа» была в первую очередь книгой о будущем Российской империи, вытекающем из ее прошлого [3, 4]. Другие справедливо полагают, что хотя самой теории культурно-исторических типов в книге посвящено только четыре главы из семнадцати, именно она возродила и поддерживает интерес к «России и Европе» спустя более чем сто пятьдесят лет после ее выхода [12, 13].

Не думаю, что можно однозначно указать, какие темы являются главными в «России и Европе», в связи с тем, что слишком многих вопросов касается ее автор. Для некоторого упорядочивания проблем, затрагиваемых Данилевским, мы попробуем опереться на тематические аннотации, сопровождающие каждую главу в журнальном варианте книги. Эти аннотации не включались в первую и вторую книжные версии «России и Европы» и вновь появились в современных переизданиях. Сгруппировав подтемы, мы получили

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00256А.

Желтикова Инга Владиславовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

двенадцать относительно больших смысловых блоков и составили своеобразный рейтинг тем, к обсуждению которых обращается Данилевский.

Максимальное количество – 41 обращение – приходится на тему славянского культурно-исторического типа, в том числе на характеристику будущего Всеславянского союза (17 подтем). Второе место в этом списке занимает анализ текущей политической ситуации – всего 38 блоков, включая тему отношения Европы к России (7 блоков). На третьем месте находится сама теория культурно-исторических типов, принципы их выделения, законы жизни, перечисление существующих и существовавших культурно-исторических типов – 20 подтем. Далее следуют описание и оценка прошлого России – 27 подтем – и оценка настоящего состояния России – 23 подтемы, включая 15, посвященных «болезни европейничанья». Характеристике европейского культурно-исторического типа посвящено 17 подтем, описанию и оценке прошлого Европы – 13, систематизации наук и методологии научных исследований – 11. Оценка настоящего состояния Европы в области культуры, экономики и политики разбирается в 10 подтемах, и столько же раз Данилевский обращается к описанию и оценке прошлого неевропейских народов. Типы государственного устройства рассматриваются в «России и Европе» в 9 подтемах, соотношение общечеловеческого и народного – в шести. Сквозной мыслью во всех этих темах является поиск ответа на вопрос «Почему Европа враждебна России?». Точнее даже не поиск, поскольку ответ у автора «России и Европы» уже есть, а обоснование идеи о том, что история Европы заканчивается, а России и славянства только начинается, что подспудно осознается европейцами, заставляя их из зависти враждовать с Россией. Именно этому обоснованию подчинена разработка новой объяснительной парадигмы – теории культурно-исторических типов.

Эта теория предлагает альтернативу сравнительно-оценочному подходу при изучении истории, в котором в качестве эталона берется европейская культура. Культурно-исторический тип Данилевского является разновидностью локальной цивилизации, изучение которой представляется автору более адекватным историческим реалиям, чем использование распространенной в исторической науке периодизации, основанной на этапах европейской истории. В качестве синонимов к введенному понятию «культурно-исторический тип» автор использует такие термины, как «цивилизация», «народ», «национальность», «этнос», видя за ними исторически сложившуюся общность людей, возникшую на основе этнического родства, которая характеризуется индивидуальностью и неповторимостью культурных начал, выражающих себя в укладе жизни, быте, религии, политике [5, с. 93, 230]. Именно рассмотрение истории России с позиции локальных культур позволяет, по мнению Данилевского, выстроить правильную картину перспективного развития Российской империи.

Футурологический аспект книги

Автору «России и Европы» удалось выделить и показать присутствие в исторической жизни страны ряда констант, которые определяют судьбу России, ее настоящий облик и зададут правильный вектор развития в будущем. Данилевский стремится дать полное жизнеописание России как исторической личности, осознавая при этом, что она не прожила еще всей «жизни» и «судьба» ее еще не свершилась.

В этой статье мы хотели бы рассмотреть футурологический аспект книги Данилевского, возникающий в процессе рассмотрения российской культуры как бы изнутри и осмысления ее автором. В этом плане «Россия и Европа» продолжает тему, поднятую П.Я. Чаадаевым и развиваемую славянофилами, тему саморефлексии культуры, происходящей через осмысление оппозиции свой – чужой. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков стреми-

лись оценить преимущества в историческом развитии традиционного общества перед обществом модерна, своими размышлениями обосновывали необходимость сохранения русских обычаев, традиционного уклада и отказа от подражания европейской моде. Но если у них это осмысление было вызвано экспортом в Россию европейского дискурса о социально-политической и духовно-нравственной модернизации жизни и обсуждением вопроса целесообразности присоединения России к этому процессу, то четверть века спустя Данилевский обращается к решению этого же вопроса, исходя из совершенно иной ситуации.

Россия, современная Данилевскому, – это общество, не понаслышке знающее, что такое отказ от традиционных устоев, страна, однозначно включившаяся в процесс модернизации. Одной из самых заметных вех этого процесса явились реформы середины XIX века. Менее десятилетия с начала разработки законодательства (1857) до реализации поэтапного процесса отмены личной зависимости крестьян (1863) потребовалось стране для отказа от крепостного права. Современники Данилевского по-разному переживали модернизацию центральной области традиционного жизнеустройства, но нельзя не признать, что в том числе и эти меры меняли общественное сознание, поколебав в нем патерналистские установки, поставив под сомнение идеал «органического единства» высших и низших сословий. На место восприятия общества как большой семьи постепенно приходит осознание рационально-договорного характера общественных отношений, осознание ценности гражданских свобод. Последствием земской (1864) и городской (1870) реформ среди прочего была некоторая демократизация внутривнутриполитической жизни, связанная с идеей о «нормальности» выборного начала в формировании власти, а следовательно, и ответственности власти перед обществом.

Важным показателем модернизации выступает ускорение течения социального времени, сокращение сроков социальных процессов, быстрая их сменяемость. И одним из факторов, влияющих на это, несомненно, является прогресс в сфере транспорта. Данилевский был свидетелем того, как в середине сороковых годов XIX века в России было введено регулярное речное и железнодорожное сообщение. Для страны, пространственно столь протяженной, появление быстроходных, а главное, осуществляющих круглосуточное движение видов транспорта означало существенное увеличение скорости распространения информации, степень взаимосвязи регионов империи, расширение территориальных горизонтов, раскрывшихся перед конкретным человеком. С изменением возможностей передвижения возрастала включенность человека в жизнь страны. Именно в 1820–1860-х годах бескрайняя в буквальном смысле слова Россия обретает четко определенные границы. Территория страны становилась зримой и не столько из-за демаркационных последствий дипломатических соглашений, сколько из-за большей включенности в этот процесс людей, не имеющих прямого отношения к власти. Ускорение темпа жизни в России хорошо заметно по военной реформе, одним из элементов которой было сокращение службы низших военных чинов с 25 до 10 лет.

На протяжении жизни Данилевского взрывообразное развитие переживают отечественные печатные издания: газеты и журналы. На место слухов и очень ограниченного числа изданий приходит широкая дискуссионная печать. В статье «Общее значение слова литература» Виссарион Белинский пишет о мощном импульсе свободомыслия, самостоятельности суждений, глотке свежего воздуха, принесенного в российское общество прессой 40–50-х годов XIX века: «Вся сфера современного общественного движения теперь выражается словом пресса: это живой пульс общества, по биению которого вернее, нежели по какому-нибудь другому признаку, можно судить о состоянии общества в отношениях: политическом, административном, ученом, литературном, эстетическом, нравственном, в отношении к народному духу, богатству, промышленности, ремеслам и пр., пр. Нет стороны в обществе, которая бы теперь не выражалась прессою, не жила в ней и ею» [1, с. 162].

Одним из ключевых изменений, происходящих в обществе модерна, является ориентация общества не на прошлое, а на будущее. Автор «России и Европы» усваивает и успешно применяет эту установку. По сравнению со старшими славянофилами у Данилевского заметно изменен акцент размышлений о России: сохранение традиций, роль петровских преобразований и отказ от преемственности практически не интересуют его в отличие от вопроса о том месте, которое может занять Россия в будущей расстановке европейских сил, сферах общественной жизни, обнаруживающих положительные тенденции развития. Особое внимание автор «России и Европы» уделяет тем современным ему областям, которые смогут обеспечить России лидирующие позиции в перспективе. На протяжении книги Данилевский как бы оценивает настоящее и прошлое России как плацдарм для будущего.

На наш взгляд, книга Данилевского весьма показательна в плане репрезентации видения будущего из конкретной социокультурной ситуации. На ее примере можно зримо проследить, как социальная реальность налагает отпечаток на видение будущего. Целью этой статьи является рассмотрение картин будущего России, запечатленных в «России и Европе», и на их примере – процесса формирования образа будущего.

Образ будущего в «России и Европе»

Образ будущего – это представление о том, какой будет жизнь в стране и мире через десять, тридцать, сто или тысячу лет. Образ будущего – это целостная картина, в которой оказываются запечатленными различные стороны жизни, взаимосвязь всех сфер функционирования общественной жизни. Представления о будущем – это именно образ, убедительная картина перспективы, в которой могут акцентироваться отдельные детали, но репрезентироваться социальная реальность как смысловое единство. В отличие от прогноза, образ будущего базируется не только на рациональных построениях и оценках вероятности тех ли иных событий, но и на интуитивных представлениях, «предчувствиях будущего», эмоциональных переживаниях по его поводу. Образ будущего не является прерогативой специалистов и экспертов в какой-либо области, он присутствует в сознании всех людей, задумывающихся о личных перспективах или отдаленном будущем человечества.

В «России и Европе» Данилевского мы находим именно образ будущего, который создается автором, обобщающим собственный социальный опыт. Будущее России видится мыслителю в двух вариантах: оптимистическом и пессимистическом. В оптимистическом варианте Россия успешно реализует имеющийся потенциал и становится структурообразующим элементом Всеславянского союза, в пессимистическом – лишается своей культурной самобытности, а возможно, и политического суверенитета. Понятно, что образу будущего, отражающему надежды на лучшее, Данилевский уделяет больше внимания.

Внешнеполитический аспект занимает первое место в представлении Данилевским завтрашнего дня России. Здесь автор «России и Европы» постулирует появление нового Славянского культурно-исторического типа. Гигантский по занимаемой территории, превышающий по площади Римскую империю, он оформится в политическое тело Всеславянского союза, который навсегда изменит баланс сил в Европе. Современная Российская империя станет тем стержнем, вокруг которого будет формироваться это политическое образование, выступит структурообразующим фактором, залогом единства и суверенитета народов, входящих во Всеславянский союз. Данилевский особо останавливается на том, что Россия не должна будет доминировать над другими славянскими народами, как и на том, что степень централизации союза не должна будет быть чересчур высокой. Славянский союз мыслится Данилевским в качестве конфедерации, члены которой могут иметь различные формы прав-

ления и способы государственно-территориального устройства [5, с. 381]. В состав Всеславянского союза, по мысли Данилевского, войдут такие славянские народы, как поляки, чехи, венгры, сербы, черногорцы, боснийцы, хорваты, болгары, молдаване, северные албанцы, жители Герцеговины, Моравии, Валахии, Буковины; а также неславянские народы: финны, грузины, армяне, алеуты и другие народы, фактически проживающие в Российской империи и прошедшие с ней «историческое воспитание». Столицей нового политического образования станет Константинополь-Царьград, отвоеванный у турок совместными усилиями славян. Этот город, по мнению Данилевского, на протяжении всей истории России является символом торжества славянской идеи, знаковой точкой в достижении геополитического баланса сил и стратегически значимым форпостом. Интересно, что Данилевский особо не останавливается на предполагаемой форме правления Всеславянского союза, во всяком случае, он не настаивает на обязательном сохранении абсолютной монархии.

Важной для Данилевского установкой при размышлении о будущем является надежда на то, что Славянский союз станет первым культурно-историческим типом, практикующим все возможные для локальной цивилизации виды деятельности: религиозную, выражающую отношение человека к Богу; культурную, включающую науку, искусство, техническое творчество; политическую и общественно-экономическую [5, с. 471–472].

Религиозная жизнь – это именно та социальная сфера, которая в будущей России должна оставаться максимально традиционной. Данилевский не видит необходимости внесения каких-либо существенных изменений ни в обрядовый, ни в догматический строй российского православия. Впрочем, в отдельных частях книги он признаёт необходимость сохранения традиционных форм религии и у неправославных народов.

Достаточно бегло описывает Данилевский будущее в сфере культуры. Главным в этой области будет возвращение к народным традициям, отражающим уникальное мировидение славянского культурно-исторического типа. Расширение сферы использования народного костюма и его цветовой гаммы, включение этнических мотивов в музыку, прикладное искусство и академическую живопись, возвращение к исконно народным пропорциям и формам в зодчестве и монументальной скульптуре, второе знакомство с национальной кухней и формами досуга – вот основные векторы в развитии славянской культуры. В то же время, как бы ни настаивал Данилевский на уникальности народного духа, в сфере науки его проявление ожидается меньше всего. Размышляя о развитии в будущем славянском культурно-историческом типе наук и технологий, мыслитель не постулирует особую «славянскую» науку, считая, что отечественные ученые будут работать в русле уже сложившихся научных парадигм.

В сфере внутренней политики Данилевский ожидает поэтапное утверждение и расширение либеральных свобод. Этот процесс мыслится как довольно плавный и потому бесконфликтный. Увеличение свободы печати, самоуправления в отдельных сферах жизни регионов, развитие общих стандартов школьного образования должны будут способствовать формированию ответственного гражданского самосознания и непротиворечивого единства гражданского общества и правительства. При этом вопрос о необходимости принятия конституции для регулирования внутривнутриполитического устройства Данилевским даже не ставится. Размышляя на эту тему, он придерживается охранительных традиций и считает, что все необходимые преобразования будут успешно реализовываться при инициативе «сверху». Фундаментом будущей политической стабильности Данилевский видит такие психологические свойства гражданина, как «умение и привычку повиноваться, уважение и доверенность к власти, отсутствие властолюбия и отвращение вмешиваться в то, в чем считает себя некомпетентным» [5, с. 487].

Будущее российской экономики Данилевский связывает с аграрной сферой. Освоение обширных земельных угодий, богатство и разнообразие климатических

условий станет, по мысли автора, основной задачей завтрашнего дня. Экономическое развитие должно будет идти по экстенсивному направлению, поскольку ресурсы страны по большому счету еще не освоены. Сельское хозяйство, рыболовецкий промысел, животноводство и виноградарство – вот сферы, гарантирующие экономическое процветание страны. Основным перспективным ресурсом России Данилевский считает крестьянство, умеющее и желающее работать на земле, а не городское население или промышленных рабочих.

Важным условием реализации этого будущего Данилевский считал правильное понимание интересов России на международной арене. Его книга должна была способствовать осознанию самодостаточности России и чуждости для нее Европы. Если старшие славянофилы, размышляя о будущем России, видели настоящее Европы в качестве желаемой или не желаемой перспективы, то Данилевский оценивает настоящее Европы как пройденный этап исторического развития, на него нельзя ориентироваться хотя бы потому, что это прошлое. Поэтому будущее России – это будущее в мире, где Европа переживает свой Закат, а Россия, возглавляющая славянские народы, строит не европейское, а собственное будущее [5, с. 503].

Второй, пессимистический вариант будущего России, связывался Данилевским с тем, что страна не сможет раскрыть свои потенциальные возможности, не соберет вокруг себя и не сплотит славянские народы, ей не удастся изменить баланс сил в Европе и на Ближнем Востоке. По сути, автор «России и Европы» уверен, что Россия может быть либо великой, либо ее вовсе не будет. В качестве альтернативы Всеславянского союза Данилевский предполагал возврат России в «этнографический материал для новых неведомых исторических комбинаций», потерю культурной и, возможно, политической самостоятельности. «Если Россия не поймет своего назначения, – читаем мы в «России и Европе», – ее неминуемо постигнет участь всего устарелого, лишнего, ненужного. Постепенно, умаляясь в своей исторической роли, ей придется склонить голову перед требованиями Европы, которая не только не допустит ее до влияния на Восток, не только устроит оплоты против связи ее с западными славянскими родичами», но «до того выветрит самую душу Славянства, что оно распустится, растворится в европействе» [5, с. 401].

Настоящее как основа формирования образов будущего

Далее мы попробуем показать, что основанием как оптимистического, так и пессимистического видения будущего является для Данилевского наблюдаемая и переживаемая им социальная реальность. Николай Яковлевич родился в 1822 году в селе Оберец Орловской губернии, но жизнь и деятельность его не были связаны с каким-то определенным местом. Москва и Петербург, Тула и Вологда, Самара и Крым в разные годы были местом пребывания ученого. На жизнь его поколения пришлись изменения, которые кардинально трансформировали структуру повседневности человека XIX века, о чем мы уже говорили в начале статьи. Но применительно к созданию образа будущего, на наш взгляд, важным оказывается не только объективное, но и субъективное настоящее автора.

Николаю Яковлевичу было 45 лет, когда, поселившись с семьей на Южном берегу Крыма, недалеко от станции Байдары и отдыхая от летних экспедиций, он приступил к написанию своего главного труда «Россия и Европа». За его плечами остались десять экспедиций, организованных департаментом сельского хозяйства, обширные полевые исследования, итогом которых стали книги «О движении народонаселения в России» (1851) и «Климат Вологодской губернии» (1853), многочисленные статьи по географии, рыболовству и виноградарству, серия работ по хозяйству северных поморов, экономике юго-западных и южных областей России.

Обращение профессионального биолога к геополитическому будущему России не было случайным. Еще в студенческие годы Данилевский увлекался экономической стороной учения Шарля Фурье и его футурологическими проектами. В зрелые годы он входил в состав Совета Министерства государственных имуществ, где принимал активное участие в выработке законов, которые регулировали состояние рыбных богатств в стране [11]. В книге, посвященной исследованию миграционных процессов внутри Российской империи, ученый неоднократно обращался к внешнеполитическому аспекту этого процесса.

Как мы помним, значительная часть «России и Европы», вторая по объему после размышления о славянском культурно-историческом типе, посвящена анализу текущей внешнеполитической ситуации. Столкновение интересов на Балканах, Восточный вопрос, роль России в решении внутриевропейских разногласий – все эти животрепещущие темы интересовали Данилевского в свете должной расстановки сил в Европе для максимальной выгоды России. Данилевский, как и Погодин, считал, что Россия обязана защитить славянские народы по крайней мере по двум причинам. Во-первых, как сильная славянская страна, которая может и должна помочь освободиться этнически близким народам, большинство из которых единоверцы. Во-вторых, протекторат над братьями-славянами даст России недостающие силы для окончательного перевеса на международной арене [2].

В картине внешнеполитического будущего, обрисованной автором «России и Европы», наше внимание привлек ряд моментов, позволяющих проследить влияние социального и личного настоящего Данилевского на создаваемый им образ будущего.

Первым таким моментом является идея о конфедеративном характере будущего Всеславянского союза. Близкие по направленности размышления о будущем России того же Михаила Погодина [9], Константина Леонтьева [8] или Федора Достоевского [5] неизменно предполагали жесткую имперскую систему в отношении метрополии и колоний. Данилевский же был убежден в том, что Россия не должна будет доминировать во Всеславянском союзе. Обеспечив суверенитет славянских государств, подкрепив его своей мощью, она не будет подавлять самостоятельность этих народов, навязывать им свою волю. Мы думаем, что именно хорошее знакомство Данилевского с жизнью различных областей России формировало его убеждение в том, что наиболее эффективным является управление в рамках губерний, местное самоуправление, которое позволяет учесть особенности хозяйственной деятельности региона, специфику климата, его сезонные и годовые перепады.

Данилевский большую часть жизни провел в разъездах, по делам службы он исколесил почти всю Центральную Россию и большую часть ее окраин. Он изучал флору Орловской и Рязанской губерний, исследовал состояние рыболовства на Волге и Каспийском море, знакомился с традиционными промыслами на Белом море и Ледовитом океане, приложил немало сил к борьбе с филлоксерой в предгорьях Кавказа [11]. Представляя себе обширность территории Российской империи, ученый осознавал и огромные трудности, возникающие при управлении ею из единого центра. Поэтому и будущий Всеславянский союз не видел устроенным по имперскому принципу. Удаленность окраинных областей делает их при жесткой центральной власти не только географической, но и политической периферией, ставит в невыгодные по сравнению с центром условия. Возможно, что в симпатии к конфедеративному устройству проявилось и непринятие автором отечественной бюрократии, с которой он познакомился, еще будучи прикомандированным к канцелярии самарского губернатора. Данилевский был уверен, что увеличение степени самостоятельности частей, образующих Союз, положительно сказалось бы на уменьшении количества управленческого аппарата.

Второй особенностью видения перспективы Данилевским, которую мы хотели бы отметить, является мысль о том, что Всеславянский союз объединит не только славян, входя-

щих на момент создания книги в те или иные политические образования, но и неславянские народы Российской империи. В свое время это положение привлекло внимание Владимира Соловьева, который в сборнике «Национальный вопрос в России» [10, с. 104–207] указывал на противоречие в размышлениях Данилевского, заключающееся в том, что болгары, словаки, черногорцы и прочие балканские народы должны будут войти в славянский культурно-исторический тип на основании «этнического родства», «сродства языков», «сходства психического строя», то есть тех критериев, которые автор «России и Европы» положил в основу выделения культурно-исторического типа, а финны, грузины, чеченцы и огромная часть мусульманских народов Российской империи, не имеющая со славянами указанных общих черт, войдут просто «за компанию». Особенно Соловьев подчеркивал противоречия в религиозном составе будущего славянского культурно-исторического типа. Если именно «охранительный характер» православия гарантирует чистоту и неприкосновенность Божественного Откровения и успех религиозного вида деятельности Славянства в будущем, то как можно включать в этот культурно-исторический тип католические (Польша), протестантские (Финляндия, Эстляндия и Лифляндия), мусульманские народы (татары, башкиры, горцы Северного Кавказа и казахи) и даже язычников (унангуны, бельтиры, бирары, гиляки, гольды, иезиды, нейдальцы, ороки, самоеды, самагарцы, тушины). От себя добавим, что, как мы помним, Данилевский, считавший, что глубокая религиозность русского народа, пронизывающая все слои общества, является чуть ли не основой славянского мировосприятия, действительно признавал возможность присутствия людей с неправославным вероисповеданием в будущем Союзе.

Мы полагаем, что в вопросе подбора этнического состава Всеславянского союза определенную роль сыграло близкое знакомство ученого с традиционными укладами жизни в Российской империи. Имея возможность сравнивать нравы, обычаи в различных областях, у различных этносов, в различных социальных слоях, Данилевский интуитивно понимал, что «общность исторического воспитания» в каком-то случае оказывается важнее этнического родства. То, что неславянские народы в течение длительного времени жили бок о бок с великороссами и малороссами, встроило их жизнь в жизнь численно превосходящего их славянства. Произошел процесс взаимной аккультурации, заимствования и приспособления культурных элементов друг к другу. Это обогатило контактирующие культуры, помогло, с одной стороны, лучше осознать свою уникальность, с другой – проявлять терпимость к инокультурным элементам. Неслучайно Данилевский одним из «законов исторической жизни» называет закон богатства этнографического материала, который дает уверенность в том, что культурно-исторический тип, включающий разнообразные этносы, способен к большей творческой активности, нежели этнически однородный. Формулируя эти законы, Данилевский пытается выразить свое интуитивное понимание исторической реальности, а теоретические выкладки, противоречивость которых замечал Вл. Соловьев, для него вторичны и служат способом пояснения социальных процессов.

Эти же соображения можно отнести и к «вкраплениям» неправославных вероисповеданий в православное тело славянства, они, по мысли Данилевского, не принесут негативных последствий, а скорее обогатят религиозную жизнь неправославных народов. Религиозный строй – это один из важнейших показателей жизни способного к историческому творчеству народа, и если допускать неславянские элементы в новый культурно-исторический тип, то необходимо включать их вероисповедания в религиозную систему культуры. Лично у Данилевского нехристианские конфессии не вызывали резкого неприятия. Например, описывая коренные народы Севера, он касался и их системы верований, которые рассматривал скорее как этнограф, а не как ортодоксальный представитель православия. Его привлекала многоукладность жизни народов России, в том числе и религиозные практики.

Следующая особенность видения Данилевским России будущего заключается в акцентировании внимания на народной культуре. Внимание к прошлому своей страны, народным традициям и обычаям – это общая установка романтизма. Она является непременным элементом европейского национального самосознания, включающим интерес к своим предкам, их обычаям, обрядам, ритуалам, стремление возродить или по крайней мере зафиксировать элементы прошлого, сохранившиеся в народной жизни. Добавим к этому этнографический аспект, который так важен в исследованиях Данилевского, и станет ясно, почему он переносит в будущее этот ретроспективный мотив. Здесь нам видится интересная параллель мировидения Николая Яковлевича Данилевского с картиной мира его современника Рихарда Вагнера. В творчестве немецкого композитора в полной мере проявилась интуиция народного духа, идущая от архаических мифов цикла «Кольцо Нибелунга» к христианским образам «Парсифаля». Так же и Данилевский признаёт ценность народной культуры во всем многообразии ее проявлений, от народных промыслов и губернских говоров до языческих сказаний, христианской народной мифологии и песенного фольклора. Кроме прочего, Данилевскому просто нравится народная культура, провинциальная жизнь с ее устойчивостью и неспешностью, близкими межличностными отношениями и зримыми границами социального пространства. Как вспоминают современники, сам Николай Яковлевич не любил столиц, предпочитая им провинциальную жизнь, считая ее более естественной и здоровой для человека [11].

Еще одной интересной особенностью видения будущего Данилевским является признание важности для России и Всеславянского союза либеральных идей. Здесь, как нам кажется, сказывается, с одной стороны, обобщение впечатлений, умонастроений близких и знакомых Данилевского, связанных с отменой крепостного права, с другой – опыт личного участия в составлении либерального законодательства. Данилевский наблюдает в российском обществе «политический инстинкт» и отсутствие стремления к власти, полагая, что они выступят факторами, которые будут способствовать тому, что «русский народ и русское общество во всех слоях своих способно принять и выдержать всякую дозу свободы» [5, с. 487]. В качестве примеров готовности русского общества воспринять либеральные свободы автор ссылается на процесс отмены цензуры, который не вызвал, как того можно было ожидать, непродуманных публикаций, и освобождение крестьян, которое не сопровождалось беспорядками.

Характер деятельности Данилевского наложил отпечаток на постулирование аграрного будущего России. Служа в департаменте сельского хозяйства, автор «России и Европы» преуспел в изучении рыболовства и других традиционных промыслов, за что был награжден золотой медалью Русского географического общества [11]. Он полагал, что главным в общественно-экономическом строе России является твердая почва в виде крестьянского надела и общинного землевладения. Именно то, что земля не выступает товаром, нет обезземеленной массы населения и, «следовательно, общественное здание зиждется не на нужде большинства граждан», а, напротив, на стабильной обеспеченности их положения [5, с. 491], необходимо сохранить в будущем.

Негативный вариант образа будущего, связываемый Данилевским с «болезнью европейничанья», в первую очередь проистекает из наблюдений ученого за нигилистическими настроениями современной ему молодежи. Это вредное течение, пришедшее из Европы, он считал порождением западной мысли периода упадка, поскольку русскому характеру оно не было свойственно. Нигилизм поэтому и опасен, что русский организм не знает, как с ним бороться. Данилевский наблюдает европейское влияние во всех сферах российской культуры: в подражании внешним формам европейского быта, нравам и обычаям, ценностным установкам, ориентированным на соперничество, в утверждении эгоистического начала, в погоне за внешним успехом. Борьба с «европейничанием» во всех

его проявлениях является одной из важнейших задач современного периода, убежден Данилевский, ибо эта болезнь опасна еще и тем, что подрывает веру просвещенных людей России в ее самобытное предназначение и отбивает желание развивать уникальные корни славянской культуры.

Как формируется образ будущего

На примере Данилевского мы попробовали представить, как формируется индивидуальный образ будущего. Рационально-логические построения в этом процессе играют далеко не первую роль. Даже тогда, когда результаты интуитивных догадок приобретают форму рефлексивных оценок, они остаются скорее предвидением, чем прогнозом, картиной, а не расчетом.

Наше рассмотрение показывает, что образ будущего – это представления, сформированные настоящим, но настоящим и объективным, в первую очередь обусловленным временным периодом и ходом развития страны, и субъективным, связанным с образом жизни человека. Объективное настоящее или окружающая человека повседневность воспринимаются в качестве прототипа действительности, исходных данных, которые могут оцениваться как правильные или неправильные, более или менее справедливые, собственно такие, какие задают саму метрику восприятия социального мира. Жизнь Данилевского пришлась на период активной модернизации российского общества, и быстрые изменения в сфере экономики, внутренней политики, социальных процессов воспринимались автором «России и Европы» в качестве естественного хода событий. Он продолжает вектор трансформаций в будущее и полагает в нем еще большие изменения, теперь уже во внешнеполитической сфере.

Субъективное настоящее – это та часть социальной реальности, которая активно осваивается человеком в процессе его жизни, оно зависит от места человека в социуме, его рода деятельности, возраста. Сфера субъективного настоящего шире у человека образованного, социально активного, занимающегося общественной деятельностью. Для XIX века она, безусловно, шире у мужчины, чем у женщины, у жителя столицы, чем у провинциала. Как мы показали, Данилевский имел весьма высокую степень вовлеченности в процессы, происходящие в стране, много путешествовал, изучал особенности экономической жизни различных регионов и сословий. Он видел позитивные стороны многоукладности и поликультурности народов, населяющих Российскую империю. Специализируясь на полевых исследованиях, мог оценить и красоту народной жизни, и важность для аутентичного развития этноса его народной религии. Задумываясь о будущем России, Данилевский переносил в него все лучшее, что находил в настоящем, чему сам был свидетелем.

Образ будущего – это оценка актуальных тенденций, ощущаемых и наблюдаемых человеком в его настоящем, оценка с позиции их жизнеспособности в будущем и их возможных последствий. Как правило, в рамках одного мировоззрения доминирует один образ будущего, тот, что отражает взгляд носителя на возможные перспективы. Плюрализм образов будущего имеет место тогда, когда в обществе есть сильный альтернативный образ, который автор не может игнорировать, или же, как в случае с Данилевским, в настоящем фиксируется наличие двух противоборствующих тенденций, в нашем случае – аутентичного развития национальных начал и подражательство Европе. Такая двойственность видения перспективы свидетельствует о том, что Данилевский стремился оставаться в своих размышлениях в рамках научного дискурса и фиксировать альтернативные сценарии будущего.

С позиции нашего времени, когда будущее, предполагаемое Данилевским, уже не состоялось, нет смысла говорить, насколько возможен был Славянский союз в реальности, как не имеет смысла размышлять и о том, что было бы, если бы такой союз организовался. Однако для Данилевского это воображаемое будущее было частью реального настоящего

го, частью, не произвольно придуманной, а предчувствуемой на основании прошедших и текущих событий. Поэтому книга Данилевского показательна в плане фиксации самоощущения представителя российского социума пореформенного периода.

Литература

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 9. М., 1957. С. 162.
2. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895. С. 559–610.
3. *Гулярян А.Б.* Приближение к русской идее // Историческое обозрение. 2006. № 7. С. 81–104.
4. *Гуторов В.А.* Наследие Н.Я. Данилевского в свете современных Fascists studies // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 4. С. 307–312.
5. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С.А. Вайгачева. М., 1991.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб, 1895.
7. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1873 год // Гражданин: Газета-журнал политический и литературный. СПб., 1873.
8. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев // Избранное. М., 1993.
9. *Погодин М.П.* Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856): документально-художественная литература. М., 1874.
10. *Соловьев В.С.* Национальный вопрос в России. Вып. первый / В.С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 104–207.
11. *Страхов Н.Н.* Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1895. С. IX–XXXI.
12. *Хренов Н.А.* Предшественники П.А. Сорокина: Н.Я. Данилевский и его теория культурно-исторических типов // Наследие. 2017. № 1 (10). С. 6–25.
13. *Шиповский М.В.* Евразийство: трансформация концептуальных подходов // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2 (7). С. 59–63.

Аннотация. Статья посвящена анализу прогностической составляющей книги Н.Я. Данилевского «Россия и Европа». В ней анализируются размышления автора о прошлом, настоящем и будущем России, на основании чего вычленяются два образа будущего России: позитивный, связанный с формированием славянского культурно-исторического типа, и негативный, описывающий трагические последствия подражательства европейской культуре. В статье обращается внимание на особенности конкретных картин будущего России, их зависимость от социальных процессов, свидетелем и участником которых был Данилевский. Сопоставление биографических сведений, значимых событий в истории страны, пришедшихся на жизнь Данилевского и представителей его поколения, позволяет сделать выводы о факторах, влияющих на формирование индивидуального образа будущего.

Ключевые слова: Данилевский, культурно-исторический тип, образ будущего, будущее России, факторы формирования образа будущего.

Inga V. Zheltikova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Orel State University named after I.S. Turgenev. E-mail: inga.zheltikova@gmail.com

From the Present to the Future: N.Ya. Danilevsky's Image of the Future of Russia*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the prognostic component of N.Ya. Danilevsky's book «Russia and Europe». The article analyzes Danilevsky's reflections on the past, present and future of Russia. Two images of Russia's future are identified – positive and negative. The positive image of the future is associated with the formation of the Slavic cultural and historical type. The negative image describes the tragic consequences of imitating European culture. The author of the article examines the features of the specific pictures of Russia's future and their dependence on social processes, which Danilevsky witnessed and participated in. Comparison of biographical information and significant events in the history of the country that occurred in the time of Danilevsky and his generation, allows us to draw conclusions about the factors that affect the formation of the future individual image.

Keywords: Danilevsky, Cultural and Historical Type, Image of the Future, the Future of Russia, Factors of the Image of the Future Forming.

* The research made with the financial support of RFBR, scientific project #18-011-00256A.

Русская философия и российская политика

Панмонголизм! Хоть имя дико, но мне ласкает слух оно.

Вл. Соловьев

Воля к власти и воля к истине

Для начала напомним общеизвестное: познание осуществляется путем отнесения к иному – образцовому или чужому. В этом плане не избежать сравнительных сопоставлений. Для русской культуры нормативными образцами издавна служат (в предельном обобщении) Восток и Запад.

В историческом плане, Восток – родина мировых монотеистических религий. В первую очередь это касается иудаизма и ислама, единый Бог которых – это Абсолют, творящий мир из ничего. Выражаясь в терминах теории культуры, это религиозная классика, где творчество совпадает с творением, слово – с делом, онтологическая горизонталь – с мистической вертикалью. Согласно формуле Спинозы, Бог мыслит вещами. Дело человека и народа в таком хронотопе – исполнение закона (613 заповедей Моисея, шариат и т.п.).

Появление христианства на пространстве восточной классики означало переход к своего рода религиозному «модерну», где Абсолют в лице Бога-Сына нисходит в мир с целью спасения твари. Нисходя с неба на самое дно падшего бытия, Христос нарушает тем самым все формальные границы между «верхом» и «низом» мироздания (жертвенный кенозис). Восток в целом этой жертвы не понял и не принял (распятие Христа), Европа же приняла христианство в рационально-юридической форме римского католицизма. По целому ряду признаков – строгая правовая кодификация, папоцезаризм, схоластика и др. – католическая церковь фактически стала продолжением «Первого Рима». В определенном смысле это было сохранение Востока на Западе – классический абсолютистский тип религиозности продолжал свое действие внутри самого европейского христианства («тяжелый» романский стиль, жесткая вертикаль готики).

Собственная история Запада как духовной и цивилизационной реальности начинается только с XV века, когда эпоха Ренессанса обозначила собой движение от теоцентризма к антропоцентризму. В отличие от Востока, постренессансный Запад свел вечность ко времени, онтологические ценности – к инструментальным, соборность – к индивидуализму. Бесспорным достижением европейской цивилизации стал суверенный индивид как субъект права и культуры, однако утрата таким субъектом субстанционального (классического) духовного содержания привела его к опасным экзистенциальным опытам со свободой, вплоть до союза с Мефистофелем (Фауст). Прав был Ницше: для новой Европы Бог умер.

Набрав колоссальную производительную динамику, современный Запад переживает завершение проекта модерн – постмодерн. В содержательном плане его характе-

ризует исчерпание абсолютизированной свободы, оказавшейся в религиозной пустоте. В культуре это ведет к ликвидации граней между действительным и возможным, то есть к господству чистой мнимости (знаки без предметов, спекулятивная экономика, «общество спектакля»). Западная философия (как и западная политика) XIX–XX веков в целом перестала быть *христианским* усилением человеческого духа.

Христианство обращается к любви и вере человека в небесного Отца, предполагающей отречение твари – в том числе и интеллектуальное – от своей мнимой самости. В отличие от восточного пантеизма («Бог и я – одно»), от ветхозаветного законничества («я исполняю правила Бога»), от оккультного гностицизма («я познал Бога») или от языческой магии («я управляю Богом») христианский символ веры полагает отношение Любящего к любимому как их самоотдачу (кенозис) друг другу. В плане культуры это означает, что человеческий ум-гений плодоносит только в присутствии Высшего, причем сам гений признаёт этого Высшего и преклоняется перед ним (принцип классики). В противном случае культура вырождается в человекобожество (гуманистический модерн), а затем и в старческую постмодернистскую «игру в бисер». Таков, к сожалению, результат западного опыта совершенной умственной свободы.

Западный модерн интеллектуально убил Бога, превратив философию в умственное царство самодостаточного человека. Что касается постмодерна, то он убил и человека, переместив философское мышление в пустое пространство «трансиндивидуальных устройств», будь то концептуальная власть mass-media или любой другой «дисциплинарной машины» цивилизации. По существу, здесь нечего делать собственно философии, ибо здесь не осталось *человека*, – носитель мысли распался на фрагменты, функции, эпифеномены, симулякры, ризомы, трансгрессии, семиозисы... Если называть вещи своими именами, Запад опустил бессмертное в смертное, а смертное в мертвое. «Самообнованное сознание», «чистый» феномен, «желание желания» – таковы роковые уровни снижения (редукции) образа человека как источника, критерия и цели познания в западной культуре.

Здесь, вообще говоря, и кончилась европейская философия – на позиции субъектоскопикатора, для которого последней мыслимой реальностью является он сам (в той или другой модификации). Начав со схоластики, европейский человекобог заканчивает свой путь словесными играми – бесконечным узором «означающих» без «означаемых», знаков без предметов. Постмодернистская философия (вторая половина XX века) ни о какой «истине» уже не заикается. Основным ее занятием стало *само говорение (письмо)* – семиотическая практика как таковая, нечто вроде шаманского камлания. Если Маркс, Ницше и Фрейд указали на зависимость истины от расположения человека в бытии (и тем самым предъявили очередные права на свои, новые истины взамен отвергнутого ratio), то постмодерн принципиально не высказывает никаких онтологических, гносеологических, эстетических и тем более религиозных истин. Он *вообще ничего не высказывает*: когда сказать по существу нечего, остается говорить о говорении, писать о письме – ситуация Нарцисса, ловящего в зеркале ускользающее отражение, да и то без особой охоты. Утвержденный исключительно на своем Я западный человек стал не нужен Богу, не интересен он такой и самому себе.

Закономерным следствием подобной философской теории стало отрицание какой-либо истины и в области социально-политической практики. «Открытое общество», «либеральная демократия», «плюрализм мнений и оценок» – иными словами, всё, чем так гордится Запад в плане своего общественно-политического устройства, – на самом деле есть бегство от единой мировоззренческой (и тем более религиозной) истины как слишком принудительной, «тоталитарной». Истина в том, что истин много – вот последнее слово Запада на уровне философской политики и политической философии. Философия Новой Европы и

Америки покинула Дух и сама оказалась покинутой Духом. Ее стратегии в XXI веке направлены на сакрализацию человека и достижение им успеха (успеха, богатства, власти) на этой земле: конструкция прогрессирующего «грешного рая». Такой проект является – и не может не являться – великой утопией: экологический предел природы (ресурсов на всех не хватит) и нравственный коллапс культуры, не различающей больше верх и низ, правду и кривду, серьезное и смешное, мужское и женское, полет и падение, жизнь и смерть, Бога и сатану. Ключевые тенденции постмодерна, будучи продолжены в будущее хотя бы еще на сто лет, грозят смертью всему человечеству. Дальнейшая прогрессивная динамика Запада возможна только за счет глобального информационного, а затем и функционального подчинения всего не-Запада стратегиям «открытого общества», что крайне опасно для всего мира.

Верующий разум

Итак, на Западе воля к истине фактически уступила место воле к власти. Из современных христианских (и постхристианских) стран только в России этот поистине судьбоносный вопрос все еще подвешен «на весах Иова» – свидетельством тому пять русских революций за одно XX столетие. Человека – и прежде всего его мысль – нельзя отделять от Бога – такова сверхзадача русской философии. Фундаментальный принцип нашей философии есть принцип верующего разума. Утверждая себя именно как ум, то есть как рефлексивное (различающее себя и свое отношение к бытию) мышление человека, русский ум в то же время хочет оставаться частью православной души, направленной к Богу как держателю всего сущего. Иными словами, русская философия со времени своего возникновения и по сегодняшний день сопротивляется картезианско-кантовскому трансцендентальному соблазну – сводить (редуцировать) мир к человеку или даже выводить мир из него.

Первые восемьсот лет своей христианской истории Русь-Россия прожила вовсе без философии (во всяком случае, без того, что теперь принято называть философией на Западе). Древняя Русь дала великую храмовую архитектуру, гениальную иконопись, замечательную христианскую литературу – но философии *par excellence* она не знала. Некоторые наблюдатели даже нарекли за это русскую культуру культурой великого молчания. Конечно, тут сказалось влияние православного исихазма, согласно которому о Сверхсущем лучше молчать, чем говорить («слово – серебро, а молчание – золото»). В богословии, как известно, это называется *апофатикой*: Бог не есть *что-нибудь* в бытии, он выше бытия, он Творец бытия. Вместе с тем исток русского христианского мышления не сводится к апофатике. Всевышний дарит себя людям через откровение Бога-Сына. Единство любовного нисхождения (кенозиса) Бога и экзистенциального восхождения (молитвы) человека явлено в «Троице» Андрея Рублева, о которой недаром сказано: «если существует “Троица”, следовательно, есть Бог» (о. Павел Флоренский).

Что касается философского представления данной проблематики, то она особенно трудна для рассудочного (формально-логического) анализа, поскольку *ratio* по природе своей недоверчиво, критично и антропоцентрично. Проще говоря, чтобы *рационально помыслить Бога, надо сначала поставить его под сомнение* – вот где начало расхождения философии и веры. Как говорит антихрист в «Трех разговорах» Вл. Соловьева, «я и Христа признаю, но это Я признаю его». Рационально-юридическая установка европейского мышления и всей западной культуры не смогла в этом пункте превзойти свою гордыню, то есть отвергнуть себя как высшую смысловую инстанцию (свое самообоснование, свои формально непреложные «права человека») – но это сделало мышление православно-русское.

Для верующего разума невозможен не только картезианский дискурс о «боге-обманщике» – для него немислим *человекомир* без богомира. Именно по этой причине

Русь не породила своего кантианства и ницшеанства. «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона (середина XI века) содержит в себе великолепные образцы интеллектуальной диалектики, но это диалектика именно верующего разума, опирающаяся на единосущие мира во Христе, а не на судебную тяжбу суверенного *cogito* с далеким и вообще гипотетическим демиургом. Почти тысячелетие после Крещения Руси наша национальная мысль упрямо сопротивлялась отделению философии от богословия. Локализовать Бога в недрах тварного человеческого Я и потом разглядывать его в оптике объекта для субъекта, то есть в виде «трансцендентального феномена», было бы для русского сознания кощунством. В начале русского философского акта всегда присутствует сокрушающая любые искусственные перегородки онтологическая мощь личного Абсолюта. Современный православный философ С.С. Хоружий называет такой подход энергичным дискурсом русской философии, в отличие от эссенциалистского мышления Европы. Истина вообще не есть суждение: она есть качество положенного Богом бытия, соотношенное с подобным же качеством постигающей его человеческой мысли и воли. Истина (она же благо и красота) в конечном счете есть не «что», а «Кто».

Идея и политика

Пожалуй, наиболее рельефно указанная позиция русского мышления – и именно в области политической философии – предстает в трудах Владимира Сергеевича Соловьева «Русская идея», «Великий спор и христианская политика», «Три разговора». В литературе принято делить творчество Соловьева на три периода: славянофильский, теократический и апокалипсический. Мне думается, не следует так резко отделять указанные периоды друг от друга и тем противопоставлять «среднего» Соловьева Соловьеву «раннему» и «позднему».

Суть дела заключается в том, что даже в эпоху резкой полемики с почвенниками (1880-е годы, время написания «Национального вопроса в России») Владимир Соловьев оставался православным мыслителем, задача которого заключалась в защите вселенского христианства, а вовсе не в подчинении Москвы Риму, царя – папе, как о том иногда пишут. Суровая оценка его деятельности со стороны таких людей, как К.П. Победоносцев, обусловлена расхождением скорее политического, чем вероисповедного порядка. В своей написанной по-французски статье «Русская идея» (1888) Соловьев совершенно четко говорит, что «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности». И далее раскрывает эту думу Бога о России: «Не добро быть человеку единому. То же можно сказать и о всякой нации. Девятьсот лет тому назад мы были крещены Святым Владимиром во имя Животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего Крещения. Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех главных органических единств, Церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ Божественной Троицы – вот в чем русская идея» [1, с. 245]. Если и заслуживает Соловьев упрека, то в прямом, непосредственном перенесении Божественного порядка на порядок истории, – нет и не может быть таких средств на земле, которые бы соответствовали «окончательному осуществлению социальной троицы». Однако стремиться к этому надо – тут Соловьев прав.

Как известно, В.С. Соловьев начал свой духовный путь как последователь «старших» славянофилов. В работе «Три силы» (1877) он ясно формулирует русскую задачу

в мире – служить примиряющим, объединяющим началом Единства и Множественности, Востока и Запада, бесчеловечного бога и безбожного человека. «Высшая сила, которую русский народ должен провести в человечество, есть сила не от мира сего, и внешнее богатство и порядок относительно ее не имеет никакого значения. Великое историческое призвание России, от которого только получают значение и ее ближайшие задачи, есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова. Когда воля и ум людей вступят в действительное общение с вечно и истинно существующим, тогда только получают свое положительное значение и цену все частные формы и элементы жизни и знания – все они будут необходимыми органами или посредствами одного живого целого. Их противоречие и вражда, основанная на исключительном самоутверждении каждого, необходимо исчезнет, как только все вместе свободно подчинится одному общему началу и средоточению. Когда наступит час обнаружения для России ее исторического призвания, никто не может сказать, но все показывает, что этот час близок, даже несмотря на то, что в русском обществе не существует почти никакого действительного сознания своей высшей задачи. Но великие внешние события обыкновенно предшествуют великим пробуждениям общественного сознания. Так, даже Крымская война, совершенно бесплодная в политическом отношении, однако повлияла на сознание нашего общества. Отрицательному результату этой войны соответствовал и отрицательный характер пробужденного ею сознания. Должно надеяться, что готовящаяся великая борьба [Балканский поход 1877–1878 годов – А.К.] послужит могущественным толчком для пробуждения *положительного сознания* русского народа. А до тех пор мы, имеющие несчастье принадлежать к русской интеллигенции, которая вместо образа и подобия Божия все еще продолжает носить образ и подобие обезьяны, – мы должны же, наконец, увидеть свое жалкое положение, должны постараться восстановить в себе русский народный характер, перестать творить кумира из всякой узкой ничтожной идейки, должны стать равнодушнее к ограниченным интересам этой жизни, свободно и разумно уверовать в другую, высшую действительность. Конечно, эта вера не зависит от одного желания, но нельзя также думать, что она есть чистая случайность или прямо падает с неба. Эта вера есть необходимый результат внутреннего душевного процесса – процесса решительного освобождения от той житейской дряни, которая наполняет наше сердце, и от той мнимой научной школьной дряни, которая наполняет нашу голову. Ибо отрицание низшего содержания есть тем самым утверждение высшего, и, изгоняя из своей души ложных божков и кумиров, мы тем самым вводим в нее истинное Божество» [2, с. 31].

Если бы Соловьев целиком остался на данной позиции, его имя было бы золотыми буквами вписано в историю русской православной мысли. К сожалению, в погоне за своим абстрактным (гегелевского типа) Всеединством он часто склонен был искать теософский синтез «всего со всем»; логическая стройность дискурса порой приобретала у него самодостаточный вид. Георгий Флоровский сказал о Соловьеве строгие слова: «Этот философ искал церковного синтеза нецерковными средствами» [3, с. 316]. Применительно к экклезиологии (учению о Церкви) это верно, но вот применительно к историософии России Соловьев всегда оставался на стороне Православия – и тогда, когда он писал о ложных божках интеллигенции, и тогда, когда говорил о русском расколе.

Что касается его трактовки национального вопроса в России, то отношение Соловьева к нему было отношением человека, который настолько высоко ставит свой народ, что зовет его к соборному преодолению родового (биологического) эгоизма. В предисловии ко второму изданию сборника «Национальный вопрос в России» он прямо утверждал, что «национальный вопрос для многих народов есть вопрос об их существовании. В России такого вопроса быть не может. Тысячелетнюю историческую работу создавалась Россия как единая, независимая и великая держава. Это есть дело сделанное, никакому вопросу

не подлежащее. Но чем прочнее существует Россия, тем настоятельнее является вопрос: для чего и во имя чего она существует? Дело идет не о материальном факте, а об идеальной цели. Национальный вопрос в России есть вопрос не о существовании, а о достойном существовании» [4, с. 260.].

Выше мы уже видели, в чем находил Владимир Соловьев достойную России национальную цель, – не в какой-либо частной задаче (форме), а в *историческом воссоздании на земле образа Пресвятой Троицы через единство Церкви, Державы и Народа*. Собственно, в постановке такой задачи Соловьев не отличался ни от Киреевского с Хомяковым, ни от Достоевского с Леонтьевым. Различие начиналось лишь в способах ее решения. В.С. Соловьева заботила Русь именно как мировая посредница между «отвлеченными началами» – экономики и политики, нравственности и искусства, личности и державы. «Каким ты хочешь быть Востоком – Востоком Ксеркса или Христа?» – спрашивал этот поэт-философ. С течением времени, однако, когда достижимость мировой «свободной теократии» становилась для него все более отдаленной, а на передний план истории все яснее выступало антихристианское зло, Соловьев указал для России зло в образе *панмонголизма*:

От вод малайских до Алтая
Вожди с восточных островов
У стен поникшего Китая
Собрали тьмы своих полков.

Как саранча, неисчислимы
И ненасытны, как она,
Нездешней силою хранимы,
Идут на север племена.

О Русь! забудь былую славу:
Орел двуглавый сокрушен,
И желтым детям на забаву
Даны клочки твоих знамен.

Смирится в трепете и страхе,
Кто мог завет любви забыть...
И третий Рим лежит во прахе,
А уж четвертому не быть.

Можно сказать, что в этом стихотворении мы имеем одно из гениальных эсхатологических прозрений Соловьева. Чуть ранее о китайском нашествии, которым будут пожраны «распустившиеся в европейской буржуазии» народы, писал К.Н. Леонтьев. Позднее с теми же мотивами выступили Д. Мережковский и А. Белый, у которых эта тема разрастается впоследствии до чудовищного слияния дальнего Востока с дальним Западом, Японии и Китая – с Америкой.

За год до смерти Соловьев пишет свои знаменитые «Три разговора» с «Краткой повестью об антихристе», где предрекает период мировых катастроф и войн, от которых людей на некоторое время избавит человек гениального ума и безукоризненной нравственности – это и будет антихрист. Буржуазная Европа, *содрогнувшаяся перед «метафизической китайщиной», от которой ее придет спасать лжехристос*, – такое будущее видится теперь Соловьеву. К чести философа следует отметить, что первым узнает и обличает антихриста на всемирном Соборе старец Иоанн – представитель Православия. Как бы то ни было, Святой Руси уготована теперь дорога очистительной жертвы, на которой

она должна искупить свои и мировые грехи: падет гордый Третий Рим (петербургский «парадиз»), и смирится в трепете и страхе всякий забывший Христа.

Закончить этот краткий анализ русской политической идеи по Соловьеву мне хотелось бы цитатой из его последней работы – «По поводу последних событий» (1900): «Особенно сильное предчувствие наступающей монгольской грозы испытано мной осенью 1894 года (если память не обманывает, 1-го октября) на финляндском озере Сайме <...> Да и теперь, когда все заметили, многие ли по первым ударам оценили весь объем и всю силу уже наступившей, уже разразившейся беды? <...> Кто, в самом деле, уразумел, что старого нет больше и не помянется, что прежняя история взаправду кончилась? <...> Что сцена всеобщей истории страшно выросла за последнее время и теперь почти совпала с целым земным шаром – это факт <...>

Что современное человечество есть больной старик и что всемирная история внутренне кончилась – это была любимая мысль моего отца, и когда я, по молодости лет, ее оспаривал, говоря о новых исторических силах, которые могут еще выступить на всемирную сцену, то отец обыкновенно с жаром подхватывал: «Да в том-то и дело, говорю тебе – когда умирал древний мир, было кому его сменить, было кому продолжать делать историю: германцы, славяне. А теперь где ты новые народы отыщешь? Те островитяне, что ли, которые Кука съели? Так они, должно быть, уже давно от водки и дурной болезни вымерли, как и краснокожие американцы. Или негры нас обновят?..» Какое яркое подтверждение своему продуманному и проверенному взгляду нашел бы покойный историк теперь, когда вместо воображаемых новых, молодых народов нежданно занял историческую сцену сам дедушка-Кронос в виде ветхого деньгами китайца, и конец истории сошелся с ее началом! Историческая драма сыграна, и остался один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов» [5, с. 432].

Сегодня, через сто лет после этих тревожных предсказаний автора «Трех разговоров», мы можем воочию наблюдать, что их актуальность не только не уменьшилась, но увеличилась с течением времени. Всемирный «панмонголизм» («китайщина», она же «американщина») – это пошлейший нигилизм и безразличный к истине мировоззренческий и практический позитивизм, быстро заволакивающий своей смертельной пеленой духовную жизнь людей и целых народов. На современном языке это называется глобализацией – управляемая «интеррелигия», спекулятивная экономика, постмодернистское искусство, виртуальный секс. Если Третий Рим – православная Россия – действительно падет во прах, то история христианства на земле закончится.

Вся система соловьевских категорий и образов – это символы (философские и поэтические) таинственного присутствия Божьего в самых разных уголках мироздания, в любых «частицах бытия». «Дух дышет, где хочет», и никто не имеет права окончательно закрывать ему доступ туда или сюда. По-своему прав был Н.А. Бердяев, говоря, что символисты верили больше в Софию, чем в Христа [6]. Но тогда надо вычеркнуть из Библии слова Премудрости Божией, которая говорит о себе: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий своих, искони... Тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время» (Притч. 8: 22–30). Тогда надо разрушить Софийские соборы Новгорода и Киева. Тогда и пушкинский «гений чистой красоты» может показаться чем-то языческим...

Бесспорно, что София в качестве «четвертого лица» христианской Троицы – это ересь¹. Но София как отблеск небесного сияния в земной юдоли – это реальность, доступная богословскому, философскому и художественному умозрению. Сотворенная Богом

¹ Характерно, что софианство как богословскую концепцию осудили в 1930-х годах обе ветви Русской Православной церкви – и Московский патриархат, и зарубежная иерархия.

вселенная – это не мертвое чудище, а любимое его дитя. Учение о душе мира содержится в патристической литературе – например, у Феофана Затворника, трактующего о тварной невещественной творческой силе, строящей мир по божественному произволению. То же самое относится и к когнициям «нового религиозного сознания» – тому же Бердяеву с его «смыслом творчества», Л.П. Карсавину с его «симфонической личностью», С.Л. Франку с его «непостижимым». Все они были *философскими символистами*, разделяя в этом плане господствующие интеллектуально-художественные установки русского духа. Однако в целом можно сказать, что русский философский модернизм не удался – он все равно остался скорее с Богом, чем с его противником. Дело не в том, в частности, что «выводы философии В. Соловьева предвосхитили почти весь инструментарий немецкой феноменологии» [см. об этом 7, с. 228] (не так уж велика заслуга) – дело в самом единстве веры, мысли и любви этого «рыцаря-монаха» (А. Блок).

Итак, русская философия – это часть «большого» национального текста, написанного на русском языке. Философия дает отечественной культуре адекватное самосознание, верное понимание собственной религии, государственности и политики. Иоанновская душа России не дерзала вызывать Бога на поединок, как это сделала гордая фаустовская душа Запада. В некотором смысле Россия осталась у-богой: «эти бедные селенья, эта скудная природа...». Взамен она получила дар умозрения, способность замечать духовный свет в бытии. Для того чтобы осознать их, нужна была иная, не-западная философия, которая выстраивала бы свою понятийную сеть как разумное выражение православной веры. Русская цивилизация всегда строилась не по удобству, а по правде в ее соборном понимании – как раз в этом и состоит ее сила. Даже ум с его формальной («эвклидовской») логикой не слишком высоко почитается на Святой Руси – Иван-Царевич ведь не случайно является поначалу как Иванушка-Дурачок. «Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение. Горе вам, пресыщенные ныне! Ибо взалчете. Горе вам, смеющиеся ныне! Ибо восплачете и возрыдаете (Лк. 6: 23–24) – вот чего сознательно и бессознательно держится Россия на всем протяжении своей истории – при царях, при коммунистах и при демократах.

Вместе с тем, как показывает история, православно-русская цивилизация обладает достаточно прочной структурой, воспроизводя ее заново после каждого исторического погрома. Так было в смуту XVII века, после петровских реформ, после 1917 года. Так происходит и сегодня. Переворот 1991–1993 годов и даже распад СССР не вылился в «цветную» революцию в России, оставшейся в собственном цивилизационном пространстве-времени, не променяв его на периферию чужого ценностного хронотопа. Вряд ли мы ошибемся, если отметим медленное, противоречивое, с зигзагами и отступлениями, но все же движение современной России в сторону восстановления своего статуса цивилизации-субъекта мирового процесса, обладающего духовным, культурным, политическим и экономическим суверенитетом. Место России – не между Востоком и Западом (так она может попасть – и уже попадала – между двух жерновов), а в их творческом синтезе, в преодолении их односторонностей.

Как самобытная евразийская цивилизация Россия никогда не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Ни тот, ни другой не признают ее подлинно своей. Ориентализация России («византийский» Киев, «татарская» Москва) оказалась столь же поверхностной, как и ее последующая вестернизация (петровские и советские реформы). В отличие от Востока, русская христианская классика изначально включала в себя творческую активность личной воли (православный храм и икона есть взаимораскрытие Бога и человека, а не подчинение одного другому). Вместе с тем, в отличие от Запада, религиозная свобода личности на Руси никогда не доходила до культа автономного индивида, оставаясь, так или иначе, в рамках соборного целого (царство, империя, коммуна).

Строительство Санкт-Петербурга не отменило соборного начала национальной культуры – наоборот, оно утвердило светскую ипостась православия как дело персональ-

ного избрания (Пушкин, Достоевский, Соловьев и др.). Восточное рабство у Абсолюта или западное соперничество с ним – не русское занятие. Европейская свобода пережила ряд смертей – смерть Бога, смерть человека, смерть автора. Восточная душа по существу не знала религиозной свободы, заменяя его ритуалом. Противоречие между «тайной» свободой, восточной волей и западной формой – это движущая сила нашей истории. До сих пор Россия успешно проходила испытания Востоком и Западом: в конечном счете они только укрепляли ее внутренний смысловой код. Привлекая к себе лучшее из Азии и Европы, Россия не переставала быть самой собой. Это во многом делает ее страной будущего, способной сохранить мир для человека и человека для Бога.

Литература

1. Соловьев В.С. Русская идея / В.С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 2.
2. Соловьев В.С. Три силы / В.С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
3. Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Париж, 1981.
4. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России / В.С. Соловьев // Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1.
5. Соловьев В.С. По поводу последних событий / В.С. Соловьев // Избр. произведения. М., 2001.
6. Бердяев Н.А. Русский соблазн // Типы религиозной мысли в России. Париж. 1989.
7. Хоружий С.С. Опыт из русской духовной традиции. М., 2005.

Аннотация. статья посвящена принципиальным различиям между фундаментальными основаниями западной, восточной и русской философии. Если в философии Востока Бог воспринимается как Абсолют, а дело человека и народов – исполнение Его законов, то в философии Запада ее последовательная рационализация ведет к восприятию Бога извне, отвлеченно, со стороны суверенного индивида, что в ходе определенной эволюции ведет к отказу от целостности мировоззрения – «истина в том, что истин много». Русская философия воспринимает мир в единстве веры, мысли и любви, что можно описать как принцип верующего разума. Благодаря этой соборной целостности она получила дар умозрения, способность замечать духовный свет в бытии. Человека, и прежде всего его мысль, нельзя отделять от Бога – данная установка делает Россию страной будущего, способной сохранить мир для человека и человека для Бога.

Ключевые слова: В.С. Соловьев, русская философия, верующий разум, модерн, постмодерн.

Alexander L. Kazin, Doctor of Philosophy, Professor, Acting Director, Russian Institute of Art History. .
E-mail: alkazin@yandex.ru

Russian Philosophy and the Policy of Russia

Abstract. The article is devoted to the fundamental differences in the basic grounds of the Western, Eastern and Russian philosophy. When in the philosophy of the East God is perceived as the Absolute and the task of man and people is to follow His laws, the philosophy of the West adheres to consistent rationalization, which in its turn leads to the perception of God "from the outside" and notionally by an independent individual and in the course of certain evolution results in the rejection of the integral world view- "the truth is that there are many variants of truth". Russian philosophy interprets the world as the unity of faith, thought and love that can be described as the principle of the believing mind. Due to this conciliar integrity this philosophy has the gift of speculation and the possibility to see spiritual light in the objective reality. It's not possible to separate man, and especially his thought, from God, and this postulate makes Russia the land of future, which can preserve the world for the man, and the man for God.

Keywords: V.S. Soloviev, Russian Philosophy, Believing Mind, the Modern, the Post-Modern.

Российская культура как альтернатива глобальной и европейской континентальной культуре в контексте цивилизационного подхода и явлений «идеология» и «постидеология»

Процессы глобализации мирового тела культуры затрагивают все более глубокие сферы общественной жизни: экономические, политические, наукоемкие, культурные и иные процессы. Несмотря на включение в общую сферу деятельности представителей различных культур, их корпоративные, общенаучные и профессиональные этические установки не лишены внутренних противоречий, связанных с особенностью национальных культур, а также исторического опыта их взаимодействия. Поэтому актуальными остаются темы гармонизации культур для эффективного взаимодействия в рамках мультикультурной повестки и поиска основ различий и сходства, возможностей параллельного становления в цивилизационной повестке. В данной статье предлагаются результаты исследования ценностных оснований российской и глобальной культуры, связь этих ценностей с культурным кодом, идеологией и таким явлением, как постидеология.

Современное состояние понимания содержания феномена «идеология» переполнило чашу классического толкования своего понятия и претендует при должном синтезе своих разрозненных частей на выделение в самостоятельный феномен, который в философии получил имя «постидеология». Постидеологическая повестка в современной философии стала активно актуализироваться, несмотря на разнородность трактовок самого феномена – от идеи закономерного перехода к постидеологии [18] до описания ее как искусственного конструкта [15] и синтеза этих двух концепций [16]. Попытаемся определить онтологический статус феномена «постидеология» и рассмотрим его связь с понятием «культурный код».

Прежде чем приступить к непосредственному разбору заявленной темы статьи, необходимо отметить, что общепринятого определения культурного кода в научной и философской среде нет. Это связано с «культурной» частью данного понятия, так как определения культуры разнятся и множатся, что уже давно стало нерешаемой проблемой философии культуры и культурологии. Единственное, что мы можем себе позволить при выборе объекта исследования, – ограничиться средствами изучения такого явления, как культурный код.

Основными методологическими приемами для определения ценностных оснований российской и глобальной культуры, их культурного кода и его связи с идеологией и постидеологией были диалектическая логика, системный и цивилизационный подходы, принцип историзма и компаративистский анализ. Диалектическая логика и системный подход использовались для систематизации ценностей и установок той или иной культуры, для поиска наиболее глубоких из них, которые, на наш взгляд, и являются культурным кодом, а также для снятия ряда противоречий путем выявления их существенных

Скипин Николай Сергеевич, директор Челябинской региональной общественной организации содействия философским исследованиям «Философская мастерская». E-mail: phobosophy@gmail.com

компонентов и диалектического синтеза последних. Компаративистский анализ и принцип историзма использовались при описании феномена «постидеология», выявления его причин и возможного пути развития на примерах исследований коллег различных школ. Цивилизационный подход использовался при анализе ценностных оснований культурного кода – гео-историко-культурных объектов.

Прежде чем перейти непосредственно к культурному коду, необходимо проанализировать собственно идеологию и постидеологию. Это следует сделать для обоснования положения, что конфликт культур является конфликтом идеологий, а в современности – постидеологическим противоречием. В этом смысле собственно культурный код будет являться тем основанием, на котором надстраиваются сначала идеология, а затем постидеология. Но обо всем в свою очередь.

Понимая идеологию как ложное сознание (*false consciousness*) [14, p. 451], Энгельс раскрывает только классовую (политическую) природу этого явления, что ограничивает функционал идеологии до метода снятия с повестки вопроса о классовом угнетении, эксплуатации и господства одного класса над другим. Идеология становится политическим инструментом, который подменяет цели эксплуатируемого класса на те, которые экономически выгодны классу эксплуататоров. Эксплуатируемый осознает ложные установки как свои, его бытие согласуется с ними, но все же эти установки ложные, следовательно, и сознание, принимающее их за свои, является ложным, а идеология поддерживает этот процесс воспроизводства и распространения ложного сознания. Таким образом, эксплуатирующий класс является как носителем, так и создателем идеологии, а эксплуатируемый – только носителем и «воспроизводителем», реализующим идеологические установки. В этой логике идеология исторически существовала задолго до того, как была сформулирована в качестве термина.

Но Энгельс опускает тот факт, что, выделяя «буржуазную» идеологию, называя ее ложным сознанием, он сам становится идеологом «коммунистической» (социалистической) идеологии. И в этом смысле, с точки зрения конструкции, основанной на схеме «тезис – антитезис – синтез», коммунистическая идеология становится «отрицающей» собственно идеологию, которая ассоциирована с «буржуазной». По сути, объявляя буржуазную идеологию «ложным сознанием», Энгельс делает первую интуитивную попытку представить всеевропейскую постидеологию. Но само понятие «идеология» оказалось намного объемнее, чем представлял себе классик марксизма.

Первую попытку описать идеологию, как «систему ценностей и идей, которая принимается большинством общества» и выражается идеологами «в форме идеологических учений и доктрин» [3, с. 14] можно увидеть у Платона в «Мифе о пещере», где одни люди были прикованы и обращены спиной к свету, проникающему в пещеру, а другие носили разную утварь, демонстрируя заключенным тени от этой утвари на пещерной стене, чтобы прикованные принимали тени за единственно реальные объекты [7]. Смысл «мира теней» здесь выступает идеологией для людей в оковах, а люди с утварью создают и поддерживают эту идеологию. Но важно понимать, что те ценности, которые задают идеологи для «прикованных», являются производными от ценностей идеологов, а значит ценностное ядро той идеологии для каждой из этих групп едино, однородно. Здесь Платон рассматривает идеологию несколько шире, чем классики марксизма, демонстрируя ее связь практически со всеми сферами общественного бытия, но об этом чуть позже.

Сама идеология (политическая) поддерживается культурой, но отношения культуры и идеологии как общекультурной доминанты крайне сложны и запутаны. Тот факт, что идеология выстраивается на основаниях той или иной национальной культуры и одновременно меняет эти основания, является противоречивым, но вполне четко описывает взаимоотношение этих понятий. Идеология как нечто «дополняющее» или «подменяю-

щее» действительность не может существовать без оснований. Этими основаниями для нее являются ценности [8], сформированные историческим опытом той или иной культуры (и здесь мы под культурой подразумеваем культурно-исторический тип).

Постидеология более противоречивый и сложный феномен. Она не так тесно связана с национальной культурой, являясь единственной реальностью, объясняющей мир, оставаясь при этом «ложным сознанием». И здесь снова уместно вспомнить Платона, который предлагает свою модель идеального государства, где философы знают о государственном устройстве чуть больше, чем все остальные классы [7]. Данный пример описывает постидеологический мир, где установки идеологии «вышли из-под контроля» идеолога, и стали жить самостоятельно.

В ситуации постидеологии мы видим «смерть идеолога», так как он более не нужен самому феномену, не является его атрибутом. Но постидеология – это не симулякр, она все же опирается на объективные основания, и субъектом теперь выступает не идеолог, а сама национальная культура. Как отмечает Эрик Свингедоу, когда либеральная идеология перешла на «метауровень», такие ценности как космополитизм и гуманизм стали не политическими, а «нормальными», или, точнее говоря, естественными. При этом лишение их «политического» клише создает ситуацию, при которой с ними невозможно не согласиться [17]. В данном случае те ценности, которые являются «очевидными» и естественными, стали таковыми благодаря идеологии (в данном случае либеральной), то есть «ложному сознанию», но сама идеология не может противоречить ценностям рассматриваемого культурно-исторического типа. Это показывает, что ценности не являются «ложными». Здесь необходимо вспомнить о противоречии, которое в диалектической трактовке дает нам понимание источников саморазвития идеологии, а именно то, что идеология выстраивается на основаниях той или иной национальной культуры, одновременно меняя эти основания. Характерная для глобальной культуры либеральная идеология стоит на глубинных основаниях, которые учитывались при ее создании. Эти основания и являются культурным кодом, который из глубины истории культуры, на заре становления Западного мира (а глобальная культура является логическим продолжением «западной» англо-американской культуры) дал те ценности и установки, которые в нашем XXI веке стали «нормальными», естественными и «очевидными». Культурный код, то есть ценности и установки рассматриваемой культуры, был сохранен при переходе от древней культуры (в те времена, когда мы не могли называть человека политическим существом) к идеологической (политической) и сохраняется при переходе от идеологической к постидеологической (постполитической). Постидеология сохраняет эти установки, этот культурный код как естественные права, естественный порядок, вне которого невозможно находиться. И глобальная культура, которая является продолжением развития «западной» (англо-американской) культуры, основана на ценностях, выраженных в либеральной идеологии.

Рассматривая возможность гармонизации культур для эффективного (мирного) их взаимодействия, мы в обязательном порядке должны находить максимально близкие естественные ценности и установки, то есть культурный код, который и может их объединить. Но для этого, на наш взгляд, необходимо соблюдение еще одного условия: должен иметься общий позитивный исторический опыт, плодотворные культурные взаимодействия и общие идеологические установки, формирующиеся при наличии предыдущих двух условий. И здесь видится еще одно противоречие между глобальной (англо-американской) и отечественной культурой, так как исторический опыт и взаимодействия между этими двумя культурно-историческими типами проходили в основном не в дружественном ключе. При этом континентально-европейская культура во всех отношениях является посредником между отечественной и западной.

Как же нам выйти на культурный код, каким образом он открывается? Для ответа на вопрос обратимся к трактованию языка Юрием Лотманом, где код представляется искусственно организуемой системой, имеющей процедурную функцию. Говоря, что «язык – это код плюс его история» [5, с. 15], Лотман показывает, что элементы кода, его слагающие, являются сотворенным конструктом, не имеющим истории и, следовательно, «только что» введенным в язык [4, с. 13], но эта конструкция оформляет историю – определенные действия и события, которые рассматриваются в контексте определенных ценностей. Язык при этом является системой вполне естественной и самоорганизующейся. В этом противоречии, где искусственный элемент является значительной частью естественной системы, решение находится во взаимодействии элементов «культурный код» и «история».

Исторический опыт, или историю, мы будем рассматривать как определенные ситуации, которые выпадают на долю определенного общества (культурно-исторического типа) и с которыми сталкиваются непосредственно носители национальной культуры и создатели культурного кода. Согласно закону вызова и ответа Арнольда Тойнби, культура необходимо отвечает на происходящую ситуацию определенным действием, которое одновременно характеризует и «старые» ценности, и этические установки (так как ситуация ограничена предпосылками, действиями на предыдущие ситуации, что составляет «преемственную часть» любой культуры – традиции) и проявляет «новые» ценности и этические установки (так как ситуация – это то, с чем культура еще не сталкивалась и потому не имеет четкого алгоритма действий). Действие в данном случае есть кристаллизация обновленной культуры – процесс, естественным образом фиксирующий в языке. И если при этом действие требует лишь различные социальные группы определенных благ, то здесь и проявляется идеология, которая тоже выражается в языковой форме.

Во-первых, язык фиксирует ситуацию, ответ на которую необходимо реализовать. Не обнаружив ситуацию в языке, обнаружить ее в принципе невозможно. Во-вторых, язык фиксирует собственно действие, иначе этот алгоритм не реализуется, а идеология, обновившаяся и расширившая свое влияние, определяет быт сообщества. Об этом же в работе «Слова и вещи» пишет Мишель Фуко: «Основополагающие коды любой культуры, управляющие языком, определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых он будет ориентироваться» [11, с. 37]. Существуют ценности, моральные и ценностные установки, которые остаются неизменными из ситуации в ситуацию. Мы полагаем, что они-то и являются кодом изучаемой культуры. И здесь возникает потребность в выявлении этих ценностей именно в языке.

Важно отметить, что ситуации в меньшей степени, чем действия, позволяют идентифицировать культурный код, но при этом понятие «действие» задает формы организации познавательного процесса, потому действие определено ситуацией [9, с. 91]. Следовательно, культурный код можно искать не только через анализ языка, но и через предложение ситуаций носителям культуры и определенного их языкового действия на эти ситуации. Мысль о том, что носитель культурного кода ограничен ситуацией, высказывали и другие исследователи. Например, Владимир Петрунин и Денис Андреев отмечают, что «национальные культурные традиции... задают контекст (фрейм) для принятия индивидуальных решений и тем самым определяют (сужают) спектр доступных для исполнения подпрограмм» [6].

Культурно-исторические типы иногда сталкиваются с одной «ситуацией» в силу различных обстоятельств (общий внешний вызов, взаимовывоз, общность предпосылок, и пр.) и могут предложить различные или сходные действия на них, зафиксированные в языке. Здесь нас интересуют не реальные исторические события и реакция политических деятелей, а действительные ответы на важные онтологические, экзистенциальные, политические, религиозные и иные философские вопросы, ответы на которые естественным образом зафиксированы в языке и имеют понятное содержание для носителей той или иной культуры. Изучение и результаты этих особенностей культуры мышления мы ставим

в один ряд с социологической частью исследования, так как социологический опрос и его результаты обнажают ту часть культурного кода, которая в силу исторического момента актуальна здесь и теперь. Философский анализ позволяет проникнуть несколько глубже благодаря тому, что те интеллектуальные действия, которые совершают носители культурного кода, сопряжены с самой культурой мышления, ограниченной языком, и, следовательно, эти действия обнаруживают как актуальный, так и потенциальный культурный код, спящий в глубине культуры, но важно находиться в современном контексте.

Актуальность поиска именно российского культурного кода, противопоставление отечественной культуры культуре европейской обосновывал еще Николай Бердяев в «Судьбе России»: «Из этого безвыходного круга есть только один выход: раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией, имманентное пробуждение мужественного, светоносного сознания» [1, с. 19] и собственно открыватель культурно-исторических типов – Николай Данилевский: «Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, что ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны» [2, с. 633].

Для определения (обозначения пределов) культурного кода необходимо разобраться с тем, чей культурный код будет рассматриваться. Выявление гео-историко-культурных объектов – это отправная точка в работах Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, С. Хантингтона и других исследователей локальных цивилизаций. Данилевский выделяет культурно-исторические типы на основании деятельности [2], Шпенглер – на основании «души» [13], Тойнби – на основании религии и территории [10], Хантингтон – на основании истории, культуры и религии [12]. Каждое из оснований, выделяемых предложенными авторами, имеет под собой ценности и моральные установки, которые выражаются в деятельности, душе, культуре и религии. Поэтому, на наш взгляд, выделение гео-историко-культурных объектов, или, проще говоря, культур стоит делать по признаку общности происхождения (истории) и ценностям, которые содержатся в культурном коде. И чем ближе к современности «момент расхождения» тех или иных государств и национальностей, тем больше у них совпадений по культурному коду.

В настоящей работе предлагается рабочая гипотеза, которая в дальнейших исследованиях будет подкрепляться эмпирическими данными (социологическим и политологическим исследованиями). Как мы говорили раньше, культурный код находится в основании идеологий, а постидеология делает идеологические моральные установки естественными. Таким образом, рассматриваемые культуры мы разделим по идеологическому принципу: либеральные ценности – глобальная (англо-американская) культура, социалистические – европейская континентальная культура, консервативные – отечественная культура. Выделение именно этих культур с именно этими ценностными ориентациями обусловлено современной политической культурой тех государств, которые входят в эти гео-историко-культурные объекты (см. табл. 1).

По нашей гипотезе, гео-историко-культурные объекты (культуры, цивилизации, культурно-исторические типы) имеют свои готовые действия на вполне определенные ситуации, и эти действия определили развитие политических и общенациональных идеологий, которые, перейдя в стадию постидеологии, стали культууроформирующими акторами. Небольшой анализ этих действий позволяет заключить, что культуры – отечественная, европейская континентальная и глобальная – несводимы друг к другу и находятся в противоречии. При этом европейская континентальная по своим действиям и характеристикам несколько ближе к отечественной, чем глобальная.

В заключение отметим несколько важных моментов.

Таблица 1

Сравнение гео-историко-культурных объектов

Признак	Глобальная культура (либерализм)	Европейская континентальная культура (социализм)	Российская культура (консерватизм)
Гражданские права	Элитаризм – неравенство	Эгалитаризм – равенство	Иерархичность – неравенство между группами
Управление	Автономия – самоорганизация и личный выбор	Делегация – самоорганизация и коллективный выбор	Патернализм – внешнее управление, административное подчинение
Свой/чужой	Мультикультурализм – сохранение и развитие культурных различий	Интернационализм – дружба народов на основании политики и идеологии	Национальная культура – создание и поддержание единой национальной идентичности
Личность/коллектив	Индивидуализм – первостепенное значение личности, личной независимости	Коллективизм – главенство интересов общества над интересами личности, приоритет общественного блага над личным	Соборность – духовное единение людей одной культуры, общение в братстве и любви со строгой иерархией
Другой/иной	Толерантность – терпимость к иному рода взглядам, нравам, привычкам	Солидарность меньшинствам – нетерпимость к любым проявлениям угнетения, и поддержка меньшинств и угнетенных	Интолерантность – нетерпимость к нетрадиционным взглядам, нравам, привычкам
Границы морали	Закон равной свободы – каждый человек волен делать то, что желает, если не нарушает при этом равную свободу любого другого человека	Классовая теория – общественный класс вырабатывает свою систему моральных норм или ценностей, которые зависят от классовых интересов	Нравственный абсолютизм – моральные установки неизменны, и от этих установок человек не может быть освобожден

Во-первых, идеология как феномен завершила этап своего становления и, возможно пока незаметно для широких общественных масс, уступила место новому феномену, который называется «постидеология». От идеологии ее отличает главным образом то, что постидеология делает ряд ценностей и моральных установок самоочевидными, выключая их из политической повестки, и в этом смысле поднимает на поверхность находящийся в глубине тела культуры культурный код, попутно «убивая» идеолога.

Во-вторых, культурный код является архаичной частью нашего общества, возможно, даже атрибутом общественных отношений, так как определенные ценностные ориентации и моральные нормы появились до их политизации (идеологизации). И это может свидетельствовать о том, что культуры имели несколько очагов, что различные общества вышли не из одной «колыбели», как и предполагали представители цивилизационного подхода.

В-третьих, культурный код является достаточно устойчивой и консервативной структурой, которая смогла перешагнуть в будущее не «умерев», как идеолог, который однажды сам «убил» дополитический строй первобытной коммуны.

В-четвертых, история идеологии (и утверждение в той или иной культуре), точнее, этапов ее становления, связана с набором уникальных ситуаций, с которыми сталкивалось исследуемое общество. Ответом на эти ситуации были действия, согласующиеся с культурным кодом, обнажающие его в этот критический момент существования исследуемого общества.

В-пятых, исследование ценностей позволяет разделять современные культуры по идеологическому основанию, что зафиксировано в гипотезе и отражено в табл. 1.

В-шестых, для подтверждения или опровержения гипотезы необходимо большое социологическое и политологическое исследование. Также планируется сделать и философское исследование с анализом соответствующих источников тех или иных культур на предмет поиска культурного кода.

Литература

1. Бердяев Н. Судьба России. М.: Мысль, 1990. 208 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа М.: ДеЛиБри, 2015. 768 с.
3. Кочетков А.П., Кочетков А.А. Нужна ли России идеология в XXI веке? М.: Ин-октаво, 2004. 212 с.
4. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992.
5. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб., 2000.
6. Петрунин Ю.Ю., Андреев Д.С. Программы поведения как основа управления современными экономическими системами // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2008. № 3. С. 38–53.
7. Платон. Государство. Кн. 5–7. М.: АСТ, 2016.
8. Селезнева А.В. Ценностные основания политических идеологий: Политико-психологический анализ // Политическая наука. 2017. Спец. вып. С. 365–384.
9. Скипин Н.С., Ваганов М.Г. Предмет «философия» в школах как проявление глобальной культуры // Современное образование: опыт прошлого – взгляд в будущее: Материалы научно-практической конференции: 21 апреля 2018 г. Челябинск, 2018.
10. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Прогресс-Культура; СПб.: Ювента, 1996. 480 с.
11. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук: пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977.
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций: пер. с англ. Т. Велимеева. М., 2007.
13. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX века: Антология. М., 1995.
14. Engels Friedrich. Letter to F. Mehring // Marx Karl and Engels Friedrich. Selected Works: in 2 v. Vol. II. М.: Foreign Languages Publishing House, 1949.
15. Freedon Michael. Confronting the chimera of a 'post-ideological' age. Oxford: Centre for Political Ideologies Department of Politics and International Relations University of Oxford, 2004. 36 p.
16. Schwarzmantel John. Ideology and Politics. London: Sage, 2008. 50 p.
17. Swyngedouw Erik. The Sustainable Development Paradox: Urban Political Economy in the United States and Europe / R. Krueger, E. Gibbs (eds.). London: Guildford Press, 2007. P. 13–40 (20).
18. Zizek Slavoj. Ideology in a post-ideological era // Notater från föredraget. 2009. 22 p

Аннотация. В статье предлагается небольшой анализ трех культур (глобальной (англо-американской), европейской континентальной и российской) в контексте цивилизационного подхода и таких феноменов как идеология (общенациональная) и постидеология. Дается анализ метаморфозы идеологии в постидеологию, а также их привязка к понятию «культурный код». Объясняется, каким образом при переходе от идеологии к постидеологии происходит «поднятие из глубины культуры» неизменных с дополитических времен ценностей, которые и являются культурным кодом. Объясняется, почему при превращении идеологии в постидеологию происходит «смерть идеолога» и некоторые ценности и права становятся «естественными». Показаны различия между тремя рассматриваемыми культурами на примере некоторых признаков-ценностей и промежуточное (буферное) состояние европейской континентальной культуры для глобальной и российской культуры. Изучение «культурного кода» предлагается делать социологическими и политологическими инструментами, а также философским анализом текстов. Проявление культурного кода связывается с ответными действиями его носителей на внешний вызов – ситуацию.

Ключевые слова: культура, культурный код, идеология, постидеология, ситуация, действие.

Nikolay S. Skipin, Director, Chelyabinsk Regional Public Organization for the Promotion of Philosophical Research “Philosophical Workshop”. E-mail: phobosophy@gmail.com

Russian Culture as Alternative to Global and European Continental Culture in the Context of the Civilizational Approach and “Ideology” and “Post-ideology” Phenomena

Abstract. The article offers a concise analysis of three cultures (global (Anglo-American), European continental and Russian) in the context of the civilizational approach and such phenomena as ideology (national-wide) and post-ideology. The author gives the analysis of the metamorphosis of ideology into post-ideology, as well as their connection to the concept of “cultural code”. He explains how in the course of the transition from ideology to post-ideology, there happens the “rise from the depths of culture” of the values that have not changed since pre-political times, and constitute the cultural code. He also explains why, when ideology is transformed into post-ideology, the “death of the ideologue” occurs and some values and rights become “natural”. The differences between the three cultures under consideration are shown by the example of some traits-values, and the intermediate (buffer) state of the European continental culture in relation to the global and Russian culture. The author suggests to study the “cultural code” using sociological and political science tools, as well as philosophical analysis of texts. The manifestation of the cultural code is associated with the response of its carriers to an external challenge - a situation.

Keywords: Culture, Cultural Code, Ideology, Post-ideology, Situation, Action.

Данилевский: территория памяти

{ Раздел четвертый }

А.Ю. Полунов
*«Старые культурные азиатские государства»:
восприятие евразийского пространства русскими общественными
деятелями и публицистами в конце XIX – начале XX века*

С.В. Зеленин
Данилевский в Вологде

С.Н. Киселев
Память о Н.Я. Данилевском в Крыму

А.В. Журавель
*«Дело... о дворянстве рода Данилевских»:
даты рождения и тайны происхождения*

О.Н. Данилевская, И.Р. Данильченко, О.В. Тэнни
Жизнь Н.Я. Данилевского. Биографический очерк

В.Ю. Даренский
Н.Я. Данилевский как художественный критик

«Старые культурные азиатские государства»: восприятие евразийского пространства русскими общественными деятелями и публицистами в конце XIX – начале XX века

С того момента, как центр тяжести российской внешней политики начал смещаться на восток (конец 1880-х – начало 1890-х годов), общественная мысль активно обсуждала вопрос о том, в каких регионах Азии в первую очередь должны разворачиваться внешнеполитические начинания России. Итог этим дискуссиям уже после крушения империи, в эмиграции попыталась подвести группа ученых и публицистов, известная как «евразийцы». Представители данного течения полагали, что естественной, исторически обусловленной сферой деятельности России – наследницы империи Чингисхана – являлась полоса равнин и плоскогорий, пересекавших евразийский континент в его центральной части с востока на запад, а также регионы к северу от нее. Государства, располагавшиеся южнее, – прежде всего Персия и Китай – не должны были входить в область влияния России, так как отличались слишком выраженной культурной спецификой, препятствовавшей их включению в состав евразийского единства [1, с. 40, 45]. Между тем в тот период, когда началось осмысление причин и целей поворота России на восток, именно эти, по выражению Н.С. Трубецкого, «старые культурные азиатские государства» привлекали повышенное внимание русской общественности.

Интерес к духовным, культурным контактам с населением Персии (прежде всего ее северной части) был вызван стремлением проживавшей здесь древней христианской общины – ассирийцев, исповедовавших несторианский вариант христианства, – сблизиться с Россией и ее церковью. С середины XIX века различные группы ассирийцев (или, как тогда говорили, «сиро-халдеев») изъявляли желание принять православие. К концу столетия русские власти откликнулись на эти призывы, и в 1898 году в Петербурге один из высших несторианских иерархов – епископ Супурганский Мар-Йонан – присоединился к господствующей церкви России. Вслед за этим на север Персии в район г. Урмия, где проживало большое количество «сиро-халдеев», была направлена миссия, обратившая в православие значительную часть несториан [см. 2]. Для современников, размышлявших об исторических судьбах России и ее внешнеполитическом предназначении, тяготение далекой христианской общины к северным братьям явилось свидетельством внутреннего духовного сродства отдаленных народов с «империей царей». Этот мотив постоянно звучал в описаниях деятельности русской миссии в Урмии. «Несторианский <sic> народ... встретил наших миссионеров как своего рода ангелов-благовестников, буквально носил их на руках, не отходил от их дверей», выражая горячее желание «броситься в объятия православных москочев», – писал профессор Санкт-Петербургской духовной академии А.П. Лопухин, один из активных сторонников сближения России с ассирийцами [3, с. 5]. Русский консул в Тавризе А.А. Петров свидетельствовал, что масса народа в Урмии «встречала

Полунов Александр Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, Заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: polunov@sps.msu.ru

православных священнослужителей с неопишуемым восторгом и энтузиазмом» [4, л. 15]. В дальнейшем представление о ярко выраженном тяготении «сиро-халдеев» к северному соседу и внутреннем сродстве с ним прочно вошло в сознание официальных кругов. «У всех их, – писал в 1910 году о еще остававшихся вне православия несторианах консул в г. Ване С.П. Олферьев, – замечается склонность к России и православной церкви». По словам дипломата, ассирийцы уважали «империю царей», так как считали ее истинной носительницей заветов древней (неразделенной) церкви. Кроме того, победы России над мусульманами способствовали укреплению взгляда на нее «как на страну истинного христианства, могущества и богатства» [5, л. 18–18 об.].

Внимание русских общественных и правительственных кругов к ассирийцам определялось еще и тем, что этой общине, как представлялось, было суждено оказать содействие продвижению России на восток – тенденции, развитие которой явно обозначилось в 1890-х годах. «Мы видим, – писал Лопухин, – как даже на наших глазах какая-то непреодолимая сила все шире раскрывает пред нашим отечеством необъятные глубины далекого востока, как она все ближе приходит в соприкосновение с тем огромным человечеством, которое доселе оставалось в стороне от христианства, представляя собой неразрешимую загадку для истории. Кто знает, не настало ли теперь время для разрешения этой мировой загадки и не предназначено ли именно православною России разрешить ее?» [3, с. 26]. Расчет на то, что поддержка «сиро-халдеев» может в какой-то степени содействовать предприятиям «империи царей» в Азии, вдохновлялась памятью об активной миссионерской деятельности несториан в Средние (V–XIV) века, о той огромной роли, которую некогда могущественная несторианская церковь играла на обширных пространствах Евразии – от Сирии и Месопотамии до Монголии и Китая [см. 6, с. 76–85]. Последняя страна, как и Персия, занимала значительное место в размышлениях общественных деятелей, стремившихся в последние предреволюционные десятилетия обосновать поворот России на восток, выявить суть и значение этой тенденции.

О значении Китая для русской общественной мысли конца XIX века говорит уже тот факт, что внимание именно к этой стране стало стимулом для формирования «восточничества» – примечательного идейного течения, оказавшего в 1890-х годах заметное влияние на российскую внешнюю политику и ставшего одним из предшественников евразийства¹. В феврале 1893 года один из представителей «восточничества», чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел и лекарь тибетской медицины П.А. Бадмаев в записке, адресованной Александру III, предложил утвердить экономическое влияние России в Китае, проведя из российского Забайкалья ветку от строившейся Транссибирской магистрали в г. Ланчжоу (центр провинции Ганьсу). Необходимость и возможность продвижения в азиатскую страну Бадмаев обосновывал симпатией китайцев и проживающих рядом с ними народов – монголов, тибетцев, тюрков Синцзяна – к русскому монарху. «Народы Азии искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России, – утверждал тибетский лекарь. – Они относились и ныне относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы ему. Весь Восток симпатизирует России, и русского царя называют на Востоке как русские подданные-инородцы, так и чужеземцы белым царем-богатырем» [10, с. 58–59]².

¹ О восточничестве см. [7, с. 70–101; 8, с. 26–39; 9].

² Предложение Бадмаева о проведении железнодорожной ветки в г. Ланчжоу не было реализовано, но другой его проект – учреждение в Забайкалье торговой компании, призванной под видом коммерческой деятельности агитировать население Монголии и Северного Китая за присоединение к России – получил высочайшую поддержку. На его осуществление из казны было выделено 2 млн руб. Предприятие тибетского лекаря закончилось неудачей. Подробнее о Бадмаеве см. [11, 12].

Линию рассуждений Бадмаева продолжил еще один «восточник» – публицист, поэт и востоковед князь Э.Э. Ухтомский, сопровождавший в 1890–1891 годах цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) в его поездке по странам Азии и игравшего при нем вплоть до 1900 года роль главного консультанта по делам Востока. «Узы, соединяющие нашу часть Европы с Ирано-Тураном (а через него и с родственными им во многих чертах Индией, Небесной Империей) до того, так сказать, предвечны и прочны, что мы сами пока (как народ и государство) недостаточно понимаем их значение», – писал князь-публицист в одном из своих программных сочинений «К событиям в Китае». Россия, утверждал Ухтомский, вскоре должна проснуться «в качестве обновленного “восточного” мира, с которым не только у ближайших азиатов, а и у индуса, и у китайца в сущности есть и будет неизмеримо больше общих интересов и симпатий, чем с колонизаторами иного типа, выработанного европейской историей за последние четверть века» [13, с. 9].

По мнению востоковеда, именно Россия в конце XIX века должна была поддержать Китай в его борьбе против колониального натиска западных стран. Она выступала как единственная держава, «откуда воспитанная в принципах самодержавия страна богдыханов может и привыкла ждать нравственной опоры, бескорыстной помощи, фактического союза на почве взаимных интересов». Россия для Китая «своя, близкая, родная, не хищница вроде остальных, вдающихся в колониальную политику держав», – восклицал князь-публицист [13, с. 43, 48].

Ухтомский считал, что внутреннее духовное сродство России и китайцев прослеживалось на протяжении значительной части истории двух стран. Оно было настолько велико, что в середине XVII века Поднебесная империя вполне могла войти в состав Московского государства, если бы его в то время возглавляли люди, обладавшие обширным государственным кругозором. Вместо кочевников-маньчжуров, наносивших в то время удары по Поднебесной, в конечном счете захвативших власть над ней и основавших новую династию Цин, на престоле богдыханов вполне могли воссесть московские цари [14, с. 4–5, 58].

В целом указания на духовную близость России с Китаем красной нитью проходят через сочинения «восточников». Часто эти указания перекликались с заявлениями публицистов, выступавших за сближение России с христианскими общинами Северной Персии. Что же заставляло общественных деятелей конца XIX века уделять такое внимание «старым культурным государствам Азии», не вызывавшим особого интереса у евразийцев? Почему деятели этой эпохи были так убеждены в том, что народы данных государств подспудно тяготеют к России, обладают внутренним духовным сродством с ней? В чем заключались причины и смысл различий в позициях публицистов и мыслителей разных поколений?

Представляется, что различия эти определялись в первую очередь разным жизненным опытом, который был у деятелей конца XIX века и у евразийцев. Становление мировоззрения последних происходило в годы накануне Первой мировой войны и в период этого великого потрясения, поэтому в их рассуждениях гораздо более отчетливо, чем у предшественников, звучали прагматические мотивы, связанные с геополитическими и стратегическими соображениями. Разумеется, элементы прагматики присутствовали и в высказываниях деятелей предшествующих поколений. Но на образ их мышления сильно влияли «гуманитарные» импульсы, порожденные идеологиями, распространенными в XIX веке, – народничеством (в его консервативном варианте), представлениями об особой миссии России, обязывающей ее оказывать помощь угнетенным и притесняемым во всем мире. Самым ярким проявлением последнего умонастроения в 1850–1870-х годах было пользовавшееся огромной популярностью в России движение в поддержку балканских славян [см. 15]. Даже после того, как в 1880-х годах это движение утратило былое влияние, порожденные им стереотипы мышления продолжали действовать, прилагались к новым

этническим группам – в том числе к отдаленным азиатским народам. Одним из них и стали христиане Северной Персии, воспринимавшиеся как некий аналог славян в силу того, что подвергались гонениям и боролись за сохранение своей культуры¹.

Отношение к ассирийцам в первую очередь как к жертвам, нуждающимся в поддержке, звучало и в декларациях общественных деятелей, и в официальных документах. «Подавленные железным игом магометан и брошенные на произвол безжалостной враждебности свирепых и жестких курдских вождей, Ассирийцы равнин живут в самом плачевном положении», в то время как их укрывшиеся в горах соплеменники обрели относительную безопасность «ценой полнейшей отчужденности от всех цивилизующих влияний», – говорилось в издании о несторианах, выпущенном по распоряжению Святейшего Синода [16, с. 6]. «Кругом царит буйный, кровожадный ислам, а все другие христианские народы где-то далеко от него, и до недавнего времени забыли о самом его существовании», – дополнял картину бедственного положения ассирийского народа Лопухин [3, с. 19]. «Вы увидите, как они бедствуют и вызывают о помощи», – писал упоминавшемуся выше консулу Петрову обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев об урмийских несторианах накануне их присоединения к православию. – Желательно было бы по возможности воздействовать на Персидские власти, дабы защитить этих несчастных от преследований» [17, л. 21 об.].

Многомиллионный китайский народ, обладавший собственным, древнейшим в мире государством, казалось бы, разительно отличался от сравнительно небольшой общины персидских христиан, страдавших под властью иноверцев. Однако и он к концу XIX века все чаще оказывался в роли жертвы, нуждавшейся в защите, – в данном случае, как отмечалось выше, от колониального натиска западных держав. «Западная Европа пробила страшнейшую брешь в идеально рассматриваемой Великой стене: кто и что спасет Китай как целое от распада и чужого ига? Мне думается: только Россия!» – восклицал Ухтомский [13, с. 64]. «Монголо-тибето-китайский Восток ненавидит европейцев, но попадет в их руки поневоле; поэтому было бы неосновательно оставить эту богатейшую страну на произвол судьбы и поставить ее во враждебное к нам отношение», – утверждал Бадмаев в своей записке, адресованной Александру III [10, с. 74]. Симпатии «восточников» к странам Азии (Китаю и близкой к нему во многих отношениях Индии) были подчас настолько значительны, что они напрямую приравнивали к ним Россию – памятуя, что высокомерная Европа никогда не считала восточную соседку до конца «своей» и зачастую помещала ее в ряды «азиатских варваров». «Наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индии) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны в материальном отношении, в совершенно равной мере заключают в себе залог обновленного будущего и уверенной борьбы за свои исконные права», – заявлял Ухтомский [13, с. 1].

Предполагаемая внутренняя близость России к Востоку была важна еще и потому, что в странах этого региона, по мнению публицистов конца XIX века, можно было обнаружить очаги первозданной простоты, исконного благочестия, традиционно-патриархального уклада, не затронутые вредоносным, с их точки зрения, воздействием европейской цивилизации. Поиск в отдаленных землях таких очагов отражал умонастроения, весьма широко распространенные во второй половине XIX века в консервативной среде. Сквозь призму подобных воззрений, в духе идеализации воспринималась, в частности, церковная жизнь

¹ По словам Лопухина, ассирийцы, «постоянно терпя всевозможные гонения, насилия и убийства и всякие оскорбления, забытые всем остальным христианским миром, однако сумели отстоять и свою веру и свою народность, и в этом отношении их не без основания сравнивают с доблестными сынами Черной Горы: как Черногория служила непреодолимым оплотом православия для славянского мира к западу от Царьграда, так католикос с своим народом послужил таким же оплотом христианства против всеокрушающей силы ислама к востоку от него» [3, с. 18–19].

ассирийцев. «В ней так много своеобразного, многие черты ее отзываются такой патриархальностью, напоминающей чисто библейские времена», – с одобрением писал Лопухин. Описывая положение главы ассирийской общины – патриарха-католика, – профессор столичной духовной академии особо подчеркивал, что этот иерарх «живет не в пышности... но в скромном достоинстве, высоко почитаемый всем народом». «При всей тяжести своего положения, – указывал Лопухин, – сирохалдейцы однако не ропщут на свою судьбу и с чисто детской верой и покорностью все предоставляют воле Небесного Отца и Царя... Новейшая европейская цивилизация еще не успела коснуться этого малодоступного уголка, и там народ живет в лоне природы» [18, с. 193, 197, 199, 201].

Качества, сходные с чертами характера жителей Северной Персии, обнаруживались также у китайцев и других этнических общностей Дальнего Востока. «Этот великий по труду и терпению народ, доведший до высшей степени высоты и простоты культ монарха и культ бессмертия достойных перед отечеством предков, – писал о китайцах Ухтомский, – наш лучший по уживчивости и удобнейший по консервативным качествам сосед» [13, с. 46–47]. Хотя народы Дальнего Востока не были христианами и на их обращение в православие (по крайней мере в обозримом будущем) рассчитывать не приходилось, – характерные для них благочестие, стремление ставить духовное выше материального, пусть и выражавшиеся в рамках нехристианских культов, заслуживали, с точки зрения князя-публициста, всемерного уважения. Более того, общение с народами Азии, еще не испытанными влияниями идущих с Запада тенденций материализма и секуляризма, могло в какой-то степени выступить для русских источником духовного обновления. «Соприкосновение с верующим Востоком, – утверждал Ухтомский, – неминуемо волеет в нас свежую, бодрящую струю и, без сомнения, уяснит нам многое в родных святынях, сближая с явлениями сверхъестественного порядка» [14, с. 73].

В целом «старые культурные государства Азии» в конце XIX – начале XX века часто оказывались связаны друг с другом и в идеологических построениях русских публицистов, и в начинаниях общественных деятелей, и в политике правительства. Неслучайно, видимо, один из активных «восточников», журналист С.Н. Сыромятников, оказался задействован в полуофициальных правительственных предприятиях и на Дальнем Востоке, и в Персии. Совершив в 1897–1898 годах по поручению властей две поездки фактически с разведывательными целями в Китай, Корею и Японию, он в 1900 году был командирован на берега Персидского залива для сбора информации, способной помочь проникновению русских товаров в этот регион [19]¹. В период Первой мировой войны в Северную Персию, находившуюся к тому времени фактически под протекторатом России, была направлена Забайкальская казачья бригада, что побудило современников вспомнить о существовавшем в Средние века евразийском единстве, связывавшем Дальний Восток и Центральную Азию. Так, публицисту и дипломату, консулу в Урмии В.П. Никитину бойцы Забайкальской дивизии – казаки и буряты – напомнили всадников хана Хулагу, пришедших в эти края в XIII веке. По наблюдению Никитина, проживавшие за тысячи километров от Урмии забайкальцы чувствовали себя в окрестностях этого города совершенно свободно, воспринимали их как родные места, в чем, по его мнению, сказывалось присущее обитателям евразийских пространств «свойство духа, как бы сжимающего громадные пространства через уподобление» [20, с. 98–99]². В повторении исторических событий дипломат усматривал проявление «таинственных ритмов Евразии», размышления о природе которых позволяли сделать вывод о сходстве политических структур, основ социальной организации и духов-

¹ Неофициальные поручения властей на Дальнем Востоке выполнял и Ухтомский, не ограничивавшийся, как Сыромятников и Бадмаев, лишь идеологическим обоснованием «восточничества». В 1897 и 1900 годах он был направлен в Китай как личный посланник царя [см. 7, с. 84–86].

² О В.П. Никитине см. [21]. В эмиграции бывший консул в Урмии примкнет к движению евразийцев.

ного склада обитателей разных регионов континента. Важнейшим компонентом подобных рассуждений было стремление осмыслить особенности государственной власти в России и странах Азии, в связи с чем в сферу внимания русских мыслителей, рассуждавших о целях и задачах российской внешней политики на Востоке, естественным образом попадал вопрос о русском самодержавии.

Если для евразийцев, чье творчество разворачивалось в период после крушения «старого порядка», данная проблема не имела ключевого значения, то для общественных деятелей и публицистов конца XIX века, размышлявших о восточной миссии России, она была принципиально важна – в силу того, что большинство данных деятелей в той или иной степени придерживались консервативных воззрений. Все авторы этого толка, писавшие о взаимоотношениях России с народами Азии, рассматривали самодержавие как особую, идеологически окрашенную систему власти, только благодаря наличию которой Россия и сможет выступить в качестве покровителя восточных «младших братьев». К концу XIX века, подчеркивал Лопухин, «стрелка истории показала, что после векового владычества ислама на востоке перевес стал явственно клониться в пользу Белого царя, а этот Белый царь – царь христианский, унаследовавший свое величие от великих царей некогда могущественной Византии! И вот с того времени, по мере того, как Россия все более приобретает значение на востоке, все более выступает со своей великой миссией освобождения христианских народов из-под векового ига ислама, и среди бедного, заброшенного в глубину исламизма сирохалдейского народа все более стала разгораться надежда, что авось Белый Царь вспомнит и о нем, и его также освободит наконец от тягостного ига неверных и примет под свою высокую отеческую руку» [3, с. 21].

«Угнетаемые чиновным миром маньчжурской династии, монголы естественно крепко держатся преданий, обещающих им лучшее будущее, и с нетерпением ждут наступления его», – писал Бадмаев о ближайших соседях китайцев, перечисляя распространенные на востоке легенды о Белом царе (предание о том, что из России явится белое знамя Чингисхана, восприятие буддистами русских монархов как перерождения богини Дара-эхэ и др.) [10, с. 57]. В принципе, по мнению консервативных авторов, все народы Востока взирали на властителей северной империи как на спасителей, наделяли их сверхъестественными свойствами, а русские подданные, осознав подобную роль своих монархов, должны были и внутри страны относиться с почтением и преданностью к их неограниченной власти. Помощи от Белого царя ждали жители всех регионов Азии, включая Дальний Восток, но у населения последнего отношение к царскому самодержавию отличалось выраженной спецификой. Осмысление этой специфики играло большую роль в контексте развития представлений о целях и задачах российской политики на Востоке, поэтому на данном вопросе следует остановиться особо.

По мнению Ухтомского и других «восточников», факт наличия в России самодержавия играл во взаимоотношениях с Китаем и близлежащими странами столь большую роль не только потому, что местные народы воспринимали северного монарха как защитника и покровителя. С точки зрения этих авторов, сам концепт неограниченной власти монарха, в обязанности которого непременно входила забота о подданных, был выработан именно в Поднебесной империи. Таким образом, Китай в значительной степени представал как родина той системы власти, которая, по мнению «восточников», являлась залогом политической самостоятельности и могущества России. Понятие «Белый царь», подчеркивал Ухтомский, искони входило в состав иероглифа «Хуан-ди», обозначающего титул императоров Поднебесной. Исключительно благодаря Азии и прежде всего Китаю, утверждал князь-публицист, «русское мировоззрение выработало образ христианского Самодержца, поставленного Провидением превыше суеты земной, среди сонмища иноверных, но сочувствующих ему народностей» [13, с. 64, 86].

Описывая свое *credo*, еще один «восточник», Сыромятников, утверждал, что он чувствовал свободу «в глинобитной хижине китайца, в деревянных домиках Японии, в горных деревьях Кореи, в черных шатрах бедуинов, в цинопочных шалашах индусов», но не видел ее «в толпах Лондона, Парижа, Берлина, Петербурга». По мнению Сыромятникова, разделявшемуся его единомышленниками, самодержавие было тем компонентом политического уклада России, который наиболее явственно отделял ее от западных стран и сближал с государствами Востока. Публицист утверждал, что принцип политических прав человека противоречит российским представлениям о власти, которая есть не привилегия, а ответственность, а участие в управлении должно рассматриваться как тяжкое бремя и долг. Сыромятников отвергал «насильственное укладывание русского народа в западную форму, все равно полицейского или парламентского государства», полагая, что «и за полицейской и за парламентской доктриной одинаково скрывается болезнь и омертвление духа» [19, с. 100, 102].

«Восток, – заявлял Ухтомский, – верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхъестественные свойства русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно, поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родной стариной: Самодержавием. Без него Азия не способна искренне полюбить Россию и безболезненно отождествиться с ней» [13, с. 86–87]. Будучи глубоко убеждены во внутреннем духовном сродстве России и азиатских народов, князь-публицист и его единомышленники, как отмечалось выше, энергично пропагандировали необходимость продвижения России на Восток, активно участвовали в этом продвижении в качестве деятелей неформальной дипломатии. Конец идеологизированным предприятиям на восточном направлении положило столкновение с Японией, закончившееся для России поражением и существенно ограничившее ее активность в Китае и сопредельных странах. Одновременно происходили серьезные внутривнутриполитические изменения. Власть русского монарха после революции 1905–1907 годов утратила прежний ореол и неограниченный характер. Во внутренней и внешней политике государства, формируемой отныне при участии созданного по западноевропейскому образцу парламента, усилились прагматические мотивы. Влияние данных факторов способствовало постепенному «выветриванию» из общественного сознания представлений, основанных на мифологизированном понимании взаимоотношений России и народов Азии. И тем не менее в начале XX века была предпринята еще одна попытка реализовать комплекс идей, сходный с построениями «восточников» и близких к ним публицистов. Пришлась она уже на период после падения монархии и совпала с завершающим этапом гражданской войны в России.

Речь идет о начинаниях барона Р.Ф. Унгерна-Штернберга, известного деятеля Белого движения, воевавшего в 1917–1921 годах на территории российского Забайкалья и Северной Монголии (Халхи). От других полководцев Белой армии Унгерн отличался тем, что не просто стремился подвести под свои действия определенную идеологическую базу, но и придавал в рамках этой идеологии особое значение восточным народам, их религии, умонастроениям и традициям государственности. Конечной целью борьбы Унгерна – твердого сторонника неограниченной царской власти – должно было стать создание паназиатской монархии от Тихого океана до Каспия, базой которой явился бы Китай как старейшая цивилизация человечества. Возглавить евразийскую державу должен был монарх из династии Цин, правившей в Китае до революции 1911 года. «Как погибает человечество на Западе под влиянием социалистических и анархических учений, – заявлял барон, – так воскресает человечество на Востоке, хранящее в своих сердцах священные устои монархизма... Свет идет с Востока, где не все еще люди испорчены Западом, где еще свято, в неизменном состоянии хранятся великие начала добра и чести, посланные людям самим Небом» [22, с. 388].

Народы Азии были для Унгерна, как и для многих русских мыслителей конца XIX века, главными носителями патриархальных ценностей – таких, как религиозность, смирение, беззаветная преданность правителю. В Азии сохранялись и истинные устои монархической власти, воплощением которых представало «соединение божества с человеческой властью, как были Богдыхан в Китае, Богдо-хан в Халхе и, в старые времена, русские Цари». Характеристика «правильной» монархии, сформулированная белым полководцем, в некоторых случаях довольно сильно напоминала построения «восточников». «Царь, – провозглашал барон, – должен быть первым демократом в государстве. Он должен стоять вне класса, должен быть равнодействующей между существующими в государстве классовыми группировками», должен опираться на аристократию и крестьянство, поскольку каждый из этих классов не сможет выжить без другого. «Единственно, кто может охранить правду, честь и обычаи, так жестоко попираемые нечестивыми людьми – революционерами, это цари. Только они могут охранить религию, возвысить веру на земле» [22, с. 385]¹.

Испытал ли Унгерн непосредственное влияние идеологии «восточничества», отзвуки которой довольно явно чувствуются в его рассуждениях? Говорить об этом с уверенностью нельзя, так как о молодых годах будущего военачальника – как и в целом о его биографии до начала Гражданской войны – сохранилось мало сведений. Тем не менее известно, что со времен отрочества, пришедшегося на конец 1890-х – начало 1900-х годов он интересовался философией, увлекался сочинениями Ф.М. Достоевского, испытывал интерес к странам Востока [23, с. 41, 66]. Вряд ли концепции «восточников», пользовавшиеся в это время довольно широкой популярностью в русском обществе, могли пройти мимо него незамеченными. Есть сведения, что подростком барон посещал дом Ухтомского в Петербурге и там знакомился с людьми, интересовавшимися странами Азии [22, с. 373]. Примечательно, что связь между Персией и Дальним Востоком, проявившаяся в предприятиях ряда деятелей начала XX века, отразилась и в биографии Унгерна. Начавший военную службу в Забайкальском казачьем войске, весной 1917 года после пребывания на Западном фронте он был переведен в Закавказье и включен в состав российского экспедиционного корпуса в Персии, располагавшегося у г. Урмии. Здесь барон некоторое время состоял инструктором при ополчении местных христиан – тех самых ассирийцев, судьба которых вызывала такой интерес в русском обществе 1890-х годов, – после чего отправился в хорошо знакомое ему Забайкалье. Уже в Персии у Унгерна родилась идея – использовать военные формирования азиатских народов для того, чтобы оказать моральное воздействие на разлагающуюся русскую армию [22, с. 71; 20, с. 95]. Впоследствии этот подход будет использован бароном на Дальнем Востоке.

По мнению современного биографа Унгерна Л.А. Юзюфевича, на складывание политической программы барона могли повлиять впечатления, полученные им при соприкосновении с жизнью населения Северной Персии и Дальнего Востока [20, с. 97]. В обоих регионах организация власти в местных традиционных общинах носила теократический характер. Управление сообществом ассирийцев сосредотачивалось в руках первоиерарха несторианской церкви – патриарха-католикоса – и епископов, располагавших фактически неограниченной властью не только в духовных, но и светских делах. На Дальнем Востоке

¹ Сходные мысли находим у Ухтомского. Китайский император, заявлял в 1900 году публицист, видит себя преемником «архаически настроенных правителей-самодержцев, у которых идеи о народном благе тесно обусловлены были возможностью их осуществлять и всему, нуждающемуся в помощи, ее оказывать... Цари Китая искони стояли так близко к толпе и зараз так недосягаемо далеко над ней, что однородность положения создалась и донныне сохранилась лишь в России». «Очевидно, не на конституционном Западе просветлели в сознании народов прототипы глашатаев истины и государей-самодержцев, в которых должна... жить и творить благо близкая к совершенству душа... В глазах целого миллиарда в известном смысле сознательно убежденных людей верховный правитель есть именно и только Помазанник Божий» [13, с. 52–53, 83].

во главе Халха-Монголии, ставшей для Унгерна театром военных действий, стоял глава местной буддийской церкви Богдо-гэгэн. После отделения этой страны от Китая в 1911 году он был объявлен одновременно и светским правителем, Богдо-ханом [24]. Возвращение светской власти Богдо-гэгэну, низложенному китайскими республиканцами в 1918 году, барон рассматривал как первый шаг к восстановлению династии Цин в Поднебесной империи, а затем и к созданию паназиатской монархии.

Вынашивая планы объединения разных стран и регионов Евразии под властью абсолютного правителя, Унгерн, как отмечалось выше, широко привлекал в находившиеся под его командованием воинские формирования представителей восточных народов. В составе возглавлявшейся им Азиатской дивизии, помимо русских, воевали монголы, буряты, татары, башкиры, тибетцы, японцы. Планируя восстановление династии Цин, барон создал в составе своей дивизии и китайский полк (позднее дивизион). Его эмблема, представлявшая собой «фантастическое соединение дракона с двуглавым орлом», должна была, по словам Л.А. Юзефовича, «символизировать единство судеб двух рухнувших, но подлежащих возрождению великих империй» [20, с. 381]. Однако время для реализации замыслов, восходивших к идеям «восточников» и других консерваторов конца XIX века, явно ушло. Это обстоятельство отразилось, в частности, в символическом совпадении дат. В июле 1920 года, когда Унгерн со своей Азиатской дивизией покинул российское Забайкалье и двинулся в Северную Монголию, в Петрограде умер один из основателей «восточничества» – Бадмаев. Другой яркий представитель этого течения, Ухтомский, скончался в ноябре 1921 года, всего на два месяца пережив Унгерна, плененного Красной Армией и расстрелянного в сентябре по приговору советского суда. А в августе того же года, когда барон, попытавшийся вторгнуться в теперь уже советское Забайкалье, отступал под ударами советских войск, на другом конце евразийского континента, в Болгарии, вышел сборник «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения», ставший своеобразным манифестом евразийства. Наступала эпоха новых идеологий, в чем-то опиравшихся на прежние идейные системы, но во многом и отличавшихся от них.

Литература

1. Трубецкой Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока / Н.С. Трубецкой // Наследие Чингисхана: Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. М.: Алгоритм; Эксмо, 2012.
2. Стефан (Садо), иеромонах. Русская православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. 1996. № 13. С. 73–112.
3. Лопухин А.П. Новое поприще для миссии Св<ятой> православной церкви: Несториане, или сирохалдейцы, их происхождение, история, теперешнее состояние и стремление к православию: Чтение на торжественном собрании С.-Петербургского Братства Пресвятой Богородицы 2 февраля 1898 г. СПб.: Типогр. А.П. Лопухина, 1898.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 67. Отд. 2. Ст. 3. Д. 54.
5. РГИА. Ф. 797. Оп. 79. Отд. 2. Ст. 3. Д. 501.
6. Кычанов Е.И. Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // Палестинский сборник. Вып. 26 (89). Л.: Наука, 1989.
7. Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М.: НЛО, 2009.
8. Межуев Б.В. Моделирование понятия «национальный интерес» на примере дальневосточной политики России конца XIX – начала XX в. // Полис. 1999. № 1.
9. Суворов В.В. Восточничество: Культурно-историческая концепция и имперская идеология. Саратов: Изд-во Саратовского гос. мед. ун-та, 2015.
10. За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева / под ред. В.П. Семенникова. Л.: Гос. изд-во, 1925.
11. Архангельский Г.В. Петр Бадмаев – знахарь, предприниматель и политик // Вопросы истории. 1998. № 2. С. 74–84.
12. Лукьянов И.В. Восточная политика России и П.А. Бадмаев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 111–126.
13. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1900.
14. Ухтомский Э.Э. Из области ламаизма: К походу англичан в Тибет. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1904.

15. *Мамонов А.В.* Самодержавие и «славянское движение» в России в 1875–1877 гг. // Отечественная история. 2004. № 3. С. 60–77.
16. Исторический очерк Восточной Сирийской церкви и учреждение миссии. СПб.: Синодальная типогр., 1897.
17. *Победоносцев К.П.* Письмо А.А. Петрову от 24 сентября 1897 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 67. Отд. 2. Ст. 3. Д. 54.
18. *Л.А. [Лопухин А.П.]* Католикос востока и его народ: Очерки из жизни сирохалдеев-несториан в Персии и Турции // Христианское чтение. 1898. № 8.
19. *Репников А.В.* С.Н. Сыромятников: штрихи к портрету // Интеллигенция и мир. 2010. № 3. С. 95–97.
20. *Юзефович Л.А.* Самодержец пустыни: барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил. М.: Ad Marginem, 2010.
21. *Сорокина М.Ю.* Василий Никитин: свидетельские показания в деле о русской эмиграции // Диаспора: новые материалы. Вып. 1. Париж: Athenaeum; СПб.: Феникс, 2001.
22. *Кузьмин С.Л.* История барона Унгерна: опыт реконструкции. М.: Т-во научных изданий КМК, 2011.
23. *Sunderland W.* The Baron's Cloak: A History of the Russian Empire in War and Revolution. Ithaca: Cornell University Press, 2014.
24. *Кузьмин С.Л.* Концепция великоханской власти и теократическая государственность Монголии в XX веке // Научный диалог. 2016. № 9 (57). С. 136–148.

Аннотация. В статье анализируется осмысление русскими общественными деятелями и публицистами причин и целей поворота российской внешней политики на Восток в конце XIX века. В эти годы складывалось представление об особой восточной миссии России, повлиявшее впоследствии на формирование идеологии евразийства. Вместе с тем идейные построения публицистов конца XIX века отличались значительным своеобразием. В отличие от евразийцев данные авторы уделяли особое внимание «старым культурным государствам Азии» – Персии и Китаю. Необходимость поддержки Поднебесной империи и христианских общин в Персии определялась, по мнению публицистов конца XIX века, лежащим на России долгом защиты слабых. Китай, кроме того, рассматривался как страна, в которой сложилась концепция самодержавия, чрезвычайно важная для России. В начале XX века идеи «восточников» и других публицистов, рассуждавших об особенностях миссии России в Азии, утратили прежнее влияние. Их отдаленным отзвуком стала программа известного деятеля Белого движения барона Р.Ф. Унгерна, выдвинувшего в годы гражданской войны задачу создания паназиатской монархии с опорой на Китай.

Ключевые слова: «восточничество», евразийство, геополитика, Персия, Китай, восточная миссия России, самодержавие, Э.Э. Ухтомский, П.А. Бадмаев, С.Н. Сыромятников, Р.Ф. Унгерн.

Alexander Yu. Polunov, PhD in History, Professor, Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University. E-mail: polunov@spa.msu.ru

“Old Civilized Asian States”: the Perception of Eurasian Space by Russian Public Figures and Publicists at the End of the 19th and Beginning of the 20th Centuries

Abstract. The article analyzes the issue of conceptualization by Russian public leaders and publicists of the causes and goals of the turn of Russian foreign policy to the East at the end of the 19th century. In those years there took shape the idea of specific eastern mission of Russia that influenced later the configuring of Eurasian ideology. At the same time the ideological constructions of the publicists at the end of the 19th century were rather peculiar. In contrast to the Eurasians those authors paid special attention to the “old civilized states in Asia”, like Persia and China. The necessity to support the Celestial Empire and the Christian communities in Persia was determined, according to those publicists, by Russia’s duty to protect the weak. Besides, China was viewed as the state with established autocracy concept that was very important for Russia. At the beginning of the 20th century the ideas of the “orientalists” and other publicists contemplating Russia’s special mission in Asia, lost their former influence. Their distant echo can be found in the program of the prominent White movement leader baron R.F. Ungern, who brought forward the idea of establishing a Pan-Asian monarchy relying on China during Civil War.

Keywords: Orientalism, Eurasianism, Geopolitics, Persia, China, Eastern Mission of Russia, Autocracy, E.E. Ukhtomsky, P.A. Badmaev, S.N. Syromyatnikov, R.F. Ungern.

Данилевский в Вологде

Имя Николая Яковлевича Данилевского известно каждому, кто интересуется русской философией. Автор книги «Россия и Европа» предвосхитил Шпенглера, Тойнби и других мыслителей в области цивилизационного подхода. Однако данное исследование посвящено не этому знаменитому труду, а одной из страниц биографии Николая Яковлевича. Дело в том, что в свое время он несколько лет жил в Вологде и отметился там своими научными работами. Было бы крайне интересно взглянуть на то, как именно очутился этот выдающийся мыслитель и ученый в нашем крае, чем там занимался и какие результаты это пребывание принесло. Данная тема уже является вполне исследованной и по ней существует ряд публикаций, в основном в вологодских печатных изданиях. Можно отметить публикации В.Я. Данильченко-Данилевской [1, 2], И. Рау [3], О.И. Шафрановой [4, 5], О.А. Наумовой [6], а также публикацию в областной общественно-политической газете «Премьер» [7]. На их основе попытаемся взглянуть на жизнь Николая Яковлевича в Вологде.

Николай Данилевский появился на свет 4/16 декабря 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии в дворянской семье. В 1842 году он окончил Царскосельский лицей, затем был вольным слушателем на факультете естественных наук в Санкт-Петербургском Императорском университете и занимался ботаникой, также получил историко-философское, филологическое и юридическое образование. Стоит отметить, что уже в пятнадцать лет он знал три иностранных языка (французский, английский и немецкий), а также латынь. Интерес к социалистическому учению Шарля Фурье привел его в кружок Михаила Петрашевского, в котором также принимал участие будущий великий русский писатель Федор Михайлович Достоевский. 11/23 декабря 1868 года по случаю выхода статьи «Россия и Европа» Достоевский писал из Флоренции Аполлону Майкову: «Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается широкий человек!» [8, с. 388]. Николай Страхов писал, что впервые увидел его в университетском коридоре: «Между студентами вдруг пронесся говор: “Данилевский, Данилевский” и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, что он говорит; ближайšie к нему задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения. Дело шло о бытии Божиим и о системе Фурье» [5]. Юрий Дойков пишет: «Биография его в некотором роде типична: от радикала к либералу или консерватору. <...> В то время Данилевский был атеистом и одним из троих в России лучшим экспертом по социализму. Два других – Н.А. Спешнев и К.И. Тинковский (Ставрогин в «Бесах» Достоевского). В его квартире на Васильевском

Зеленин Сергей Владимирович, магистр истории, краевед, историк, публицист (Вологда). E-mail: zeleninser@rambler.ru

острове дебатировали о Фурье, Сен-Симоне, французской революции» [9]. Также Данилевский читал работы Оуэна и Сен-Симона. Университет он окончил в 1847 году и получил степень кандидата, а затем сдал экзамен на магистра биологии, флоры и ботаники и получил эту ученую степень [10]. Однако 12 июня 1849 года, отправившись по направлению Вольного экономического общества для изучения черноземных районов России в сопровождении своего университетского друга Петра Петровича Семенова (будущий географ и исследователь Средней Азии Петр Семенов-Тянь-Шанский), Данилевский был арестован в Тульской губернии, в районе реки Красная Меча (ныне – Липецкая область) по делу петрашевцев (всего по нему проходило 252 человека)¹ и заключен в Петропавловскую крепость, где провел 111 дней. «На следствии он объяснил, что в последние годы надолго отлучался из Петербурга, и у Петрашевского не бывал. Кроме того, в записке он ясно изложил систему Фурье и показал, что она не содержит ничего революционного и противорелигиозного» [5]. В итоге Данилевский был отправлен в Вологду, в ссылку под секретный надзор без права выезда за пределы губернии. В заключении Николай Яковлевич стал читать Библию, к нему возвратилась религиозность его детства, а атеизм, приобретенный во время обучения в Лицее, был отвергнут.

В ноябре 1849 года Данилевский прибыл в Вологду и был принят на службу чиновником особых поручений в канцелярии губернатора, каковым тогда был тайный советник Степан Григорьевич Вальховский², а с 1851 года – генерал-майор Иван Васильевич Романус. Вице-губернатором был действительный статский советник Петр Александрович Замятнин. Должность предводителя губернского дворянства занимал вологодский помещик Павел Александрович Межаков. Он принадлежал к известному вологодскому дворянскому роду, ведущему начало от донского казачьего атамана Феофилакта (Филата) Васильевича Межакова, отметившегося во время событий Смутного времени. Сначала он поддерживал самозванцев, но в 1612 году решительно перешел на сторону Второго ополчения во главе с князем Дмитрием Пожарским и купцом Кузьмой Мининым.

Филат Межаков был одним из четырех казачьих атаманов, которые в решающий момент битвы за Москву 22 августа 1612 года оказали помощь русскому войску. В январе 1613 года в Москве для избрания нового царя собрался Земский собор, на который приехали представители всех сословий и социальных групп Русского государства. Присутствовал на соборе в числе нескольких донских казаков и Филат Межаков. На заседаниях шла активная политическая борьба самых разных боярских группировок, желавших посадить на престол своего ставленника. Были отвергнуты кандидатуры иностранцев – польского королевича Владислава и шведского принца Карла Филиппа. На престол претендовали представители знатных русских аристократических фамилий – князя Дмитрий Трубецкой, Федор Мстиславский, Василий Голицын, Иван Воротынский и Дмитрий Пожарский, но никто из них не набрал большинства голосов. И тут вновь на арене появляется Межаков. «В самый разгар борьбы партий какой-то дворянин из Галича, откуда производили первого самозванца, подал на соборе письменное мнение, в котором заявлял, что ближе всех по родству к прежним царям стоит М.Ф. Романов, а потому его и надобно выбрать в цари. Против Михаила были многие члены собора, хотя он давно считался кандидатом и на него указывал еще патриарх Гермоген, как на желательного преемника царя В. Шуйского. Письменное мнение галицкого городского дворянина раздражило многих. Раздались сердитые

¹ В других источниках отмечается, что привлечено было 123 человека, из которых осудили 22. К смертной казни приговорен 21 человек (среди них – Достоевский), но им казнь была заменена на ссылку [11, с. 20]. Один из приговоренных, поручик Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка Николай Петрович Григорьев, во время следствия сошел с ума, и исполнение приговора для него было отсрочено.

² Встречается также написание Волховский.

голоса: кто принес такое писание, откуда? В это время из рядов выборных выделился донской атаман и, подошедши к столу, также положил на него писание. “Какое это писание ты подал, атаман?” – спросил его кн. Д.М. Пожарский. “О природном царе Михаиле Федоровиче”, – отвечал атаман. Этот атаман будто бы и решил дело: “прочетше писание атаманское и бысть у всех согласен и единомыслен совет”, – как пишет один бытописатель. Михаила провозгласили царем» [12], – пишет историк Василий Ключевский. Этим атаманом и был Филат Межаков. За службу Отечеству ему было даровано поместье в Вологодском уезде – село Никольское (ныне – Никольское сельское поселение, Усть-Кубинский район, Вологодская область), ставшее вотчиной рода Межаковых.

«Усадьба Межаковых Никольское, расположенная в 3-х километрах от северной части Кубенского озера на берегу реки Уфтыги <...> известна как интересный памятник архитектуры и садово-паркового искусства 70–80-ых годов XVIII века, возможно, работы Ринальди. Внушительных размеров трехэтажный дом довольно простой формы, с большим круглым бельведером, имел по бокам две круглые башни и две полубашни. Интересный вестибюль с колоннами и 41 комната с лепными потолками, прекрасным узорным паркетом из палисандрового, красного и черного дерева, со старинной мебелью Екатерининской и Александровской эпох, были украшены английскими гравюрами, люстрами, канделябрами, статуэтками, ценным хрусталем и фарфором. В доме была собрана обширная библиотека (более 3000 томов), а сам дом еще был соединен с пристроенной к нему картинной галереей с полотнами выдающихся художников мира (Гвидо Рени, Рейсдаля, Рембрандта, Доу, Тюриня и др.). В усадьбе существовал оркестр из 30-ти музыкантов и свой домашний любительский театр. Вокруг дома был разбит великолепный с прудами парк, в котором росли разнообразные деревья и редкие цветы, были устроены замечательные гроты, а на одном из прудов насыпан “остров любви”, на котором высились развалины в греческом стиле», – пишет исследовательница Н.В. Лукина [13].

Помещик Александр Михайлович Межаков в 1785 году в возрасте 32 лет вступил в управление имением и повел дело с размахом: «занимался сельским хозяйством и участвовал в солеварении в Тотьме и развозе соли по губернии, имел полотняную и суконные фабрики, два винокуренных и черепичный заводы, конский завод, содержал лошадей на почтовых станциях Вологодской губернии» [14]. В 1796 году его супруга Варвара Михайловна, урожденная Неронова, оставила семью и уехала в Санкт-Петербург, где стала проматывать свое состояние. В связи с этим с 1798 года началось дело о разводе, имущественные ссоры между супругами тянулись до самой его смерти. «Александр Михайлович Межаков был строгий хозяин. Все в имении жили по установленному порядку, “каждый человек должен быть честен, справедлив, трезв, возложенные должности исполнять рачительно”. Не соблюдающие правила жестоко наказывались» [14]. В мае 1809 года помещик Александр Межаков был убит своими крепостными крестьянами Денисом Яковлевым и Данилой Ефимовым. Наследником имения стал упоминавшийся выше старший сын Павел.

Павел Александрович Межаков родился 12 августа 1788 года в городе Вологде, учился в Московском университетском благородном пансионе, затем служил в Санкт-Петербурге, состоял при русской миссии в Неаполе. Но в 1809 году после трагической гибели отца оставил службу и с 1811 года поселился в родовом имении Никольское Кадниковского уезда. «Вотчина его была одной из самых богатых в округе, а усадьба, построенная в 80-х годах XVIII века, одним из замечательных произведений русского провинциального зодчества. У Межакова был известный конный завод с английскими выписными жеребцами, оркестр из крепостных, театр» [15]. Помимо этого, он был известен как поэт,

писавший под влиянием поэзии Гавриила Державина и Константина Батюшкова, с которыми Павел Александрович был лично знаком.

Свои стихи Межаков печатал в ряде периодических изданий («Чтения в Беседе любителей русского слова», «Благонамеренный», «Памятник Отечественных муз», «Московский телеграф» и другие) и выпустил два поэтических сборника: «Уединенный певец» (1817) и «Стихотворения Павла Межакова» (1828) [16]. Первый сборник не удостоился никаких печатных откликов, зато второй стал поводом для иронических рецензий Николая Полевого и Степана Шевырева: «Стихи Межакова были признаны “не заслуживающими одобрения”, их содержание – “противным всякой благопристойности и вредным для благонравия”, их слог – “неестественным, неровным, непонятым”. Межаков прямо шел по следам “роскошной чувственности” Державина и “неги сладострастной” Батюшкова, но рецензенты Российской академии увидели в его стихах лишь “неблагопристойности”. Однако при обращении к тем стихам Павла Александровича Межакова, которые Российская академия признала особенно “мерзкими” (“Воспоминание”, “Твердое намерение”, “Гроза”, “Свидание”), никакой особенной “нечистоты любострастия” не обнаруживаешь. Эротические стихи Межакова возникли как показатель уже найденных, вторичных мотивов и, не имея специфически литературной подосновы, соотносились непосредственно с бытом, в данном случае с бытом «усадебным», так как в XVIII веке, во времена рассвета дворянской империи очень устойчиво складывается тип русской усадебной культуры. Именно это обстоятельство определило поэтическую позицию Межакова как владельца усадьбы. Павел Межаков предстает перед читателями явлением очень многогранным. Внешне – это “третьестепенный” поэт, каких много было во все времена. Но еще и очень своеобразный “подражатель”, в творчестве которого преломились характерные тенденции литературы “допушкинского” времени. И – уникальный представитель русской “усадебной” поэзии периода расцвета дворянской усадьбы как серьезного и самобытного явления провинциальной культуры. Творчество Межакова оказывается столь притягательным: несмотря на “третьестепенность” и на весьма “среднее” дарование, его нельзя благополучно забыть. Он выразил существенную сторону русской провинциальной культуры одного из интереснейших периодов ее становления. Его поэзия становится интересной не столько сама по себе, сколько тем, что за нею стоит» [15].

В неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей» от 7/19 апреля 1851 года приводится список лиц, заменивших по случаю праздника Святой Пасхи (в 1851 году пришлась на 8/20 апреля) общие визиты приличия извещением при пожертвовании в пользу детского приюта [17]. В этом списке можно встретить знакомые имена. Первым идет сам предводитель губернского дворянства Павел Александрович Межаков. Затем – вице-губернатор Петр Александрович Замятнин с женою Марьей Петровной. Далее – Александр Павлович Межаков с Юлией Францевной. Далее можно увидеть других вологодских помещиков – Петра Алексеевича Зубова с супругою Еленой Павловной, Афанасия Ивановича Брянчанинова, Валериана Платоновича Макшеева, Николай Васильевича Багракова, купца первой гильдии и городского голову Николая Ивановича Скулябина с женой Александрой Михайловной. Упоминается врач коллежский ассессор Федор Иванович Доброс и с ним его жена Анна Платоновна¹. Упомянуты купец Алексей Осипович Витушешников, купцы Иван и Николай Александровичи Белозеровы. Перед нами – представители местной элиты, местного общества, частью которого были потомственные дворяне Межаковы.

Павел Межаков был женат на Ольге Ивановне Брянчаниновой, которая приходилась двоюродной сестрой святителю Игнатию (в миру – Дмитрий Александрович Брян-

¹ Доброс был врачом, который пользовал Константина Николаевича Батюшкова в последние годы его жизни. Служил в Вологодской удельной конторе.

чанинов). В 1821 году английский художник Джордж Доу написал парадный портрет этой семейной пары. У них было трое детей: Александр (1812–1859), Михаил (1815–1879) и Софья (1814–?). Надворный советник Александр Павлович Межаков был ученым-естествоиспытателем и ботаником, что определило его близкое знакомство с Данилевским. Он запечатлен вместе со своей женой Юлией Францевной, урожденной Тиран, дочерью французского эмигранта на русской службе, на большом парадном портрете работы художника Платона Тюрина начала 1840-х годов, который ныне экспонируется в Архиерейском корпусе Вологодского музея-заповедника (бывшее Архиерейское подворье) с подписью: «А.П. Межаков и Ю.Ф. Межакова». О ее происхождении правнучка мыслителя Инна Михайловна Рау рассказывает следующее: «Бабушка Ольги Александровны [Межаковой, в браке Данилевской – С.З.], немка Елизавета Филипповна Демут (1781–1837), была в свое время хорошо известна в светских кругах. Дочь и единственная наследница владельца гостиницы Филиппа-Якова Демута (1750–1802) вышла замуж за Франциска-Людвика Тирана (1778–1847), известного в Москве и Петербурге французского аристократа, адъютанта петербургского военного губернатора графа Петра Алексеевича фон Палена 1-го (1745–1826). Перед ней быстро распахнулись двери петербургских салонов, и имя госпожи Тиран было занесено в первый список членов аристократического женского патриархального общества (вероятно, речь идет о патриотическом обществе)» [3, с. 175]. У Александра Павловича и Юлии Францевны было пятеро детей, изображение которых сегодня можно увидеть в вологодском музее «Мир забытых вещей» на картине работы того же Платона Тюрина «Дети помещика А.П. Межакова» (1843). Крайняя слева на ней – Ольга Александровна Межакова (1838–1909), будущая супруга Николая Яковлевича.

С Александром Павловичем, несмотря на десятилетнюю разницу в возрасте, Данилевский сблизился, и они сделались друзьями до самой кончины первого. Ольга Шафранова пишет: «Несомненно, что этой дружбе сильно способствовала общность их интересов. Александр Павлович был страстным исследователем растительного и животного мира родного края. Его научные работы нашли признание в том, что он был избран действительным членом Императорского Русского географического общества, а также Московского общества испытателей природы и Общества акклиматизации. Свои опыты по акклиматизации он проводил в своем поместье в селе Никольском в саду-дендрарии, разбитом еще его дедом во второй половине XVIII века, а также в специально построенных оранжереях» [5], славившихся многими экзотическими деревьями и цветами.

Данилевский был частым и желанным гостем в имении Межаковых Никольском. Свидетельством этой преданной и близкой дружбы являются письма Данилевского к Александру Межакову, хранящиеся в Государственном архиве Вологодской области, свидетельствующие о самых теплых и доверительных отношениях между ними и являющиеся весьма ценным источником о жизни и настроениях известного мыслителя и ученого. Инна Рау сообщает интересный факт: «Александр Павлович Межаков – двоюродный брат Петра Алексеевича Зубова (1819–1880)¹, свояка Александра Сергеевича Пушкина². Петр Алексеевич Зубов был сыном Дарьи Александровны Межаковой (1785–?), которая была

¹ Петр Алексеевич Зубов, тайный советник, юрист, сенатор. Происходил из семьи вологодских помещиков Зубовых.

² Дело в том, что вторым браком с 1863 года Петр Зубов был женат на баронессе Евфимии Борисовне Вревской, дочери баронессы Евпраксии Николаевны Вревской, урожденной Вульф. Евпраксия Николаевна, «Зизи», была с раннего возраста знакома с Пушкиным, который являлся ее соседом по имению (поэт жил в Михайловском Псковской губернии, а Вульфы-Осиповы – в Тригорском). Мать Евпраксии, Прасковья Александровна Осипова, в первом браке Вульф, урожденная Вындомская, была владелицей имения и близкой знакомой поэта. Ее сестра Елизавета Александровна Вындомская вопреки воле своего отца вышла замуж за Якова Исааковича Ганнибала, двоюродного брата Надежды Осиповны Пушкиной, урожденной Ганнибал, матери Александра Сергеевича.

замужем за Алексеем Александровичем Зубовым (1781–1859). Петр Алексеевич Зубов жил в Санкт-Петербурге, был юристом, профессором уголовного права, позже тайным советником, сенатором и членом Государственного совета» [3, с. 175–176].

В Вологде Николай Яковлевич возобновляет свою научную деятельность, написав две большие статьи: «Статистическое исследование о движении народонаселения в России за 1846 г.» и «Климат Вологодской губернии». Обе они были награждены: одна – золотой медалью, другая – Жуковской премией. С начала 1840-х годов в Вологодской губернии широкое развитие получает краеведение, возникает активный и живой интерес к Вологодскому краю. Главным печатным органом, который публиковал работы местных краеведов, в 1850-х годах была газета «Вологодские губернские ведомости» (ВГВ). Для этих целей отводилась неофициальная часть. Принимает в этом активное участие и Данилевский. Уже в 1851 году он публикует свои статьи в семи номерах «Вологодских губернских ведомостей», в 1852 году – в восьми, и в 1853 году – в шести номерах. Всего в течение 1851–1853 годов работы Николая Яковлевича были опубликованы в двадцать одном номере газеты. Стоит перечислить их подробно:

1. *Данилевский Н.* Отрывок из статистического описания Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 1. С. 2–7.

2. *Данилевский Н.* Еще отрывок из статистического описания Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 2. С. 13–18.

3. *Данилевский Н.* Отрывок из статистического описания Вологодской губернии: Общий взгляд на гидрографию Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 11. С. 117–122.

4. *Данилевский Н.* Отрывок из статистического описания Вологодской губернии. Общий взгляд на гидрографию Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 12. С. 127–130.

5. *Данилевский Н.* О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Усть-Сысольске // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 14. С. 146–149.

6. *Данилевский Н.* Высота городов Вологды и Тотьмы над уровнем океана // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 19. С. 211–213.

7. *Данилевский Н.* Практическое замечание о весенней температуре Вологды // ВГВ. Неофициальная часть. 1851. № 45. С. 505–508.

8. *Данилевский Н.* Взгляд на растительность юго-западной части Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 25. С. 289–392.

9. *Данилевский Н.* Взгляд на растительность юго-западной части Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 26. С. 300–303.

10. *Данилевский Н.* Взгляд на растительность юго-западной части Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 27. С. 312–313.

11. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 45. С. 517–520.

12. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 46. С. 527–529.

13. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 47. С. 538–540.

14. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 48. С. 551–553.

15. *Данилевский Н.* Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1852. № 49. С. 563–564.

16. Данилевский Н. Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1853. № 4. С. 29–32.
17. Данилевский Н. Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1853. № 10. С. 77–80.
18. Данилевский Н. Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1853. № 11. С. 85–87.
19. Данилевский Н. Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1853. № 16. С. 129–132.
20. Данилевский Н. Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1853. № 20. С. 173–175.
21. Данилевский Н. Гидрография Вологодской губернии // ВГВ. Неофициальная часть. 1853. № 22. С. 190.

О.А. Наумова пишет: «В статье, посвященной статистическому описанию Вологодской губернии, ученый дает подробную характеристику ее границ с точки зрения их экономического, физико-географического и статистического значения для развития губернии, классифицируя границы по трем группам, исходя из их влияния на промышленность и торговую деятельность. Подобных исследований до него не проводилось ни местными, ни столичными учеными, поэтому работа получила высокую оценку не только в губернии, но и за ее пределами. <...> Серьезной исследовательской работой, данные которой могут быть использованы и сегодня, является исследование Н.Я. Данилевского по гидрографии Вологодской губернии. В ней он, впервые, все реки, протекающие по территории губернии, подразделяет на группы по системам четырех главных рек: Северной Двины, Мезени, Печоры и Волги. Данилевский определяет границы и площадь пространств указанных систем, наиболее выгодные точки для развития водного сообщения, торговли, организации лесосплава. В работе дается подробная характеристика не только главных рек, но и всех их притоков, а также озер, указываются мелководные и глубоководные участки рек, время наибольшего благоприятствования для судоходства на разных реках, места подтоплений в период весеннего паводка, направление русл рек» [6].

Данилевский с большим вниманием изучал необходимые ему работы по краеведению, интересовался не только опубликованными в «Вологодских губернских ведомостях» материалами, но также и находившимися в фондах библиотек и архивов губернского статистического комитета, мужской гимназии, духовного училища и прочих. Среди указанных в списке исследований, проведенных Николаем Яковлевичем в вологодской ссылке, особый интерес может вызвать его работа «О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Устьсысольске» [18]. Многие ее положения базировались на многолетних наблюдениях за данной культурой, проведенных учеными Вологодской губернии за период с 1817 по 1847 год. Выводы, сделанные Данилевским в отношении циклов жизни этого растения, возделывать которое начали свыше шести тысячелетий до нашей эры, впоследствии он, по мнению О.А. Наумовой, развил в своей теории о культурно-исторических типах (нациях), сформулированной в книге «Россия и Европа» [6]. Данилевский читал много книг из библиотеки Межакова в Никольском: «Это была лучшая библиотека во всей Вологодской губернии, там было более трех тысяч томов – сочинения Вольтера, Руссо, Рейналя, Мабли, Гельвеция, духовно-церковные книги, труды святителя Игнатия Брянчанинова и др.» [2, 19].

* * *

Николай Яковлевич был не первым ссыльным на Вологодчине. Ранее до него сюда были отправлены издатель Николай Надеждин и поэт Владимир Соколовский. Преподаватель

теории изящных искусств, археологии и логики Московского университета Николай Иванович Надеждин был редактором журнала «Телескоп», в котором опубликовали «Философические письма» Петра Чаадаева. В октябре 1836 года журнал закрыли, Чаадаева официально объявили сумасшедшим, а Надеждина вызвали в Петербург для разбирательства в первой экспедиции Третьего отделения Императорской канцелярии. В итоге он был отправлен на жительство под присмотр полиции в уездный город Усть-Сысольск Вологодской губернии (ныне – Сыктывкар, Республика Коми).

Преодолев за четверо суток более 400 верст, 7 февраля 1837 года Николай Иванович прибыл в Вологду, через которую изначально планировал ехать транзитом и задержаться там дня на два, но в итоге прожил целых полгода. На следующий день в письме к другу, известному русскому писателю Сергею Тимофеевичу Аксакову, Надеждин писал о городе следующее: «Сама Вологда – город большой, но не завидной. Строеение – святая старина. Церквей множество, и все носят печать глубокой древности. Это дает городу особую физиономию. Жизни, сравнительно с другими губернскими городами, меньше: может быть оттого, что дома разбросаны, на улицах мертво и пусто» [20]. В гостинице, где он остановился, оказалось «холодно, сыро и угарно», в результате появились ревматизм и боли в груди. Жандармские и руководящие власти губернии приняли ссыльного неожиданно радушно, но предупредили, что переписка будет тщательно просматриваться. Для большей надежности письма за пределы Российской империи Надеждину пришлось отправлять через друзей, поскольку он опасался, что «заграничное письмо подаст повод к толкованиям и догадкам месяца на два... Подумают, что измена, бунт, тайные сношения. Здесь городишко такой – настоящая провинция» [20].

Губернатором в Вологде с 1836 года был генерал-майор (18 апреля 1837 года произведен в чин генерал-лейтенанта) Дмитрий Николаевич Бологовский, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных походов русской армии. Бологовский сражался при Бородине, Малоярославце, Лейпциге (был ранен и награжден орденом Святого Георгия IV степени). Входил в число московских знакомых Пушкина, лично знал отца и дядю поэта, а во время своей южной ссылки уже сам Пушкин часто обедал в кишиневском доме Бологовского. Дмитрий Николаевич был довольно культурным человеком, мог рассуждать о литературе, но при этом любил карты и псовую охоту. В должности Вологодского губернатора (1836–1840) сделал немало полезного и оставил по себе добрую память горожан. По его указанию в центре города у Сенной площади (ныне – площадь Революции) был разбит Александровский сад, названный так в память о посещении Вологды Государем Императором Всероссийским Александром Благословенным в 1824 году (в советское время он получил название Комсомольский сквер, а с 1970-х в нем был устроен мемориал «Вечный огонь»): «На болотистом месте посадили тополя, акации и рябины, насыпали дорожки для прогулок и соорудили беседку» [20]. Бологовский был рад присутствию в городе столь образованного и культурного гостя и часто с ним беседовал. Он беспокоился состоянием здоровья Надеждина и решился ходатайствовать перед шефом жандармов графом Александром Христофоровичем Бенкендорфом о его оставлении в Вологде, но просьба была оставлена без внимания.

Перспектива отправляться в далекий Усть-Сысольск Надеждину явно не нравилась: «Усть-Сысольск – за 1300 верст от Москвы, за 877 верст от губернского города, там прекращается не только народонаселение, но и растительность. Об Усть-Сысольске везде и ото всех слышу горькие отзывы. Канада – общий приговор! Ртуть зимою беспрестанно мерзнет, так что можно делать из нее бильярдные шары» [21]. Однако в Вологде ему наскучило, и Николай Иванович высказывал мысли о том, чтобы «ехать скорее, опуститься скорее на самое дно омута» [20].

В Усть-Сысольск он прибыл 26 июля 1837 года и был помещен, по его собственным словам, «в домике прелестном, на хорошем месте», в квартире «достаточно удобной, что-

бы не вязнуть в грязи летом и не мерзнуть зимой» [21]. В Усть-Сысольске владевший несколькими языками Надеждин довольно быстро научился говорить по-зырянски, что способствовало его более тесному общению с местным населением: «Когда я узнал немножко по-зырянски и стал говорить им приветливые слова, они обрадовались, смеялись и пересказывали мне слова, а когда я выучился уже порядочно говорить, радости их не было конца. Поверите ли – это иногда заставляло меня совсем забывать на несколько минут о моем изгнании, и когда меня освободили, мне было грустно расставаться с этими добрыми людьми, полюбившими меня бог знает за что» [21]. За время жизни в Усть-Сысольске он активно интересовался этнографией, писал статьи. Главным трудом его пребывания в ссылке стала статья «Народная поэзия у зырян», опубликованная в 1839 году в альманахе «Утренняя заря». В ней впервые были даны записи двух свадебных песен зырян и дана высокая оценка зырянского народного творчества. Кроме этого очерка, Надеждин посвятил этому краю несколько больших статей, опубликованных в «Энциклопедическом лексиконе» («Вымь», «Вычегда», «Вологодская губерния», «Вопель» и другие), в которых он познакомил русского читателя с зырянской историей и этнографией и уточнял некоторые географические сведения.

Тем временем вологодский губернатор борется за то, чтобы окончательно выволочь из ссылки Николая Ивановича и составляет на него характеристику, поданную жандармскому начальству, а тем – уже лично Государю: «Надеждин во все время бытия его в губернии ведет себя отлично скромно, ежечасно раскаивается в проступке своем...» [20]. В итоге в январе 1838 года Надеждину разрешают вернуться в Вологду, а спустя три месяца Государь даровал ему право «жить всюду, где пожелает», после чего Надеждин навсегда уехал из Вологды.

Другим ссыльным, жившим в Вологде примерно в то же самое время, был поэт Владимир Игнатьевич Соколовский, сосланный сюда за противовластные стихи, в которых были оскорбления в адрес Государя и Августейшей фамилии. С 1830 по 1833 год он был студентом Московского университета, где сблизился с Герценом и Огаревым, был дружен с поэтом Полежаевым. В июле 1834 был арестован и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где пробыл полтора года. Из крепости освобожден по болезни и отправлен в вологодскую ссылку под строгий надзор полиции. 29 сентября 1837 года он явился к вологодскому губернатору для «определения на службу под самым строгим надзором начальника» [22]. По письменной просьбе князя А.Н. Голицына Бологовский немедленно приобщил ссыльного поэта к делу – сделал своим чиновником особых поручений, а с января 1838 года тот стал редактором неофициальной части основанных «Вологодских губернских ведомостей» [23]. Подобные газеты начали выходить тогда в 42 губерниях.

По поручению губернатора «заняться разбором старых бумаг и извлечением из старинных рукописей того, что относительно сущности дела или замечательной формы выражения окажется достойным общественного внимания» [24], Соколовский работал в библиотеках и монастырских архивах, собирая историко-этнографический материал для неофициальной части издания. «С первых же номеров газеты заведена была и «Вологодская хроника», в сильной мере опиравшаяся на летопись архиерейского певчего 1690-х годов Ивана Слободского. Талант Соколовского как редактора особенно сказался на разделе «Разные известия» в живой подаче событий. С середины 1838 года газета приступила к публикации образцов русской письменности XVI–XVII веков, к описанию монастырских древностей, но Соколовский, скорее всего, уже не мог по состоянию здоровья принимать участие в этих публикациях. Он охотно обращается к помощи местных краеведов, а к концу года редактором неофициальной части газеты назначается Ф. Фортунатов», – пишет Виктор Гура [24]. В феврале 1838 года Соколовский подавал прошение о переводе в другое

место и отпуске по болезни, но безрезультатно. Тогда же он отправляет написанное в Вологде свое сочинение «Альма» Жуковскому, который одобрил рукопись и нашел в ней много прекрасного. В Вологде Соколовским создается и поэма «Разрушение Вавилона».

Восторженно встретили в Вологде Соколовского представители местного культурного сообщества – молодые учителя гимназии (Федор Фортунатов, Николай Навашин, Александр Иваницкий и другие), поэт Николай Вуич и юная поэтесса Варвара Макшеева. Виктор Гура пишет: «Многие из них уже печатали свои стихи, рассказы и даже повести в столичной прессе. Самым даровитым и многосторонне образованным был учитель словесности Николай Навашин. В его квартире и поселился Соколовский, а по субботам здесь же начал собираться большой круг литературной молодежи. Вскоре Соколовский помог Навашину завершить составление сборника по образцу альманаха. В него вошло лучшее из созданного молодыми вологодскими литераторами, искавшими общения и участия. Сборник посвятили П.А. Плетневу, и Ф. Фортунатов увез его в Петербург. По его словам, «Вологодский сборник» был принят, прошел цензуру, но в печати не появлялся, и судьба его осталась неизвестной».

Среди участников субботних вечеров Соколовский выделял юную Вареньку Макшееву, дочь помещика Дмитрия Михайловича Макшеева, владельца имения Осаново под Вологдой (ныне – в черте Вологды), переводчика, автора статей по сельскому хозяйству и даже проекта преобразования по судебной части, одобренного самим Государем Императором Николаем I, владельца богатой библиотеки (состоявшей преимущественно из книг духовного содержания) и основателя первой литографии в Вологде. «Именно это “здешнее семейство” имеет в виду В. Соколовский, сообщая А.В. Никитенко (он хорошо знал эту семью и пользовался ее гостеприимством), что здесь, в этой семье, сосредоточил он “всю свою земную привязанность”. Стихи юной поэтессы печатались в “Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»”, в “Маяке”, “Галатее”, “Библиотеке для чтения”, в “Одесском альманахе” и часто рядом со стихами самого Соколовского. Семья Макшеевых вызвала в душе ссыльного поэта самые памятные отклики», – пишет Виктор Гура [24].

Варю Макшееву Соколовский полюбил безо всякой надежды на брак – тем более что она, будучи девушкой высокой нравственности, не отвечала на его чувства, а у самого Соколовского была скверная репутация (он любил вино и женщин, отличался неумеренностью в чувственных наслаждениях). Ему было 30 лет, ей – 16 (родилась в 1822 году). В. Кошелев пишет: «Он часто гостил в имении, писал “томительные” письма и ревностно хлопотал о публикации стихов своей возлюбленной, которые по его просьбе печатались в петербургском журнале “Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду»” рядом с его собственными... Уже после смерти Соколовского вышел “Одесский альманах”, где стихотворение В.Д. Макшеевой “Поэту”, адресованное Соколовскому, помещено вслед за его “Одой стремления”, в которой речь идет о юной возлюбленной... А попали эти стихи в “Одесский альманах” через Н.И. Надеждина, с которым поэт встречался в Вологде в январе 1838 года» [25].

Из-за неудачи в любви поэт начинает снова пить, здоровье его ухудшается. Наконец, в 1838 году Государь всемилостивейше дозволил Соколовскому покинуть Вологду, на три недели остановиться в Москве «для поправления болезни» и без дальнейших задержек следовать в Кавказскую область, город Ставрополь. 24 декабря 1838 года Соколовский навсегда оставляет Вологду, проводит в Москве три месяца и в апреле 1839 года отбывает на Кавказ. «В Москве его не приняла родная сестра. Поэт вместо лечения скитался по ночлежкам и кабакам, но и тут полиция преследовала его», – цитирует писатель Владимир Аринин [26] Виктора Гуру. 17 сентября 1839 года Соколовский умер от чахотки в Пятигорске, к тому же будучи одержим белой горячкой и воспалением в мозгу. Остались ненапечатанными начатые в Вологде поэмы «Новоизбрание» и «Искупающий страдалец».

Невозможно не упомянуть и сосланного в Вологду за несколько десятилетий до этого Михаила Леонтьевича Магницкого. Будучи ближайшим соратником Михаила Сперанского, после опалы своего покровителя и начальника, он тоже не избежал ее. 17 марта 1812 года Магницкий был объявлен государственным преступником и сослан в Вологду, куда прибыл 28 марта. Поселился он в отдаленном районе Заречной части города – Фрязинове, бывшем селе, вошедшем в состав Вологды (ныне о том, что здесь было такое село, напоминает улица Фрязиновская; сохранилась всего пара деревянных домов, построенных в поздний период, да Андреевская (Спасо-Преображенская) церковь). «За поведением ссыльного неустанно следили губернатор и полиция. По отношению к бывшему государственному чиновнику вологодский губернатор оказывал “всякую пристойность по его чину”, но, вместе с тем, и принимал строгие меры наблюдения за бывшим царским чиновником. Столичные власти предписывали губернатору постоянно “доносить министру полиции обо всем замечательном насчет изгнанника и всех лицах, с которыми он будет иметь знакомства, или частыя свидания, письма его, равно и к нему присылаемые, представлять в подлиннике к тому же министру, для доклада государю, даже тогда, когда его величество будет находиться в отлучке из Петербурга”. Ссылный в Вологде жил “тихо и скромно, не заводил ни с кем особеннаго знакомства и в положении своем казался довольно спокойным» [30, с. 53–54]. Историк Аркадий Юрьевич Минаков пишет: «Вологодский губернатор пытался заставить слуг Магницкого доносить на своего хозяина, запугивал тех, кто готов был познакомиться с ним, ссылкой в Сибирь, распространял слухи, что изгнанник ходит гулять с женою за город якобы для того, чтобы взбунтовать окрестных крестьян, которым он внушает, что пострадал “за них”» [31].

Однако Магницкий жил в Вологде довольно тихо и скромно, не заводя ни с кем дружеских отношений. Он был «весьма сдержан в своем поведении и переписке» [32, с. 642], несмотря на то, что, по его позднейшим воспоминаниям, «жена его от жестокого климата потеряла здоровье, а дочь умерла» [33, с. 237]. Магницкие избегали обращаться к местным врачам, поскольку те были «опаснее самих болезней» [34, л. 49, цит по: 31]. Жители города сторонились ссыльного по причине подозрений его в связях с французами: «На улицах на него указывали пальцем, дети кричали вслед: “изменник!” Проходу не было не только его семейству, но и слугам. Акушер отказывался приезжать к его беременной жене. В лавках ему продавали товары по ценам, завышенным в сравнении с обычными в пять раз. За снимаемый семейством Магницких дом вместо трехсот пришлось платить тысячу рублей в год. Они были вынуждены продать все, что у них было, вплоть до платья. После взятия французами Москвы купцы из мясных рядов решили убить его» [31]. В своих показаниях Александру I Магницкий вспоминал: «В течение нескольких месяцев – каждую ночь с больною беременною женою и малолетним сыном ожидал я нападения пьяной черни» [34, л. 44–48, цит по: 31].

В Вологде, согласно сохранившимся источникам, Магницкий постоянно общался только с приезжим чиновником комиссии по составлению военных уставов и уложений, редактором по иностранной части и переводчиком Ф. Тито и инженером путей сообщения подполковником Маеровым. После их отъезда в июне 1812 года всякие контакты Михаила Леонтьевича с жителями Вологды прекратились. «Одиночество ссыльного продолжалось до осени 1812 года, когда в Вологду после занятия Москвы приехали князь П.Н. Оболенский и бригадир Н.Е. Кашкин. <...> Однако, как следует из источников, находились некоторые вологжане, помогавшие М.Л. Магницкому переправлять в другие города свою корреспонденцию. В период вологодской ссылки он постоянно переписывался с М.М. Сперанским, действительными статскими советниками П.Г. Мосальским, Ф.И. Цеером, К. и Ш. Кавелиными и другими. Кроме того, М.М. Сперанский, зная, что его адресат “нуждается в средствах для существования, препровождал к нему... денежные вспомоществования” [30, с. 54].

В письмах к Государю Императору Александру он взывал к его милосердию и боролся за свое освобождение: «Познакомившись в конце своей ссылки через П.И. Мелиссино с графом А.А. Аракчеевым, М.Л. Магницкий сумел снискать расположение управляющего делами Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Всесильный царедворец способствовал подписанию императором указа о прощении М.М. Сперанского и М.Л. Магницкого и содействовал возвращению во власть бывших опальных государственных чиновников. Однако теперь их ожидали государственные должности в провинции» [30, с. 54]. 30 августа 1816 года Магницкий получил назначение на должность воронежского вице-губернатора и навсегда оставил Вологду, с которой у него были связаны неприятные воспоминания.

«Вологда издавна была местом ссылки. Через 50 лет после Данилевского сюда оказался сослан Николай Бердяев, посвятивший Данилевскому в своей “Русской идее” главу», – пишет историк Юрий Дойков [9]. Будущий выдающийся русский философ провёл в Вологде два года – с 1900-го по 1902-й. То был период, когда город был наполнен ссылными, являвшимися людьми хорошо образованными и в будущем прославившимися в разных областях. Писатель Алексей Ремизов, живший тогда в Вологде в ссылке, назвал наш город по этой причине «Северными Афинами»¹. Тема пребывания в Вологде Бердяева отображена в его мемуарах «Самопознание» [36, с. 18–19, 121–132], а также неоднократно исследована в статьях Владимира Аринина [37, 38], Валерия Есипова [39], Леонида Панова [40], Елены Мельниковой [41], Виталия Новоселова [42], в биографии Бердяева из серии «Жизнь замечательных людей» авторства Ольги Волгогоновой [43, с. 44–67]. Также о его пребывании в Вологде писала местная газета «Премьер» [44].

В Вологду Бердяев прибыл 9/22 мая 1900 года (в день празднования памяти святителя Николая Чудотворца). Тогдашний вологодский губернатор граф Александр Александрович Мусин-Пушкин приходился ссылкойному дальним родственником, и потому положение Николая Александровича в Вологде было довольно привилегированным. Жил он в гостинице «Золотой якорь» в самом центре города (здание сохранилось), недалеко от которой находилась, в числе прочих, Никольская Сенноплощадская церковь (разрушена большевиками в 1924 году). Другим местом его жительства в Вологде был дом крестьянки Гусевой, находившийся в приходе церкви святителя Николая Чудотворца во Владычной слободе (церковь сохранилась, действующая; дом же в 1993 году сгорел, сейчас на его месте построен новодел).

«Как указывает сам Бердяев, в первый период он пользовался значительной популярностью среди ссылных. В полицейских архивных документах неоднократно указывается: “Знаком со всеми состоящими под гласным и негласным надзором”. В то время в Вологде среди ссылных образовалось замечательное общество, своего рода “могучая кучка” интеллектуалов. И Бердяев оказался в центре внимания, и у него складывалось об этом круге свое суждение. “Все почти заходили ко мне в гостиницу “Золотой якорь”, где я жил. Были среди ссылных хорошие, симпатичные люди, все были людьми верующими в свою идею. Но дышать было трудно в их обществе. Было страшное сужение сознания. Были люди довольно читающие, но у среднего ссылного уровень культуры был довольно низкий. То, что интересовало меня, не интересовало большую часть ссылных. Меня считали индивидуалистом, аристократом и романтиком. Но в Вологде в эти годы были в ссылке люди, ставшие потом известными: А.М. Ремизов, П.Е. Щеголев, Б.В. Савинков, В.А. Кистяковский, приехавший за ссылкойной женой, датчанин [Ore] Маделунг, впослед-

¹ «Вологда подлинно Афины – “Северные Афины”. А в начале этого века (невероятно, ведь так недавно, а как тысяча лет!) таким именем “Афины” звалась ссылка Вологда, и слава о ней гремела во всех уголках России, где хоть какая была и самая незаметная революционная организация, а где ее не было!» [35, с. 476].

ствии ставший известным писателем, в то время представитель масляной фирмы. А. Богданов, марксистский философ, и А.В. Луначарский, приехавший немного позже меня...». Какой список имен. Он говорит сам за себя», – сообщает писатель Владимир Аринин [37]. Здесь же происходит его идейная трансформация, постепенный отход от марксизма к идеализму: «Когда Бердяев был в вологодской ссылке, вышла в свет его первая книга «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии»¹, подвергшаяся серьезной критике с левых позиций. Но вместе с тем ее выход означал, что в русскую философию вступил неординарный мыслитель. В Вологде Бердяевым были написаны и некоторые статьи» [37]. В 1901 году выходит его статья «Борьба за идеализм» (напечатана в журнале «Мир Божий»). Данная статья вызвала негодование в левых кругах интеллигенции. В самой Вологде многие ссыльные, исповедующие левые воззрения, устроили ему чуть ли не травлю. Идеологическое наступление на Бердяева повел Анатолий Луначарский. В итоге в 1902 году, Бердяев, воспользовавшись своими связями на самом верху, переехал из Вологды в город Житомир. «Именно в Вологде произошел его окончательный разрыв с той радикальной идеологией, которую ныне называют «русским марксизмом»», – пишет шамаловед Валерий Есипов [39]. Елена Мельникова отмечает: «После ссылки от политики Бердяев отошел совсем. А, переехав в Петербург, в 1904 году начинает редактировать философский журнал «Вопросы жизни»» [41]. Память о его пребывании в Вологде до сих пор никак не увековечена.

* * *

22 ноября 1851 года Данилевский из Вологды пишет Государю Императору Николаю I письмо о своем искреннем раскаянии в вине своей и заблуждениях и твердой решимости «всю остальную жизнь загладить ее перед Богом, Царем и совестью». В письме он просил также разрешения навестить свою больную мать, «доставить ей последнюю радость в жизни и получить ее, может быть, предсмертное благословение и, уверив ее в искренности возвращения к чувствам Христианина и верноподданного, услышать это прощение из уст умирающей матери» [2]. Разрешение было получено. «Получив милость царя, прадед поехал в город Вознесенск – пристань на реке Южный Буг на Украине, где пребывала родительница. После девяти лет разлуки, обняв сына, Дарья Ивановна облегченно вздохнула, в глазах больной появилась надежда, и она спросила, не хочет ли он поест и отдохнуть. Встреча эта была короткой. Благословив детей и мужа, Дарья Ивановна Мишина отдала Богу душу. Ей было пятьдесят два года», – пишет Инна Рау [3, с. 175]².

Впрочем, наш город стал для будущего мыслителя местом судьбоносным в области личной жизни. В Вологде Николай Яковлевич сделал предложение бездетной вдове генерал-майора Вере Николаевне Беклемишевой, урожденной Лавровой, с которой они знали друг друга девять лет, в течение которых, как писал Данилевский, «все мои чувства, мысли и надежды относились к ней, имели ее как цель» [7]. Она специально приехала к любимому в ссылку, распродав все свои вещи. 29 сентября 1852 года влюбленные обвенчались в Иоанно-Предтеченской Рощенской церкви (сохранилась, действующая). Во время бракосочетания присутствовал только поручитель по жениху – статский советник Павел Алексеевич Шипилов. Вот что пишет об их истории любви правнучка Данилевского Инна Рау: «Вдова участника войны 1812 года генерала А.Н. Беклемишева была умна и красива. Встреча ее с прадедом произошла в 1843 году у Бланков, когда Данилевский приехал на каникулы в имение дядей в Оберец. Увидев Веру Николаевну, он влюбился в нее с первого

¹ Полное название: «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском». Книга вышла в свет в 1901 году.

² Как отмечает Ольга Данилевская, это семейное предание, не имеющее архивных доказательств.

взгляда. Вера Николаевна полюбила его тоже. Им было по двадцать лет. Началась многолетняя переписка. Чувства на большом расстоянии росли и крепли» [3, с. 174]¹. Однако семейное счастье супругов длилось всего девять месяцев. 10 июля 1853 года, в восемь часов утра, Вера Николаевна скончалась от холеры [46, л. 8].

Николай Яковлевич очень сильно переживал эту трагедию. В одном из писем, отправленном Александру Павловичу Межакову спустя четыре дня после смерти своей супруги, он пишет: «По характеру своему я не способен к отчаянию, и теперь, когда все прошло, скажу Вам искренно, что как любовь моя, так и горе мое, при всей силе их, оставались всегда сознательными и обдуманними, поэтому прошедшее ругается у меня за будущее, да я и желаю, чтобы было так. Понесенная мною потеря вполне показала мне тщету всего, кроме христианских убеждений, ибо они одни, когда все потеряно здесь, дают надежду на возвращение всего там, в лучшем и совершеннейшем виде. <...> Не много времени имели Вы, чтобы узнать мою Веру, но сумели оценить все ее достоинства. Позвольте же мне попросить Вас для меня и для нее сказать отцу Константину², чтобы он включил ее имя в число тех, которых он поминает, совершая литургию» [46, л. 8–9 об.].

Ранее Данилевский выражал свое соболезнование Александру Павловичу, у которого в мае 1853 года скончалась супруга Юлия Францевна, которая была не только любящей женой и матерью, но и разделяла научные интересы своего мужа и была ему надежной опорой. Поэтому смерть горячо любимой супруги была для Александра Павловича очень тяжелым ударом. Николай Яковлевич писал ему 1 июня 1853 года: «Милый и дорогой Александр Павлович, дурные вести, говорят, скоро идут и еще прежде письма Вашего узнал я от Вальховских [семейство бывшего вологодского губернатора, занявшего аналогичную должность в Самаре – С.З.] о постигшем Вас несчастье. Не писал к Вам, потому что не знал как писать: утешать нельзя, потому что утешения нет, одно время может только ослабить горечь. Можно разделить горе и вы конечно были уверены в участии, принятом не мною одним, а всеми нами. Все мы приняли известие о кончине Юлии Францевны, как известие о смерти самого близкого родственника. Я имел случай довольно хорошо узнать Юлию Францовну. Вера же Николаевна мало знала, но успела много полюбить...» [5].

К тому времени, с ноября 1852 года, Данилевский находился в Самаре, где служил в качестве переводчика в канцелярии губернатора, каковым был Степан Григорьевич Волховский. До своего назначения губернатором только что созданной Самарской губернии он занимал аналогичную должность в Вологде (1841–1850). До этого Волховский с 1833 по 1841 год был председателем Вологодской казенной палаты. Данилевского он помнил по Вологде и оказал ему расположение по приезду того в Самару. В письме Александру Межакову Николай Яковлевич писал следующее: «По приезду своем Семен Григорьевич ко всему доброму для меня прибавил еще величайшее для меня одолжение, поручив мне осмотреть Самарскую губернию в статистическом отношении (преимущественно относительно условий физических). Поэтому на днях отправляюсь я в путешествие во всех отношениях для меня интересное и приятное еще тем, что, переезжая из *одной* части губернии в другую, я буду заезжать в Самару, так что отсутствие мое из дома не будет продолжительным. <...> Собирая статистические данные, я не упущу из вида и собирание растений» [4].

В другом своем письме к Александру Павловичу Данилевский сообщал, что ему предложили принять участие в Каспийской экспедиции, организованной Географическим

¹ По словам Ольги Данилевской, это описание встречи является плодом фантазии автора. За описанием знакомства она отсылает к воспоминаниям Семенова-Тянь-Шанского [45, с. 216].

² Иерей Константин Маркович Андронов, настоятель Никольской (Покровской) Заболотской ружной церкви, приходского храма Межаковых.

обществом для изучения состояния рыболовства на Волге и Каспийском море. Николай Яковлевич согласился: «иначе поступить было мне невозможно, потому что это может послужить к совершенному моему освобождению. Кроме этого, ведь любопытно побывать и на Кавказе, и в Астрахани, и при устье Эмбы в Киргизской степи на казенный счет... Конечно, собирая статистические данные, я не упущу из вида и собирание растений» [5]. Теперь же в путь его влекло желание заглушить боль утраты работой. Поэтому в июне 1853 года Данилевский в качестве статистика отправляется в экспедицию, которую возглавлял крупнейший русский ученый европейского уровня академик Карл Эрнст фон Бэр. Длится она четыре года [47]. Официальной целью было изучение рыболовства, однако Бэр «считал необходимым провести комплексное исследование важнейших физико-географических районов, в которых работала экспедиция, и с этой целью значительно расширил программу, включив в нее сбор документальных и коллекционных материалов, знакомство с бытом местного населения и т.д.

Экспедиция стала прекрасной школой для ее участников, которые сохранили интерес к рыбохозяйственным проблемам на всю жизнь. Н.Я. Данилевский был главным помощником Бэра, и его роль в экспедиции была такова, что некоторые историки науки называют ее экспедицией Бэра – Данилевского. Николай Яковлевич относился к Бэру с глубочайшим уважением и испытывал огромный интерес к его трудам, занимаясь переводами его статей на русский язык. В своем «Дарвинизме» он тоже постоянно ссылаясь на него, называя великим ученым и корифеем науки» [5].

О своих трудах и об экспедиции Данилевский сообщает в письмах к Межакову. Очевидно, под влиянием друга тот тоже начинает заниматься изучением рыбных промыслов на Вологодчине. В «Вестнике Императорского Русского географического общества» за 1855 год была опубликована его статья «Кубенское озеро и его рыбные промыслы». В процессе работы Межаков обнаружил рыбу, которую местные рыбаки называли нельмушкой, о чем сообщил в письме Данилевскому, и тот отвечал ему следующее: «Я говорил Бэру о Кубенской нельмушке, он просил меня выписать ее из Вологды <...> Он говорит, что Сибирская нельма и Волжская Белая рыба одно и то же, о Волжской же замечает, что не знает куда ее отнести. Сделайте милость, пришлите этих 3-х рыб по экземпляру (Нельмушки можно и больше) замороженными и уложите так, чтоб плавники как можно менее пострадали. Ежели будете сами, то нельмушки захватите с собою в спирту. Хотел я Вам послать растения (живки), но экземпляры были столь огромны, что на почте их наверное бы изломали бы. Из замечательных предметов, которые мы видели, я еще кажется не писал Вам о фламинго..» [5]. В 1854 году Данилевский начал работу над монументальным трудом «О климате Вологды», в котором нередко опирался на работу Алексея Федоровича Фортунатова «Метеорологические наблюдения и разные физические замечания, сделанные в Вологде».

Последнее из сохранившихся писем Данилевского к Межакову датировано 20 февраля 1855 года: «Срок моего пребывания в составе экспедиции оканчивается в июне <...> Возможно мне придется воротиться в Самару нынешним летом. В таком случае непременно пойду в военную службу, смерть хочется подраться с Вашими прежними друзьями англичанами и моими французами, сукиными детьми; такая теперь славная и святая война, что совестно будет в глаза другим глядеть, ежели не участвовал в ней, не будучи удержан ни семейством, ни другими обязанностями. Может быть впрочем, что мне придется опять отыскивать древнее русло реки Аму-Дарьи и проследить его как можно далее внутрь страны – от этого нельзя уже будет отказаться. Бэру этого хочется, но едва ли согласятся в настоящее время на какие-либо новые расходы. Напишите, как в Вологде насчет ополчения, кто поступил в него из знакомых – вы видите, что я весь в политике – что же делать, теперь времена такие...» [46, л. 23–24].

Известно, что в Вологодском ополчении принимал участие сам Александр Павлович. По возвращении домой в конце 1856 года он продолжил свою работу по сбору материалов о рыбных промыслах на реках Шексне, Ковже, Белом и Ковженском озерах, на реке Вытегре, озерах Воже и Лаче. Однако завершить ее было ему не суждено – 2 июня 1859 года Александр Павлович Межаков отошел к Господу в возрасте 47 лет. Последним мужским потомком рода Межаковых был сын Александра Павловича Александр Александрович Межаков (1839–1897), Кадниковский уездный предводитель дворянства. На его дочери от брака с Фаиной Александровной, урожденной Брянчаниновой (дочь Александра Петровича Брянчанинова), Марии в 1891 году женился выходец из потомственных дворян московской губернии начальник 3-го участка Кадниковского уезда Сергей Павлович Каютов. В 1898 году, через год после смерти тестя, Сергей Павлович присоединяет к своей фамилии фамилию Межаков и становится Межаковым-Каютовым. Его вносят в VI часть Родословной книги Вологодского дворянства. От рода Межаковых он унаследовал довольно богатые земельные владения – в 1906 году за ним числилось в Кадниковском уезде 2092 десятины 1081 сажень земли [48, с. 32]. В 1909 году он был назначен Минским вице-губернатором, каковую должность исправлял вплоть до смерти в 1912 году. В 1892 году рождается его сын-первенец Александр Сергеевич Межаков-Каютов, расстрелянный в 1938 году.

После окончания Каспийской экспедиции Данилевский провел год в Петербурге, обрабатывая собранные статистические данные. Затем, будучи причисленным к Департаменту земледелия Министерства государственных имуществ (на этой службе он получал регулярное жалованье и в конце концов дослужился до чина действительного статского советника), в 1857 году отправился руководителем подобной экспедиции на Белое море и Северный Ледовитый океан, организованной по Высочайшему Повелению. Целью ее было «исследование рыболовства и звероловства в Белом и Ледовитом морях и в притоках оных» [49, л. 4]. Срок устанавливался до двух с половиной лет. В связи с тем, что оные изыскания предполагалось производить на территории Вологодской губернии (а также Архангельской и Олонецкой), в адрес Вологодского губернатора действительного статского советника Филиппа Семеновича Стоинского в январе 1859 года Министерство государственных имуществ направило следующее предписание: «Оказывать экспедиции при ея изысканиях <...> содействие и сделать распоряжение об удовлетворении законных требований членов оной, которые в одно и то же время могут производить исследование в разных местах» [49, л. 4 об.].

В 1859 году Данилевский снова прибывает в Вологодскую губернию – уже в ином качестве, нежели прежде. «Но теперь Вологда для Данилевского ассоциировалась уже не с местом изгнания, как поначалу, а с самыми сокровенными воспоминаниями. Он по-прежнему боялся одиночества и почти в каждом письме к Александру Межакову обещал приехать в Никольское, куда его влекли неведомые силы. Словно внутренний голос кричал: “Там твоя судьба! Не опоздай!” Предначертанному свыше суждено было сбыться <...> Лучиком света, озарившим жизнь 35-летнего ученого, становится старшая дочь Межакова Ольга» [7]. Зимой 1860 года Николай Яковлевич приехал в Никольское и сделал предложение дочери своего покойного друга, получил ее согласие и отправился в экспедицию. Он переписывался со своей невестой, но эти письма не сохранились. Новый, 1861 год Данилевский встретил в норвежском Тронхейме, там же провел и Пасху. По итогам данной экспедиции им было выработано законодательство по части рыболовства во всех водах европейской части России.

Наконец, он возвращается обратно в Россию и отправляется на Вологодчину к своей невесте. 15 октября 1861 года в Никольской Заболотской (Покровской, Никольской

ружной) церкви 39-летний Николай Яковлевич Данилевский венчается с 23-летней Ольгой Александровной Межаковой (стоит отметить, что она приходилась четвероюродной сестрой Любови Дмитриевне, супруге известного русского изобретателя самолета Александра Михайловича Можайского, жившего на Вологодчине и получившего за женою имение Котельниково в Вологодском уезде – ныне поселок Можайское Спасского сельского поселения Вологодского района)¹. На следующий год у них появился первенец – дочь Вера (1862–1934). Также у Данилевских было еще пятеро детей – Григорий (1865–1872), Варвара (1868–1947), Николай (1871–1944), Сергей (1874–1961) и Иван (1877–1933). Церковь, в которой венчался знаменитый русский мыслитель и ученый, сохранилась, но на настоящий момент является недействующей. Никольского Данилевский не забывал никогда: «Экспедиции, другие его работы, напряженная литературная деятельность не мешали ему и впредь с семьей время от времени навещать Никольское². Там долго сохранялась о нем память как о добром барине, изучавшем растения» [5]. В 1863 году Николай Яковлевич с женой и дочерью Верой уехал в Крым, куда Министерством государственных имуществ он был назначен «начальником экспедиции по изучению рыболовства в Черном и Азовском морях». В 1867 году он купил в Крыму, между Ялтой и Севастополем, усадьбу Мшатка, где и поселился на долгие годы. Здесь же был похоронен после своей кончины в 1885 году. Ольга Александровна скончалась 19 февраля 1909 года и упокоилась рядом со своим супругом.

* * *

Пребывание в вологодской ссылке имело важное значение для Николая Яковлевича Данилевского, который активно занимался здесь научной деятельностью и внес немалый вклад в изучение нашего края. Его натура искала деятельности, применения. По этой причине он уже в Самаре отправляется в научную экспедицию, а потом неоднократно ездит и в другие, в том числе и в качестве руководителя. Здесь, в Вологде, он окончательно отказывается от своих социалистических симпатий молодости и становится консерватором, а также окончательно обращается к православию. Именно на основе научных работ, созданных в ходе переосмысления прежних воззрений, у Данилевского происходит формирование его системы взглядов, изложенных в работе «Россия и Европа». Примерная трансформация произошла через пятьдесят лет и с другим ссылкойным в нашем краю – Николаем Бердяевым.

Но самое важное значение наш край имел для Данилевского не в области науки или идеологии, а в том, что здесь он нашел свою вторую супругу, с которой прожил до самой кончины. Потомки выдающегося мыслителя не забывают о том, что его жена была уроженкой Вологодчины. Вологда вообще может гордиться тем, что в одном пространстве можно найти немало мест, связанных с выдающимися историческими персонажами. Вот, например, пространство вокруг площади, носящей имя «Революции». В храме святого Иоанна Предтечи в Рощенье венчался со своей первой женой Данилевский. А в доме напротив в свое время жил Константин Батюшков. Тут же рядом – дом купца Самарина, где жили в ссылке сестра и мать Владимира Ленина. В гостинице «Золотой якорь» останавливались поэт Иннокентий Анненский и писатель и поэт Федор Сологуб, который в гостиничном ресторане беседовал о поэзии с юным Алексеем Ганиным. Здесь же жил во время вологодской ссылки Николай Бердяев.

¹ Троюродным братом Любови Дмитриевне Можайской приходился поэт Серебряного века Михаил Алексеевич Кузмин, который, впрочем, родился через шесть лет после ее кончины.

² Здесь родились его дочь Вера и сын Николай. Григорий родился в Мисхоре, Сергей и Иван – во Мшатке, место же рождения Варвары точно установить пока не удалось.

Напротив отеля когда-то стоял Спасо-Всеградский собор – важная городская святыня. В нем служил во время своих посещений города святой праведный Иоанн Кронштадтский. Одну из служб в храме посещал Государь Александр Благословенный, который также был на балу в здании Дворянского собрания, в котором сейчас Областная филармония.

На месте бывшего здания профсоюзов находилась типография Гудкова-Белякова, куда ходил в свое время Есенин в сопровождении Ганина, чтобы издать тут свою антивоенную поэму «Галки». Через год он жил тут же, неподалеку, в гостинице «Пассаж» и в ресторане при ней отмечали его свадьбу с Зинаидой Райх. Таким образом, можно видеть, сколько интересного связано только с одним местом в самом центре города. Сохранение памяти о данных событиях и людях, посещавших Вологду, крайне необходимо для будущих поколений. Пребывание в Вологде Данилевского, хотя и краткое по времени, достойно того, чтобы увековечить память о нем, равно как и о Николае Бердяеве, философе, известном во всем мире, тем более что вологодская ссылка имела для обоих немалое значение.

Автор статьи сердечно благодарит Ольгу Николаевну Данилевскую за ценные дополнения и уточнения, внесенные в текст.

Литература

1. Данильченко В. Вологодская жена Данилевского // Русский Север. 1999. 6 октября. С. 10.
2. Данильченко-Данилевская В.Я. «Перед Богом, Царем и совестью...»: Фрагменты семейной биографии Н.Я. Данилевского // Роман-газета XXI век. 1999. № 10. С. 98.
3. Рау И. Мой прадед Николай Яковлевич Данилевский: (185 лет со дня рождения) // Вологодский ЛАД. 2008. № 1. С. 171–177.
4. Шафранова О. Добрый барин... // Красный Север. 1991. 31 января. С. 4.
5. Шафранова О.И. Его называли солью земли русской [Электронный ресурс] // Дворянское собрание. 1996. № 5. С. 104–117 / Режим доступа: https://www.booksite.ru/usadba_new/nicol/2_14.htm
6. Наумова О.А. Н.Я. Данилевский в Вологодской губернии (по материалам Государственного архива Вологодской области) [Электронный ресурс] // Доклады конференций / Автономная некоммерческая организация Институт русско-славянских исследований имени Николая Яковлевича Данилевского / Режим доступа: <http://danilevsky.ru/dokladyi-konferentsiy/n-ya-danilevskiy-v-ologodskoy-gubernii/>
7. Вера и страсть // Премьер. № 48 (274). 2002. 9 декабря.
8. Достоевский Ф.М. Письмо А.Н. Майкову. 11 (23) декабря 1868. Флоренция / Ф.М. Достоевский // Собр. соч.: в 15 т. Т. 15: Письма. СПб.: Наука, 1996.
9. Дойков Ю. Певец панславизма: Данилевский Николай Яковлевич [Электронный ресурс] / Ю. Дойков // Самые знаменитые историки России. М., 2004. С. 104–112 / Режим доступа: https://www.booksite.ru/usadba_new/nicol/2_15.htm
10. Лавочкин И.В. Великий мыслитель (к 175-летию со дня рождения Н.Я. Данилевского) // Историческая газета. 1997. № 10–11 (ноябрь, декабрь).
11. Бушуева Н.А. Николай Яковлевич Данилевский: 1822–1885 // Русская философия XIX–XX веков: Учеб. пособие. Вологда, 1995.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XLIII [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec43.htm>
13. Лукина Н.В. Вологодские дворяне Зубовы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/zub/ovy/006/1.htm>
14. Македонская Н.М. Церкви села Никольское Усть-Кубинского района Вологодской области: Уточненные названия церквей [Электронный ресурс] // Православные приходы и монастыри Севера / Режим доступа: <http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=333>
15. Межаков Павел Александрович, поэт [Электронный ресурс] // Официальный портал правительства Вологодской области / Режим доступа: https://vologda-oblast.ru/o_regione/izvestnye_vologzhane/literatura/291566/
16. Кошелев В.А. К истории русской усадебной культуры (вологодский поэт П.А. Межаков) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда: Изд-во ВГПИ «Русь», 1994. С. 195–207.
17. Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1851. № 14. С. 145–146.
18. Данилевский Н. О времени и количестве теплоты, нужной для созревания ячменя в Устьсысольске // Вологодские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1851. № 14. С. 146–149.
19. Фарутина Н.Н. Реконструкция библиотеки вологодских дворян Межаковых // Библиография. М., 2017. № 2. С. 95–103.

20. Надеждин умирает последним // Премьер. 2004. № 43 (372). 27 октября.
21. Туркин Валерий, Попов Анатолий. В Усть-Сысольске проходил ссылку знаменитый литератор XIX века и друг зырян Надеждин [Электронный ресурс] // Красное Знамя. 2013. 5 августа / Режим доступа: <https://komikz.ru/news/history/10872>
22. Ратников Ю. Из жизни забытого поэта // Красный Север. 1965. 29 января. С. 4.
23. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 739.
24. Гура В.В. Ссылный поэт: отрывок из книги «Времен соединенье» // Красный Север. 1985. С. 4.
25. Кошелев В. «Я весь в мечтаньях утонул» // Красный Север. 1975. 11 июля. С. 4.
26. Аринин В. Как главный редактор влюбился в племянницу вологодского губернатора // Русский Север. 1996. 16 января. С. 11.
30. Вологодская область: от древности до наших дней. Вологда, 2006.
31. Минаков А.Ю. Охранитель народной нравственности: православный консерватор М.Л. Магницкий [Электронный ресурс] // Тверская епархия. Русская Православная Церковь. Московский Патриархат / Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20180209063231/https://www.tvereparhia.ru/publikaczii/tverskie-drevnosti/28083-okhranitel-narodnoj-nravstvennosti-pravoslavnyj-konservator-m-l-magnitskij>
32. Чумиков А.А., Чумиков А.П. Михаил Леонтьевич Магницкий в 1812–1844 гг. // Русская старина. 1875. Т. XIV. Кн. 12.
33. Показания Магницкого // Деятельность XIX века: Исторический сборник. М., 1872. Т. 1.
34. ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 879.
35. Ремизов А.М. Собр. соч.: в 10 т. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.
36. Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М.: Книга, 1991.
37. Аринин В. Бердяев в Вологде // Красный Север. 1990. 22 июля. С. 2.
38. Аринин В. Как Ленин Бердяева «пустомелей» обозвал // Русский Север. 1992. 10 апреля. С. 2.
39. Есипов В. Жил ли Николай Бердяев в Вологде?: 6 марта – 135 лет со дня рождения великого русского философа // Красный Север. 2009. 5 марта. С. 7.
40. Панов Л. По Вологде за Бердяевым // Русский Север. 1993. 1 апреля. С. 3.
41. Мельникова Е. «Остановились в “Золотом якорь»» // Вологодский комсомолец. 1989. 22 октября. С. 5.
42. Новоселов В. «Золотой якорь»: Николай Бердяев в Вологде // Красный Север. 1990. 25 ноября. С. 3.
43. Волгогонова О.Д. Бердяев. М.: Молодая гвардия, 2010.
44. Анатольев Алексей. Яд на завтрак // Премьер. 2019. № 36 (1137). 10 сентября.
45. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Воспоминания. Т. 1. М., 2019.
46. ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226.
47. Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг. Л.: Наука, 1984. (Научное наследство).
48. Вологодские губернские ведомости. 1906. № 48.
49. ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1684.

Аннотация. В статье рассказывается о пребывании и деятельности Н.Я. Данилевского в Вологде, о его связях с Вологодщиной и о значении пребывания мыслителя в вологодской ссылке. Помимо этого говорится о феномене вологодской ссылки в целом, рассказывается о пребывании там других известных личностей – Н.И. Надеждина, В.И. Соколовского, М.Л. Магницкого и Н.А. Бердяева. Отмечается значение для Вологодчины пребывания здесь известных людей.

Ключевые слова: Вологда, краеведение, ссылка, петрашевцы, ихтиология, Бердяев, Надеждин. Соколовский, Магницкий.

Sergey V. Zelenin, Master's Degree in History, Essayist, Historian, Blogger (Vologda). E-mail: zeleninser@rambler.ru

Danilevsky in Vologda

Abstract. The article is devoted to the staying and activities of N.Ya. Danilevsky in Vologda, his connections with the Vologda region and to the importance of the thinker's exile in Vologda. The author also relates about the phenomenon of Vologda exile in general and the staying there of other prominent persons such as N.I. Nadezhdin, V.I. Sokolovsky, M.L. Magnitsky and N.A. Berdyayev. The author notes the importance of the sojourn of famous people for the Vologda region.

Keywords: Vologda, Regional Ethnography, Exile, the Petrashevites, Ichthyology, Berdyayev, Nadezhdin, Sokolovsky, Magnitsky.

Память о Н.Я. Данилевском в Крыму

Мне не очень хотелось писать эту статью, так как у меня очень личное, крайне субъективное отношение к тому, о чем я постараюсь рассказать ниже. Но увидев в ленте «Фейсбука» пост о том, как в Москве отметили 120-ю годовщину со дня смерти В.С. Соловьева, когда к могиле известнейшего отечественного философа почтить его память со всей многомиллионной столицы пришло всего лишь несколько человек, решил все же рассказать о том, как на окраине огромной страны, пережившей за последние десятилетия множество политических бурь, кризисов, смен территориальной принадлежности и достаточное число других «прелестей» постперестроечной эпохи, усилиями многих людей и общественных организаций удалось несмотря ни на что не только вернуть из небытия имя выдающегося русского мыслителя, но и сделать его значимым в культурной жизни региона. Речь пойдет о Николае Яковлевиче Данилевском (1822–1885), который покоится в крымской земле на территории своего бывшего имения неподалеку от поселка Форос, получившего мировую известность во время известных событий 1991 года.

Начну, пожалуй, с воспоминания о том, как я открыл для себя это имя. В 1986 году, собирая материалы по библиографии отечественной исторической географии в библиотеках Крыма и Москвы, я массово просматривал журналы и газеты XIX века, пытаюсь отыскать не отмеченные в библиографических указателях статьи из провинциальных изданий. Сейчас уже не припомню, где именно, но попалась тогда любопытная заметка о том, что на территории своего имения в Крыму «в специально устроенной в скале капсуле» погребен известный естествоиспытатель Н. Данилевский. Меня как крымчанина заинтересовала информация и о необычном способе погребения (что, как выяснилось позже, не соответствовало действительности), и об ученом, имя которого тогда еще ни о чем не говорило.

Советские энциклопедии и справочники, где упоминался Н.Я. Данилевский, характеризовали его преимущественно с негативной стороны, а это в условиях перестройки только стимулировало желание узнать о нем как можно больше подробностей. Главным трудом Данилевского указывалась «Россия и Европа», поэтому вполне естественно, что знакомство с его творческим наследием началось именно с этой книги.

Здесь хотелось бы отметить следующий факт, который характеризует отношение к трудам неординарного мыслителя в советскую эпоху. В каталоге очень богатой книжными редкостями библиотеки Симферопольского государственного университета (СГУ) работы Данилевского в именном указателе отсутствовали, а в предметном «Россия и Европа» находилась в разделе книг о географии Европы, «Сборник политических и экономических статей» оказался среди книг по общим вопросам экономики. Как выяснилось позже, в фон-

Киселев Сергей Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. E-mail: kiselev.crimea@gmail.com

да библиотеки СГУ имелись практически все книги и статьи Н.Я. Данилевского, но не все они по неведомым причинам были отражены в каталоге. И еще один любопытный факт. Когда автор этих строк в 1989 году взял в библиотеке университета, где уже более полувека существовал биологический факультет с кафедрой эволюционной биологии, экземпляр «Дарвинизма», то на контрольном листке возврата книг было только две даты: 1920 и 1948 год. Факт более чем многозначительный...

Попытка первого прочтения «России и Европы» оказалась неудачной. Я едва одолел страниц сто, увязнув в тексте, который показался архаичным и далеким от интересов, которыми жила страна в годы бурных преобразований середины 1980-х. Как здесь не вспомнить замечание К.Н. Бестужева-Рюмина, писавшего, что беда всех книг Данилевского в том, что у него практически не было внимательного и терпеливого читателя, «способного забыть себя, и автора, и весь мир, и жить только в книге, по крайней мере, на время ее изучения» [1, с. 609]. Прошло меньше года, и ситуация как в стране, так и в отношении к тому, как и куда в ней разворачивались события, изменилась кардинальным образом. Книга была прочитана «от корки до корки», после чего я в буквальном смысле «заболел» Данилевским, поразившем точностью и глубиной «диагноза» бытия России, но главное – образом ее возможного будущего. С годами это убеждение только крепло.

Сегодня многие высказывания Николая Яковлевича стали хрестоматийными, приобрели характер аксиом, а ведь чуть более тридцати лет назад имя его оставалось на самом краю общественного сознания. Именно тогда и родилась мысль о необходимости сделать наследие Данилевского доступным как можно большему числу активных граждан, заняться пропагандой его идей, для чего в то время открывалось много возможностей.

Первыми площадками, где были предприняты попытки популяризации наследия Данилевского, стали «Русское философское общество», которое мы учредили в университете вместе с известным ныне крымским историком Андреем Мальгиным, Большой дискуссионный клуб СГУ и «Клуб крымской интеллигенции». Аудитория этих объединений была ограничена несколькими десятками энтузиастов, часть которых очень негативно относилась к русской философии вообще, а часть твердо стояла на позициях марксистской философии истории. Жаркие дискуссии тех лет были острыми, яркими, запоминающимися, но бесплодными в силу замкнутости всех этих «кружков». Требовался прорыв к широким массам, и он произошел.

На рубеже 1990-х годов мы начали сотрудничать с Крымским телевидением и другими СМИ, которые в это время сами бурлили и подогревали общество своим бурлением. В начале 1991 года в редакции программ о культуре Крымского телевидения родилась идея снять фильм о месте упокоения Н.Я. Данилевского. Проводником телегруппы выдвинулся быть фотокорреспондент газеты «Крымская правда» Марк Яблонский, который подрабатывал пионервожатым в лагере имени космонавта В.М. Комарова Севастопольского морского завода, занимавшем территорию бывшего имения Данилевских «Абильбах» в окрестностях исчезнувшей деревушки Мшатка близ Фороса. М. Яблонский утверждал, что знает место захоронения Н.Я. Данилевского, но, как выяснилось позже, он ошибся, а точное место семейного кладбища Данилевских помог установить очень пожилой местный житель, который, по его словам, помнил еще обитателей имения.

В результате этой поездки был снят двадцатиминутный фильм. В него вошли перипетии поиска могилы Н.Я. Данилевского, виды «Кипарисового зала» и костровой площадки лагеря, находившейся тогда над захоронением Николая Яковлевича и его супруги. А вот на экраны до падения СССР фильм не выпустили. Его показали только в апреле 1992 года, когда пали последние идеологические запреты. Сохранилась ли копия этого фильма, сегодня никто не знает.

Тогда же, в 1991 году, мне удалось опубликовать несколько статей о Н.Я. Данилевском во всесоюзной и местной прессе. Рассказу о жизни и трудах Данилевского, впечатлениям о посещении Мшатки газета «Будем милосердны» выделила аж две полосы формата А2 [2]. Названием для этой статьи послужила строка из стихотворения А. Фета, посвященного памяти Н.Я. Данилевского. По сути, это была первая в советской прессе столь обширная публикация о Данилевском, рассчитанная на массового читателя. Тогда вряд ли кто мог предположить, что пройдет всего лишь три месяца и резиденция Президента СССР на Южном берегу Крыма, расположенная всего в нескольких километрах от бывшего имения Данилевского, станет одним из центров событий, приведших к распаду могущественного государства.

Накануне описываемых событий осенью 1990 года, нам с Андреем Мальгиным поступило предложение от издательства «Таврия» подготовить книгу о «поздних славянофилах» – Н.Я. Данилевском, К.Н. Леонтьеве и Н.Н. Страхове. Книга была написана, прошла редактирование и рецензирование, но из печати не вышла, так как выделенная на нее бумага неожиданно была переброшена на книгу о керченских корабелах. Так была упущена возможность появления в печати первого в СССР обширного биографического очерка Н.Я. Данилевского. Сегодня рукопись этой книги хранится у меня. Полностью же опубликовать ее раздел о Данилевском удалось только через десять лет [3], а в 1991 году в журнале крымского отделения Союза писателей «Брега Тавриды» была напечатана с большим числом некорректных редакторских изменений статья о жизни и трудах русского мыслителя [4].

Тогда же, в октябре 1991 года, несколько бывших сотрудников идеологического отдела Крымского обкома КПСС и молодых преподавателей Симферопольского университета составили коллектив редакции новой еженедельной газеты «Таврические ведомости», быстро завоевавшей популярность у читателей. Газета стала оплотом сторонников автономии, крымского регионализма и идентичности, быстро нарастила тиражи, ее публикации по вопросам политики, экономики, истории и культуры полуострова легли в основу того концепта, который позже назовут «Крымская идея». С первых же номеров издания в публикациях газеты начинается популяризация идей и имени Н.Я. Данилевского. В декабре 1991 года выходит большая статья, занявшая целую газетную полосу, название для которой было взято из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского, который назвал А.С. Пушкина «одним из неизвестнейших русских великих людей». Такая характеристика (и в куда большей степени) полностью подходила к имени Н.Я. Данилевского. Можно утверждать, что эта статья была последней статьей о Данилевском, опубликованной в Советском Союзе [5].

С распадом СССР рухнули все идеологические ограничения, а вместе с ними разрушился и привычный уклад жизни, началась дезинтеграция постсоветского пространства, разрывались научные и культурные связи между республиками, бывшие братские народы стали удаляться друг от друга, политическая нестабильность, экономический крах, специфический характер формирования нового буржуазного уклада коренным образом изменили интеллектуальный «ландшафт», но несмотря на все эти проблемы в Крыму в это время усилиями многих людей активно формировался своеобразный культурно-политический «остров», оторгнутый Россией 1990-х и не принимающий сомнительные ценности нового украинства. Не будет большим преувеличением утверждение, что идейное наследие Н.Я. Данилевского со временем заняло заметное место в этом процессе.

«Таврические ведомости» в 1992 году к 170-летию со дня рождения мыслителя опубликовали серию материалов о разных сторонах его деятельности: от взглядов на Восточный вопрос до описания борьбы с вредителем виноградников филлоксерой, была напечатана даже специально написанная серия литературных анекдотов из жизни Н.Я. Данилевского. В 1993 году мною была защищена кандидатская диссертация «Географизм

русской литературы XIX века», одна из глав которой посвящена географическим и геополитическим идеям в публицистике Н.Я. Данилевского.

В феврале 1994 года преподавателями филологического, исторического и географического факультетов был создан Крымский центр гуманитарных исследований (КЦГИ), сотрудники которого составили в будущем ядро крымского экспертного сообщества, а тогда основной деятельностью КЦГИ стала организация и проведение научных конференций по различным гуманитарным направлениям. Деятельность Центра поддерживалась республиканской властью, что позволило проводить не только конференции ученых местных вузов, но и представительные международные научные форумы, гостями которых часто бывали исследователи и политики из разных стран мира.

Первой конференцией, организованной КЦГИ, стали «Чтения Н.Я. Данилевского». Конференция прошла в октябре 1994 года в только что открытом для посетителей Ливадийском дворце-музее при активном содействии его директора Л.Ф. Ковалевой. Людмила Федоровна и в последующие годы всегда находила возможность принять участников чтений Данилевского и других конференций, организуемых КЦГИ. Важно отметить тот факт, что именно Чтения Данилевского открыли Ливадийский дворец как площадку для проведения научных конференций, различных конгрессов и форумов, саммитов глав государств, на которых неоднократно присутствовал и Президент Российской Федерации В.В. Путин. И сегодня Ливадийский дворец каждый год открывает свои двери для участников памятных дней Н.Я. Данилевского в Крыму.

На Первых чтениях Н.Я. Данилевского благодаря содействию ялтинского предпринимателя В.О. Ливчака состоялось наше знакомство с правнучкой ученого В.Я. Данильченко-Данилевской, которая на протяжении десяти лет принимала участие во всех наших конференциях и активно пропагандировала доступными ей средствами имя своего предка в России.

Валентина Яковлевна привлекла в Крым других правнучек Николая Яковлевича – Инну Рау (Германия), Т.Н. Вьюшкину-Данилевскую и ее сестру О.Н. Данилевскую. Их дети и внуки тоже бывали нашими гостями, что создавало на сугубо научных конференциях теплую семейную атмосферу. Тогда же, впервые за долгие десятилетия, на месте погребения Н.Я. Данилевского, прошла церковная служба, которую провел настоятель восставливавшейся тогда им знаменитой форосской церкви Воскресения Христова архимандрит Петр (Посаднев). Помню, что погода в тот день была пасмурной, накрапывал мелкий дождик. Десятки людей окружили костровую площадку бывшего пионерского лагеря в центре «Кипарисового зала», под бетонным полом которой находилась могила выдающегося русского мыслителя. На углях лежали букеты ярких хризантем, а рядом книги Н.Я. Данилевского, и на их потертых обложках как-то по особенному блестели редкие капли...

Большая семья Данилевских была вынуждена покинуть имение «Абильбах» во Мшатке в конце 1920-х годов. Внуки и правнуки Николая Яковлевича разъехались по всей стране, а некоторые оказались за границей. В советское время его потомки периодически посещали «родовое гнездо», о чем вспоминает супруга внука по линии старшего сына Николая А.А. Майорова [6, с. 22]. Уже в перестройку, после одного из таких посещений, крымскими властями в 1986 году был составлен охранный документ на место захоронения Н.Я. Данилевского, а на здании столовой пионерского лагеря установлена мемориальная табличка с более чем лаконичным текстом: «Здесь в пос. Южном (бывшей Мшатке) жил и работал известный естествоиспытатель Данилевский Н.Я. 1822–1885 гг.»

В 1995 году в Ливадийском дворце прошли Вторые чтения Н.Я. Данилевского, и вот уже четверть века под разными названиями они продолжают до наших дней. За прошедшие годы сложилась традиция в день смерти Николая Яковлевича – 10 декабря (по новому стилю) посещать место его погребения в «Кипарисовом зале». Сегодня здесь

благоустроенная территория и стоит памятник, а в середине 1990-х посетители видели бетонную костровую площадку, по периметру которой стояли ржавые остовы палаток, где летом жили пионеры. В дни Праздника славянской письменности и культуры 25–26 мая 1996 года преподаватели, аспиранты и студенты Симферопольского университета, сотрудники детского лагеря после долгих переговоров с собственником и ялтинскими властями начали благоустройство на месте погребения Н.Я. Данилевского, которое было точно установлено при помощи схемы захоронений семейного кладбища в «Кипарисовом зале», фотографий из семейного архива, предоставленных В.Я. Данильченко-Данилевской и исследователем южнобережных имений искусствоведом А.А. Галиченко, автором книги «Мшатка» [7]. Был снят толстый слой бетона, произведены раскопки до самого захоронения, после чего установлен временный крест над могилой и камень с табличкой. В этих работах принимал участие и глава Ялты Н. Дискин, являвшийся почитателем идей Н.Я. Данилевского, что и привело впоследствии к учреждению Ялтинским городским советом премии Н.Я. Данилевского. Награждение этой премией, правда, состоялось только один раз, но у меня в домашнем архиве до сих пор хранится диплом ее первого лауреата.

В 1996 году широкий резонанс получила публикация в газете «Крымские известия» статьи ялтинской журналистки Людмилы Шершневой с названием в стилистике «лихих девяностых», выглядевшем, мягко говоря, диковато: «За что философа Данилевского закатали под асфальт?». Как бы там ни было, но именно после этой публикации имя Данилевского в крымской прессе стало регулярно появляться уже не только в газете «Таврические ведомости», но и в центральных газетах республики, на радио и телевидении.

В конце 1990-х годов к пропаганде идейного наследия Н.Я. Данилевского, организации научных конференций и памятных мероприятий подключились Фонд «Москва – Крым» и самая крупная организация российских соотечественников – Русская община Крыма, во главе которой стоял С.П. Цеков, занимавший должности председателя Верховного Совета Крыма, вице-спикера крымского парламента, а в настоящее время являющийся членом Совета Федерации. Дом в Симферополе на Долгоруковской улице, где размещается Русская община Крыма, стал местом проведения ежегодных конференций в рамках «Русских научных вторников». Тогда же, в начале 2000-х годов, к популяризации наследия автора теории культурно-исторических типов подключился Русский культурный центр Фонда «Москва – Крым». В 2002 году при активной поддержке директора РКЦ Г.Н. Гржибовской была проведена представительная научная конференция, посвященная 180-й годовщине со дня рождения Н.Я. Данилевского.

С 2007 года на территории Крыма стали проводить Международный фестиваль «Великое русское слово». С тех пор и до сегодняшнего дня на многих его конференциях звучит не только «слово» А.С. Пушкина, но и «слово» Н.Я. Данилевского. В декабре 2007 года при активной поддержке Русской общины Крыма, не без препятствий со стороны украинских чиновников в «Кипарисовом зале» удалось установить памятник на могиле Н.Я. Данилевского и его супруги. Памятник был изготовлен на деньги потомков ученого, прежде всего В.Я. Данильченко, Т.Н. Вьюшкиной, О.Н. Данилевской. На торжественной церемонии открытия памятника семью ученого представляла дочка Татьяны Николаевны – Ольга Тэнни, живущая ныне в США, но не теряющая связи с Родиной и «родовым гнездом».

В 2008 году еще одной площадкой, где до сих пор проводятся памятные мероприятия в честь Н.Я. Данилевского, благодаря инициативе заведующей отделом краеведческой литературы Н.Я. Максимушкиной стала Республиканская библиотека. Участниками чтений Н.Я. Данилевского в Республиканской библиотеке традиционно являются студенты, а в последние годы их гостями были известные философы и политологи из Москвы: Борис Межуев, Любовь Ульянова, Сергей Михеев, Дмитрий Евстафьев, Сергей Пантелеев и многие другие, за что особая благодарность директору библиотеки Е.В. Ясиновой.

В сентябре 2013 года в Институте биологии южных морей, в прекрасной академической атмосфере прошли научные чтения памяти Н.Я. Данилевского. Доклады выступающих касались не только традиционных вопросов биографии ученого и его вклада в общественные науки, но и работ Данилевского в области ихтиологии, рыбохозяйственной деятельности, где он до сих пор остается одним из крупнейших отечественных авторитетов, а также исследованиям по теории эволюции и критике теории Дарвина, что сегодня большая редкость. Кроме того, на этих чтениях была представлена книга бывшей сотрудницы института и жены внука Н.Я. Данилевского А.А. Майоровой «История моей жизни для моих детей», содержащая множество уникальных биографических сведений из истории семьи Николая Яковлевича. На этих чтениях мы вновь встретились с Т.Н. Вьюшкиной-Данилевской, Ольгой Тэнни, познакомились с приехавшей из США О.Н. Данилевской, с которой с того дня поддерживаем теснейшие связи и постоянно переписываемся. Ольга Николаевна с ее деятельным характером и активной жизненной позицией, несмотря на разделяющее нас расстояние, в курсе всех событий и принимает непосредственное участие во всех мероприятиях, посвященных памяти Н.Я. Данилевского в российском Крыму. Она уже дважды приезжала на полуостров после 2014 года.

Накануне же 2014 года из Фороса стали поступать тревожные сведения о том, что территория детского лагеря «приглянулась» одному украинскому олигарху, который собирается застроить ее коттеджами, а останки Н.Я. Данилевского перенести в поселок. Учитывая, что подобный пример с перенесением останков героя-пограничника лейтенанта А.С. Терлецкого уже имелся, эта информация взволновала многих, но события «Крымской весны» сделали осквернение захоронения невозможным, хотя и не сняли всех проблем вокруг могил Н.Я. Данилевского и его близких. В настоящее время готовится отчуждение участка земли «Кипарисового зала» и его мемориализация, но дело пока по разным причинам движется медленно.

После возвращения Крыма в состав России на Международном фестивале «Великое русское слово» было принято решение о проведении его зимней сессии – Ливадийского форума, приуроченного к традиционным декабрьским мероприятиям, посвященным памяти Н.Я. Данилевского. На данный момент прошло уже пять зимних сессий Ливадийского форума. Еще в 2014 году сенатор С.П. Цеков озвучил планы по благоустройству места погребения Николая Яковлевича, строительству часовни близ «Кипарисового зала» и установки памятника ученому на участке у дороги Севастополь – Ялта над пос. Санаторное, а также, если удастся, устройству небольшого музея. Пока эти планы не реализованы, но мы не перестаем напоминать о них на Ливадийском форуме участникам и председательствующим на нем членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы.

Особо хотелось бы выразить признательность за помощь в организации и проведении Ливадийского форума Комитету по культуре Госсовета Республики Крым, его председателям: С.Б. Савченко (ныне депутат Государственной Думы), Н.П. Пермяковой, Н.А. Волкову и их сотрудникам. Благодаря усилиям очень многих людей 28 ноября 2018 года Председателем Государственного Совета Республики Крым В.А. Константиновым был подписан документ о «праздновании в 2022 году 200-летия со дня рождения Н.Я. Данилевского и объявлении в Республике Крым 2022 года Годом Николая Данилевского» [8].

По инициативе Комитета по культуре, в 2018 году издан сборник малоизвестных публицистических статей Н.Я. Данилевского, в состав которого была включена моя большая статья «Русский гений: Николай Данилевский» [9]. Возможно, найдутся те, кто не согласится с такой трактовкой личности Н.Я. Данилевского. Они находились при его жизни, находятся и сейчас. За сто пятьдесят лет было затрачено достаточно усилий на то, чтобы вычеркнуть из нашей интеллектуальной истории имя человека, который выдвинул и обосновал на первый взгляд незамысловатую и вполне доступную любому мысль: Россия не

Европа, у нее свой путь в будущее; Россия – отдельный мир, оригинальная самостоятельная цивилизация, которая не хуже и не лучше других. Мысль простая, а, как известно с давних времен, все гениальное просто.

Вот такая, в самых общих чертах, канва борьбы за память о Н.Я. Данилевском в Крыму. И, возвращаясь к началу этого текста, хотелось бы вновь вспомнить блистательного русского философа Владимира Соловьева. Именно его статья о Н.Я. Данилевском в самой популярной энциклопедии дореволюционной России [10] определяла отношение русской интеллигенции к трудам и идеям Николая Яковлевича вплоть до наших дней. Отношение высокомерное, снисходительное и чуть ли не презрительное. Время все расставило на свои места. В свою очередь, пожелаем поклонникам Соловьева не забывать о нем и найти в себе хотя бы часть тех сил, которые нашли у себя крымчане, для сохранения памяти о замечательном русском человеке.

Литература

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Теория культурно-исторических типов // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб., 1889.
2. *Киселев С.Н.* «Он восторгов опасных старался обуздать ложь...» // Будем милосердны. 1991. № 4 (5). Май. С. 10–11.
3. *Киселев С.Н.* Русский гений: Николай Данилевский // Крымский архив. 1999. № 4. С. 59–152.
4. *Киселев С.Н.* Честный ум // Берега Тавриды. 1991. № 3. С. 135–143.
5. *Киселев С.Н.* «Один из неизвестнейших великих...» // Таврические ведомости. № 5. Декабрь. 1993. С. 3.
6. *Майорова А.А.* История моей жизни для моих детей. Брянск: Ладомир, 2013.
7. *Галиченко А.А.* Мшатка. Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.
8. О подготовке и проведении в Республике Крым мероприятий, приуроченных к празднованию 200-летия со дня рождения Н.Я. Данилевского: Постановление Государственного Совета Республики Крым. 2018. 28 ноября. № 2176-1/18.
9. Русский Гений: Н.Я. Данилевский / сост. С.Н. Киселев. Симферополь: Антикава, 2018.
10. *Соловьев В.С.* Данилевский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1893. Т. X (19). С. 77–80.

Аннотация. В статье рассказывается о том, как на протяжении трех десятилетий в Крыму осуществлялась кропотливая работа по увековечиванию памяти о Н.Я. Данилевском, пропагандировались его труды и идеи, готовились и проводились многочисленные чтения и конференции, посвященные творческому наследию русского мыслителя. Кроме того, сообщается об усилиях крымской общественности и потомков ученого по поиску места погребения Н.Я. Данилевского, благоустройству и установке памятника.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, русский мыслитель, теория культурно-исторических типов, Крым, Мшатка, «Кипарисовый зал», Ливадийский дворец, памятник.

Sergey N. Kiselev, PhD of Philology, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography and Territorial Administration, Taurida Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University. E-mail: kiselev.crimea@gmail.com

The Memory of N.Ya. Danilevsky in Crimea

Abstract. The article describes the painstaking work in Crimea during three dozen years to perpetuate the memory of N. Ya. Danilevsky by promoting his works and ideas, organizing and conducting many readings and conferences devoted to the creative heritage of the Russian thinker. Moreover, the author tells about the efforts of the Crimean community and the scientist's descendants to locate and improve the burial place of N.Ya. Danilevsky and to put up a monument to him.

Keywords: N.Ya. Danilevsky, Russian Thinker, the Theory of Cultural and Historical Types, Crimea, Mshatka, the "Cypress Hall", Livadia Palace, Monument.

«Дело... о дворянстве рода Данилевских»: даты рождения и тайны происхождения

I. Предыстория¹

История рода Данилевских изучена еще недостаточно. Собственно говоря, заниматься ею долгое время было некому. После Октябрьской революции Н.Я. Данилевский числился в разряде «реакционеров», а потому даже его потомкам проявлять к ней интерес было небезопасно.

Однако после переиздания «России и Европы» в 1991 году произошел взрывной рост интереса к творчеству Николая Яковлевича. Число публикаций о нем резко возросло, причем непроверенные данные о его жизни стали, увы, не просто распространяться и воспроизводиться, но и порой «творчески» переосмысливаться. Из-за этого количество ошибок и неточностей лишь возрастало.

К сожалению, их источником послужила статья «Жизнь и труды Н.Я. Данилевского», написанная Николаем Николаевичем Страховым. Этот видный философ и публицист второй половины XIX века активно популяризировал идеи своего друга Н.Я. Данилевского и к посмертному переизданию его главной книги в 1886 году подготовил о нем биографический очерк. Несомненно, значительную часть информации Страхов брал *из первых рук*, то есть вспоминал рассказы самого Николая Яковлевича, но – увы! – допускал немало неточностей и просто ошибок. Если в самом первом абзаце его статьи выделить курсивом его, так скажем, сомнительные высказывания, то получится следующее:

Автор этой книги, Николай Яковлевич Данилевский, родился 28 ноября 1822 года². Место рождения – село Оберец Орловской губернии Ливенского уезда, родовое имение его матери. Отец его, Яков Иванович, командовал гусарским полком и впоследствии был бригадным генералом. Яков Иванович назначал себя сперва на другое поприще и в 1812 году слушал курс медицины в Московском университете; но, когда началось нашествие французов, он оставил учение и поступил в военную службу. Он был ранен в заграничном походе (при Лейпциге?) и лечился некоторое время в Париже. Впоследствии он делал Севастопольскую кампанию, был комендантом Белграда и вышел в отставку на Дунае, когда отвергнуто было одно его настоятельное предложение. При

¹ Выражаю благодарность Ольге Николаевне Данилевской, правнучке Н.Я. Данилевского, за предоставление архивных документов и обсуждение статьи в ходе ее написания.

² Дату Н.Н. Страхов, видимо, заимствовал из некролога, опубликованного в 1885 году – по свежим следам! – П.Н. Семеновым [77, с. 2], но утвердилась она в справочной литературе, несомненно, благодаря Страхову.

Журавель Александр Васильевич, историк, независимый исследователь. E-mail: ravell@list.ru

образовании ополчения Орловской губернии он был единодушно избран его начальником, но умер 2 августа 1855 года от холеры, *через два часа после того, как делал смотр ополчению. Яков Иванович всегда любил науку и литературу и даже сам писал комедии, оставшиеся в рукописи* [28, с. XXI–XXXIV]¹.

Как видим, почти вся содержательная информация оказалась под вопросом, и это касается как даты и места рождения Николая Яковлевича, так и данных о его отце.

Надо сказать, мифотворчество в отношении биографии Н.Я. Данилевского началось еще в советское время – на самом высоком уровне. В третьем издании Большой советской энциклопедии философ Е.Б. Рашковский воспроизвел ошибочную дату рождения Николая Яковлевича и заодно превратил *Оберец* в *Оберце*, а затем, спустя одиннадцать лет, повторил свои ошибки в «Философском энциклопедическом словаре» [66, с. 527; 67, с. 134]. Никто из редакторов этих солидных изданий последнее искажение не заметил.

В 1990-х годах невнятное высказывание Страхова о Я.И. Данилевском как о «коменданте Белграда» превратилось в утверждение, будто он, генерал-майор от кавалерии, вдруг стал в 1840-х годах генеральным консулом России в Сербии, что внешне выглядело почти правдоподобным, учитывая панславистские воззрения его сына. Дело дошло до того, что статья с упоминанием Я.И. Данилевского как российского консула в Белграде была размещена на сайте российского посольства в Сербии²!

В объемном трехтомнике «Высшие чины Российской империи», подготовленном Е.Л. Потемкиным, о Якове и Григории Ивановичах читаем:

Данилевский Григорий Иванович (1800–1858) – генерал-майор (28.04.1849), в отставке с 1850 года, кавалер орденов: Св. Владимира IV ст. с бантом, Св. Анны IV ст., II ст. с императорской короной, Св. Станислава II ст., Св. Георгия IV ст.

Данилевский Яков Иванович (1789 – 2.08.1855) – генерал-майор (30.08.1839), *генеральный консул в Белграде (1843–1851), генерал-лейтенант, командир легкоартиллерийской конной бригады, начальник Орловского ополчения (1855), генерал от кавалерии*, кавалер орденов: Св. Станислава I ст., Св. Георгия IV ст. (1.12.1835), жена – Мишина Дарья Ивановна (1800–1855) [39, с. 470]³.

Как видим, и здесь консульство приписано старшему брату! Но обращение к научной литературе по теме – прежде всего к работам Е.П. Кудрявцевой и подготовленному ею сборнику документов «Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века» [58] – позволяет без труда установить, что российским генеральным консулом в Белграде в 1843–1849 годах был Григорий Иванович Данилевский, то есть дядя Николая Яковлевича. Оба брата получили чин генерал-майора (но не выше, как утверждается в справочнике!), однако младший брат служил при генеральном штабе, в 1842 году выезжал в качестве главы российской миссии в Хиву [46], так что дипломатическая служба в Сербии была подготовлена всей его предыдущей деятельностью [58, с. 318]. Его отъезд

¹ Здесь и далее в цитатах курсив мой. – А.Ж.

² «В 1843 году российское представительство возглавляет Я.И. Данилевский, отец известного философа, идеолога панславизма Николая Данилевского» [41].

³ Следует отдать должное автору за его титанический труд, потраченный на подготовку этого справочника: книга его, несомненно, на долгие годы станет основным пособием по теме, но надо отдавать себе отчет в том, что в ней немало ошибок...

в мае 1849 года из Белграда, вызванный болезнью, сначала воспринимался как временная мера [58, с. 411]. Чин генерал-майора он получил действительно 28 апреля 1849 года, причем досрочно, «за отличие по службе» [11, 28.04.1849]¹.

Первое исследование – «Русский генерал: Н.Я. Данилевский» – в 1990 году для неопубликованной книги «Между Западом и Европой» написал доцент Симферопольского университета С.Н. Киселев. В 1999 году появился его журнальный вариант, но только в 2018-м статья была опубликована в сборнике с тем же названием [71]. Следует также выделить основательную монографию историка Б.П. Балужева «Споры о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга “Россия и Европа”» [38]. В них, однако, главное внимание уделено идейному наследию Н.Я. Данилевского, а потому, вслед за Страховым повторяются его ошибочные сведения о дате, месте рождения и об отце Николая Яковлевича.

Однако потомки Н.Я. Данилевского никогда не забывали о своем великом предке и по мере сил и возможностей собирали по крупицам сведения о его жизни и роде Данилевских. Следует отметить двух правнучек, внесших огромный вклад в возвращение имени Николая Яковлевича из небытия, – Валентину Яковлевну Данильченко (1935–2005) и Инну Михайловну Рау (род. 1935). Чтобы подчеркнуть свое родство с Николаем Яковлевичем, обе часто подписывали свои статьи с добавлением через дефис *Данилевская* [48, с. 98; 49; 53].

Стараниями В.Я. Данильченко в 1993 году в Российском государственном историческом архиве (РГИА) удалось найти «Дело по рапорту Орловского депутатского собрания о дворянстве рода Данилевских», которое было подано в Сенат в 1834 году и закрыто – с положительным решением для Данилевских – в 1840-м [21]. Кроме того, она тогда же обратилась с запросом в Государственный архив Орловской области и получила ряд ценных выписок из хранившихся там материалов.

И.М. Рау поместила копии многих документов на своем веб-сайте (<http://www.danilevsky-rau.de>) [84], который остался практически не известным исследователям творчества Н.Я. Данилевского. На сайте помимо фотокопий из архивов приводятся также газетные статьи и переписка И.М. Рау, родословные материалы, многочисленные фотографии.

В данной статье анализируются собранные нашими предшественниками архивные материалы – прежде всего сенатское Дело². В нем содержатся заверенные копии выписок из метрических книг о рождении Николая, Александра и Елены Данилевских, а также послужной список их отца – полковника Якова Ивановича Данилевского. Из этих документов следует, что его старший сын Николай родился «Ливенской округи в селе Острове 1822 года декабря 4-го». Получается, что Страхов неточно указал не только дату, но и место его рождения.

Григорий Иванович Данилевский

¹ Такие приказы публиковались в газете «Русский инвалид», а также печатались отдельными листами и рассылались в войска. Поэтому в библиотеках они сшиты вместе по годам и отдельно не пронумерованы.

² Их передала нам Ирина Рудольфовна Данильченко, дочь Валентины Яковлевны.

В.Я. Данильченко, не будучи историком, не решилась «спорить» с этим авторитетом, а потому в своих публикациях повторяла традиционную датировку рождения Николая Яковлевича. Однако она сообщила о ней И.М. Рау, которая первой ее и обнародовала, правда, с досадными искажениями [61, с. 15]¹. В последующих публикациях они были исправлены [62–65], но об источнике информации в этих популярных публикациях не сообщалось.

Тем не менее именно эти сведения о месте и дате рождения Н.Я. Данилевского в 2008 году, видимо, использовал исследователь русского консерватизма А.В. Репников, поместив их в Большой российской энциклопедии, причем сделал это информационно – без всяких ссылок на источник [68, с. 286; 69, с. 5; 70, с. 143].

В подобных случаях существенную, а порой ключевую роль играют исследования краеведов, но их развертыванию имеются объективные препятствия. Дело в том, что в январе 1954 года появилась на свет Липецкая область, к которой была прирезана часть Ливенского района Орловской губернии, причем прирезана так, что родные места Николая Яковлевича Данилевского, Остров и Оберец, находящиеся в семи (!) километрах друг от друга, оказались в разных областях: Оберец – в Липецкой, а Остров – в Орловской. В силу этого Данилевский оказался для орловских краеведов «чужим», а для липецких – не совсем «своим». К сожалению, при образовании Липецкой области произошла обычная в таких случаях передача архивных дел из Орла в Липецк, так что документы, ранее составлявшие единый комплекс, ныне оказались разделенными территориально. Помимо внешних технических сложностей – проживания в двух разных городах! – исследователям гораздо сложнее восстановить тот самый разрушенный комплекс документов и не упустить какие-то мелкие на первый взгляд, но существенные подробности.

Как бы то ни было, достоверная информация, достаточно широко обнародованная, была вполне способна конкурировать с первичными утверждениями Страхова, но существенный недостаток всех предыдущих публикаций состоял в том, что они, не давая должного обоснования новым данным, содержали, увы, явные погрешности, подрывающие доверие к самим этим статьям. Поэтому лучше оставить их в покое, а попытаться выделить базовую информацию, имеющуюся в «Деле... о дворянстве рода Данилевских».

Оно хранится в фонде 1343 РГИА (Правительствующего Сената временного присутствия герольдии) и содержит 25 листов, то есть 50 страниц текста. Дело представляет собой переписанную в герольдии сводку документов, которую 5 октября 1834 года² с помощью младшего брата Григория представил в Орловское дворянское депутатское собрание полковник Яков Иванович Данилевский, командир Гусарского его императорского высочества Михаила Павловича полка. По установленному тогда порядку он обращался непосредственно к императору Николаю Павловичу и просил внести его с детьми, двумя сыновьями и дочерью, в Дворянскую книгу Орловской губернии «с выдачею мне грамоты, сыновьям копии с протокола и дочери свидетельства» [21, л. 3]. 25 октября того же года прошение было зарегистрировано в Орловском дворянском депутатском собрании под № 484. Выписка из дела была заслушана 27 октября [21, л. 20]³, после чего прошение было удовлетворено, но для утверждения этого решения Дело 23 ноября было направлено под № 911 в герольдию Сената, где в свою очередь было принято 7 декабря того же 1834 года (№ 882).

Там «Дело... о дворянстве рода Данилевских» «пролежало» без малого шесть лет: все документы были скопированы и заверены; затем, по-видимому, проанализированы

¹ В публикации, однако, были допущены опечатки – датой рождения обозначено 2 января вместо 4 декабря, а «Остров» звучит как «Острово».

² Здесь и далее взятые из документов датировки приводятся по юлианскому стилю. В ряде случаев к ним добавляется в скобках их перевод на григорианский стиль.

³ Выписка хранится в фонде Орловского дворянского депутатского собрания [4, л. 239–242 об.]

и на слушании его, состоявшемся 5 июля 1840 года, решение Орловского дворянского депутатского собрания было утверждено. Каждые семь листов дела заверялись фразой «С подлинным делом читал канцелярист Михаил Артюхов», где каждое слово, включая предлог «с», писалось на отдельной странице. В последний раз эта фраза была начата на л. 23, а завершена на л. 25 об. в сокращенном виде: «...читал канцелярист Артюхов». Таким образом, подлинность имеющихся в деле свидетельств сомнений не вызывает.

Какие именно документы в нем содержатся? Помимо вышеописанного прошения там имеется:

1) «Формулярный список о службе и достоинстве... полковника Данилевского 2-го¹» по состоянию на 8 сентября 1834 года;

2) Документы об отличиях, включая:

а) патент на чин полковника от 2 октября 1831 года;

б) указ о пожаловании знаков ордена Анны второй степени, украшенных императорской короной;

в) рескрипт генерал-фельдмаршала «Барклая Детолли» [так! – А.Ж.] от 16 февраля 1815 года о награждении поручика Данилевского орденом Владимира 4-й степени с бантом за «отличную храбрость» в сражении под Лейпцигом;

3) копии метрических свидетельств о рождении детей – сыновей Николая (4.12.1822) и Александра (6.08.1824), дочери Елены (20.05.1829);

4) документы Орловского дворянского депутатского собрания о составлении выписки из Дела рода Данилевских и слушании оной 27 октября, а также о его решении внести Я.И. Данилевского с детьми в третью часть Дворянской родословной книги Орловской губернии.

В последнем обширном документе подытоживается содержание всех предыдущих документов, с добавлением некоторых подробностей, вследствие чего ключевые свидетельства в Деле повторяются несколько раз.

Это касается прежде всего воинского пути Якова Ивановича и рождения его детей. Но информативность источников к этим важным сюжетам не сводится. Содержащийся в Деле и в извлечениях из орловского архива материал позволяет не только уточнить биографические данные отца-военачальника и сына-ученого и опровергнуть невольные домыслы Страхова, но и поставить вопрос об истории рода Данилевских не в узко генеалогических, а в общеисторических рамках.

Эти архивные – увы, ограниченные – источники создают базу нашего исследования. Существенным дополнением к ним служат мемуары современников (П.П. Семенова-Тян-Шанского и Н.Н. Страхова), зачастую пересказывавших устные рассказы Н.Я. Данилевского, а также семейные предания, в конечном счете восходившие к его воспоминаниям в кругу семьи. Они большей частью записаны И.М. Рау со слов ее матери Татьяны Ивановны Капрановой, урожденной Данилевской (1914–2005).

Недостаток архивных данных состоит в том, что из-за их неполноты простой пересказ сведется к обычной энциклопедической сводке, которая, как ни парадоксально, будет не слишком информативной: большинство читателей окажутся неспособными извлечь многие имеющиеся в ней факты. Недостаток устных рассказов, известных в первичных, вторичных и т.д. переложениях, помимо той же неполноты, состоит в том, что начитанные люди вольно или невольно своим воспоминаниям – и устным, и положенным на бумагу – дают литературную обработку, причем на каждом последующем этапе степень «беллетристи-

¹ «Данилевским 1-м», видимо, считался умерший в 1819 году подполковник Макар Иванович Данилевский, являвшийся командиром сначала Екатеринославского гренадерского (1814–1815), а затем, в 1819 году, Бутырского пехотного полка [57].

ки» будет возрастать. Всякие умолчания и недосказанности первоисточника увеличивают литературность позднейших пересказов и порождают неточности, ошибки и вымыслы. Все это вместе неизбежно вызывает у читателей недоверие к ним.

Ярким примером тому служат слова Страхова, выделенные выше курсивом. Однако было бы неправильно относиться к «фантазиям» типа *коменданта Белграда* с тотальным неприятием. В них, как в древних летописных «баснях» о казнях княгини Ольги, якобы троекратно расправлявшейся с древлянами, есть рациональное зерно, но чтобы понять это, необходимо внести их в исторический контекст и поместить каждый отдельно взятый факт на надлежащее место, показать взаимосвязь этих разрозненных фрагментов, и тогда возникнет образ, дающий представление о целом. По мере дальнейших архивных изысканий будет возможно гипотезы и новые факты, имеющие лишь косвенное подтверждение, обосновать более надежно. Надеемся, что наше исследование послужит отправной точкой для будущих работ.

II. Дата рождения Н.Я. Данилевского

Прежде всего необходимо прояснить наименее сложный вопрос – о рождении Николая Яковлевича. Сначала – последовательно все свидетельства о его рождении, имеющиеся в Деле.

1. В прошении на имя царя об этом сообщается дважды:

«Имею детей сыновей: Николая 11 и Александра 10 лет и дочь Елену 5 лет, которые родились первый: Ливенской округи в селе Острове 1822 года декабря 4-го, второй в городе Ливнах 1824 августа 6, и записан в метрической книге Конно-егерского Его Величества короля Виртембергского полка, а последняя Ливенского уезда в селе Острове 1829 года мая 20 и записана в метрической книге Нарвского гусарского полка, на что и свидетельство у сего прилагаю» [21, л. 2 об.]

2. В приложенном ниже «Списке по форме, изображенный в Жалованной дворянству грамоте» от 9 октября 1834 года повторено:

«Детей имею – сыновей Николая 11, Александра 10 и дочь Елену 5 лет» [21, л. 3 об.]

3. В «Формулярном списке» в ответе на соответствующий вопрос значится:

«Женат на дочери отставного майора Мишина девице Дарии. У них дети сыновья: Николай 11 лет 10 месяцев и 4-х дней; Александр 10 лет 2 месяцев и 2-х дней и дочь Елена 5 лет 4 месяцев и 18 дней; находятся при нем» [21, л. 14].

Из этих данных следует, что расчет был сделан 8 октября 1834 года, хотя при вычислении возраста дочери Елены был потерян один день – скорее всего, не учтено, что в мае 31 день.

4. Основной документ, копия с копии:

«Свидетельство

По указу его Императорского Величества //¹ дано сие свидетельство из Орловской духовной консистории, командира гусарского Его Императорского Высочества государя великого князя Михаила Павловича полковника Данилевского сыну Николаю, для определения в учебное заведение, в том, что рождение и крещение онаго Николая в метрической Ливенской

¹ Здесь и далее – переход страниц обозначен двумя косыми линиями. Подчеркивания в источниках сохраняются – А.Ж.

округи села Острова книге в записке значится так:

“Конно-егерского Его Величества короля Виртембергского полка г. майора и кавалера Якова Иванова сына Данилевского 2-го, сын Николай родился тысяча восемь сот двадцать второго года¹ декабря 4-го, а крещен 6-го числа; восприемником был Елецкой округи села Дрезгалова майор Петр Дмитриев сын Коротнев, таинство совершал священник Николай Острогорский с диаконом Гавриилом // Рудневым и дьячком Иларионом Шубиным”.

Апреля 7 дня тысяча восемьсот тридцать четвертого года.

Подлинное подписал смотритель духовного училища иеромонах Христофор, скрепил секретарь Афанасий Ильинский, справил повытчик² Соломин.

У подлинного свидетельства Орловской духовной консистории печать черная.

№ 1576» [21, л. 17, 17 об., 18].

5) Согласно мотивированному решению Орловского дворянского депутатского собрания,

из «метрических свидетельств, что вышепоименованные Николай, Александр и Елена суть законные дети просителя, г. полковника Якова Ивановича Данилевского, которые родились – первый // 1822 декабря 4, второй 1824 августа 6 и третья 1829 годов мая 20 числа» [21, л. 23, 23 об.].

Запись в журнале заседаний Орловского дворянского депутатского собрания от 27 октября 1834 года сохранилась в Государственном архиве Орловской области. Там воспроизводится упомянутая выше выписка, где повторяется основная информация из всех имеющихся в деле документов [4, д. 11, л. 239–242 об.] и, в частности:

6) в метрических свидетельствах указано, что

«вышепоименованные: Николай, Александр и Елена, которые родились: первый 1822 г. Декабря 4, второй 1824 г. Августа 6-го, и третья 1829 г. Мая 20».

7) Запись в третьей части Орловской дворянской родословной книги гласит:

«Данилевский Яков Иванович – полковник и кавалер, 45 лет. Женат, сыновья: Николай 12 лет, Александр 10 лет.

Недвижимое имущество жены в Ливенском уезде 60 душ».

Внесен в Дворянскую родословную книгу на основании определения от 27 октября и 30 июля 1834 г. [4, д. 62, л. 6, 18]³.

Данные свидетельства, особенно расчет точного до дней возраста всех детей (№ 3) не оставляют сомнений, в том, что Н.Я. Данилевский родился именно 4 (16) декабря 1822 года и крещен в селе Острове 6-го числа, то есть на «Николин день», день памяти свт. Николая Мирликийского.

Однако, строго говоря, это не опровергает свидетельства Страхова о том, что сам Николай Яковлевич считал местом своего рождения Оберец: в сознательном возрасте, в 1840-х годах, он ездил именно в Оберец, в «имение его дядей», и жил там или в Русском Броде, которым владела его будущая жена, вдова генерал-майора А.Н. Беклемишева Вера Николаевна⁴. Но это означало, что семья Мишиных в Острове, где крещен не только

¹ «1822» вынесено на поля – А.Ж.

² Повытчик – делопроизводитель.

³ Дочь Елена здесь почему-то не указана.

⁴ «Каждое лето он проводил в Орловской губернии, где жили его родные дяди, братья его матери. <...> Село, которым владела В.Н. Беклемишева, называлось Русский Брод, а имение его дядей – Оберец» [23, с. 192].

старший Николай, но и – спустя семь лет – младшая Елена (20 мая 1829 года), уже через 10–15 лет не имела владения совсем. Возможно, оно запустело после их переезда в Оберец, но, скорее всего, его там вообще никогда не было.

Иными словами, вопрос о месте рождения Николая Яковлевича еще рано считать окончательно решенным: для этого надо изучить структуру землевладения в этой части Ливенского уезда в 1820–1840-х годах. На данный момент имеются лишь косвенные данные, позволяющие предполагать, но пока не утверждать, что Дарья Ивановна Данилевская не проживала в Острове ни в 1822, ни в 1829 году, а если так, то вряд ли в этом селе родились ее дети.

Итак, какие доводы можно выдвинуть в пользу версии об Острове? Прежде всего это слова самого Якова Ивановича из прошения на имя царя, еще раз: «Имею детей сыновей: Николая 11 и Александра 10 лет и дочь Елену 5 лет, *которые родились первый: Ливенской округи в селе Острове 1822 года декабря 4-го*, второй в городе Ливнах 1824 августа 6, и записан в метрической книге Конно-егерского Его Величества короля Виртембергского полка, *а последняя Ливенского уезда в селе Острове 1829 года мая 20* и записана в метрической книге Нарвского гусарского полка, на что и свидетельствую у сего прилагаю».

Казалось бы, все здесь вполне однозначно и четко: старший сын и дочь родились в Острове. Однако следует обратить внимание на одну странность: крещения Александра и Елены записаны в метрических книгах полков, где служил в то время отец. Но если Александр родился в Ливнах и его крестным оказывается командир Конно-егерского полка и непосредственный начальник майора Данилевского полковник А.Н. Беклемишев, то дочь Елена крещена в Острове, когда отец *всего за неделю* до рождения дочери стал командиром Нарвского гусарского полка, квартировавшего, как увидим далее, в Прилуках Черниговской губернии. Из этого следует, что только в 1824 году Яков Иванович имел возможность находиться возле жены в момент родов – именно потому, что его полк квартировал тогда в Ливенском уезде.

При рождении же старшего сына он был вдали от дома, и в формулярном списке есть тому объяснение: «Командиром бывшего 5 Резервного кавалерийского корпуса генерал-адъютантом графом Ламбертом был уволен 1822 года с 25 сентября на 28 дней и на срок явился» [21, л. 13 об.]. Время четырехнедельного отпуска тем самым немного предшествует времени рождения сына Николая: Яков Иванович явно надеялся увидеть первенца, однако то ли расчет оказался ошибочным, то ли отпуск на более поздний срок по служебным причинам был невозможен, но так или иначе отец в конце 1822 года своего новорожденного сына так и не увидел, а потому в памяти своей место рождения не зафиксировал. Он об этом наверняка прочел в письме, в котором о месте рождения, несомненно, не говорилось: всякий постоянно проживающий в одном каком-то месте, не будет это специально оговаривать, если это адресату и без того известно. Поэтому в 1834 году, много лет спустя, оформляя прошение о записи себя и детей в Орловскую дворянскую книгу, полковник Данилевский ориентировался не на собственную память, а на показания метрических книг, где, строго говоря, фиксируется место крещения, но не место рождения!

Впрочем, для решения нужного вопроса последнее и не требовалось: достаточно, чтобы дети были, во-первых, законными, во-вторых, родившимися в Орловской губернии.

Тем самым данное свидетельство из Дела не заменит прямого указания на то, что его жена имела владения в Острове. По поводу этого в прошении и формулярном списке имеются полярно противоположные утверждения: в первом – «недвижимого имущества в Ливенском уезде за женою моею 60 душ» [21, л. 3 об.]; во втором – в графе «Есть ли за ним, за родителями его или, когда женат, за женою недвижимое имение?», в подпункте «У жены, буде женат» значится «не имеется» [21, л. 4 об.].

Формуляр составлен был 8 сентября, то есть почти на месяц раньше, чем прошение (5 октября), и, вероятно, за этот промежуток времени эти самые «60 душ»¹ у жены *появились*. Иными словами, недвижимость, необходимая для включения дворянина в губернскую дворянскую книгу, была приобретена – или только приобреталась! – именно в самом начале осени 1834 года, то есть *после рождения детей*. Документов на земельную собственность жены (ее крепостные крестьяне должны были где-то вести хозяйство!) в Деле не имеется, и удивительно, что ни Орловское депутатское собрание, ни сенатская герольдия их не затребовали. Отметим, что Яков Иванович в то время пребывал со своим полком во Ржеве, так что известие – вполне возможно, еще предварительное, неконкретное или неточное – он получил от Мишиных, родственников жены, письмом в самый последний момент.

Документы позднейшего времени свидетельствуют о том, что крепостные у Д.И. Данилевской действительно имелись, но жили они не в Ливенском, а в Елецком уезде Орловской губернии, то есть в нескольких десятках километрах от Обереца и Острова.

В окладной табели Орловской казенной палаты от 1 ноября 1850 года значится по Елецкому уезду генерал-майорша Данилевская Дарья Ивановна, имеющая в деревне Семеново (вариант: *Семенково*) 32 крестьян и 14 дворовых [3, л. 135 об.], то есть 46 человек. Спустя восемь лет, в ревизской сказке о крестьянах Елецкого уезда от 12 октября 1858 года «умершей генерал-майорши Данилевской Дарьи Ивановны» в дер. Семеново числилось 32 крестьянина и 15 дворовых [8, л. 113]. Поскольку число проживавших в Семеново крестьян оставалось в 1850-х годах стабильным, то можно предположить, что «недостающие» 15 человек проживали вместе с хозяйкой в Обереце в качестве дворовых либо отправились на отхожие промыслы, либо получили волю².

При обращении к статистическим материалам второй половины XIX века по Ливенскому уезду обнаруживается, что Остров являлось селом казенным, в то время как Оберец – село казенное и владельческое [24, с. 119]. Иными словами, в Острове проживали крестьяне государственные, а в Обереце помимо государственных имелись крестьяне крепостные, принадлежавшие частным владельцам. Эта характеристика общего статуса интересующих нас сел, вполне возможно, допускает некоторые исключения из правила, но доказательства этому следует искать в архиве...

Требует архивных разысканий и тема церковная: если Оберец – родина Н.Я. Данилевского, то почему его, а спустя семь лет и сестру Елену окрестили не в местной Покровской церкви, а в соседнем Острове, в его Спасской церкви? Это неизвестно. Возможно, Покровская церковь в Обереце еще только строилась или реконструировалась, а потому служба там в те годы не велась. Требует проверки послужной список священника Николая Острогорского, крестившего обоих детей.

Тем самым, по состоянию теперешних знаний, можно считать твердо установленным, что Николай Яковлевич Данилевский родился 4 (16) декабря 1822 года, а вопрос о месте рождения лучше оставить открытым: скорее это Оберец, но может быть и Остров...

III. «Слуга царю, отец солдатам...»

Еще более сложным и требующим отдельного исследования является жизненный путь его отца Якова Ивановича.

¹ Формула в прошении юридически неточная: недвижимостью являлась земля, но не крестьяне, на ней жившие! Крепостных крестьян помещики имели право выводить и продавать без земли. Без этого афера Чичикова, описанная Н.В. Гоголем в «Мертвых душах», была бы невозможна.

² В свете всего сказанного выше утверждение Н.Н. Страхова, что Оберец – родовое имение его матери, несостоятельно.

Яков Иванович Данилевский

Сразу следует сказать, что формулярный список, отражающий его военную карьеру с 1806 года до момента подачи прошения осенью 1834-го, делает неосновательными слова Страхова, будто «Яков Иванович назначал себя сперва на другое поприще и в 1812 году слушал курс медицины в Московском университете; но, когда началось нашествие французов, он оставил учение и поступил в военную службу».

Вполне возможно, что именно о таком поприще мечтал 16-летний Яков Данилевский, но 14 мая [21, л. 2] или 24 мая [21, л. об.]¹ 1806 года он стал унтер-офицером Лифляндского драгунского (впоследствии – Конно-егерского его величества короля Виртембергского) полка и с той поры в течение 28 последующих лет лишь дважды – в 1822 и 1832 годах – получал отпуска на 28 дней [21, л. 13 об.]. Очевидно, что ни о каком Московском университете и речи быть не могло.

На деле следовало говорить о Благородном пансионе при Московском университете, где Яков Данилевский, скорее всего, учился с 1800–1802 по начало 1806 года² и вынужден был пойти на воинскую службу, вероятно, из-за того, что его родители не имели средств содержать его дальше.

В чине унтер-офицера Яков Иванович пребывал более шести лет: он стал «прапорщиком восьмьсот двенадцатого года ноября 25 дня. Во время пожалования его в чин сей было ему от роду *двадцать четыре года*» [21, л. 4 об.].

Эта ремарка позволяет уточнить дату рождения Я.И. Данилевского: из нее следует, что он родился не в 1789 году, как это принято считать. Из прошения (датировано 5 октября) и формулярного списка (8 сентября) следует, что ему в эти числа 1834 года было 45 лет. Несложный расчет позволяет утверждать, что Яков Иванович родился между 5 октября и 25 ноября 1788 года, причем само появление оговорки о 24-лети, возможно, означает, что день рождения и присвоение офицерского чина совпали по времени. Самое любопытное состоит в том, что в православном святочном календаре в данном промежутке времени обнаруживаются два подходящих дня памяти – 9 октября (апостола Иакова Алфеева) и 23 октября (апостола Иакова, брата Господня). Однако интереснее другие даты – на 26 и 27 ноября выпадают дни отшельника Иакова и великомученика Иакова Персиянина, что существенно повышает вероятность того, что Яков Иванович появился на свет именно 25 ноября (6 декабря) 1788 года, был крещен либо 26, либо 27 числа и в 1812 году получил первый офицерский чин на день рождения!

Теперь вкратце о его карьере и боевом пути. За шесть лет службы унтер-офицером Данилевский в составе названного полка участвовал в войне Четвертой антинаполеоновской коалиции (1806–1807), побывав в Пруссии, но о его участии в крупных сражениях (при Прейсиш-Эйлау 26–27.1 (7–8.2). 1807, при Фридланде 2 (14).6.1807) в формулярном списке не сообщается [21, л. 5].

¹ Дата в прошении – скорее всего, случайная описка.

² Об этом пансионе, в котором в разные годы учились многие знаменитости, включая генерала А.П. Ермолова, В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.И. Герцена, М.Ю. Лермонтова, см. [80, 59].

В 1808 году его полк был перебазирован в Молдавию, где в течение 1809–1811 годов участвовал в русско-турецкой войне, причем унтер-офицера Данилевского 2 июля 1811 года направили в Петербург «для познания порядка службы» [21, л. 6], то есть для подготовки к производству в офицеры. 12 мая 1812 года, незадолго до вторжения Наполеона в Россию, он направился на место постоянной службы в Молдавию. Благодаря такому стечению обстоятельств Данилевский не принял участия ни в завершающей – и самой горячей! – фазе русско-турецкой войны, завершившейся 16 (28) мая 1812 года подписанием Бухарестского мира, ни в Отечественной войне 1812 года.

Точнее, он застал самый ее конец, когда Дунайская армия под командованием П.В. Чичагова участвовала в преследовании французской армии на территории Белоруссии. Затем в составе русских войск прапорщик Данилевский совершил заграничный поход 1813–1814 годов, в ходе которого, проявляя храбрость, сражался под Люценом (20.04 (2.05).1813), Бауценом (8–9 (20–21).5.1813), Лейпцигом (4 и 7 (16 и 19).10.1813) и иных, менее значительных битвах, получив за боевые заслуги два ордена (Анны и Владимира IV степени). Война для него завершилась «в кавалерийском сражении под Фершенпенуазом [так! – А.Ж.], где был в атаке и ранен пулею в правую руку с раздроблением костей навывлет, за что награжден чином штабс-капитана¹» [21, л. 8].

Победа союзников при Фер-Шампенуазе 13 (25) мая 1814 года сыграла ключевую роль во взятии французской столицы, так что в данном случае информация Страхова о том, что Я.И. Данилевский «лечился некоторое время в Париже», без сомнения, верна.

В дальнейшем карьера молодого офицера развивалась по нарастающей: четыре года – с 26 марта (7 апреля) 1816 по 10 (22) августа 1820 года – он состоял адъютантом при начальнике 2-й конно-егерской дивизии графе П.П. Палене и за это время получил два очередных чина – 4 (16) апреля 1819 года капитана, а через год – звание майора, с переводом на должность командира эскадрона во все тот же, что и прежде, конно-егерский полк.

По всей видимости, этот полк дислоцировался именно в Ливенском уезде: в противном случае знакомство майора, неотлучно находившегося в полку, с местной барышней Дарьей Мишиной и последующая женитьба на ней (видимо, в 1821 году) были бы невозможны. Но полк не находился постоянно на одном и том же месте, так что в момент, когда ожидалось рождение первенца, Якову Ивановичу пришлось просить первый в его жизни отпуск. Затем, однако, полк вернулся в Ливенский уезд, что доказывает метрическое свидетельство о рождении сына Александра в Ливнах 6 (18) августа 1824 года: оно зафиксировано в *полковой* метрической книге, причем «восприемник от купели оного младенца Александра был того ж полка полковой командир полковник Андрон Беклемишев»² [21, л. 19–19 об.].

Время шло, и Данилевский 18 июня 1827 года был «за отличие по службе произведен подполковником» [21, л. 6] и 23 июня получил новое назначение в Ингерманландский гусарский полк [44, прил., с. 34], квартировавший в Полтавской губернии. Туда Яков Иванович прибыл только через два месяца – 19 августа [21, л. 6].

Почему? Наверняка потому, что вместе с ним туда отправилась и семья – жена Дарья Ивановна с Николаем, имевшим неполных пять лет, и Александром трех лет. По тем

¹ Чин поручика Я.И. Данилевский получил тоже 25 ноября, но уже в 1813 году. Так была отмечена его «отличная храбрость» в битве под Лейпцигом, за которую он в 1815 году удостоился письма генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая-де-Толли и второго своего ордена.

² Это тот самый Андрей Николаевич Беклемишев, вторая жена которого Вера Николаевна впоследствии вышла замуж за... Николая Данилевского, сына его сослуживца! Формулярный список Беклемишева обнаружил в материалах Рязанского дворянского депутатского собрания И.Ж. Рындин. Согласно ему, с ноября 1822 по март 1828 года полковник Беклемишев (род. в 1787) являлся командиром Конно-егерского короля Виртембергского полка [73, с. 184–185; 74, с. 70]. Во второй книге приводятся архивные ссылки.

временам это означало и перевозку всей необходимой домашней утвари – от посуды до мебели. Все это надо было собрать, подготовить и перевезти!

Так началась скитальческая жизнь мальчиков, из которых второй стал военным, а первый – естествоиспытателем, значительную часть своей жизни проведшим в экспедициях. Продолжим цитировать Страхова:

«С самого детства Николаю Яковлевичу пришлось беспрестанно переменять место, именно передвигаться вместе с полком отца. Четырех лет от роду он помнил себя в Ливнах, потом (1827) в Прокоповке (Полтавской губернии), в Нежине (1828), в Прилуках (1830), в Пахре (1831), в Несвиже (1832)» [28, с. XXI].

В этом высказывании Страхова имеется лишь одна неточность: правильнее было бы сказать с *полками* – Данилевский, как и многие другие офицеры, повышаясь в званиях, получал более высокие должности в *новых* полках¹. К счастью для него и его семьи, полки, в которых служил Яков Иванович, располагались неподалеку – на западе Полтавской и юго-востоке Черниговской губерний: названные Страховым Прокоповка входила в первую, а Нежин и Прилуки – во вторую. Ингерманландский полк имел своей штаб-квартирой г. Ромен (Ромны) Полтавской губернии.

В Ингерманландском полку «Данилевский 2-й» прослужил менее двух лет: уже 13 мая 1829 года он, оставаясь в чине подполковника, принял командование Нарвским гусарским полком, и для этого ему не пришлось переезжать далеко – лишь примерно на 85 км: нарвские гусары с 1818 года квартировали именно в Прилуках и только в апреле 1830 года ненадолго перебрались в Конотоп [81, с. 36–39, 52].

Однако к тому моменту Яков Иванович остался на Черниговщине один. 20 мая того же 1829 года Дарья Ивановна родила дочь Елену, причем сделала это на родине: девочка, напомним, была крещена в Острове. Отправляясь в Ливенский уезд, мать наверняка забрала с собой и малолетних сыновей и вернулась к мужу уже с тремя детьми только в *начале* 1830 года. Этому есть два косвенных подтверждения.

Прежде всего, Елена была записана в метрическую книгу Нарвского гусарского полка под № 3 за 1830 год: «Прошлого 1829 года, месяца мая, двадцатого числа у командира Нарвского гусарского полка г. полковника и кавалера Якова Иванова сына Данилевского 2-го родилась дочь Елена от законного супружества с Дарьей Ивановой, законнорожденная, которая молитвована и крещена Орловской епархии Ливенской округи села Острова священником Николаем Острогорским того же месяца двадцать второго числа, восприемники от купели оной были ливенская помещица маиорша, вдова Настасья Семенова дочь Мишина и той же округи помещик подпоручик Николай Мишин» [21, л. 18 об. – 19].

Запись под № 3 явно была сделана в январе-феврале *нового* года, уже после приезда семьи в Прилуки. И этот уездный город остался в памяти семилетнего мальчика в связи с наступлением нового 1830 года – возможно, с рождественскими праздниками! Это зафиксировал Страхов, что косвенно подтверждает, что в предыдущем году, когда отец стал командиром Нарвского полка, а стало быть, обосновался в Прилуках, Николай этого города не видел вообще.

Здесь есть смысл процитировать почти лирические строки полкового историка

¹ В формулярном списке в записях по Ингерманландскому полку имеется механическая ошибка. Если верить им, то Данилевского понизили в должности: приехав в полк с должности командира дивизиона (в него обычно входят два-три эскадрона), он 19 сентября 1827 года получил под свое начало дивизион, а спустя шесть дней, 25 сентября, стал командовать эскадроном [21, л. 5 об.]. Скорее всего, при переписке были перепутаны строки: подполковнику Данилевскому сначала дали эскадрон, а потом командир полка Адольф Гельд «поправился», вернув ему командование дивизионом. В «Списке генералам, штаб- и обер-офицерам...» за 1828 год, опаздывающем на год-два по сравнению с реальностью, «Данилевский 2-й» показан именно командиром дивизиона [26, с. 407].

А.Н. Тихановского, позволяющие хоть немного почувствовать обстановку, в которой жил полковой командир первой половины XIX века, и догадаться, что мог увидеть его малолетний сын: она в этом «прекрасном, богатом крае»

«гармонировала с тем трогательным единением, которое сквозит в каждой дошедшей до нас бумаге. В противность сухим и официальным реляциям, исходившим от екатерининских командиров нашего полка, подвизавшихся в суровой школе военного времени: бумаги Голионка, Гельфрейха¹ и отчасти Данилевского, носят отпечаток чего-то семейного, несмотря на строгости александровской и наступившей затем николаевской дисциплины. Цифры бежавших, без вести пропавших, скоропостижно умерших и т.п., раньше бросавшиеся в глаза и наталкивавшие на печальные размышления, в бытность полка в Прилуках значительно понижаются, что свидетельствует об относительно гуманном обращении начальника с подчиненным» [81, с. 39].

Обратим внимание на это «относительно гуманное обращение начальника с подчиненными». И на то, что за предыдущее десятилетие в Ингерманландском полку, в котором довелось послужить Я.И. Данилевскому и который квартировал в тех же краях, что и Нарвский, два из трех командиров полка были отрешены от должности как раз за частые в полку случаи самоубийства и дерзирства «нижних чинов», как новобранцев, так и старослужащих; за «обраковку» лошадей (например, 239 в 1818–1819 годах) и иные «законопротивные проступки» [44, с. 257–264]. Дело пошло на поправку лишь при вышеупомянутом А.А. Гельде, которому, судя по последующему карьерному росту, немало посодействовал и Данилевский.

В конечном счете главная причина названных казусов объективна: армия – живой организм, предназначенный для войны, в мирное время неизбежно разлагается, так что парады и смотры, на которые и делался упор в николаевское время, не могли заменить настоящего похода. Особенно это касалось кавалерийских полков, в которых главным двигателем в прямом и переносном смысле слова являлись лошади. Их нужно было содержать, кормить и тренировать правильно – в противном случае «обраковка» боевых коней неизбежна. Если их долго держать в стойле, а потом дать интенсивную нагрузку во время тренировок по выезде, преодолению барьеров и длительных переходах, то лошади обязательно будут «ломаться» в большом количестве. И кто в этом окажется виновен? Разумеется, нижние чины и младшие офицеры, причем тоже в прямом и переносном смысле: многие из них по своей неопытности и не знали, как надо обращаться со строевыми лошадьми; их самих надо было постоянно обучать и тренировать правильно сидеть в седле, а также боевым приемам и действи-

Штандарт Нарвского гусарского полка

¹ Афанасий Яковлевич Галионка (Голионка) (1765–?) и Егор Иванович Гельфрейх 2-й (1788–1865) командовали Нарвским гусарским полком соответственно в 1815–1820 и в 1820–1829 годах.

ям при движении кавалерийских колонн и в кавалерийской атаке¹. Любые ошибки в этом плане вели к травматизму как людей, так и лошадей.

Разумеется, командиры всех уровней собственные промахи в обучении подчиненных срывали на нижних чинах. Отсюда, говоря современным языком, и неуставные отношения, ставшие нормой, – и жестокое обращение офицеров с рядовыми, и внутренние конфликты в солдатской среде, и разжалования офицеров в рядовые «за дурное поведение». Отсюда и наказания «шпицрутеном через тысячу человек по шести раз» и кнутом с отправкой в каторжные работы, причем это касалось не только рядовых: в 1824 году на каторгу отправился поручик Дубровский, пьяным нанесший саблей тяжелое ранение своему сослуживцу Мачинскому 3-му, так что тот, хоть и выжил, но через полгода ушел в отставку в чине штабс-капитана [44, с. 263].

Иными словами, на офицеров ложилась очень серьезная физическая и моральная нагрузка, и разряжать они ее могли только стандартными средствами – пьянством, картами и походами к гулящим женщинам. Неустроенная жизнь в уездных городишках, а то и в деревнях тяжело сказывалась на их душевном равновесии. В этой обстановке полковой командир как «отец солдатам» – да и младшим офицерам! – и был тем идеалом, который мог обеспечить нормальную, рабочую, атмосферу в полку. Без нее невозможно было достичь надлежащей «исправности без излишнего изнурения нижних чинов и строевых лошадей».

И к этому идеалу, видимо, приближались некоторые командиры – такие, как «ингерманландец» А.А. Гельд, «нарвцы» А.Я. Галионка и Е.И. Гельфрейх. Был таковым, судя по всему, и Я.И. Данилевский.

А.Н. Тихановский отмечает дух семейственности, присущий военным приказам Нарвского полка в 1818–1829 годах, заметив при этом, что приказы Данилевского соответствовали этому лишь «отчасти». Кое-какие подробности, которые сообщает этот историк, изучавший полковой архив, позволяют понять, в чем дело:

«Расположенные по деревням эскадроны занимались службой, *не слишком утруждая своих малороссийских лошадей*. Офицеры *разъезжали по отпускам и охотно вступали в брак с хорошенькими дочерьми черноземных помещиков*. В этом случае *нижние чины не отставали от своих начальников*, и полковому священнику отцу Орловскому *не мало пришлось обвенчать отдохавших воинов»* [81, с. 37].

Темы отпусков и браков нуждаются в пояснении. В русской армии первой половины XIX века первое не поощрялось, а второе было связано с целым рядом сложностей, из-за которых более двух третей русских офицеров оставались холостяками: женившись, они обычно уходили в отставку [43, с. 278]. Судя по всему, женщины соглашались терпеть тяготы походной жизни, если только любой ценой стремились вырваться из родительского дома или же по-настоящему любили своих мужей и готовы быть их *боевыми подругами*.

Ситуация становилась менее жесткой, если полки задерживались на одном и том же месте на долгое время – так, как это случилось с полком Нарвским. В этой обстановке и женитьба на местных барышнях становилась для командиров полков меньшей головной болью – возможны были и кратковременные неофициальные отпуска в окрестные поместья², и проживание жен вместе с офицерами в уездных городах, неподалеку от своих «дворянских гнезд». Снисходительная, *отеческая* политика командиров к своим подчиненным улучшала микроклимат в полку: меньшее число офицеров имели повод приклады-

¹ Как выразился 1822 году в приказе главнокомандующий 1-й армией Ф.Б. Остен-Сакен, «г.г. полковым и эскадронным командирам внушать г.г. офицерам, что тогда только вверенные им части могут быть *доведены до настоящей исправности без излишнего изнурения нижних чинов и строевых лошадей*, когда они сами будут тверды в правилах верховой езды и кавалерийском конном учении» [44, с. 251; курсив в книге – А.Ж.]

² Официальные – от 28 дней и больше – решались на уровне командиров корпусов.

ваться к бутылке; присутствие дам в офицерских собраниях оживляло общую обстановку, и это положительно сказывалось на отношении офицеров к рядовым.

Однако, создав в Нарвском полку более благополучную обстановку по сравнению с Ингерманландским, прежние командиры полка, очевидно, несколько *подраспустили* своих подчиненных, а потому Я.И. Данилевскому, не меняя стиль руководства в корне, пришлось действовать жестче – затянувшийся *отдых воинов* приостановить, то есть усилить строевую подготовку, больше *утруждая* лошадей; ограничивать отъезд офицеров из расположения своих эскадронов, меньше допускать браки рядовых, поскольку слишком большое число женатых отрицательно скажется на боевой подготовке полка в целом и станет серьезной обузой в походе.

Сам Яков Иванович в отпуску практически не ездил и, судя по характеристикам формулярного списка, подписанного, кстати, тем самым Е.И. Гельфрейхом, ставшим к 1834 году генерал-майором, был образцовым командиром: в штрафах по суду «не был», высочайшим замечаниям и выговорам не подвергался [21, л. 13 об.], но, напротив, «к повышению чином достоин», «к награждению знаком отличия беспорочной службы достоин» [21, л. 14], «отчеты по должности службы представлял к срочному времени», «жалобам не подвергался» [21, л. 14 об.], «слабым в отправлении обязанностей службы не замечен и между подчиненными никаких беспорядков не допускал», в неприличном поведении «оглашаем и избличаем не был» [21, л. 15].

Знак отличия беспорочной службы – Военный орден Георгия 4-й степени – вручался лучшим офицерам русской армии после 25 лет службы. Но Данилевский его получил досрочно – в 1835 году [25, с. 387], чему поспособствовал ранее полученный в 1813 году орден Владимира IV степени: эта награда сокращала на три года срок требуемой «беспорочной службы», но – видимо, в связи с бюрократической процедурой – фактическое сокращение оказалось меньшим (лишь на два года).

Помимо этого играли роль и высочайшие благоволения: к осени 1834 года их у Данилевского набралось целых двенадцать плюс благодарность, ценившаяся даже выше (она в высочайших приказах прописывается прежде благоволений)¹. Особенно следует выделить первое, полученное 26 июня 1829 года под Козельцом (Черниговская губерния). 1 июля подполковник Данилевский получил также орден Святой Анны 2-й степени [21, л. 9]. Дело в том, что на смотре и последовавших затем учениях присутствовал лично император Николай I. По свидетельству А.Х. Бенкендорфа, сопровождавшего царя,

«из Киева мы направились в Козелец, где были расположены одна кирасирская и одна гусарская дивизии, которым был устроен смотр, а на следующий день они вышли на маневры под командованием императора. По выучке людей и по состоянию лошадей особенно хороши были кирасиры, составлявшие 3 армейскую дивизию. 4 гусарская армейская дивизия была недавно сформирована из драгун и здесь было еще над чем поработать. По месту своего расположения Козелец был очень удобен для сбора

¹ Помимо названной в основном тексте: 5.01.1830 (благодарность за высочайший смотр команды Нарвского гусарского полка, прибывшей в Петербург); 11.07.1830 (благоволение за отличное состояние полка); 2.12.1830 (за строгое и благоразумное исполнение при оцеплении города Москвы содержащих кордонов); 17.03.1831 (за прибывшую в Петербург в Образцовый кавалерийский полк команду нижних чинов); 10.04.1831 (за отличный выбор и выpravку нижних чинов, выбранных в гвардию), 22.09.1832 (за бывший под Москвою высочайший смотр), 4.08.1833 (за бывший под деревнею Князем дворе высочайший смотр) и, наконец, «за бывшие 1834 года августа 21, 22 и 25 числ высочайшие смотры и оног ж месяца в 30 день парада по случаю открытия памятника в Бозе почивающему императору Александру I-му и за двухдневные сентябрю 3 и 4 числ большие маневры, произведенные отдельными Гвардейским и Гренадерским корпусами получил за *каждое число порознь* в числе прочих генералов, штаб- и обер-офицеров *высочайшее благоволение*», то есть еще целых пять монарших поощрений [21, л. 9–13].

большого количества войск, особенно кавалерии. Местность была густо заселена, располагала большими запасами фуража и представляла собой огромную равнину, украшенную небольшими лесами с прекрасной растительностью» [1, с. 418].

Итак, согласно оценке Бенкендорфа, гусары на фоне кирасир выглядели не столь хорошо, но как раз среди них, получается, Нарвский полк отличался в лучшую сторону. Между тем Яков Иванович командовал им всего полтора месяца! Тем самым он за столь короткий срок сумел подтянуть выучку полка, очевидно, неплохую и при прежнем командире.

В мае 1830 года 4-я гусарская дивизия получила приказ передислоцироваться в Подмоскovie, и Нарвский полк разместился в селе Пахра (Пахры) Подольского уезда [81, с. 39]. Это совпало по времени со стремительным развитием на юге Российской империи эпидемии холеры. 23 августа Николай I повелел создавать санитарные кордоны вокруг зараженных местностей [35, с. 109]. В сентябре холера пришла в Москву, и нарвские гусары участвовали в оцеплении этого города. Лишь с наступлением холодов эпидемия пошла на спад. Всего, по официальным данным, в Московской губернии переболело 8798 и умерло 4846 человек [35, с. 111], причем более 500 «нижних воинских чинов».

Так Я.И. Данилевский впервые столкнулся с болезнью, которая сыграла роковую роль в истории его семьи. С середины июня до конца ноября 1831 года Нарвский полк принимал участие в подавлении восстания, вспыхнувшего в Царстве Польском и распространившегося в соседних губерниях. Полк боролся с мелкими партизанскими отрядами на территории Белоруссии и Литвы, понеся немалые потери – не в сражениях с противником, а от все той же холеры: эпидемия в 1831 году была еще сильнее, чем в год предыдущий. 2 октября того же года Я.И. Данилевский «за усердие в сражении против польских мятежников произведен полковником» [21, л. 6].

На зимние квартиры полк остановился в Минской губернии (по А.Н. Тихановскому, в Слуцком уезде [80, с. 41]), и с этим согласуется записанное Страховым припоминание Николая Данилевского («Несвиж (1832)»): между Несвижем и Слуцком – всего 60 км. Получается, что семья новоявленного полковника рискнула поехать к нему на зиму: восстание к тому времени было подавлено, а холера зимой временно отступила.

На место постоянной дислокации в Пахру Нарвский полк вернулся лишь в сентябре 1832 года, после чего подвергся переименованию и переформированию: ему предписано было именоваться Гусарским его императорского высочества великого князя Михаила Павловича, после чего к уже имевшимся шести эскадронам были добавлены еще два [81, с. 41–42].

В мае 1833 года полк передали в 7-ю легкую кавалерийскую дивизию, вследствие чего его перевели в Зубцов Тверской области, однако с октября того же года он квартировал во Ржеве [81, с. 42]. С той поры вплоть до назначения командиром 2-й бригады 5-й легкой кавалерийской дивизии 19 сентября 1841 года [11, 19.09.1841]¹, Яков Иванович постоянно находился именно там. К этому времени он носил уже чин генерал-майора (с 30 августа 1839 года).

Из г. Вознесенска Херсонской губернии [13, с. 327], места расположения 2-й бригады, Я.И. Данилевский отлучался лишь единожды – в 1849 году, когда 5-я легкая кавалерийская дивизия приняла участие в подавлении Венгерской революции [13, с. 326]. 31 января 1852 года 62-летний военачальник сдал командование 2-й бригадой генерал-майору Пущину 3-му и был «зачислен по кавалерии» [11, 31.01.1852], то есть выведен за штат с возможностью вернуться к службе вновь.

¹ Высочайший приказ от 19.09.1841 г.: «Назначаются ПО КАВАЛЕРИИ. Командир его императорского высочества МИХАИЛА ПАВЛОВИЧА полка генерал-майор Данилевский 1-й командиром 2-й бригады 5-й легкой кавалерийской дивизии». Воспроизводится графика приказа.

Однако он, кажется, далеко не сразу получил возможность покинуть Вознесенск: во второй половине 1851 года тяжело заболела жена Дарья Ивановна. 22 ноября 1851 года сосланный в Вологду Николай Данилевский написал на имя царя прошение о разрешении покинуть место ссылки, для того чтобы попрощаться с умирающей матерью, и получил положительный ответ¹. На ожидание и поездку из Вологды в Вознесенск – через всю Европейскую Россию! – вряд ли ушло меньше трех-четырёх месяцев². Согласно И.М. Рау, сын успел увидеть мать живой [65, с. 31], но произойти это могло не раньше февраля 1852 года. Таким образом, Дарья Ивановна умерла в Вознесенске в конце зимы или в начале весны этого года.

Куда отправился затем Яков Иванович Данилевский, неизвестно, но направлений было несколько – в Петербург, где он мог в Военном министерстве разузнать собственные перспективы (получить новую вакансию или подавать в отставку); навестить находившегося где-то в войсках сына Александра, а также дочь Елену, съездить в гости к родственникам жены в Ливенском уезде.

6 июня 1853 года, за восемь дней до появления царского манифеста о занятии Россией придунайских княжеств, спровоцировавшего Крымскую войну, последовал высочайший приказ об увольнении со службы: «состоящий по кавалерии генерал-майор *Данилевский 1-й*, с мундиром и с пенсионом полного жалования» [11, 6.06.1853] отправлялся на покой. После этого Яков Иванович мог и определиться со своим будущим – он обосновался в Оберце. Это подтверждается записями в метрической книге местной Покровской церкви: 9 марта 1853 года фиксируется смерть крестьянина Сергея Сергеева, а 2 октября того же года – рождение сына у дворового Павла Васильева. При этом первый показан как принадлежащий «умершей генерал-майорше Дарье Ивановне Данилевской», а второй – «генерал-майору Данилевскому» [5, л. 15 об., 44 об.]. Таким образом, в указанный промежуток времени Яков Иванович переоформил на себя собственность, принадлежавшую жене, хотя и не всю: земля в Семеньково Елецкого уезда и в 1858 году продолжала числиться за женой. Вероятно, ее должен был унаследовать кто-то из сыновей, который, однако, так и не выбрал время этим наследством заняться.

Крымская война проходила неудачно, и 66-летнему генерал-майору Данилевскому нашлось дело: весной 1855 года, по манифесту Николая I, в каждой губернии России создавалось Государственное подвижное ополчение, дружинам которого надлежало оказать помощь действующей армии. Орловское дворянство выбрало его начальником губернского ополчения. Яков Иванович деятельно готовил, как их тогда называли, ратников к участию в военных действиях в Крыму. Однако, по свидетельству Страхова, он «умер 2 августа 1855 года от холеры, *через два часа после того, как делал смотр ополчению*».

¹ О существовании прошения первым сообщил Б.П. Балуев, не назвавший, к сожалению, точную дату его написания, но процитировавший небольшой фрагмент: Николай Данилевский, говоря о матери, надеялся «доставить ей последнюю радость в жизни и получить ее, может быть, последнее благословение» [38, с. 35, 80; архивная ссылка: 9, л. 58–59]. И.М. Рау, вероятно, посетила архив, переписала прошение от руки, а затем сделала пространное извлечение из него, в котором имеются дата и процитированные Б.П. Балуевым слова: «Мать мою, которую не видел более девяти лет, постигла болезнь, мало оставляющая надежды на выздоровление. Дерзаю молить... Ваше Императорское Величество о всемилостивейшем дозволении... дабы увидеть мать свою, может быть, в последний раз, доставить ей последнюю радость в жизни и получить ее, может быть предсмертное благословение» [64, с. 81; 65, с. 30]. Как мы видим, различие лишь в одном слове – благословение было либо «предсмертным», либо «последним». Это скорее всего случайная описка.

² Разрешение могло быть получено и быстрее, если удалось задействовать *личные* связи: если, например, вологодский губернатор, отправил прошение курьерской почтой, сопроводив его письмом к лично знакомым ему влиятельным лицам в императорской канцелярии, которые быстро передали прошение царю, отрекомендовав просителя с лучшей стороны, а затем, курьерской же почтой, отправили высочайшее позволение обратно в Вологду. В таком случае Н.Я. Данилевский мог бы приехать в Вознесенск и через полтора-два месяца, то есть ко времени, когда отец перестал командовать бригадой. Но вероятность этого мала и должна быть доказана.

Других подтверждений этому сообщению нет, однако в пользу того, что причиной его смерти была холера, в Орловской губернии появившаяся еще в марте¹, имеется поразительный факт: полковник Кузьмин, сменивший генерал-майора Данилевского на посту начальника губернского ополчения, тоже вскоре умер, причем, согласно сводке командиров Государственного подвижного ополчения, данной Н.Н. Смолиным, такое произошло только в Орловской губернии [79, с. 339, 332–366]!

Вызывает сомнение лишь последняя ремарка Страхова – о двух часах после смотра. Холера действительно иногда развивается молниеносно: не имевший явных симптомов болезни человек порой уходил из жизни в течение нескольких, но все же не двух часов. Яков Иванович с 1830 года хорошо знал, что такое холера, и вряд ли мог допустить подобную безответственность – почувствовав слабость, выйти к огромному скоплению ратников. В данном случае мы имеем дело с «драматизацией» реального факта².

Подытоживая биографический очерк Я.И. Данилевского, хотелось бы отметить следующее. Его военная карьера, успешно развивавшаяся в 1820–1830-х годах, вдруг резко остановилась, когда Якову Ивановичу было около 53 лет: с 1839 года он не продвинулся ни в чине, а с 1841 года ни в должности, так и оставшись генерал-майором и командиром бригады.

Между тем ему для того, чтобы подняться по военной иерархической лестнице, оставалось два шага: по званиям – генерал-лейтенант и генерал от кавалерии; по должности – командующий дивизией и командующий корпусом. Но в этой пирамиде званий и должностей вакансий не могло быть много, и чтобы получить их, чисто военных достоинств вряд ли уже было достаточно – наверняка требовались еще полезные связи. Маловероятно, что ими генерал-майор, постоянно пребывающий на Херсонщине, мог обзавестись. В таких случаях важно, как складывались его отношения с непосредственным начальником – командующим 5-й легкой кавалерийской дивизии. Не исключено, что они были сложными.

Странное высказывание Страхова («был комендантом Белграда и вышел в отставку на Дунае, когда отвергнуто было одно его настоятельное предложение») в фантастической форме отражает какой-то реальный конфликт, произошедший, скорее всего, во время Венгерского похода 1849 года, – иначе как понять упоминание Дуная?

Как бы то ни было, Яков Иванович до последних своих дней служил Родине. Недолгое командование орловским ополчением стало его последним делом...

IV. Данилевские и Мишины

Столь подробное жизнеописание Якова Ивановича необходимо для того, чтобы понять главный нерв его судьбы и в его лице всего рода *служилых, беспоместных* дворян Данилевских. Так кем был на самом деле этот, по выражению П.П. Семенова-Тянь-Шанского, «бойкий и типичный гусар» [23, с. 192]? Обычно с этим словом ассоциируются удаль и бесшабашность вкупе с вином, женщинами и картами.

Однако такое представление не имеет почти ничего общего с реальностью. В реальности – это с юности и до старости тяжелый каждодневный труд; кочевая жизнь с проживанием на съемных квартирах, порой в забытых Богом захолустьях, без отпусков и возможности отвлечься от того, что тебя окружает каждый день; скудное или по крайней мере не слишком щедрое – даже на генеральской должности – жалованье (почти единственный

¹ «В 1855 г. эпидемия [холеры] продолжалась с новой силой. <...> В марте она появилась в Орловской губернии и оттуда распространилась в соседние: Черниговскую, Калужскую и Смоленскую. <...> Эпидемия нарастала в течение июня – июля и достигла максимума в августе. <...> Всего в течение 1855 г. холерой заболело в России 331 025 человек и умерло 131 327» [42, с. 262–263].

² Примерно так же ушла из жизни Вера Николаевна Беклемишева, первая жена Николая Яковлевича Данилевского.

источник дохода для всей семьи!); заботы о том, как дать детям надлежащее образование, и, наконец, мечты о собственном доме, в котором можно будет прожить остаток жизни.

Последнее кажется совсем уж беллетристичкой, не доказуемой сугубо научным методом, благо писем и воспоминаний Я.И. Данилевского не сохранилось. Однако косвенным доказательством тому является само «Дело... о дворянстве рода Данилевских», которое полковник «Данилевский 2-й» затеял в 1834 году. Зачем ему было записываться в Дворянскую книгу Орловской губернии и записывать туда своих детей, если само по себе офицерство и полученные им ордена гарантировали ему и его потомкам попадание в число наследственного дворянства? Значит, была и другая цель – стать дворянином *полноценным*, то есть имеющим свое поместье и право, выйдя в отставку, участвовать в деятельности дворянских собраний. Такой возможности дворяне беспоместные, даже обладающие наследственным дворянством, были лишены. Таким образом, запись в Дворянскую книгу – это был и вопрос престижа, который, впрочем, мог иметь практическое значение в достаточно отдаленном будущем.

Вернемся к вопросу об отпусках. Почему Яков Данилевский за 28 лет службы лишь дважды брал короткие отпуска? Отчасти потому, что в то время выдача отпусков не поощрялась: устал от службы – уходи в отставку, но в таком случае государство не обязано тебя обеспечивать! Такой подход, как нетрудно понять, обрекал беспоместных, живших на одно жалованье офицеров на вечную службу государеву.

Но Якову Ивановичу, кажется, и *некуда* было ехать: его отец, наверняка такой же беспоместный дворянин, либо продолжал служить, либо, если ушел в отставку, жил очень скромно – на небольшую пенсию на съемной или собственной, но, без сомнения, небольшой квартире, так что приехавший к нему на побывку сын стал бы для него и его жены, как ни печально, *обузой*. В свою очередь, сами родители могли бы приехать к сыну, если только он, по счастливому стечению обстоятельств, служил неподалеку от них. Если таких благоприятствующих факторов не возникало, то сын-офицер мог не увидеть своих родителей больше никогда: их тяжелая болезнь и похороны не были достаточно серьезным основанием для предоставления отпуска: прошения подавались первоначально на имя царя, а с 1816 года визировались командующими корпусов. В дальнейшем на сей счет делались некоторые послабления, но отпуск все равно воспринимался как нечто нежелательное¹.

Таким образом, на долю родителей и детей оставалась лишь переписка, которая вряд ли могла быть оживленной, если вообще была. Не в этом ли причина того, что о родителях Я.И. Данилевского не сохранилось никаких сведений, да и точная дата смерти его жены неизвестна?

Таким образом, вечная служба ради жалованья обрекала беспоместных дворян на невольный разрыв родственных связей: они покидали родителей совсем юными, не задумываясь о важности родословных связей, но возвращаться со службы пожилым воинам было некуда, и в их столько же временное, как прежние биваки, подобие «дворянского гнезда» выросшие уже дети не заглядывали. Они повторяли путь своих родителей. Хранить же в условиях походной жизни отцовские и дедовские бумаги, документы и вещи было невозможно, и этот старый «хлам» попросту погибал.

Примером тому может служить Николай Данилевский. Из прошения на царское имя 1851 года и из его показаний в связи с делом петрашевцев 1849 года [13, с. 326] следует, что с матерью он не виделся с 1842 года, то есть со времени окончания Царскосельского лицея. Последняя встреча с родителями состоялась при печальных обстоятельствах в начале 1852 года. Больше отца – если, конечно, тот не съездил в тот же год в Вологду – Николай Яковлевич не увидел: с 1853 по 1857 год он находился на Каспии, участвуя в экспедиции К.М. Бэра.

¹ Подробнее об отпусках, жалованьях и прочих особенностях службы офицеров в первой половине XIX века см. [43, с. 196–199, 254–257].

Вряд ли встречался со своими родителями и Яков Иванович. Второй известный нам его 28-дневный отпуск с 5 ноября по 3 декабря 1832 года [21, л. 13 об.] можно истолковать как посещение родителей (отцу его, исходя из общих соображений, должно было быть порядка 65-ти, а матери – 50 лет), однако правдоподобнее иная версия: полковник Данилевский ездил из Подмоскovie в Оберец, с тем чтобы провести переговоры с шуринами – Владимиром, Степаном, Петром и Сергеем Ивановичами Мишиными. Без их содействия у жены его Дарьи Ивановны, привязанной к мужу и маленьким детям, вряд ли могла появиться в 1834 году земельная собственность в Орловской губернии. У жены, а не у самого Якова Ивановича! Это означает, что земля – село Семеново в Елецком уезде – приобреталась на средства Мишиных.

Деньги у них явно водились. Чтобы понять, откуда они могли взяться, сведем в таблицу данные окладных ведомостей помещиков Орловской губернии за 1850 год, касающиеся семейства Мишиных, добавив к ним для полноты картины информацию об их родственниках, а также об иных помещиках, живших на Орловщине (см. табл. 1).

Таблица 1

**Мишины и другие помещики Орловской губернии
(по окладным ведомостям 1850 года)**

Фамилия, имя, отчество	Чин, свой или мужа	Владения	Душ м.п.			Лист дела
			Крестьян	Дворовых	Всего	
Мишин Степан Иванович	Ротмистр	с. Оберец, Покровское тож	18	70	88	68
Мишин Владимир Иванович	Майор	сц. Черемышное (Черемошное)	25	17	42	69
Мишин Петр Иванович	Капитан- лейтенант	д. Николаевка д. Стаханова ¹	58 15 73	23	81 15 96	67 об.
Мишин Кирилл Сергеевич	Коллежский регистратор	с. Жерино ² сц. Пречистенское сц. Дубровка сц. Ивановское	22 15 64 58 159	16 11 20 21 58	38 26 75 78 217	68, 68 об.
Мишин Сергей Степанович	Поручик	сц. Пречистенское сц. Сергиевское	10 34 44		10 58 68	67
Мишина Павла Яковлевна	Капитан- лейтенантша	д. Успенская д. Павловка	12	4 19 23	16 19 35	67 об.
Данилевская Дарья Ивановна	Генерал- майорша	д. Семеново Елецкого у.	32	14	46	24
Итого			363	229	592	
Мишина Александра Степановна	Коллежская асессорша	хут. Марьин	28	9	37	70
Мишина Лариса Андреевна	Коллежская асессорша	сц. Федоровка	6	3	9	44 об.
Мишина Марья Павловна	Титулярная советница	сц. Анненское Курганка тож		12	12	69
Данилевская Марья Исидоровна ³	Майорша	сц. Корнилово Мценского у.	14	20	34	25
Белоблибский Лев Нефедьевич	Коллежский асессор	д. Калиновка сц. Раздольское	29	14 17 31	14 46 60	28

Источники: [8а, 8б]; данные о владении Д.И. Данилевской за 1850 год взяты из [3, л. 135 об.]

¹ Стаханово в [24, с. 120].

² На сайте ГАОО (см. ссылку в табл.) ошибочно – Жерино.

³ Я не располагаю данными о происхождении этой помещицы.

В таблицу включены все Мишины, имевшие в 1850 году крепостных крестьян, а также два случайных лица, не имеющих к ним никакого отношения: они понадобились лишь как иллюстрация к теме дворовых людей – таковые были не только у Мишиных, но почти у всех помещиков Орловской губернии.

Число братьев Мишиных – вопрос, требующий уточнения. В родословце, составленном В.Я. Данильченко, у Ивана Степановича Мишина и его жены Настасьи Семеновны значатся сыновья Иван, Владимир, Николай, Степан, Петр, а также дочь Дарья, мать Николая Яковлевича Данилевского.

Иван и Николай в переписи орловских помещиков 1850 года отсутствуют. При этом восприемниками при крещении Елены Яковлевны 20 мая 1829 года названы «ливенская помещица маиорша, вдова Настасья Семенова дочь Мишина и той же округи помещик подпоручик Николай Мишин» [21, л. 18 об.], то есть, скорее всего, ее сын. Поскольку в материалах ревизии 1850 года ни он, ни его дети – Николаевичи – не числятся, то к тому времени он либо умер, не оставив потомства, либо его дети расстались к тому времени с недвижимостью и не обладали крепостными. Нет данных и об Иване Ивановиче и его потомках, хотя имеется поручик Сергей Степанович, которого естественно понимать как сына оберецкого помещика Степана Ивановича.

Между тем в качестве крупного землевладельца фигурирует Кирилл Сергеевич Мишин, который в 1850 году был лишь коллежским регистратором, то есть весьма молодым человеком, лишь начинавшим служебную карьеру, а в 1886 году являлся статским советником, владевшим 1771 десятиной земли [7, л. 43]. Его можно было бы считать представителем иной ветви рода Мишиных, однако он в 1850 году наряду с Сергеем Степановичем числится как совладелец сельца Пречистенского, что позволяет думать, что родителями этих дворян были родные братья Степан и Сергей Мишины. Иными словами, в числе братьев Дарьи Ивановны следует скорее считать не Ивана Ивановича, а Сергея Ивановича Мишина, который владел землями при большом селе Жерино на реке Сосне, в 30 км южнее Оберца и, как увидим дальше, занимался тем же делом, что и Степан Иванович.

В перечне Мишиных имеются также две коллежские асессорши (Александра Степановна и Лариса Андреевна) и одна титулярная советница (Марья Павловна). Скорее всего, они – жены представителей иной ветви рода Мишиных служивших по гражданской части, в то время как все сыновья Ивана Степановича по несколько лет отслужили в армии.

При разборе табличных данных обращают на себя внимание прежде всего два факта. Во-первых, земельные владения Ивана Степановича Мишина и его жены, то есть родителей Дарьи Ивановны и ее братьев, были довольно обширными, но в результате раздела пятерым сыновьям достались имения довольно скромного размера. 592 души мужского пола предполагают примерно такое же количество женщин: 1200 крепостных – ориентировочно таким было родительское владение до того, как оно частями перешло к детям¹. Иными словами, дробление родительского наследства – если не предпринимать каких-то особых мер – вело к обеднению сыновей и внуков.

Больше всего владений при разделе получил умерший к 1850 году Сергей Иванович (его сыну Кириллу принадлежало 217 душ по состоянию на середину XIX века), затем Степан Иванович (вместе с сыном Сергеем – 156), Петр Иванович (95, но с приданным его жены Павлы Яковлевны – 131), Владимир Иванович (42). Обратим внимание: получается, что дочери Дарье не досталось ничего! Но вряд ли родители, составляя свои завещания, могли ее вовсе забыть: видимо, они обязали старших братьев содержать сестру до замужества, а затем выделить ей подобающую долю наследства.

¹ Еще не следует забывать о холере, которая в 1830–1831 и в конце 1840-х годов могла сократить число как помещиков, так и крепостных.

Именно для решения этого вопроса Яков Иванович, задумав укорениться в Орловской губернии, брал отпуск и выезжал в 1832 году в Оберец. Как оказалось, братья Мишины выполнили свое обязательство перед сестрой, хотя и несколько переиграли дело, приобретя для нее собственность в Елецком, а не в Ливенском уезде.

Во-вторых, поражает огромное число *дворовых*: в некоторых селениях, получается, дворовыми оказывались буквально все, а во многих – от трети до половины. Так, среди крепостных, принадлежавших семейству Мишиных, число их составляло около 39%. Невозможно, чтобы небогатые помещики позволяли себе содержать столь огромное число домашних слуг! Таковые среди *дворовых*, несомненно, были, но в небольшом количестве.

Дворовыми здесь называются крепостные, которые не занимались крестьянским трудом, а отправлялись на постоянный отхожий промысел. В Орловской губернии в первой половине XIX века, судя по всему, это приняло массовый характер. Вот только куда шли работать бывшие крестьяне? Приносил ли такой отход хозяевам большую прибыль, нежели традиционное земледелие на замечательных ливенских черноземах?

Причина заключалась в том, что через Елец и Ливны везли огромное количество хлеба из еще более плодородных Воронежской и Тамбовской губерний, из-за чего елецкие и ливенские купцы I–III гильдий (по числу их Ливны в 1850 году лишь немногим уступали губернскому Орлу, 165 против 185 [10, табл. 12]¹), наживаясь на транзитной торговле, сбивали цену на местное зерно, так что местным крестьянам и помещикам приходилось изыскивать иные возможности для получения доходов. По данным П.П. Семенова, в Ливенском уезде «многие крестьяне занимаются извозом, а также уходят на заработки в другие местности, так в 1858 г. одним казенным крестьянам выдано паспортов и билетов 5450 (3446 на срок более 2 месяцев)» [78, с. 47].

Эти и последующие данные относятся к временам поздним, однако ситуация такая возникла на несколько десятилетий раньше, а потому их правомерно экстраполировать на 1830–1840-е годы.

Для нас важно то, что дворяне Мишины не пустили этот объективный процесс на самотек, а постарались самостоятельно обеспечить своих дворовых работой. Иначе говоря, они занялись предпринимательством и создали по меньшей мере два – а скорее три! – небольших, но дающих неплохой доход предприятия.

Как это можно доказать? Прежде всего, обратим внимание: братья (по меньшей мере двое из них!), формально разделив между собой наследство, продолжали жить вместе в Оберце в большом доме – при том, что юридически Оберец принадлежал одному Степану Ивановичу: не случайно Николай Данилевский, по словам П.П. Семенова, на лето ездил в *имение дядей*. Это является косвенным признаком того, что и их дворовые могут оказаться в одном и том же месте – на их совместной фабрике! У самого Степана Ивановича в Оберце соотношение крестьян и дворовых было очень показательным – почти 1:4, на 18 крестьян приходилось 80 дворовых! Учитывая их жен и дочерей, реальное число дворовых превышало 150 человек.

К этим людям вполне могли присоединиться и дворовые из небольших селений, принадлежавших родственникам, – те же 15 дворовых мужчин с семьями из елецкого Семенькова.

Данные статистических описаний, относящихся к 1850–1870-м годам, объясняют, почему в Оберце, а заодно в находившейся в трех километрах от него Николаевке (владении Петра Мишина, а также в деревнях его супруги Павлы Яковлевны) появилось так много дворовых.

¹ К 1856 году число купцов в Ливнах увеличилось до 257, то есть почти на 100 человек [34, с. 35–36]. Книга А.И. Артемьева была издана в Петербурге в 1860 году.

Оказывается, в Оберце на протяжении десятилетий действовала бумажная фабрика, а в Николаевке – винокуренный завод, прекративший свое существование лишь накануне 1861 года [78, с. 47]. Работала также бумажная фабрика в Жерино, владении старшего брата Сергея Ивановича и его сына Кирилла. В их поместьях ревизия 1850 года тоже зафиксировала повышенное число дворовых – 58 душ м.п. Эта фабрика – в отличие от Оберецкой – кажется, работала с перебоями, но все равно, обе они фиксируются в «Списке населенных мест Орловской губернии» 1871 года [24, с. 119, 136, 116]¹.

Согласно А.И. Артемьеву, в 1858 году в Ливенском уезде действовали три бумажных завода (вместо Жерина называется расположенное неподалеку Успенское), на котором работало 238 (!) человек; их совместный доход составлял 23 500 руб. серебром [34, с. 32]. Если эти цифры условно поделить поровну, то на Оберец придется около 80 работников – столько же, сколько в 1850 году числилось там дворовых! – и более 7800 руб. прибыли.

Практически ту же сумму, но для четырех заводов показывает для 1861 года П.П. Семенов: «Заводская деятельность уезда необширна; здесь в 1861 году считалось 4 писчебумажные фабрики в Жерине, Оберце, Касьянове и Кривчике <...>. На писчебумажных выделано бумаги на 23 235 руб.» [78, с. 47].

О масштабах доходов, которые получали предприниматели Мишины, позволяют судить данные, относящиеся к кризисным 1850-м годам, – времени между двумя войнами, на которое пришлось вторая, самая тяжелая, волна холеры. В более стабильные 1830–1840-е годы их доходы должны быть существенно выше.

Между 1850 и 1853 годами отставной капитан-лейтенант Петр Иванович Мишин умер², но в сельце Николаевке под началом его жены винокуренный завод действовал, ежегодно выдавая «к местным поставкам 20 000, а к иногородн[им] 64 000» ведер хлебного вина [10, табл. 12]. Коль скоро в дело шло собственное зерно и работали собственные крепостные, себестоимость водки должна быть очень низкой. При этом «цены подрядные на 1851 год были по 46 коп. серебром за ведро полугара» [10, с. 112]³. В таком случае доход от продажи 84 тыс. ведер составил 38 640 руб. серебром; если же их перевести на счет ассигнациями, то получится почти астрономическая сумма 135 240 руб.⁴ Словом, барыш капитан-лейтенантши Мишиной неизмеримо превосходил генеральские доходы Я.И. Данилевского...

Во второй половине 1850-х – начале 1860-х годов, по окончании Крымской войны и с началом крестьянской реформы 1861 года экономическая ситуация в России существенно ухудшилась, что поспособствовало закрытию винокуренного завода в Николаевке. Это отнюдь не перечеркивает приведенные выше косвенные данные о том, что в предшествующее время доход дворян Мишиных от предпринимательской деятельности был весьма значительным.

¹ В Касьянове в 1871 году фабрики больше не было.

² Наследником П.И. и П.Я. Мишиных являлся сын Николай, имевший в 1886 году 207 десятин земли [7, л. 48]. Этот помещик дер. Малой Чернавы умер 16 февраля 1887 года «48 лет от воспаления легких». Его жена Анна Николаевна 5 июля 1887 года, уже после смерти супруга, родила сына Сергея. Эти данные содержатся в метрической книге Покровской церкви с. Оберец [6, л. 17 об., 61 об.].

³ С 1844 года с подачи откупщика В.А. Кокорева в Орловской губернии проводился эксперимент, с 1847 года распространенный на всю страну. Под его «чутким» контролем виноторговцы были сведены на уровень наемных работников, так что их прежний доход доставался государству и откупщику. При этом качество хлебного вина резко снизилось. Продавалась же *травная* – с добавками из трав – водка, по данным И.Г. Прыжова, первого исследователя темы, по 5 рублей серебром за ведро и даже с большим недогаром (то есть, попросту говоря, некачественная) – по 4 рубля за ведро [60, с. 227]. Это в 8,6 раза и более превышало доходы Мишиных!

⁴ В 1840-х годах 1 рубль серебром равнялся 3,5 рубля ассигнациями. К 1858 году доход Мишиной от ее завода существенно сократился. По данным А.И. Артемьева, два ливенских винокуренных завода (в Татарском Броде и в Николаевке), имея вместе 32 работника, производили продукции на 12 120 руб. серебром [34, с. 32].

Как бы то ни было, они относились к семейству Данилевских с неизменной теплотой и на протяжении 1830–1840-х годов оказывали им всяческую, в том числе материальную, помощь. Достаточно вспомнить, что в 1840-х годах именно в Оберце, а не у родителей, не в степном Вознесенске, в окружении гусар, проживала дочь Елена, и именно туда постоянно приезжал на лето сын Николай. Туда же, в Оберец в конечном счете отправился на жительство в 1853 году и Яков Иванович. В 1857 году Николай Яковлевич отправился именно в Оберец – писать отчет по экспедиции Бэра¹. Ему, вдовцу, не способному забыть о любимой женщине, просто некуда было больше поехать.

В 1849 году арестованный по делу петрашевцев Николай на вопрос об источниках его дохода ответил: «Ни [не]движимого имущества, ни собственных капиталов не имею. Содержал же себя *вспомоществованиями, которые делали мне мои родственники*, и статьями ученого содержания, помещаемыми в журналы» [13, с. 328]². Этими родственниками – во множественном числе – несомненно, являлись Мишины.

В 1830-х годах перед семьей Данилевских встала проблема – где и за счет чего обучать детей. В таких случаях офицеры отправляли сыновей в пансионы, где им могли бы дать все необходимое для дальнейшего прохождения военной или гражданской службы или для поступления в университет. Для старшего сына Николая такой грустный и ответственный момент расставания с родителями наступил в десять лет – точнее, в 1833 году, когда его отправили очень далеко, в немецкоязычную Лифляндию.

На сей счет имеются две версии, обе записанные со слов Н.Я. Данилевского. Его доуниверситетское обучение, по Страхову, происходило так:

«В 1833 году он находился в пансионе пастора Шварца близ Верро (в Лифляндии), в 1834 году в Москве, в пансионе Павлова, а в 1836 году там же в пансионе Боргардта. В 1837 году он был принят в Царскосельский лицей, как своекоштный воспитанник» [28, с. XXI].

П.П. Семенов (в будущем – академик Семенов-Тянь-Шанский), ближайший друг Николая Яковлевича, описывает это иначе:

«Данилевский был отдан своим отцом в ранние годы в очень хороший пансион в Дерпте и оттуда уже поступил в Царскосельский лицей, где в своем классе был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников» [23, с. 192].

¹ Письмо Н.Я. Данилевского к К.М. Бэру от 3 апреля 1857 года было отправлено из Оберца [52, с. 438].

² По окончании Царскосельского лицея Николай Данилевский с 1 апреля 1843 по 19 января 1847 года формально состоял на службе в Военном министерстве в чине коллежского секретаря [29, с. 53–54, 56] и получал, как и все выпускники Лицея в тот период, примерно 600–800 руб. в год [см. 75, с. 523]. П.П. Семенов-Тянь-Шанский утверждает: «Н.Я. Данилевский, не имея ничего и ничего ниоткуда не получая, жил таким же [литературным – А.Ж.] заработком с 1841 по 1849 год и не был в нужде» [23, с. 212], что неточно. В «Отечественных записках» Данилевский начал интенсивно публиковаться лишь в 1848 году, когда с мая по август в этом журнале вышли две его объемные статьи – «Дюроше», в двух номерах, и «Космос», в трех номерах [см. 40, с. 367, 369, 370, 372, 374]. Это означает, что лишь в начале 1848 года возникла угроза «зубы на полку положить», как выражался его дворовой человек Андрей, так что Николай Яковлевич откладывал в сторону прочие дела и быстро дописывал статьи для журнала [23, с. 218]. Получается, весь 1847 год Данилевский, перестав получать жалованье в Военном министерстве, жил исключительно на *вспомоществования родственников*. Вполне возможно, что такую помощь он получал и раньше.

Для того чтобы понять, кто из них лучше запомнил слова своего друга, нужны дополнительные разыскания¹.

Под «пансионом... близ Верро (в Лифляндии)» и «очень хорошим пансионом в Дерпте», возможно, подразумевается одно и то же учебное заведение. Если это так, то оба описания не вполне точны: пансион располагался в самом Верро (ныне – Выру), в 60 км от Дерпта (ныне – Тарту). Там имелось несколько пансионов, но «очень хорошим» – имевшим такую репутацию! – был лишь один, и владел им не пастор Шварц, а Генрих Крюммер (1796–1873). В этом городе большинство населения составляли немцы, и почти все воспитанники пансиона тоже были немцами.

Благодаря Е.П. Дерябиной, исследовательнице творчества А.А. Фета, имеется краткая биографическая сводка о Крюммере, а также свидетельства Генриха Эйзеншмидта – одного из преподавателей, оставившего воспоминания на немецком языке [50, 51]. Он помнил, в частности, что Шеншин (так именовали Фета в пансионе) был единственным русским в классе [51, с. 189]. Но не во всей школе!

Дерябина приводит лист из найденных ею в Эстонском национальном архиве исповедных росписей в православной церкви святой Екатерины г. Верро, и там имеются и другие русские фамилии [51, с. 191–192]. Эту книгу архив выложил в открытый доступ, но в ней имя Николая Данилевского среди немногочисленных православных воспитанников пансиона не отыскивается – ни в 1833–1834, ни в 1835–1836 годах [32]².

Пансион Крюммера, судя по описаниям А.А. Фета и данным Дерябиной, не был столь уж идеальным местом: воспитанники жили впроголодь, им приходилось кулаками отстаивать право на спокойную жизнь от местных задир³, наконец, не было хорошего преподавателя русского языка, так что выпускники не могли в дальнейшем сдавать экзамены в российские университеты. Из-за происходившего онемечивания русские родители зачастую забирали своих детей оттуда [51, с. 191–193]. В частности, в конце 1837 года его покинул и Афанасий Фет, учившийся там с 1835 года. О Данилевском – человеке ярком, которого нельзя было бы не заметить, – Фет в своих воспоминаниях не говорит ни слова. Не вспоминал о Фете и Данилевский.

Это косвенно говорит в пользу версии Страхова, но вовсе не опровергает рассказ Семенова. Как бы то ни было, в качестве равно возможных выстраиваются две версии:

1) Полковник Данилевский, в мае 1833 года поведший свой полк из Подмосковья в Тверскую губернию, оставляет сына Николая в одном из московских пансионов (Павлова), через год переводит его в другой (Боргарда), а затем шлет мальчика в Верро (или Дерпт), откуда тот в 1837 году поступает в Царскосельский лицей.

2) Полковник Данилевский в 1833 году шлет сына в Верро, но быстро забирает его оттуда, и с 1834 года Николай обучается в Москве – сначала у Павлова, а потом у Боргардта.

Нельзя исключать, что он пребывал и в пансионе пастора Шварца, ибо, как отмечает между прочим Дерябина, в этом городе было несколько пансионов [51, с. 184]. Ответ на этот вопрос хранится в Тарту, в недрах местного исторического архива⁴.

¹ Для «реабилитации» Страхова отметим, что записанные им детские впечатления Николая Яковлевича о постоянных переездах с места на место в целом достоверны: в перечисленных мемуаристом населенных пунктах Яков Иванович либо точно квартировал, либо мог это делать, так как они располагались в зоне дислокации его полков.

² Благодарю Е.П. Дерябину, предоставившую мне эту ссылку.

³ Это не помешало впоследствии Фету с теплотой вспоминать время, проведенное в пансионе.

⁴ Имеется еще одна возможная взаимосвязь: и Данилевский, и Фет – родом из Орловской губернии, причем отец Фета, мценский помещик Афанасий Шеншин, имел в Ливенском уезде владение Тим, а значит, мог быть знаком с местными дворянами Мишиными, дядьями Николая Яковлевича. Как иначе объяснить, почему два выходца из одной и той же губернии практически одновременно обучались в Дерптском уезде?

В конце 1836 года Якову Ивановичу удалось устроить старшего сына в Царскосельский лицей. Учиться Николаю приходилось своекоштно, то есть платно. Платить за учебу приходилось по 2000 рублей ассигнациями в год, причем с 1840 года платеж составил 600 рублей серебром, то есть был увеличен на 100 рублей ассигнациями. Для небогатых родителей предусматривалась денежная компенсация, величина которой зависела от их состояния [76, с. 190, 229; 25, с. 387].

Сохранилось поданное 28 ноября 1836 года ходатайство И.А. Набокова, командира отдельного Гренадерского корпуса, на имя военного министра А.И. Чернышева о прощении полковника Данилевского 1-го¹ – Яков Иванович нуждался в ежегодном вспоможении для воспитания сына Николая в Царскосельском лицее: «принимая во уважение отлично-усердную службу полковника Данилевского, я имею честь покорнейше просить содействия вашего превосходительства об исходатайствовании просимого г. Данилевским всемилостивейшего пособия». 5 января 1837 года граф Чернышев вынес на ходатайстве резолюцию: «Высочайше повелено полковнику Данилевскому, на воспитание сына Николая, производить, в пособие, по восьмисот рублей ассигнациями в год»². Таким образом, Я.И. Данилевский получал одну из самых высоких дотаций.

При вынесении решения по этому вопросу в инспекторский департамент III отделения собственной его императорского величества канцелярии была отправлена справка о службе полковника Данилевского и его доходах: они определялись в 5200 рублей в год (1700 руб. жалованья и 3500 руб. столовых) [84, с. 43–44]. Кроме того, с 1830 года за 20 лет беспорочной службы Якову Ивановичу полагалась еще пенсия по 500 рублей в год от Инвалидного капитала [25, с. 387]³.

Однако доходы полковника Данилевского значительными начальству не казались: став генерал-майором и командиром бригады, он продолжал получать пособие в том же объеме. Немалыми, очевидно, были его представительские расходы: надлежащее обмундирование командира полка и затем командира бригады, туалеты жены, приемы гостей, возможно, устройство балов в офицерских собраниях стоили немало. Нельзя забывать о расходах на воспитание двух других детей: в частности, дочь Елена в 1837 или 1838 году поступила в столичный Екатерининский институт благородных девиц⁴. Хотя обучение и пансион там осуществлялись за счет казны, однако это не только не исключало, но, наоборот, предполагало «вспомогательные» траты – например, на наряды и карманные расходы. Родители вряд ли могли допустить, чтобы дочь чувствовала себя в чем-то ущемленной.

Отсюда напрашивается вывод, что семье Данилевского было очень нелегко соответствовать положению, которого достиг Яков Иванович своей «отлично-усердной» службой. По всей видимости, без помощи со стороны ливенских родственников дело не обошлось и здесь.

Встает вопрос: почему? Почему отец любой ценой хотел дать старшему сыну наилучшее образование? Почему именно Царскосельский лицей? Что заставляло братьев Мишиных бескорыстно и преданно, *на протяжении десятилетий* – в ущерб себе! – помогать семье Данилевских? У них ведь были собственные дети, которых тоже нужно было куда-то устроить – если не в Лицей, то в какой-нибудь иной хороший пансион и обеспечить им, а не Николаю Данилевскому лучшую стартовую площадку к будущей карьере!

¹ Таким образом, «превращение» Данилевского из «2-го» в «1-го» произошло в промежутке между ноябрем 1834 и ноябрем 1836 года.

² Цит. по документу, размещенному на [84, с. 57–58].

³ С.В. Волков приводит для полковников и генерал-майоров кавалерии существенно меньшие данные по первой половине XIX века [ср. 43, с. 255, 257, 263, 386 (табл. 55)].

⁴ В Екатерининский институт принимали девочек строго восьми-девяти лет [56, с. 16].

Бесполезно искать ответы на эти вопросы в сфере материальной. Ответами являются слова природы невещественной – любовь, бескорыстие, *умение радоваться чужому таланту*.

При обращении к воспоминаниям о Николае Яковлевиче Данилевском поражает прежде всего единодушное восхищение его душевными качествами и огромным талантом. Он обладал свойством привлекать к себе и вдохновлять своим присутствием окружающих людей¹, причем самых разных политических взглядов – не только ставших его друзьями П.П. Семенова и Н.Н. Страхова, но и, к примеру, такого противоречивого человека, как Т.Г. Шевченко². Если и были те, кто Николая Яковлевича не любил, то уж они-то об этом помалкивали и мемуаров не писали...

Но, кажется, такими же качествами – по недостатку данных трудно судить, в какой мере – обладал и его отец Яков Иванович. В этой связи следует в полной мере оценить – пусть и неточные – припоминания Страхова об этом незаурядном человеке:

«Яков Иванович назначал себя сперва на другое поприще и в 1812 году слушал курс медицины в Московском университете <...> Яков Иванович всегда любил науку и литературу и даже сам писал комедии, оставшиеся в рукописи».

Курса медицины в Московском университете пройти не пришлось, но об этом юный Яков наверняка мечтал. Суровая реальность, однако, заставила его ограничиться лишь университетским Благородным пансионом³ и стать хотя и «бойким», но все же вопреки П.П. Семенову не типичным гусаром. Не от того ли и сын его Николай увлекся впоследствии ботаникой и – шире – естествознанием, что в детстве прочел все книжки в походной библиотеке отца, а она, очевидно, – «любил науку!» – во многом и состояла из естественнонаучной литературы? Это, в свою очередь, помогло отцу оценить талант сына и понять – мальчика надо готовить к научному поприщу⁴. Пусть он пойдет дальше отца и осуществит отцовские мечтания! Пусть сын учится в лучшем в стране учебном заведении для детей – подобно тому, как отец некогда учился в лучшем на тот момент пансионе России! И, надо сказать, что Яков Иванович не ошибся: сын превзошел его не только в науке, но и в карьере – стал тайным советником, то есть по военной шкале *генерал-лейтенантом*. Более того, Николай Яковлевич осуществил отцовскую мечту о своем «дворянском гнезде», хотя и не на Орловщине, а в Крыму, во Мшатке...

Но это все в будущем, а сначала гусар писал комедии. Об их литературных качествах сейчас невозможно что-либо сказать, но их публикация – особенно если в них проявился сатирический подтекст, – несомненно, не поспособствовала бы его военной карьере. Но где он их мог бы обнародовать – ведь любому автору хочется быть услышанным? Не в Оберце ли, куда он ездил сначала к невесте, а потом и к супруге Дарье и куда могли съезжаться жившие неподалеку ее многочисленные братья? Не из таких ли литературных вечеров и родилась прочная их привязанность к заезжему гусару? Что из

¹ Впервые Н.Н. Страхов увидел Н.Я. Данилевского в коридоре университета: «Между студентами вдруг пронесся говор: “Данилевский, Данилевский!” – и я увидел, как около высокого молодого человека, одетого не в студенческую форму, образовалась и стала расти большая толпа. Все жадно слушали, что он говорит; ближайшие к нему задавали вопросы, а он отвечал и давал объяснения» [28, с. XXII].

² В письме Шевченко к Брониславу Залескому от 9 октября 1854 года читаем: «Пишу панегирик прекрасному уму и сердцу Н.Д., а впрочем, все, что мне бы хотелось написать тебе о нем, то это не уместилось бы и на двух листах бумаги <...> он во всех отношениях прекрасный человек; жаль только, что он ученый, а то был бы настоящий поэт» [83, с. 335–336].

³ В уже упомянутой сводке данных о Я.И. Данилевском, отправленной в канцелярию императора, отмечается, что он «из московских дворян» [84, с. 43]. Его родители, таким образом, жили тогда в Москве или в Московской губернии.

⁴ Сын Александр, видимо, такой склонностью к чтению не отличался.

того, что он женился на их любимой сестре? Из этого само по себе ничего не следует. Это еще не повод для того, чтобы на протяжении долгого времени оказывать ему и его семье всяческую – тем более материальную – помощь.

Значит, было в самом полковнике Якове Данилевском нечто такое, что заставило Мишиных *принять его в свое братство*, порадоваться его таланту и таланту его старшего сына и принять в них горячее участие.

В заключение еще одна подробность. Подлинные документы Дела о дворянстве семьи Данилевских доставил 25 октября 1834 года в Орловское дворянское депутатское собрание не кто иной, как майор Григорий Данилевский, младший брат, офицер Генерального штаба, действовавший «по доверию, в рукоприкладстве сделанному» старшим братом [21, л. 20 об.]. В это время полковник Данилевский 2-й пребывал со своим Нарвским полком в Ржеве, а потому не мог присутствовать лично. Депутатское собрание, приняв 27 октября решение о внесении «полковника и кавалера Якова Ивановича Данилевского и сыновей его Николая и Александра», а также дочери Елены в третью часть Орловской дворянской книги, среди прочего указывает: «С представленных при прошении г. Данилевского документов, списав к делу копии, подлинные возвратить обратно, под расписку г. майора Григорья Данилевского» [21, л. 25].

Снятие копий со всех представленных документов – дело не одного дня, и, стало быть, Григорий Данилевский должен был дожидаться, когда они будут изготовлены – вместе с дворянской грамотой на трех мужчин и свидетельством на Елену. Где он мог это сделать? Ответ напрашивается сам собой: наверняка съездил в Оберец, в гости к Мишиным.

Неизвестно, брал ли Григорий Данилевский отпуск или временно выходил в отставку, но так или иначе он в октябре 1834 года он совершил вояж из Петербурга в Орловскую губернию с заездом в Ржев и в ноябре, очевидно, двинулся в обратном направлении – передать документы брату.

Взаимовыручка и взаимопомощь – неотъемлемое свойство этих людей!

V. Казацкие корни дворян Данилевских

Скитальческая жизнь беспоместных дворян Данилевских привела к тому, что нет возможности документировать начало их родословной. Имя Ивана Данилевского, имевшего сыновей Якова и Григория, нам известно только по их отчествам.

Типичная для того времени формула «из дворян», имеющаяся в послужном списке Якова Ивановича [21, л. 4 об.], несколько двусмысленна: она, возможно, означает, что его отец имел лишь личное дворянство, так что его сыновьям дворянство наследственное приходилось зарабатывать военной службой.

Чтобы разобраться с этим, необходимо выяснить, как петровские преобразования начала XVIII века повлияли на статус и положение российского дворянства в целом, а также присмотреться к данным о казацком сотнике Даниле Даниловиче, от которого, вероятно, пошли все ветви многочисленного рода Данилевских.

Деяния Петра I были весьма противоречивы. С одной стороны, он укрепил статус служилых людей, поставив военную службу выше гражданской: даже низший офицерский чин (прапорщика) давал право на наследственное дворянство. Это позволяло стать дворянами и хорошим солдатам из числа казаков, крестьян, мещан – хоть бродяг: в солдаты при Петре I набирали силой и кого попало. Но, получив звание дворянина, такие люди и их семьи жили исключительно за счет жалованья, получаемого за военную службу. С другой стороны, военная служба была вечной: только тяжелая болезнь, старость и смерть позволяли уйти на покой. Это приводило к падению доходов поместного дворянства: за их владениями могли присматривать либо управляющие, которые, оставаясь сами без долж-

ного контроля, себя не обижали и наживались за счет крестьян, либо жившие в деревнях жены. Разумеется, от этого страдали прежде всего составлявшие большинство небогатые дворяне: армейское жалованье составляло для них основную часть семейного дохода.

Имелся в тогдашнем законодательстве еще один подводный камень, на который натыкалась получившая дворянство казацкая старшина, а также те, кто выслуживал офицерское звание долгой солдатской службой, – выбившиеся из рядовых сначала в унтер-офицеры, а затем в прапорщики: если у них к моменту получения офицерского чина уже имелись дети, дворянство получал только один из сыновей [18, с. 492 (№ 3890, п. 15)]. Прочим не оставалось ничего иного, как начинать службу рядовыми и самим зарабатывать себе дворянское звание.

Вдобавок ко всему 23 марта (3 апреля) 1714 года Петр I издал указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах, согласно статье 2 которого: «Кто имеет сыновей и ему же еще хочет единому из оных дать недвижимое чрез духовную, тому и наследие и будет; другие же дети обоего пола да награждены будут движимыми имении, которыхя должен отец их или мать разделить им при себе, как сыновьям, так и дочерям, колико их будет, по своей воле, кроме онаго одного, который в недвижимых наследниках будет» [17, с. 92 (№ 2789)]. Таким образом, вся недвижимость должна была отойти лишь к одному из сыновей, а все прочие оставались беспоместными, так что им не оставалось ничего иного, как вечно служить, получая лишь жалованье.

Петр I исходил из благих целей – стремился остановить неизбежное в ходе семейных разделов дробление помещичьего землевладения и смягчить нагрузку на одно крестьянское хозяйство (число дворян, которых крестьянам приходилось кормить, постоянно увеличивалось), однако передача всей недвижимости одному из братьев (обычно старшему) приводила лишь к конфликтам и разрыву родственных связей, и не случайно, что 9 (20) декабря 1730 года императрица Анна Иоанновна этот указ отменила – в числе прочих льгот русскому дворянству, выступившему против замысла Верховного тайного совета ограничить царскую власть.

Однако ее указ не имел обязательной обратной силы: те дворяне, что лишились поместий в течение предыдущих 16 лет, могли получить их назад лишь по воле отца, если тому вздумается учинить передел, или же, в случае его смерти, по добровольному согласию того из братьев, кто получил всю недвижимость в свои руки [19, с. 347 (№ 5653)].

«Жалованная грамота дворянству» (1785), закрепившая право дворян выходить в отставку, ничего в сущности не поменяла для дворян беспоместных: военная служба оставалась их единственным источником дохода. Лишь состоятельные дворяне могли позволить себе уходить в отставку поручиками или штабс-капитанами: для них это был всего лишь вопрос престижа, ибо совсем не служить еще считалось делом неприличным.

Слободские же казаки, к числу которых относились предки Якова Данилевского и его сыновей, дворянами не являлись. Они дворянство стремились каким угодно способом заслужить, но центральная власть отнюдь не намеревалась жаловать дворянское звание ни простым казакам, ни большей части казацкой старшины.

Собственно, из-за этого в Малороссии (так эту территорию называли в Москве), или на Украине (как окраину своей Речи Посполитой восприняли ее поляки), и разгорелось казацкое движение, которое возглавил Богдан Хмельницкий и которое привело к тому, что после долгой кровавой борьбы казачество раскололось, так что земли западнее Днепра остались в составе Польши, а левобережье вместе с Киевом вошло в состав Российского государства.

При этом *украинские* земли – из-за постоянных набегов крымских татар – постепенно пустели, так что многие тамошние казаки уходили на земли *малороссийские*, подчиненные Москве, которая, будучи заинтересованной в создании своей *украины* на южных гра-

ницах Российской державы, предоставляла вновь прибывавшим из польских и с 1672 года частично турецких владений казакам всяческие льготы и послабления. Так возник в Малороссии Харьковский слободской казачий полк, из которого в 1688 году выделился полк Изюмский, получивший полное самоуправление: его территория не имела царских воевод, была освобождена от постоев и прочих отягощений. Разумеется, такой порядок вещей был выгоден прежде всего местной казацкой старшине, вольности которой центральная власть вынуждена была постепенно ограничивать. Окончательно казацкую вольницу пресекли в 1765 году, когда Изюмский полк как территориальная единица прекратил свое существование, а из его казаков был сформирован Изюмский гусарский полк. При этом казацкие начальники, переходя служить в регулярную армию, понижались на один чин, если участвовали в войнах; никогда не воевавшие – на два чина. Таким образом, полковник становился подполковником, полковой судья (высший казацкий чин, которого достиг основатель рода Д.Д. Данилевский) – премьер- или секунд-майором, а сотники – всего лишь поручиками или прапорщиками [33, с. 209]. Не желавшие соглашаться на такое унижение должны были подавать в отставку. Разумеется, в отставку подавали те, у кого было достаточно земельной собственности и крепостных крестьян. Прочие, земли не имевшие или имевшие ее мало, обречены были на вечную военную службу...

Но это произошло потом, а пока, во второй половине XVII века, казак из Подолья Данилий Данильевич поселился в слободе Пришиб, расположенной на дороге между Изюмом и Змиёвым (Змеевым), и не позднее 1691 года – скорее всего, около 1686-го – стал лиманским сотником¹.

Он отнюдь не случайно назван именно здесь *Данилием*, а не *Данилой*. Дело в том, что без такой «поправки» невозможно понять, почему он и его потомки имели фамилию *Данилевский*, а не Даниленко или Данилов: именно такие формы являлись стандартными в Малороссии и России при образовании патронимов. Совсем не случайно гоголевский герой Остап, сын Тараса Бульбы, именовался Бульбенко. Забегая вперед, отметим, что в материалах ревизии 1732 года сохранились автографы Ивана и Евстафия Даниловичей, сыновей основателя рода, и они оба там – *Данилиевские* [30, л. 96 об., 97, 441 об., 442]. Иными словами, форма *Данилевский* – не Даниленко, не Данилов – возникла как некоторое упрощение изначальной формы. Как бы то ни было, формант -ев – в отличие от -ов и -енк – служит надежным опознавательным знаком этой семьи².

Какими источниками о ранней истории рода Данилевских мы располагаем? Увы, они очень скудны, и основная их часть погребена в недрах архивов, а многое из опубликованного на бумаге и в Интернете зачастую осталось недоступным. Поэтому в вопросе о происхождении рода Данилевских приходится больше говорить о постановке, а не о решении проблем.

Источники делятся на две основные группы – архивные материалы по истории Изюмского полка, в которых имеются разрозненные данные о Данилевских, а также семейные предания, записанные в середине XIX века писателем Григорием Петровичем Данилевским (1829–1890) [12]. Он являлся представителем той ветви рода, что получила дворянство еще в первой половине XVIII века и унаследовала владения Данилы Даниловича. Кроме того, писатель составил и передал родословную роспись А.Б. Лобанову-Ростовскому, опубликовавшему ее в своей известной «Русской родословной книге» [14, с. 174–175].

¹ Лиман – село, расположенное в 22 км северо-западнее Пришиба, по дороге на Змиёв.

² Любопытно, что, как отмечает В.Л. Маслийчук, казацкая старшина в ту эпоху все чаще добавляла к своим фамилиям -ский, -цкий: так они выглядели благороднее, казались *шляхетскими* [54]. И действительно, изюмские полковники Донцы, с которыми породнились Данилевские через Варвару Даниловну, не желали именоваться просто *Захаревскими*: куда солиднее звучит польская форма – *Захаржевские*!

Рассказ Г.П. Данилевского является именно рассказом, то есть он литературно обработан, а потому заведомо вызывает немалые сомнения: как, в какой пропорции в них смешаны исторические факты с вольными и невольными домыслами рассказчицы, Анны Петровны Данилевской, урожденной Плотниковой (1746–1826), и самого писателя, который мог ее видеть лишь в младенческом возрасте? Его информация неоднократно воспроизводилась в генеалогической литературе, но не подвергалась источниковедческому разбору.

Согласно родословию, представленному писателем, Данило Данилович Данилевский (1649–1719), «выходец из Подолии, казак, сперва сотник, потом судья Изюмского слободского полка», был женат трижды (известны имена последних жен – Анисия и Анна) и имел четырех сыновей – Евстафия (1690–1743), Григория (1692–1741), Ивана (1693–1733), Максима (1695–1726) – и дочь Варвару [14, с. 174].

В семейном предании о нем имеются следующие дополнительные сведения: он был осадчим, то есть первопоселенцем Пришиба; во время одного из татарских набегов попал в плен, но через четыре года сумел бежать с Кубани на родину; в 1709 году Петр I, проезжая от Азова к Полтаве, 1 июня побывал в Пришибе у сотника Данилы, оказал ему всяческую милость, после чего прислал ему «крепостную грамоту на владение <...> десятию тысячами десятин из числа сотенной земли, не только с казачьими дворами, но как потом объявилось, и с самими казаками». Затем «Данило потом подпал под гнев царя, был взят по доносу в Питер, в розыскную канцелярию князя Юсупова, и там, в крепости, хотя и оправдался, вскорости умер» [12, с. 281–289].

Что из этих данных достоверно? За ответом следует обратиться к замечательному исследованию Филарета (Д.Г. Гумилевского) «Историко-статистическое описание Харьковской епархии», в котором собраны многочисленные (в том числе из ныне утраченных источников) сведения о селениях, входивших в состав Изюмского полка [82]¹.

Есть там данные и о Пришибе: слобода с таким названием поминается уже в листе от 25 января 1668 года: харьковский полковник Константин Григорьевич Донец «всем в полку нашем Харьковском, а особливо жителем Пришибским, Спеваковским, Савинским и Балаклейским ознайменуем...» [82, с. 156].

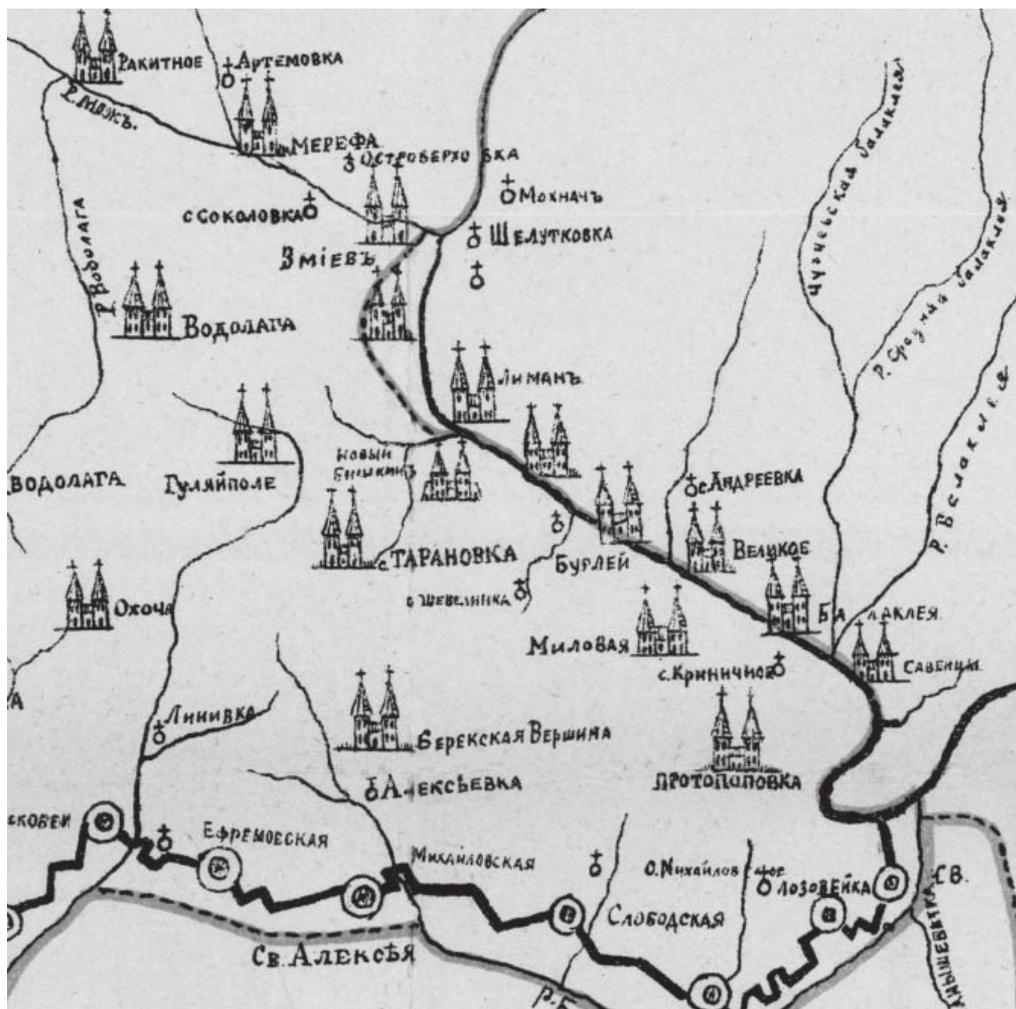
В грамоте царя Феодора Алексеевича от 17 февраля 1682 года на имя харьковского полковника Григория Донца сказано: «По указу великого государя и по твоему челобитью велено тебе, полковнику, жить в новопостроенном городе Изюме – и в том городе и урочища, которые к тому городу смежны, ее Спеваковку и Пришиб, призывать на вечное житье неслужилых черкас; и в Спеваковке и на Пришибе тем черкасам города строить и селиться в тех городах собою и пашенные земли пахать и всякими угодьями владеть» [82, с. 214].

В Пришибе такой городок был построен. Как отмечает Филарет, «в грамоте 1686 года в числе городков, передаваемых в ведение изюмского полковника, после Балаклеи поставляется Новый Перекоп и не упоминается знаменитый тогда Пришиб, то несомненно, что Новый Перекоп, нередко упоминаемый в актах XVII столетия, есть то же, что Пришиб <...> название же Нового Перекопа носил тогда Пришиб, по сделанному вблизи него рву – перекопу» [82, с. 214].

Таким образом, в Пришибе люди жили еще в 1660-х годах, когда Даниле Даниловичу не было и 20 лет, но строил укрепленный городок после 1682 года, судя по всему, именно он. Это в целом согласуется с эпичным по форме семейным преданием, но городком Новым Перекопом, по его описанию, скорее являлось позднейшее село Великое, а хутор Пришиб этот сотник – таковым его избрали местные казаки – построил неподалеку:

«из куреней в лесу стала слободка, Великое село, с окопом, бойницами, мельницей и с такою маленькою деревянною церковкой, что не вся в ней

¹ Важно то, что его книга вышла в свет ранее «семейных преданий» Г.П. Данилевского.

Городки Изюмского полка – Змиїв, Лиман, Андреевка, Великое, Балаклея

слободка и помещалась, а многие слушали служение снаружи, по двору и под деревьями. Невдали же от крепостцы Данило стал заводить хутор, что ныне Пришиб» [12, с. 282].

По данным Филарета, «в начале XVIII столетия здесь был уже храм с двумя престолами, из которых главным был во имя св. пророка Даниила, а придельный во имя великомученицы Варвары» [82, с. 156]. Название главного престола недвусмысленно указывает на имя основателя поселения.

Подтверждает Филарет и факт пленения сотника Данилы: «Сотник Андреевки и первый владелец Пришиба Даниил Данилевский в 1699 году получил жалованную грамоту «за службу и за терпение полнное»» [82, с. 156]. Знает он и о царском посещении Пришиба [82, с. 156].

Самое интересное состоит в том, что данные семейного предания в части хронологической почти точны:

«Двадцать седьмого мая, как теперь помню, сказывал мужу свекор¹, царь выехал из Азова степью на Бахмут, Изюм и Змиев; в Изюме он изволил

¹ Свекор рассказчицы – Евстафий Данилович Данилевский.

кушать, справлять день своего рождения и ночевать у г. Шидловского¹, – а второго июня был уже в Харькове. <...> В тот же день его величество отъехал к Полтаве и двадцать седьмого июня, на Самсония, разбил шведов. И стало быть, коли второго июня царь Петр Алексеевич был в Харькове, то первого июня был он в гостях у сваво верного изюмского сотника Данилы» [12, с. 286].

Согласно составленной Е.В. Анисимовым Биохронике Петра Великого, самому полному своду данных об этом русском царе, выстраивается следующая цепь событий:

25 мая, среда: Петр I в Таганроге.

26 мая, четверг: царская грамота к И.И. Скоропадскому и украинскому народу о разгроме Запорожской Сечи; местом подписания обозначен Таганрог, но Петр I скорее всего уже выехал из этого города и находился где-то в степи.

31 мая, вторник: царь, побывав в Змиёве, едет в Харьков, надеясь в конце дня там заночевать.

1–2 июня, среда – четверг: Петр I находится в Харькове [2].

Прежде чем напрямую сопоставлять эти данные между собой, следует обратить внимание на скорость передвижения царя. Она поразительна: если измерить маршрут движения Петра Алексеевича из Таганрога в Харьков – через Бахмут, Изюм и Змиёв (названные в предании промежуточные пункты вполне точны!) и разделить полученное число километров на шесть (неужели на пять?) дней, то окажется, что в сутки он преодолевал примерно по 61–64 (!!!) км². На лошадях, по степи, в отсутствие хороших дорог – такой форсированный многодневный марш могут выдержать далеко не все люди и тем более кони...

Теперь посмотрим на расстояния между Харьковом – Змиёвым – Пришибом – Изюмом, ряд получается таким: 35 км – 35 км – 57 км.

Принимая среднесуточную скорость движения царя в этом походе в 60–65 км, окажется, что в Змиёв Петр I явно приехал уже в середине дня и там обедал. Тем самым «у сваво верного изюмского сотника Данилы» в Пришибе он был рано утром 31 мая – а вовсе не 1 июня – и скорее всего накануне у него и заночевал.

Между тем, на предыдущий день, 30 мая, и вправду приходился день рождения царя: ему в тот день исполнилось 37 лет. И его Петр Алексеевич тоже провел в дороге: переночевав накануне в Изюме и утром справив там свой день рождения, он скорее всего выехал из этого города чуть позже, а потому мог появиться в Пришибе лишь поздним вечером.

Из этого следует, что описанные в предании царские развлечения в Пришибе («компанство» до рассвета, вывешивание новых колоколов на церковной колокольне, катание на катере по озеру Лебяжьему и, главное, сказочная история о незаконной дочери князя Ю.Ю. Трубецкого, родившей в тот же вечер сына Якова Евстафьевича) совершенно невероятны: преодолевшему долгий путь и, несомненно, уставшему царю нужен был прежде всего отдых.

¹ Изюмским полковником с 1707 по 1729 год являлся Михаил Константинович Донец-Захаржевский, женатый на Варваре Даниловне, о чем далее верно сообщается в семейном предании. Бригадир Ф.В. Шидловский в тот момент командовал всеми слободскими полками, но в Изюмский полк, которым прежде командовал, мог приехать для встречи царя [45, с. 7; 12, с. 287].

² По прямой дорога по названному маршруту составляет 337 км, но прямых дорог на свете не существует: реальные степные шляхи на 10–15 процентов будут длиннее прямых линий. Таким образом, 337 км превращаются в 370–385 км. Если царь покинул Таганрог 26 мая, то скорость движения возрастает до 74 км в сутки и более: $370 : 5 = 74$.

В истории «Марьюшки», внебрачной дочери князя Трубецкого, как и во всех сказках, при всей ее невероятности имеется свой намек на реальные обстоятельства¹.

История эта такова: во время «полонного терпения» Данилы Даниловича, то есть до 1699 года, царь Петр каким-то образом взял его сына Евсташу в еще не существовавший город Питер и отдал в науку какому-то наставнику (прецептору). Когда Евстафию шел 20-й год, то есть в 1709 году, он, уже будучи сержантом гвардии, влюбился в эту самую воспитанницу Марьюшку, а поскольку князь Трубецкой слышать не хотел о безродном сыне казачьего сотника, то девушка имитировала утопление, а сама с Евстафием бежала на Донец и целых два года – с хронологией тут явные нелады – жила в доме изюмского сотника вместе со своим возлюбленным и уже ждала ребенка, когда в Пришиб нагрянул царь вместе с князем Трубецким, все разузнал и велел отцу простить дочь. Молодых, разумеется, обвенчали, после чего Марьюшка тут же родила сына, которого немедленно окрестили и по такому случаю всю ночь «компанствовали»... [12, с. 284–289].

В этой лихой сказке есть один здравый намек на реальность, и он заключен в двух словах – сержант гвардии. Попасть в гвардию для сына полкового судьи – именно такую должность (не позже 1704 года) занимал Данила Данилевский в Изюмском полку² – был куда более перспективный способ получить желанное дворянство, чем пробивать себе дорогу, оставаясь казаком. Земельная собственность и владение «подданными» из числа казаков еще не давали автоматически права на дворянский титул.

Здесь самое время вновь вспомнить материалы переписи 1732 года, где есть упоминания о сыновьях полкового судьи Данилы Даниловича. Они очень неожиданны: вопреки родословцу, составленному писателем, его сыновья были довольно молоды!

Старшим из них оказывается андреевский сотник Иван Данилович, владевший отцовским селом Пришиб, а вовсе не Евстафий: в местечке Андреевка «во дворе сотник Иван Данилов сын Данилевский 35. У него дети Кондратие 3 Логвин 2 лет. Всего 3 души» [30, л. 205]; «Изюмского полку сотника Ивана Данилова сына Данилевского село Пришиб», в котором числился 51 двор, в которых проживало 259 «подданных» мужского пола [30, л. 433, 440 об.].

У братьев владения тоже имелись: «Изюмского полку ротмистра Евстафея Данилова сына Данилевского село Великое. Во дворе ротмистр Евстафей Данилов сын Данилевский 25 лет», у которого помимо Великого (323 «подданных»), имелись хутора Курбатов (21 «подданный») и Стекланный завод (9 «подданных») [30, л. 81, 95].

Подпрапорный Григорий Данилович Данилевский владел слободой Нижние Бурлучки с 224 «подданными», но там он не жил, а потому о его возрасте и семье данных нет [30, л. 1172, 1179 об.].

Из этого следует, что Иван Данилович родился в 1697-м, а Евстафий Данилович – в 1707 году и к моменту переписи был либо холост, либо женат, но детей еще не имел. Но в таком случае перечисленные в родословии дети Данилы Даниловича появились от третьего, последнего, брака, когда отцу было 48 лет и более (если, конечно, верна «официальная» дата его рождения – 1649).

Между тем в переписной книге «Харковского полку Изюмской старшине и козаком по городам и по селам и по деревням» 7199/1691 года (перепись проводилась «мая и

¹ Г.П. Данилевский в родословной росписи поступает вполне разумно – делает Марию Алексеевну «воспитанницей» не Юрия Юрьевича (1668–1739), а его сына Никиты Юрьевича Трубецкого (1699–1767), которая, оказывается, уже после смерти мужа Евстафия Даниловича (1743) умудрилась выйти замуж во второй раз! Рождение сына Якова Евстафьевича, таким образом, перенесено с 1709 на 1739 год [14, с. 174].

² Уже в 1704 году Данилевский являлся войсковым судьей Изюмского полка: «из разряда великого государя» грамоту «прошедшего 704 году» по одному из земельных споров казакам «объявил войсковой их судья Данилевский...» [22, с. 577–578].

розних числех ниже сего») [20, л. 212] имеется очень интересное упоминание о лиманском сотнике:

«Лиманский сотник Данило Данилов сын Краморенко у него сын Мишка 5 лет» [20, л. 213].

Таким образом, у основателя рода обнаруживается отец – Данило Крамарь – и сын Михаил, родившийся в 1686 году. И это еще не всё. В Лимане проживали еще несколько Даниловых, а две семьи именовались еще более интересно: они были *Данилевы*.

«Милаш Данилев у него 4 сына Гаврилка 30 Данилка 24 Ивашка 20 Сидорка 17 да унук ево Дмитрик 4 лет»;

«Хома Данилев у него сын Петрунка 10 лет» [20, л. 245, 250 об.].

Прежде всего обращает на себя необычное имя – *Милаш (Милош)*. Оно встречается у сербов, молдаван (волохов), поляков, чехов... И надо сказать, сербы и волохи действительно жили на территории Изюмского полка и даже становились сотниками¹. Кроме того, основатель рода Данилевских, по семейному преданию, прибыл на Донец с Подолья, области между Днестром и Южным Бугом, на границе с Молдавией. По Бучачскому польско-турецкому договору 1672 года Подолье вплоть до 1699 года находилось под властью Турции. Это, несомненно, и спровоцировало в 1670-х годах поток беженцев с этой земли, на которой наверняка проживали представители всех вышеперечисленных народов, кроме чехов.

Живший в Лимане в 1691 году казак Милош Данилев был уже явно человеком солидного возраста, не менее 50 лет: он имел четырех взрослых сыновей и внука почти того же возраста, что и сын сотника. Вполне возможно, что Хома (Фома) Данилев тоже являлся его сыном, пожелавшим жить самостоятельно, а потому записанным отдельно от отца.

Иными словами, сотник Данилевский выглядит скорее как его племянник или по крайней мере как младший брат. Впрочем, не следует делать поспешных выводов: в Лимане жили еще несколько Даниловых, и некоторые из них могли тоже быть сыновьями, отделившимися от своего отца «Данилы Данилова сына Крамаренко». Например,

«Демко Данилов у него син Микишка 3 лет» или

«Иван Данилов у него сын Осипка 6 лет» [20, л. 242 об., 243].

В таком случае малолетний Мишка оказывается сыном от второго брака, а, по родословцу, Данила Данилевский был женат трижды. Таким образом, данные переписи 1691 года косвенно подтверждают этот факт.

Но почему тогда сотник, имея маленького сына и, надо думать, молодую жену, через несколько лет женился еще раз? Причиной тому послужили чрезвычайные обстоятельства.

Для ясности приведем цитату из давней речи Д.И. Багалея (1857–1932), крупнейшего историка Слободской Украины, в которой он упоминает о городке, находящемся в 10 км от Пришиба, где жил тогда сотник Данила: «В 1688 г. жители г. Балаклеи в ожидании татар на поля не выходили и хлеба не жали; 8 лет спустя балаклеевский протоиерей писал: “на той украине жить нельзя, прокормиться нечем, ради прихода татар пахать нельзя”» [36, с. 11].

В 1691 и в 1693 годах крымские татары приходили на территорию Харьковского и Изюмского полков, подвергая городки и селения чудовищному разорению. Особенно страшным был первый погром, когда из Змиёва, Бишкина и *Лимана* были взяты в плен 838 мужчин и 1009 женщин всех возрастов, уведено множество скота. Всего полк потерял 1915 человек [16, с. 159–163; 33, с. 85, 88]. Относительным утешением является то, что Лиман пострадал меньше двух других названных городов, а потому есть надежда, что семья Милоша Данилева и хоть кто-то из возможных сыновей Данилы Даниловича от первого брака избежали гибели и плена.

¹ Согласно переписи 1732 года, в Змиёве имелся двор сотника Михаила Милорадовича [30, л. 331].

По-видимому, в один из этих набегов сотник Данила попал в плен: согласно семейному преданию, он «года чрез четыре, подкопавши тайник, на хозяйском жеребце бежал из плена» с Кубани [12, с. 283]. Учитывая, что в 1695–1696 годах Петр I предпринял Азовские походы, можно с большой долей уверенности предполагать, что побег Данилевского произошел именно в один из этих годов и что беглец присоединился к действующей у Азова армии и вместе с ней возвращался на родину.

Заслуженная награда «за полное терпение» героя нашла в январе 1699 года (ему в вотчину передавались прежние его купленные и заимочные земли), что находило полное соответствие с тогдашней практикой государства заботиться о пленниках. Согласно Д.И. Багалею, «иные пленники возвращались после 20 и даже 30-летней неволи; в таком случае нередко их поместья переходили в десятые руки, движимое имущество совершенно исчезало, даже ближайшие родственники, если таковые были, вымирали <...> Явившись из плена, они давали о себе сказки воеводам украинских городов, сообщали вести о татарах, а нередко отправлялись потом в Москву, чтобы бить челом государю о награде на выход. В Московском государстве утвердился обычай давать всякому выходцу жалованье “за выход” <...> Если известное лицо владело прежде поместьем, то оно ему и возвращалось, но уже с “наддачей”» [37, с. 268].

Таким образом, вернувшийся из плена сотник Данилевский вполне мог отправиться с челобитьем в Москву, причем взять с собой и сыновей – и 10-летнего сына, и старших сыновей, и даже внуков, если, конечно, те выжили во время татарских набегов.

Семейное предание дает основание думать, что царь о смелом побеге казака был слышан и его запомнил. В нем утверждается, что его сына «царь Петр, во время его полонного терпенья, взял в Питер и поместил там в добрую науку к некоему ученому прецептору», а затем юноша «стал сержантом гвардии, на царском жалованьи, и нередко попадал на караулы к самым царским, не то что к окольным, дворским хоромам» [12, с. 284, 285]. Конечно, не «Евсташу» и не во время полонного терпения, а после удачного побега; разумеется, не в Питер, а в Москву, но в случае доброго расположения к Данилевскому царь вполне мог все это сделать и для другого его сына (или всех его «потенциальных» сыновей, и племянников, если таковые имелись).

Если все было именно так, то больше отец сына (сыновей) не увидел, поскольку военная служба была пожизненной и на побывку к отцу просто так не отпускали. Где могли служить и впоследствии осесть его потомки? В каких чинах? Где угодно! В каких угодно! Вот еще одно направление поиска.

Но в вопросе о судьбе сына Михаила может быть и другой ответ. Согласно преданию, накануне татарского набега «Данило Данилович <...> отправил жену и малых детей в повозке на богомолье в Хорошев монастырь и за них не боялся» [12, с. 283]¹. Если это верно, то его семья уцелела. Но что оставалось делать женщине с маленькими детьми, если мужа увели в плен татары, а на месте его слободы – пепелище?

В то суровое время, по словам Д.И. Багалея, «жены попавших в плен мужей и мужья пленных жен могли вступить во второй брак, если та или другая сторона оставалась долго в плену. Иногда при этом возвращавшиеся из плена мужья не находили не только имущества, но и жен» [37, с. 268].

Не исключено, вторая супруга Данилы Даниловича, взяв с собой единственного сына и дочерей, если таковые имелись, отправилась, к примеру, в гетманскую столицу Батурин. В тех местах жилось спокойнее: татары туда уже не ходили. Там она могла выйти замуж за какого-нибудь казака местного Черниговского полка, и в таком случае Михаил Да-

¹ Как показала перепись 1691 года, у них с женой был лишь пятилетний Мишка... Впрочем, могли быть еще и дочери, но женщин тогдашние переписи населения не «замечали».

нилевский мог бы оказаться предком тех Данилевских, что реально проживали в пределах будущего Черниговского наместничества: их имена фиксируются в месяцесловах второй половины XVIII века¹. Впрочем, это только один из вариантов: такая почти вдова могла устроиться у каких-то родственников и выйти замуж и в ином месте...

В заключение остается сказать о судьбе полкового судьи Данилы Данилевского. Она трагична – не только и не столько потому, что в конце 1716 года его арестовали по подозрению в спекуляциях по снабжению войска. К нему явился представитель розыскной комиссии и увез в Петербург, где он долгое время провел в заключении, сумел оправдаться и там же умер в 1719 году.

24 декабря 1716 года он написал завещание, обращенное к зятю, полковнику Михаилу Константиновичу Донцу-Захаржевскому, о том, как управляться с его имуществом в отсутствие хозяина. Из завещания выясняется, что сыновей от третьего брака у него было пятеро – помимо Ивана и Евстафия еще Григорий, Максим и Прокоп, но на них, особенно на младших, отец совсем не надеялся.

Поэтому «детям моим сынам за гроши ничего не дать. За них много грошей страчено, а иные и сами не стоят, за то, что не вчились. Нехай ныне за то страждут, в юности не хотяще тружидатся. А когда пожените, то в том по своему рассмотрению зрите, кому что дастé, памятующе на смерть».

Предоставление недвижимости отец оговаривает вполне определенными условиями: «змиевской грунт, *если суден будет Максим*, сильно ему есть; *если ж так, как ныне вчится*, то только одну мельницу ему, которая от Лиману»; «Грицкови мужикови простому валянце тысяча рублей, что в ярми бывшего ралечнаго. А что остался Прокоп триста рублей *виноват з давних долгов*, тими церковную работу в Андреевце сделать» [цит. по: 47, с. 294–296].

Итак, сыновья – пьяницы, не желающие учиться, но умеющие делать огромные долги; денег им на руки – всем, кстати! – выдавать попросту нельзя...

Картина печальная, но сыновей ждало серьезное испытание: местная старшина – прежде всего в лице полковника М.К. Донца-Захаржевского – решила поживиться за их счет и по своей инициативе еще до вынесения приговора по делу Данилевского-старшего прибрала к рукам все его владения и не желала их вернуть, когда из Петербурга пришло сообщение об оправдании Данилы Даниловича и его смерти.

Евстафий Данилович, самый предприимчивый из братьев, обратившись за помощью к генерал-фельдмаршалу М.М. Голицыну [54], в 1723–1730 годах командовавшему войсками в Малороссии, а затем возглавившему Военную коллегию, сумел добиться его расположения и не только вернуть многое из отцовского наследства, но и стать в 1729 году первым в истории Изюмского полка ротмистром [31, с. 150], при том, что старший брат так и остался сотником, а Максим и Григорий – лишь подпрапорными².

Вернуть, если сравнить текст завещания с данными переписи, удалось далеко не всё. Ничего не получили – или их к моменту переписи уже не было в живых? – ни Максим, ни Прокопий Даниловичи. Обзавелись ли они семьями, имелись ли у них дети – неизвестно.

Известные нам Даниловичи жили, кажется, недолго. Евстафий, чья карьера бурно развивалась, – в 1736 году в возрасте 29 лет он был назначен полковником Изюмского

¹ В 1784 году, например, в Коропе Черниговского наместничества жил секретарь нижней расправы Яков Васильевич Данилевский, а в Миргороде – бунжужный товарищ Лев Иванович Данилевский [15, с. 448, 428]. В справочнике В.П. Степанова [72, с. 183] фиксируется всего 16 Данилевских, проживавших в самых разных городах Российской империи и за ее пределами. Список далеко не полон: в нем отсутствуют военные.

² О Прокопии Даниловиче ничего, кроме имени, нам не известно.

полка – умер в 1743 году [58], прожив лишь 36 лет и оставив после себя единственного сына Якова¹.

Смерть прочих братьев не имеет пока документального подтверждения, кроме датировок в родословце Г.П. Данилевского. Из них следует, что старший брат его Иван ушел в мир иной еще раньше – в 1733 году, тоже 36-летним, и что к двум сыновьям «из» ревизии 1732 года – Кондратию (р. 1729) и Логвину (р. 1730) в год смерти отца добавился Николай. Григорий, родившийся позже Евстафия, будто бы скончался в 1741 году, оставив после себя сыновей Романа (р. 1732) и Якова (р. 1734).

Что же с ними случилось дальше? Завесу тайны немного приоткрывает изданный Д.И. Багалеем «Список дворян Изюмской провинции» 1767 года. Он составлен всего через два года после ликвидации Изюмского казачьего полка и показывает как тех, кто ушел в отставку, так и тех, кто пошел служить в Изюмский гусарский полк или иное подразделение регулярной армии. В нем указывается число «подданных» отдельно от крепостных и присутствует важная отметка, аккуратно отличающая дворян от шляхетства – видимо, от землевладельцев, дворянства не имеющих.

В нем упоминаются всего три Данилевских: поручик Яков Данилевский (622 под.) – в отставке; среди «не пожелавших в службу» подпрапорных числятся «Кондрат Данилевский – 30 под., Николай Данилевский – 3 под.» [27, с. 330, 331]. Отказ их от службы понятен: идти в тридцать с лишним лет в лучшем случае в капралы вряд ли имело смысл. Но за счет чего они жили? И за счет чего могли жить их дети, если таковые были?

Куда делось землевладение их отца, в 1732 году обладавшего Пришибом с 259 «подданными»? Пришиб, вероятнее всего, после ранней смерти брата присвоил себе Евстафий Данилович, но он по-хорошему должен был дать племянникам что-то взамен. Заметим, что число «подданных» у Якова Евстафьевича почти вдвое превышает отцовский показатель 1732 года: 622 против 353. Неужели это за счет Ивана Даниловича и его детей?

Куда делись потомки Григория Даниловича – Роман и Яков? И куда делась его слобода Нижняя Бурлучка с 224 «подданными»? Пропил ее непутевый Григорий или его сыновья, продав слободу, подались на службу? Если так, то сделали они это довольно давно, поскольку не попали в число изюмского шляхетства в Списке 1767 года.

Таким образом, сыновья Григория Даниловича и внуки Ивана Даниловича – самые вероятные кандидаты на роль родоначальников интересующей нас ветви рода Данилевских.

Но не нужно забывать и о потомках загадочного Милоша Данилева, о Михаиле Даниловиче Данилевском, ушедшем из разоренного Пришиба неизвестно куда, а также о возможных детях Данилы Даниловича от первого брака. Все они тоже имели шансы еще при Петре Великом уйти служить в гвардию или даже в простые солдаты и если не для себя, так для своих детей заработать желанный офицерский чин.

Подведем итоги. Что сделать удалось и что осталось пока непонятным?

Прежде всего удалось установить целый ряд базовых фактов и сформулировать несколько важных гипотез, позволяющих расширить базу для дальнейших исследований.

1. Обоснована дата рождения Николая Яковлевича Данилевского – 4 (16) декабря 1822 года, и с высокой степенью вероятности установлена дата рождения его отца – 25 ноября (6 декабря) 1788 года.

¹ По данным Г.П. Данилевского, другие его дети умерли рано: «У Евстафия и Марьи Алексеевны дети померли и, окромя сына Якова, не осталось в живых детей» [12, с. 290].

2. Описан жизненный путь генерал-майора Якова Ивановича Данилевского, отличного офицера и замечательного человека.

3. Показаны взаимоотношения ливенских дворян Мишиных и семьи Данилевских. Как оказалось, Мишины, братья жены Дарьи Ивановны, занимавшиеся предпринимательской деятельностью, в 1830–1840-х годах регулярно оказывали существенную материальную помощь Данилевским и, в частности, Николаю Яковлевичу.

4. Изучены основные источники, касающиеся происхождения рода Данилевских и жизни его основателя – казацкого сотника, а затем судьи Изюмского полка Данилы Даниловича Данилевского, умершего в 1719 году. В переписи 1691 года с большой долей вероятности удалось выявить несколько ранее не известных его родственников – брата Милоша Данилева и его семью, а также сына Михаила от второго брака (р. 1686). Возможно, в числе лиманских «Даниловых» есть сыновья сотника от первого брака.

Имя *Милош* подсказывает, что беженцы из Подолья, в 1670-х годах обосновавшиеся между городами Изюм и Змиёв, были, вероятно, сербами по национальности.

Чего сделать не удалось? Главного в любом генеалогическом исследовании – восстановить утраченную цепь поколений между Данилой Даниловичем и Яковом Ивановичем Данилевскими. Обрыв составляет порядка 70 лет, то есть вмещает примерно три поколения. Однако проведенное исследование делает более понятными направления дальнейшего поиска.

Новонайденные имена дают больше оснований думать, что все многочисленные дворяне Данилевские в конечном счете ведут свое происхождение от Милоша и Данилы Даниловичей.

Однако опыт проведенного исследования вовсе не сводится к фактам и гипотезам. Оно дало интересный срез истории России за примерно 180 лет. Это касается прежде всего сферы человеческих отношений. Есть парадоксальная переключка через толщу десятилетий между Данилой Даниловичем и Яковом Ивановичем с его сыном Николаем.

Речь идет о все том же завещании отданного под суд старого казака. В этом замечательнейшем человеческом документе прагматичного и жестокого петровского времени есть поразительная самооценка всей его жизни: он просит своего зятя, изюмского полковника, «прозираючи по годности детей моих, что б кому вделить *по реестру моей кровавой праць*» [47, с. 294]. Именно так – труд его жизни был *кровав*. Он всей кровью своей сердца, пройдя войны, плен и прочие страшные бедствия, добывал и добыл своим детям богатство – бочки с деньгами, земли с «подданными»-крепостными, множество скота, мельницы, стеклянный завод, винокурню... И для чего? Для того, чтобы детки, привыкшие жить на всем готовом, бездельничали и пьянствовали? И самое обидное для Данилы Даниловича – учиться они не хотели! Об этом он говорит по ходу завещания и возвращается к этой больной теме в конце, повторим: на детей «много грошей страчено, а иные и сами не стоят, за то, что не вчились. Нехай ныне страждут, в юности не хотяще труждатися» [47, с. 295–296].

Прошло несколько десятилетий, и один из его потомков, Яков Иванович, мечтавший об учебе в университете, из-за бедности вынужден был пойти на воинскую службу и отдать ей всю свою жизнь. Но своим *кровавым трудом* – подчас в прямом смысле слова – он стремился дать своим детям наилучшее образование. К счастью, этот труд оказался не напрасным: его старший сын Николай оправдал отцовские надежды и стал тем самым, ни на кого не похожим *Данилевским*, о котором люди не забыли и спустя столетие после его смерти и продолжают в XXI веке переиздавать его труды. Старый казак Данила Данилович был бы доволен...

Литература

Основные источники

1. Бенкендорф А.Х. Воспоминания. 1802–1837. М.: Российский фонд культуры, 2012. 759 с.
2. Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) [Электронный ресурс] / сост. Е.В. Анисимов / Режим доступа: https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic?page=2&q=1709&mode=cards&end_date=1709-6-2&julian=1&start_date=1709-5-1
3. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 63. Оп. 1. Д. 2769.
4. ГАОО. Ф. 68. Оп. 1. Д. 11.
5. ГАОО. Ф. 220. Оп. 2. Д. 479.
6. ГАОО. Ф. 220. Оп. 2. Д. 483.
7. ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 70.
8. ГАОО. Ф. 760 (Окладные ведомости помещиков уездов Орловской области). Оп. 1. Д. 668.
- 8а. ГАОО. Ф. 760 (Окладные ведомости помещиков уездов Орловской области). Оп. 1. Д. 340 (Ливенский уезд) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://catalog.gaorel.ru/search?p0.v=Мишин&type=simple&p0.t=&p0.d=&p0.c=12&p0.a=19280>
- 8б. ГАОО. Ф. 760 (Окладные ведомости помещиков уездов Орловской области). Оп. 1. Д. 563 (Мценский уезд) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://catalog.gaorel.ru/search?p0.v=Данилевская&type=simple&p0.t=&p0.d=&p0.c=12&p0.a=19280>
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109: 1-я экспедиция. 1849. Оп. 24. Д. 214. Ч. 52.
10. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 6. Ч. 5. СПб., 1853. 158 с.
11. Высочайшие приказы [Электронный ресурс] // Сводка приказов за 1798–1856 гг. / Режим доступа: <https://yadi.sk/i/NeiJXGqnF6Znqw>
12. Данилевский Г.П. Семейная старина / Г.П. Данилевский // Соч. Т. 4. СПб., 1890. С. 277–374.
13. Документы следствия по делу Н.Я. Данилевского // Дело петрашевцев. Т. 2. М.; Л., 1941.
14. Лобанов-Ростовский А.Б. Русская дворянская книга. Т. 1. СПб., 1895. 467 с.
15. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784. СПб., 1784. 489 с.
16. Отрывки из ведомостей о татарском погроме 1691 года // Материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Т. 1 / сост. Д.И. Багaley. Харьков, 1886. С. 157–163.
17. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗ). Т. 5. СПб., 1830. № 2789. 781 с.
18. ПСЗ. Т. 6. СПб., 1830. № 3890. 818 с.
19. ПСЗ. Т. 8. СПб., 1830. № 5653. 1018 с.
20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 22. Д. 56.
21. Дело по рапорту Орловского депутатского собрания о дворянстве рода Данилевских // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 20. Д. 299.
22. Сборник судебных решений, состязательных бумаг, грамот, указов и других документов, относящихся к вопросу о старозаимочном землевладении в местности бывшей Слободской Украины / сост. В.В. Гуров. Харьков, 1884. 705 с.
23. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары Т. 1. М.: Кучково поле, 2019. 560 с.
24. Списки населенных мест Российской империи. Вып. XXIX. Орловская губерния. СПб., 1871. 238 с.
25. Список генералам по старшинству. СПб., 1840. 404 с.
26. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб., 1828. 1052 с.
27. Список дворян Изюмской провинции 1767 г. // Материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ.) в XVI–XVIII столетии. Т. 1 / сост. Д.И. Багaley. Харьков, 1886. С. 330–333.
28. Страхов Н.Н. Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995. С. XXI–XXXIV.
29. Формулярный список о службе и достоинстве состоящего при канцелярии Военного министерства коллежского секретаря Данилевского [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.danilevsky-rau.de/mediapool/WEB-D1.pdf>
30. Центральный державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАК). Ф. 1722. Оп. 1. Д. 57 [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://cdiak.archives.gov.ua/spysok_fondiv/1722/0001/0057/
31. Экстракт о слободских полках 1734 г. // Материалы по истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Т. 2 / сост. Д.И. Багaley. Харьков, 1890. С. 143–178.
32. ЕАА (Эстонский исторический архив. Тарту). 1997. 1.81; 1804–1836 [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.ra.ee/dgs/browser.php?tid=26&iid=200250878555&img=aaa1997_001_0000081_00193_m.jpg&tbn=1&pgn=10&prc=30&ctr=0&dgr=0&lst=2&has=684317c2eb74598569f8fec3c9f208df/

Исторические материалы

33. Альбовский Е.А. История Харьковского слободского казачьего полка (1651–1751). Харьков, 1895. 218 с.
34. Артемьев А.И. Город Ливны и Ливенский уезд // На берегах Быстрой Сосны. Вып. 17. Ливны, 2004. С. 3–46.
35. Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-летний период 1823–1872 гг. СПб., 1874. 342 с.

36. *Багале́й Д.И.* Заселение Харьковского края и общий ход его культурного развития до открытия университета. Харьков, 1889. 53 с.
37. *Багале́й Д.И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. 634 с.
38. *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2002. 416 с.
39. Высшие чины Российской империи: Биографический словарь / сост. Е.Л. Потемкин. Т. 1. М., 2017. 628 с.
40. *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки» 1839–1848: Указатель содержания. М.: Книга, 1985. 628 с.
41. *Бондарев Н.* Россия и русские в истории Сербии [Электронный ресурс] // Посольство Российской Федерации в Республике Сербии / Режим доступа: <https://serbia.mid.ru/ru/countries/political-relations>
42. *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. 400 с.
43. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
44. *Геништа В.И., Борисевич А.Т.* История 30-го драгунского Ингерманландского полка. Ч. 1. СПб., 1904. 346 с.
45. *Гербель Н.В.* Изюмский слободской казачий полк. 1651–1765. СПб., 1852. 164 с.
46. *Данилевский Г.И.* Описание Хивинского ханства // Записки императорского Русского географического общества. Кн. V. СПб., 1851. С. 62–139.
47. *Данилевский Г.П.* Украинская старина: Материалы для истории украинской литературы и народного образования. Харьков, 1866. 404 с.
48. *Данильченко-Данилевская В.Я.* «Перед Богом, Царем и совестью...»: Фрагменты семейной биографии Н.Я. Данилевского // Роман-газета XXI век. 1999. № 10.
49. *Данильченко-Данилевская В.Я.* Семейная хроника рода Николая Яковлевича Данилевского // Россия и славянство: опыт самоидентификации. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 3. С. 4–13.
50. *Дерябина Е.П.* Лифляндский период жизни А.А. Фета // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 55–57.
51. *Дерябина Е.П.* Фет в пансионе Крюммера (Из комментариев к книге воспоминаний «Ранние годы моей жизни») // А.А. Фет: Материалы и исследования. СПб., 2013. Вып. 2. С. 183–193.
52. Каспийская экспедиция К.М. Бэра. Л.: Наука, 1984. 560 с.
53. *Максимова Л.А., Данильченко-Данилевская В.Я.* «Русский максимализм» по Ф.М. Достоевскому и Н.Я. Данилевскому, носителям духа Славянства // Литературная учеба. М., 2002. № 3. С. 71–80.
54. *Маслийчук В.Л.* Козацька старшина слобідських полків другої половини XVII – першої третини XVIII ст. [Электронный ресурс] // Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2009. 356 с. / Режим доступа: <https://otkudarodom.ua/ru/kozacka-starshina-slobidskih-polktiv-drugoyi-polovini-xvii-pershoyi-tretini-xviii-st>
55. *Маслийчук В.Л.* Полковники слобідських полків 50-ті рр. XVIII ст. – 1764 р. [Электронный ресурс] / В.Л. Маслийчук // Козацька старшина слобідських полків другої половини XVII – першої третини XVIII ст. / Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2009. С. 248–255 / Режим доступа: <https://otkudarodom.ua/ru/kozacka-starshina-slobidskih-polktiv-drugoyi-polovini-xvii-pershoyi-tretini-xviii-st>
56. *Панкратьева Е.Э.* С.-Петербургское училище ордена Святой Екатерины (Екатерининский институт). 1798–1898. СПб., 1899. 100 с.
57. *Подмазо А.А.* Командный состав российской регулярной армии (1796–1855) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rusgeneral.ru/shik/alfshcom_d.html#D008a
58. Политические и культурные отношения России и Сербии в 30–50-е годы XIX века. М.: Наука, 2013. 532 с.
59. *Пономарева В.В., Хорошилова Л.Б.* Университет для России. Т. 3: Университетский Благородный пансион. М.: Русское слово – РС, 2006. 416 с.
60. *Прыжов И.Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. СПб.: Авалон; Азбука-Классика, 2009. 320 с.
61. *Рау И.М.* Мой прадед Н.Я. Данилевский и Санкт-Петербург // История Петербурга. 2002. № 5. С. 15–18.
62. *Рау И.М.* Мой прадед Н.Я. Данилевский // Вологодский ЛАД. 2008. № 1 (9). С. 171–177.
63. *Рау-Данилевская И.М.* Вещие думы забытого гения // Клио. 2011. № 1 (52). С. 147–148.
64. *Рау-Данилевская И.М.* Мой прадед // Наше наследие. 2017. № 123. С. 83–85.
65. *Рау-Данилевская И.М.* О моем прадеде, Николае Яковлевиче Данилевском: Биографический очерк. Симферополь: Антиква, 2018. 78 с.
66. *Рашковский Е.Б.* Данилевский Николай Яковлевич // БСЭ. Т. 7. М., 1972. С. 527.
67. *Рашковский Е.Б.* Данилевский Николай Яковлевич // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 134.
68. *Репников А.В.* Данилевский Николай Яковлевич [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия. Т. 8. М., 2008. С. 286 / Режим доступа: https://bigenc.ru/domestic_history/text/1940063
69. *Репников А.В., Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Николай Яковлевич Данилевский // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2010.
70. *Репников А.В., Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Данилевский Николай Яковлевич // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 143.
71. Русский гений: Н.Я. Данилевский / сост. С.Н. Киселев. Симферополь: Антиква, 2018. 247 с.
72. Русское служилое дворянство второй половины XVIII века (1764–1795): Список по месящесловам / сост. В.П. Степанов. СПб.: Академический проект, 2003. 832 с.

73. *Рындин И.Ж.* Андрей Николаевич [Беклемишев] // Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Рязань, 2006. Вып. 1. С. 184–185.
74. *Рындин И.Ж.* Беклемишев 1-й Андрей Николаевич // *Рындин И.Ж., Горбунов Б.В.* Рязанский край и рязанцы в войнах с Наполеоновской Францией (1798–1815 гг.): опыт историко-энциклопедического словаря. Рязань, 2013. С. 70.
75. *Сафонович В.И.* Воспоминания // Русский архив. 1903. Вып. 4. С. 98–119.
76. *Селезнев И.Я.* Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского лицея за первое его пятидесятилетие, с 1811 по 1861 год. СПб., 1861. 201 с.
77. *Семенов П.Н.* Николай Яковлевич Данилевский. Некролог († 7 ноября 1885 г.). СПб., 1885.
78. *Семенов П.П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 3. СПб., 1867. 743 с.
79. *Смолин Н.Н.* Дружины Государственного Подвижного ополчения 1855–1856 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. М., 2009. С. 325–366.
80. *Сушков Н.В.* Московский университетский Благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, университетского Благородного пансиона и Дружеского общества. М., 1858. 122 с.
81. *Тихановский А.Н.* Памятка исторического прошлого Нарвского кавалерийского полка. 2-е изд. Варшава, 1906. 66 с.
82. *Филарет (Гумилевский Д.Г.)* Историко-статистическое описание Харьковской епархии. Т. 2. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2011. 440 с.
83. *Шевченко Т.Г.* Собр. соч. Т. 5. М.: Художественная литература, 1965. 632 с.
84. *Dynastie. Band 1 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.danilevsky-rau.de/mediapool/WEB-D1.pdf>*

Аннотация. В исследовании на основании доступных на сегодняшний день источников рассматривается ряд вопросов, касающихся истории рода Данилевских, и показаны новые возможные направления поисков в этом направлении. Уточняются даты рождения Н.Я. Данилевского и его отца – генерал-майора Я.И. Данилевского. Жизненный путь отца, определяемый на основании «Дела... о дворянстве рода Данилевских» (1834), позволяет понять, в каких условиях протекало детство будущего ученого и мыслителя. Выясняется, что ливенские дворяне Мишины, братья его матери, оказывали существенную разностороннюю помощь семье Данилевских. Наконец, разбирается вопрос о происхождении рода Данилевских. Хотя установить утерянную связь поколений пока не удается, но найдены данные о неизвестных ранее родственниках основателя рода – сотника, а затем судьи Изюмского казачьего полка Данилы Даниловича Данилевского (ок. 1649–1719) – о брате Лукаше Данилеве, сыне Михаиле и некоторых других лицах. Это открывает новые пути для дальнейших генеалогических разысканий.

Ключевые слова: род Данилевских, генеалогия рода Данилевских, Н.Я. Данилевский, Я.И. Данилевский, происхождение рода Данилевских.

Alexander V. Zhuravel, Historian, Independent Researcher. E-mail: ravell@list.ru

“The Case... of the Danilevsky Family Nobility”: Dates and Mysteries of Birth

Abstract. On the basis of the sources available today the article examines a number of issues related to the history of the Danilevsky family and shows the new possible directions of the searches.

The study specifies the dates of birth of N.Ya. Danilevsky and his father, Major General Ya. I. Danilevsky. The life path of his father determined on the basis of the “Case... of the Danilevsky Family Nobility” (1834), allows us to better understand the conditions of the childhood of the future scientist and thinker. It turns out that the Mishin family, the nobles of Livny, specifically brothers of his mother, provided substantial, versatile assistance to the Danilevsky family. Finally, the question of the origin of the Danilevsky family is examined. Although it has not yet been possible to establish the lost connection between generations, data has been found about previously unknown relatives of the founder of the clan, sotnik, and then the judge of the Izium Cossack Regiment Danila Danilovich Danilevsky (c. 1649–1719) – about brother Lukash Danilev, son Mikhail and some other persons... This opens new avenues for further genealogical research.

Keywords: The Danilevsky Family, Danilevsky Family Genealogy, N.Ya. Danilevsky, Ya.I. Danilevsky, Origin of the Danilevsky Family.

Жизнь Н.Я. Данилевского. Биографический очерк

Наш пращур Николай Яковлевич Данилевский не оставил о себе ни воспоминаний, ни дневников, ни мемуаров. Он был занят экспедициями и всецело поглощен работой над мировоззренческими проблемами, отраженными в его фундаментальных трудах «Россия и Европа» [1] и «Дарвинизм. Критическое исследование» [2]. Но его друзья и соратники – Николай Николаевич Страхов¹, Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский², Карл Максимович Бэр³ – оставили о нем подробные воспоминания, на основании которых можно воссоздать жизненный путь Николая Яковлевича. Дополняют эти воспоминания документы, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в отделах рукописей Российской национальной библиотеки и Российской государственной библиотеки (ОР РНБ, г. Санкт-Петербург; ОР РГБ, г. Москва), государственных архивах Вологодской области (ГАВО), Орловской (ГАОО) и Липецкой (ГАЛО) областей. В государственном архиве Вологодской области хранятся письма Данилевского, адресованные другу и соратнику Александру Павловичу Межакову [3].

Надо отдать должное крымчанину С.Н. Киселеву, который еще в 1990 году написал обширное исследование жизни и творчества Николая Яковлевича и впервые назвал его русским гением [4]⁴. Наиболее полная и подробная биография Н.Я. Данилевского составлена Б.П. Балуевым на основе архивных материалов [6]. Особая роль в семейной истории принадлежит правнучке Валентине Яковлевне Данильченко (1935–2005), которая на протяжении многих лет по крупицам собирала сведения о прадеде. В семейную хронику внесла свой вклад правнучка Инна Михайловна Рау [7]. В ее очерке «О моем прадеде» приводятся уникальные семейные документы: письма дочерей Николая Яковлевича и воспоминания внучки Татьяны Ивановны Капрановой.

¹ Страхов Николай Николаевич (16 (28) октября 1828 – 24 января (5 февраля) 1896) – русский философ, публицист, литературный критик, член-корреспондент Петербургской академии наук (1889). Действительный статский советник.

² Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (2 (14) января 1827 – 26 февраля (11 марта) 1914) – русский географ, ботаник, статистик, экономист, государственный и общественный деятель. В мае 1906 года получил приписку к своей фамилии «Тян-Шанский» за исследования известного горного хребта.

³ Бэр Карл Максимович (17 (28) февраля 1792 – 16 (28) ноября 1876) – немецкий ученый, работавший в России. Один из основоположников эмбриологии и сравнительной анатомии, академик Петербургской академии наук (1828), президент Русского энтомологического общества, один из основателей Русского географического общества.

⁴ Отдельное издание книги [5].

Данилевская Ольга Николаевна, правнучка Н.Я. Данилевского, генетик, пенсионер.

E-mail: o.danilevskaya@gmail.com

Данильченко Ирина Рудольфовна, праправнучка Н.Я. Данилевского, хранительница семейного архива, пенсионер. E-mail: irdan1557@gmail.com

Тэнни Ольга Вячеславовна, праправнучка Н.Я. Данилевского, врач-педиатр. E-mail: olgatenney@gmail.com

Относительно даты и места рождения Николая Яковлевича существуют разногласия. Общепринятой датой рождения считается 28 ноября (по старому стилю) 1822 года в селе Оберец Орловской губернии Ливенского уезда¹. Однако согласно «Делу о дворянстве рода Данилевских» от 5 июля 1840 года [9], Николай Яковлевич родился 4 (16) декабря 1822 года в селе Остров Ливенского уезда [10, л. 17 об.]².

К сожалению, сведения об отце Н.Я. Данилевского в биографии, написанной Н.Н. Страховым, указаны неточно. Он пишет, что Яков Иванович поступил на военную службу во время нашествия Наполеона в 1812 году, руководствуясь патриотическими чувствами, что не подтверждается «Делом о дворянстве». Из этого же архивного документа мы узнаём, что отец Николая Яковлевича, Яков Иванович Данилевский, родился в 1788 году и с 17 лет (с 14 мая 1806 года) находился на военной службе. Он служил в кавалерии – в драгунских, конно-егерских и гусарских полках. Об образовании сказано, что «грамоте российской и французской читать и писать умеет, математике, истории и географии знает» [10, л. 13 об.], но нет упоминания об обучении в университете. За отличия по службе бесстрашный офицер был награжден орденами Святой Анны 4-й, 3-й и 2-й степени, украшенным короною, и Святого Владимира 4-й степени, который он получил за храбрость в битве под Лейпцигом в октябре 1813 года. 30 августа (11 сентября) 1839 года Я.И. Данилевский стал генерал-майором, а с 19 сентября (1 октября) 1841 года принял командование 2-й бригадой 5-й легкой кавалерийской дивизии³. Согласно Н.Н. Страхову, Яков Иванович умер от холеры 2 (14) августа 1855 года, но архивных документов, подтверждающих дату и место смерти, мы не имеем⁴.

Примерно в 1820 году Яков Иванович женился «на дочери отставного майора Ивана Мишина девице Дарии» [8, л. 3 об.]. Дарья Ивановна была из большой семьи ливенских дворян Мишиных: они занимались предпринимательством и преуспевали. Пять ее братьев заботливо относились к сестре, а потом и к ее детям. Будучи военным, Яков Иванович часто переезжал по долгу службы с места на место, и семья следовала за ним. Несмотря на частые переезды, родители заботились об образовании детей. С 11 лет Николай Яковлевич обучался в частных пансионах – в 1833 году в пансионе в Лифляндии, в Верро или Дерпте, с 1834 года в московских пансионах (сначала у Павлова, а с 1836 года у Боргардта).

В 1836 году Николай Данилевский держал экзамены в Царскосельский лицей, куда он приехал вместе с отцом [12, с. 134]. Обучение в Лицее велось шесть лет. В 1842 году Николай Яковлевич окончил его, получив чин коллежского секретаря (X класса). Это был последний выпуск Царскосельского лицея, так как в 1843 году Николай I перевел Лицей на Каменноостровский проспект в Петербурге и назвал его в честь брата Александровским. В Лицее Николай Яковлевич подружился с однокурсником Николаем Петровичем Семеновым⁵ и затем с его братом Петром, ставшим впоследствии знаменитым географом Семеновым-Тянь-Шанским. Петр Петрович оставил подробные, яркие воспоминания, по которым хорошо прослеживается жизнь Николая Яковлевича до 1855 года.

В Лицее образование носило преимущественно гуманитарно-юридическую направленность. Там было хорошо поставлено преподавание французского, немецкого и латин-

¹ В Предисловии к третьему изданию книги «Россия и Европа» (1888, февраль) [см. 8].

² См. [11, с. 308–311]. Далее по умолчанию даты даются по юлианскому календарю. В скобках – даты григорианские.

³ Высочайший приказ от 19 сентября 1841 года.

⁴ Подробнее о роде Данилевских см. [11].

⁵ Н.П. Семенов (1823–1904) по окончании Лицея служил в Министерстве юстиции и сделал карьеру, став действительным тайным советником и сенатором. Член редакционной комиссии для составления «Положения о крестьянах», написал капитальный труд «Освобождение крестьян в царствование императора Александра II» (Т. 1–3. СПб., 1889–1893).

ского языков, так что Николай Яковлевич владел этими языками достаточно свободно. Так же он владел английским языком. Однако он хотел продолжить свое образование – заняться изучением естественных наук.

«Выйдя из императорского Царскосельского лицея, я решил посвятить себя изучению естественных наук, к которым с самого детства чувствовал непреодолимую склонность, которая с новою силою возбудилась во мне, когда я начал проходить в Лицее немногие преподаваемые в нем естественные науки» [13, т. 2, с. 325].

Выпускникам Лицея было даровано право «слушать курс университетский» [14, с. 295]. Николай Яковлевич воспользовался этим правом и слушал лекции в Петербургском университете с 1843 по 1847 год, избрав своей специальностью ботанику. В июне 1846 года он получил степень кандидата, в 1849-м выдержал магистерский экзамен, подготовил диссертацию и в 1849 году готовился к защите магистерской диссертации, но по поручению Вольного экономического общества отправился «исследовать черноземное пространство Европейской России в агрономическом и естественно-историческом отношении» [13, т. 2, с. 325].

В университетские годы Николай Яковлевич со своим закадычным лицейским другом Николаем Петровичем Семеновым снимал квартиру на Васильевском острове. Зимой 1845/1846 года к ним присоединились брат Семенова, Петр Петрович, и еще их дядя, Николай Николаевич Семенов, вышедший в отставку из директоров Рязанской гимназии. Николай Петрович служил в Министерстве юстиции – так же, как и дядя. Проблемы, которые они обсуждали в разговорах о Министерстве, все более укрепляли Николая Яковлевича и Петра Петровича, двух будущих выдающихся ученых, в мысли не связывать свою жизнь с канцелярской службой. Часто приходил к ним начинающий писатель Федор Михайлович Достоевский и вел продолжительные беседы с Данилевским [12, с. 210].

В своих воспоминаниях П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал: «Николай Яковлевич Данилевский, с которым так тесно были сплетены мои университетские годы, так как мы не только жили вместе, но и делили между собою все свои занятия, был в высшей степени оригинальной и симпатичной личностью... В университетские годы произошла в нем резкая перемена: из человека консервативного направления и набожного, он быстро перешел в крайнего либерала сороковых годов, причем увлекся социалистическими идеями и в особенности теорией Фурье. Данилевский обладал огромной эрудицией. Перечитали мы с ним кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим все лучшие тогда исторические сочинения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений (Фурье, Сю-Симон, Оуэн и т.д.)» [12, с. 210].

Из этих строк следует, что универсализм и широкий кругозор, интерес к политическим проблемам у Николая Яковлевича сложились еще в молодости, когда ему было чуть более двадцати лет. Глубокий интерес к вопросам истории и развитию общества крепил с годами и привели к созданию теории культурно-исторических типов, наиболее полно изложенной в книге «Россия и Европа».

Весной 1848 года два начинающих естествоиспытателя, Николай Данилевский и Петр Семенов, затеяли «довольно обширную» экспедицию – пешком пройти от Петербурга до Москвы. Николай Яковлевич занимался ботаникой – сбором и описанием растений, а Петр Петрович – геологией: его интересовали виды почвы и камни. В то лето свирепствовала эпидемия холеры. На берегу реки Волхов толпа крестьян, вооружившись чем попало, приняла исследователей за «подсыпателей холеры» и готовилась к расправе. У Петра Петровича в кармане оказалась газета, в которой описывалось происшествие, когда толпа разгромила аптеку: последовало высочайшее повеление пресекать подобные случаи.

Петр Петрович вынул газету и зачитал его: «Шапки долой, слушайте царское повеление!» Крестьяне смутились и отступили. В конце концов все обошлось [12, с. 196].

Зимой 1848/1849 года Николай Яковлевич и Петр Петрович по-прежнему снимали квартиру вместе, но другие Семеновы – брат и дядя – уехали из Петербурга.

Круг знакомств Данилевского – и вместе с тем круг общения – значительно расширился. По словам П.П. Семенова, это случилось «главным образом потому, что Данилевский, не имея никакого состояния, должен был обеспечивать свое существование литературным трудом» [12, с. 204]. Он писал научные статьи в «Отечественных записках», благодаря чему познакомился с редактором журнала Андреем Александровичем Краевским (1810–1889), а также с литераторами и критиками Виссарионом Белинским (1811–1848) и Валерианом Майковым (1823–1847), и «они оценили необыкновенно логичный ум, его изумительную диалектику и обширную разностороннюю эрудицию» [12, с. 205].

Сложился кружок, в который входили и лицейские товарищи Данилевского: Михаил Салтыков (в будущем – писатель Н. Щедрин), поэт Лев Мей, а также писатель Дмитрий Григорович, поэты Алексей Плещеев и Аполлон Майков... Это была в высшей степени интеллектуальная компания!

Собирались они для общения и бесед по пятницам у лицейского товарища М.В. Буташевича-Петрашевского. История кружка Петрашевского хорошо изучена, об этом написаны подробные исследования [13, 15–18]. Кружок просуществовал с 1845 по 1848 год. Николай Яковлевич посещал «пятницы» Петрашевского уже с 1845 года, то есть будучи еще студентом. По словам П.П. Семенова, «на пятничных вечерах, кроме оживленных разговоров, в которых молодые писатели выливали свою душу, жалуясь на цензурные притеснения, производились литературные чтения и рефераты по самым разнообразным научным и литературным предметам» [12, с. 206]. Темы, обсуждаемые на собраниях, были острые и злободневные: о гласном судопроизводстве, о крепостном праве, о свободе книгопечатания, о воспитании, о религии, о современных общественно-политических учениях. Многие отмену крепостного права считали главной задачей времени. Часто беседы носили хаотичный и беспорядочный характер. Николай Яковлевич был первый, кто выступал организованно: центральным событием зимы 1847/1848 года был именно курс лекций Данилевского об учении Фурье [17, с. 90].

Внимание правительства к деятельности петрашевцев было привлечено распространением М.В. Буташевичем-Петрашевским в феврале 1848 года в Петербурге литографированной программой о допущении купеческого сословия к участию в дворянских выборах, предназначенной для обсуждения в столичном дворянском собрании [17, с. 85–86]. Деятельность кружка признали неблагонадежной, и в апреле 1849 года начались аресты. Всего к следствию привлекалось 122 человека, а в заключении побывало около 50 человек. В документах следствия по делу Петрашевского, имеются показания Н.Я. Данилевского, из которых становятся ясными многие подробности его жизни и, в частности, поведение под следствием [13, с. 285–338].

В первую волну арестов Николай Яковлевич не попал, хотя и ожидал ареста вплоть до конца мая. Думая, что беда миновала, он вместе с П.П. Семеновым отправился в экспедицию по поручению императорского Вольного экономического общества по изучению черноземных районов России. Он собирал материалы для магистерской диссертации об Орловской флоре. Однако его разыскивали. Николай Яковлевич был арестован 22 июня 1849 года в Тульской губернии в районе реки Красивая Меча, где исследователи вели свою научную работу. Его заключили в одиночную камеру в Петропавловской крепости, где содержались 28 главных «злоумышленников».

Николай Данилевский написал подробную объяснительную записку, в которой ясно и полно изложил учение Фурье, доказав, что в нем не содержится ничего революционного

и противорелигиозного. Следственная комиссия не нашла состава преступления в его действиях, и 10 ноября военный министр А.И. Чернышев сообщил высочайшее повеление от 4 ноября: «Освободить коллежского секретаря Данилевского из-под ареста, согласно мнению Военно-судной комиссии... По освобождении из крепости, определить его на службу в г. Вологду, учредив... над ним... строгий секретный надзор» [13, с. 334]. Николай Яковлевич написал подписку:

«1849 года ноября 10 дня я, нижеподписавшийся, при освобождении меня из-под ареста из С. Петербургской крепости, дал сию подписку в том, что все расспросы, сделанные мне в высочайше учрежденных Секретной следственной и Военно-судной комиссии, буду содержать в строгой тайне и обязуюсь впредь ни к какому тайному обществу не принадлежать, в противном же случае подвергаю себя ответственности по всей строгости законов.

К сей подписке коллежский секретарь Николай Яковлев сын Данилевский руку приложил» [13, с. 335].

16 ноября 1849 года военно-судная комиссия закончила свою работу. 15 человек были приговорены к расстрелу, включая и Ф.М. Достоевского. И спустя 170 лет сердце все равно сжимается от ужаса при мысли о том, какие тяжкие потери понесла бы русская культура, если бы приговор был приведен в исполнение. Но царь Николай I проявил «изощренное милосердие», велел инсценировать приготовления к расстрелу, а в последний момент зачитать «высочайшую конфирмацию» – помилование.

Николай Яковлевич провел в казематах Петропавловской крепости 111 дней, которые не сломили его воли и духа. Заключение в одиночной камере было тяжелым испытанием, но когда разрешили чтение книг, даже громко хохотал, читая «Дон-Кихота» в хорошем старинном французском переводе [8, с. XXII]. Вместе с тем либеральные воззрения, которыми он проникся в столице, в заточении улетучились. После освобождения Данилевский провел три дня у своего друга Петра Петровича Семенова и уехал в Вологду [12, с. 220].

С переездом в Вологду начался новый период в жизни и научной карьере Николая Яковлевича. Согласно Н.Н. Страхову, 20 мая 1850 года ссыльный Данилевский был зачислен на службу в канцелярию вологодского губернатора как «чиновник особых поручений, титулярный советник 9-го класса» [8, с. XXII]. Ссыльный не имел права выезжать за пределы губернии и находился под надзором губернатора, который периодически посылал в жандармское управление отчеты о поведении ссыльного. Из таких документов сложилось архивное дело [19], где, помимо доносов, сохранились письма и прошения Николая Яковлевича. Из этого дела известно, что он обращался с просьбой защитить магистерскую диссертацию, в чем ему было отказано. Там же хранится прошение от 22 ноября 1851 года государю Николаю I с просьбой разрешить навестить тяжело больную матушку, Дарью Ивановну, которая проживала в г. Вознесенске Херсонской области, где квартировала бригада, которой командовал его отец [6, с. 35, 80; 19, 1-я экспедиция, л. 58–59]. Просьба была удовлетворена. Согласно семейным преданиям, сын успел попрощаться с матерью. Дарья Ивановна скончалась в начале 1852 года [7, с. 31].

Вологодским губернатором, которому надлежало надзирать над ссыльным, в то время был С.Г. Волховский. Губернским предводителем дворянства являлся Павел Александрович Межаков (1788–1865), с сыном которого Николай Яковлевич подружился. Александр Павлович Межаков (1812–1859) был по натуре естествоиспытателем, что и явилось основой для их дружбы. В Вологодском архиве сохранились письма А.П. Межакова в Русское географическое общество об исследовании рыбных промыслов Севера России и переписка с Московским обществом испытателей природы об издании статей, каталога и

заметок о фауне пресноводных водоемов Вологодской губернии, которые дают представление о широте научных интересов Александра Павловича [20]. В Вологодской библиотеке хранятся книги с автографами Н.Я. Данилевского, подаренные им А.П. Межакову: «Саше в знак дружбы. Данилевский». О сердечной дружбе свидетельствуют письма Николая Яковлевича, которые впервые в полном составе печатаются в данном издании.

Пытливый ум Николая Яковлевича не мог оставаться без работы. Уже в 1851 году вышла в свет его книга «Статистические исследования о распределении и движении народонаселения России за 1846 год» [21]. Затем он стал изучать то, что было рядом, – Вологодскую губернию. В том же году в «Вологодских губернских ведомостях» стали публиковаться его статьи, посвященные описанию климата, растительности, рек и озер Вологодской губернии [22]. За исследование «Климат Вологодской губернии», опубликованной в «Записках РГО» [23], Данилевский в 1853 году получил Жуковскую премию¹.

Вскоре Николай Яковлевич был переведен в канцелярию самарского губернатора, где с 24 февраля 1853 года служил «переводчиком Самарского губернского правления» [8, с. XXII]. Ходатайствовал о его переводе граф В.А. Перовский, который в 1849 году возглавлял военно-судную комиссию по делу петрашевцев². В письме к начальнику Третьего отделения А.Ф. Орлову Перовский утверждает, что знает этого чиновника с хорошей стороны и что он может быть полезен в Самарской губернии [6, с. 35]. Однако Данилевский по-прежнему находился под надзором полиции.

В личной жизни Николая Яковлевича тоже произошло большое событие. К нему в Вологду в ссылку приехала его давняя любовь, Вера Николаевна Беклемишева. 29 сентября (11 октября) 1852 года в церкви Иоанна Предтечи в Рощенье в Вологде произошло венчание³.

История этой любви трогательно описана в воспоминаниях П.П. Семенова-Тян-Шанского [12, с. 216]. Каждое лето Данилевский проводил в Орловской губернии, навещая своих дядьев, братьев матери, в селе Оберец. По одной из версий, Николай Яковлевич познакомился с Верой Николаевной, молодой бездетной вдовой генерала А.Н. Беклемишева⁴, героя войны 1812 года, летом 1843 года, через свою сестру Елену, которая часто гостила у Веры Николаевны. Беклемишева владела селом Русский Брод, которое до сих пор

¹ Жуковская премия – премия императорского Русского географического общества, выдававшаяся с 1847 по 1861 год за лучшее сочинение по статистике России. Средства на нее (по 500 р. в год) выделял табачный фабрикант В.Г. Жуков (ок. 1795–1882). Иногда выдавалась половинная премия, как в 1853 году.

² Оренбургский генерал-губернатор граф В.А. Перовский в 1849 году в качестве председателя военно-судной комиссии по делу петрашевцев вполне оправдал доверие Николая I. Генерал-губернатора окружали умные, образованные, энергичные люди: востоковед В.В. Григорьев, исследователи Азии А.И. Бутаков и А.И. Макшеев, известный боевой генерал С.А. Хрулев, будущий герой Севастополя. А раньше, в 1830-х годах, чиновником особых поручений при Перовском служил В.И. Даль.

³ В метрической книге Иоанно-Предтеченской Рощенской церкви г. Вологды за 1852 год имеется актовая запись о бракосочетании 29 сентября 27-летнего служащего канцелярии губернатора коллежского секретаря Николая Яковлевича Данилевского и 30-летней вдовы генерал-майора Веры Николаевны Беклемешевой (фамилия так указана в документе). Во время совершения обряда присутствовал свидетель только со стороны жениха – статский советник Павел Алексеевич Шипилов [24]. Возраст жениха указан в метрической книге неверно: Николаю Яковлевичу было тогда 29 лет. Внушает сомнение и названный в источнике возраст Веры Николаевны.

⁴ Полковник Андрей Николаевич Беклемишев (ок. 1787 – после 1839) в 1820-х годах был командиром Конно-егерского короля Виртембергского полка, в котором служил майор Я.И. Данилевский. Полк квартировал тогда в Ливенском уезде, благодаря чему и стала возможной женитьба Якова Ивановича на Дарье Мишиной. При этом А.Н. Беклемишев являлся крестным второго их сына, Александра [9, л. 19–19 об.]. В конце 1830-х годов он вышел в отставку в чине генерал-майора, после смерти его первой супруги в начале 1840-х годов женился на юной ливенской дворянке Вере Лавровой и... вскоре умер. Не исключено, что Беклемишев помнил ее девочкой еще с 1820-х годов. Очень вероятно, что он поддерживал дружеские отношения с Я.И. Данилевским и после того, как служба развела их по разным подразделениям.

сохранило это название. Между Русским Бродом и селом Оберец – 24 км, так что Николаю Яковлевичу не составляло труда добраться до Русского Брода. Он времени даром не терял и, даже будучи на каникулах, каждое лето собирал ботанические и энтомологические материалы. Семенов заметил, что на этикетках его коллекций село Русский Брод повторялась несравненно чаще, чем Оберец. Порасспросив своего друга, он разгадал тайну Николая Яковлевича, который признался, что «любит ее всей душой и причем бесповоротно».

Однако объяснение в любви произошло гораздо позже, в июне 1849 года, когда Николай Яковлевич навестил Веру Николаевну, находясь со своим другом в экспедиции по изучению черноземных областей России по заданию Вольного экономического общества. Объяснение произошло опять же под нажимом Семенова. Вера Николаевна ответила взаимностью, но отсрочила вопрос о браке, чтобы не помешать работе экспедиции.

Однако события развернулись драматическим образом. Через два дня после посещения Веры Николаевны, 22 июня 1849 года, Николай Яковлевич был арестован по делу петрашевцев. Петр Семенов как верный друг сопровождал его несколько часов, дал обещание поговорить с Верой Николаевной: Данилевский просил ее забыть о данном ей обещании выйти замуж. Перед отъездом в ссылку, повидавшись с Петром Семеновым, он написал ей письмо, которое попросил передать Вере Беклемишевой только в случае, если она подтвердит прежние свои намерения. Петр Петрович выполнил поручение друга – съездил в Русский Брод и вручил ей письмо. Вера Николаевна в лучших традициях русских дворянок проявила верность, истинную преданность и подлинную любовь. Решив на родине хозяйственные вопросы, она приехала в Вологду, где состоялось бракосочетание «генеральши Беклемишевой с нравственно безукоризненным, но едва не приговоренным к смерти Н.Я. Данилевским» [12, с. 224–225].

Но счастье продолжалось недолго. В Самаре, где Николай Яковлевич находился на службе, Вера Николаевна заболела холерой и скоропостижно скончалась в 1853 году. Это был жесточайший удар судьбы. Своему другу Александру Межакову Николай Яковлевич писал:

«10 июля в восьмом часу скончалась Вера Николаевна от холеры, принявшей такой скрытый и необыкновенный характер, что ни она сама, ни мы, все окружающие, не могли даже предполагать в ней ничего опасного. Уверенности в смерти ее не имел я до самого последнего движения ее, так что не успел вполне и окончательно проститься. Если Вы знали, как я ее любил, что 9 лет все мои чувства, мысли и надежды относились к ней, имели ее как цель, и что пользовался я так долго ожидаемым счастьем 9 месяцев, Вы поверьте мне, что я остался совершенно без цели в этой жизни» [3].

Трудно себе представить глубину горя, переживаемого Николаем Яковлевичем. Это трагическое событие произошло в тот момент, когда в научной судьбе Данилевского наметился перелом. В январе 1853 года он получил предложение от Русского географического общества (РГО) участвовать в Каспийской экспедиции под начальством К.М. Бэра для исследования рыболовства на Волге и Каспии [25, с. 400]. Это свидетельствует о высоком научном авторитете, который к тому времени завоевал тридцатилетний ссыльный «титularный советник 9-го класса». Данилевский незамедлительно ответил согласием.

Поскольку Николай Яковлевич находился под надзором без права выезда за пределы ссылки, то началась переписка на самом высшем уровне. М.Н. Муравьев, вице-председатель РГО и впоследствии министр государственных имуществ, 6 апреля 1853 года обратился к начальнику Третьего отделения А.Ф. Орлову «о желании назначить в Каспийскую экспедицию статистиком Н.Я. Данилевского, который по своей учености и дарованию может оказать ей самое полезное содействие. Просьба исходатайствовать у Николая I раз-

решение на прикомандирование Н.Я. Данилевского к экспедиции» [25, с. 401]. 16 апреля 1853 года А.Ф. Орлов отвечает М.Н. Муравьеву о согласии императора на участие Н.Я. Данилевского в экспедиции. Поразительно, как быстро сработала бюрократическая машина.

Карл Эрнст фон Бэр (1792–1876) или, как звали его в России, Карл Максимович, ученый был выдающийся и личность незаурядная. Исследователь с широким кругозором и неисчерпаемым интересом к миру внес огромный вклад в эмбриологию, доказав, что развитие млекопитающих начинается с яйцеклетки. В свои молодые годы он вел научную работу в Германии, однако по приглашению Российской Академии наук в 1829 году переехал в Санкт-Петербург и сменил зоологию на географию. Бэр проводил географические и этнографические экспедиции, в широких масштабах исследуя Российскую империю.

Каспийская экспедиция была стимулирована опасениями, что Каспийское море, столь богатое ценными породами рыб, стало оскудевать. Астраханский рыбопромышленник Ф.Г. Голиков пожертвовал Русскому географическому обществу три тысячи рублей для организации экспедиции по изучению состояния рыболовства и рыбных запасов на Каспии и Волге [25, 26]. К организации экспедиции подключились также Департамент сельского хозяйства, входящий в состав Министерства госимуществ, Министерство народного просвещения и Академия наук. Академику Бэру было поручено разработать программу экспедиции. Бэр подошел с размахом, разработав воистину комплексную междисциплинарную (в современных терминах) программу исследований на три года. По его плану в составе экспедиции должно было быть восемь человек, но финансирование урезали и наняли только четверых сотрудников, включая его самого. Это были: техник А.Я. Шульц, спутник Бэра по предыдущим экспедициям, препаратор Зоологического музея К.И. Никитин в качестве рисовальщика и Н.Я. Данилевский, исполняющий должность статистика и ботаника.

Участники экспедиции должны были встретиться в Нижнем Новгороде, но 13 июля Данилевский на встречу не приехал [25, с. 413]. Это время как раз совпало с кончиной Веры Николаевны. Озабоченный Бэр стал срочно искать замену, но в Самаре выяснилось, что причиной опоздания Данилевского была смерть жены. Николай Яковлевич присоединился к экспедиции в Саратове и в октябре уже собирал данные.

Трудно себе представить, как четыре человека, не имеющих средств передвижения и связи, кроме почты, могли обследовать и изучить огромную территорию Каспия и впадающих в него рек – Волги, Куры, Терека. Вместо трех лет им потребовалось четыре года, чтобы составить представление о рыбных запасах и рыболовстве в этих ценнейших водоемах. Это подлинный подвиг во имя России и науки. Ломались пароходы и повозки, лодки садились на мель, горели архивы, болезни донимали участников экспедиции. Но каждый выполнял свою работу. Каждый год писались отчеты для Министерства государственных имуществ, которые Бэр представлял лично на заседаниях РГО и Академии наук. Бэр писал на немецком языке, Данилевский переводил на русский, а Шульц переписывал отчеты набело. Так работал этот слаженный коллектив. Надо отметить, что Бэр вел переписку со своими сотрудниками на немецком: все участники экспедиции свободно владели этим языком.

Кроме официальных отчетов Николай Яковлевич написал две замечательные популярные статьи о рыболовстве. «Краткий очерк уральского рыбного хозяйства», впервые прочитанный в виде доклада 10 февраля 1858 года на собрании РГО и опубликованный в «Вестнике Географического общества» [27], вызвал живейший интерес слушателей. На этом же собрании Данилевский был избран действительным членом РГО [25, с. 25]. Вторая популярная статья «Взгляд на рыболовство в России» написана как сопровождение к коллекциям по русскому рыболовству, отправленным на парижскую Всемирную выставку в 1867 году. И сейчас, спустя почти 150 лет, обе статьи читаются с большим интересом и глубоко познавательны [28].

За четыре года экспедиции Николай Яковлевич не уезжал с Каспия, да и ехать ему было некуда и нельзя: одинокий вдовец, находящийся под надзором полиции, без дома и семьи. Только в апреле 1857 года он поехал к своим дядьям в Оберец, где писал отчет об экспедиции [25, с. 438]. Поехать в Оберец стало возможно потому, что Данилевский был освобожден от полицейского надзора. При коронации 26 августа 1856 года император Александр II объявил амнистию декабристам, петрашевцам и участникам польского восстания 1831 года. Извещение об освобождении Н.Я. Данилевского от полицейского надзора получил К.М. Бэр 15 сентября 1856 года [25, с. 438]. Николай Яковлевич стал свободным человеком и мог устраивать свою судьбу.

25 февраля 1857 года Данилевский обращается с просьбой к А.П. Заблоцкому-Десятовскому о причислении его к Министерству государственных имуществ [25, с. 424]¹. 5 октября 1857 года Данилевский был зачислен в Департамент сельского хозяйства этого министерства, где и прослужил до самой смерти, получив в 1874 году чин тайного советника, третий в Табели о рангах Российского государства.

Каспийская экспедиция была чрезвычайно успешной. Еще до ее окончания в 1856 году Карл Бэр получил предложение организовать исследования Белого моря, но отказался по состоянию здоровья, предложив вместо себя начальником экспедиции Н.Я. Данилевского [25, с. 432]. 5 февраля от Заблоцкого-Десятовского пришел положительный ответ. Бэр писал: «Рад, что экспедиция поручена Н.Я. Данилевскому, который имеет большой опыт, приобретенный в Каспийской экспедиции. Самой опасное для успеха дела – поручить такую экспедицию человеку, не имевшему отношения к рыболовству в больших масштабах и не натуралисту» [25, с. 427–428].

Так определилось будущее Николая Яковлевича. В течение восемнадцати лет, вплоть до 1871 года он руководил экспедициями по изучению рыбных промыслов России. Результаты экспедиций суммированы в восьми томах «Исследования по состоянию рыболовства в России с 1860 по 1875 годы», которые были изданы Министерством государственных имуществ. К сожалению, они ни разу не переиздавались, хотя до сих пор являются уникальными источниками ихтиологических, статистических и этнографических сведений. За свои труды Н.Я. Данилевский дважды награждался Русским географическим обществом – Малой золотой медалью за изучение каспийского рыболовства (1862) и Большой золотой Константиновской медалью в 1866 году за исследования дельты реки Кубани и все предшествовавшие труды по участию в Каспийской экспедиции (1866).

В ноябре 1858 года Николай Яковлевич находился в Архангельске. Это была уже вторая его самостоятельная экспедиция по изучению Русского Севера – района Белого моря и Ледовитого океана. Зимой, в декабре 1860 года, он побывал в Норвегии, где встречал Новый 1861 год и Пасху. Здесь он из статьи во французской газете «Revue des deux Mondes» узнал об учении Чарльза Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» [29, с. 10]². С тех пор размышления о его теории не покидали Данилевского. Позже он ознакомился с оригинальным сочинением самого Дарвина на английском языке [2, с. 77] и в течение многих лет обдумывал идеи этого биолога. В результате напряженной внутренней работы явился солидный двухтомный труд «Дарвинизм. Критическое исследование». Первый том был издан в 1885 году, еще при жизни Николая Яковлевича. Он посвящает свой труд «товарищу детства и искреннейшему другу Николаю Петровичу Семенову». Неоконченный второй том был опубликован после его смерти в 1889 году.

¹ А.П. Заблоцкий-Десятовский (1807–1881), редактор «Журнала Министерства государственных имуществ», был ближайшим доверенным лицом министра П.Д. Киселева и сохранил вес при его преемнике В.А. Шереметеве.

² Труд Ч. Дарвина «Происхождение видов» вышел в свет осенью 1859 года.

Дарвиновская теория эволюции стала, однако, для биологической науки путеводной звездой, так что Н.Я. Данилевский, посмеявшийся жестко критиковать ее основоположника, в течение всего XX века числился ретроградом. Однако теория эволюции в нынешнем ее толковании довольно далеко отошла от исходного дарвинизма, так что многие положения, выдвинутые Николаем Яковлевичем, ныне воспринимаются современными учеными как должное [см. 30].

В одном из писем, датированных 1855 годом, Николай Яковлевич пишет своему другу А.П. Межакову: «Бог даст, что по окончании экспедиции побываю у вас, потому что Никольское – это одно из тех мест, куда меня наиболее тянет» [3]. К сожалению, Александр

Н.Я. Данилевский вскоре после женитьбы на Ольге Александровне (Петербург, 1862)

Павлович умер в 1859 году, а жена его Юлия Францевна Тиран умерла в 1853-м. У Александра Павловича и Юлии Францевны было шестеро детей: Павел (1836–1865), Ольга (1838–1909), Александр (1839–1897), Владимир (1841–1851), Юлия (1842–1851) и Мануил (1850–?) [31, с. 94]. Владимир и Юлия умерли от скарлатины в один и тот же год. Александр Павлович женился второй раз в 1854 году на Марии Александровне Михайловой, от которой у него была дочь Мария (1855–1921). Мачеха была назначена опекуной несовершеннолетних детей Мануила и Марии [32, 33].

Николай Яковлевич приехал в Никольское в феврале 1860 года. Он сделал предложение старшей дочери Межаковых, Ольге Александровне. Бракосочетание состоялось год спустя – 15 октября 1861 года – по завершении Беломорской экспедиции. Свидетелями при венчании со стороны жениха был Михаил Межаков (1815–1879), дядя невесты, а со стороны невесты – ее братья Павел и Александр¹. В семейном архиве имеется фотография

Николая Яковлевича, сделанная примерно в те годы в Петербурге. Это одна из трех фотографий, дошедших до нашего времени. Молодая семья поселилась в Никольском. Здесь в 1862 году родилась дочь Вера, названная в честь первой жены Николая Яковлевича, Веры Николаевны. Крестной матерью была мачеха Ольги Мария Александровна, а крестным отцом – старший брат Павел².

¹ В метрической книге Николаевской Заболотской ружной церкви Кадниковского уезда Вологодской губернии за 1861 год имеется актовая запись о бракосочетании 15 октября 35-летнего служащего департамента сельского хозяйства надворного советника Николая Яковлевича Данилевского и 23-летней дочери умершего надворного советника А.П. Межакова Ольги Александровны Межаковой. В качестве свидетелей в церкви присутствовали: со стороны жениха – коллежский регистратор Михаил Павлович Межаков и подпоручик Николай Гаврилович Кузмин, со стороны невесты – прапорщик Павел Межаков и коллежский секретарь Александр Александрович Межаков [34, л. 249 об. – 250].

² В метрической книге Николаевской Заболотской ружной церкви Кадниковского уезда Вологодской губернии за 1862 год имеется актовая запись о рождении 7 августа у служащего департамента сельского хозяйства надворного советника Николая Яковлевича Данилевского и его жены Ольги Александровны дочери Веры, крещенной 16 августа. Крестными выступили вдова Мария Александровна Межакова и прапорщик Павел Александрович Межаков [35, л. 801 об. – 802].

Кто же были дворяне Межаковы [36, 37] и что представляло собой Никольское [38–40] в то время? Род Межаковых известен с 1612 года. Основатель рода Филат Васильевич Межаков был одним из четырех казачьих атаманов, которые в решающий момент битвы за

О.А. Межакова до замужества
(Никольское, 1858)

Москву с поляками 22 августа 1612 года двинулись на помощь войску Минина и Пожарского. Когда в 1613 году Филат Межаков перешел на государственную службу, ему было назначено поместье на Вологодчине – село Никольское (Заболотье) [41, с. 5–6]. Местность, где расположена усадьба, не отличается красотой. Значительные пространства заболоченной приозерной низменности окружали село. Отсюда и второе название – Заболотье.

Потомки Филата Межакова продолжали нести государеву военную службу, и село Никольское закрепилось за родом. Наивысшего богатства Межаковы достигли к 80-м годам XVIII века. При Александре Михайловиче Межакове (1753–1809) был выстроен каменный дом. В это же время возводятся каменные церкви Николая Чудотворца и Николаевская Заболотская ружная, каменные торговые ряды, где проходила Никольская ярмарка. Дом выглядел, как замок. Богато обставленное главное здание, имевшее 41 комнату, соединялось с картинной галереей [42, с. 313]. В ней

размещались полотна Рембрандта, Рейсдаля, Гвидо Рени, Джорджа Доу. Был разбит прекрасный парк, сад, оранжереи и теплица, где выращивались ананасы. Имелась библиотека на 3000 томов¹. Дети Межаковых были приучены к чтению, и недаром Ольга Александровна в одном из писем к Н.Н. Страхову просила прислать книг, так как для нее книги – как «водка для пьяницы» [44, л. 6].

После смерти Александра Межакова в 1809 году имение перешло к его сыну Павлу Александровичу (1788–1865). Образованный светский человек, любитель поэзии и знаток искусства, он в 1850–1856 годах являлся предводителем вологодского дворянства. Старший сын его Александр Павлович (1812–1859) увлекался естественными науками, был членом Русского географического общества. Прекрасные портреты Павла Александровича с супругой Ольгой Ивановной (в девичестве Брянчаниновой, двоюродной сестрой святителя Игнатия Брянчанинова) кисти Дж. Доу и Александра Павловича с супругой Юлией Францевной (в девичестве Тиран) кисти П.С. Тюриня находятся в одном из парадных залов бывшего Иосифовского корпуса Вологодского кремля, в котором располагаются лучшие парадные портреты музея². К сожалению, при Павле Александровиче хозяйство стало приходить в упадок, и семья постепенно разорялась. Пришлось продать бесценные картины в уплату долгов. После революции 1917 года роскошный дом переходил из рук в руки и сгорел в 1933 году. Уцелел только парк, который сейчас принадлежит отделу культуры Вологодский области и охраняется государством.

¹ Библиотека семьи Межаковых является интереснейшим книжным собранием, хранящимся в Вологодской областной универсальной научной библиотеке [43].

² Личное сообщение М.Е. Даен.

Семья Данилевских недолго жила в Никольском. В 1863 году Николай Яковлевич был назначен начальником экспедиции для исследования рыболовства в Черном и Азовском морях [8, с. XXIII]. Он забрал свою семью в Крым. Сначала они жили в Феодосии, потом в Никите, а затем поселилась в Мисхоре (9 марта 1864 года). Здесь у них родился сын Григорий (1865–1872), который умер в семилетнем возрасте [45, с. 599]. Из Мисхора Данилевский совершил шесть поездок по акваториям Азовского и Черного морей и впадающих в них рек. Поездки совершались весной и летом, в сезон активного рыболовства. Зимы были свободны от экспедиций. Осенью 1865 года Николай Яковлевич начал работу над своим знаменитым трудом «Россия и Европа».

Крым очень полюбился ему. Данилевский решил приобрести имение, чтобы окончательно обустроить жизнь своей семьи и перестать кочевать по «городам и весям». «Нечаянно», по выражению Н.Н. Страхова, предоставился ему случай купить на южном берегу Мшатку, большое заброшенное имение графа Кушелева-Безбородко [8, с. XXIV], продававшееся очень дешево.

История Мшатки прекрасно описана в книге А.А. Галиченко «Старинные усадьбы Крыма»: «Тут был огромный сад, когда-то старательно возделанный, был виноградник, были развалины барского дома, разрушенного французами в Крымскую войну, и был маленький дом для управляющего. Данилевские для покупки собрали все свои деньги, и с 1 июня 1867 года семья их уже жила во Мшатке» [46, с. 138]. Большой барский дом отстраивать не стали, а поселились в доме управляющего. План этого дома сохранился в Крымском государственном архиве, составленный при национализации имения в акте о приеме имений Мшатка и Абильбах в состав Управления Южсовхозами, состоявшемся в период с 29 декабря 1920 года по 25 апреля 1921 года [47, л. 1, 2, 4]. Согласно нарисованной в акте схеме, дом был одноэтажный, 7 на 8 сажень (15х17 м), с небольшой двухэтажной пристройкой, в которой на втором этаже находились библиотека и кабинет хозяина. На первом этаже было шесть комнат, где жила семья.

В 1868 году родилась дочь Варвара (1868–1947), названная в честь первой владелицы Мшатки Варвары Аркадьевны Башмаковой. Но как ни старался Николай Яковлевич жить в полюбившейся ему Мшатке, оседлой жизни опять не получилось. В феврале 1868 года он на длительный срок уехал в Петербург хлопотать об издании книги «Россия и Европа». В этот же период он познакомился с Николаем Николаевичем Страховым, ставшим его близким соратником, сторонником и биографом, благодаря которому сохранилось научное наследие Данилевского и стали известными многие подробности его биографии.

В августе Николай Яковлевич привез из Крыма семью, в которой было трое детей. К этому периоду относится второй его фотографический портрет, сделанный в 1868 году фотографом Болингером. В письме к другу В.В. Григорьеву, вероятно, речь идет об этом портрете. Из письма следует, Николай Яковлевич был небольшой охотник фотографироваться¹.

В сентябре 1869 года вся семья вернулась во Мшатку, и Страхов первый раз поехал с ними. Тут он «впервые испытал очарование Южного берега Крыма». После этого Страхов практически каждое лето гостил у Данилевских во Мшатке.

В марте 1870 года Николай Яковлевич был назначен начальником экспедиции для исследования рыболовства в северо-западных озерах России [8, с. XXIV]. Чтобы быть бли-

¹ «Дорогой друг Василий Васильевич, меня штурмуют из Петербурга – прислать фотографическую карточку для альбома Зелёному (а мне где ее взять, в Ялте и в Севастополе нет хороших фотографов, есть ли в Симферополе не знаю, и каково же сделать 250 верст на удачу, что называется за 7 [верст]). В такой нужде моей обращаюсь к Вам [с] настоятельнейшей и всепокорнейшей просьбой. У Вас есть мой портрет. Прикажите снять с него уменьшенную копию в размере кабинетной карты» [цит. по: 48, с. 20].

же к семье, решено было на время поселиться в Никольском, в котором семья прожила с марта 1870 года по февраль 1872 года. Здесь в июле 1871 года родился сын, названный в честь отца Николаем (1871–1944).

Летом 1872 года Данилевскому предложили возглавить «комиссию для составления правил о пользовании проточными водами в Крыму» [8, с. XXV]. Это назначение соответствовало его желанию постоянно жить в этих местах. Комиссия разработала законодательство о рациональном водопользовании в Крыму. В 1879–1880 годах Данилевский был директором Никитского ботанического сада. С 1880 года до самой смерти в 1885 году он возглавлял комиссию по борьбе с филлоксерой в Крыму. Это опасное насекомое уничтожало крымские виноградники. Принятые Данилевским меры остановили распространение филлоксеры и спасли многие гектары виноградников.

С 1872 года начался счастливый период в жизни семьи в своем имении, заполненный занятиями ботаникой, акклиматизацией растений, садоводством и, конечно, напряженным духовным творчеством. Во Мшатке были написаны многочисленные статьи и отчеты, но самым объемным являлся труд по критическому исследованию дарвинизма, задуманный еще в 1861-м, но начатый в 1874 году. Первый том был подготовлен к печати в 1884 году. К этому же году относится третий, последний фотографический портрет Николая Яковлевича, сделанный в Петербурге, когда он как эксперт участвовал во Всемирной выставке садоводства [8, с. XXXII].

Во Мшатке родились сыновья Сергей (1874–1961) и Иван (1877–1933). Кроме своих детей Данилевские воспитывали приемных – Алешу Зрелякова (1856–1927), Лизу (?–1927) и Марию (1855–1921), сводную сестру Ольги Александровны. Алешу Зрелякова Ольга Александровна подобрала в Вологде, увидев мальчика, рисующего углем на заборе. Парнишка оказался талантлив. Данилевские отдали его на обучение в Академию художеств в 1875–1877 годах. Алексей Иванович подавал большие надежды, но болезнь глаз – «темная вода», так в народе называли глаукому – не дала развиваться его таланту. Сострадание и сочувствие близким и знакомым были в высшей степени свойственны Данилевским. Николай Яковлевич пригласил жить к себе во Мшатку К.И. Никитина, соратника по Каспийской экспедиции Бэра. В его письмах часто встречаются просьбы помочь родственникам и знакомым¹. Просьбы такого же характера есть и в письмах Ольги Александровны².

Н.Я. Данилевский в период публикации книги «Россия и Европа» (Петербург, 1868)

¹ «Дорогой друг Василий Васильевич. Пишу к Вам и пишу с неудовольствием, потому что приходится беспокоить просьбой – которой беспокоить бы не хотелось, так как знаю, что просьбы такого рода неучтивы. Под начальством Вашим служит некто Никитин [Николай Васильевич] действительный ст[атский]. сов[етник], заведующий типографиями. Он лицеист, моложе меня, но бывший еще в лицее при мне. Главное же знакомство мое с ним в Астрахани, где он был вице-губернатором. Никитин, человек, кажется, хороший и очень нуждающийся, потому что имеет большое семейство. Если найдете возможность сделать что-нибудь для него – то сделайте. Целую и обнимаю Вас от всей души – у Ольги Васильевны целую ручки. Ольга Александровна обоим вам кланяется. Душевно любящий Вас Н. Данилевский» [цит. по: 48, с. 19].

² Из письма О.А. Данилевской Н.Н. Страхову: «Я получила письмо от Алины, выражающее мое беспокойство о получении места для Мануила. Они боятся, что с наступлением лета все разъедутся, и они останутся без места – значит, без куска хлеба. Простите мне мое приставание, но помогите нам на этот раз. Я знаю, как

Мшатка стала местом притяжения родных и друзей. Приезжала сестра Николая Яковлевича Елена Яковлевна¹. Мануил, брат Ольги Александровны, в письме к Страхову писал: «Весело провел время у Данилевских... Можно ли скучать с Николаем Яковлевичем и Николаем Петровичем?» Н.П. Семенов, «искреннейший друг», часто гостил во Мшатке. Приезжал и его брат, П.П. Семенов-Тян-Шанский.

Осенью 1872 года Н.П. Семенов пригласил с собой во Мшатку художника Йохана Кёлера (1826–1899), где тот пробыл целый год [50, с. 370]. В последующие годы Кёлер часто приезжал к Данилевским. Он написал небольшой пейзаж (25х14 см, 1875) «Вид Мшатки с Байдарскими воротами», которая хранится в Государственном музее Эстонии. Другая картина – «Татарка в Мшатке в приусадебном саду» – была в 2020 году продана на аукционе в частную коллекцию. На этом большом полотне (1,5х1 м) на фоне гор прорисован дом с пристройкой – ризалит с мезонином. Вероятно, это дом Николая Яковлевича.

Йохан Кёлер считается выдающимся эстонским художником, мастером портретной живописи. Эстонской общиной Крыма на территории Мшатки была установлена мемориальная доска. Увы, мемориальные доски в честь Й. Кёлера и Н.Я. Данилевского исчезли после 2009 года.

Навещал Мшатку Лев Николаевич Толстой. 19 марта 1885 года, будучи в Симеизе с больным Л.Д. Урусовым, Толстой отправился пешком в Мшатку, пробыл там весь день и остался на ночь. По возвращении в Москву Толстой писал Страхову (письмо от 31 марта): «Был в Крыму и поехал к Данилевскому. Он очень мне понравился, и его жена» [51, с. 220–221]. В свою очередь Николай Яковлевич писал тому же адресату: «Он сам – еще лучшее произведение, чем его художественные произведения <...>. В нем такая задушевная искренность, которой и вообразить себе нельзя» [цит. по: 52, с. 318].

Некоторые авторы упоминают, что навещали Мшатку Аполлон Майков и Афанасий Фет, крупный славянофил и общественный деятель И.С. Аксаков.

По образному выражению Страхова, вся семья было одержима «садолюбием». Через несколько лет Мшатка превратилась в прекраснейший парковый ансамбль, окружавший центральную часть усадьбы с жилыми постройками. Западнее, ближе к Форосу, располагались сады и виноградники. Восхищают знания Николая Яковлевича плодовыми деревьями, в частности грушами [2, т. 1, с. 371–372]. А груши во Мшатке были действительно отменнейшие! Их закупали в Елисейский магазин для продажи в Петербурге. Чтобы груши выглядели аппетитнее, детей обязывали надевать на каждую грушу бумажный пакетик с круглым отверстием – показать румяный, с южной стороны, бочок². Особенно приятным вкусом отличались груши сорта Бере³.

Но самым замечательным творением хозяина Мшатки является парк. Этот тематический парк соответствовал культурно-историческим типам, описанным Николаем Яковлевичем в книге «Россия и Европа». Идея была простая, но гениальная: отдельные участки

неприятны эти приставания и обещаю, без *крайней необходимости* не просить Вашего заступничества ни для кого. – Хотя по Вашему мнению, Вы и не добрый человек; но будьте добрым на этот раз. – Вот главная цель моего письма, не забудьте ее» [49, л. 1–1 об.]

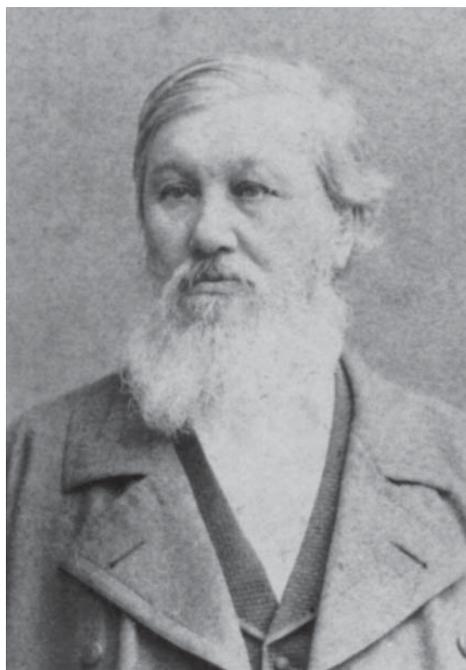
¹ Письмо Н.Я. Данилевского Д.А. Милютину от 28 марта 1874 года: «Милостивый государь Дмитрий Алексеевич, рассчитывая на расположение Ваше, принимаю на себя смелость утруждать Вас моею покорнейшею просьбою. У меня есть сестра, которая на днях овдовела. Покойный муж ее, Сергей Владимирович Дубровин, был полковник и командовал резервным гусарским эскадром. После смерти мужа сестра моя осталась с четырьмя детьми: одним малолетним сыном и тремя дочерьми. <...> Позвольте просить Вас, многоуважаемый Дмитрий Алексеевич, о том, чтобы пособия эти были оказаны ей в возможном по закону размере, и чтобы они были назначены ей в возможно непродолжительном времени, так как она нуждается в них до крайности» [цит. по: 48, с. 22].

² Личные воспоминания внука Н.Н. Данилевского.

³ Личное сообщение И.Р. Данильченко по воспоминаниям ее бабушки О.Н. Данилевской.

парка засаживались растениями, свойственными каждому типу. Ведь народы жили в их природном окружении, выращивали и культивировали растения, соответствующие их климату и вкусам. Такого «философского» парка нет нигде в мире. В Крыму благодаря прекрасному климату приживаются растения со всего мира.

Данилевский выделял десять культурно-исторических типов, и соответственно в парке имелось столько же отдельных уголков, им посвященным. Египетский тип «обозначался» каменными пирамидами [46, с. 151–152], а китайский – бамбуком, тростником и хурмой, впервые завезенной Николаем Яковлевичем в Крым. Образом древнесемитического типа являлся весенний сад из первоцветов и роз, ирисов, тюльпанов; индийского – чайные деревья и тростник; еврейского – Гефсиманский сад из оливковых деревьев; аравийского – Мавританский бассейн, окруженный пальмами; германо-романского – Геттингенская роща и греческого – Кипарисовый зал. Мексиканский и перуанский типы, «погибшие насильственной смертью», были представлены агавами, юкками и кактусами. Зарождающийся славянский культурно-исторический тип символизировался источником Чокрак, который питал Мшатку, ее сады и парки, чистой горной водой. «Ключ» – это ключ к будущему. Сейчас в парке с трудом, но можно найти следы этих садов. Сохранились каменные пирамиды, Мавританский бассейн (правда, в нем уже давно нет воды), оливковая роща, агавы, юкки и даже несколько деревьев хурмы. Ключ до сих пор полноводен и снабжает водой живущих в округе.

Н.Я. Данилевский на Всемирной выставке садоводства (Петербург, 1884)

Среди остатков былого величия выделяется Кипарисовый зал. Это большая поляна, по периметру которой посажено 50 кипарисов. Пирамидальная форма кипарисов символизировала колонны греческих храмов. Над Кипарисовым залом белеют скальные вершины горы Бахрья. Место величественное и одухотворенное.

Здесь находится могила Николая Яковлевича. Он умер 7 (19) ноября 1885 года в Тифлисе от сердечной недостаточности. Ольга Александровна захотела, чтобы он покоился в родной Мшатке. Тело его перевезли в Крым и похоронили 16 (28) ноября по православному обряду в Кипарисовом зале. Кипарисы, окружающие зал, служат эмблемой восхождения души его в мир горний¹.

Ольга Александровна тяжело переживала кончину мужа. Несколько месяцев она не разговаривала и ждала Страхова – единственного, кому она могла доверить разобрать архив мужа [5, с. 67]. Страхов приехал в июне 1886 года. Ольга Александровна сдала многие рукописи в архив в Петербурге, куда она ездила в 1887 году. Там она сделала фотопортрет в траурном одеянии, на котором чувствуется боль глубоко скорбящей вдовы с печальным тоскующим взглядом. Как жаль, что не сохранились фотографии в расцвете ее молодости.

¹ По словам Н.Я. Данилевского, «люди обратили внимание на эту поразительную [пирамидальную – Авт.] форму <...> и увидев в ней как бы эмблему восхождения души в мир горний, стали сажать на кладбищах» [2, т. 1, с. 376]. Горний мир – небесный, божественный мир.

Суда по девичьей фотографии до замужества, она была милой и красивой молодой женщиной, счастливой в браке и в детях. О высоких душевных ее качествах можно судить по письмам, которых, к сожалению, сохранилось мало.

В ту же поездку в 1887 году Ольга Александровна навестила в Москве Л.Н. Толстого. Ей нужно было утешение и моральная поддержка, поэтому она «рвалась в Москву к Толстому». Свои впечатления она описала в неопубликованных письмах к Страхову, подчеркивая, что «этот человек должен сильно действовать на людей, и не полюбить его невозможно»¹.

О.А. Данилевская (Межакова) в трауре по мужу
(Петербург, 1887)

Ольга Александровна осталась вдовой во главе большой семьи, стесненная материально. После эпидемии филлоксеры виноградники во Мшатке были вырублены, имение почти не приносило дохода. В одном из писем к Страхову – «добрый друг наш и благодетель» – Ольга Александровна дает полный финансовый отчет, на что были потрачены присланные им деньги². Видимо, Страхов давал деньги в долг Ольге Александровне, так же, как и ее младшему брату Мануилу, который был со Страховым в самых дружественных отношениях. Большая семья требовала больших расходов. Надо было давать образование и ставить на ноги сыновей – Николая (14 лет), Сергея (11 лет) и Ивана (8 лет), которые учились в Одессе в Лицее. Силы и воли у Ольги Александровны хватило выдать дочерей замуж и вырастить

сыновей достойными людьми.

сыновей достойными людьми.

Вера Николаевна вышла замуж еще при жизни отца в 1882 году за младшего врача, коллежского асессора Эмилия Ивановича Бара³. У них появилось двое детей – Агнесса и Николай (Кока), первый внук Данилевских.

Варвара Николаевна вышла замуж за врача Николая Письменного. У них был сын Николай (1900–1951) и внук Кока Письменный (1923–1982). Имя Николай-Кока часто повторялось у потомков Данилевских.

От старшего сына Николая пошла ветвь Николаевичей, потомков по мужской ли-

¹ «По Вашему совету и с приданною Вами мне храбростию, поехала я с Третьей Мещанской на дрожках к Толстым <...> Я попросила лакея показать графу мою карточку и сказать что я из Крыма. Лакей вернулся со словами: «Пожалуйста, граф сей час идет». И едва успела я снять бурнус, как на лестнице послышались быстрые шаги. Лев Николаевич быстро спускался и, увидев меня, воскликнул: «Как я Вам благодарен, что вы заехали ко мне» – и все повторял: «Как Вам благодарен!» [49, л. 2–2об.].

² «Отправилась в Мшатку, где и погрузилась в хлопоты, счеты и расчеты. <...> Надо доучить детей. Надо, чтобы Мшатка давала доход. Терпела много, потерплю еще. – А жаловаться я не хотела, писавши Вам. Хотела только извиниться, что не плачу так долго своего долга. – Очень это меня мучает. Простите, простите великодушно, дорогой друг» [44, л. 6 об.; 53, л. 4 об.; 54, л. 1–3; нумерация страниц в письмах перепутана].

³ В заверенной командиром 51-го пехотного Литовского полка копии свидетельства Севастопольского Адмиралтейского собора от 9 января 1882 года указано, что в метрической книге собора за 1882 года имеется актовая запись о бракосочетании 8 января 34-летнего младшего врача 51-го пехотного Литовского полка коллежского асессора Эмилия Ивановича Бара, лютеранского вероисповедания, и 19-летней дочери действительного статского советника Н.Я. Данилевского Веры Николаевны Данилевской, православного вероисповедания [55, л. 14].

нии. Примечательно, что у старшего сына обязательно первенцем рождался мальчик, которого называли Николаем в честь Николая Яковлевича. Так, внук Николай Николаевич 3-й (1903–1980), родившийся во Мшатке, рассказывал своим детям истории о своем детстве и, как и дед, был ихтиологом. Его сын, Николай Николаевич 4-й (1932–1998), родился в Батуми, был инженером и страстным охотником. Николай Николаевич 5-й (род. 1957) родился и живет в Москве, так же, как и его сын Николай Николаевич 6-й (род. 1981) и внук Николай Николаевич 7-й (род. 2008).

В роду также часто повторяется имя Ольга – в честь Ольги Александровны. Ее внучка Ольга Николаевна Данилевская (1912–1981), дочь старшего сына Николая, была ботаником и продолжила увлечение садоводством своего деда. Она участвовала после войны в восстановлении знаменитого Павловского парка под Петербургом¹. У сына Сергея детей не было. У младшего сына Ивана имелись две дочери – Ирина и Татьяна.

Любопытно высказывание путешественника М.А. Бернова в книге «Из Одессы пешком по Крыму» (1896):

«Имение Данилевских интересно своим садом. Дом – старинный, мебель – начало этого столетия, библиотека – старинные фолианты <...> Меня по имени повели барышни, из коих одна поразила меня знанием ботаники и латыни. Тем временем старшему сыну, лицеисту, подали лошадь; юноша собирался ехать в горы в полу-малороссийском полу-татарском костюме, который очень к нему шел².

– Нашему саду много лет, – говорит мне m-lle Данилевская, – он разросся, стал тенистый такой. Отец держался принципа разводить только те растения, которые могут расти здесь в грунту. Я с детства слышала названия всех этих растений и выучила их наизусть <...>

Меня ведут в бамбуковую рощицу. Бамбуки довольно внушительных размеров и солидной толщины. Изобилие фиговых деревьев, гранат. Я пробую крымскую рябину – она в четыре раза крупнее обыкновенной, и сочная, сладкая. Но всего лучше кипарисы. Масса их, особенно вокруг того места, где похоронен Данилевский. Чудные кипарисы!» [56, с. 179–180].

Эта короткая запись дышит тем временем, дочь живо вспоминает отца. Жаль, что путешественник не записал имени дочери, но скорее всего речь идет о Варе.

Семья была большая и дружная. За вечерним чаем в пять часов собиралось до двенадцати человек. Во главе стола сидела Ольга Александровна, как это хорошо видно на фотографии, сделанной 9 августа 1907 года. Но были и несчастные моменты в жизни этой семьи. В 1904 года при родах умерла Ольга Карловна, жена Ивана Николаевича Данилевского, а через год умерла их годовалая дочка. Обе нашли упокоение в Кипарисовом зале. В 1909 году умерла Ольга Александровна, и ее похоронили рядом с мужем. Кипарисовый зал стал семейным кладбищем.

Но самой большой трагедией и началом конца Мшатки стала революция. Суровые обстоятельства вынуждали ее обитателей искать приют в других местах. Старшая дочь Вера с детьми жила в Севастополе. В 1932 году ее навещала свояченица внука Н.Н. Данилевского, который в те годы с семьей жил в Батуми. Родственница (А.А. Малева, 1896–1985) возвращалась в Москву пароходом из Батуми через Севастополь. Жизнь Веры и ее дочери-инвалида Агнессы произвели на нее тяжелое впечатление:

¹ Личное сообщение И.Р. Данильченко.

² «Это мой дед, которого я никогда не видела. Он умер еще до моего рождения» (О.Н. Данилевская).

«Они влачили жалкое существование и продавали кое-какие книги, оставшиеся из библиотеки Николая Яковлевича. В то время Севастопольской биологической станцией заведовал профессор Никитин Василий Николаевич, впоследствии очень хороший наш друг. Он покупал у нее эти книги, зная кто она, давал ей хорошую за них цену» [57, с. 30].

Наверное, эти книги можно и сейчас найти в библиотеке Института Южных морей.

Варя с мужем, врачом Николаем Письменным, уехали жить в Серпухов, где он работал в земской больнице. Из писем Веры и ее дочери Агнессы к Варе:

«Теперь относительно нашего переезда в Серпухов <...> Тяжело расставаться с насиженным местом, главным образом, с теплом. Мы ни имеем никакой одежды, ни башмаков, ни приличного платья». Вера: «Тяжело покинуть насиженное место, здесь мы все-таки близко от Мшатки и не теряем надежды вернуться туда, как только упокоится жизнь (1930 г.)» [7, с. 70–71].

Но жизнь так и не упокоилась. В 1928 году произошла окончательное изгнание дворян из Крыма [58, л. 30, 38]. Последним покинул Мшатку младший сын Иван Николаевич со своей четырнадцатилетней дочерью Таней¹, воспоминания которой легли в основу очерка о Мшатке – единственного достоверного описания имения [46, с. 133–162]. Наиболее многочисленным оказалось потомство старшего сына Николая (1871–1944). По этой линии уже нарождается седьмое поколение детей, ведущее начало от Николая Яковлевича и Ольги Александровны. Потомки не забывают своих корней и свято чтят память предков.

Какова же судьба Мшатки и уникального философского парка, заложенного Николаем Яковлевичем? Можно ответить коротко – очень печальная. С 1930 года Мшатка была превращена в детский пионерский лагерь. От построек остались только фундаменты. Но парк оказался устойчивым к разрушительному действию людей и времени. Говорят, что

Памятник на могиле Н.Я. и О.А. Данилевских в Кипарисовом зале (Мшатка, 2015)

¹ В замужестве Т.И. Капранова (1914–2005).

еще в 1980-х годах пионеры объедались грушами и сливами, а завхоз солил маслины на зиму еще в 2009 году.

Кладбище в Кипарисовом зале было разрушено, заасфальтировано под спортплощадку. Только в 1996 году сняли асфальт и установили крест на месте предполагаемой могилы Николая Яковлевича и Ольги Александровны. В 2007 году на средства потомков был установлен скромный гранитный памятник [59, 60]. Хочется надеяться, что к 200-летию юбилею со дня рождения философа в 2022 году будет создан мемориальный комплекс памяти Н.Я. Данилевского во Мшатке. Мшатка должна стать местом национальной гордости, каким является Ясная Поляна с могилой Л.Н. Толстого и многие другие музеи-усадьбы. Историческая справедливость должна быть восстановлена.

Благодарности

Авторы признательны *А.В. Журавелю* за редактирование текста и ценные исторические дополнения, а также *О.А. Карловой* за находку книги М.А. Бернова «Из Одессы пешком по Крыму».

Литература

1. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1869.
2. *Данилевский Н.Я.* Дарвинизм: Критическое исследование. Т. 1. Ч. 1–2. СПб., 1885; Т. 2. СПб., 1889.
3. *Данилевский Н.Я.* Письма к А.П. Межакову // ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 226.
4. *Киселев С.Н.* Русский гений: Н.Я. Данилевский // Крымский архив. 1999. № 4. С. 59–152.
5. Русский гений: Н.Я. Данилевский / сост. С.Н. Киселев. Симферополь: Антиква, 2018.
6. *Балуев Б.П.* Споры о судьбах России: Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа». Тверь: Булат, 2002.
7. *Рау-Данилевская И.М.* О моем прадеде, Николае Яковлевиче Данилевском: Биографический очерк. Симферополь: Антиква, 2018.
8. *Страхов Н.Н.* Жизнь и труды Н.Я. Данилевского // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / сост. А.А. Галактионов. 6-е изд. СПб., 1995. С. XXI.
9. ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 299.
10. Дело о дворянстве рода Данилевских от 5 июля 1840 года // ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 20. Д. 299.
11. *Журавель А.В.* «Дело... о дворянстве рода Данилевских»: даты рождения и тайны происхождения // Тетради по консерватизму: Альманах. 2020. № 3.
12. *Семенов-Тянь-Шанский П.П.* Воспоминания. Т. 1: Детство и юность. 1827–1855. М.: Кучково поле, 2019.
13. Дело петрашевцев: в 3 т. М.; Л., 1937–1951.
14. Исторический очерк императорского Лицея 1811–1861. СПб., 1861.
15. Петрашевцы в воспоминаниях современников. М.; Л., [1926].
16. *Лейкина-Свирская В.Р.* Петрашевцы. М., 1965.
17. *Егоров Б.Ф.* Петрашевцы. Л., 1988.
18. *Волгин И.Л.* Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. М., 2000.
19. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. Д. 214. Ч. 52.
20. ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 235.
21. *Данилевский Н.Я.* Статистические исследования о распределении и движении народонаселения России за 1846 год. СПб., 1851. 447 с.
22. Вологодские губернские ведомости: Часть неофициальная. 1851. № 1, 2, 11, 14, 19, 45; 1852. № 25–27, 45–49; 1853. № 4, 10, 11, 16, 20, 22.
23. *Данилевский Н.Я.* Климат Вологодской губернии // Записки РГО. Кн. 9. СПб., 1853. С. 1–224.
24. ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 232. Л. 517об. – 518.
25. Каспийская экспедиция К.М. Бэра 1853–1857 гг.: дневники и материалы. Л.: Наука, 1984. (Научное наследство. Т. 9).
26. *Варламов В.Ф.* Карл Бэр – испытатель природы. М.: Знание, 1988.
27. *Данилевский Н.Я.* Краткий очерк уральского рыбного хозяйства // Вестник РГО. 1858. Т. 22.
28. *Данилевский Н.Я.* Экономические статьи. М.: Родная страна, 2018. С. 239–348.

29. *Страхов Н.Н.* Предисловие к критическому исследованию Данилевского «Дарвинизм» // Данилевский Н.Я. Дарвинизм: Критическое исследование. М.: ФИВ, 2015.
30. *Поздняков А.А.* Теоретико-биологические представления Н.Я. Данилевского // *Lethaea rossica*. 2016. Т. 12. С. 33–46.
31. *Даен М.Е.* Академик живописи портретной и исторической Платон Семенович Тюрин. Вологда: Древности Севера, 2017.
32. Дело о выдаче свидетельства о числе крестьян, числящихся за малолетним Мануилом Межаковым, опекушке М.А. Межаковой // ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 2531.
33. Дело о назначении опекуна к оставшемуся имению после умершего надворного советника Александра Межакова, жену Марию Александровну Межакову // ГАВО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 232.
34. Актовая запись о браке сочетания Н.Я. Данилевского и О.А. Межаковой. 15 октября 1861 г. // ГАВО. Ф. 496. Оп. 11. Д. 223.
35. Актовая запись о рождении 7 августа у Н.Я. Данилевского и его жены Ольги Александровны дочери Веры, крещенной 16 августа // ГАВО. Ф. 496. Оп. 11. Д. 228а.
36. О доказательстве потомственного дворянства А.П. Межакова // ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 181.
37. Дело об открытии помещиком Межаковым Павлом Александровичем приходского училища в с. Никольское Кадниковского уезда // ГАВО. Ф. 438. Оп. 2. Д. 122.
38. Усадьба Межакова А.М. Построена в конце XVIII в. Сгорела в 1928 г. (с. Никольское, Усть-Кубинский район) // ГАВО. Ф. Р-5228. Оп. 2НГ. Д. 9859.
39. Дело о перечислении имения в Кадниковском уезде помещиков Межаковых и Данилевской помещику П. Межакову // ГАВО. Ф. 388. Оп. 1. Д. 2455.
40. О перезалог имения в Вологодской губернии статского советника Павла Александровича Межакова // ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 189.
41. *Андреевский Л.И.* Очерк крупного крепостного хозяйства на Севере XIX века. Вологда, 1922.
42. *Лукомский Г.К.* Вологда в ее старине. СПб., 1914.
43. *Фарутина Н.Н.* Реконструкция библиотеки вологодских дворян Межаковых // Библиография. М., 2017. № 2. С. 95–103.
44. ОР Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Ф. 330. III-17121.
45. *Данильченко В.Я.* Об авторе // *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Известия, 2003.
46. *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2013.
47. Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 41.
48. *Волобуева Т.И., Романова С.Н.* Творческое наследие Н.Я. Данилевского в документах отделов рукописей РГБ и РНБ // Творческое наследие Н.Я. Данилевского и задачи России в XXI веке (материалы международной научно-практической конференции, г. Курск, 26–27 ноября 2014 г.). Ч. 2. Курск, 2014.
49. ОР Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Ф. 330. III-17120.
50. Иван Петрович Келер // Русская старина. 1886. № 11.
51. *Толстой Л.Н.* Письмо к Н.Н. Страхову от 31 марта 1885 г. / Л.Н. Толстой // Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. Т. 63.
52. *Страхов Н.Н.* Письмо к Л.Н. Толстому от 12 апреля 1885 г. // Толстовский музей. Т. II: Переписка Л.Н. Толстого с Н.Н. Страховым. СПб., 1914.
53. ОР Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Ф. 330. III-17122.
54. ОР Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского. Ф. 330. III-17123.
55. Копия свидетельства Севастопольского Адмиралтейского собора от 9 января 1882 года // Государственный архив Республики Крым. Ф. 88. Оп. 1. Д. 529.
56. *Бернов М.А.* Из Одессы пешком по Крыму. СПб., 1896.
57. *Майорова А.А.* История моей жизни для моих детей. Брянск: Ладомир, 2013.
58. Протоколы заседания Ялтинской районной комиссии по выселению бывших помещиков и постановление о выселении из Крыма Данилевского И.Н. 17 сентября 1928 г. // Государственный архив Республики Крым. Ф. Р-2058. Оп. 2. Д. 14.
59. *Данилевская О.Н., Тенни О.В.* Памятник в Кипарисовом зале // Крымская правда. 2012. 30 ноября.
60. *Данилевская О.Н.* Святая, но забытая могила // Наше наследие. 2017. № 123. С. 80–85.

Аннотация. Биографический очерк Н.Я. Данилевского написан его прямыми потомками на основании доступных архивных документов, воспоминаний современников, дополненных семейными письмами, фотографиями и преданиями. В очерке описаны все важнейшие этапы жизни Данилевского, начиная с обучения в Царскосельском лицее, участия в кружке Петрашевского, заключения в Петропавловскую крепость, ссылки в Вологду, работу в Каспийской экспедиции К.М. Бэра, и жизнь в Крыму в имении Мшатка, где были написаны фундаментальные труды «Россия и Европа» и «Дарвинизм. Критические исследования». Раскрывается образ Николая Яковлевича как человека высоконравственного, гуманного, доброго, способного к состраданию и милосердию. Потомки Н.Я. Данилевского свято чтут память своего великого предка и на протяжении уже шести поколений ведут неустанную работу по увековечиванию его памяти. Усилиями потомков был установлен надгробный памятник на могиле философа в Кипарисовом зале на территории его бывшего имения Мшатка в Крыму.

Ключевые слова: Данилевский, Семенов-Тянь-Шанский, Бэр, Межаков, петрашевцы, рыболовство, культурно-исторические типы, дарвинизм, Мшатка, Кипарисовый зал.

Olga N. Danilevskaya, Great-granddaughter of N.Ya. Danilevsky, Geneticist, Retired.

E-mail: o.danilevskaya@gmail.com

Irina R. Danilchenko, Great-great-granddaughter of N.Ya. Danilevsky, Keeper of the Family Archive, Retired.

E-mail: irdan1557@gmail.com

Olga V. Tenny, Great-great-granddaughter of N.Ya. Danilevsky, Pediatrician. E-mail: olgatenney@gmail.com

The Life of N.Ya. Danilevsky. Biographic Essay

Abstract. Biographic essay of Ya.N. Danilevsky was written by his direct descendants on the basis of available archival documents, memoirs of contemporaries, supplemented by family letters, photographs and legends. The essay describes all the most important stages of Danilevsky's life, starting with his studying at the Tsarskoye Selo Lyceum, participation in the Petrashevsky circle, imprisonment in the Peter and Paul Fortress, exile to Vologda, work in the Caspian expedition of K.M. Baer, and life in the Crimea at the Mshatka estate, where the fundamental works «Russia and Europe» and «Darwinism. Critical Rsearch» were written. The image of Nikolai Yakovlevich as a highly moral, humane, kind person, capable of compassion and mercy is revealed. The descendants of N.Ya. Danilevsky sacredly honor the memory of their great ancestor and for six generations tirelessly work to perpetuate his memory. Through the efforts of the descendants, a tombstone was erected on the grave of the philosopher in the Cypress Hall on the territory of his former estate Mshatka in Crimea.

Keywords: Danilevsky, Semenov-Tyan-Shansky, Ber, Mezhakov, the Petrashevtsy Followers, Fishing, Cultural and Historical types, Darwinism, Mshatka, Cypress Hall.

Н.Я. Данилевский как художественный критик

Борьба с Западом – единственное спасительное средство... для излечения наших русских культурных недугов.

Н.Я. Данилевский

В знаменитой книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» есть один чрезвычайно важный содержательный аспект, на который до сих пор практически не обращали внимание. Исследуя основные компоненты русско-славянского культурно-исторического типа, мыслитель рассматривает в качестве одного из них достижения в сфере художественной культуры. Эти тексты невелики по объему, но очень важны в том смысле, что показывают критерий понимания художественных явлений в качестве цивилизационного феномена, то есть как выражение определенного культурно-исторического типа. Целью статьи является рассмотрение этих текстов для определения данного критерия, заданного Н.Я. Данилевским. Это требует их включения в современный контекст концептуализации специфики русского искусства и литературы.

«Привыкнув презрительно смотреть на все русское, – отмечал Н.Я. Данилевский, – мы не замечаем, что в некоторых отраслях изящной словесности мы представили образцы, которые могут равняться с высшими произведениями европейских литератур. Мы смело можем утверждать это о русской комедии, басне и лирике» [7, с. 602]. Тем самым эти достижения служат наглядным и фактическим опровержением «западничества, которое... отмеривает нам и братьям нашим жалкую, ничтожную историческую роль подражателей Европы, – лишает нас надежды на самобытное культурное значение, то есть на великую историческую будущность» [7, с. 564]. Более того, все внутренние недостатки русского искусства и литературы являются не следствием якобы «отсталости» от Запада, который уже завершил цикл своего исторического развития и дал его окончательные результаты, за которыми может следовать только упадок, но, наоборот, они объясняются эпигонством у Запада и недостатком самостоятельного развития. На этом факте основан главный культурологический императив Н.Я. Данилевского: «Борьба с Западом – единственное спасительное средство... для излечения наших русских культурных недугов» [7, с. 520]. «Борьба с Западом» – принцип агонального развития России как самостоятельной цивилизации. В «России и Европе» Н.Я. Данилевский выступил как художественный критик, выделил ряд произведений русского искусства мирового уровня и сформулировав их национальную специфику.

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Луганского государственного педагогического университета. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Кроме того, он дает и ретроспективную характеристику художественных процессов в России, подвергшейся культурной агрессии Запада. «У нас начал уже образовываться естественный и притом весьма разнообразный стиль в постройке церквей, – отмечал Н.Я. Данилевский, – и, хотя бы их строили иностранцы, они непременно должны были сообразоваться с народными требованиями; их не допустили бы иначе до постройки. Если наши церкви по своим размерам и архитектурному великолепию не могут соперничать с готическими соборами Северной Европы или с храмами Италии, то опять-таки по недостатку технической опытности и даже по недостатку материальных средств для возведения столь громадных зданий. Но если бы, по приобретении тех и других, сохранились в высших классах русского народа древние формы быта, а следовательно, вкуса и потребностей, то, конечно, наши города и села не были бы усеяны миниатюрными карикатурами собора Св. Петра в Риме, а воздвигались бы храмы в самобытном русском стиле – тех размеров и того богатства подробностей, которые допускались бы усилением денежных и приобретением технических средств. Если бы продолжали существовать старинные формы быта, мы точно так же не допускали бы браваурных арий и концертов, похожих на отрывки из опер, во время богослужения, как (благодаря положительным церковным постановлениям) не допускаем органо́в в церквах. Во всех этих отношениях мы были бы старообрядцами, только старообрядцами, вооруженными всеми техническими средствами, которыми владеет западное искусство, и потому из этого старого произошло бы что-нибудь действительно новое» [7, с. 326–327].

Описанный Н.Я. Данилевским процесс в храмовом строительстве был неизбежен после петровских преобразований. Однако характерно, что очень скоро после того, как были написаны эти строки, в эпоху Александра III, стал активно возрождаться древнерусский стиль, успевший отразиться и на храме Христа Спасителя, и давший много других шедевров начиная со Свято-Владимирского собора в Киеве. После древнерусского стиля храма, который был совершенно оригинальным переосмыслением византийской базилики, был создан уникальный русский стиль, в котором в равной степени заметны влияния как итальянского Возрождения, так отчасти и мусульманской архитектуры – главным и почти единственным высшим образцом его является Покровский собор на Красной площади в Москве («Покрова на Рву», в народе именовавшийся Иерусалимом, а позднее названный храмом Василия Блаженного по названию придела в честь московского юродивого, погребенного здесь во времена Ивана Грозного). В эпоху Александра III этот стиль был воспроизведен в соборе Воскресения Христова на Крови в Санкт-Петербурге – на месте смертельного ранения террористами императора Александра II, что доказывает его органичность и жизнеспособность в современную эпоху. Это стиль храма-терема или даже храма-шкатулки, символически указывающий на райский топос храмового пространства и резко контрастирующий с западными готическими соборами, которые в сравнении с ним напоминают скорее огромные надгробия. Это самый яркий пример того, как на основе русской старины «произошло действительно новое», о чем провидчески писал Н.Я. Данилевский.

Подобный же принцип Данилевский применяет и к пониманию живописи. «Идеал живописи, сказал Хомяков в статье о картине Иванова, единственном отзыве, достойном великого художественного произведения, – есть иконопись. Иконопись в области живописи есть то же, что эпос – в области поэзии, т.е. представление не личных, а целым народом выработанных идеальных представлений, только обделываемых и разнообразимых (в границах эпического типа) личным художественным творчеством», – писал он [7, с. 324]. Естественно, икона и картина – это разные явления, однако в том случае, когда живопись ориентирована на свой первичный сакральный образец, она носит совсем иной характер, чем живопись, которая эту ориентацию уже утратила. Далее будет рассмотрен анализ Данилевским картины Иванова как образец цивилизационной интерпретации художественного явления.

Специфика русского художественного мышления связана не только с традицией сакрального искусства, но и с самим народным характером, его основной нравственной чертой. По Н.Я. Данилевскому, эта черта состоит в том, что «вообще не интерес составляет главную пружину, главную двигательную силу русского народа, а внутреннее нравственное сознание, медленно подготовляющееся в его духовном организме, но всецело охватывающее его, когда настает время для его внешнего практического обнаружения и осуществления. А так как интерес составляет настоящую основу того, что мы называем партиями, то во всей исторической жизни России нет ничего, что бы соответствовало этому по преимуществу западноевропейскому, или романо-германскому, явлению. Все, что можно назвать у нас партиями, зависит от вторжения в русскую жизнь иностранных и инородческих влияний» [7, с. 235].

Тем самым русский народ в своих самых значительных деяниях всегда движим не «интересом», а внутренним нравственным побуждением, проще говоря, совестью и ответственностью, которые могут и противоречить многим очевидным «интересам». В своем труде Н.Я. Данилевский приводит множество тому примеров, начиная с летописного призвания варягов, которое является несомненным фактом именно в силу нравственного смысла этого события, соответствующего народному характеру. То же самое касается и выбора Русью Православной веры, а затем создания Московского государства – эти деяния были в первую очередь подвигом нравственного выбора народа, то есть имели внутренние сокровенные мотивы, а отнюдь не внешний «интерес». Как писал Н.Я. Данилевский, «в народном сознании происходит тот же процесс внутреннего перерождения, который совершается в душе отдельного человека, переходящего из одного нравственного состояния в другое, высшее, получив к прежнему полное отвращение, – тот психологический процесс, о котором нам повествуют многие сказания о жизни христианских подвижников и который обращает египетскую блудницу Марию в идеал святости и целомудрия, – процесс, которому каждому из нас случалось слышать или видеть примеры, очень нередко встречающиеся в жизни русских людей» [7, с. 230]. Именно это «внутреннее перерождение, которое совершается в душе отдельного человека», и есть самый ценный и решающий элемент русского национального бытия, влияющий и на внешний исторический процесс вплоть до настоящего времени. Этой специфической чертой русской национальной жизни и определяется цивилизационная специфика русского искусства.

Специфика русского искусства выражает подлинную суть русского национального бытия, сложившуюся и ярко выразившуюся в его самобытных исторических формах. Самая суть, смысловое «ядро» русского искусства – это *преображение человека*. Принцип духовного преобразования, всегда лежащий в основе самобытной цивилизации Русского мира, многолик в своих проявлениях, охватывая все многообразие жизни. Но наиболее ярко и доступно для понимания он выразился в великой русской литературе. Как писал в свое время В.В. Розанов, «западным людям русская литература открыла эру нового нравственного миропорядка», Запад «преклонился вовсе не перед искусством русских писателей, довольно неуловимым в переводе, но перед новым нравственным миропорядком, какой открывался просто картинами русской жизни и характерами русских людей... мне пришлось... услышать рассказ о том необыкновенном и *исцеляющем* действии, какое русская литература производит на иностранцев, на американцев, немцев, англичан “в несчастьи”, в “ломке жизни”, в “крушившейся судьбе”» [12, с. 285]. Но ведь именно это «необыкновенное исцеляющее действие» есть не что иное, как духовное преобразование человека, внесенное в мировую литературу и культуру многовековым духовно-историческим опытом русского народа.

Интересно отметить, что первое характерологическое наблюдение и обобщение относительно русского национального характера, объясняющее устремленность к преоб-

ражению как основную доминанту русской культуры, принадлежит А. Герцену. В «Былом и думах» он писал: «Оконченная, замкнутая личность западного человека, удивляющая нас сначала своей специальностью, вслед за тем удивляет односторонностью. Он всегда доволен собой, его *suffisance* [самодовольство – В.Д.] нас оскорбляет. Он никогда не забывает личных видов, положение его вообще стесненное и нравы приложены к жалкой среде. Я не думаю, чтоб люди всегда были здесь таковы; западный человек не в нормальном состоянии – он лияет» [6, с. 419]. В русском человеке по контрасту с западным он отмечал его разносторонность, которая и является следствием отсутствия самодовольства и готовности к преобразению.

Устремленность к *преобразению человека* очень глубоко вошла в русское сознание, выработав особый тип мировоззрения. «Ядро» этого мировоззрения заключено в одной главной и ключевой мысли, которую хорошо выразил современный воронежский философ В.В. Варава: «...нельзя, не умертвив совести, радоваться просто жизни как таковой. Суть человека в том и заключается, что он может и должен радоваться преобразенной жизни. Непреобразенная жизнь вызывает скорбь и тоску и взывает к изменению и исправлению» [3, с. 45]. В апостасийной же цивилизации, порожденной Западом, это духовное преобразование жизни подменено комфортным обустройством материальных условий жизни. Для культуры Запада «архетипическим» являлся принцип самореализации человека, то есть развертывания им своих «сущностных сил» ради «покорения мира». Этот принцип изначально является «постхристианским», порожденным культом смертного его. Поэтому в рамках такой культуры христианское понимание смысла жизни неизбежно уходит на второй план, а затем и вообще исчезает, поскольку в «код культуры» оно не вошло. Московская Русь, в отличие от Запада, создала культуру, «код» которой – принцип *преобразования человека* – изначально христианский; а главное – он сохраняется и в формах светской (даже советской) культуры.

Для культурного сознания Запада «архетипическим» сюжетом является «Фауст» – сюжет приобретения могущества за счет компромисса с силами зла. И действительно, таким был путь этой цивилизации. Для культурного русского сознания «архетипическим» сюжетом является пушкинский «Пророк» – сюжет преобразования человека, достигаемого через духовное «второе рождение» и покаяние. Сам Пушкин как личность воплотил в своей судьбе нелегкий путь самоизменения и духовного преобразования. Как пишет В.С. Непомнящий, здесь «перед нами опыт преодоления человеческой драмы не путем изменения внешних условий, но силой любви; опыт свободы, достигаемой не переделкой мира, а переключением внимания со своего “я” на “ты”; опыт обретения полноты “я” путем самоотречения» [11, с. 90]. И таков же путь русской культуры и цивилизации в ее прошлом, настоящем и будущем.

Сюжет преобразования человека, достигаемого через духовное «второе рождение», классически явленный в пушкинском «Пророке», архетипичен для всей русской культуры. Основой преобразования человека и культуры является образ Христа, совершенно по-новому определяющий все бытие человека. Высшим образом и онтологической основой самой возможности такого преобразования является Воскресение Христово, открывшее нам путь к бессмертию. Именно этим определяется и высший смысл русской культуры. И.А. Есаулов предложил очень смелый и при этом очень точный термин «пасхальность» для русской словесности и культуры в целом. «Для адекватного описания русской словесности, – пишет этот автор, – сама оппозиция народного и церковного, светского и духовного, художественного и учительного может быть верно понята, если мы задумаемся над тем общим знаменателем, который конституирует единство русской культуры в ее разнообразных проявлениях. По-видимому, именно пасхальность... является искомым важнейшим конституирующим фактором для отечественной культуры. Границу между светским и

духовным следует понимать не только как разделяющую, но и соединяющую эти сферы в единстве отечественной национальной культуры как таковой: именно в последнем случае только и можно говорить о *русской православной культуре*» [9, с. 549]. А значит, именно пасхальность есть высшее преобразующее устремление нашей культуры.

Естественно, что категория пасхальности, то есть рассмотрения всех жизненных явлений в свете Евангелия, образа совершенства бессмертной души, «чающей воскресения мертвых и жизни будущего века», отражает только вершинные достижения русской литературы, сознательно основанные на христианском мировоззрении. Для более широкого понимания этой главной смысловой интенции русской литературы требуется именно категория преобразования человека. Как некий «органон» (высший образец) художественной реальности полагается ситуация пушкинского Пророка, поскольку она вовсе не предполагает завершенность произведения как «гармоническую удовлетворенность», а скорее наоборот – распаивает душу в бесконечность. Художественное произведение – это то, что не просто воспроизводит драматизм жизни (от этого удвоения драматизма жизнь не поменяется), а то, что заставляет изменяться самого человека.

Исходя из современной концепции специфики русской литературы, искусства и культуры в целом как основанных на императиве преобразования человека и в этом отношении принципиально отличающихся от западной культурной и художественной парадигмы «фаустовского» самоутверждения человека, стоит рассмотреть интерпретацию Н.Я. Данилевским ряда важных произведений русской литературы и искусства, данную им в завершающей главе трактата «Россия и Европа» как смысловой проект русской культуры.

«Мертвые души» – первое произведение, на которое справедливо обратил внимание Н.Я. Данилевский, и это вполне закономерно, поскольку в Европе вообще нет произведений такого жанра и смыслового содержания. По жанру – это «поэма», то есть лирический эпос, а по содержанию – метафизика человека, во многом предвосхищающая прозрения Достоевского и Кафки. Императив преобразования человека заложен в «мертвых душах», которые должны воскреснуть. Изначально поэма задумывалась как трехчастная, по аналогии с «Божественной комедией» Данте: первый том соответствовал Дантову «Аду», изображая разрушенное состояние человеческих душ, второй, сожженный, должен был изображать их преобразование («Чистилище»), а третий – их триумф и преобразование всей России по Евангельскому идеалу. Насколько этот замысел оказался неподъемным для автора видно по тому, что второй том он сжег, считая его неудачным, а за третий вообще не брался. (Впрочем, в определенном смысле третьим томом можно считать его «Размышления о Божественной литургии», которые дают знание о преобразенном для вечности человеке.)

Н.Я. Данилевский находит в европейской литературе единственное произведение, сопоставимое по замыслу с «Мертвыми душами». «Чтобы найти произведение, которое могло бы стать наряду с «Мертвыми душами», – писал он, – должно подняться до «Дон-Кихота». Внешней целью Гоголя было представить в комическом виде злоупотребления и плутовство чиновничества губернского мира и грубость помещичьего быта, так же точно, как внешней целью Сервантеса – осмеять странствующее рыцарство. Но у обоих художников глубина их поэтической концепции захватила несравненно дальше их прямой, непосредственной цели, по всем вероятностям, совершенно бессознательно для них самих. Дон-Кихот вышел живым олицетворением до героизма возвышающихся, благороднейших душевных качеств, которым недостает поприща для плодотворной, нормальной деятельности» [7, с. 602]. Соответственно, «и наш Чичиков есть своего рода герой, но – сообразно привитому нам характером века воззрению, – герой практической жизни, умный, твердый, изворотливый, неунывающий, Улисс своего рода, только, с одной стороны, лишенный всякой идеальности стремлений, – ибо откуда им взяться в жизни, отрешенной от своих

начал и, однако же, не усвоившей чужих (так как это последнее невозможно), с другой же – не могущий направить своей деятельности на что-либо действительно практически полезное, также по бедности содержания русской жизни, по ее узкости, стесненности, недостатку простора. Людям с практическим складом ума приходилось обращаться к целям чисто личным, грубо-эгоистическим, к хитросплетениям плутовства, и притом плутовства, имевшего связь и соотношение с учреждениями государственными, которые проникали собой всю русскую жизнь. Если характер героя русской трагикомической поэмы не привлекает наши человеческие чувства, как герой испанский, то зато мы лучше понимаем причину извращения его природы общественной средой, тогда как сумасбродство Дон-Кихота представляется лишь случайным результатом его болезненной фантазии, разгоряченной чтением нелепых романов. Сообразно этому вся обстановка “Мертвых душ” несравненно выше обстановки “Дон-Кихота”, в котором всего только и есть что два характера – самого ламанчского героя и его наперсника Санхо» [7, с. 603].

У обоих героев – и у Дон-Кихота, и у Чичикова – главная тайна и суть характеров состоит в том, что высшие их качества обращаются на низменные цели, но тем не менее внутри героя хранится богатырский запас душевных сил. В отличие от Дон-Кихота, Чичиков не проявляет вовне своих лучших качеств, они растрачиваются у него на деятельность низменную. В этом трагическая глубина этого героя, далеко не сразу видимая за трагикомизмом окружающих его лиц. Очень важны слова Н.Я. Данилевского о «бедности содержания русской жизни» как главной причине разрушения человеческих душ. Поэма Н.В. Гоголя показывает это состояние русской цивилизации, в которой она оказалась после окончания героических допетровских времен и погружения в сон «европейничанья», в котором главным действующим лицом стал чиновник. Чичиков символичен как образ болезни русской цивилизации, которой не дает развиваться ее подчиненное, неестественное состояние.

Художественный гений Н.В. Гоголя особенно ярко проявился и в его христианском видении повседневной жизни. «“Старосветские помещики” и “Шинель” Гоголя представляют высшие образцы истинного юмора, которым невольно внушается нам искреннее, глубокое сочувствие к самым мелким, ничтожным, комическим личностям, подмеченными в них чертами истинной человечности», – отмечает Н.Я. Данилевский [7, с. 603]. В Европе похожим талантом христианского видения «ничтожных» людей в это время обладал Ч. Диккенс, но у Н.В. Гоголя это видение отличается большей, почти мистической глубиной. Эта способность видения величия души во внешне неприметном человеке порождается императивом преобразования человека как главной доминантой русской литературы. Для сравнения Данилевский упоминает о том, что и «поляки имеют еще первоклассного поэта в Мицкевиче, в произведениях которого отражается как оригинальность и высокий лиризм личности поэта, так и ничтожность и, так сказать, карикатурность жизни и быта польского общества, как они представлены в “Пане Тадеуше”, в котором поэт вовсе не имел намерения представить сатиры на своих соотечественников, а, напротив того, относился с полным сочувствием к изображаемому им быту» [7, с. 609]. Тем самым у Данилевского Мицкевич оказывается своего рода антиподом Гоголя, поскольку в отличие от последнего у польского поэта нет сатиры, но помимо воли обнажается упадочность польского общества.

Очень высоко Данилевский оценивает достижение Пушкина в драматическом постижении истории: «“Борис Годунов” Пушкина, хотя и не драма в строгом смысле этого слова, а драматизированная по форме эпопея, есть совершеннейшее в своем роде произведение после драматических хроник Шекспира. По красоте формы, совершенству исполнения, художественности воспроизведения действительности с ним не могут равняться ни “Валленштейн”, ни “Вильгельм Телль” Шиллера, принадлежащие к этому же разряду поэтических произведений» [7, с. 603–604]. Это очень показательный факт: достижение шекспировского уровня именно в исторической драме-эпопее, поскольку это свидетель-

ствует о зрелости исторического самосознания народа, выразившейся в совершенной художественной форме.

Развитие этого достижения Н.Я. Данилевский справедливо усматривает у Л.Н. Толстого. «Русская литература представляет пример и другого высокого эпического произведения, – это “Война и мир” графа Л. Толстого. В нем исторический фон картины не служит только сценой для развития интриги романа, а напротив того, как в настоящей эпопее – события и выразившиеся в них силы и особенности народного духа составляют главное содержание произведения, содержание, в котором сосредоточен весь его интерес, откуда разливается весь свет, освещающий картину... Произведение графа Л. Толстого и колоссальный успех его принадлежат к знаменательнейшим признакам времени, ибо они доказывают, что мы способны еще к эпическому пониманию нашего прошедшего, что оно способно восторгать нас, что мы, в сущности, лучше, чем мы кажемся. Пусть укажут нам на подобное произведение в любой европейской литературе!» [7, с. 604]. Это замечание совершенно справедливо. Отдаленно с «Войной и миром» можно сопоставить «Девяносто третий год» В. Гюго, однако ни в художественном, ни в идейном, ни в нравственном смысле они не равноценны.

Наконец, свой самый подробный анализ Данилевский посвящает произведению живописи, в котором зримо воплощены многие важнейшие черты русского мировоззрения, отличающие его от европейского. «В области других искусств, – пишет он, – мы можем указать, по крайней мере, на одну картину, которая стоит наряду с высшими произведениями творчества и если не пользуется у нас достойной ее славой, то единственно по нашему неумению ценить своего, *по привычке все мерить на чужой аршин, по отсутствию в картине эффектности, господствующего в Европе жанра, по глубине ее содержания, потому что главное достоинство ее заключается в том, что мы можем назвать душой произведения.* Только истинно самобытные русские люди, как Гоголь и Хомяков, поняли и отдали справедливость “Явлению Христа народу” Иванова» [выделено нами – Авт.] [7, с. 605].

Н.Я. Данилевский отмечает в первую очередь огромность задачи, которая стояла перед художником. Фактически А. Иванов дает в своей картине обзор судеб человеческого рода, подобный тому, который мы видим в «Божественной комедии» Данте. В отличие от последней, в картине ограниченное количество персонажей, и поэтому каждый из них должен был стать символом какого-то важнейшего характера и явления в жизни человечества. Сколь огромна эта задача! В истории европейской живописи нет подобных картин, к ним могут приближаться по замыслу только многосюжетные росписи храмов, сделанные художниками – «титанами Возрождения». Русскому художнику удалось вместить все это в один сюжет и в одну картину только благодаря тому особому качеству его мироощущения, который вслед за А.С. Хомяковым принято называть соборностью.

«Задача художника состояла в изображении того разнообразного впечатления, которое должна была произвести на мир идея христианства при первом своем появлении; – впечатление, которое, как в зерне, заключало бы то влияние, которое она произвела при дальнейшем своем развитии удовлетворением высших духовных потребностей и возбуждением против себя страстей и интересов. Одним словом, по замыслу художника картина его должна была служить фронтисписом, – увертюрой великого начинавшегося действия. Такая задача должна была воплотить в телесных образах высшие проявления духа без помощи аллегории, без помощи сверхъестественного; и потому художник не имел в своем распоряжении тех средств, которые доставляют атрибуты, усвояемые нашей фантазией надземному миру. На почве и средствами самой строгой действительности должна была быть представлена самая идеальная духовность. Такую трудную задачу едва ли когда-нибудь задавал себе художник», – справедливо отмечает Н.Я. Данилевский [7, с. 605].

Здесь уместно напомнить уже приведенные его слова о том, что «иконопись в области живописи есть то же, что эпос – в области поэзии». Действительно, в этой картине А. Иванов поставил себе задачу, которая была бы под силу только иконописи – изображение судьбы всего человечества как итога его соборной встречи со Христом. Но русский художник сумел воплотить этот замысел средствами светской живописи, что стало возможным только потому, что в художнике была способность к эпическому мышлению не меньшая, чем у автора «Войны и мира».

«Во-первых, – пишет Н.Я. Данилевский, – надо было выразить, что это есть первое явление Христа на поприще исторической деятельности. Никому еще не известный, Он сам по себе не мог произвести впечатления на неподготовленную массу одним своим появлением; Он еще погружен в Самого Себя, ибо не перешагнул границы внутренней деятельности, которой подготавливал Себя к Своему высокому служению. Поэтому и сделал художник из фигуры Спасителя только идеальный центр картины, находящийся вне ее движения. Дабы узнать Его и указать народу, необходим истолкователь, одаренный духом пророчества, предвидения, и в Иоанне Крестителе представлен нам истинный тип сурового и пламенного пророка-пустынника, в духе Илии. По верности и силе выражения нельзя ничего вообразить реальнее и типичнее этой фигуры, составляющей действительный, всем двигающий, повелевающий центр композиции. Если Рафаэлем создан тип Святой Девы, то за Ивановым останется слава создания типа Предтечи. Духом он узнал Спасителя мира в образе медленно и спокойно приближавшегося по горе человека, и вдохновенным взором, восторженным движением рук и всего тела передает провиденное и постигнутое духом – народу, который не сам по себе, а через него обращается к Христу, к чему-то великому, имеющему исполнить судьбы его; – обращается с теми разнообразными побуждениями, ожиданиями и опасениями, которые волновали его» [7, с. 606]. Так описывается словами то центральное событие мировой истории – приход в мир Спасителя, – которое так дерзновенно вместил в свою картину А. Иванов. Первый образ в картине среди людей – это св. Иоанн Предтеча как воплощение человечества, чаявшего своего спасения и узнавшего своего Спасителя. Все остальные люди, изображенные на картине – это живые образы тех самых разнообразных путей, которыми идет человечество ко Христу. Этот соборный опыт человечества и дан в картине.

«Эти различные восприятия Великой Идеи, – пишет Н.Я. Данилевский, – осуществлением которой был Христос, сгруппированы в трех отделах, на которые распадается вся масса лиц картины. За Иоанном, влево от зрителя, соединены ученики его и будущие ученики Христа, которые примут учение Его в духе Истины, в его настоящем глубоком смысле. Справа спускается с горы толпа равнодушных и враждебных, привлеченных из Иерусалима распространившейся молвой о подвигах пустынножителя. Среди этой толпы едут римские всадники, люди из другого мира, до которых все происходившее, по видимому, вовсе не касалось или касалось как предмет административного, полицейского наблюдения, – до которых и влияние этих событий должно было после достигнуть. В среди не – группа только что вышедшего из воды еврея с молодым сыном, не успевшим еще одеться, – олицетворяет мысль, ставшую в среднее отношение к Спасителю, между его истинными последователями и его врагами. Это представители тех, которые будут кричать: “Осанна” – и через несколько дней равнодушно смотреть на крестную смерть; тех, которые ожидали от Мессии политического могущества и всех земных благ. Это грубое, корыстное восприятие Христова учения выражено с необыкновенной ясностью на лице еврея, радующегося грубой, земной радостью. Еще равнодушнее мальчик, сын его; в нем заметно простое, безучастное любопытство, и между тем как занято его внимание, тело как бы содрогается от ощущения свежести только что окончившегося купания. Подобной же животной радостью улыбается и раб, который в глубоком своем унижении еще не в

состоянии понять и оценить духовного значения христианства, а только инстинктивно чувствует предстоящее улучшение и своей жалкой участи» [7, с. 606–607]. Так в картине дана своего рода градация человеческих типов – от высших к низшим, – но все они способны к восприятию Истины и жаждут ее.

Как отмечает Н.Я. Данилевский, «это распределение фигур на три группы соответствует, следовательно, трем главным видам, под которыми было впоследствии воспринято учение Христово. Однако же, оно не составляет чего-либо искусственно придуманного, так сказать, фортеля, для уяснения зрителям мысли художника, а вытекает самым естественным образом из содержания сюжета. В самом деле, алкавшие истины должны были прежде всего явиться на призыв к Покаянию, исходившему из пустыни; и вот они уже успели принять крещение Иоанново, остались слушать учение его, сделались спутниками Пророка. Ближе всего к нему другой Иоанн, который, следуя указанию взора и движения рук Предтечи, устремляется духом к появившемуся на горизонте духовному Солнцу, и тело его невольно следует полету духа. Те, которых влекли к Иоанну не жажда духовная, а земные обетования, должны были явиться на зов после передовых деятелей обновления. Поэтому они только что окрестились, только что вышли из воды в момент, представленный картиной. После всех должны были явиться враждебные силы Иерусалима, чтобы взглянуть, чем это волнуется народ, откуда смятение, и сообразно этому они и представлены только что идущими к Иордану. На лицах написано недоверие, гордое презрение и враждебное чувство к могущему нарушить их влияние и силу» [7, с. 607–608]. Здесь очерчивается уже внешний круг, за которым начинается гонение на Истину, ее крестный путь в мире и в истории.

«Такова концепция картины, сосредоточивающей в себе, как в фокусе, весь этот ряд впечатлений и произошедших из них впоследствии событий. О частностях картины – об удивительном ландшафте, о жарком, степном, пыльном воздухе, о свежести, разлитой над Иорданом, о красоте, правильности, жизненности, рельефности фигур – я не стану говорить, как о предметах, не составляющих художественной специальности нашего великого мастера. Я так распространился о картине Иванова потому, что, по моему мнению, в ней яснее, чем где-либо, выразились *особенности русского эстетического взгляда*», – заключает Н.Я. Данилевский [выделено нами – Авт.] [7, с. 608]. Этот краткий анализ картины А. Иванова, данный в трактате Н.Я. Данилевского, – классический пример русской художественной критики. В нем на примере одного произведения показан целостный художественный взгляд на мир, свойственный русскому искусству, наглядно являющему наш культурно-исторический тип сознания и исторической деятельности. Каково место Н.Я. Данилевского в контексте всей русской эстетической мысли?

Как известно, «особенности русского эстетического взгляда» – предмет специального исследования и осмысления, начиная со статьи Н.В. Гоголя «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность» (1845). Из классических концепций XX века в нашем контексте имеет смысл обратить внимание на работу Наума Берковского, который в своем анализе «русского своеобразия в литературе» сопоставлял русскую литературу с европейской в качестве типологически обобщенных явлений. В частности, он писал: «...в русской литературе это “открытие” живой души под панцирем цивилизованного быта совершается не в отношении одних только избранных, но в отношении каждого. Русская литература стремится уничтожить преграды между “я” и “я”, устранить дикость чужого “я” для нашего сознания, замкнутость его для нас во внешний образ, с которым могут быть только внешние сношения... В западной культуре чужое “я” – только гипотеза, более или менее правдоподобная, “доказательство” реальности чужого “я” стало одной из труднейших задач новой европейской философии... Русская литература добивается непосредственного восприятия чужой душевной жизни, она, где может, прорывает условности взаимного непонимания между людьми, сокращает пути, ведущие от одной души к другой, усиливает, поэтически преувеличивает

всякий случай прямого общения, тем самым ознаменовывая его первоклассную важность... минута полного взаимопонимания – высшая минута, когда внутренней реальностью наделяются и этот человек, и его ближний, когда все человечество совлекает с себя обыденный быт с его формами, уединяющими людей, делающими их недоступными друг другу» [2, с. 434–435]. Отметим прежде всего, что ученый здесь пишет не об отдельных явлениях, но об общем «идеальном типе» (М. Вебер), то есть о внутренней устремленности, которая создает ту особую и не всегда заметную для поверхностного взгляда «русскость» в ее отличии от не-русскости других литератур. И в отдельных произведениях она может быть проявлена в разной степени, иногда и почти не проявлена. Но когда в душе зрелого читателя русская литература складывается как целостное явление в один целостный образ – тогда вдруг и обнаруживается удивительная точность приведенного определения. Да, русская литература именно такова в своей специфической «русскости», а во всем другом она может быть сколь угодно похожей на любую другую – вплоть даже до откровенной подражательности в отдельных своих компонентах, от которых ее главный смысл отнюдь не утрачивается.

Освобождаясь из ловушки «европейничанья», мы видим в русской литературе именно тот уникальный для всего мира смысл, о котором пишет Н. Берковский. Но зачем русская литература «добывается непосредственного восприятия чужой душевной жизни»? А нужно ли это вообще, может быть, и хорошо, что человек не проникаем до конца и остается тайной? На самом деле человек в любом случае непроницаем, оставаясь тайной и для других, и для самого себя – не об этом здесь речь. Речь о том, что если в западной литературе человек остается закрытым, то в русской он открывается ради самоизменения, духовной трансформации. Эти мгновения проникновения в душу живую не означают, что душа раскрылась до конца и в ней нет больше никакой тайны. Они нужны для того, чтобы душа познала свое несовершенство и устремилась к высшему идеалу. Этот смысл «полного взаимопонимания» в русской литературе не является самоцелью, но стал мощным средством преобразования человеческих душ в свете высшего идеала Человека.

Именно эта уникальная способность видеть в человеке лик Другого – насущный и бесконечно ценный для меня уникальный мир личности, – более всего поразила иностранцев в русской литературе и этим предопределила ее непреходящее мировое значение. Напомним здесь лишь несколько особенно ярких свидетельств. Так, Вирджиния Вульф в эссе «Русская точка зрения» формулирует ее так: «Учись быть близким людям... сделай себя необходимым для них. Но пусть это сочувствие идет не от ума, потому что это легко – от ума, – а от сердца, от любви к ним». «Кто-то из русских», – немедленно скажет каждый, где бы ему ни встретилась эта цитата... Представление, что в мире, исполненном несчастий, главная обязанность человека – понять наших ближних, «и не умом – потому что это легко – умом, – а сердцем», – вот то облако, которое окутывает всю русскую литературу» [4, с. 283]. Генри Джеймс писал о И.С. Тургеневе: «...чувство сострадания в нем столь глубоко и всеобъемлюще... У него есть редкий дар... наделять вызванные им к жизни характеры абсолютной автономностью... Плодотворная свобода, с которой он – при всей своей исключительной деликатности – обращался со святой святых нашего внутреннего мира, мира тончайших побуждений, несет в себе то, что можно кратко назвать благородной незаинтересованностью» [8, с. 195–196]. Можно было бы привести еще много подобных свидетельств западных авторов, которые со своей стороны подтверждают наблюдения над особенностями русского искусства, сделанные еще ранее русским мыслителем.

Н.Я. Данилевский отметил важные явления и в других видах русского искусства. «В скульптуре, – писал он, – имеем мы также одно выходящее из ряда художественное произведение – это группа «Преображения» Пименова для Исаакиевского собора, где ее портит, однако же, позолота. Я обращаю внимание лишь на удивительную для скульптурных фигур позу Или и Моисея, представленных летящими. Так как, конечно, они ведь должны

же на чем-нибудь держаться, то точку опоры их составляют складки ниспадающей одежды. И здесь придется сделать то же замечание, что и о распределении фигур на три группы в картине Иванова. Летящие фигуры поддерживаются отвисшей одеждою; но если бы этого не требовала техническая необходимость, если бы фигуры могли сами собой держаться на воздухе, то одежда должна бы была все-таки спускаться точно такими же складками по законам тяжести и свойствам материи. Одежда не составляет подставки, а исполняет эту роль как бы случайно, между прочим. Рифма есть, но стих не для рифмы написан; если бы и не требовалось созвучного окончания, то же слово должно бы быть употреблено как самое меткое, выразительнее, прямее и лучше всего передающее смысл. Я обратил внимание на эту побежденную техническую трудность, как на свидетельство того *строгого исполнения требований естественности и реальности, которое составляет одну из отличительных черт русского искусства*, так же, как русской поэзии» [выделено нами – Авт.] [7, с. 608–609]. В свою очередь, отмечает Н.Я. Данилевский, «знатоки музыки видят ту же ясность мысли, художественность и законченность, соединенные с оригинальностью и богатством мелодии, – в музыкальных произведениях Глинки» [7, с. 609]. Чем обусловлены такие качества русского художественного гения? В первую очередь особыми религиозно-нравственными качествами национального характера, сформированными историческим опытом. Вместе со спецификой социально-политической и духовной жизни они и составляют культурно-исторический тип. Ценность его художественного выражения состоит в том, что он становится наглядным и может передаваться через непосредственное переживание. Именно поэтому Запад впервые открыл для себя Россию через ее художественную литературу. Характерно также, что скульптурная композиция, которую особо выделил Н.Я. Данилевский, – это «Преображение». Этим также подтверждается фундаментальность смысла всей русской культуры как устремленной к преобразению человека.

Вдумчивыми исследователями отмечена та сущностная особенность русской культуры, что она имеет «собираательный» характер, усваивая и затем органически воспроизводя «на более высокой ступени различные элементы культур других народов» [10, с. 76]. Но как это стало возможным, на основе чего? Именно на основе способности к преобразению элементов других культур, входящих в состав культуры русской, которая и создает этот новый синтез – поразительную русскую «всечеловечность». Как пишет Е.А. Гаричева в статье «Ф.М. Достоевский о преобразении личности в романе “Бесы”», «романы Достоевского объединяет такая базисная структура русской литературы и православной культуры, как категория преобразования личности... Конфликт добра и зла в героях Достоевского ведет их к поискам нравственного идеала – Христа. Ведущими мотивами произведений Достоевского являются покаяние, смирение и страдание» [5, с. 150].

Как известно, многие (например, М. Горький, С. Моэм и др.) были категорически не согласны с тем, что страдание и смирение преобразуют человека и меняют его в лучшую сторону. По мнению тех, кто не любит Достоевского, страдание – наоборот, ухудшает человека, делает его несчастным и мстительным. Но это возражение как раз и показывает, насколько глубже Достоевский понимает человеческую природу, чем его оппоненты, видящие в нем лишь «жесточкий талант» (Н.К. Михайловский). Для последних человек – это в конечном счете просто биомашина, стремящаяся к наслаждениям, а при отсутствии таковых просто обязанная возненавидеть весь мир. Для Достоевского же человек – это образ Божий с бессмертной душой, которая призвана в земной жизни свергнуть с себя иго «ветхого человека» и преобразиться по образцу самого Христа. А это невозможно без страданий, иначе человек так и останется лишь говорящим животным, ищущим одних наслаждений. Герои Достоевского страдают вовсе не от тяжелых условий жизни – к ним-то они привыкли и их почти не замечают – нет, герои Достоевского страдают совестью, которая от внешних условий, от этой «среды» никак не зависит и даже более того, как раз в комфортной среде она и умирает.

Таково и понимание смысла своего творчества самими русскими писателями – все наши классики высказывались о том, что пишут не для эстетического наслаждения читателя и тем более не для развлечения на досуге «изысканной словесностью», а для духовной работы человека над самим собой – ради преображения личности в свете высшего Идеала. Из более новых примеров можно привести мысль В. Астафьева: писатель «поднимает нас на какие-то не ведомые нам высоты... Я верю, что, развиваясь вместе с гением и с помощью гения, люди – читатели будущего – станут двигаться дальше и выше к духовному усовершенствованию, ибо гений человечества вечно в строю, вечно находится в изнурительном походе к свету и разуму» [1, с. 7]. Поэтому чрезвычайно важно введение в современный интеллектуальный «оборот» и обоснование *преображения человека* как понятия, которое наиболее точно определяет суть и *главную устремленность* всей русской культуры.

В этом контексте очевидна прозорливость Н.Я. Данилевского в его анализе ряда выдающихся произведений русского искусства. Если в своем историческом исследовании он реконструировал русско-славянский культурно-исторический тип в его деятельностных и психологических чертах, то в анализе произведений он показал его изнутри как особый строй души. В этом особая заслуга Н.Я. Данилевского как художественного критика. В этой роли он выступил именно в последней главе «России и Европы», поскольку именно эта внутренняя сторона является тем внешне почти невидимым «зерном», из которого способна вырасти будущая цивилизация. К сожалению, этого не произошло – катастрофы XX века не только не дали развиваться русскому и общеславянскому культурно-историческому типу, но, наоборот, они были в XX веке почти уничтожены атеистическим тоталитаризмом – самой радикальной и самой разрушительной формой «европейничанья» в России.

Тем не менее эстетическая концепция Н.Я. Данилевского не только не потеряла своей значимости, но в настоящее время стала еще более ценной и актуальной, чем в пору своего создания. Дело в том, что в современной культуре действует принцип инверсии: если раньше культура создавалась исторической жизнью народа, то сейчас, наоборот, народ, почти уничтоженный «экспериментами» XX века, возрождается и воссоздается почти заново только благодаря той культуре, которая создана его предками и которую он способен усвоить, преодолевая собственное беспамятство. Концептуализация специфики русского художественного мышления, через которое раскрывается особый тип миропереживания, отличный и от европейского, и от восточного, в настоящее время имеет особую ценность для воспитания русского культурного сознания. Н.Я. Данилевский предложил одну из самых первых таких концептуализаций, которую следует признать классической и важной для нашего времени.

Подводя итог краткому анализу темы, можно сделать ряд обобщающих выводов. Специфика русского художественного мышления, раскрывающая особый тип миропереживания, согласно анализу Н.Я. Данилевского, заключается в следующем.

1) Основное содержание русского искусства составляют процессы преображения личности, нравственные процессы в человеке. Это закономерно, поскольку таково же и сущностное содержание русской истории, а искусство воплощает исторический опыт народа в личностно выраженной форме.

2) Для «русского стиля» в искусстве характерны максимальная реалистичность и благородная простота формы, соединенные с самыми тонкими душевными движениями в человеке. Это соединение особенно трудно для искусства и поэтому является особым русским достижением, роднящим его с искусством Античности.

3) Русское искусство соборно, то есть всегда отражает не индивидуальный, а личностный опыт, основанный на принципе всеотзывчивости и ответственности за других.

4) Русское искусство в своих высших образцах «иконично», то есть ориентировано на евангельский идеал святости и жертвенности, сохраняя преемственность с религиозным искусством.

Эти четыре аспекта русского искусства в работе Н.Я. Данилевского представлены в качестве сущностных признаков нашего культурно-исторического типа. Его концепция подтверждается в наше время фактом возрождения русского искусства с указанными сущностными признаками, которые сохраняются в качестве культурной константы.

Литература

1. *Астафьев В.* Во что верил Гоголь // Литература в школе. 1989. № 5. С. 3–9.
2. *Берковский Н.Я.* Мир, создаваемый литературой. М.: Сов. писатель, 1989. 498 с.
3. *Варава В.В.* Вечная философия. Воронеж: ВГЛА, 2007. 64 с.
4. *Вульф В.* Русская точка зрения // Писатели Англии о литературе XIX–XX вв. М.: Прогресс, 1981. С. 282–288.
5. *Гаричева Е.А.* Ф.М. Достоевский о преобразении личности в романе «Бесы» // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 3. С. 142–152.
6. *Герцен А.И.* Былое и думы. Ч. 1–5. М.: Худ. лит., 1969. 926 с.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 816 с.
8. *Джеймс Г.* Иван Тургенев // Писатели Англии о литературе XIX–XX вв. М.: Прогресс, 1981. С. 191–197.
9. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
10. *Лившиц М.А.* Очерки русской культуры. М.: Наследие, 1995. 241 с.
11. *Непомнящий В.С.* Лирика Пушкина как духовная биография. М.: Изд-во МГУ, 2001. 240 с.
12. *Розанов В.В.* Возле «русской идеи» // Русская идея: сборник произведений русских мыслителей. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 279–291.

Аннотация. В статье рассмотрена эстетическая концепция Н.Я. Данилевского. Специфика русского художественного мышления, раскрывающая особый тип миропереживания, согласно его анализу, состоит в следующем. 1) Основное содержание русского искусства составляют процессы преобразования личности, нравственные процессы в человеке. Это закономерно, поскольку таково же и сущностное содержание русской истории, а искусство воплощает исторический опыт народа в лично-выраженной форме. 2) Особый «русский стиль» в искусстве заключается в максимальной реалистичности и благородной простоте формы, соединенной с самыми тонкими душевными движениями в человеке. Это соединение особенно трудно для искусства, и поэтому является особым русским достижением, роднящим его с искусством Античности. 3) Русское искусство соборно, то есть всегда отражает не индивидуальный, а личностный опыт, основанный на принципе всеотзывчивости и ответственности за других. 4) Русское искусство в своих высших образцах «иконично», то есть ориентировано на евангельский идеал святости и жертвенности, сохраняя преемственность с религиозным искусством. Эти четыре аспекта русского искусства в работе Н.Я. Данилевского представлены в качестве сущностных признаков нашего культурно-исторического типа.

Ключевые слова: Н.Я. Данилевский, искусство, Россия, художественность, преобразование, литература.

Vitaliy Yu. Darenskiy, PhD in Philosophy, Professor, Philosophy Department, Lugansk State Pedagogical University. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

N.Ya. Danilevsky as Art Critic

Abstract. The article considers the aesthetic concept of N.Ya. Danilevsky. The specifics of Russian artistic thinking, revealing a special type of world experience, according to the analysis of N.Ya. Danilevsky, are as follows. 1) Russian art mainly reflects the processes of personal transformation and moral processes in a person. It's natural, since this is also the essential content of Russian history, and art is the embodiment of the historical experience of the people in a personally expressed form. 2) The special "Russian style" in art is the highest possible realism and noble simplicity of form, combined with the most subtle spiritual movements in a person; this combination is especially difficult for art, and therefore constitutes special Russian achievement, akin to the art of Antiquity. 3) Russian art is conciliar, i.e. it is always the expression of personal experience rather than individual (in contrast to individual experience, personal experience is based on the principle of responsiveness and responsibility for others). 4) Russian art in its highest manifestations is "iconic", i.e., it is focused on the Evangelical ideal of Holiness and sacrifice, while maintaining continuity with religious art. These four aspects of Russian art in the work of N.Ya. Danilevsky are shown as essential features of our cultural and historical type.

Keywords: N.Ya. Danilevsky, Art, Russia, Artistry, Transfiguration, Literature.

По мотивам Данилевского

{ Раздел пятый }

*С.В. Перевезенцев
Рождение новых русских смыслов (X – начало XIII века)*

*В.Н. Рудаков
Великий князь Ярослав Всеволодович и нашествие Батыя*

*А.Б. Страхов
«...О начале славяно-российского народа»: происхождение русской
цивилизации в представлениях отечественных мыслителей XVI–XVII веков*

*О.Л. Фетисенко
Константинопольский «Маскаралык» 1876–1877 годов
в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова*

*В.В. Миронов, А.П. Козырев, Ю.В. Пущаев
Европа ли Россия?
Беседа о Николае Данилевском и главном труде его жизни*

Рождение новых русских смыслов* (X – начало XIII века)

Н.Я. Данилевский, размышляя о предназначении России, считал, что она стоит во главе молодой славянской цивилизации, которой принадлежит будущее. При этом сама славянская цивилизация, по убеждению Н.Я. Данилевского, может быть только православной, ибо православие пронизывает все содержание русской жизни, ибо только в православии находит выражение подлинный интерес русских людей, которые вместе с иными православными славянскими народами и греками – главные хранители религиозной истины.

И в этом отношении тем более интересно рассмотреть первые шаги православия на Русской земле, попытаться понять, каким образом локальный языческий восточнославянский мир вошел во вселенную христианства, да настолько глубоко, что со временем стал оплотом христианской истины, навеки обрел новые и вечные смыслы исторического и посмертного бытия.

* * *

В свое время, анализируя смысловое содержание славянской языческой мифологии, уже приходилось писать о том, что языческие религиозные представления наших далеких предков были призваны гармонизировать не только отношения людей с природой (в чем, собственно, и состоит задача любых древних политеистических культов), но и отношения между различными народами. Славянская мифология, отражавшая глубинные духовные, нравственные и социальные качества самих славян, с глубокой древности живших соседскими, а не кровнородственными общинами, должна была обеспечить мирное сосуществование различных этносов в рамках одного социума, в пределах одной социальной организации. Освящение мира, освящение лада жизни – вот, как представляется, цель, вот смысл славянского язычества [1, с. 114–127]. Но принятие в конце X века христианства в его православной ипостаси и вхождение восточных славян в новый для себя мир христианских народов дополнило их жизнь новыми смыслами.

Христианство становилось неотъемлемой частью сознания древнерусского общества постепенно, а с утверждением христианского миропонимания рождалось и новое отношение к миру, к человеку, к истории. Так, с принятием православия в Древней Руси уже в XI–XII веках возникло понимание единства древнерусского народа с иными христианскими

* Главы из новой книги «Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии» [45].

Перевезенцев Сергей Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: serp1380@yandex.ru

народами, ведь православие позволило включить само бытие Древней Руси во всемирно-историческую традицию. Осмысление нового места Руси во всемирно-историческом процессе ярко представлено уже в «Повести временных лет». Неизвестный нам один из первых летописцев, с одной стороны, пытается выяснить и объяснить проблему происхождения Руси, а с другой – вписывает возникновение Руси в уже существующую библейскую историю, считая, что земли руси и славян находятся в пределах земель, доставшихся сыну Ноя Иафету: «Въ Афетови же части седить русь... Афетово же колено и то: варязи, свеи, урмане, готе, русь... Афетови же сынове западь приаша и полунощныя страны. От сихъ же 70 и дву языку бысть языкъ словенескъ, от племени же Афетова, нарецаемеи норци, иже суть словене» [2, с. 62–64].

Таким образом, Русь оказывалась, как и все иные христианские народы, под Божиим покровительством. В целом же размышления на эту тему были у отечественных любомудров не только отвлеченно-философскими. Они приобретали и непосредственное политическое звучание, ибо показывали русским князьям и всему народу, что Сам Господь покровительствует Руси, раз Он даровал ей такое могущество. При этом богословская, иногда очень сложная и изощренная аргументация использовалась древнерусскими книжниками именно для того, чтобы подчеркнуть значение Божиего Промысла в возвышении Киевского государства.

Древнерусские книжники увидели в православии силу, способную объединить разные народы, живущие на территории Киевской Руси, в единый «новый» христианский народ. Поэтому в XI–XII веках в их рассуждениях возникает и постоянно проходит идея «новых людей», каковыми начинают называть славян и русов, принявших христианство.

«Повесть временных лет» приводит молитву Владимира, вознесенную им после Крещения киевлян: «Боже великий, створивый небо и землю! Призри на *новыя люди*¹ своя, вдаи же имъ, Господи, увести тебе, истеньнаго Бога, якоже увидиша страны крестьяньскыя, и утверди у нихъ веру правую и несъвратну, мне помози, Господи, на супротивнаго врага, да, надеюся на тя и на твою державу, побежаю козни его». Чуть ниже летописец приводит похвалу Русской земле, просвещенной Крещением: «Помилова бо ны “Паки банею бытия и *обновлениемъ духа*” [Тит. 3: 5] по изволению Божию, а не по нашим деломъ. Благословень Господь Иисусъ Христосъ, иже възлюби *новыя люди*, Рускую землю, и просвети ю крещениемъ святымъ» [2, с. 162]. Под 996 годом в летопись включена еще одна молитва Владимира, вознесенная им по поводу освящения Десятинной церкви, и опять князь говорит о «новых людях»: «Господи Боже! Призри с небеси и вижь. Посети винограда своего. И сверши, яже насади десница твоя” [Пс. 80: 15–16], *люди сия новыя*, имже обратилъ еси сердца в разумъ, познати тебе, истиньнаго Бога» [2, с. 168]. Под 1037 годом в «Повести временных лет» есть вставка с похвалой учению книжному, принадлежащая летописцу Десятинной церкви, которая заканчивается словами: «И радовашеся Ярославъ, видя многи церкви и люди крестьяныи зело, а врагъ сетоваше, побежаемъ *новыми людми* крестьяныи» [2, с. 194]. Автор XI века Иаков Мних (то есть монах) восклицает в своей «Памяти и похвале князю русскому Владимиру»: «Аки младенци еврейстии съ ветвми усретоша Христа, вопиюще: “Осанна Христу Богу, победителю смерти!”, тако и *новоизбраннии людие* Руския земля възсхвалиша Владыку Христа с Отцемъ и Святымъ Духомъ. И къ Богу приближившеся святымъ крещениемъ, и диавола отвръгшеся, и службы его поругашася, и поплеваша бесы, и познаша Бога истиннаго, творца и съдетеля всей твари» [3, с. 320].

Обновление Руси, начало нового исторического периода развития – вот что видели древнерусские книжники в факте принятия христианской религии. Поэтому сразу же перед «новыми людьми» христианство сформулировало и новый смысл бытия как всего Русско-

¹ Здесь и далее курсивом в цитатах выделено мной. – С.П.

го государства, так и всякого отдельного человека. Этот новый смысл был самым непосредственным образом связан с христианской идеей посмертного воскресения и спасения, вместе с которой в русское мирозерцание пришла и христианская эсхатология.

Как установили исследователи, христианские эсхатологические настроения довольно рано приобретают влияние на Руси. Нужно отметить, что в тот период, на рубеже X–XI веков, в западных и восточных христианских странах вообще возобладало убеждение о возможном скором наступлении «конца миру». Сами эти эсхатологические настроения связаны были с церковными летосчислениями – христианский мир пребывал в самой середине седьмого тысячелетия от Сотворения мира и на рубеже первого и второго тысячелетий после Рождества Христова. А именно семь тысяч лет («семь веков») отводили некоторые христианские мистики-богословы длительности человеческой истории, ибо, по их мнению, семь дней Творения соответствовали «семи векам» земной истории человеческого сообщества. Поэтому «вопрос о близкой кончине мира был в полном разгаре», а на Землю ждали прихода антихриста [4, с. 3–15].

Книжники Древней Руси относительно полно представляли себе картину «последних времен», описание которых содержится в библейских текстах [5, с. 355–368]. Подробно излагались признаки «конца миру» и в целом ряде переводных сочинений (в том числе апокрифических), хорошо известных в Древней Руси. В частности, известностью пользовалось знаменитое «Откровение Мефодия Патарского» – произведение неизвестного византийского автора, приписываемое Мефодию, епископу г. Патары в Малой Азии (III–IV века), но написанное позже, возможно в IV–VI веках «Откровение Мефодия Патарского» по крайней мере дважды процитировано киевским летописцем, причем оба раза в статье под 1096 годом [2, с. 264; 6, с. 92–103].

Впрочем, не стоит преувеличивать влияние эсхатологических настроений в Киевской Руси. Скорее всего, они были уделом небольшого круга древнерусских книжников и не имели широкого распространения в только что окрещенной стране. Более того, сами расчеты времени наступления «последнего часа» в принципе сомнительны. С христианской точки зрения, «конца миру» нужно ожидать во всякий час, ибо только Господь может решить, когда прекратится земное бытие людей, а самим людям такое знание недоступно.

Христианская идея посмертного воскресения и спасения становилась для Руси тем более актуальной, ибо русские люди обрели новую истинную веру и стали «новым народом» Господа Своего до Второго пришествия и Страшного суда. Значит, перед Русью открывался путь к спасению. И русские мудрецы начали активно размышлять над тем, как же Русь может спастись.

Многие из русских мыслителей XI века связывали с Крещением радость открытия Истины. Вообще восприятие христианства именно как Благодати, Радостной Вести, дарованной Иисусом Христом, характерно для кирилло-мефодиевской традиции. Подобное понимание христианской веры читается в тех местах «Повести временных лет», которые принадлежат летописцу Десятиной церкви, ведь именно Десятинная церковь была хранительницей традиций раннего русского христианства [7, с. 18–22].

Но особенно ярко такое понимание у митрополита Киевского Илариона (ум. после 1051), для которого радость обретения новой веры является непосредственным свидетельством обретения нового смысла бытия Руси на земле. Именно в трудах митрополита Илариона мы находим первое обоснование нового смысла земного бытия Руси, а значит – того смысла, который вкладывает в бытие Руси Сам Господь, ибо все на свете творится по Промыслу Божию.

Иларион – первый митрополит Киевский из русских с 1051 года. Личность Илариона, митрополита Киевского, несомненно, принадлежит к числу наиболее значительных в отечественной истории. Ведь он внес весомый вклад в становление русской культуры, ибо

его «Слово о Законе и Благодати» – первое отечественное литературно-философское и духовно-политическое произведение.

В основе «Слова» лежит рассуждение митрополита Илариона о соотношении Ветхого и Нового Заветов – Закона и Благодати. Смысл подобного рассуждения многообразен. С одной стороны, это продолжение богословского спора между Западной, Римской Церковью и Церковью Восточной, Православной. Дело в том, что западное христианство почитало Ветхий Завет как собрание разного рода правовых норм, как оправдание свойственных западному миру прагматических устремлений и т.д. На Востоке Ветхому Завету придавалось гораздо меньшее значение.

Иларион стоит ближе к Восточной Церкви. Он говорит: «Прежде законъ, ти по томъ благодеть, прежде стень, ти по томъ истина» [8, с. 28]. Вообще, слово «стень» можно переводить или как «сень», или как «тень». В посланиях апостола Павла Закон, завет Закона – «тень будущего» (Кол. 2: 17), «образ и тень небесного» (Евр. 8: 5), «тень будущих благ» (Евр. 10: 1). В Острожской Библии эти места переведены следующим образом: «стень грядущих», «иже образомъ и стени служат небесных», «сень бо имыи законъ грядущихъ благъ». Следовательно, в содержательном отношении «стень» – прообраз, отражение, пророчество будущих благ, благодати. Таким образом, Иларион подчеркивает, что следование нормам только лишь Ветхого Завета не приводит людей к спасению души, как не спасло знание Закона («тени») древних иудеев. Более того, предпочтение Ветхого Завета может привести к склонности в иудаизм.

Лишь Новый Завет («истина»), принесенный человечеству Иисусом Христом, является Благодатью, ибо Иисус Своей смертью искупил все людские грехи, а посмертным воскресением Он открыл всем народам путь к спасению: «Законъ бо предътечя бе и слуга благодети и истине, истина же и благодеть слуга будущему веку, жизни нетленни. Яко законъ привождаше възаконеныа къ благодетьному крещению, крещение же сыны своа препущаетъ на вечную жизнь. Моисее бо и пророци о Христове пришествии поведааху, Христос же и апостоли его о възскресении и о будущиимъ веце» [8, с. 26].

В доказательство своей мысли Иларион пишет пространное рассуждение на тему библейской притчи о Сарре и Агари (см.: Быт. 16–21). Это рассуждение – первый образчик символическо-аллегорического толкования библейских сюжетов в русской литературе. Таким образом, уже в первом русском духовно-политическом сочинении читателям предлагается новый метод познания и осмысления реальности, когда прошлое, настоящее и будущее познаются и осмысливаются с помощью библейской символики, посредством библейских аналогий и трактовок библейских образов. Впоследствии символическое толкование Библии станет основным методом в творчестве русских книжников XI–XVII веков.

Суть притчи такова. Сарра – жена праотца Авраама – долгое время была бесплодной. И Авраам по совету жены породил сына Измаила от рабыни Агари. Но Господь смилостивился над Саррой, и в глубокой старости она тоже смогла родить сына – Исаака.

Смысл этой притчи, по Илариону, очень глубок. Агарь – это образ Ветхого Завета, Закона, который появляется на свет раньше, но, рожденный рабыней, продолжает и сам оставаться рабом. Сарра – это символ Нового Завета, Благодати, которая рождает свободного Исаака. Так и Ветхий Завет не может быть истиной, хотя он и явился раньше Нового Завета. Следовательно, не «первородство» имеет решающее значение, а то, что в заветах Иисуса Христа Господь послал истину людям: «Законъ бо прежде бе и възнесеса въ мале, и отииде, – говорит Иларион. – Вера же христианская, послезде явльшися, больши первыа бысть и расплодися на множество языкъ. И Христова благодеть всю землю обятъ и ако вода морьскаа покры ю» [8, с. 32].

В рассуждении Илариона о Сарре и Агари прослеживаются две важнейших идеи. Во-первых, Христова Благодать настолько значительна, что спасает всех людей, приняв-

ших Святое Крещение, независимо от того, когда произошло само крещение. Во-вторых, одного факта крещения достаточно для того, чтобы люди, его принявшие, были достойны спасения: «Христианыхъ же спасение благо и щедро простираяся на все края земленыа... – пишет Иларион. – Хрѣстиани же истиную и благодатию не оправдаются, нъ спасаются» [8, с. 30].

Крещение Руси, совершенное великим князем Владимиром, показало, что Благодать распространилась и в русские пределы. Следовательно, Господь не презрел Русь, а спас ее, приведя к познанию истины: «И уже не идолослужителе зовемся, – пишет Иларион, – нъ християнии, не еще бежнадѣжници, нъ уповающе въ жизнь вечную» [8, с. 38]. И теперь, как радостно восклицает Иларион: «Вся страны благии Богъ нашъ помилова и насъ не презре, въсхоте и спасе ны, и въ разумъ истинныи приведе» [8, с. 40]. Приняв Русь под свое покровительство, Господь даровал ей и величие. И теперь это не «худая» и «неведомая» земля, но земля Русская, «яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци» света. Более того, христианская Русь может надеяться на великое и прекрасное будущее, ибо оно предопределено Божиим Промыслом [8, с. 44].

Рассуждения Илариона о преобладающем значении Нового Завета (Благодати) над Ветхим Заветом (Законом) имеют два важных следствия. Во-первых, Христова Благодать настолько значительна, что спасает всех людей, принявших Святое Крещение, независимо от того, когда произошло само Крещение. Во-вторых, одного факта Крещения достаточно для того, чтобы люди, его принявшие, были удостоены спасения. Таким образом, разделяя всемирную историю на два периода – период Закона (Ветхого Завета) и период Благодати (Нового Завета), Иларион утверждает, что лишь Новый Завет («Истина»), данный человечеству Иисусом Христом, является Благодатью, ибо Иисус своей смертью искупил все людские грехи, а посмертным воскрешением Он открыл всем народам путь к спасению. Следовательно, смысл существования России состоит в утверждении христианских истин и тем самым в обретении спасения.

Нетрудно заметить, что у Илариона христианство носит ярко выраженный оптимистический характер, оно пронизано верой в то, что спасение будет дано всем, принявшим Святое Крещение, что само христианство преобразило Русь, открыло ей врата в божественные чертоги¹. Более того, богословские рассуждения митрополита Илариона являются основанием для серьезных историко-политических обобщений и выводов. Доказательства в пользу Благодати дают митрополиту Илариону возможность показать место и роль Руси в мировой истории, продемонстрировать величие его Родины, ибо Русь была освящена Благодатью, а не Законом. В историософском же смысле митрополит Иларион продолжил и развил линию, начатую еще в летописной традиции, предприняв усилия по «вписыванию» истории Руси в библейскую историю. Многочисленные библейские аналогии, которые наполняют текст «Слова о Законе и Благодати», позволяют автору представить Русь как государство, вставшее в ряд других христианских государств и занимающее в этом ряду самое достойное место. Но совершенно сознательное и доказательное предпочтение Нового Завета Ветхому доказывало и самостоятельность Руси как в сравнении с Западом, так и в сравнении с Востоком.

В целом же в толковании христианского вероучения митрополит Иларион близок к раннему русскому христианству, имеющему истоки в кирилло-мефодиевской традиции. И в этом Иларион был не одинок. Похожие взгляды высказаны в сочинении Иакова Мниха «Память и похвала князю русскому Владимиру» (2-я пол. XI века), которое наполнено таким же, как и «Слово о Законе и Благодати», ощущением радости от принятия Русью

¹ Впервые об оптимистическом характере «Слова о Законе и Благодати» писал Н.К. Никольский [9, с. 12], позднее – В.В. Мильков, Н. Кормин, Т. Любимова, Н. Пилюгина и др. [см. 10, 11].

Святого Крещения: «Крести же ся самъ князь Володимеръ, и чада своя, и весь домъ свой святымъ крещениемъ просвети, и свободи всяку душу, мужескъ полъ и женескъ, святого ради крещения. И възрадояся, и възвеселися о Бозе Давыдъскы князь Володимеръ, и аки святыи пророкъ дивный Аввакумъ “о Господе веселяся и радуяся” [Пс. 31: 11] о Бозе Спасе моемъ... Крести же и всю землю Рускую от конца до конца... О, колика радость и веселие бысть на земли! Ангели възвеселишася и арахангели, и святыихъ души възыграшася. Самъ рече Господь: “Колика радость бываетъ на небесехъ о единемъ грешнице кающимся” [Лк. 15: 7, 10]. Толико бес числа душъ по всей земли Руской приведены къ Богу святымъ крещениемъ, похвалы всякыя дело постоянно створи и радости духовныя полно» [3, с. 318]. Теми же радостными настроениями проникнуто и «Слово на обновление Десятинной церкви» (2-я пол. XI или XII век), восторженно воспевающее русских князей, принесших своим подданным свет истинной веры, и святого Климента папу Римского как первого небесного покровителя Русской земли, ибо именно им, великим угодником Христовым, «рустии князии хвалятся, святители ликують, иереи веселятся, людии добродушьствуют» [12, с. 109–111].

После смерти митрополита Илариона духовно-политическая линия, которую он поддерживал, вроде бы исчезает с русского политического небосклона, но неожиданно возрождается в середине XII века, когда во главе Русской Церкви спустя почти сто лет вновь оказывается выходец из русских – монах Зарубского монастыря Климент Смолятич.

Климент Смолятич (ум. не ранее 1164) вошел в историю русской религиозно-философской и духовно-политической мысли как автор «Послания к Фоме». Главный вопрос, поставленный Климентом в «Послании», – можно ли допускать расширенное толкование Священного Писания? Отвечая на него, Климент отстаивает свое право тщательно исследовать «божественные письма» и хотя он не отрицает буквального понимания Библии, тем не менее библейские тексты имеют для него прежде всего символическое значение. Правда, при чтении «Послания к Фоме» нужно иметь в виду один важный факт: оно сохранилось в испорченном виде – перепутаны местами отдельные его части, сам текст позднее был истолкован неким монахом Афанасием. Поэтому заранее следует оговориться, что сегодня нам неизвестно, какие именно толкования библейских сюжетов принадлежат непосредственно Клименту Смолятичу¹.

С методологической точки зрения, «Послание к Фоме» – один из самых ярких примеров использования древнерусским книжником символически-аллегорического метода прочтения Священного Писания. «Что же ми Зарю и Фаресом! – восклицает Климент по поводу одного из библейских сюжетов, который от толкует в своем послании. – Но нуждуюся и уведети преводне» [14, с. 122], то есть иносказательно. И в этом смысле Климент Смолятич оказывается продолжателем того толкования христианского вероучения, которое утверждал митрополит Иларион. Более того, Климент отстаивает право русского книжника на использование не только богословия, но и философии – светской, даже языческой науки. Климент вообще показывает себя знатоком античной философии, вспоминая, что «излагал» в своих сочинениях Гомера, Аристотеля и Платона, «прославленных в греческих странах» философов. «А речеши ми: “Философьею пишеши”, а то велми криво пишеши, а да оставль аз почитаемаа Писания, аз писах от Омира, и от Аристотеля, и от Платона, иже во елиньскихъ нырехъ славне беша», – отвечает Климент на некие обвинения в свой адрес в самом начале «Послания» [14, с. 118]. А чуть ниже восклицает: «Что философью писах, не свемь! Христос рекль святымъ ученикомъ апостоломъ: “Вамъ есть дано ведати тайны царства, а прочимъ въ притчах”... Списающимъ евангелистомъ чудеса Христова, хощу разумевати преводне и духовне» [14, с. 132].

¹ Попытку выделить толкования Афанасия из текста Климента см. в кн М.В. Поньрко [13, с. 116–123].

Своеобразное продолжение «линии Илариона» можно заметить и в других рассуждениях Климента Смолятича. Так, в истории человеческого общества он выделяет три состояния, которые соответствуют этапам утверждения божественной истины в людских сердцах, – «Завет», «Закон» и «Благодать». «Завет» – это пророчество будущей Благодати, которое Господь даровал праотцу Аврааму, а в его лице и всем язычникам. «Закон» (Ветхий завет) – это пророчество истины, данное Моисею для иудеев. «Благодать» (Новый завет) – это и есть истина, дарующая вечное спасение уже всем людям.

Наступление каждого нового состояния отрицает предыдущее: «Закон бо упраздни Завета. Благодать бо упраздни обое, заветное и законное, солнцу вьсиавшу, – пишет Климент Смолятич и продолжает аллегорическим сравнением: – Нужа есть всему миру пребывати под мраком, но осветитися подобает прсветлами лучами». Следовательно, только Благодать освещает мир «прсветлыми лучами» и человечество «уже не теснится в Законе», но «въ Благодати пространно ходит. Законнаа бо вся стена подаша и образ бяху будущих, а не сама та истинна» [14, с. 128].

А свои размышления об истинности Благодати Климент, опять же в духе митрополита Илариона, иллюстрирует своеобразным толкованием библейской притчи о Заре и Фаресе, сыновьях-двойняшках библейского патриарха Иуды и его невестки Фамари. Зара должен был родиться первым, но во время родов лишь выставил руку, на которую тотчас же была навязана красная нитка. Первым же на свет появился Фарес (Быт. 38: 28–30).

В толковании Климента Смолятича, рука Зары – это образ Завета («преже бо Закона беаху неции богочестиемъ облежаще, не по Закону, но по вере живуще»); Фарес – образ Закона («среда бо есть Фарес преже бывших благочестию и хотящих быти Благодати»). Сам же Зара – это образ Благодати, явивший вначале свою руку как пророчество будущей истины [14, с. 122, 124, 128]. В целом же это толкование позволяло Клименту доказывать правоту собственных рассуждений, опираясь на Священное Писание¹.

Климент Смолятич совсем неслучайно столь много времени уделяет внимательнейшему прочтению Библии. Ведь для него именно в познании Божия Промысла и в посмертном спасении заключается высший смысл человеческой жизни. Даже соглашаясь, что Господь в принципе непознаваем, Климент стремится к осмыслению сути сотворенного Господом мира, ибо познание «божественной твари» может способствовать и познанию Божиих тайн.

Возможность постижения Божия Промысла дает право Клименту защищать еще один важный для него тезис – право человека на свободную волю. Вообще, человек, по мнению русского мыслителя, – это не просто Божие творение, а любимое и опекаемое Господом создание: «Нас же дея что не имать сътворити преславно, яко по образу Божию и по подобию быхом!» – восклицает Климент [14, с. 138]. Поэтому человек имеет возможность свободно распоряжаться всеми данными ему Богом вещами, ибо эта свобода предопределена Самим Богом. Однако свобода имеет и свои пределы, установленные опять же свыше. «Да аще мы убо, тварь суще Божиа, от него сотвореную тварию действуемъ, якоже хожем, то что ны есть, возлюбленнии, паче наипаче помышляти о Бозе, Егоже совета и премудрости нашъ умъ ни худе достигнути не может, не токмо нашъ умъ, но и ти святии ангели и архангели и вся чиноначалиа», – пишет Климент Смолятич [14, с. 134]. Следовательно, человек не должен противиться божественному «смотрению», но должен только славить Господа и благодарить. Более того, все свои аллегорические рассуждения Климент подчиняет одной цели – научить людей искать спасения, не уклоняясь от Промысла

¹ Необходимо отметить, что источник символических толкований этого и некоторых других библейских сюжетов в «Послании к Фоме» находится в сочинениях византийских богословов, особенно Феодорита Критского и Никиты Гераклийского. Впрочем, неизвестно, использовал ли труды Феодорита сам Климент или это сделали позднейшие переписчики и «истолкователи» его текстов [15].

ла Божия «ни на шую, ни на десно». Даже в жизни животных, пусть и мифических, видит Климент поучительные для людей сюжеты: «Се бо есть и намъ на поучение, иже просити что от Бога добрых делъ и полезных и спасение когда уллучити и снабдети, имже Богъ о бесловесныхъ промышляеть и устанавливаеть» – такими нравоучительными словами заканчивает Климент рассуждение о некоей птице Алкионе [14, с. 138].

Спасения, по убеждению Климента, достойны все уверовавшие в Бога и искренне служащие ему. В ответ и Господь никого не оставит и каждому дарует спасение и жизнь вечную: «Ничто же бо преобидно от Господа, все видить безсонное Его око, то все смотритъ, у всего стоить, даа комуждо спасение... Устрааеть и промышляеть премудрено спасение наше и повелевает комуждо, якоже хоцеть» [14, с. 136]. В этом понимании сущности спасения опять же можно видеть продолжение «линии Илариона», а вернее, традиций раннего русского христианства.

С идеей свободы Климент напрямую связывает и идею нестяжательства. Возражая на обвинения в тщеславии, он пишет: «Да скажу ти сущих славы хотящих, иже прилагают домъ к дому, и села к селомъ, изгой же и сябры, и бърти, и пожни, ляда же, и старины, от нихже окаанный Климъ зело свободен. Нъ за дома, и села, и борти, и пожни, сябрь же и изгой – землю 4 лаки, идеже гроб копати, емуже гробу самовидци мнози» [14, с. 118]. Основываясь на собственном опыте, он подчеркивает, что истинная свобода возможна лишь тогда, когда человек полностью отказывается от имущества, бремя которого мешает направить все силы на духовное самосовершенствование. Климент Смолятич – первый русский духовно-политический мыслитель, который сформулировал идею нестяжательства, ставшую столь значимой в русской монашеской традиции.

Конечно, на первый взгляд «Послание к Фоме» носит вроде бы чисто богословский, отвлеченный характер. Казалось бы, что могут привнести в духовно-политическое знание рассуждения о ехионе и алкионе, о саламандре прованском? Но за этими аллегориями, за размышлениями над текстами Библии следует видеть другое. Отстаивая свое право на символическое толкование Священного Писания, Климент тем самым отстаивает право Русской Церкви на самостоятельность, а значит и право Руси на независимость. И в этом смысле Климент Смолятич, несомненно, выступает духовным наследником митрополита Илариона и других русских мудрецов, близких традициям раннего русского христианства.

Впрочем, уже с XI века в отечественной религиозно-философской и духовно-политической мысли возникает и иная традиция трактовки христианского вероучения. Эта традиция была связана с Киево-Печерским монастырем, одной из первых монашеских обителей в русской истории, а наиболее полное свое выражение она нашла в жизни, деятельности и творчестве преподобного Феодосия Печерского, одного из первых насельников Киево-Печерской обители, а затем с 1062 года и игумена монастыря.

Преподобный Феодосий Печерский (ум. 1074) – один из крупнейших православных подвижников и церковных идеологов, «отец русского монашества». Свидетельством о его жизни является Житие, написанное в конце XI – начале XII века монахом Киево-Печерского монастыря Нестором [16]. Кроме того, сведения о Феодосии имеются в «Повести временных лет» и в «Киево-Печерском патерике». Из творческого наследия Феодосия Печерского сохранилось одиннадцать сочинений – два послания к князю Изяславу Ярославичу, восемь поучений монастырской братии и одна молитва.

В годы управления Феодосия монастырь стал едва ли не самым значительным церковным центром Древней Руси. Число иноков возросло до ста человек, были устроены наземные кельи, началось строительство главного храма монастыря – церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы. По указанию игумена из Константинополя был привезен Студийский устав, учреждавший общежительную форму организации монастыря. Этот устав разошелся по всем другим монастырям. «Темже почтенъ есть манастырь Печерь-

ский старей всихъ и честию боле всихъ», – написано в «Повести временных лет» [2, с. 202]. Многие насельники Киево-Печерской обители позднее стали епископами в других русских городах.

Феодосий Печерский считается создателем так называемой «печерской идеологии». В отличие от оптимистического раннего русского христианства, печерские старцы и прежде всего сам преподобный Феодосий внесли в русскую духовную жизнь традиционную для восточного монашества идею аскезы, то есть отречения от всего земного, мирского и плотского в пользу духовного преображения. По мнению печерских иноков, Святое Крещение очищает человека от скверны, но не спасает, ибо в мирской жизни каждого человека поджидает сатана, соблазняет его и искушает. Главный же источник дьявольского искушения – человеческое тело, изначально греховное. Поэтому путь к спасению лежит, во-первых, через подавление человеком в себе присущего ему плотского начала, а во-вторых, в результате неустанной и искренней молитвы. В одной из своих проповедей Феодосий Печерский говорил: «Подвизайтесь, трудници, да примите венець тръпения вашего, Христос бо ждетъ входа нашего. И възждеземъ светилники наша любви. И послушаниемъ, кротостью и смирениемъ и срящемъ Христа непостыдномъ лицемъ» [17, с. 438].

И неслучайно, став игуменом, Феодосий сразу же ввел в практику монастыря воздержание и строгие посты, а затем и новый Студийский устав, отличавшийся крайней строгостью. Причем в Печерской обители этот устав применяли еще жестче. Даже некоторые иноки не выдерживали всех испытаний, а других еще до пострижения сам Феодосий изгонял из монастыря: «Многажды друзии отгоними мною искушения ради, а не останутся, дондеже получать святой тый даръ» [17, с. 434]. Истинных же монахов-подвижников, Феодосий прославлял, ставя их в пример даже самому себе: «И своя бо лености забыхъ въ вашемъ тщании, и еже бо велико поспешение имеете о службе церковней, и в длъготрпение стоании въ всехъ бо годинахъ и службахъ обретающесе...» [17, с. 444].

Взгляды Феодосия Печерского и следовавших ему других печерских старцев, по сути, переворачивали всю систему представлений древнерусского человека – и не только в богословском, но и в морально-этическом плане. Ведь по их глубочайшему убеждению служение Богу заключается в терпении и страдании, в милостыне и любви. Но истинный путь к спасению – аскеза, путь, по которому идет подвижник, отринувший все мирское и всю жизнь свою посвятивший молитве. В конечном же счете спасения достоин тот, кто совершенно сознательно подвергает свое тело истязаниям, убивая в себе все плотское, а значит дьявольское. Поэтому идея и практика «усмирения страстей» была очень распространенной в Печерской обители, о чем свидетельствует «Киево-Печерский патерик», памятник, рассказывающий о жизни печерских иноков.

Для Феодосия Печерского вообще была близка идея страха Божия в ее восточном толковании как побуждающая и руководящая на земном пути всякого инока. «Имей страхъ Его предъ очима си: потщися порученное тебе дело непорочно свершити, да и венца от Христа достоинъ будеши», – наставляет Феодосий келаря монастыря [17, с. 444]. Но и самого себя не щадит печерский игумен, всякий день ожидая страшного наказания и гнева Господнего: «Азь, грешный и ленивый, погребый талантъ свой в земли, а не приделавъ имъ ничтоже, и чаю по вси дни на себе онхонехъ лютыхъ и немилостивыхъ истязатель, и прещения онога странаго, и гнева лютаго... Азь же, унылый, имея в себе корень злаго того проращения от моя лености, ни самъ входя въ Царство Небесное и вамъ препону творя своєю леностию и своими непотребными нравами...» [17, с. 442].

По сути дела, здесь мы встречаемся с почти дословным прочтением библейской мудрости. «Начало мудрости – страх Господень», – говорится в Псалтири (Пс. 111: 10) и в Притчах Соломона (Прит. 1: 7; 9: 7). Более того, в тех же Притчах утверждается: «страх Господень прибавляетъ дней, лета же нечестивыхъ сократятся» (Прит. 10: 27). Следовательно-

но, испытание Страхом Господним – это один из важнейших путей к спасению. Ведь, согласно православному вероучению, Господь насылает Свои кары и страх Божий для того, чтобы очистить человека от скверны и избавить от грехов. Результатом же такого очищения является обретение премудрости и познание Божиих тайн. Идея страха Божия как главного пути к спасению и стала ведущей в Печерской обители. Радостное, светлое восприятие Христовой Благодати, столь характерное, например, для митрополита Илариона, печерскому игумену не было близко.

Характерна и еще одна важная составляющая мировоззрения Феодосия Печерского – резкое неприятие иных вероисповеданий, особенно римско-католического. В одном из своих посланий к киевскому князю Изяславу Ярославичу он страстно бичует «латинскую ересь», возводя на «латинство» многочисленные богословские и даже бытовые обвинения. А в итоге заявляет: «А сущему въ иной вере – ли в латиньской, ли въ арменьской, ли въ срачиньской, – несть видети жизни вечныя, ни части съ святыми» [17, с. 450].

Учение Феодосия Печерского не сразу было принято и понято в полной мере. Как сообщает его Житие, многие князья и даже епископы пытались искутить его, одолеть в спорах, но «аки о камыкъ бо приразивъшеся отскакаху, огражень бо бе верою и надежею, еже къ Господу нашему Иисусу Христу, и въ себе жилище Святааго Духа сътвори» [16, с. 426] («отскакивали, словно ударившись о камень, ибо огражден он был верой и надеждой на Господа нашего Иисуса Христа и Святой Дух пребывал в нем»). Укоряли преподобного и некие иные «неразумные». Поначалу даже иноки Печерской обители ожидали послабления монастырских строгостей, но игумен Феодосий не отступал ни на шаг. «Аще бо умолчю вашего ради роптания, – говорил он в одном из поучений, – угождаа вамъ ваша ради слабости, то камение възъпиеть» [17, с. 434].

Во многом благодаря несгибаемой позиции Феодосия Печерского и «печерская идеология», и сам Киево-Печерский монастырь приобрели вскоре большое влияние. И недаром многие древнерусские монастыри или приглашали к себе игуменами печерских иноков, или были ими основаны. А сам Феодосий Печерский уже в 1108 году был причислен к лику святых.

Интересно, что в духовном смысле наиболее близкими к сочинениям Феодосия Печерского в древнерусской литературе оказались произведения митрополитов-греков Георгия (XI век) и Никифора (XII век). Из древнерусских книжников – сочинения Нестора и отдельные места из «Повести временных лет», авторство которых современные исследователи приписывают одному из учеников Феодосия [7, с. 25–27].

Сторонником подобного толкования христианского учения был другой выдающийся древнерусский книжник, крупнейший древнерусский мыслитель и писатель Кирилл Туровский (ум. до 1182). Всю свою жизнь он прожил в Турове, небольшом городе на реке Припяти, центре Турово-Пинского княжества. Выходец из богатой семьи, он получил прекрасное богословское образование, кроме того, специально обучался красноречию. Уже в зрелые годы Кирилл ушел в монастырь. Стремясь к подвигам во имя Христово и не удовлетворяясь обычными монашескими тяготами, он через некоторое время покидает обитель и затворяется «в столп» – уединенную башню, где ищет духовное преображение и предается литературным занятиям. Авторитет туровского затворника был столь велик, что в 1169 году по инициативе местного князя Юрия Ярославича Кирилла возвели в сан епископа.

Кирилл Туровский оставил большое литературное наследство, несравнимое с наследием иных отечественных мыслителей того времени. За свои таланты уже вскоре после смерти он был прозван «вторым Златоустом», «просиявшим на Руси». А его произведения пользовались такой популярностью и авторитетом, что включались в рукописные сборники наряду с творениями Отцов Церкви [18]. И это было вполне заслуженно, ведь сочинения Кирилла Туровского отличались не только глубиной содержания, но и высочайшим

литературным мастерством. Один из первых исследователей его творчества, И.П. Еремин, отмечал, что именно Кирилл Туровский довел до совершенства метод символически-аллегорического толкования Священного Писания, сочетая смелую образность изложения с изысканной стилистикой и настоящей художественностью слова [см. 19–21].

Причем Кирилл не ограничивал себя лишь цитированием ветхо- и новозаветных сюжетов. Нередко он домысливал их, дописывал, превращал в пространное повествование. Так, используя небольшой эпизод об исцелении Иисусом Христом человека, страдающего параличом (Ин. 5: 1–19), Кирилл Туровский пишет «Слово о расслабленном», в котором, домыслив евангельский эпизод, создает грандиозную картину взаимоотношений человека с Богом, по сути дела, обобщенный портрет человечества [22, с. 190–197].

Интересно, что в своих произведениях Кирилл порой использовал тексты неканонические, а то и нехристианские. Например, как установлено исследователями, в основе «Притчи о человеческой душе и о теле» лежит сюжет, взятый Кириллом из Вавилонского Талмуда («Беседа императора Антонина с раввином»). Где могла возникнуть славянская переработка этого сюжета, которой, судя по всему, и воспользовался Кирилл Туровский, в Болгарии X века или в Древней Руси, хорошо знакомой с иудеями и иудаизмом, сказать сегодня трудно [см. 19, с. 340–347].

Главная тема духовных размышлений Кирилла Туровского – проблема человека и его служения Господу. Ведь на самом деле лишь человек как «венец Творения» способен бороться за торжество Божией правды на земле. Кирилл создает в своих сочинениях настоящую похвальную песнь человеку, ради которого Господом создан весь мир. «Аз бых человек, да Богомь человека сътворю! – восклицает Кирилл Туровский устами Иисуса Христа в «Слове о расслабленном». – ...И кто ин Мене верней служай тебе? Тебе всю тварь, на работу створи; небо и земля тебе служита – оно влагою, а си плодомь. Тебе ради солнце светом и теплотою служить, и луна съ звездами ночь обеляеть!.. Тебе ради реки рыбы носить и пустыни звери питають!» И, главное: «Тебе ради, бесплътн сы, плътию обложихся, да всех душевныя и телесныя недугы ицелю! Тебе ради, невидим сы ангельским силам всем, человеком явихся, не хощу бо Моего образа в тлении презрети лежаща, нъ хощу и спасти и в разум истинный привести. И глаголеши: Человека не имам!» [22, с. 194].

Но именно потому, что человек есть Божие творение, он обязан подавлять в себе все земное, плотское и греховное ради чистоты духовной. В «Притче о человеческой душе и о теле» (второе название – «Слово о слепце и хромце») Кирилл в символически-аллегорической форме раскрывает перед читателями существо взаимоотношений тела и души. Суть притчи такова. Некий домовитый человек, устроив виноградник, посадил охранять свои владения слепца и хромца, понадеявшись на то, что эти убогие люди не смогут проникнуть за ограду. За исполнение работы он пообещал им плату, за воровство – наказание. И все же сторожа соблазнились легкой добычей, хромец сел на слепца, они вдвоем вошли в виноградник и обокрали все добро, за что и были наказаны.

Кирилл Туровский насыщает эту притчу многочисленными образами. Домовитый человек – это Бог Отец, Его Сын – это Иисус Христос, виноградник – это земля и мир, а то, что внутри виноградника – рай, ограда вокруг виноградника – Закон Божий и заповеди, слуги домовитого человека – ангелы, пища – Слово Божие, незапертые ворота – устроенный Господом порядок и возможность познания «Божия сущства». Наконец, образы хромца и слепца: «Хромецъ есть тело человекче, а слепецъ есть душа», а вместе они – образ человека. При этом, «тело без души хромо ест и не наричеться человек, но труп» [22, с. 144–146].

В толковании Кирилла смысл притчи в том, что Господь, создав мир и землю, обещал даровать ее в свое время человеку, но человек, преступив закон Божий, решил сам

взять обещанное. Интересно, что в интерпретации Кирилла Туровского инициатором преступления становится слепец (то есть душа) – именно слепец услышал сладкий запах из виноградника и уговорил хромца обокрасть виноградник, именно он несет на себе хромца. Кирилл специально комментирует этот сюжет: «Видь душевное бремя грехъ» [22, с. 148]. Однако виновен и хромец, даже, быть может, более виновен, нежели слепец. Ведь это хромец расписывает прелести виноградника и соблазняет ими слепца, перед чем слепец не может устоять. Иначе говоря, тело – это непосильное бремя для души, которая не может устоять перед телесными соблазнами и тем самым обрекает человека на преступление перед Господом: «Се помышления суть ищущихъ не о Бозе света сего санов и о телеси токмо пекущихся, не чающихъ ответа о делехъ въздати, но акы суетну пару свою свою душу в ветрь полагающемъ» [22, с. 148]. Таким образом, виновны оба – и хромец, и слепец. Первый – потому, что искушал, второй – потому что не устоял перед искушением. Причина же тому – забвение Божиих заповедей, излишняя забота о теле и безразличие к своей душе: «Бестрашие Божия заповеди и о телеси печение нерождение же о своей души» [22, с. 148].

Однако и это не главная причина. Основная причина совершения греха – забвение страха Божия, ибо все искренне верующие и жаждущие посмертного воскресения руководствуются именно страхом Божиим: «Никто же бо страх Божий имея, в плотских прельститься... – никто же смерти чая и по смерти паку възскресения» [22, с. 148–150]. В другом месте Туровский пишет: «Покайся о злобе, о зависти, о лъсти, о убийстве, о лжи, смирися, постися, бди, на земле лежи. Но понеже сего створи, но изыде от лица Божия – недалъствомъ земля, но неименъемъ страха Божия при свои души» [22, с. 152].

Нельзя не рассмотреть и еще одну проблему, которая выражена Кириллом Туровским в аллегорических образах «Притчи о человеческой душе и о теле» – проблему познания. Как можно заметить, у Кирилла, в полном соответствии с догматами, Господь дает человеку знания только в форме Откровения и запрещает ему преступать те пределы познания, которые Он установил. Однако человек то и дело впадает в «Адамово высокомыслие» и, побуждаемый греховными желаниями, постоянно нарушает Божественный запрет. Тем самым человек обкрадывает сам себя, как обокрали сами себя слепец и хромец. Поэтому Кирилл резко осуждает любые попытки своеволия в области познания и признаёт абсолютную непознаваемость «внутренней сущности» Бога [22, с. 150]. Вывод же, который делает Кирилл Туровский из своих рассуждений, однозначен: каждый человек должен крепить свою душу и изгонять телесные искушения. Только тогда перед ним откроются врата Царства Небесного и он будет достоин вечного спасения.

В этом смысле мировоззренческие устои Кирилла Туровского были более чем крепки. И в жизни, и в своих сочинениях он выступает как сторонник «печерской идеологии», мистико-аскетической трактовки христианского вероучения. «Что есть древо животное? – спрашивает Кирилл и отвечает: – Смиреномудрие, ему же корень исповеданье... Того корене стебло – благоверье... Того стебла многи и различны ветви – мнози бо, рече, образи покаяния: слезы, пост, молитва чиста, милостыни, смирение, вздыхания и прокая. Тех ветвий добродетелей плод: любы, послушанье, покорение, нищелюбие – мнози бо суть путь спасения» [22, с. 152].

Следовательно, не само крещение открывает путь человеку к спасению, но постоянная, каждодневная, ежесекундная забота о душе, чистая молитва, смиренность, покаяние, смирение и т.д. Иначе говоря, истинный путь спасения открыт только иноку, причем иноку, соблюдающему самые жесткие правила монашеского жития. Кирилл приверженец самых суровых форм монашества – затворничества и столпничества. Ибо только абсолютный отказ от мирских, плотских забот и полное смирение отождествлялись у него с идеей служения Господу, чему человек обязан посвятить свою земную жизнь. В «Слове

о бельцах и монашестве» Кирилл Туровский утверждает, что монах должен носить самую грубую одежду – власяницу, суконные одежды или облачения из козьих шкур, ибо «всяка бо добра риза и плотское украшение чужь есть игумена и всего мнишьскаго уставленья». Монастырский устав должен быть таков, чтобы «никтоже своеволие имать, но всем вся обща суть, суть бо вси под игуменом, аки уди телеснии под единою главою, съдержыми духовными жилами». И Кирилл Туровский далее усиливает аскетический аспект монашеской жизни, говоря, что истинный монах – это полный аскет и молчальник: «А иже в нем седяй мужь, в последний жива нищете, – се есть весь чернечьский чин. Седение же безмолвие являеть...». Поэтому монастырь в его понимании – это идеал, образец земного существования, единственное место, где человек может справиться с дьявольскими искушениями. Более всего Кирилл Туровский прославляет Киево-Печерский монастырь и его игумена Феодосия Печерского, говоря, что он больше всех возлюбил Бога, но и Бог его за это возлюбил больше всех: «И се яве есть от Феодоса игумена Печерьскаго, иже в Киеве, понеже нелицемерно мнишьствова възлюбив Бога и братью свою акы своя улы; темже и Бог възлюби и место его ради прослави паче всех, иже монастырь в Руси» [22, с. 180].

Так же как и Феодосий Печерский, Кирилл Туровский был непримирим ко всякого рода ересям и инакомыслию. В «Слове и похвале святым отцам Никейского собора» он яростно обличает арианство, которое, видимо, еще таилось в каких-то русских христианских общинах. Особое неприятие вызывало у Кирилла какое-либо покушение на единство Церкви. И недаром сам Кирилл Туровский считается духовным наследником Феодосия Печерского, самым ярким и талантливым представителем восточной традиции в отечественной духовно-политической мысли XII века. При этом если поучения преподобного Феодосия Печерского были направлены прежде всего к монашеской братии и киевским князьям, то Кирилл Туровский идет дальше – он формулирует «печерский идеал» как идеал общественный, как нравственный призыв, обращенный уже ко всему русскому обществу.

* * *

Наверное, первое русское сочинение, в котором нашли отражение духовно-политические представления светского, мирского человека, а не монаха или священнослужителя, – это «Поучение детям» князя Владимира Всеволодовича Мономаха. «Поучение» с примыкающим к нему письмом Владимира Мономаха двоюродному брату Олегу Святославичу читается только в Лаврентьевской летописи, где вставлено между рассуждениями о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях – Ипатьевской, Радзивилловской и др. – «Поучение» отсутствует, а текст, разорванный в Лаврентьевской летописи, читается без всякого разрыва. По поводу того, когда было написано «Поучение», существует большая литература, но вероятнее всего это произошло в 1117 году.

Стоит напомнить, что Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) – выдающийся государственный и военный деятель в отечественной истории. Но кроме того, что Владимир Мономах являлся крупнейшим военно-политическим деятелем Киевской Руси, он оказался и глубоким духовно-политическим мыслителем, о чем и свидетельствует его «Поучение» – наказ, завещание, которое киевский князь предназначал для своих детей. И текст «Поучения» показывает, насколько глубоко к началу XII века христианское мирозерцание проникло в души и сердца мирских людей.

О том, что «Поучение» написано светским человеком, говорят те фрагменты, в которых Владимир Мономах воспроизводит различные языческие обычаи, сохранившиеся в обыденной жизни русских людей XII века, и которые церковный человек непременно бы осудил. Но автор «Поучения» даже не замечает или не обращает внимания на языческую сущность этой бытовой повседневности, потому что для него это всего лишь издревле

существующие традиции, которые он, уважая своих предков, соблюдает. Так, сам Владимир Мономах продолжает называть себя двумя именами, христианским и языческим – «въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ». Языческий образ ожидания смерти – «на санех седа» – используется великим князем для объяснения причин создания «Поучения» [29, с. 456]. Именно по древней, но сохраняющейся еще на Руси языческой традиции умершего везли либо в ладье, либо в санях. Следовательно, великий князь написал свое «Поучение», находясь на склоне лет, готовясь отойти в мир иной.

Ярко представлена в «Поучении» традиция воспевания воинской доблести и храбрости князей, своими корнями уходящая в языческую древность. Владимир Мономах очень подробно описывает свои воинские победы [29, с. 464–470], и, стоит отметить, ему было чем гордиться, ведь за свою долгую жизнь он совершил более восьмидесяти «великих» воинских походов, «малые» же походы исчислялись, видимо, сотнями. С немалой гордостью князь рассказывает о своих охотничьих успехах: он голыми руками ловил диких коней, бился одновременно с двумя турами, в другой раз – с двумя лосями, а еще – с оленем, вепрем, медведем, неким «плютым зверем» [29, с. 470]. Здесь нужно иметь в виду, что в те времена поединки с дикими животными приравнивались князьями к ратным подвигам.

И тем не менее весь строй, вся основная символика и основные идеи «Поучения» Владимира Мономаха – глубоко христианские. Многочисленные и объемные цитаты из Псалтири и трудов Василия Великого, приведенные в тексте «Поучения», показывают не только хорошее знание Владимиром Мономахом христианской литературы, но и то, что именно христианские идеи были фундаментом всего мироощущения киевского князя. И главный наказ, который он обращает к своим детям, заключается в том, чтобы они всей душой приняли и исполняли правила христианского благочестия, хранили в своих сердцах истинную веру. Лишь в этом случае у них сохранится надежда на прощение грехов, на обретение вечной жизни в Царствии Небесном, которая окрыляет душу всякого христианина и составляет главную цель земного бытия: «...Избыти греховъ своихъ и Царствия не лишитися» [29, с. 460].

Красными нитями через текст всего «Поучения» проходят два глубинных христианских символа. Первый из них – символ сердца. В христианском понимании сердце – это вместилище и хранилище Божией благодати, средоточие и ядро всей человеческой личности. Поэтому именно к сердцам своих детей взывает Владимир Мономах, надеясь, что они примут его наказ «в сердце свое». И также к сердцам своих детей обращается он в надежде на то, что, истинно уверовав, они не будут лишены Божией благодати: «Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своихъ» [29, с. 462].

Второй символ – символ страха Божия, который неразрывно связан с символом сердца. Уже в начале «Поучения» Владимир Мономах пишет: «Первое, Бога деля и душа своя, страх имейте Божий в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру» [29, с. 456]. И недаром, завершая свои наказания детям, Владимир Мономах вновь возвращается к этому символу: «Се же вы конецъ всему: страхъ Божий имейте выше всего» [29, с. 462]. В этом отношении интересен тот факт, что идея страха Божия уже вышла из монашеской среды и проникла в умы и души светских людей, даже властителей. Необходимо также отметить, что позднее символы сердца как вместилища Божией благодати и страха Божия как начала мудрости станут одними из важнейших во всей древнерусской религиозно-философской и духовно-политической мысли. Более того, эти символы будут сохранять свое значение и в XVIII–XX веках, став основой целого направления в отечественной философии, получившего именование «метафизика сердца» [см. 30, с. 276; 31, с. 267–271, 316; 32, с. 63–72; 33; 34; 35, с. 272–273; 36, с. 374–401].

В «Поучении» Владимира Мономаха перед нами разворачивается настоящая, яркая и образная картина христианского благочестия. И это тоже не случайно. Ведь одна

из целей «Поучения» – представить идеальный образ христианского государя. Покаяние, милосердие, молитва, попечение о слабых, справедливость, упование на Бога объявляются Владимиром Мономахом теми «малыми делами», которые доступны всем и которые должны служить основными принципами управления государством: «Да то вы, дети мои, не тяжка заповедь Божья, оже теми дела 3-ми избыти греховъ своихъ и Царствия не лишитися». Среди этих принципов – и обязательный союз с Церковью, уважительное отношение к священнослужителям. Но при этом Владимир Мономах постоянно делает акцент на главной для него в этом случае идее – инициатива истинного христианского благочестия должна исходить от правителя [29, с. 460].

Интересно в этом отношении, что Владимир Мономах, будучи светским правителем, довольно-таки скептически относится ко все более нараставшему с конца XI века аскетизму. Наоборот, он утверждает, что исполнение Божиих заповедей не составляет больших трудностей, а включает в себя всего лишь «три малых добрых дела»: покаяние, слезы и милостыню. Он призывает своих детей: «А Бога деля не ленитесь, молю вы ся, не забывайте 3-х дель техъ: не бо суть тяжка; ни одиночество, ни чернечество, не голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малым деломъ можно улучити милость Божию» [29, с. 460].

Идея «спасения малыми делами» – это, возможно, отголосок все еще сохраняющего свое влияние раннего русского христианства, близкого к кирилло-мефодиевской традиции. Ведь и само христианское мироощущение великого князя – достаточно светлое и оптимистичное, даже несмотря на то, что ему близка идея страха Божия. Если это так, то «Поучение» Владимира Мономаха – это пересечение двух христианских традиций внутри православной веры. А по сути дела даже трех традиций, если учитывать некоторое влияние языческих представлений.

Впрочем, возможно, в данном случае и не было влияния традиции раннего русского христианства, но зато очень зримо представлено именно светское восприятие христианского образа жизни. В самом деле, мирянину непросто, а скорее, невозможно строить свою жизнь по монастырским правилам. Но всякий верующий христианин тоже стремится к спасению души – значит, должны существовать некие правила для жизни в миру, с определенными послаблениями, соблюдение которых позволяет ему надеяться на достижение этой цели. Именно поэтому Церковь предъявляет к мирянам гораздо меньшие требования, нежели к инокам и иным церковным людям. Здесь и приходит на помощь идея «спасения малыми делами». О влиятельности этой идеи в XII веке свидетельствует «Слово о князьях», в котором, так же как и в «Поучении» Владимира Мономаха, проповедуется спасение «малыми делами», доступное любому христианину, даже обремененному домом, женой и детьми [37].

Важнейшей задачей истинного христианского правителя, помимо насаждения христианского благочестия, является сохранение единства своего государства. Поэтому, когда Владимир Мономах излагает в «Поучении» историю своей жизни, столь ярко вырисовывается идея единства Руси. Именно этой идее Владимир Мономах неизменно следовал в своих практических деяниях – он смог возвысить авторитет власти киевского князя и подчинить других князей, объединить Русь под своим руководством, усмирить соседей-кочевников.

Об особой значимости для Владимира Мономаха идеи единства Руси свидетельствует еще одно дошедшее до нас его произведение – «Письмо к Олегу Святославичу», внуку Ярослава Мудрого и многолетнему политическому сопернику Мономаха. В этом письме Владимир Мономах призывает своего брата-врага отказаться от кровопролитной борьбы и мести, несмотря даже на то, что Олег Святославич убил в междоусобной борьбе за город Муром сына Мономаха – Изяслава.

Это письмо – свидетельство того, как сам Владимир Мономах, обуреваемый жадой мести, подавляет в себе это низменное начало и пытается замирился с братом,

превратить его из врага в друга. И снова важное место в размышлениях киевского князя занимает символ сердца: «О многострастный и печалны азъ! – восклицает Владимир Мономах. – Много борешься сердцемъ, и одолевши, душе, сердцю моему, зане, тленьне сущи, помышляю, како стати пред Страшным Судьею, каянья и смиренья не приемшим межю собой» [29, с. 470]. Источником его мирных намерений служат, во-первых, идея Христовой любви, а, во-вторых, забота о единстве Русской земли. Даже со смертью сына готов примириться Владимир Мономах во имя прекращения междоусобицы. Поэтому и обращается он к Олегу Святославичу с призывом к смирению и покаянию, утверждая: «...Не хочу я лиха, но добра хочю братьи и Русьской земли» [29, с. 474].

Произведения Владимира Мономаха – «Поучение» и «Письмо к Олегу Святославичу» – дошли до нас в единственном экземпляре в составе Лаврентьевской летописи. Но это не значит, что они не были известны современникам и потомкам. Идеи, проповедуемые Владимиром Мономахом, позднее были очень популярны в Древней Руси. А сам образ этого князя-воина и князя-мыслителя постоянно присутствовал в древнерусской литературе. Более того, в XVI веке, когда встал вопрос о принятии московскими великими князьями царского титула, именно Владимир Мономах как внук константинопольского императора стал важнейшим звеном в генеалогическом древе, обосновывающим царские претензии московских государей. И недаром царский венец, которым стали венчаться на царство, получил название «шапки Мономаха», хотя, как известно, не имел к историческому Мономаху абсолютно никакого отношения.

Однако идея единства Руси уже (или еще?) не имела большого числа последователей в древнерусском обществе XII–XIII веков. Все-таки политическая раздробленность Русской земли – следствие, с одной стороны, вполне реальных социальных и экономических процессов, а с другой – результат определенных духовно-политических настроений, господствовавших тогда в общественном сознании. Лишь немногие произведения, созданные в этот период, призывали современников к единству. Одно из них – «Слово о полку Игореве», возникшее на рубеже XII–XIII веков. Сюжет «Слова» связан с реальными историческими событиями – походом новгород-северского князя Игоря Святославича на половцев в 1185 году (об этом походе сообщает и летопись). Однако под пером неизвестного, но удивительно талантливого автора, простой рассказ о воинском походе, занимающий в летописи всего несколько строк, превращается в мифопоэтическое и историко-политическое полотно, яркость и образность которого продолжают поражать и сегодня.

Главный образ, насквозь пронизывающий «Слово» и в то же время объединяющий собой все повествование, – образ Русской Земли. По точному определению академика А.С. Орлова: «Героем “Слова” является “Русская Земля”, добытая и устроенная трудом великим всего Русского народа» [38, с. 48].

Интересы Земли как древнего славянского мифопоэтического символа и как реальной основы бытия русского народа вообще ставятся в «Слове» на первый план. Так, рассказывая о междоусобицах XI столетия, когда начались распри между потомками Ярослава Мудрого, инициатором которых в «Слове» называется внук Ярослава, черниговский князь Олег Святославович, вошедший в историю под именем Олега Гориславича, автор с горечью пишет о заброшенной земле: «Тогда по Руской земли ретко ратаеве кикахуть, нъ часто врани граяхуть, трупия себе деляче, а галици свою речь говоряхуть, хотять полетети на уедие». Сами битвы противопоставляются созидательному земледельческому труду: «Тъй бо Олегъ мечем крамолу коваше и стрелы по земли сеяше». Или: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука» [39, с. 258].

В основе образа Русской Земли лежит принцип единства. Автор «Слова» выступает от имени единой Русской Земли, причем само это единство понимается во всей возможной многозначности. Во-первых, автор «Слова» показывает себя страстным защитником

политического единства Древней Руси, раздираемой в конце XII века многочисленными княжескими усобицами. Поэтому в тексте самого произведения постоянно встречаются призывы к князьям забыть давние и новые споры и ссоры и объединить усилия в борьбе за процветание единого Русского государства и с многочисленными внешними врагами. Например, достаточно ясно осуждается галицкий князь Ярослав Осмомысл, который вместо того чтобы озаботиться идеей единства Руси, вроде бы собирается отправить свою дружину вместе с западноевропейским рыцарством в очередной крестовый поход [39, с. 262]. И подобного рода осуждений немало разбросано по тексту «Слова».

Во-вторых, перед нами произведение, насыщенное идеей исторического единства Русской Земли. Автор наполняет свое сочинение многочисленными историческими примерами, аналогиями и параллелями, которые должны показать его современникам, что Русская Земля имеет великую историю, на достижениях и ошибках которой необходимо учиться. В своих исторических реминисценциях автор опускается до IV века нашей эры («время Бусово» – Бус или Боз, князь племени антов, побежденный в 375 году готским королем Винитарием), а то, по мнению некоторых исследователей, и до II века нашей эры («века Трояни» – Траян, римский император в 98–117 годах) [см. 40–42].

Сам автор прекрасно разбирается в довольно-таки запутанных к концу XII столетия династических спорах, стремится найти корни современных ему политических нестроений и личных неприязненных отношений между князьями. Но как символы исторического единства и примеры для подражания звучат имена киевских князей конца X – начала XII века Владимира Святославича, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха и современного автору «Слова» имя киевского князя Святослава Всеволодовича Киевского. В результате же Русская Земля предстает перед читателем как великое государство, имеющее столь же великую историю, уходящую корнями в самую седую древность.

В-третьих, в «Слове» всячески подчеркивается единство пространства Русской Земли. Несмотря на княжеские усобицы, Русская Земля едина своим местоположением в земном пространстве – эту мысль постоянно проводит автор. Так, «Золотое слово», произносимое князем Святославом Киевским, обходит всю Русскую Землю по окружности и велит послушать и Волге, и Дону, и Дунаю, и Двине, и Суле, и Полоцку, и Новгороду, Тмуторокани. А топот коня князя Игоря слышен Волге, побережью Азовского и Черного морей («Поморию»), Посулию, Сурожу с Корсунью (города в Крыму) и снова «Тмутороканьскому бльвану» (нынешний полуостров Тамань). Галицко-волынские земли на Юго-Западе, половецкие на Западе, новгородские на северо-западе, владимирские на северо-востоке – все эти земли тоже составляют пространственное единство Русской Земли, и их не забывает автор «Слова о полку Игореве» [39, с. 260–264].

В-четвертых, Русская Земля представляет собой и природное единство. Само «Слово» насыщено многообразными природными символами, метафорами, сравнениями. Так, солнечное затмение, случившееся в начале Игорева похода, – знак предупреждения об опасности, а черные тучи – символы враждебных сил, надвигающихся на Русь. Предвестниками несчастья оказываются и «ветры, Стрибожи внуци», которые «веют съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы». А при этом «земля тутнетъ, реки мутно текуть, пороси поля прикрывають...» [39, с. 256]. Иначе говоря, сама природа стремится предотвратить надвигающуюся беду – поражение русского войска и пленение Игоря. Таким образом, автор «Слова» подчеркивает, что и природа едина с русскими людьми и стремится участвовать в создании реальной истории Руси, предупреждая всю Русскую Землю об опасности.

В-пятых, в «Слове» мы находим удивительный пример религиозно-мифологического единства Русской Земли. Дело в том, что «Слово о полку Игореве», написанное в конце XII века, через двести лет после принятия Крещения, проникнуто языческой символикой и языческим мироощущением. Но, как говорилось, и христианская символика тоже присут-

ствует [39, с. 266]. Таким образом, «Слово» свидетельствует о мирном сосуществовании язычества и христианской веры в сердцах русских людей конца XII века.

И тем не менее языческие сюжеты заслуживают особого внимания. Как уже говорилось, сама природа предстает в «Слове» живым, одушевленным, единым существом, участвующим в реальной исторической жизни русских людей. Князья сравниваются с животными («буй-турь Всеволод» или «ярь-туре Всеволод», «Всеслав князь... волком рыскаше») или же с другими природными объектами, например, с небесными светилами: «Два солнца померкоста... и с нима два молодая месяца, Олег и Святослав», – говорится о князьях Игоре и Всеволоде и их сыновьях. «Слово» вообще наполнено образами животных, с помощью которых автор поэтизирует все повествование. Так, отправившийся в побег из половецкого плена князь Игорь «поскочи горностаемъ къ тростию», «белымъ гоголемъ на воду», соскочил с коня «бусымъ влькомъ» и «полете соколомъ подъ мглами». А во время побега князь разговаривает с рекой Донец, которая одобряет дерзость князя: «Княже Игорью! Не мало ти величия, а Кончаку нелюбия, а Рускои земли веселиа!» [39, с. 266]. С природными объектами разговаривает и Ярославна, именно к ним трижды обращаясь в своем плаче со стен Путивля: «О ветре ветрило!.. О Днепре Словутицю!.. Светлое и тресветлое слънце!» [39, с. 264].

Но природные образы – это не просто средства поэтизации и украшения текста. Их постоянное и умелое использование в тексте произведения свидетельствует, что автор «Слова» живет в структуре языческой образности – он мыслит этими образами, с их помощью ощущает окружающую его реальность. И не случайно в тексте «Слова о полку Игореве» постоянно возникают образы древних языческих богов: ветры – это внуки Стрибога, певец Боян – внук Велеса, а сами русские люди – внуки Дажьбога; «волком рыскающий» полоцкий князь Всеслав, пересекает путь «великому Хорсу». И, наконец, бог Троян, который четырежды упоминается в тексте: «тропа Трояна», «века Трояна», «земля Трояна» и «на седьмом веке Трояна».

Вообще, картина языческого пантеона, воссозданная в «Слове о полку Игореве», – уникальное явление в древнерусской письменности. Автор «Слова» не знает Перуна, хотя тот считался именно воинским, княжеским богом. Не знает он и Сварога – одного из главных славянских языческих богов, как не знает и древнеславянскую богиню Мокошь. В целом же из языческого «пантеона Владимира», воздвигнутого киевским князем накануне Крещения, в «Слове» упомянуты лишь три бога – Хорс, Стрибог и Дажьбог.

Зато главным богом выступает Троян – именно этот бог соотносится с понятиями времени («века Трояна») и пространства («земля Трояна»). При этом «века Трояна» имеют и конкретное значение – именно от Трояна автор «Слова» отсчитывает историческое время (полоцкий князь Всеслав, живший в XI столетии, живет «на седьмом веку Трояна») [39, с. 264]. Конкретизируется и понятие «земля Трояна» – именно как «Русская Земля» [39, с. 258]. Интересно, что в древнерусских письменных памятниках, кроме «Слова», имя Трояна упоминается лишь в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», наряду с Хорсом, Перуном и Велесом [43, с. 168].

Родоначальником же русского народа выступает Дажьбог, внуками которого названы русские люди. Это тоже уникальное свидетельство, не имеющее параллели в других источниках.

Уникальность языческого пантеона «Слова» непосредственно связана с оригинальной историко-мифологической картиной. Так, при многих исторических параллелях автор «Слова» явно не знает сюжетов, связанных с призванием варягов, как не знает и имени варяжского князя Рюрика. Зато он помнит древнего князя Буса, жившего в IV веке и воевавшего тогда в Причерноморье с готами. Автор «Слова» вообще практически не знает северных и северо-западных историко-мифологических сюжетов, зафиксированных «Повестью

временных лет». Зато в «Слове» широко представлены исторические сюжеты и аналогии, связанные с Крымом, Причерноморьем и Подунавьем. Так, именно отвоевывать Тмутарокань у половцев отправляется князь Игорь, готские девы в Крыму вспоминают «время Бусово», плач Ярославны долетает до Дуная и именно там находит ответ, а когда Игорь возвращается из плена домой, некие «девицы» радостно поют на Дунае и их пение долетает до Киева. Кстати, и слова князя Святослава Киевского слышат тоже на Западе и на Юге Европы – немцы, венецианцы, греки и моравы.

Больше того, по мнению некоторых исследователей под образом Трояна следует понимать не языческого бога, а римского императора Траяна, совершавшего походы в Подунавье и оставившего по себе память у подунайских славян и русов-ругов. Если это так, то в «Слове о полку Игореве» можно видеть отголоски сохраняющейся в южных пределах Древней Руси историко-мифологических преданий о дунайской прародине славян и руси, о контактах с римлянами, о Причерноморской Руси, о войнах руси с готами в IV веке. Иначе говоря, можно предположить, что «Слово» представляет нам совершенно оригинальную версию происхождения русского народа. Можно также предположить, что «Слово» было не единственным памятником, представляющим эту версию, – за «Словом», вполне возможно, стояла целая традиция, письменная или устная. И если мы сегодня не имеем подлинника «Слова», то, вполне вероятно погибла и письменная традиция указанной версии происхождения Руси.

И, кстати говоря, уникальность языческого пантеона и историко-мифологических представлений, которые мы находим в «Слове о полку Игореве», лишний раз свидетельствуют о подлинности этого памятника, то есть о том, что «Слово» было написано или в конце XII, или на рубеже XII–XIII веков. Ведь сторонники поддельности «Слова» исходят из того, что кто-то написал его во второй половине XVIII столетия. Однако в то время в Российской империи глубоких знатоков отечественной истории, русских по происхождению, можно было перечесть по пальцам. Те, кого можно отнести к «знатокам» (В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, М.М. Щербатов, И.Н. Болтин), никогда бы не стали заниматься подделками. Кроме того, в XVIII веке никто даже не мог себе представить иного языческого пантеона, кроме известного из летописей. Никто не мог и свободно, да еще и в художественной форме столь ярко выразить языческое мироощущение, да к тому же столь искусно и естественно совместить это мироощущение с христианским миропониманием. Наконец, само игнорирование в «Слове» имени князя Рюрика – признанного официальным основателем правившей на протяжении столетий династии Рюриковичей – было немыслимо в то время, ибо за любое покушение на генеалогическое древо российских государей могло последовать жестокое наказание. Более того, в 1747 году, после известного «дела» П.Н. Крекшина, который составил ложную генеалогию Романовых и вывел их от Рюриковичей, на вольные занятия генеалогическими изысканиями в Российской империи был наложен официальный запрет [44, с. 277]. Так что стоит подчеркнуть лишний раз: уникальность многих сведений «Слова о полку Игореве» – это свидетельство его подлинности.

И еще один важный момент. Выше уже говорилось, что «Слово» – это редкий случай религиозно-мифологического и духовно-политического единства Руси. Однако можно заметить, что все несчастья с Игорем и войском проходят под знаком языческих богов. А вот спасение Игоря освящено уже христианским Богом.

Кроме того, автор «Слова» одним из главных виновников междоусобиц называет князя-волхва Всеслава Брючиславича Полоцкого (ум. 1101), который умел превращаться в разных животных. Но тут же следует и нравственное осуждение князя-волхва: «Аще и вещь душа въ дръзь тълъ, нъ часто беды страдаше. Тому въщей Боянь и пръвое припевку, смысленый, рече: “Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божия не минути!”» [39, с. 264]. Иначе говоря, автор «Слова» показывает, что междоусобицы –

одна из главных бед Русской Земли – вновь имеет языческие корни и одному из виновников этих бед – князю-волхву Всеславу – не удастся избежать суда христианского Бога за свои грехи, даже несмотря на его хитрость и удачливость.

Наконец, сама идея единства Русской Земли, которой проникнуто «Слово», скорее всего, своим истоком имеет именно христианское миропонимание, ибо такая идея просто не могла возникнуть в пределах славянского языческого мироощущения. Известно, что при некоторой общности славянского язычества разные славянские племена тем не менее поклонялись разным языческим богам, более того, между славянскими племенами возникали конфликты на этой почве. Так, когда князь Владимир Святославич незадолго до принятия христианства попытался создать у восточных славян единую языческую религию во главе с богом Перуном, он почему-то не ввел в свой языческий пантеон не менее популярного у некоторых славянских племен бога Велеса. Но это не понравилось даже некоторым жителям Киева, которые, наперекор князю, поставили отдельный идол Велеса на Киевском Подоле. Вполне может быть, что Владимир не учел и каких-то иных славянских божеств, имен которых мы просто не знаем. И в итоге искусственно созданная Владимиром иерархия языческих славянских богов так и не прижилась на Руси. Не было религиозного единства и у других славянских племен. Иначе говоря, в пределах языческого мироощущения полного единства всего народа, всей земли, всех людей не только не было возможно, но даже и не предполагалось.

И лишь с принятием христианства в Древней Руси возникло понимание единства славянских племен, единства их земли и единства христианского древнерусского народа с иными христианскими народами. Если рассматривать «Слово о полку Игореве» именно с таких позиций, то совсем не случайными оказываются последние слова этого великого древнерусского памятника: «Певше песнь старым княземъ, а потом молодымъ пети!.. Здроби, князи и дружина, побарая за христьяны на поганья плъки! Княземъ слава а дружине! Аминь» [39, с. 266]. Вполне возможно, что само «Слово» исполнено очень глубинным смыслом, а именно – спасение Игоря означает победу христианства над язычеством, единого христианского Бога над многими языческими богами. И автор «Слова» призывает молодое поколение князей сражаться не только за свою честь и славу, но в первую очередь за христианскую веру и христиан, и не просто против половцев, но и против язычников. Стоит напомнить, что слово «поганый» в древнерусском языке имело и значение «язычник», «идолопоклонник». «Слово» же призывает молодых князей бороться именно с «поганья плъки». В таком случае, в «Слове» следует видеть еще одно свидетельство распространенности христианского мирозерцания в русском народе. Ведь столь неоднозначное сочетание языческой и христианской символики вновь свидетельствует о том, что автором «Слова о полку Игореве» мог быть только светский человек, мирянин, скорее всего, воин. И самое последнее слово в этом замечательном древнерусском произведении – «Аминь» – возможно, свидетельствует, что сам памятник – это не только воинская песнь, но и... молитва древнерусского воина о единстве Русской Земли [45, с. 127–133].

* * *

Одна из самых загадочных фигур, стоящая, особняком в древнерусской литературе и духовно-политической мысли – Даниил Заточник. Этим именем подписано послание князю, которое известно в двух отличных друг от друга редакциях – «Слово» и «Моление». И более о Данииле Заточнике мы ничего не знаем – ни точного времени жизни, ни времени написания послания, ни даже того, какому князю оно адресовано. Поэтому уже долгие годы в науке продолжают дискуссии [см. 23–27]. Так, время создания послания определяют и XII, и XIII век. «Слово» и «Моление» иногда считают текстами, принадлежащими разным авторам. В некоторых работах «Моление» называют литературным откликом на «Слово».

А иногда вообще отрицается существование реального Даниила, который считается чисто литературным персонажем.

И это притом, что послание Даниила Заточника – самое яркое произведение древнерусской литературы домонгольского периода, в котором столь сильно и однозначно выражено авторское, личностное начало. Ведь главный герой этого сочинения, центр притяжения всего внимания – сам автор, с обостренной чувствительностью буквально кричащий о своем «я» и повествующий некоему князю о своей горестной судьбе. И в этом смысле сочинение Даниила Заточника – исключительное явление в древнерусской духовной мысли.

Даниил, видимо, не случайно назвал себя «Заточником». Мы не знаем, был ли он «заточён» в прямом смысле этого слова, но его страстное послание свидетельствует – он был «заточён» обстоятельствами жизни. Высокообразованный, литературно одаренный, ироничный человек, каковым представляется Даниил, оказался лишним человеком в свое время. Его интеллект, образование, литературный талант оказываются никому не нужными. Даниил «выпадает» из обычной жизни, остается невостребованным и, следовательно, несчастным. Ведь он настолько одинок, что даже друзья и родственники «отвергли» его от себя, а те, кто не гнушается его, на самом деле в сердце своем осмеивают страдальца Даниила.

Интересно, что в «Слове» опять, как и ряде других памятников древнерусской мысли, центральным образом становится символ сердца – именно сердце Даниила страдает от одиночества. Но в данном случае символ страдающего сердца дополняется еще символом страдающего ума: «Имею бо сердце – аки лице безъ очю, и бысть умъ мой – аки нощный врань на нырищи» («Ведь сердце мое – как лицо без очей, и был мой ум – как филин на развалинах») [28, с. 268]. При этом сам образ бодрствующего филина заимствован из Псалтири (Пс. 101: 7–8). Вполне возможно, что в данном случае Даниил стремится объяснить свои страдания тем, что руководствовался в поступках не сердцем, а разумом.

Такое объяснение вполне возможно, ибо сам Даниил не только не разделяет два символа, но даже стремится объединить их в один, своего рода «смешанный символ» – «сердце бо смысленаго», то есть «сердце разумного», утверждая: «Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию». Следовательно, при всем уповании на сердце Даниил Заточник вполне осознанно подчеркивает и значение разума в жизни каждого человека и ниже всячески подчеркивает собственную «мудрость» и «разумность», тем более что интеллектуальных высот он достиг исключительно собственными силами, путем самообразования: «Азь бо, княже, ни за море ходиль, ни от философъ научихся, но бых аки пчела, падая по розным цветом, совокупляя медвеный соть; тако и азъ, по многим книгамъ исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих, аки в мех воды морския» [28, с. 282].

Впрочем, именно «разумность» и становится источником всех бед «нищего мудреца». Для самого Даниила – это настоящая личностная трагедия, из которой он видит только один выход – наняться на княжескую службу. Поэтому его послание внутренне противоречиво – вынужденный самоуничтожительно «молить» князя о предоставлении ему службы (недаром же одна из редакций его послания носит название «Моление»), он одновременно красочно расписывает собственные достоинства. С одной стороны, Даниил не щадит ни сил, ни красок, похваляясь своим умом и многочисленными дарованиями, – он и «разумом обилен», и мысль его «парит, как орел по воздуху», и красноречив так, что с уст его слова капают «слаще меда»; а с другой – он и нищий, и одинокий, и «всеми обижаемый». И все эти стилистические и смысловые ухищрения нужны Даниилу лишь для того, чтобы князь избавил его от нищеты: «Княже мой, господине! Избави мя от нищеты сея, яко серну от тенета, аки птенца от кляпци (западни), яко утя от ноги носимаго ястреба, яко овца от усть львовъ», – восклицает он [28, с. 272].

Но вот что важно. В своем самоуничтожении Даниил не опускается до самоуничтожения, до признания своего полного ничтожества. Нет, жалуясь на жизненные обстоятельства, он с небывалой ранее в древнерусской литературе силой отстаивает право образованного человека на достойное существование. Да, он – нищий, но это – нищий мудрец, а даже нищий мудрец достоин уважительного к себе отношения, ибо обладает несомненным богатством – мудростью. И здесь, чтобы совсем не впасть лишь в слезливое попрошайничество и одновременно стремясь защитить собственное достоинство, Даниил Заточник призывает на помощь иронию.

Сколь выразительны его метафоры и сравнения, столь свободно обращается он и с библейскими аллегориями, и с народными поговорками, вплетая их в свое повествование! А в итоге даже самые уничижительные характеристики, которыми Даниил награждает себя, превращаются в образец прекрасного литературного стиля, лишней раз подчеркивающий его таланты. И это снова совершенно осознанный прием – Даниил, прекрасно понимающий нравы тогдашнего высшего общества, хочет вызвать у князя к себе уважение, а не одну только жалость. Ибо убог и нищ он в силу несправедливости судьбы, а не из-за собственного убожества. Так и кажется, что Даниил Заточник восклицает: «Дайте мне возможность проявить себя, и я займу самое достойное место в обществе! А все мои “плачи” и “моления” – от безысходности!».

Явление в Древней Руси послания Даниила Заточника – это свидетельство того, что в древнерусском обществе на рубеже XII–XIII веков появился новый социальный слой, состоящий из образованных, но невостребованных людей. Более того, образ Даниила Заточника оказался близок и тем тысячам русских людей, которые, может быть, и не были одарены талантами, но в результате социального расслоения древнерусского общества оказались «выброшенными» из привычного для них мира. Это те самые «русские скитальцы», о которых столь пронзительно писал через семьсот лет Ф.М. Достоевский.

Личность Даниила Заточника крепко врезалась в народную память, а его послание было воспринято в народе как свое кровное произведение. На протяжении столетий оно неоднократно переписывалось, дополняясь при этом новыми сюжетами, ибо каждый переписчик стремился поделиться и собственными горестями. А послание Даниила Заточника предоставляло для этого самую благодатную почву.

Поэтому в итоге не так важно – жил ли на самом деле некий Даниил Заточник и был ли автором «Слова» или «Моления». В любом случае послание, подписанное именем Даниила Заточника, – это определенная веха в развитии отечественной духовно-политической мысли, отмечающая появление идеи отдельной человеческой личности как в духовной мысли, так и в общественной жизни Древней Руси.

Почитание общехристианских святых – Пресвятой Богородицы, пророка Илии, святителя Николая Мирликийского, святых воинов-мучеников Георгия Победоносца и Дмитрия Солунского и др. – сыграло, несомненно, важнейшую роль в распространении и утверждении новых смыслов в сознании русских людей XI–XIII веков. Но уже в XI веке древнерусские князья и книжники стремятся к тому, чтобы ореола святости были удостоены и русские люди, просвещенные Святым Крещением и являющиеся олицетворением нового избранного пути Руси на земле. Таким образом, конец X–XII века – это время рождения собственной, русской традиции святости. По подсчетам Л.Е. Морозовой, на сегодняшний день Русская Православная Церковь почитает 83 русских святых, живших в этот период [46, с. 208–209].

Исторически первыми на Руси мучениками за веру стали два варяга, отец и сын. Историки связывают эти трагические события в Киеве с восстанием славян-язычников в

Южной Прибалтике против насильственной христианизации в 983 году. В том же году состоялся победный поход князя Владимира на ятвягов, и, скорее всего, сам князь и его воины оказались свидетелями расправ над христианами или же киевские язычники продолжали поддерживать связи с прибалтийскими славянами. Как бы то ни было, но ненависть прибалтийских славян к христианам нашла отклик и в Киеве. «Повесть временных лет» сообщает, что в 983 году, когда князь Владимир Святославич вернулся из похода, в честь победы решили принести жертвы языческим богам [2, с. 130].

Позднее, уже после принятия христианства, князь Владимир Святославич «на крови мучеников» (то есть, видимо, на месте убийства варягов) воздвигнет столь любимую им Десятинную церковь. Интересный факт: в 1908 году в Киеве близ южной апсиды Десятинной церкви во время археологических раскопок были найдены остатки деревянного сруба, который предположительно мог быть домом варягов. Так ли это – неизвестно [47, с. 38–39]. Но, как предполагают исследователи, именно в Десятинной церкви бережно хранили предание об убиенных варягах, которое потом вошло в летопись. Возможно, именно в Десятинной церкви началось и церковное почитание мучеников, ведь летописное предание варяга и его сына называет праведниками, приравнивая их к святым мученикам. Впрочем, время их официальной канонизации неизвестно, но в Ростове уже в XIII веке отец и сын варяги почитались как первые русские святые, был установлен день их церковного поминовения – 12 июля. Поминалось тогда же имя одного из мучеников – Иоанн, а вот имя второго, Феодор, появилось в источниках не ранее XVII века [48, с. 146]. В современном месяцеслове Русской Православной Церкви отец и сын варяги справедливо возведены в чин первомучеников.

Первая местная русская канонизация, возможно, состоялась в самом конце X века, в 999 году, когда по инициативе князя Владимира было совершено перенесение мощей княгини Ольги в Десятинную церковь. С того времени 11 июля стал отмечаться день памяти святой Ольги (в крещении Елены), по крайней мере в самой Десятинной церкви. Именно с этого времени предлагается отсчитывать историю собственно русской святости [49; 50, с. 268]. Правда, необходимо отметить, что эта канонизация княгини Ольги не была признана в Константинополе, да и в Киеве уже к середине XI века об этом, видимо, не помнили, поэтому считается, что официальное причисление русской княгини к лику святых произошло намного позднее, но время ее канонизации неизвестно. Примерно также развивалась история с почитанием святых братьев-князей Бориса и Глеба, в память о которых вскоре после их гибели в Русской Церкви был установлен церковный праздник, но официально к лику святых их причислили позже (см. об этом ниже).

Новые попытки прославления русских святых известны с середины XI века. Именно тогда в Киеве начинается активное движение за общецерковное прославление князя Владимира Святославича и княгини Ольги. Уже в словах митрополита Илариона, который сравнивает русского князя с императором Константином, а Ольгу с императрицей Еленой, представлена целая программа причтения обоих русских правителей к лику святых как заступников и благодетелей Руси, просветивших светом веры свою страну: «Подобниче великааго Коньстантина, равноумне, равнохристолюбче, равночестителю служителемь его! Онъ съ святыми отци Никеискааго Събора закон челоовекомъ полагааше, ты же съ новыми нашими отци епископы сънимаея чясто, съ многымъ съмерениемъ съвещаваашеся, како въ челоовецехъ сихъ ново познавшиихъ Господа законъ уставити. Онъ въ елинехъ и римлянехъ царьство Богу покори, ты же – в Руси: уже бо и въ онехъ и въ насъ Христос царемъ зовется. Онъ съ матерю своею Еленою крестъ от Иерусалима принесъша и по всему миру своему раславъша, веру утвердиста, ты же съ бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новааго Иерусалима, Константина града, и сего по всеи земли своеи поставивша, утвердиста веру. Егоже убо подобникъ сыи, съ темъ же единая славы и чести

обещаника сътворишь ты Господь на небесех благоверия твоего ради, еже име въ животе своемъ» [8, с. 48–50].

Илариону не просто вторит, но во много раз усиливает хвалебный тон Иаков Мних, который приравнивает Владимира к апостолам, предвосхитив будущее прославление князя в чине равноапостольных святых: «А ты, блаженный княже Володимере, бысть апостоль въ князехъ, всю землю Рускую приведъ къ Богу святымъ крещениемъ, и научи люди кланяться Богу, славити и пети Отца, и Сына, и Святаго Духа. И вси людие Руския земля познаша Бога тобою, божественый княже Володимере. Възрадовашася ангельстии чини, агници честнии, ныне радуются вернии, и воспеша, и въсхвалиша!..» Чуть ниже Иаков, уподобляя Владимира императору Константину, заявляет о вселенской миссии, о вселенском значении деяний русского князя: «И ты, блаженный княже Володимере, подобно Константину Великому дело сътвори, яко онъ верою великою и любовью Божиею подвигся. Утверди всю вселеную любовию и верою, и святымъ крещениемъ просвети весь миръ, и законъ Божий по всей вселеней заповеда». А дальше Иаков напоминает, что христианское просвещение Русской земли началось с княгини Ольги, которую древнерусский книжник уподобляет императрице Елене: «<Константин> с блаженою и богомудрою матерью своей святою Оленою и съ чады многы приведе къ Богу святымъ крещениемъ бесчисленое множество. И требища бесовьскыя потреби, и храмы идольскыя разруши, и церквами украси всю вселеную и грады, и заповеда въ церковахъ памяти святыхъ творити пении и молитвами, и праздники праздновати на славу и на хвалу Богу. Тако же и блаженный князь Володимерь сътвори съ бабою своею Олгою» [3, с. 320].

Видимо, и неофициальное почитание Владимира Святославича, как в свое время и неофициальное почитание княгини Ольги, возникло вскоре после его смерти. Во всяком случае, автор летописной похвалы Владимиру, помещенной в «Повести временных лет» под 1015 годом, с одной стороны, горюет о том, что Владимир еще не причислен к лику святых, но, с другой стороны, сообщает, что русские люди уже чтят его память: «Дивно есть се, колико добра створи Руской земли, крестить ю. Мы же, крестьяни суще, не въздаемъ почестья противу оногo възданью. Аще бы онъ не крестить насъ, то и ныне быхомъ быле въ прельсти дьяволе, якоже и прародители наши погибнуша. Да аще быхомъ и мы потщание и молбы приносили к Богу за нь, въ день преставления его; видя бы Богъ тщание наше къ нему, прославилъ бы ѿ. Намъ бо достоить Бога молити за нь, понеже темъ Бога познахомъ. Нъ дай же ти Господь по сердцю твоему и вся прошения твоя исполни, егоже желаше Царства Небеснаго. Дажь ти Господь венець с праведными, в пици райстий, весельи, ликъствованье съ Авраомомъ и с прочими патреархы, якоже Соломонъ рче: “Умершю праведному, не погибнетъ упованье”. Сего бо в память держать рустии людье, поминающе святое крещение и прославляюще Бога въ молитвахъ и въ песнехъ и въ псалмихъ, поюще Господеви, новии людье, просвещени Духомъ Святымъ, чающе надежа великаго Бога, Спаса нашего Иисуса Христа въздати комуждо противу трудомъ неизреченьную радость, юже буди уллучити всимъ крестьяномъ» [2, с. 174-176].

Но с официальной канонизацией Владимира Святославича в XI веке возникли большие проблемы. Тот же Иаков Мних свидетельствует, что в самом Киеве были и противники причисления к лику святых киевского князя. Одно из возражений – после смерти Владимира у его мощей не происходят чудеса. В ответ Иаков Мних пишет целое рассуждение: «Не дивимся, възлюбленеи, аще чюдесь не творить по смерти, мнози бо святии праведнеи не створиша чюдесь, но святии суть... И бяху святееи апостоли, и бяху лжии апостоли, и беша святееи пророци, и бяху лжии пророци, слугы диаволя, ино чюдо, самъ сотона преображается въ ангель светель. Но от дель разумети святого... Блаженный же князь Володимерь всимъ сердцемъ и всею душею Бога възлюби и заповеди его възиска и съхрани» [3, с. 320–322].

По мнению некоторых исследователей, официальному прославлению Владимира препятствовали митрополиты-греки, утвердившиеся на киевской митрополии во второй половине XI века. Причинами тому были и обстоятельства крещения киевского князя, и, главное, не византийские истоки самого раннего русского христианства, привнесенные на Русь в кирилло-мефодиевской традиции. В итоге официальное причисление Владимира к лику святых задержалось на два столетия – общецерковная канонизация князя Владимира произошла только в XIII столетии (день памяти: 15 (28) июля).

В очень непростой ситуации происходила и канонизация сыновей Владимира – князей-братьев Бориса и Глеба. Как уже говорилось, первые упоминания о почитании Бориса и Глеба относятся ко времени княжения Ярослава Владимировича. В их честь 24 июля был установлен церковный праздник, причисленный к великим годовым праздникам Русской Церкви. По мнению некоторых современных исследователей, в последние годы правления Ярослава Мудрого (в середине XI века) возникло «Сказание о Борисе и Глебе» неизвестного автора, повествующее о христианском подвиге князей-братьев. Впрочем, другие исследователи оспаривают эту точку зрения и относят время создания «Сказания» к началу XII века (после 1115 года). Необходимо также отметить, что на рубеже XI–XII веков возник еще один памятник, посвященный тому же сюжету, – это «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба», написанное Нестором. Кроме того, сюжет о Борисе и Глебе присутствует в «Повести временных лет» (под 1015 годом). Какой из памятников возник раньше другого и какое влияние они оказали друг на друга, неизвестно, а дискуссии по этому поводу еще не окончены.

Сам факт возникновения такого количества памятников, посвященных гибели Бориса и Глеба, свидетельствует о том, какое большое значение придавали в XI–XII веках вопросу о святости князей-братьев. Например, как уже говорилось, почитание Бориса и Глеба имело важное государственно-политическое значение – святыми были признаны князья-братья, принявшие мучительную смерть, но не поднявшие руку на старшего брата. Тем самым освящалась идея родового старшинства в системе княжеской иерархии.

Но дело было, конечно, не в этой, несколько утилитарной трактовке подвига Бориса и Глеба. Наибольший и наиглубочайший смысл их поступок получал в системе христианской символики. Стоит напомнить, что мать обоих братьев была болгарыней, а следовательно, христианкой. Оба они крестились в Киеве, вместе с другими сыновьями Владимира, сразу же после принятия их отцом новой веры, и получили христианские имена: Борис был наречен Романом, а Глеб – Давыдом. И в летописи, и в других памятниках особо отмечается христианское благочестие братьев, свято исполнявших свой долг сыновей при еще живом отце, и долг младших братьев после его смерти.

Таким образом, мученическая смерть Бориса и Глеба становилась одним из первых примеров христианского благочестия и смирения в Древней Руси, означавшим, что нравственные идеалы, проповедуемые христианством, нашли полный отклик в сердцах русских людей. Более того, поведение Бориса и Глеба во время братских междоусобиц становилось образцом христианского поведения вообще, ибо именно они, погибшие, но не преступившие Христовых заветов любви и смирения, были признаны святыми и, следовательно, уже обрели вечное спасение. И недаром неизвестный автор «Сказания о Борисе и Глебе» восклицает: «Темъ же ваю како похвалити не съвемъ или чьто рещи недоумю и не възмогу. Ангела ли ва нареку, иже въскоре обретаеася близъ скърбящихъ...» [51, с. 348].

Необходимо отметить еще один очень важный момент в трактовке древнерусскими книжниками образов святых Бориса и Глеба. Дело в том, что они, первые русские святые, сразу же стали восприниматься одними из самых главных небесных заступников за Русскую землю. В том же «Сказании» говорится: «Вы бо темъ и намъ оружие, земля Русьская забрала и утвржение... Вы убо небесныя человека еста, земляная ангела, стълпа

и утверждение земле нашей!.. Вы не о единомъ бо граде, ни о дъву, ни о вси попечение и молитву въздаета, нъ о всей земли Русьской!». Именно к Борису и Глебу возносит автор «Сказания» слова своей молитвы: «О, блаженная страсотърпца Христова, не забываита отъчства, идеже пожила еста въ тели, егоже всегда посетъмь не оставяета... Вама бо дана бысть благодать, да молита за ны, вама бо даль есть Бог о нас молящася и ходатая къ Богу за ны» [51, с. 348].

В княжеской среде братья Борис и Глеб почитались особо, ведь они и в самом деле были братьями (по крови) всех князей-Рюриковичей, значит, это были святые из княжеского рода, а святость Бориса и Глеба была лишним обоснованием прав всего рода на владение Русской землей. Именно поэтому русские князья начиная с Ярослава Владимировича настаивали на признании святости князей-мучеников в Константинополе. Но удалось этого добиться только Изяславу Ярославичу, по инициативе которого в 1072 году совершилось перенесение мощей Бориса и Глеба и их официальная канонизация. Как уже говорилось, княжеская инициатива не вызвала энтузиазма у митрополита-грека Георгия. Но если Константинополю удалось заблокировать канонизацию Владимира, то в данном случае, митрополит-грек смирился. И, как сообщает летопись, убедившись в святости Бориса и Глеба, «падъ ниц, прося прощения». Таким образом, князья-братья Борис и Глеб стали первыми русскими святыми, официально признанными в Византии.

Обретя первых своих святых, Русь обрела и первых своих заступников перед Господом, которые могут вымолить у Него прощение грехов русских людей. Поэтому утверждение почитания Бориса и Глеба, как заступников за Русскую землю, означало и то, что Русь уже не мыслила свое дальнейшее развитие вне христианского вероучения. Но и сами христианские идеалы теперь связывались с задачами развития Руси. Основным смыслом своего существования на земле русский народ начинал осознавать в исполнении Божиих заветов, Божиего Промысла. А цель своего движения по будущим историческим дорогам виделась на Руси в достижении вечного спасения.

Поэтому вполне закономерным оказался тот факт, что образы святых Бориса и Глеба получили самое широкое распространение в произведениях отечественной духовно-политической мысли. При этом древнерусские книжники на протяжении нескольких веков использовали сюжетные ситуации, поэтические формулы, отдельные обороты и целые отрывки текста «Сказания». Не менее популярны были Борис и Глеб как святые князья-воины и в древнерусском изобразительном искусстве.

Как можно видеть, Русская Церковь начала отсчет своих святых именно с мирян, причем князей – княгиня Ольга, братья-князья Борис и Глеб. Все они приняли крещение совсем недавно, но, как верили их современники и ближайшие потомки, Господняя благодать сразу и глубоко проникла в их души. И эта сразу и навсегда установившаяся традиция – канонизация святых правителей – заметно отличала Русскую Церковь от иных Православных Церквей. Впоследствии эта традиция только укрепитя, и на Руси будут канонизированы десятки святых князей, будут прославлены и некоторые цари, в том числе из рода Романовых. И характерно, что изначально и поныне Церковь чтит Бориса и Глеба как страсотърпцев, то есть в чине святости, в котором канонизируются христианские мученики, подражавшие Христу, и потому с терпением и смирением переносившие физические, нравственные страдания и смерть от рук своих гонителей. Следовательно, идея святости в русском духовно-политическом сознании с самого начала связывалась не только с аскетическим подвигом иноков, но и с жизненным подвигом князей, вождей народной жизни, об аскетических подвигах которых ничего и не известно. Интересно, что образ святых Бориса и Глеба, заступников за Русскую землю, позднее превратился в образ святых-воинов. Особую популярность этот образ получил в произведениях, посвященных воинским темам.

Впрочем, в XI–XIII веках далеко не во всех землях Руси Борис и Глеб почитались первыми святыми. Об этом сохранились сведения в «Киево-Печерском патерике» и связаны они с именем святителя Леонтия Ростовского. Сведения о жизни святителя противоречивы. Житие Леонтия Ростовского, написанное в 60-х годах XII века, сообщает, что Леонтий был греком, родился в Константинополе, откуда и был направлен в Ростов. В 60-х или 70-х годах XI века Леонтий стал ростовским епископом и прославился утверждением христианской веры в Северо-Восточной Руси. До него это пытались делать два предыдущих епископа, но вынуждены были бежать. Готовясь стать епископом, Леонтий хорошо изучил язык народа меря, населявший ростовские края. Проповедь христианства вызвала противодействие местных жителей. Язычники вознамерились убить нового епископа. Тогда произошло чудо. Леонтий и другие священники с крестами вышли навстречу возмущенной толпе, и все, увидев его, упали замертво. Но Леонтий своей молитвой оживил умерших. После этого события местные жители уверовали во Христа и приняли крещение. Согласно Житию, Леонтий, совершив многие чудеса, с миром отошел к Господу.

Но вот «Киево-Печерский патерик» сообщает совершенно иные сведения о святом. Согласно патерику, Леонтий был не греком, а русским, принявшим иноческий постриг в Киево-Печерской обители. Став Ростовским епископом, Леонтий отдал все силы христианскому просвещению. Повествуя о последних днях Леонтия Ростовского, патерик сообщает о мученической кончине епископа: «Егоже невернии много мучивше и бивше» [52, с. 360]. Современные специалисты отдают предпочтение сведениям «Киево-Печерского патерика». Полагают, что Леонтий погиб во время антихристианского восстания около 1074 года. Мощи ростовского епископа были открыты в 1164 году при великом князе Андрее Боголюбском. С этого времени начинается официальное прославление Леонтия Ростовского как святого.

Но сведения «Киево-Печерского патерика» интересны еще тем, что здесь Леонтий Ростовский называется третьим в списке русских святых. А вот первыми двумя русскими святыми называются не Борис и Глеб, а отец и сын варяги, мученически погибшие в 983 году. О Леонтии Ростовском так и говорится: «И се третий гражданинъ бысть Рускаго мира, съ онема варягома венчася от Христа, егоже ради пострада». Больше того, Леонтий Ростовский называется первым русским святым в чине святителей: «Великий святитель, егоже Богъ прослави нетлениемъ, и се бысть пръвый престолникъ» [52, с. 360].

Иначе говоря, в этом случае перед нами открывается совершенно иная традиция рождения русской святости, не связанная с официальной киевской традицией, но идущая от прославления двух варягов. Эта традиция опирается на сведения «Летописца старого Ростовского», упоминаемого в «Киево-Печерском патерике», и, видимо, существовала в Ростове, в летописании которого князья-братья Борис и Глеб даже не называются мучениками. В то же время эта традиция поддерживалась и частью иноков Киево-Печерского монастыря, раз она сохранилась в составе «Киево-Печерского патерика». Впрочем, в дальнейшем эта традиция была забыта.

* * *

Подводя краткие итоги показанных процессов обретения русскими людьми новых смыслов в первые века после принятия христианства, необходимо сказать следующее. В XI–XII веках русские мыслители интенсивно и глубоко осваивали христианское вероучение, его религиозно-философскую сущность, а также христианские трактовки духовно-политических проблем. Самые главные вопросы, поставленные христианством, уже в этот период стали предметом свободного и, что очень важно, творческого обсуждения в произведениях древнерусских мудрецов. Причем многие из них проявили глубокие знания, широчайший кругозор, способность к тонкому анализу, не говоря уже о литературных та-

лантах. Рассуждения на богословские темы помогали древнерусским мыслителям найти решение важнейших мировоззренческих проблем и прежде всего проблемы смысла жизни, которая решалась, конечно же, в русле православного вероучения, ибо главной целью верующего христианина виделось посмертное спасение.

Однако уже в XI–XII веках в русской духовно-политической мысли возникло то особенное, что впоследствии стало одной из важнейших проблем на протяжении всего периода ее развития. Стремясь осмыслить место Руси в христианском мире (начиная с библейских времен), русские книжники оказались перед дилеммой, которую в современных понятиях можно выразить так, – национальное или вселенское? Греческая Церковь, осознававшая себя именно вселенской, стремилась распространить свои устои и традиции и на Русь. И эти принципы были поддержаны рядом древнерусских книжников и политических деятелей. Однако некоторые русские мыслители сразу же стали искать собственные пути развития Руси в поисках христианского спасения. И в этом находили поддержку у ряда русских князей.

Собственно говоря, указанное противоречие заложено в самом христианском вероучении. Провозгласив принцип «ни эллина, ни иудея», христианство изначально противопоставило природной разделенности человечества на племена и народы его же единство во Христе. Святое Предание устами святых отцов закрепило этот принцип в учении о единстве Церкви.

Впрочем, в исторической реальности жизни народов и самой Церкви эти принципы, которые можно также считать идеалами, не исполнялись. И в реальной жизни Церковь оказалась разделена – более того, внутри разных конфессий существовали свои оттенки. Во многом причиной такой разделенности были именно национально-государственные особенности жизни тех или иных народов. Иначе говоря, многие народы, приняв христианскую веру, со временем начали осмысливать свою национальную жизнь как вселенскую. Так произошло и с Греческой Церковью, и с Римской, и с другими Церквями.

Подобный путь освоения христианской традиции оказался близок и многим русским мыслителям. Во всяком случае, они довольно рано увидели, что и Греческая, и Римская Церкви приравняли земное единство Церкви внешнему государственному единству и пытались распространить свои вселенские притязания на все другие народы. Так почему же и Русь не могла искать истину на этих дорогах? Тем более что само раннее русское христианство изначально отличалось и от греческого, и от римского.

Осмысление Божия Промысла в отношении Руси, вполне естественно, развивалось по мере освоения библейской традиции. Поэтому смысловые и целевые установки существования России формулировались по аналогии с библейскими сюжетами и символами¹. Сама тема возникла уже в середине XI века в «Слове о Законе и Благодати» киевского митрополита Илариона. Здесь Русь осмысливалась в контексте заповедей Нового Завета как освященная Христовой Благодатью, а Ветхий Завет, почитание которого могло бы привести, по мысли древнерусских книжников, к иудаизму, хотя и не отрицался, но воспринимался с осторожностью. Кстати, интересно, что и в Киево-Печерском монастыре увлечение Ветхим Заветом не поощрялось по той же причине – из опасения склонности к иудаизму.

Стремление Руси найти свои пути к спасению, выразилось и в своеобразном прочтении темы святости. Именно в XI веке в Киевской Руси были совершены первые шаги к тому идеалу, который позднее зазвучит в памятниках древнерусской литературы, – к «Святой Руси». Уже тогда русские книжники осмысливали Русь как возможное будущее особое сосредоточение христианской святости. И это не случайно, ведь в идее святости концентрировались все основные смысловые и целевые установки земного бытия русского народа.

¹ По предположению И.Н. Данилевского, уже в XI веке в Киевской Руси появились представления о Киеве как о «Новом Иерусалиме». Следовательно, уже в это время древнерусские книжники пытались «примерить» к Руси идею богоизбранности и пытались проникнуть в Божий Промысел об особой судьбе русского народа и всей Русской земли [см. об этом 5, с. 355–368].

С самого начала признаваемые на Руси святые становились символами не только политической, но и духовной самостоятельности (почитание свт. Климента Римского, свт. Николая Мирликийского, свв. Бориса и Глеба, свт. Леонтия Ростовского). Причем можно сказать, что в установлении почитания святых князей, по сути дела, проявилось новое, отличное от греческого, понимание самой идеи святости – святость теснейшим образом начинает связываться с идеалами именно национальной жизни. И недаром позднее тема святости станет одной из главных во всей системе древнерусского духовно-политического сознания.

Однако нельзя сказать, что сама дилемма – национальное или вселенское? – была решена в XI–XII веках. Нет, эта дилемма была лишь поставлена, и были предложены определенные пути ее решения. Сама же дилемма будет сопровождать русскую духовно-политическую мысль на протяжении всего времени ее существования, приобретая в разные периоды истории различные формы.

Литература

1. *Перевезенцев С.В.* Россия: Великая судьба. М.: Белый город, 2007.
2. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 62–315.
3. «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха // БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 316–327.
4. *Карпов А.Ю.* Об эсхатологических ожиданиях в Киевской Руси в конце XI – начале XII в. // Отечественная история. 2002. № 2. С. 3–15.
5. *Данилевский И.Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.). М.: Аспект Пресс, 1998.
6. *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. 4. М.; Л., 1940.
7. *Кузьмин А.Г.* «Мудрость бо велика есть...» // Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. М.: Молодая гвардия, 1990.
8. «Слове о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона // БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 26–61.
9. *Никольский Н.К.* О древнерусском христианстве // Русская мысль. 1913. Кн. 6. С. 1–23
10. *Мильков В.В.* «Слове о законе и благодати» Илариона и теория «казней Божиих» // Альманах библиофила. Вып. 26. М., 1989. С. 114–121.
11. *Кормин Н., Любимова Т., Пилюгина Н.* Характер философского мышления Илариона в «Слове о законе и благодати» // Альманах библиофила. Вып. 26. М., 1989. С. 122–133.
12. *Карпов А.Ю.* «Слове на обновление Десятинной церкви» по списку М.А. Оболенского // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 109–111.
13. *Поньрко М.В.* Эпистолярное наследие Древней Руси: XI–XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
14. Послание Климента Смолятича // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 118–141.
15. *Никольский Н.К.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892.
16. Житие Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 352–433.
17. Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 434–455.
18. *Гранстрем Е.Э.* Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности (XI–XIV вв.) // ТОДРЛ. Т. 29. Л., 1974. С. 186–193.
19. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 12. М.; Л., 1956. С. 340–354.
20. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 409–426.
21. *Еремин И.П.* Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 331–335.
22. Слова и поучения Кирилла Туровского // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 142–205.
23. *Лященко А.И.* Моление Даниила Заточника. СПб., 1896.
24. *Истрин В.М.* Был ли Заточник действительно заточен? // Летопись ист.-филол. общ. при Новорос. ун-те. Т. 8: Виз.-слав. отдел. Т. 5. Одесса, 1900. С. 1–34.
25. История русской литературы. Т. 2. Ч. 1. М.; Л., 1946. С. 35–45.
26. *Зарубин Н.Н.* «Слове Даниила Заточника» по редакциям XII–XIII вв. и их переделкам. Л., 1952. С. 4–35.
27. *Соколова Л.В.* К характеристике «Слова Даниила Заточника»: Реконструкция и интерпретация первоначального текста // ТОДРЛ. Т. 46. СПб., 1993. С. 229–255.
28. Слово Даниила Заточника // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 268–283.
29. Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 456–475.
30. *Киреевский И.В.* Полн. собр. соч. Т. 4. М., 1911.
31. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский // Соч.: в 2 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1990.

32. *Юркевич П.Д.* Сердце и его значение в духовной жизни человека // Труды Киевской духовной академии. Кн. 1. 1860.
33. *Ильин И.А.* Путь к очевидности. М., 1993.
34. *Ильин И.А.* Поющее сердце: Книга тихих созерцаний / Ильин И.А. // Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994.
35. *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии / Б.П. Вышеславцев // Этика преображенного Эроса. М., 1994. С. 272–273.
36. *Стрельцова Г.Я.* Метафизика сердца / Г.Я. Стрельцова // Паскаль и европейская культура. М., 1994. С. 374–401.
37. Слово о князьях // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 226–228.
38. *Орлов А.С.* Слово о полку Игореве. М.; Л., 1946.
39. Слово о полку Игореве // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 254–265.
40. *Болдур А.* Троян «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 15. М.; Л., 1958. С. 7–35.
41. *Кузьмин А.Г.* «Слово о полку Игореве» о начале Русской земли // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 53–66.
42. *Соколова Л.В.* Троян в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 325–362.
43. Хожение Богородицы по мукам // БЛДР. Т. 3. СПб.: Наука, 1997. С. 166–183.
44. *Фомин В.В.* Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006.
45. *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии: Монография. М.: Вече, 2019.
46. *Морозова Л.Е.* Святые – нравственный идеал народа на переломных этапах русской истории // Проблема святых и святости в истории России. М., 2006. С. 208–216.
47. *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1987.
48. *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М.: Молодая гвардия, 1998.
49. *Карпов А.Ю.* 1000 лет русской святости // Журнал Московской Патриархии. 1999. № 8. С. 55–57.
50. *Карпов А.Ю.* Княгиня Ольга. М.: Молодая гвардия, 2009.
51. Сказание о Борисе и Глебе // БЛДР. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. С. 328–351.
52. Киево-Печерский патерик // БЛДР. Т. 4. СПб.: Наука, 1997. С. 296–489.

Аннотация. В статье исследуются вопросы освоения древнерусскими мыслителями христианских истин в первые столетия после Крещения Руси – с конца X до XIII века. С одной стороны, показан противоречивый процесс христианизации разных социальных групп древнерусского общества. С другой – проанализированы основные направления внутри русской духовно-политической мысли данного периода, раскрыто смысловое содержание первых русских христианских сочинений от «Слова о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона до «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова» Даниила Заточника. Проведенное исследование позволило говорить о том, что в ходе осмысления основных христианских догматов русские духовно-политические мыслители обосновали новые и вечные смыслы исторического и посмертного бытия.

Ключевые слова: Русская Церковь, православие, смысл бытия, русская святость.

Sergey V. Perevezentsev, Doctor in History, Professor, History of Social and Political Doctrines Department, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: serp1380@yandex.ru

The Birth of New Russian Meanings* (the 10th – Beginning of the 13th Centuries)

Abstract. The article examines the development of Christian truths by ancient Russian thinkers in the first centuries after the Baptism of Russia – from the end of the 10th to the 13th centuries. On the one hand, it shows the contradictory process of Christianization of different social groups of ancient Russian society. On the other hand, Russian spiritual and political thought of this period is analyzed, and the semantic content of the first Russian Christian writings is revealed, from the “Words on Law and Grace” by Metropolitan Hilarion of Kiev to Vladimir Monomakh’s “Teachings” and Daniel Заточник’s “Word”. The research allows us to say that in the course of understanding the main Christian dogmas, Russian spiritual and political thinkers substantiated new and eternal meanings of historical and posthumous existence.

Keywords: Russian Church, Orthodoxy, the Meaning of Life, Russian Holiness.

* Chapters from the new book [1].

Великий князь Ярослав Всеволодович и нашествие Батыя

Отец Александра Невского – великий князь Ярослав Всеволодович – первым из правителей русских земель в 1243 году отправился в ставку хана Батыя и получил из его рук «старейшинство» среди всех русских князей [33, стлб. 470]. Эта поездка заложила основы дальнейших взаимоотношений русских князей с Ордой, предопределив «установление над Русью модели опосредованного, с сохранением местных правителей, владычества Монгольской империи» [15, с. 37]. В чем была причина такого судьбоносного поступка? Какими мотивами руководствовался Ярослав Всеволодович, когда принимал столь значимое решение?

Жизнь великого князя Ярослава Всеволодовича крайне скупо отражена в исторических источниках. Особенно это относится к последнему, самому насыщенному событиями десятилетию его жизни – периоду с 1236 года, когда он отправился княжить из Великого Новгорода в Киев, до 1246 года, то есть до его смерти, наступившей по дороге из столицы Монгольской империи на Русь.

Одним из наиболее дискуссионных является вопрос о том, где находился и что делал Ярослав Всеволодович в период нашествия Батыя (1237–1240) на русские земли. Ответ на этот вопрос как раз и дает представление о том, какие цели ставил перед собой князь Ярослав, соглашаясь на подчинение власти ордынских ханов.

Князь Ярослав и события на реке Сити

В контексте событий, непосредственно связанных с нашествием Батыя на русские земли, князь Ярослав Всеволодович упоминается лишь однажды – в Лаврентьевской летописи, отразившей летописание Владимиро-Суздальской Руси (находящийся в ее составе рассказ о нашествии составлен приблизительно в 1270-х годах.). Согласно ее рассказу, великий князь Юрий Всеволодович, покинув зимой 1238 года стольный град Владимир, ждал на реке Сити помощи от младших братьев – Ярослава «с полки» и Святослава «с дружиной». Если эта версия соответствует действительности, приходится констатировать, что ожидания Юрия оказались напрасны. В отличие от князя Святослава, Ярослав Всеволодович так и не пришел к старшему брату. Где находился в это время Ярослав и с чем могло быть связано его отсутствие на реке Сити?

Напрямую о местонахождении Ярослава сообщают только летописные своды, возникшие не раньше конца XV века. Так, согласно Никоновской летописи (30-е годы XV века), после гибели великого князя Юрия «прииде князь Ярославъ Всеволодичъ <...> изъ Велико-го Новаграда въ Володимерь на великое княжение, а въ Новъградъ остави сына своего

Рудаков Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Историк»,
E-mail: ps-rudakov@yandex.ru

князя Александра» [44, с. 113; 12, с. 31]. В дошедших до нас летописных памятниках более раннего времени таких сведений не содержится. Поэтому, по мнению А.А. Горского, вполне возможно, что представления о том, что князь прибыл из Новгорода, – не более чем «домысел позднего сводчика, поставившего вопрос, откуда Ярослав появился в Суздальской земле (в связи с явным его отсутствием там во время нашествия)» [12, с. 31].

В пользу такой трактовки говорит и то, что летописи самого Великого Новгорода, в том числе и самая ранняя из дошедших – Новгородская первая летопись старшего извода, ничего не сообщают о нахождении князя в Новгородской земле в это время. Последняя запись в Новгородской первой летописи, касающаяся действий Ярослава накануне нашествия, относится к 6744 (1236) году и посвящена его отъезду из Новгорода на княжение в Киев. Следующее упоминание князя относится уже к 6747 (1239) году и связано с женитьбой его сына – князя Александра Ярославича на дочери полоцкого князя [45, с. 74, 77, 285, 289].

Ничего неизвестно из летописей и о пребывании Ярослава в родном для него Переяславле (ныне – Переславль-Залесский). Да и вряд ли Ярослав смог бы не явиться на зов старшего брата, находясь в нескольких десятках километров от стольного Владимира¹. По крайней мере правивший в соседнем Юрьеве (ныне – Юрьев-Польский) князь Святослав Всеволодович, если верить Лаврентьевской летописи, смог присоединиться к походу Юрия на реку Сить (Святослав, в отличие от старшего брата, не погиб и прожил до 1252 года) [33, стлб. 473].

В связи с этим наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой в период нашествия Батыя на Владимиро-Суздальские земли Ярослав Всеволодович продолжал оставаться в Южной Руси (в Киеве или его окрестностях) и вернулся во Владимир уже после получения известий о гибели старшего брата [8, с. 143–144].

К вопросу о том, когда именно это произошло, мы еще вернемся, однако здесь важно отметить: если в начале 1238 года Ярослав находился на юге Руси, ему действительно трудно было прийти на помощь брату. Расстояние от Киева до Владимира по прямой превышает 1200 километров, а путь от Киева до реки Сити еще длиннее. Чтобы оказаться там, Ярославу Всеволодовичу потребовалось бы время, которого в условиях стремительного нашествия татар у него просто не было, – от одного до полутора месяцев².

К тому же не вполне ясно, получил ли Ярослав призыв старшего брата о помощи. Как полагает А.А. Горский, шансы на это были невелики, поскольку к этому времени путь из Суздальской земли к Киеву был перекрыт монголами [14, с. 208]. В.А. Кучкин, наоборот, считает, что у великого князя Юрия Всеволодовича «существовала договоренность с Ярославом, которую тот не выполнил» [28, с. 23]. Правда, утверждать, что это была

¹ Попытка А.В. Журавеля представить дело таким образом, что Ярослав находился где-то поблизости, но осознанно не пришел на помощь старшему брату, выглядит явным недоразумением [18, с. 33].

² Такие расчеты строятся на информации о времени, затраченном на аналогичные по протяженности поездки. Так, в 1318 году путь от Владимира до Орды великий князь владимирский и тверской Михаил Ярославич преодолел за месяц. Согласно сведениям Рогожского летописца, хан Узбек кочевал в то время «у моря Сурожского, идеже втече Дон река», то есть в месте впадения Дона в Азовское море в районе современного Таганрога. Расстояние между этими точками составляет примерно 1300 км. Однако, будучи вызванным в ставку хана с приказом прибыть именно за месяц, он, вероятнее всего, спешил уложиться именно в этот срок [31, с. 226; 5, с. 159]. По расчетам Ю.В. Селезнева, в среднем на дорогу в Орду (то есть до ставки хана в Сарая) русские князья тратили «около полутора-двух месяцев в одну сторону» [60, с. 159]. Расстояние от Владимира до Сарая-Бату (в районе нынешнего с. Селитренное Харабалинского района Астраханской области) составляло примерно 1100 км, а от Владимира до Сарая-Берке (в районе нынешнего с. Царев Ленинского района Волгоградской области) – около 900 км, то есть оно сопоставимо с расстоянием от Киева до Владимира. А значит, путь от Владимира до Киева тоже мог преодолеваться княжескими дружинами в течение этого же или чуть меньшего времени [58, с. 34–35]. Венецианец Амброджо Кантарини потратил 22 дня (с 21 января по 12 февраля 1477 года), ехав день и ночь, чтобы преодолеть чуть более 800 км, разделявших Москву и литовский Трокай [1, с. 232].

именно договоренность, то есть что Ярослав обещал помочь Юрию в этой ситуации, все-таки нельзя. Для этого нужно предположить, что князья либо договаривались о совместных действиях против татар еще до начала нашествия, либо успели согласовать позиции уже в январские дни 1238 года, когда над Владимиро-Суздальской Русью нависла опасность, а сам Юрий Всеволодович, если верить трактовке Лаврентьевской летописи, решил покинуть столицу и выдвинуться на север своих владений. И то и другое представляется маловероятным. Гораздо вероятнее то, что Юрий мог отправить в Киев призыв к брату о помощи, и, возможно, такой призыв до Ярослава все-таки дошел. Но выполнить просьбу старшего брата Ярослав либо не смог, либо по каким-то причинам не захотел.

Тем более что реальный замысел Юрия, возможно, вовсе не был связан с оказанием сопротивления татарам, а был вызван всего лишь стремлением скрыться от преследования с их стороны. По крайней мере именно так трактовала его отъезд на север Новгородская первая летопись: «князь же Юрьи выступи из Володимиря и бѣжа на Ярославль» [45, с. 75]. Точно так же описывал действия Юрия Всеволодовича персидский историк начала XIV века Рашид ад-Дин, со слов которого следует, что имела место лишь погоня за убежавшим князем: «эмир этой области Ванке Юрку (Юрий) бежал и ушел в лес: его также *поймали и убили*» [19, с. 407]. В этом смысле, выступление Ярослава из Киева, с тем чтобы присоединиться к стремительному походу Юрия на Сить, так сильно напоминающему современникам и ближайшим потомкам бегство, было бы, конечно, полным безумием и авантюрой чистой воды.

Таким образом, отказ князя Ярослава Всеволодовича оказать помощь старшему брату мог быть связан либо с сомнительностью, с военной точки зрения, самого предприятия Юрия Всеволодовича (если вообще доверять версии Лаврентьевской летописи о том, что он пытался собрать войска и дать бой татарам), либо, что гораздо вероятнее, с тем, что никакого «военного предприятия» Юрий и вовсе не затевал. А лишь спасался бегством в глухих лесах на берегах Сити и поэтому ни о какой помощи брата не просил и на нее не рассчитывал. И Ярослав это, судя по всему, понимал.

Возможно, теми же причинами объясняется и то, почему на помощь великому князю не выступил из Новгорода и его племянник – семнадцатилетний Александр Ярославич¹. Теоретически он мог это сделать. Для этого ему пришлось бы преодолеть вдвое меньшее расстояние, чем отцу. Но Александр тоже не двинулся с места: о его действиях в период нашествия Батыя на северо-восток Руси, как и о действиях Ярослава, в источниках нет никаких сведений.

Бездействие будущего героя Невской битвы и Ледового побоища, конечно, требует объяснения. В свое время в «Очерках истории СССР», вышедших в 1953 году, такая попытка была предпринята, однако вряд ли следует признать ее удачной: «Чтобы князь Юрий не мог получить помощи из Новгорода, в котором правил его племянник Александр Ярославич, татаро-монголы предусмотрительно осадили Торжок, лежащий на восточной окраине Новгородской земли» [46, с. 833–834].

Однако необходимо иметь в виду, что Александр Ярославич не пришел на помощь и осажденному татарями Торжку, часть которого в то время входила в состав Новгородской земли [32, с. 96]. Новгородская первая летопись сохранила рассказ об обороне этого приграничного города, прямо указывая на отсутствие помощи от Новгорода, которую, судя по всему, там ждали: «Оттолъ же придоща безаконнии, и оступиша Торжекъ на сборъ чистои

¹ Впервые девятилетний Александр Ярославич был посажен князем Ярославом Всеволодовичем на новгородский стол вместе со старшим братом Федором в 1230 году. Однако «начало действительного княжения Александра относится не к 1230 году, когда он был оставлен в Новгороде отцом, а к 1236-му, когда Ярослав Всеволодович стал киевским князем и союз Новгорода с ним утратил первоначальный смысл» [70, с. 202].

недѣли, и отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии поро-
кы по двѣ недѣли, и изнемогашася людѣе въ градѣ, *а из Новагорода имь не бы помочи, но
уже кто же собѣ сталь бѣ в недоумѣнии и страсть; и тако погании взяша градѣ, и иськоша
вся от мужьска полу и до женьска, иерѣискыи чинъ весь и черноризьскыи, а все изъобнажено
и поругано, горкою и бѣдною смертию предаша душа своя господеву, мѣсяца марта въ 5,
на память святого мученика Никона, въ среду средохрестъную»* [45, с. 76]. На вопрос о том,
почему Александр Ярославич не вышел на защиту Торжка, ни составитель Новгородской
первой летописи, ни составители «Очерков истории СССР» не давали ответа.

Как полагал В.Л. Янин, именно героическая оборона Торжка в конечном счете вы-
нудила Батыя отказаться от похода на Новгород: «...в повороте ордынского войска на юг
решающую роль, несомненно, сыграл героизм защитников маленького Торжка. Распятый и
поруганный, так и не дождавшийся новгородской помощи, он сражался насмерть, заслонив
Новгород от тяжелых военных испытаний» [71, с. 129–130].

Стоит согласиться с мнением В.А. Кучкина, который полагает, что решение Алек-
сандра Ярославича отсидеться в Новгороде, скорее всего, было обусловлено позицией
правившего в Киеве отца. Если это так, то вполне вероятно, что стратегия находившегося
в Южной Руси Ярослава Всеволодовича состояла в том, чтобы вовсе не втягиваться в кон-
фликт с татарами. Что ж, в этом смысле Ярослав лишь повторял тактику своего старшего
брата – великого князя Юрия Всеволодовича, который в самом начале нашествия (воз-
можно, из тех же соображений) отказал в помощи рязанским князьям [28, с. 23; 29, с. 113].

«Того же лѣта было мирно»

О действиях князя Ярослава после завоевания Северо-Восточной Руси татарами
можно судить на основе той скупой информации, которая дошла до нас в Лаврентьевской
и отчасти Ипатьевской летописях.

О событиях 1238 года, последовавших после гибели на реке Сити великого кня-
зя Юрия Всеволодовича, Лаврентьевская летопись сообщает весьма лаконично: «В лѣто
6746. Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, съде на столѣ в Володимери. И бысть радость
велика христьяном, их же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожных татаръ. *И поча
ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: “Боже, суд твой цареви даждь, и правду твою
сынови цесареви – судити людемъ твоим в правду и нищим твоимъ в суд”*. И потомъ
утвердися в своем честнѣмъ княжении. Того же лѣта князь Ярославъ великий отда Суж-
даль брату своему Святославу. Того же лѣта отда Ярославъ Ивану Стародубъ. *Того же
лѣта было мирно»* [33, стлб. 467].

Ряд исследователей на основе этих, а также более поздних летописных известий
делают далеко идущие выводы о действиях Ярослава в этот период. Так, еще Н.М. Карам-
зин, который в данном случае опирался на рассказ более поздней Никоновской летописи,
писал, что вернувшемуся из Киева князю «надлежало собрать людей рассеянных, воз-
двинуть города и села из пепла – одним словом, совершенно обновить Государство». По
словам историографа, Ярослав Всеволодович «ободрял народ, ревностно занимался де-
лами гражданскими и приобретал любовь общую правосудием» [22, с. 7]. С.М. Соловьев,
также пересказывая поздние летописи, писал о том, что князь «очистил церкви от трупов,
собрал оставшихся от истребления людей, утешил их и, как старший, начал распорядь-
ться волостями» [62, с. 146; 68, с. 15; 49, с. 225]. Советский историк Ю.А. Лимонов и вовсе
полагал, что действия нового великого князя являлись свидетельством существовавших
в этот период мощных вечевых традиций во Владимире, поскольку, как считал исследо-
ватель, заняв княжеский стол, Ярослав Всеволодович первым делом заключил «ряд с го-
родом». «Как видим, порядок, традиция – князь заключает договор с городом, несмотря

на страшный разгром, – не были нарушены», – отмечал Ю.А. Лимонов [36, с. 128–129]. И в современной литературе можно встретить мнения о том, что прибывший во Владимир князь занялся мерами «по привлечению населения в покинутые места», а также упорядочиванием «отношений между общинами («поча ряды рядити»), на которые тяготы войны легли непропорционально» [66, с. 150; 48, с. 53].

Между тем процитированная часть летописной статьи вряд ли позволяет делать подобные выводы. Прежде всего потому, что почти половина этого текста является прямой цитатой из другой статьи той же Лаврентьевской летописи. Фраза «и поча ряды рядити, яко же пророкъ глаголет: “Боже, суд твой цареви дажь, и правьду твою сынови цесареви – судити людемъ твоимъ в правду и нищим твоимъ в суд. И потомъ утвердися в своемъ честнѣмъ княжении”», значительная часть которой сама по себе представляет цитату из Священного Писания (Пс. 71: 1–2), была заимствована составителем рассказа о нашествии из статьи Лаврентьевской летописи, повествующей о вокняжении в 1206 году в Новгороде Великом старшего брата Ярослава – князя Константина Всеволодовича [54, с. 81]. Таким образом, она не имела прямого отношения к действиям самого Ярослава, а, скорее, отражала представления книжника о том, как *принято было* поступать в подобных ситуациях – при вступлении на княжеский стол. И в этом смысле рассказ Лаврентьевской летописи о действиях Ярослава Всеволодовича вопреки мнению Ю.А. Лимонова не может быть источником по истории вечевых традиций во Владимире, поскольку касается отношений между князем и новгородским, а не владимирским самоуправлением.

При этом в статье о вокняжении Ярослава говорится об избавлении христиан от безбожных татар, что в контексте дальнейших погодных записей летописи (о завоевании войсками Батые Южной Руси, а также о нападении татар на города владими́ро-суздальского пограничья) выглядит более чем преждевременным. Это дает основания предполагать, что появление данного известия могло быть следствием использования редактором летописной статьи сведений, относящихся к более позднему времени.

Получается, что к фактической стороне дела из всей этой статьи может относиться лишь информация о том, что Ярослав «съде на столѣ в Володимери», после чего роздал княжеские столы братьям: Суздаль – Святославу, Стародуб – Ивану. В свое время М.Д. Приселков предположил, что в этой части Лаврентьевской летописи мы имеем дело с отражением летописи самого Ярослава Всеволодовича, выполненной для него в Ростове в 1239 году [53, с. 144], то есть источником, который по определению должен был быть осведомлен о реальных поступках нового великого князя. Однако, как видим, состав данной летописной статьи свидетельствует об обратном: что какой-то особой осведомленностью ее автор не отличался. Иначе вряд ли он стал бы описывать поступки Ярослава столь трафаретно, при помощи цитат и не вполне соответствующих действительности оценок. Скорее всего, этот текст создавался не синхронно событиям, а существенно позже.

Такой же вывод можно сделать и при анализе начальной части летописной статьи Лаврентьевской летописи, в которой речь идет о событиях следующего, 6747 (1239) года. Она открывается сообщением о перезахоронении по инициативе нового великого князя останков прежнего правителя Владимиро-Суздальской земли: «посла Ярославъ князь великий по брата своего Георгия в Ростовъ, и привезоша и к Володимерю, и не дошедше ста. Изидоша из града противу ему епископъ Кириль и Дионисий архимандрить; понесоша и в град с епископомъ, и игумени, и попове, и черноризци. И не бѣ слышати пѣнья в плачи и велици вопли, плака бо ся весь град Володимерь по нем. Ярослав же, и Святославъ, и князи рустии плакахуся по нем с дружиною своею, и множество боярь и слугъ плакахуся лишения своего князя, убозии кормителя». После чего, согласно Лаврентьевской летописи, тело князя Юрия было погребено во владимирском Успенском соборе: «пѣвше обычныя пѣсни и положиша и в гроб камень в святой Богородици в гробници, иде же лежитъ Всеволодъ, отецъ его» [33, стлб. 467–468].

Интересно, что затем – уже после рассказа о перезахоронении останков Юрия и пространной «похвалы» убиенному на Сити великому князю (так же, кстати, сотканной из многочисленных цитат из предшествующего текста Лаврентьевской летописи [54, с. 78–83]), летописец вновь (как и в предыдущей статье) возвратился к теме «избавления» от татар. Правда, речь в данном фрагменте шла уже не о «христианах» вообще, а лишь о спасении князей: «сдѣя Господь спасенье велико князем нашим, избавиль есть от враг наших» [33, стлб. 469]¹.

Важно, что составитель летописи уточняет, каким образом произошло это спасение: «гониша по них татарове и не обрѣтоша». *Яко же и Сауль гоняше Давида, но Богъ избави от руку его, тако и сих Богъ избави от руки иноплеменникъ*. И далее перечисляются четырнадцать князей Владимиро-Суздальской Руси, спасшихся во время нашествия Батыя: «благочестиваго и правовѣрнаго великого князя Ярослава с благородными своими сыны. Бѣ же ихъ 6: Олександръ, Андрѣй, Костянтинъ, Офонасий, Данило, Михайло. А Святославъ с сыномъ с Дмитриемъ, Иванъ Всеволодичъ, Володимерь Костянтиновичъ, Василковича 2 – Борисъ и Глѣбъ, Всеволодичъ Василий, – си вси схранени быша Божьею благодатью» [33, стлб. 469].

Сравнение правителей русских княжеств с Давидом, за которым гнался царь Саул, прежде всего указывает на то, что «избавление от рук иноплеменников» произошло благодаря бегству князей от преследовавших их татар. Согласно 1-й Книге Царств, на тот момент юноша, а в будущем – царь Давид, неоднократно именно бегством спасался от гнева царя Саула, в которого вселился злой дух (1 Цар. 18–31). Бегство Давида (и в библейском тексте, и в Лаврентьевской летописи) преподносится как дело богоугодное, ведь именно так Бог избавил его от преследования со стороны царя Саула. Значит, можно предположить, что богоугодным считались и действия князей, таким «библейским» способом старавшихся избежать гибели.

Между тем, если исключить из этой части летописной статьи «похвалу» князю Юрию и сообщение об «избавлении и спасении» князей Северо-Восточной Руси от татар, то в ней тоже почти не оказывается сведений о действиях нового великого князя. Исключение составляет лишь упоминание об участии в перезахоронении останков Юрия братьев Всеволодовичей (но только двух из трех – Ярослава и Святослава. Ивана Всеволодовича, княжившего в Стародубе, летопись в этом контексте не упоминает) [33, стлб. 467].

Более конкретная информация о действиях Ярослава появляется только в самом конце статьи 6747 (1239) года. Однако все эти действия совершаются им не во Владимире, а на Юге и Западе Руси: в той части летописной статьи, которая касается событий на северо-востоке Русской земли, князь не упоминается. «Того же лѣта татарове взяша Переяславль Рускый, и епископа убиша, и люди избиша, и град пожьгоша огнем, и люди, и полон много вземше, отидоша. *Того же лѣта Ярославъ иде з Каменьцю; градъ взя Каменьць, а княгьню Михайлову со множествомъ полонъ приведе в своя си. Того же лѣта священа бысть церкви Бориса и Глѣба в Кидекшии великимъ священемъ на праздникъ Бориса и Глѣба священемъ епископомъ Кирилломъ. Того же лѣта взяша татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Угры; а градъ пожегше, и люди избише, и монастырь пограбиша, а епископа*

¹ В издании «Памятники литературы Древней Руси» предложен не вполне точный перевод этого места: «Но не погуби нас, Господи, до конца ради твоего святого имени и не лишай нас своей милости ради молитвы святой Богородицы и блаженного епископа Кирилла. Не презрел Господь молитвы и слезы князя Юрия, что приносил он Господу, молясь днем и ночью, чтобы не оскудела правоверная вера христианская. Так и случилось: Господь послал нам великое спасение ради нашего князя, избавил нас Бог от врагов наших». Между тем, в оригинальном тексте речь, судя по всему, идет о «молитвах и слезах» не князя Юрия, а епископа Кирилла («не презрь Господь молитвы его и слезъ»). Так же не идет речь в этом отрывке о «великом спасении ради нашего князя», как это ошибочно дано в переводе: в оригинале говорится о «великом спасении князьям нашим» («спасенье велико князем нашим» [47, с. 147]).

Перфурья пустиша в Глуховь; а сами идоша в станы своѣ. *Того же лѣта Ярославъ иде Смолнскую на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ яль; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си*» [33, стлб. 469].

Далее – в конце статьи – составитель Лаврентьевской летописи рассказывает о разорении территорий, приграничных с владими́ро-суздальским княжеством или даже в него входящими: «*того же лѣта на зиму [речь идет о зиме 1239/1240 года, так как в этой части летописи использовался мартовский стиль [4, с. 110] – В.Р.] взяша татарове Мордовьскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьмѣ воеваше, и град святыя Богородица Гороховець пожгоша, а сами идоша в станы своя*». Однако в контексте и этого сообщения великий князь владимирский тоже не упоминается: вполне вероятно, к этому времени он еще не вернулся во Владимиро-Суздальскую землю из походов в Южную Русь и Смоленское княжество.

Сообщения Ипатьевской летописи о действиях Ярослава Всеволодовича в этот период еще более лаконичны и путаны. А, кроме того, Ипатьевская летопись совершенно иначе, чем Лаврентьевская, излагает последовательность событий. Так, она сообщает о приходе Ярослава Всеволодовича в Киев и о его отъезде обратно во Владимиро-Суздальскую Русь всего одним предложением. Однако сообщение об этом помещено в Ипатьевской летописи под 6743 годом *перед* рассказом о нашествии Батыя на русские земли, то есть *до* взятия татарами Рязани, Владимира и до гибели великого князя Юрия Всеволодовича: «И потомъ приде Ярославъ Суждальский и взя Киевъ подѣ Володимеромъ, *не мога его держати*, иде паки Суждалю, и взя под нимъ Михаилъ» [21, стлб. 777]. А под 6746 годом, сразу за сообщением о бегстве Михаила Всеволодовича Черниговского из Киева, Ипатьевская летопись вновь упоминает князя Ярослава: «...яко бѣжалъ есть Михаилъ ис Киева в Угры, ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и *город Каменѣць* взя. Слышавъ же се Даниль, посла слы река: “Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обѣима нама зло мыслить”. И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Василку, и держаста ю во велицѣ чести [21, стлб. 782; 30, с. 6].

При этом датировкам Ипатьевской летописи доверять нельзя. Погодная сетка в этой ее части была вставлена в текст составителем Ипатьевского списка начала XV века, то есть задним числом. В других же списках летописи соответствующие хронологические указания вовсе отсутствуют [12, с. 26]. Отсюда весьма условная разбивка на даты. К тому же летописец, по собственному признанию, по ходу изложения затрагивал как более ранние, так и более поздние события: «хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чѣтый мудрый разумѣеть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ...» [21, стлб. 820].

Как видим, анализ летописных статей Лаврентьевской и Ипатьевской летописей дает весьма расплывчатое представление о действиях князя Ярослава Всеволодовича в 1238–1239 годах. При этом очевидно, что не всем сообщениям ранних летописей на этот счет можно всецело доверять. Составители обеих летописных версий, созданных в разных уголках Русской земли, судя по всему, сталкивались с общей проблемой – недостатком информации о событиях тех лет и деятельности главных героев своих повествований. Иначе невозможно объяснить, почему во владими́ро-суздальском летописании вместо оригинальных записей о поступках своих князей появляются рассказы, созданные при помощи цитат из предшествующего летописного материала [54, с. 78–83]. А в большинстве списков Ипатьевской летописи, отразившей летописание Галицко-Волынской Руси, не только нарушена хронологическая последовательность событий, но и вовсе отсутствует их привязка к конкретным датам. Все это относится и к сведениям, касающимся последовательности и хронологии действий князя Ярослава Всеволодовича. И прежде всего – к определению времени его появления во Владимире.

Из Киева во Владимир и обратно?

Большинство исследователей с доверием относятся к сообщению Лаврентьевской летописи о том, что «в лето 6746 Ярославъ, сынъ Всеволода великаго, съде на столъ в Володимери». Они исходят из того, что приезд князя во Владимир состоялся в первой половине 1238 года, когда стало известно о гибели старшего брата Ярослава – великого князя Юрия Всеволодовича на реке Сити, в результате чего владимирский великокняжеский стол оказался вакантен. Как правило, пишут о том, что Ярослав приехал во Владимир весной 1238 года [12, с. 25–30; 39, с. 604].

Опираясь на косвенные данные, эту датировку можно уточнить. Ипатьевская летопись сообщает, что финальной точкой Батыева нашествия в этот период стал черниговский город Козельск, осада которого началась после того, как татары покорили города Владимиро-Суздальской Руси («град избившу Володимѣрь, поплѣни грады суждальские и приде ко граду Козельску» [21, стлб. 780]), то есть, вероятнее всего, не ранее марта. Из сообщения той же летописи известна и продолжительность осады – семь недель («оттуда же ву татарѣхъ не смѣють его нареци град Козлескъ, но град злый, понеже бишася по семь недѣль» [21, стлб. 781]), то есть примерно до мая 1238 года. Козельск стоял на дороге, которой суздальские князья еще в XII веке ездили в Чернигов, Переяславль Русский и Киев и обратно [15, с. 31; 30, с. 15]. Вряд ли находящийся в это время в Киевской земле Ярослав Всеволодович отправился бы в дальнюю дорогу, не убедившись в безопасности пути. Это означает, что его отъезд из Киева, скорее всего, состоялся только после того, как полчища Батыея покинули русские земли, удалившись обратно в степь («Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю Половецкую» [21, стлб. 781]). В этом смысле путь на Владимир стал относительно безопасен не раньше конца мая – начала июня. Сама дорога из Киева во Владимир (около 1200 км) тоже могла занять у князя, как было указано выше, от одного до полутора месяца. Значит, во Владимире Ярослав мог появиться не раньше середины 1238 года [30, с. 20].

Если принять версию Лаврентьевской летописи о том, что уже в 1239 году великий князь неожиданно покинул Владимиро-Суздальскую Русь, для того чтобы отправиться обратно – в район находящегося неподалеку от Киева города Каменец, то получается, что он пробыл в своей новой столице совсем небольшой срок – чуть более года [30, с. 21]. Согласно Лаврентьевской летописи, в том же 1239 году Ярослав совершил поход на Смоленск, результатом чего стала победа над «Литвой» и замена смоленского князя на более лояльного Ярославу. Вероятно, во время этого похода Ярослав достиг договоренности о браке дочери полоцкого князя Брючислава с сидевшим в Новгороде Великим князем Александром Ярославичем, что подтверждается сведениями Новгородской первой летописи. Молодожены венчались в городе Торопце, на границе новгородских и полоцких владений, а сами торжества, вероятно, проходили в Новгороде («оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль в Новѣ-городѣ, поя в Полотъскѣ у Брючъслава дщерь, и вѣнчася в Торопчи; ту кашю чини, а в Новѣ-городѣ другую» [45, с. 77, 289]). И хотя Новгородская первая летопись больше ничего не сообщает об этом событии (в том числе, были ли среди гостей родители молодых), с большой степенью вероятности можно предположить, что «идеолог» этого брачного союза, князь Ярослав Всеволодович, мог принимать в торжествах самое деятельное участие. Это означает, что великий князь отсутствовал в своих новых владениях вплоть до начала 1240 года¹.

¹ Указания в Лаврентьевской летописи на то, что и после похода на Каменец, и после победы над Литвой князь отходил «в своя си» вряд ли в обоих случаях означала, что каждый раз он возвращался во Владимир. Потому что иначе великий князь владимирский вряд ли смог бы в один и тот же год («того же лета») успеть осуществить столь дальние походы (их общая протяженность в этом случае должна была бы составить более 4000 км).

Сам по себе поход Ярослава на южнорусский город Каменец вызывает много вопросов. Что двигало великим князем? Почему он покинул свою новую столицу, для установления контроля над которой он еще совсем недавно спешно покинул Киев? Ради чего он решился на столь рискованное военное предприятие в момент, когда другие южнорусские князья (например, Михаил Всеволодович Черниговский и Даниил Романович Галицкий), наоборот, уже в это время стремились покинуть ставший небезопасным регион?

Очевидно, что поход на Смоленск имел оборонительную направленность и ставил целью не допустить захвата смоленского княжества враждебной Литвой (и это Ярославу Всеволодовичу удалось сделать). Однако трудно понять, что могло заставить князя через год после прибытия в столицу своих новых владений бросить все (в том числе вполне легитимно доставшийся великокняжеский стол) на произвол судьбы и отправиться в далекую Южную Русь, к границам которой уже приближались татары.

Может быть, им двигало стремление поквитаться с Михаилом Черниговским, с которым Ярослав соперничал сначала за Новгород, а затем за Киев на протяжении всех 1230-х годов? Вполне может быть. По крайней мере именно так интерпретировал мотивы Ярослава Всеволодовича Дж. Феннел: «Это был акт личной мести, лишенный политической целесообразности, и он почти ничего не дал Ярославу: он не захватил в плен своего старого врага, и даже если бы это ему удалось, то мало бы что изменилось: дни Михаила как политика в Южной Руси были к тому времени сочтены» [64, с. 139]. «Актом мщения», «настоящим карательным походом во внутренние области Киевской земли» называет действия князя современный исследователь Д.Г. Хрусталева [66, с. 167].

Другое объяснение недавно предложил В.А. Кучкин, выдвинувший гипотезу, согласно которой «пленением Михайловой жены князь Ярослав намеревался, видимо, воздействовать на ее мужа и вернуть себе Киев», однако, «замысел не удался». «Но зато удалось другое. Из Каменца на Северо-Восток было переведено “множество полона”, что позволило в определенной степени восполнить людские потери в северо-восточных княжествах, понесенные зимой-весной 1238 г.». Такой же результат, по мнению В.А. Кучкина, был достигнут и во время похода Ярослава на Смоленск. «Очевидно, что такие действия Ярослава Всеволодовича объясняются стремлением пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья, сильно пострадавшего от монголов», – делает вывод исследователь [30, с. 21].

Между тем, очевидно, что даже если бы Ярославу удалось пленить самого Михаила Всеволодовича, это вовсе не означало бы автоматического занятия им киевского стола, на что справедливо указал еще Дж. Феннел. При этом в случае провала этого, по выражению Дж. Феннела, «необычного похода», у Ярослава Всеволодовича были неплохие шансы потерять не только уже доставшийся ему по наследству великокняжеский стол во Владимире, но и саму жизнь. Либо в силу большей проворности враждовавших с ним родственников, либо – с еще большей вероятностью – высокого риска столкнуться по пути из Владимира в Каменец с наступавшими на Южную Русь татарами. Не вполне ясно также, зачем ему, если он действительно хотел «пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья», понадобилось для этого совершать столь длительный и рискованный поход в район Киева? Ведь ту же самую задачу он мог решить путем привлечения населения с северных окраин Владимиро-Суздальской земли, не пострадавших от нашествия, или же за счет людских ресурсов Великого Новгорода, где княжил его сын Александр?

Не вполне понятно также, где Ярослав Всеволодович смог взять военные силы, для того чтобы отправиться в дальний и очень рискованный поход? Ведь стольный Владимир в этот момент лежал в руинах [43, с. 244–245]. Вряд ли он мог опереться и на местную дружину, поскольку большая часть дружины его старшего брата Юрия погибла во время штурма города татарами. Меньшая же («малая дружина»), если верить рассказу Лаврентьевской

летописи, вместе с Юрием Всеволодовичем пала на берегах Сити [33, стлб. 461]. «В опустошенный Владимир не считали даже нужным поставить епископа: в течение нескольких десятилетий после погрома 1238 года, когда убит был владимирский епископ Митрофан, и вплоть до 1274 года, когда был поставлен еп. Серапион, г. Владимир пребывал совсем без епископа», – отмечал в связи с этим А.Н. Насонов [43, с. 244].

В свое время В.В. Каргалов предположил, что «великий князь смог собрать значительные силы для похода на Смоленск» благодаря тому, что возвращение населения, покинувшего Владимирское княжество во время нашествия Батыея, «по-видимому, происходило довольно быстро» [23, с. 135]. Однако что позволило ему сделать такое предположение, исследователь не уточнил. Между тем территория Северо-Восточной Руси в 1239–1240 годах вряд ли могла считаться безопасной, и набег татар на Мордву, Муром и Гороховец, произошедший уже в отсутствие великого князя, лишний раз это подтвердил. То обстоятельство, что, рассказав об этом набеге, составитель Лаврентьевской летописи написал о том, что «тогда же бѣ пополохъ¹ золь по всей земли, и сами не въдаху и гдѣ хто бѣжить» [33, стлб. 469–470], также подтверждает, что к этому моменту причин для «довольно быстрого» возвращения населения в города Владимиро-Суздальской Руси не было. Все это означает, что Ярослав вряд ли мог укрепить свою дружину за счет местных сил.

Учитывая непростую военную ситуацию в Южной Руси, а также то, что к этому времени сфера интересов нового великого князя владимирского должна была бы переместиться на северо-восток русских земель, стремление Ярослава осуществить поход к далекому Каменцу, действительно, не может не вызывать удивления.

Неслучайно рассказ об этом походе Ярослава на другой конец Русской земли породил весьма спорные предположения о мотивах князя. В том числе и предположения о возможности заключения им некоего тайного союза с Батыем. Якобы одним из условий такого союза могло быть невмешательство князя в военные действия татарских отрядов на территории северо-восточной Руси (это, по мнению авторов данной версии, предопределило стремление Ярослава не участвовать на стороне брата в сражении на реке Сити). Наличием предварительных договоренностей с татарами сторонники такой трактовки объясняют и то обстоятельство, что Ярослав безбоязненно отправился в 1239 году в Южную Русь, уже полыхавшую под натиском татар [18, с. 24–29; 67, с. 21–51; 59 с. 77]. Впрочем, даже сами авторы подобного рода гипотез признаются: у них «нет никаких прямых данных о том, что Ярослав действовал так по воле монголов» и что все их построения – не более чем смелые предположения [14, с. 207–208; 25, с. 89–90].

Еще Н.М. Карамзин выражал изумление по поводу того, что Ярослав, прибывший из Киева в разоренный татарами Владимир, чтобы занять великокняжеский престол, вскоре вновь оказался на другом краю Русской земли: «Удивительно, как мог великий князь в такое бурное время идти из Владимира Суздальского в нынешнюю Подольскую губернию!» [22, с. 182, примеч. 20]. В свое время С.М. Соловьев даже предположил, что в данном случае речь идет не о Ярославе Всеволодовиче, а о совершенно другом человеке – тезке великого князя владимирского, одном из мелких волыньских князей Ярославе Ингваревиче. Историк исходил из того, что и в Лаврентьевской, и в Ипатьевской летописях, в которых рассказывается о походе на Каменец и пленении жены Михаила Черниговского, князь Ярослав назван только по имени, что, по мнению С.М. Соловьева, и могло породить путаницу. Впоследствии ряд исследователей поддержали такую трактовку [62, с. 322, примеч. 277; 68, с. 17, примеч. 36; 39, с. 602; 26, с. 252].

В современной литературе наиболее активно эту точку зрения отстаивает А.В. Майоров, который исходит из того, что «из далекого Владимира-Суздальского Ярославу Всево-

¹ То есть «тревога», «смятение», «переполох» [61, с. 94].

лодовичу трудно было бы успеть перехватить в Каменце жену и обоз бежавшего из Киева Михаила». Он также считает, что в известии Ипатьевской летописи речь идет о Ярославе Ингваревиче, и это известие «попало в северные своды, так как Ярослав Ингваревич по недоразумению был принят за Ярослава Всеволодовича» [41, с. 48].

Между тем, сам Н.М. Карамзин, первым обративший внимание на странность поступка великого князя владимирского и тоже задумывавшийся о возможной причастности князя Ярослава Ингваревича к этим событиям, в итоге отверг подобную версию [22, с. 182, примеч. 20]. Действительно, если южнорусская Ипатьевская летопись теоретически могла иметь в виду какого-то иного Ярослава, то владими́ро-суздальская Лаврентьевская летопись (особенно в том контексте, в котором в ней рассказывается о походе на Каменец) могла рассказывать только о великом князе владимирском.

Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись
Того же лѣта Ярославъ иде г Каменьцю; градъ взя Каменецъ, а княгину Михайлову со множествомъ полона приведе в своя си <...> Того же лѣта Ярославъ иде Смолинску на Литву, и Литву побѣди, и князя ихъ яль; а смольняны урядивъ князя Всеволода посади на столе, а сам со множествомъ полона с великою честью отиде в своя си» [33, стлб. 469].	...яко бѣжалъ естъ Михаилъ ис Кыева в Угры, ѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и городъ Каменьць взя. Слышавъ же се Даниль, посла слы река: «Пусти сестру ко мнѣ, зане яко Михаилъ обѣима нама зло мыслить». И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Василку, и держаста ю во велиць чести [21, стлб. 782].

Следует согласиться с мнением А.А. Горского, полагающего, что если бы речь в этом сообщении шла о малоизвестном удельном южнорусском князе, а не о великом князе владимирском, «то его действия вряд ли вообще были бы упомянуты в летописании Северо-Восточной Руси. Между тем владимирский летописец не только не прошел мимо захвата Каменца и жены Михаила, но и написал об этом в тех же выражениях, что и о походе Ярослава Всеволодовича в том же 1239 году на Смоленск». В этом смысле «допущение, что летописец в первом случае писал о походе не своего князя, а одноименного незначительного южнорусского, никак не обозначив, что это не тот Ярослав, не верховный правитель Суздальской земли (которому посвящена значительная часть остальной информации статьи 1239 года), представляется абсолютно невероятным» [14, с. 186–187, примеч. 27].

Таким образом, несмотря на то изумление, которое вот уже несколько столетий вызывает предположение о том, что именно великий князь владимирский Ярослав Всеволодович совершил поход на Каменец, это мог быть только он. Учитывая все эти обстоятельства, решение князя покинуть свои новые владения и в условиях начавшегося нашествия Батыя на Южную Русь отправиться в рискованное путешествие по направлению к Киеву, то есть туда, откуда он задолго до этого прибыл, – выглядит более чем странным. Попробуем найти этому объяснение, тем более что, на наш взгляд, это может прояснить вопрос о том, когда именно Ярослав Всеволодович прибыл во Владимиро-Суздальскую Русь.

Поход на Каменец

Относительно того, где именно находился упомянутый в летописях Каменец и с каким из современных населенных пунктов он может ассоциироваться, в науке единого мнения нет, поскольку в Южной Руси было несколько городов с подобным названием [26, с. 73].

Долгое время бытовало представление, что Каменец – это нынешний город Каменец-Подольский, расположенный примерно в 400 километрах юго-западнее Киева. Так, например, полагал Н.М. Карамзин [22, с. 182, примеч. 20]. Однако затем это мнение

было пересмотрено под влиянием работы Н.П. Барсова. Он показал, что Каменец русских летописей не имеет отношения к современному Каменцу-Подольскому и что, скорее всего, «Каменец следует искать не на юго-западе Волыни, а на юго-востоке ея, не в Поднестровьи, а в Погорыни, не на Галицко-Волынской меже, а на границе Волыни с Киевом и степными кочевниками» [в данном случае имелись в виду черные клобуки – *В.Р.*]. В итоге Н.П. Барсов предложил локализовать Каменец на левом берегу реки Случ, недалеко от местечка Колодяжно (ныне – Колодяжне), которое он ассоциировал с городом Колодяжным, упомянутым в Ипатьевской летописи в рассказе о нашествии Батые на Южную Русь. Если это так, то Каменец должен располагаться примерно в 230 км западнее Киева (ныне – это Романовский район Житомирской области Украины) [3, с. 100, LVI–LVIII, примеч. 179; 69, с. 145]¹. В расположенной неподалеку Колодяжне в 1948–1950 годах производились археологические раскопки, в ходе которых был сделан вывод о том, что «город был полностью сожжен татарами» [9, с. 49–53; 26, с. 154]. С локализацией древнего Каменца «в районе реки Хоморы, притока Случи, на границе Волыни и Киевщины» согласны М. Дымник, Н.Ф. Котляр и А.А. Горский [26, с. 74; 13, с. 121–122, примеч. 110; 72, с. 74].

Впрочем, село с близким названием – Колодежно – до сих пор существует и в другой части Волыни, в 440 км северо-западнее Киева. Причем недалеко от него, примерно в 40 км, находится город Камень-Каширский, расположенный на реке Цире (притоке Припяти), на месте которого, как полагают некоторые современные исследователи, вполне мог располагаться упомянутый в летописи Каменец [7, с. 13]. Однако если представить, что Ярослав нагнал обоз Михаила во время бегства последнего в Венгрию (а именно об этом сообщала Ипатьевская летопись: «*Михаиль бежалъ передъ Татары в Оугры*» [21, стлб. 782]), то есть на юго-запад от Киева, скорее всего, упомянутый в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях Каменец должен был располагаться к западу или юго-западу, но никак не к северу-западу от Киева. И значит, вряд ли речь может идти о Каменце-Каширском: скорее, упомянутый в рассказах о походе Ярослава летописный Каменец – это все-таки Каменец-Случе.

Как и почему великий князь владимирский оказался в месте, расположенном так далеко от его владений? Попробуем реконструировать действия и мотивы Ярослава Всеволодовича в 1238–1239 годах на основе той скудной и, как оказывается, весьма противоречивой информации, которая содержится в летописных источниках.

Как представляется, единственное рациональное объяснение странному и рискованному поступку, совершенному Ярославом Всеволодовичем в 1239 году, может состоять в следующем. Великое княжение в Киеве он утратил вовсе не потому, что вынужден был уехать во Владимир, чтобы занять там освободившийся после гибели брата великокняжеский стол, а по каким-то иным обстоятельствам, связанным, скорее всего, с продолжающейся междоусобицей в Южной Руси. Именно об этом, кстати, и сообщает Ипатьевская летопись: «*И потомъ приде Ярославъ Суждальскый и взя Киевъ подъ Володимеромъ, не мога его держати*» [21, стлб. 777]. Однако после этого вопреки летописи, весьма путано излагающей в этом месте хронологию и последовательность событий, Ярослав, судя по всему, не сразу «пошел снова в Суздаль» («*иде паки Суждалю*») и покинул Южную Русь не в 1237-м, как это могло показаться из летописного сообщения, и не в 1238-м, как это следует из Лаврентьевской летописи, а существенно позже – скорее всего, летом или даже ранней осенью 1239 года.

¹ Впрочем, восемью годами ранее тот же Н.П. Барсов сам путал разные Каменцы, полагая, что поход Ярослава Всеволодовича (у него он ошибочно назван «Владимировичем»), состоявшийся в 1239 году (у него опять ошибочно – 1139-й), был направлен на Каменец-Подольский, что на реке Смотрич в Галиции. А поход Батые 1240 года – на Каменец-Каширский, расположенный «в 50 верстах от Ковеля», то есть на западе Волыни [2, с. 87–88].

При этом, пребывая на юге Руси, уже де-факто не будучи киевским князем, он не обязательно все время должен был находиться в Киеве. Он мог утратить власть над «матерью городов русских», но при этом остаться поблизости. Возможность подобного варианта (правда, для более раннего периода) не исключал Р.Г. Храпачевский: «Ярослав Всеволодович вполне мог быть в 1236–1238 годах или в Киеве (точнее, в какой-либо из великокняжеских резиденций – в Вышгороде или Белгороде, где в подобных случаях отсиживались князья-соправители Киева), или в соседнем Переяславле-Русском, пока в течение года-полтора шла торговля за эти столы» [65, с. 217–218; 57, с. 170]. Между тем, Ярослав Всеволодович вполне мог задержаться в этих краях и на более длительный срок.

Если представить, что после смерти старшего брата он не сразу покинул Киевщину и свой поход на Каменец против Михаила Черниговского (который, согласно Ипатьевской летописи, занял Киев после ухода оттуда Ярослава) осуществил не из Владимира-на-Клязьме, а с территории Южной Руси, многое встает на свои места.

Во-первых, предлагаемая трактовка объясняет, откуда Ярослав Всеволодович мог взять военные силы для нападения на обоз Михаила: вероятнее всего, это была дружина, которая находилась с Ярославом в Киеве (в данном случае войск потребовалось бы существенно меньше, чем если бы он шел на Каменец из Владимира).

Во-вторых, это объясняет и мотивы Ярослава: в пылу междоусобной войны за обладание киевским столом он вполне мог попытаться либо взять реванш над Михаилом Черниговским, либо просто поквитаться со своим давним врагом, в спешном порядке покинувшим Киев, а, значит, ставшим более уязвимым.

Наконец, это объясняет то, каким образом Ярослав смог столь оперативно отреагировать на бегство своего недруга. Ведь расстояние, которое успел преодолеть обоз Михаила после отъезда из Киева, было примерно в четыре-пять раз меньше, чем расстояние, которое пришлось бы преодолеть Ярославу Всеволодовичу, если бы он отправился в район Каменца-на-Случе из Владимира-на-Клязьме. Вряд ли при таком соотношении дистанций Ярослав, будучи во Владимире и получив известие о бегстве Михаила Всеволодовича из Киева, успел бы нагнать княжеский обоз и взять супругу черниговского князя в плен. (Если, конечно, не предполагать, что отъезд из столицы Михаила Черниговского и его жены произошел с разницей в месяц-полтора – именно столько времени необходимо было затратить Ярославу для того, чтобы, узнав о бегстве черниговского князя, добраться до Южной Руси из Владимира и настичь отъехавшую из Киева жену Михаила Всеволодовича). Чтобы столь результативно преследовать своего давнего врага, Ярослав Всеволодович должен был находиться где-то поблизости – на территории не Северо-Восточной, а Южной Руси и, скорее всего, в окрестностях Киева.

К тому же если поход Ярослава на Каменец был осуществлен не из Владимира, а с юга Руси, он уже не выглядит столь неоправданным в политическом и военном плане мероприятием, да и риск его оказывается весьма умеренным.

Трудно судить, в какой мере Ярослав решил поставленную перед собой задачу, если речь шла о желании отомстить Михаилу Всеволодовичу. Тем более что плененную жену черниговского князя Ярославу все равно пришлось под давлением ее братьев-Романовичей отпустить. Однако можно уверенно утверждать, что конечной цели, поставленной им еще в 1236 году, когда он покинул Новгород, чтобы княжить в Киеве, князь так и не достиг. Вероятнее всего, на данном этапе поход на Каменец стал последней точкой в его борьбе за власть на юге Руси. После чего он двинулся на Смоленск, а оттуда уже (возможно, с кратким заходом в Новгород на свадьбу к сыну) – во Владимир.

Следующий этап борьбы князя за Киев завершится более успешно в 1243 году, когда, получив старейшинство в Русской земле с санкции Батыя, Ярослав Всеволодович прилетит в Киев своего наместника [21, стлб. 806].

Последовательность событий

Предложенной выше трактовке событий, казалось бы, противоречит то обстоятельство, что поход Ярослава на Каменец состоялся вслед бежавшему из Киева князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому (об этом сообщают и Лаврентьевская, и Ипатьевская летописи), а тот, по мнению большинства исследователей, оставил столицу уже после того, как татары взяли штурмом Чернигов. Но так ли это?

Ни в одной из этих летописей нет точной даты взятия родного города князя Михаила Всеволодовича татарами. Позднейшие летописи датируют это событие 18 октября 1239 года. Полная дата его взятия сохранилась в поздних Псковской I и Строевском списке Псковской III летописи, а также в западнорусской Летописи Авраамки: «Того же лета и Черниговъ взять бысть на осень, месяца октября 18, в вторникъ» [55, с. 11; 56, с. 79; 40, с. 326; 25, с. 86, 305, примеч. 13]. Как полагает В.А. Кучкин, «дата события точная, 18 октября в 1239 г. было вторником» [30, с. 16]. Получается, из Киева «в Угры» Михаил бежал еще позже – поздней осенью или даже в самом конце 1239 года [43, с. 232]. Значит, поход Ярослава Всеволодовича вряд ли мог состояться раньше этого времени. Именно поэтому и А.А. Горский, и А.В. Майоров, связывая два этих события, полагают, что поход на Каменец мог состояться поздней осенью или даже зимой 1239–1240 года [13, с. 34; 41, с. 49]. Однако является ли такая реконструкция единственно возможной?

Во многом ответ на этот вопрос связан с определением того, какая из двух ранних летописей, рассказывающих о нашествии Батыя на южнорусские земли, более точно передает последовательность событий – Ипатьевская или Лаврентьевская.

Несмотря на то, что Ипатьевская отражает взгляд южнорусского книжника, содержащаяся в ней хронологическая информация весьма специфична. Как отмечает А.В. Майоров, ее рассказ «далеко не полный: в нем, к примеру, не указаны даты падения крупнейших городов Южной Руси – Переяславля и Чернигова, полностью отсутствует хронология осады и штурма самого Киева» [40, с. 311]. В итоге из этой летописи «мы не знаем точно дат осады и падения ни Чернигова, ни Переяславля, ни Киева» [16, с. 214].

Впрочем, это не мешает А.В. Майорову считать рассказ Лаврентьевской летописи вторичным по отношению к Ипатьевской, больше доверяя той последовательности событий, которая изложена в южнорусской летописи. Потому что, по его мнению, в Лаврентьевской «поход Ярослава к Каменцу предшествует взятию татарами Чернигова и, следовательно, бегству из Киева Михаила, он поставлен даже ранее освящения церкви Свв. Бориса и Глеба в Кидекше, состоявшегося в день празднования их памяти (24 июля 1239 года). Эту последовательность принимают историки, отдающие приоритет известию северорусского источника [то есть Лаврентьевской летописи – В.Р.], что дает им основание к пересмотру общей хронологии событий 1239 г. в Южной Руси», выстраиваемой на основе сведений Ипатьевской летописи. Однако, полагает А.В. Майоров, сообщение Лаврентьевской летописи о захвате Каменца Ярославом вторично по отношению к известию Ипатьевской, «последняя же определенно указывает, что захват жены и бояр Михаила произошел после бегства его из Киева вследствие неудачных переговоров с татарами, ранее захватившими Чернигов (поздняя осень или начало зимы 1239 г.)» [41, с. 49].

Примерно так же полагает и А.А. Горский, который исходит из того, что в Лаврентьевской «последовательность событий в статье 6747 (1239–1240) года не точна: взятие Каменца предшествует захвату татарами Чернигова, между тем из Ипатьевской летописи очевидно, что оно произошло после бегства Михаила из Киева, а Чернигов был взят еще во время пребывания Михаила на киевском столе» [13, с. 34, 124, примеч. 164].

Однако стоит ли доверять в этом вопросе сведениям, сообщаемым Ипатьевской летописью? На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным. Не будем брать в расчет

рассуждения общего порядка, хотя само по себе начало похода князя Ярослава в зимнее время вызывает определенные вопросы. Особенно если исходить из кажущейся нам неправдоподобной версии, согласно которой князь выдвигался в поход из Владимира-на-Клязьме в направлении Киева (то есть за тысячу с лишним километров) в условиях постоянного присутствия монгольских войск на Юге Руси.

Если же все-таки предположить, что последовательность событий второй части летописной статьи 6747 (1239) года в Лаврентьевской летописи изложена верно, то картина выглядит совершенно иначе. Получается, что поход Ярослава на Каменец состоялся после взятия татарами Переяславля Южного и до последующих событий (освящения Борисоглебской церкви в Кидекше и взятия татарами Чернигова).

Про освящение церкви в Кидекше в Лаврентьевской летописи указано, что оно случилось «на праздник Бориса и Гльба». Судя по всему, это произошло 24 июля [41, с. 49]¹. Значит, к этому времени Ярослав, скорее всего, должен был быть под Каменцом и, возможно, уже пленил жену бежавшего из Киева Михаила Всеволодовича Черниговского. Если следовать этой логике, бегство Михаила тоже должно было произойти примерно в это же время – до конца июля 1239 года. То есть через некоторое время после взятия татарами Переяславля. Судя по всему, Переяславль был взят 3 марта 1239 года – именно такая дата содержится в целом ряде поздних летописных памятников, однако только в Строевском списке поздней Псковской III летописи она имеет полный вид: «Переславль Руский взятъ бысть в средокрестныя недели в четверг, месяца марта 3» [56, с. 79; 35, стлб. 51; 23, с. 113; 24, с. 173; 65, с. 225]. Как отмечает В.А. Кучкин в своей недавней статье, посвященной завоеванию Руси Батыем, этой информации можно доверять: «3 марта 1239 г. действительно было четвергом средокрестной недели. Несмотря на то, что запись дошла в поздней летописи и касается совсем не псковских событий, её надо признать достоверной и восходящей к южнорусскому источнику» [30, с. 15–16]².

Важно, что это не противоречит тому, что Лаврентьевская летопись, сообщая о взятии татарами Чернигова, пишет о бегстве черниговских князей «в Угры». Ведь необязательно, что это бегство произошло непосредственно *перед* приходом татар к Чернигову, оно могло произойти и *раньше*. Но это, казалось бы, противоречит сообщению Ипатьевской, в которой о бегстве Михаила из Киева «в Угры» рассказывается вслед за сообщением о взятии Чернигова, а также уже после известия о приезде под Киев Менгу-хана и отправке им послов к Михаилу [27, с. 148].

Однако представляется, что это противоречие мнимое, поскольку вслед за рассказом о взятии Козельска Ипатьевская летопись, судя по всему, повествует о событиях, происходящих *не последовательно друг за другом, а почти одновременно*. Составитель рассказа отмечал, что Батый «поиде в землю Половецкую. Оттуда же поча посылати на грады русьские», то есть направлять отряды *сразу в разные территории* Южной Руси. Это подтверждается и в рассказе о взятии Чернигова, который следует сразу же после

¹ Речь, скорее всего, идет именно о 24 июля как дне памяти святых князей, а не 2 мая – дне перенесения их мощей. В домонгольский период именно день летнего поминовения князей-страстотерпцев, судя по всему, был гораздо более распространен, чем остальные. Как отмечают А.В. Назаренко, Н.С. Серёгина, А.А. Турилов, «в древнерусских богослужебных книгах память 24 июля со 2-й половины XII в. сопровождается знаком креста в круге, отмечавшим главные после двенадцатых церковные праздники. Другие памяти Бориса и Глеба сильно уступают ей по частоте упоминания». При этом «во всех сохранившихся Стихирарях домонгольского периода песнопения Бориса и Глеба помещены под 24 июля. Под 2 мая известен лишь кондак «Мученика Христова». Наиболее ранние списки служб на 2 мая относятся к кон. XIV в. (РГБ. Ф. 304. № 22 и Ф. 113. № 3), однако они не содержат новых стихир. Специальные стихирны на 2 мая помещены в Минее служебной XV в. и, по-видимому, связаны с творчеством Пахомия Логофета, их нотированные образцы появляются в Стихирарях со 2-й пол. XVI в.» [51, с. 44–60].

² Ранее В.А. Кучкин полагал, что взятие Переславля татарами следует датировать летом 1239 года [15, с. 113; ср. 29, с. 31].

сообщения о взятии Переяславля и начинается с указания летописца «в то же время». Поэтому теоретически приезд Менгу-хана под Киев и отправка им послов к сидевшему в городе Михаилу Черниговскому, повлекшая бегство князя, тоже могли произойти примерно тогда же – летом 1239 года [25, с. 87].

На первый взгляд, это противоречит информации, содержащейся на сей счет в источниках, а также установившимся в науке представлениям. Но это только на первый взгляд. Рассмотрим имеющиеся на этот счет мнения исследователей и сравним их с данными источников.

В.В. Каргалов считал, что Менгу мог появиться недалеко от Киева «в конце 1239 или в начале 1240 г.». При этом он уточнял: «летописи сообщают о походе Менгу-хана к Киеву под 6748 г., “той же зимы”» [23, с. 167, примеч. 1]. Между тем, и год, и указание на время года взяты им, видимо, из поздней Новгородской IV летописи [45а, с. 225]. В более ранней Ипатьевской это событие и вовсе записано под 6745 годом (впрочем, года в Ипатьевском списке Ипатьевской летописи, как мы знаем, в XV веке были расставлены весьма произвольно, а в других списках летописи их и вовсе нет). При этом указания на зиму, равно как и на какое-либо другое время года, в ней, а также в других ранних летописях отсутствуют. Это не позволяет принимать информацию Новгородской IV за достоверную.

Ряд исследователей, не доверяя информации поздних русских источников, оперируют сведениями восточных авторов. Так Д.Г. Хрусталева, ссылаясь на сообщения Рашид ад-Дина, полагает, что «ранее поздней осени 1239 г. его [Менгу – В.Р.] визит к Киеву состояться не мог». По его мнению, «вероятнее» Менгу мог появиться у стен Киева в марте 1240 года, «когда лед с рек уже сошел» [66, с. 165]. Такой же точки зрения придерживается и Р.Г. Храпачевский. Также опираясь на данные Рашид ад-Дина, исследователь полагает, что разведывательный поход Менгу к Киеву не мог быть осуществлен ранее начала 1240 года: «поскольку Мэнгу осаждал аланскую крепость еще в начале 1240 г., то он подошел к Киеву не ранее февраля-марта 1240 г.» [65, с. 227–228].

Между тем установить время похода Менгу к Киеву по «Сборнику летописей» можно только гипотетически, поскольку о самом походе на Киев Рашид ад-Дин не сообщает. При этом датировка событий в сочинении персидского историка осуществлялась по монгольскому летосчислению («год собаки», «год свиньи», «год мыши» и т.д.), не совпадающему с мусульманским. В итоге целый ряд событий, отнесенных к тому или иному году, очевидно, выходил за хронологические рамки этих лет. Например, когда после завоевания Северо-Восточной Руси татары вернулись в свои кочевья для отдыха, и затем «в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г.х. [24 августа 1237 – 13 августа 1238 н.э.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимой убили тамошнего государя по имени Тукара» [19, с. 407–408], речь, судя по всему, шла уже о событиях осени 1238-го и зимы 1238/1239 годов, которые выходят за рамки «года собаки», а не зимы 1237/1238 года. То же самое касается и следующего года. «В кака-ил, год свиньи, соответствующий 636 г.х. [14 августа 1238 – 2 августа 1239 н.э.], Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас [исследователи обоснованно полагают, что имеется в виду аланская крепость Магас [65, с. 225–227] – В.Р.] и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 г.х. [3 августа 1239 – 22 июля 1240 г. н.э.]». В этом контексте речь идет о зиме 1239/1240 года, а не 1238/1239-го [19, с. 407–408; 25, с. 304, примеч. 4].

Поэтому, как справедливо указывает А.Ю. Карпов, «относить его [Менгу – В.Р.] поход на Киев к 1240 году нельзя», поскольку в Лаврентьевской летописи поход Ярослава Всеволодовича на Каменец датируется 1239 годом, а «этот поход последовал за бегством Михаила из Киева». Между тем уже в ноябре-декабре 1239 года Менгу начал осаду Ма-

гаса, продолжавшуюся до февраля 1240-го, «следовательно, для его действий у Киева остается лишь лето и самое начало осени 1239 года» [25, с. 87, 305, примеч. 15].

Это означает, что бегство князя Михаила Всеволодовича «передь татары Угры» также могло состояться примерно в то же время. Получается, Ярослав Всеволодович вполне мог напасть на обоз Михаила и захватить в плен его жену в тот хронологический промежуток, который указан в Лаврентьевской летописи, – спустя какое-то время после взятия татарами Переяславля, а именно – летом 1239 года.

После этого, как сообщает Ипатьевская летопись, власть в Киеве на короткий срок перешла к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, который вскоре был изгнан оттуда Даниилом Романовичем Галицким, передавшим управление городом в руки воеводы Дмитра, чтобы «обдержати противу иноплемьныхъ языкъ, безбожныхъ татаровъ». И, возможно, тогда же произошли переговоры с братьями захваченной в плен «княгини Михайловой» – князьями Даниилом и Васильком Романовичами, закончившиеся ее освобождением.

Такая реконструкция не противоречит рассказу Ипатьевской летописи: «Батыеви же вземшю Козлескъ, и поиде в землю Половецкую. Оттуда же *поча посылати на грады русьские* и взять град Переяславль <...> В то же время посла на Черниговъ <...> *Меньгуканови же пришедшу сглядать града Кыева*. Ставшу же ему на оной стране Днепра во Градька Песочного, видивъ град, удивися красоте его и величеству его, присла послы свои к Михаилу и ко гражаномъ, хотя е прельстити, и не послушаша его <...> Михаилъ бежа по сыну своемъ передь татары Угры, а Ростиславъ Мьстиславичъ Смоленского седе Кыеве. Даниль же еха на нь, и я его, и остави в немь Дмитра, и вдасть Кыевъ в руце Дмитрови обдержати противу иноплемьныхъ языкъ, безбожныхъ татаровъ. <...> *яко бежалъ естъ Михаилъ ис Кыева в Угры*, ехавъ я княгиню его и боярь его поима, и город Каменецъ взя. Слышавъ же се Даниль, посла слы река: “Пусти сестру ко мне, зане яко Михаилъ обеима нама зло мыслить”. И Ярославъ услыша словеса Данилова, и бысть тако, и приде к нима сестра, к Данилу и Василку, и держаста ю во велице чести» [21, стлб. 781–783].

Есть и дополнительный аргумент в пользу того, что к последовательности событий, изложенной в Лаврентьевской летописи, следует относиться с гораздо большим доверием, чем к последовательности, представленной в Ипатьевской. Вслед за рассказом об освобождении из плена жены Михаила Всеволодовича Ипатьевская летопись, прервав рассказ о нашествии татар, сообщает о непростых перемещениях черниговского князя, которому в тот год явно не везло. В результате повествование о самом нашествии оказывается разорванным. Дальнейшая история походов Михаила Всеволодовича излагается с явным нарушением последовательности событий, причем с одной-единственной целью – дать общую картину мытарств черниговского князя.

Только этим обстоятельством можно объяснить, почему внутри повествования оказались сообщения о том, что Михаил «уведевъ *приятъе Киевское* [то есть узнав о взятии Киева татарами – В.Р.] бежа со сыномъ своимъ во Ляхы Кондратови», а, уже будучи в Польше и узнав о приближении татар, вновь вынужден был бежать еще западнее – на этот раз в Силезию, в район Вроцлава («приблизившимъ же ся татаромъ, то не стерпе *тудо, иде* в землю Воротьславьску»). Рассказ о походах князя Михаила завершается в Ипатьевской летописи весьма характерным указанием: «мы же на преднее возвратимся», маркирующим вставной характер предшествующих известий. После чего летопись возвращается к последовательному изложению событий, сообщая (фактически уже во второй раз!) о том, что «*приде Батый Кыеву в силе тяжце...*» и взял штурмом город [21, стлб. 783–784].

Важно, что предлагаемое нами уточнение, касающееся последовательности событий, согласуется не только с рассказом Ипатьевской, но с сообщениями Лаврентьевской летописи, а также сведениями, содержащимися в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и

имеющими отношение к перемещениям Менгу-хана. Это означает, что загадочный поход Ярослава Всеволодовича на Каменец вполне мог состояться не в конце 1239 – начале 1240 года, а в середине (скорее всего, летом) 1239 года, после чего он и двинулся на Смоленск [64, с. 139].

Есть серьезные основания предполагать, что только завершив эти два похода, а заодно уладив матримониальные дела своего сына, Ярослав Всеволодович пришел во Владимир, чтобы занять пустовавший с марта 1238 года великокняжеский стол. А значит, в действительности утверждение Ярослава Всеволодовича на главном столе Северо-Восточной Руси могло произойти не весной-летом 1238 года, как принято считать, а существенно позже – в конце 1239-го или даже в самом начале 1240 года. Интересно, что именно с этого момента в Лаврентьевской летописи появляются упоминания о событиях, имевших непосредственное отношение к новому великому князю, причем эти события нельзя было бы расставить в произвольном порядке: под 1240 годом летопись сообщает, что у князя Ярослава родилась дочь Мария, а под 1241-м – сын Василий.

«Дуумвират Всеволодовичей»

Остается один нерешенный вопрос: если предположить, что Ярослав Всеволодович оказался во Владимире только на рубеже 1239–1240 годов, то откуда тогда взялись в Лаврентьевской летописи сообщения, связанные с его деятельностью в качестве великого князя владимирского за 1238–1239 годы?

Прежде всего важно понимать, что фактически речь идет всего лишь о двух сообщениях, напрямую связанных с пребыванием Ярослава Всеволодовича во Владимире. Первое – это информация собственно о вокняжении Ярослава и связанной с этим раздаче им княжеских столов младшим братьям – Святославу и Ивану. Второе – сообщение о перенесении останков погибшего на реке Сити великого князя Юрия Всеволодовича из Ростова во Владимир, произведенное, согласно Лаврентьевской летописи, по инициативе его сменщика – нового великого князя Ярослава. Нет сомнений в том, что эти события в действительности произошли. Но в силу вышеизложенного есть серьезные основания предполагать, что это могло случиться несколько позже, а в летописный рассказ известия об этих событиях могли попасть задним числом. Этим, кстати, вполне может объясняться то обилие цитат из предшествующих летописных статей и не привязанных ко времени «философских» отступлений, которое присутствует в этой части летописи.

Но зачем могла понадобиться корректировка повествования? Одно из возможных объяснений того, почему об относительно позднем вступлении Ярослава в права великого князя решено было не сообщать (и для этого передвинуть на 1238–1239 годы события, которые, скорее всего, произошли позднее) – опасения, что эта информация может повредить претензиям на великое владимирское княжение потомкам Ярослава Всеволодовича – его детям или даже внукам.

Действительно, если князь Ярослав Всеволодович появился в столице спустя почти два года после гибели своего старшего брата, кто-то должен был его замещать все это время. Кто мог быть этим человеком? Судя по всему, только следующий по старшинству брат погибшего великого князя Юрия – князь Святослав Всеволодович, правивший в это время неподалеку в Юрьеве.

Если верить версии сражения на реке Сити, изложенной в Лаврентьевской летописи (а в рассказах о нашествии двух других ранних летописей – Новгородской первой и Ипатьевской – юрьевский князь в этом контексте и вовсе не упоминается), Святослав, в отличие от Ярослава Всеволодовича, все-таки пришел на помощь Юрию. Однако он избежал

смерти, а значит, после отхода татарских войск находился где-то поблизости¹. Возможно, какое-то время после нашествия Батыея во Владимиро-Суздальской Руси и вовсе было ничего неизвестно о судьбе Ярослава. В этой ситуации именно его младший брат Святослав Всеволодович – как старший в роду – мог выдвинуться на первые роли.

Не исключено, что уже в это время (а не после смерти Ярослава, как полагал Ю.А. Лимонов) при участии лиц из ближайшего окружения Святослава Всеволодовича в Лаврентьевскую летопись попадают известия из суздальской летописи, а также происходит редакция владимирских летописных записей. В результате этой редакторской работы, согласно гипотезе Ю.А. Лимонова, князь Святослав должен был предстать «как храбрый и умелый полководец, как правитель, заботящийся о христианских святынях». Лимонов даже предположил наличие в Лаврентьевской летописи следов отдельного суздальского летописного свода, попавшего туда в период кратковременного великого княжения князя Святослава Всеволодовича (1246–1248). При этом исследователь не исключал, что в этот же период летопись «не только пополнялась владимирскими сообщениями, но и была отредактирована суздальцем». Ю.А. Лимонов считал этот свод «враждебным по отношению к Ярославу» и что эта редакция имела «непосредственное отношение к Святославу». «Политическая направленность свода заключается в утверждении прав Святослава на владимирский стол, – писал Лимонов. – С этой целью и были привлечены суздальский источник и личный Летописец князя. Оба источника в известной степени дополняли друг друга. Если некоторые сообщения суздальского памятника весьма критически освещали роль предшественника Святослава на великом княжении, Ярослава, то известия княжеского Летописца значительно оттеняли личность нового великого князя». Некоторые следы этой работы, возможно, подверглись последующей правке политическими соперниками Святослава – потомками его брата Ярослава Всеволодовича [37, с. 174–178].

Особый статус Святослава проявился и в том, что только он в Лаврентьевской летописи назван вместе с Ярославом участником перезахоронения останков князя Юрия Всеволодовича («Ярослав же, и Святославъ, и князи рустии плакахуся по нем с дружиною своею») [33, стлб. 467]. Третий же остававшийся на тот момент в живых брат – правивший в Стародубе князь Иван Всеволодович – либо вовсе не был приглашен на перезахоронение великого князя, либо, что, скорее всего, принимал в них участие в числе других «князей русских», чей статус, с точки зрения летописца, был ниже, чем статус Ярослава и Святослава.

Косвенно особое положение Святослава в этот период подтверждается и тем, что, согласно Лаврентьевской летописи, после вокняжения Ярослава Всеволодовича во Владимире именно Святослав получил Суздаль, который до этого, судя по всему, входил в доменное владение самого великого князя и, по сути, являлся вторым по значимости городом «державы Всеволодовичей».

В свое время В.А. Кучкин отмечал необходимость «выяснить, что означала передача Суздаля Святославу Всеволодовичу». Однако в рамках своей работы исследователя интересовало лишь «был ли Суздаль дан Святославу вместо Юрьева или же он был придан к Юрьеву» [32, с. 110]. Между тем А.Е. Пресняков рассматривал Суздаль как какое-то особое владение Святослава, полученное им в качестве наследника владимирского великого княжения. При этом исследователь полагал, что «сама передача Святославу Суздаля могла быть связана с рядом между братьями о будущей судьбе великокняжеского стола» [52, с. 62]. Дж. Феннел тоже полагал, что Святослав получил Суздаль «в знак его старейшинства» [64, с. 137]. Этой же точки зрения придерживается и А.А. Горский. Он полагает, что Суздаль, который был «своеобразным

¹ П.П. Толочко ошибочно полагает, что Святослав Всеволодович погиб вместе со старшим братом на Сити, однако это не так: князь Святослав скончался в 1252 году [33, стлб. 473; ср. 63, с. 139].

символом земли (она по-прежнему в то время называлась «землей Суздальской», а сокращенно – просто «Суздадем»)), был передан Святославу Всеволодовичу как «следующему по старшинству князю, который должен был наследовать после Ярослава великое княжение» [11, с. 32]. Между тем, так и остался открытым вопрос о том, почему Ярославу Всеволодовичу понадобилось нарушить порядок, установленный старшим братом, и почему сыновья Ярослава, когда пришли к власти во Владимире, отменили его решение.

По версии Лаврентьевской летописи, это произошло в 1238 году, из этого и исходили исследователи. Однако если представить себе, что указанные даты не верны и Ярослав вернулся во Владимир существенно позже, на рубеже 1239–1240 годов, многое встает на свои места.

Передача Суздаля Святославу представляет собой, с одной стороны, знак благодарности со стороны Ярослава, таким образом отплатившего брату за весьма неординарную услугу – за то, что тот уступил ему великокняжеский стол, который де-факто занимал все это время. С другой стороны, это выглядит как попытка своеобразного распределения территорий между братьями-соправителями, один из которых – Святослав, в ожидании возвращения старшего брата, де-факто управлял Владимиро-Суздальским княжеством (в том числе и Суздадем) на правах «врио» великого князя. Таким образом, передача Суздаля Святославу может рассматриваться как признание особого статуса князя, который на протяжении почти двух лет был «первым среди равных» в этой части Руси.

Именно с пребыванием князя Святослава в Суздаде следует связывать поновление и освящение храма свв. Бориса и Глеба в находящейся в четырех километрах от города Кидекше. Н.С. Борисов справедливо заметил, что «реставрация и украшение одиноко стоящего в покинутой княжеской резиденции храма при отсутствии сведений о восстановлении других более значительных и, бесспорно, поврежденных памятников кажется несколько неожиданной. Объяснение следует искать в междукняжеских отношениях этих лет» [6, с. 65].

Судя по контексту летописного известия, освящение храма происходило в тот момент, когда князь Ярослав находился вдали от Владимиро-Суздальской Руси, – сообщение об этом помещено в Лаврентьевской летописи вслед за известием о походе Ярослава Всеволодовича на Каменец: «того же лѣта священа бысть церкы Бориса и Глѣба в Кидекшии великимъ священемъ на праздник Бориса и Глѣба священымъ епископомъ Кирилломъ» [33, стлб. 469]. Участие в этом событии ростовского епископа Кирилла вполне объяснимо. Культ свв. Бориса и Глеба имел в ростовской земле особое звучание. Еще старший брат Всеволодовичей – князь Константин – в 1214 году, в свою бытность правителем ростовской земли, построил в Ростове храм, посвященный святым князьям-мученикам [33, стлб. 438, 442]. Его сын – Василько – и вовсе назвал в их честь своих сыновей¹. Культ святых братьев широко поддерживался и вдовой Василька Константиновича – княгиней Марьей Михайловной [38, с. 286]. Поэтому вполне вероятно, что инициатива обновления Борисоглебского храма в Кидекше могла исходить либо от самого епископа Кирилла, либо, что вероятнее, от ростовского княжеского клана.

А.В. Майоров полагает, что к освящению храма имел отношение и Ярослав Всеволодович: «он был занят устройением и освящением разрушенной татарами церкви Свв. Бориса и Глеба в загородной великокняжеской резиденции в Кидекше» [41, с. 49–50]. (Исследователь, как было показано выше, придерживается точки зрения, что в Каменец ходил некий южнорусский князь Ярослав Ингваревич, а не Ярослав Всеволодович, и, значит, по логике А.В. Майорова, последний мог участвовать в поновлении и освящении Бори-

¹ О рождении князя Бориса Васильковича в 1231 году сообщает Лаврентьевская летопись, дата рождения его младшего брата Глеба Васильковича (1236 или 1237) высчитывается на основании сообщения Никонской летописи о том, что в 1278 году князь умер в возрасте 41 года [33, стлб. 457; 44 с. 156].

соглебского храма). Однако источники не содержат на этот счет никаких сведений: было бы крайне странно, если великий князь в действительности участвовал бы в этом важном мероприятии, а летописец факт его участия скрыл, упомянув лишь епископа Кирилла¹.

Между тем, можно уверенно предположить, что даже если бы князь Ярослав Всеволодович в это время находился во Владимиро-Суздальской земле либо уже вернулся к этому времени из дальних походов, он вряд ли принял бы участие в столь значимом для ростовской княжеской династии мероприятии. Мать юных ростовских князей Бориса и Глеба Васильковичей – княгиня Мария Михайловна, была дочерью черниговского князя Михаила Всеволодовича, против которого, если верить сообщениям Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, и был направлен поход великого князя Ярослава на южнорусский город Каменец. Одним из результатов этого похода стало пленение супруги Михаила Всеволодовича («княгини Михайловой»), то есть матери княгини Марии и родной бабушки князей Бориса и Глеба. И хотя, согласно свидетельству Ипатьевской летописи, после переговоров с братом пленённой княгини, галицким князем Даниилом Романовичем, Ярослав согласился ее освободить [21, стлб. 782], теплоты в его отношения с ростовской вдовствующей княгиней Марией и ее родителями это вряд ли добавило.

Да и без «каменецкого эпизода» отношения между Ярославом Всеволодовичем и Михаилом Всеволодовичем на протяжении 30-х и 40-х годов XIII века (вплоть до кончины обоих в 1246 году) оставались крайне враждебными [64, с. 137; 10, с. 153–154]². Вероятно, это не могло не отразиться и на отношении к Ярославу со стороны главы ростовского княжеского клана – княгини Марии Михайловны, в последующий период немало сделавшей для посмертного прославления своего отца [38, с. 282–288].

Даже находясь в Ростове, княгиня Мария поддерживала тесные отношения с Михаилом Черниговским. Только этим можно объяснить то обстоятельство, что в 1246 году в свою первую поездку в Орду (ставшую, как потом оказалось, последней) Михаил Всеволодович взял с собой 15-летнего внука – ростовского князя Бориса Васильковича [33, стлб. 471]. Вряд ли это могло быть сделано иначе, как с благословения матери Бориса.

Между тем Кидекша, расположенная в четырех километрах от Суздаля, не входила в состав родовых владений ростовских князей. В момент освящения кидекшский храм Бориса и Глеба находился на территории, которую контролировал князь Святослав Всеволодович, который в этот период, судя по всему, был в весьма тесных отношениях с юными ростовскими князьями Борисом и Глебом Васильковичами и их матерью Марией Михайловной [6, с. 65]. «Ростовъ же и Суждальъ разидеся розно», – сообщал, описывая события, произошедшие в марте 1238 года на реке Сити, составитель рассказа Новгородской первой летописи [45, с. 76]. Какой бы смысл ни вкладывал в эти слова новгородский летописец, очевидно, что в июле 1239-го эти два ключевых города Владимиро-Суздальской земли вновь сошлись воедино.

Если бы Ярослав в 1239 году отправлялся в поход на Михаила Черниговского из Владимира, такой реверанс брата, которому он только что передал в управление Суздаль, в отношении родственников своего главного врага вполне мог быть воспринят Ярославом Всеволодовичем как признак нелояльности Святослава. И даже попытка перехвата влияния в оставшейся без великого князя Владимиро-Суздальской земле. Если же исходить из того, что к этому времени Ярослав еще не вернулся из Южной Руси во Владимиро-

¹ Недоразумением следует считать и предположение Д.Г. Хрусталева о том, что на освящении церкви в Кидекше «должен был присутствовать сам князь» [66, с. 167].

² Враждовавшие друг с другом князья Михаил Всеволодович и Ярослав Всеволодович закончили свой земной путь с разницей в десять дней: 20 сентября 1246 года в ставке Батгия был казнен 67-летний Михаил, а 30 сентября 1246 года умер 56-летний Ярослав, по всей видимости, будучи отравленным матерью великого хана Гуюка Туракиной, когда возвращался из Каракорума («ида отъ Кановичъ») [33, стлб. 471; 50, с. 79].

Суздальскую и в качестве старейшего на этой территории князя временно выступал Святослав Всеволодович, то в этом случае Суздаль с округой находился в полной его власти. И никаких дополнительных сложностей в отношениях между братьями решение Святослава проявить «особую заботу о запустевшей церкви Бориса и Глеба, святых патронов двух сыновей Василька Константиновича – Бориса Ростовского и Глеба Белоозерского» [6, с. 65] не создавало. Святослав вполне мог быть даже не в курсе планов старшего брата.

Наоборот, в отсутствие Ярослава, будучи его «врио», князь Святослав оказывался заинтересованным в поддержке ростовского клана во главе с вдовой авторитетного Василька Константиновича, которая опиралась на влиятельного епископа Кирилла – де-факто главу всей церковной организации Владимиро-Суздальской Руси. И в этой связи поддержка Святославом или даже его участие в обновлении и освящении храма святых Бориса и Глеба – это недвусмысленный шаг в сторону консолидации двух ветвей потомков Всеволода Большое Гнездо. В ситуации, когда Ярослав Всеволодович не спешил возвращаться на принадлежащий ему по праву престол, «исполняющему его обязанности» Святославу крайне важно было добиться единства правителей Владимиро-Суздальской Руси, среди которых ростовские князья, контролировавшие, помимо Ростова, еще и Белоозеро, занимали особое место. Отмеченное в летописи присутствие при освящении храма ростовского епископа Кирилла (самого «высокопоставленного» церковника во Владимиро-Суздальской земле в тот период) должно было придать этому единению князей особый характер.

Показательно, что когда после смерти Ярослава в 1246 году Святослав – теперь уже не в качестве «врио», а де-юре, по праву старшего в роду – сам занял великокняжеский стол, Суздаль, судя по всему, был вновь включен им в состав находившегося в то время в его руках великокняжеского домена. Впрочем, это решение вскоре ударило по самому Святославу: изгнавший в 1248 году дядю с владимирского великого княжения сын Ярослава Всеволодовича Михаил Хоробрит не дал возможности Святославу вернуться в Суздаль. В результате конфликта с племянниками Святослав утратил город вместе с великим княжением. По выражению А.Е. Преснякова, ему «пришлось доживать свой век в Юрьеве Польском» [52, с. 62]: пришедшие к власти во Владимире после гибели Михаила Хоробрита в том же 1248 году его братья – Александр и Андрей Ярославичи – также, вероятно, рассматривали Суздаль как часть великокняжеского домена. Поэтому, не будучи, в отличие от отца, чем-либо обязанными своему дяде, не позволили тому и дальше княжить в Суздале¹.

В особом статусе Святослава можно усмотреть следы своего рода «дуумвирата Всеволодовичей», который вполне мог существовать по крайней мере в первое время после вступления Ярослава в права великого князя владимирского. А, может быть, и дольше. Ведь Ярославу Всеволодовичу и после возвращения в Северо-Восточную Русь приходилось надолго покидать свои владения – так, например, в 1243-м он ездил в Сарай к Батюю, от которого вернулся «с великою честью», став, по воле хана, старейшим «всѣм князем в Русском языке» [33, стлб. 470], а в 1245–1246 годах вновь ездил в его ставку, откуда был отправлен дальше – в Каракорум для участия в церемонии возведения на императорский престол хана Гююка, откуда ему уже не суждено было вернуться живым [33, стлб. 470–471].

По расчетам Ю.В. Селезнева, поездки в ставку Батюя в среднем могли занимать у князей около полугода, если же речь шла о визите в столицу империи, временные границы таких поездок могли раздвигаться до полутора лет. Поездка Ярослава Всеволодовича заняла период с лета 1245 по осень 1246 года (примерно столько же по времени – с лета

¹ Правда, А.В. Экземплярский, полагая, что Святослав владел Суздалем до самой смерти, то есть до 1252 года, считал, что Суздаль был присоединен к великому княжению только после смерти князя как «выморочный удел» [68, с. 23, примеч. 57; 68 а, с. 257–258]. Однако, как полагает В.А. Кучкин, «с Суздальским княжеством Святослав Всеволодович мог расстаться или в 1247 г., когда, став великим князем, он уступил его одному из своих племянников, или в 1248 г., когда он потерял Владимирское княжение» [32, с. 112].

1247 по зиму 1248/1249 года – отсутствовали в русской земле его сыновья Александр и Андрей, отправившиеся в Каракорум вскоре после смерти отца) [60, с. 160–161].

Получается, что за пять с половиной лет (от момента предполагаемого появления Ярослава Всеволодовича во Владимире, то есть с зимы 1240 года, и вплоть до смерти великого князя по дороге из Каракорума осенью 1246-го), около двух лет он провел вне пределов подконтрольных ему территорий Северо-Восточной Руси. Вполне логично предположить, что и в это время Ярослава кто-то замещал, и этим человеком так же почти наверняка был его младший брат Святослав Всеволодович, который к этому моменту уже получил соответствующий его новому фактическому статусу суздальский стол.

Потомкам Ярослава Всеволодовича (либо его сыновьям, либо внукам) было невыгодно представлять дело таким образом, что в промежуток между правлением Юрия и Ярослава великокняжеский стол во Владимире какое-то время занимал Святослав Всеволодович. Тем более что последний после смерти Ярослава ненадолго все-таки занял его место. Следствием чего стала ожесточенная борьба между ним и сыновьями Ярослава Всеволодовича – Михаилом, Александром и Андреем, завершившаяся тем, что спустя чуть более года племянники силой изгнали дядю с великокняжеского стола, а затем добились подтверждения своих прав на Владимирское великое княжение в Орде [37, с. 169].

В этой ситуации у потомков Ярослава Всеволодовича были все основания, чтобы подправить не вполне удобную им историю перехода великокняжеской власти от Юрия к Ярославу, которая явно не добавляла легитимности действиям Ярославичей в отношении Святослава Всеволодовича. В результате такой правки упоминания о событиях, так или иначе касавшихся замещения Святославом отсутствовавшего Ярослава, могли быть исключены из владими́ро-суздальской летописи. А поскольку за период 1238–1239 годов за самим Ярославом Всеволодовичем не числилось никаких дел, совершенных на северо-востоке Руси, известия о нем дописали задним числом – частично перенеся на эти даты рассказ о событиях последующих лет (например, о распределении княжеских столов и о перезахоронении останков Юрия), частично – заново сформировав их при помощи цитат из предшествующего текста той же Лаврентьевской летописи (например, о том, что Ярослав «поча ряды рядити»).

Возможно, именно в результате этой редакторской правки и возникли в тексте летописи странные, дважды повторяющиеся заявления об избавлении от татар христиан вообще и русских князей в частности, более уместные в рассказе о событиях, которые произошли позднее. Возможно, отсюда же и фраза о том, что русские князья, подобно тому, как царь Давид бегал от Саула, бегали от татар, а те так и не смогли их догнать. В определенном смысле великий князь Ярослав Всеволодович тоже попадал в эту категорию, поскольку отсутствовал во Владимире довольно долгий период времени.

Итак, можно предположить, что в период 1238–1239 годов Ярослава Всеволодовича занимали прежде всего дела в Южной Руси: как и в прежние годы, он активно участвовал в борьбе за обладание главным, с его точки зрения, городом Русской земли – Киевом, который накануне им был утрачен. Несмотря на то, что киевский стол в 30-х годах XIII века в значительной степени потерял свое бывшее значение, тем не менее современниками (например, автором «Слова о погибели Русской земли») да и потомками он еще долго воспринимался в качестве высшего княжеского стола на Руси [12, с. 24; 15, с. 37; 20, с. 61]. Поэтому Суздальская же Русь находилась на периферии интересов Ярослава. Гибель старшего брата Юрия Всеволодовича на реке Сити давала ему возможность для маневра, однако не стала поводом для окончания борьбы за влияние на юге Руси.

Только спустя некоторое время (возможно, когда Ярослав осознал, что его шансы восстановить утраченный контроль над Киевом стремятся к нулю) князь обратил взор в сторону своих новых владений. Но, даже оказавшись во Владимире (видимо, на рубеже 1239–1240 годов), он не отказался от надежды вернуть себе власть над «матерью городов Русских». Однако его планам суждено было сбыться только в 1243 году, когда Ярослав Всеволодович все-таки стал «старейшим из русских князей». Однако произошло это уже благодаря не военным, а политическим успехам Ярослава, получившего возделанный им статус из рук хана Батыя. А.А. Горский не исключает, что для достижения этой цели Ярославу Всеволодовичу пришлось даже пойти на нарушение церковных установлений, заключив третий по счету брак – на этот раз с родственницей хана Батыя [11, с. 34–37].

Вполне возможно, в этот момент князь ставил перед собой весьма амбициозную цель – при поддержке Орды добиться восстановления под своей властью единства Русской земли. По крайней мере трех наиглавнейших ее центров – Киева, Владимира и Великого Новгорода, в котором в это время правил его сын Александр Ярославич. Цели князя, по-видимому, совпадали с планами правителей Монгольской империи. В этот период «ханская политика была направлена на удаление из Киева авторитетных и реальных политических лидеров, которые потенциально могли собрать вокруг себя антиордынские силы. Южнорусские князья поэтому в Киев не допускались, а город передавался представителям владими́ро-суздальской княжеской линии, чьи основные интересы находились вдали от Приднепровья» [20, с. 62]. Именно поэтому правитель Улуса Джучи, заинтересованный в том, чтобы все русские земли находились под контролем только одного и при этом вполне лояльного по отношению к нему правителя, сделал ставку на амбициозного великого князя владимирского и в конечном счете не прогадал [15, с. 36].

Сыновья Ярослава – Александр и Андрей – фактически выступили продолжателями его дела. В 1249 году «приѣха Ѡлександръ и Андрѣи от Кановичъ и приказаша Ѡлександрови Киевъ и всю Русьскую землю, а Андрѣи съде в Володимери на столъ» [33, стлб. 472], а уже в 1252-м Александр Ярославич получил «старѣшинство во всеи братьи его». В тот же год преставился изгнанный с великого владимирского княжения братьями-Ярославичами «христолюбивый князь Святославъ Всеволодичъ» [33, стлб. 473]. Амбициозная идея объединить под властью одной династии ключевые центры Русской земли, вероятно, занимавшая князя Ярослава в последние годы его жизни, казалось бы, возобладала. Но ненадолго. Однако эта история уже выходит за временные рамки полного непростых испытаний жизненного пути великого князя Ярослава Всеволодовича.

Литература

1. Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
2. Барсов Н.П. Материалы для историко-географического словаря Древней Руси: Историко-географический словарь Русской земли (IX–XIV ст.). Вильна, 1865.
3. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии: география начальной (Несторовой) летописи. Варшава, 1873.
4. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
5. Борисов Н.С. Политика московских князей. Конец XIII – первая половина XIV вв. М., 1999.
6. Борисов Н.С. Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238–1300) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 1976. № 6.
7. Войтович Л.В. Границы Галицко-Волынского государства // Русин: Международный исторический журнал. Кишинёв, 2011. № 3 (25).
8. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 7. М., 2001.
9. Гончаров В.К. Древний Колодежик // КСИИМК. 1951. Вып. LXI.
10. Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой / А.А. Горский // «Бесчисленные рати и великия труды...»: Проблемы русской истории X–XV вв. СПб., 2018.

11. Горский А.А. Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского // *Российская история*. 2020. № 4.
12. Горский А.А. Проблемы изучения Слова о погибели Русская земля» (к 750-летию со времени написания) // *ТОДРЛ*. Т. 43., Л., 1990.
13. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016.
14. Горский А.А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
15. Горский А.А. Установление взаимоотношений Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодовича // *Исторический вестник*. Т. 25. М., 2018.
16. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
17. Журавель А. Мученик: Земная и посмертная судьба Михаила Черниговского // *Родина*. 1996. № 10.
18. Журавель А.В. Предатели в земле Русской // *Преподавание истории в школе*. 2020. № 7.
19. Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения / сост., введ. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М., 2003.
20. Ивакин Г.Ю. Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // *Русь в XIII веке: Древности темного времени*. М., 2003.
21. Ипатьевская летопись // *ПСРЛ*. Т. 2. М., 1998.
22. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992.
23. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники. М., 1967.
24. Каргалов В.В. Русь и кочевники. М., 2008.
25. Карпов А.Ю. Батый. М., 2011.
26. Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
27. Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2015.
28. Кучкин В.А. Александр Невский – государственный деятель и полководец средневековой Руси // *Отечественная история*. 1996. № 5.
29. Кучкин В.А. Александр Невский – правитель и полководец // *Александр Невский: Государь, дипломат, воин*. М., 2010.
30. Кучкин В.А. Завоевание Руси Батыем // *Российская история*. 2020. № 4.
31. Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1974.
32. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984.
33. Лаврентьевская летопись // *ПСРЛ*. Т. 1. М., 1997.
34. Летописец Переславы Суздальского // *ПСРЛ*. Т. 41. М., 1995.
35. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // *ПСРЛ*. Т. 16. М., 2000.
36. Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1987.
37. Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.
38. Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
39. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период: Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.
40. Майоров А.В. Летописные известия об обороне Чернигова от монголо-татар в 1239 г. (Из комментария к Галицко-Волынской летописи) // *ТОДРЛ*. Т. 60. СПб., 2009.
41. Майоров А.В. Повесть о нашествии Батыя в Ипатьевской летописи. Часть вторая // *Rossica Antiqua*. 2012/2 (6).
42. Московский летописный свод конца XV века // *ПСРЛ*. Т. 25. М., 2004.
43. Насонов А.Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси / А.Н. Насонов // «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2006.
44. Никоновская летопись // *ПСРЛ*. Т. 10. М., 2000.
45. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // *ПСРЛ*. Т. 3. М., 2000.
- 45а. Новгородская четвертая летопись // *ПСРЛ*. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
46. Очерки истории СССР. Т. 3. М., 1953.
47. Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.
48. Пашуто В.Т. Александр Невский. М., 1974.
49. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской земли. М.; Л., 1950.
50. Плано Карпини Дж. История монголов // *Рубрук Г. Путешествие в восточные страны: Книга Марко Поло*. М., 1997.
51. Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6.
52. Пресняков А.Е. Образование великорусского государства. М., 1998.
53. Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
54. Прохоров Г.М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // *ТОДРЛ*. Т. 28. Л., 1974.
55. Псковские летописи // *ПСРЛ*. Т. 5. Вып. 1. М., 2003.
56. Псковские летописи // *ПСРЛ*. Т. 5. Вып. 2. М., 2000.
57. Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
58. Рыбаков Б.А. [Рец. на кн. К.В. Кудряшова «Половецкая степь. Очерки исторической географии». М., 1948] // *Советская книга*. 1949. № 11.
59. Сахаров А.Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // *История внешней политики России. Конец XV–XVII век*. М., 1999.

60. *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV веках. Воронеж, 2013.
61. Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1991. Т. 17.
62. *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. II. М., 1988.
63. *Толочко П.П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. СПб., 2017.
64. *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200–1304. М., 1989.
65. *Храпачевский Р.П.* Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М., 2011.
66. *Хрусталева Д.Г.* Русь от нашествия до «ига». СПб., 2008.
67. *Чернышевский Д.В.* Русские союзники монголо-татар // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2004.
68. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 1. СПб., 1889.
- 68а. *Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. СПб., 1891.
69. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIV. СПб., 1895.
70. *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 1962.
71. Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.
72. *Dimnik M.* Kamenec // *Russia mediaevalis*. Munchen, 1979. Т. 4.

Аннотация. Статья посвящена анализу деятельности великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича (1190/1191–1246) в годы нашествия Батые на русские земли. В работе дается обоснование причин неучастия князя в битве на реке Сити (1238), уточняются цели его похода на южнорусский город Каменец (1239). На основе анализа источников высказывается гипотеза, согласно которой этот поход был осуществлен им не из Владимира, а из окрестностей Киева, где в то время мог находиться Ярослав. В связи с этим пересматривается время возвращения князя из Киева во Владимиро-Суздальскую Русь. Скорее всего, это произошло не в середине 1238 года, как принято считать, а на рубеже 1239–1240 годов. В связи с особым интересом, проявляемым Ярославом Всеволодовичем к Киеву, уточняются представления о мотивах, которыми он руководствовался, соглашаясь на получение из рук хана Батые власти над русскими землями в 1243 году.

Ключевые слова: великий князь Ярослав Всеволодович, Батый, нашествие, битва на реке Сити, Киев, Владимир, поход на Каменец.

Vladimir N. Rudakov, PhD in Philology, Editor-in-Chief, "Historian" Magazine. E-mail: ps-rudakov@yandex.ru.

Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich and Baty-khan's Invasion

Abstract. The article is devoted to the analysis of the activity of the Grand Prince of Vladimir Yaroslav Vsevolodovich, or Yaroslav II (1190/1191–1246) during Baty-khan invasion of Russia. The article gives reasons of the Grand Prince's non-participation in the Battle at the Sit River (1238), and also specifies motives of his attack on the city of Kamenets in the South of Russia (1239). On the basis of the various sources analysis, the author puts forward the hypothesis that the campaign was started not in Vladimir but from the suburbs of Kiev, where allegedly Prince Yaroslav Vsevolodovich could be staying at the time. Thereby the time of his return from Kiev to Vladimir-Suzdalian Rus could be reconsidered. Most likely it happened at the turn of 1239–1240, but not in the middle of 1238 as it's commonly thought. In the context of Yaroslav Vsevolodovich's special interest in Kiev, the article clarifies the Grand Prince's motives of accepting from Baty-khan the rights of power over Russian lands in 1243.

Keywords: The Grand Price Yaroslav Vsevolodovich, Baty-khan, Invasion, Battle at the Sit River, Kiev, Vladimir, Attack on Kamenets.

«...О начале славяно-российского народа»: происхождение русской цивилизации в представлениях отечественных мыслителей XVI–XVII веков*

Особая роль России в мировой истории и ее цивилизационный статус признаются всеми представителями цивилизационного подхода. Так, Н.Я. Данилевский прямо указывает, что «славяне, подобно своим старшим на пути развития арийским братьям, могут и должны образовать свою самобытную цивилизацию» [4, с. 125] под естественным началом России. Кроме того, именно «русскому и большинству прочих славянских народов достался исторический жребий быть вместе с греками главными хранителями живого предания религиозной истины – православия и, таким образом, быть продолжателями великого дела, выпавшего на долю Израиля и Византии, быть народами богоизбранными» [4, с. 480].

Однако подобное понимание возникло не вдруг, а на уже подготовленной почве глубокой и сложной интеллектуальной работы русских книжников. Вопрос роли и места России в мировом историческом процессе как отдельной цивилизации стоял перед русскими авторами с самых ранних времен: «Пытаясь осмыслить положение России во всемирной истории, русская религиозно-философская мысль выработала *три типа соединения* русской истории с мировой – *хронографический* (“Русский Хронограф” 1512 года), *генеалогический* (“Сказание о князьях владимирских”) и *пророческо-эсхатологический* (цикл сочинений о “Третьем Риме”)» [12, с. 274]. На государственном уровне данный вопрос был актуализирован в XVI–XVII веках. Именно в это время в государственной исторической политике была сформулирована теория происхождения России, которая позже претерпела существенные изменения и была дополнена.

В 1510-х годах заточенный в Ферапонтовом монастыре несостоявшийся митрополит всея Руси девяностолетний старец Спиридон-Савва, из-за резвости характера прозванный Сатаной, «в ответ на запрос какого-то очень влиятельного лица» [6, с. 410], составил «Послание о Мономаховом венце» («Послание Спиридона-Саввы»). В «Послании» была предложена крайне оригинальная теория происхождения правящей династии Рюриковичей. Происхождение Рюрика Спиридон-Савва выводил от некоего четвертого сына Ноя через Октавиана Августа, первого императора Римской империи: «Август же начят ряд поклады на вселеную. Постави брата своего Патрикия царя Египту... и Пруса в брезех Вислы реки в град, глаголемый Морборок, и Торун, и Хвоиница, и пресловы Гданеск, и иных многих градов по реку, глаголемую Немон, впадшую в море» [13, с. 161–162]. Через некоторое время новгородцы по совету воеводы Гостомысла «шедше в Прусскую землю и обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суца от рода римска царя Августа, и молиша его с посланми всех новгородцев. Князь же Рюрик прииде к ним в Новгород» [13, с. 162].

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32194 «Идейные истоки государственной исторической политики в России (на материалах историко-политических сочинений середины XVII века)».

Страхов Александр Борисович, аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: falconian@yandex.ru

Выбор Рима как определенного идеала был неслучаен. Внимание христианской мысли к Римской империи было вызвано вполне объективными причинами. Ряд богословов, например свт. Иоанн Златоуст и блж. Иероним Стридонский, видели в Риме апокалиптическое царство, описанное у Даниила четвертым, железным: «А четвертое царство будет крепко, как железо; ибо как железо разбивает и раздробляет все, так и оно, подобно всесокрушающему железу, будет раздроблять и сокрушать» (Дан. 2: 40), что, впрочем, вступало в противоречие с устоявшимся образом истукана с железными голеньями и глиняными ногами как империи Александра Македонского [подр. см. 1, с. 93–104].

После принятия христианства императором Константином и признания христианства официальной религией Римской империи некогда апокалиптическое царство перестает быть противником христиан. Появляется идея катехона, основывавшаяся на словах апостола Павла: «И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2: 6–7). Так, свт. Иоанн Златоуст прямо называл римское государство тем самым «удерживающим» мир от наступления царства антихриста. Кроме того, основание Римской империи совпало с рождением Спасителя Иисуса Христа; это позволило считать империю богоосвященной формой государственного устройства. Из изложенного видно, что Римская империя в трудах христианских писателей становилась не только политическим, но и всемирно-духовным идеалом, который необходимо сохранять и передавать, поэтому обращение к ее образу в русских источниках в конце XV – начале XVI века, то есть в то время, когда Россия осталась единственной в мире независимой православной страной, было вполне естественно.

При этом важно отметить, что российская государственность не объявлялась русскими книжниками прямым продолжением римской. Спиридон-Савва удерживается от такого сравнения и особо подчеркивает самоцельное бытие России. Так, как уже было отмечено выше, потомок Августа Рюрик не создал государство с нуля и не стал первопредком всего народа, а был приглашен сложившимся родоплеменным объединением. Инаковость и особое духовно-политическое положение русской цивилизации Спиридон-Савва артикулирует через фигуру византийского императора Константина Мономаха. После великой схизмы Константин «составляет съвет и отряжает послы к великому князю Володимеру Всеволодичю» [13, с. 164], передает ему дары – христианские святыни и собственный царский венец в знак того, что «все православие в покои пребудут под сущю властию нашего царства и твоего волнаго самадръжавтсва Великия Росиа» [13, с. 165]. Этот рассказ недвусмысленно подчеркивает, что Россия, во-первых, является государством, отличным по своему устройству и от Рима, и от Византии. Во-вторых, на Россию почти с самого ее начала возлагается цивилизационная миссия – сохранение православия.

Второй частью «Послания» является «Родословная литовских князей», которая, однако, особо острое звучание и актуальность приобретает уже в другом документе.

Послание Спиридона-Саввы, хотя и созданное по высшему заказу, не являлось документом собственно государственной исторической политики и предназначалось «для внутреннего использования». Основной целью Послания, по словам Р.П. Дмитриевой, было «возвеличение... Василия III и великокняжеской власти» [5, с. 80]. Главной же идеей Послания является включение Великого княжества Московского в мировую историю через происхождение от римских императоров и одновременно утверждение собственной инаковости – особого расположения Бога к династии Рюриковичей. Государство же в полном соответствии с духовно-политической логикой того времени отождествляется с правящей династией.

При этом русским авторам одновременно приходилось действовать в условиях стратегической конкуренции с литовскими летописцами, которые также пытались связать

происхождение Гедиминовичей с Римской империей. Так, к 1520-м годам относят создание «Хроники Великого княжества Литовского и Жомойтского» виленскими шляхтичами на западнорусском языке. Хроника начинается с краткого обзора истории Римской империи, императора Августа, «которые иже не толко одному Риму, але и всемоу свету пановал» [14, стлб. 227]. Данная история помещена здесь не случайно, так как происхождение литовцев удлиняют как раз до тех времен: «Кнже Римское именем Полемон, который же цесару Нерону был кровный, забрался з жоною и з детми и з скарбы своими и подъянными своими с которым жо кнжетем собралося пят сот шляхты з жонами и з детми и з многими людьми» [14, стлб. 228]. Таким образом, Литва подхватывает появившуюся в России идею о римском происхождении собственных правителей и знати¹.

В связи с этим уже после смерти Спиридона-Саввы его «Послание» было переработано в «Сказание о князьях владимирских». «Родословная литовских князей», выполнявшая внешнеполитические идеологические функции, была доработана и усилена. В «Родословной...» разбиваются все поползновения Литвы на римское наследие и на осознание ее как «исторического народа».

Это заочное противостояние исторических политик двух государств, которое можно трактовать «как специфический, но неотъемлемый аспект политики как таковой» [10, с. 9] помимо прочего доказывает, что даже связанная личной унией с Польшей Литва оставалась в едином непрерывном культурно-историческом пространстве с Россией. В пользу этого говорят и определенная вторичность историософии по отношению к московской, и хорошее знакомство с литовской историософией в Москве, и сам факт тотального русскоязычия литовской книжной культуры.

О том, что идея включения в мировую историю через римское происхождение династии укрепилась и стала одним из важнейших идейных оснований духовно-политического сознания и исторической политики России, свидетельствуют послания царя Ивана Васильевича Грозного (1530–1584). Наиболее ярко это заметно во втором послании шведскому королю Юхану III (1573). В самом начале послания русский царь обозначает свое место в мировой политике: «Первое, что ты пишешь свое имя напередь нашего, и то не по пригоже по тому, что намъ цысарь римский братъ и инья великия государи, а тебе темъ братомъ назватися не возможно по тому, что Свейская земля техъ государствъ честию ниже, якоже напреди явленно будетъ» [7, с. 116]. Доказательство следующее: «А то правда истинная, а не ложь, что ты мужичей родъ, а не государьской. А пишешь к намъ, что отец твой венчаный король, а мати твоя также венчанная королева, – ино то отецъ твой и мати твоя и венчанная, а дотоле не бываль ниhto!» [7, с. 122]. Логическим завершением этого доказательства звучат следующие слова Ивана Васильевича: «А что писалъ еси о Римского царства печати, и у насъ своя печать от прародителей нашихъ, а и римская печать намъ не дико: мы от Августа кесаря родствомъ ведемся, а ты усужаешь намъ то противно Богу – что намъ Богъ дал, и ты и то у нас отнимаешь; мало тебе насъ укарять, и ты на Бога уста разверзь» [7, с. 130]. Эти отрывки показывают, что легендарное происхождение Рюриковичей настолько прижилось в сознании русских людей, что они уже безо всяких уточнений или примечаний ссылались на него как на незыблемую истину. При этом такое происхождение накладывало как определенные привилегии (право на вотчины предков и византийское наследие, высокий дипломатический статус), так и обязанности (сохранение православия и православных), свойственные наднациональной структуре – цивилизации.

Таким образом, государственная историческая политика России в XVI веке утвердила *династический подход* к трактовке места России в мировой истории, который был связан с мифическим происхождением русских правителей от римского императора Августа.

¹ Подробнее об исторической политике Великого княжества Литовского см. [15].

Однако в связи с развитием социально-политических отношений, а также глубочайшим кризисом Смутного времени и воцарением Романовых династический подход к осознанию места России в мировой истории требовал уточнений и дополнений. От него не отказались полностью. Так, Г.В. Талина пишет: «Официальная идеология XVII века развивала ранее существовавшую идею о принятии власти первым русским князем Рюриком от римского императора Августа» [16 с. 37]. Но важно помнить, что идея происхождения Рюриковичей (а вместе с ними и Романовых) от первого римского императора Октавиана Августа оказалась сильно скомпрометирована тем, что Рим, как и вражеская Польша, был католическим и осознал себя не столько как великое царство прошлого, а как религиозный враг в настоящем: «Многая латынская учителя с собою привеле не точию ис Польши, но и из Риму от папы, еже бы како разорити истинная наша непорочная православная хрестьянская вера греческаго закона» [17, с. 31].

В связи с этим династический подход стал дополняться *национальным подходом*, который соединял с мировой историей не только правящую династию, но и весь русский народ. Впервые данный подход проявился в легендарном «Сказании о Словене и Русе и граде Словенске». «Сказание» повествует о легендарных предках русского народа и выполняет вполне определенную функцию: «История “россиян”, княжеская власть на Руси уходит далеко в глубь веков, возникла задолго до прихода в Новгород “Рюрика с братиею”» [11, с. 348]. Это совершенно фантастическое произведение было создано, скорее всего, в 1630-х годах, во всяком случае, оно «впервые появляется в сборниках конца 1630-х – нач. 1640-х гг.» [2, с. 444], по ряду признаков, написано митрополитом Новгородским Киприаном, хотя раньше существовала другая точка зрения: «“Сказание о граде Словенске” возникло в последней четверти XVII в.» [11, с. 348].

Принципиальным отличием «Сказания» от «Послания Спиридона-Саввы» было не столько содержание, сколько объект, о происхождении которого идет речь. Если Спиридон-Савва говорил о династии, то Киприан рассматривает именно этногенез русского народа. При этом Киприан вслед за Спиридоном-Саввой и в строгом соответствии с духовно-политической логикой обращается к ветхозаветному рассказу о потомстве Ноя.

Согласно Киприану, Словен и Рус были потомками Скифа, праправнуками Ноя через Иафета. Называя предков русов и славян родными братьями, «Сказание» снимало вопрос об их взаимоотношениях. Роды Словена и Руса, расселившись на берегах Черного моря, «иже тесноты ради» [9, с. 11] начали ссориться друг с другом, после чего братья решили переселиться, добрались до озера Ильменя, где «градки многие Словен и Рус поставиша и нарицаху их во имена князей своих Словены и Русии... И живяху между собою Словен и Рус в любви велицей» [9, с. 12]. При этом история потомков Словена и Руса идет параллельно ветхозаветной истории и является ее органичной частью; так, даже Александр Македонский «посылает к ним з дары многими и писание, многими похвалами украшено...» [9, с. 13].

Чтобы «обновить» включение России в мировую историю и объяснить общепринятые версии происхождения русского народа, Киприан предпринимает смелое художественное решение – уводит потомков Словена и Руса с мест привычного расселения: «Прииде на землю Словенскую посланный праведный гнев Божий, и изомроша людии без числа во всех градах и весех... Оставши же людие пустоты ради избегоша из града вон в дальняя страны» [9, с. 28], на Дунай. Только потомки беглецов «нача мыслити в себе, како бы им наследити землю отец своих» [9, с. 28] и вернулись обратно на Ильмень, вновь отстроив города, включая Великий Новгород, и поставив себе старейшину Гостомысла. Именно по совету Гостомысла новгородцы «обретоша... князя великаго имянем Рюрика, рода суца Августа» [9, с. 36].

Итак, Киприан создает совершенно баснословную историю Русского государства, при этом его цель – удревнить ее для повышения авторитета России в мировом порядке и впле-

сти в общемировую христианскую историю. Скорее всего, Киприан тоже пытался решить проблему происхождения русских правителей и согласовать их происхождение от императора Августа и русскую этничность. Ему это удалось – происхождение Рюрика упоминается вскользь, как общеизвестный факт, однако в сочинении Киприана он приходит не к неизвестному народу, а к национальной общности с долгой, славной и сложной историей.

Легенды о первопредке, по имени которого стал называться весь народ, не были чем-то необычным для славянской историографии. Так, в западнославянской историографии была широко распространена легенда о трех братьях Чехе, Лехе и Русе, которые стали праотцами своих народов. «Хроника Великой Польши», документ рубежа XIII–XIV веков, говорит: «Родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножаясь в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами, и в настоящее время владеют и будут владеть, как долго это будет угодно божественной воле» [3, с. 52]. Несмотря на то, что народы в итоге разошлись, они имеют общий корень, – таков посыл автора «Хроники». Однако в «Сказании о Словене и Русе», во-первых, история продлевалась до времен потопа, во-вторых, являлась частью не регионального, а общемирового процесса.

Идеи «Сказания» оказались востребованы, о чем говорит не только не поддающееся учету количество списков самого текста, но и активное их использование в других исторических и духовно-политических сочинениях. Так, в 1674 году в Киево-Печерском монастыре был издан «Синопис... о начале Славяно-Российского Народа», ставший фактически первым печатным учебником русской истории и получившим благосклонное отношение Алексея Михайловича. «Синопис» выдержал три редакции (1674, 1678 и 1680), отличавшиеся концептуально: «Концепция именно 3-й редакции Синописа, в которой киевская и московская традиции тесно переплетаются, имела более долгосрочное влияние, чем концепция 1-й редакции» [18, с. 20]. Однако вопрос происхождения России сохраняется во всех редакциях, хотя и заметно отличается от версии «Сказания» очевидной прокиевской направленностью.

Автор «Синописа», архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий (Гизель) производит «Славяно-Российский народъ» [8, с. 1] от потомков Иафета, сына Ноя, а имя – от славы: «от СЛАВНЫХЪ делесь своихъ, найпачеже воинскихъ СЛАВЯНАМИ или СЛАВНЫМИ зватися начаша» [8, с. 3]. Храбрости славян дивились Александр Македонский (вероятно, этот сюжет пришел из «Сказания о Словене и Русе») и император Август. Очевидно, что трактовка названия как «слава», причем воинская, была сделана по горячим следам победоносной войны с поляками, по итогам которой Малороссия и вернулась в состав России. Россия же получила свое название так: «Славяне о(т) Славныхъ делесь своихъ искони Славенское имя себе приобретаюша, тако по времени о(т) РОССЕЯНИЯ по многимъ страна(м) племени свое(го), РОССЕЯНЫ, а пото(м) РОССЫ прозвашася. Неции близъ мимошедши(х) времянь сказоваху Россовъ о(т) городка Роси, недалече Великаго Новгорода лежаща; инии о(т) реки Роси, друзии о(т) Русыхъ волосовъ, с яковыми и ны(н)е везде много суть Руси» [8, с. 7]. Наиболее вероятной версией автор тем не менее считает «рассеяние» по миру. Таким образом, славный народ, происходящий от Иафета, самого «славного» сына Ноя, рассеивается на огромной территории. Рассказ Гизеля не так подробен, как «Сказание» Киприана, однако и в «Синописе» прослеживается как включение русских в общемировую историю через библейскую, так и отличительные черты русских по сравнению с другими народами.

Таким образом, русские трактуются как народ «одного корня» с другими европейскими народами и включаются в мировую историю через это библейское родство. Основанием для такого включения становятся взаимодополняющие династический и национальный

подходы. При этом Россия под пером создателей исторической политики XVI–XVII веков сохраняла исключительные черты, позволявшие выделять ее как отдельный культурно-исторический тип.

Литература

1. *Бессонов И.А.* Пророчества книги Даниила: происхождение, история экзегетики, толкование / Царство святых Всевышнего и мировая история. СПб.: Алетейя, 2019. 549 с.
2. *Буланин Д.М., Турилов А.А.* Сказание о Словене и Русе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 444–447.
3. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. XI–XIII вв. / сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева; под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1987. 264 с.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.
5. *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. 216 с.
6. *Дмитриева Р.П.* Спиридон-Савва // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI в.). Ч. 2: Л–Я. Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1989. С. 408–411.
7. *Иван Грозный.* Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Поньрко. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 116–136.
8. *Иннокентий (Гизель).* Синописис, или Краткое собрание о Начале Славяно-Российского Народа... Киев: Типогр. Киево-Печерской лавры, 1674. 124 с.
9. *Мазуринский летописец* // Полное собрание русских летописей. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. С. 11–179.
10. *Малинова О.Ю.* Символическая политика: Контуры проблемного поля // *Символическая политика: Сб. науч. трудов*. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс / Отд. полит. науки Центра социальных научно-информационных исследований ИНИОН РАН. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 5–16.
11. *Николаева М.В.* О некоторых источниках «Подробной летописи» («Синописис», Сказание о граде Славенске) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1969. Т. 24. С. 344–348.
12. *Перевезенцев С.В.* Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с.
13. *Послание Спиридона-Саввы* // *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 159–171.
14. *Список графа Красинского. Б* // Полное собрание русских летописей. Т. 17: Западнорусские летописи. СПб.: Типогр. М.А. Александрова, 1907. С. 227–238.
15. *Страхов А.Б.* Историческая политика Великого княжества Литовского: альтернативный проект русской истории // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2019. С. 439–441.
16. *Талина Г.В.* Самодержавное царство первых Романовых. М.: Социально-политическая мысль, 2004. 328 с.
17. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М.: Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1906. 110 с.
18. *Штайндорфф Л.* «Синописис» как «место памяти» Руси // «Места памяти» Руси конца XV – середины XVIII в. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 14–24.

Аннотация. Особая роль России в мировой истории и ее цивилизационный статус признаются всеми представителями цивилизационного подхода. Однако подобное понимание возникло не вдруг, а на уже подготовленной почве глубокой и сложной интеллектуальной работы русских книжников. Вопрос роли и места России в мировом историческом процессе как отдельной цивилизации осмыслялся русскими авторами с самых ранних времен. На государственном уровне данный вопрос был актуализирован в XVI–XVII веках. На основе анализа текстов XVI–XVII веков подробно разбирается, какие подходы к осознанию своего места в общемировой христианской истории были выработаны книжниками, имевшими отношение к формированию исторической политики Русского государства. Автором предложено выделить два таких подхода – династический и национальный.

Ключевые слова: духовно-политическая мысль; историософия; историческая политика; «Послание Спиридона-Саввы»; «Сказание о князьях владимирских»; «Сказание о Словене и Русе»; «Синописис».

Alexander B. Strakhov, Post-graduate Student, Department of History of Social and Political Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: falconian@yandex.ru

“...About the Beginning of the Slavic-Russian People”: the Views of the Russian Thinkers of the 16-17 Centuries on the Origin of Russian Civilization

Abstract. The special role of Russia in the world history and its civilizational status is recognized by all representatives of the civilizational approach. However, this understanding did not arise from nowhere, but relied on the basis of the already prepared deep and complex intellectual work of Russian scribes. The question of Russia's role and place in the world historical process as a separate civilization was studied by Russian authors since the earliest times. At the national level, that issue was actualized in the 16-17 centuries. On the basis on the analysis of the texts of the 16-17 centuries. the author of the article examines in detail what approaches to the understanding of their place in the world's Christian history were developed by the scribes who were involved in the formation of the historical policy of the Russian state. The author suggests to distinguish two such approaches – the dynastic and the national ones.

Keywords: Spiritual and Political Thought; Philosophy of History; Historical Politics; “The Message of Spiridon-Savva”; “The Tale of the Princes of Vladimir”, “The Legend of Slovene and Ruse”, “Synopsis”.

Константинопольский «Маскаралык» 1876–1877 годов в письмах и воспоминаниях К.А. Губастова

Автор публикуемых фрагментов, Константин Аркадьевич Губастов (1845–1919)¹ был кадровым дипломатом, прошедшим путь от «студента посольства» (стажера) до товарища министра иностранных дел. В историю отечественной культуры он вошел как коллекционер-нумизмат и специалист по генеалогии. Профессиональное становление Губастова целиком связано с Константинополем, где он занимал различные секретарские должности в посольстве, а затем возглавлял генеральное консульство, причем в 1878 году именно он это консульство открывал после русско-турецкой войны. А на становление его как человека думающего повлияла более всего встреча с К.Н. Леонтьевым², которая произошла тоже в Константинополе зимой 1867 года, положив начало дружескому общению и переписке, длившейся до самой кончины Леонтьева в ноябре 1891 года и насчитывающей более 200 писем)³.

Интересно, что несмотря на большую разницу в возрасте Губастов не был в отношениях со своим старшим другом лишь покорно внимающим учеником. Можно было бы привести множество примеров (и с годами таких случаев будет всё больше), когда именно он открывал для Леонтьева неизвестные тому книжные и журнальные новинки, знакомство с которыми затем давало цвет и плод в творчестве писателя и мыслителя. Причем это были не только западные источники. Известно, например, что именно Губастов указал ему на работы Т.И. Филиппова по греко-болгарскому вопросу [5, с. 405]. На глазах Губастова и других константинопольских приятелей создавался самый известный труд Леонтьева – книга «Византизм и Славянство», а также его статьи о панславизме. Леонтьев любил читать свои новые произведения друзьям, и нет сомнения, что при обсуждении указанных работ не раз звучало имя Н.Я. Данилевского, с книгой которого «Россия и Европа» Леонтьев тогда не расставался.

Этого обстоятельства, конечно, не вполне достаточно, чтобы предложить в журнальный выпуск, посвященный Данилевскому, материал, не имеющий к нему прямого отношения, но есть еще одна деталь, которая может послужить нам своего рода оправданием. В письмах к Леонтьеву содержатся уникальные свидетельства о положении русского

¹ См. о нем [1–3].

² См. воспоминания Губастова о Леонтьеве [4].

³ Писем Губастова сохранилось 110 (автографы находятся преимущественно в фонде К.Н. Леонтьева в ГЛМ и частично в РГАЛИ), они активно использовались в комментариях к Полному собранию сочинений и писем К.Н. Леонтьева, а в настоящее время готовятся к отдельной полной публикации в одной из книг серии Приложений к этому изданию.

посольства в Константинополе (городе, о значении которого в концепции Данилевского говорить излишне) во время, предшествовавшее русско-турецкой войне. Рождавшиеся тогда надежды, что этот город, по выражению Достоевского, «будет наш», в итоге – после неловких действий нашей дипломатии и вмешательства Германии и Британии – оказались недостижимыми. Наиболее интересны два письма. Одно – от 12 июня 1876 года – содержит краткую хронику событий, из которой мы узнаём о том, что в это время в Турции всерьез обсуждалось намерение потребовать от России «восстановления независимости Кавказа и Крыма», и картину переворота (с поиском «миллионов Султана» и с агитацией по кофейням), удивительно напоминающую современные цветные революции. В другом письме – от 16 декабря того же года – дан точный анализ политической ситуации. В декабрьском письме Губастов активно спорит с Леонтьевым, опровергая его прогнозы. Здесь же он с иронией упоминает о будущих мемуаристах, видя, возможно, и себя в этой роли.

Тема «константинопольского “маскаралыка”¹» (так Губастов назвал период государственного переворота в Турции, тщетных попыток Европы принудить ее к реформам, улучшающим положение немусульманского населения, и всеобщей неразберихи) действительно отражена не только в письмах, но и в создававшихся в конце жизни Губастова воспоминаниях. Он уже условился о публикации с петербургским издательством «Огни» и незадолго до смерти успел передать туда две завершённые части, где повествование доведено до 1897 года. В архиве этого издательства эти части книги и сохранились: первая в виде авторизованной машинописи, вторая – в виде рукописи в переплетенной тетради. Интересующий нас период описан достаточно подробно в одной из глав первой части.

Оказавшись рядом, тексты разной жанровой и временной принадлежности, удачно дополняют друг друга, и, думается, знакомство с ними будет небесполезным для современных историков. Заметна здесь естественная разница в подходах и оценках молодого и зрелого человека. Кроме того, в письмах видна оглядка на возможную перлюстрацию, в воспоминаниях автор более свободен (в том числе и от собственных пристрастий, но поэтому и более сдержан, минимизируя собственные суждения). Есть в публикуемых фрагментах и эпизоды, не описанные другими мемуаристами или историками, – например, эвакуация посольства за десять дней до начала войны.

Фрагменты писем печатаются по автографам: ОР ГЛМ. Ф. 196. Оп. 1. Ед. хр. 110; отрывок из воспоминаний – по авторизованной машинописи: РО ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 17.

¹ Маскарад (тур.).

ИЗ ПИСЕМ К.А. ГУБАСТОВА К.Н. ЛЕОНТЬЕВУ (1876–1877)

17 мая 1876 г., Елец¹

Вы знаете по газетам, что делается теперь в Турции. Все семейства выезжают из Конст<антино>п<о>ля – все живут sur la qui vive², страх обуял всеми. Работ в Посольстве бездна. <...>

Как приеду в Конст<антино>п<о>ль, тотчас напишу Вам, что там происходит.

Хитрово³ говорят, один только гарцует и ведет себя неустрашимо.

12 июня 1876 г., Буюкдере

Трудно будет рассказать Вам на 4-х страницах, что теперь здесь творится. Из немного сказанного мною дополните уже сами, чтобы иметь приблизительное понятие о здешнем положении. С самого момента падения Махмуда и движения софт⁴, турки быстро переменили отношения свои к Игнатьеву. Это совпало с Берлинским свиданием и меморандумом Горчакова. Лишь только Англия отказалась присоединиться к Евр<опейским> державам, турки, найдя неожиданную себе помощь и поняв, что конец их владычества отсрочен – сделались вдруг заносчивы, притязательны и захотели порвать все связи с Россией свержением Абдул-Азиза⁵. Переворот этот был делом, конечно, личных интересов Мидхада⁶, Хусейн-Авни⁷ и К^о, но совершенный быстро, смело и удачно, – произвел всеобщий в Турции восторг и возбудил во всех провинциях у Мусульман – самые радужные и несбыточные надежды. Власти, мелкое, обнищавшее чиновничество, войско и простой мусульманский народ вообразили, что накопленными Абд<ул>-Азизом миллионами будет покрыт весь долг Турции и затем англичане, приславшие уже новому Султану⁸ свой флот, дадут ему и денег на объявление войны России; война эта будет ей объявлена по непринятии ею следующего ультиматума, который повезет в Петербург Халиль-Шериф Паша⁹, уплата Турции долга, сделанного в Крымскую войну, восстановление независимости Кавказа и Крыма и вывод всех войск из Ташкенда [так – О. Ф.], Бухары, Хивы и Коканда! (Это говорили не только в провинции, но и в Конст<антино>поле довольно почтенные турки!) В Трапезонде, на о. Кандии¹⁰, в Битолии¹¹, в Янине сами власти распространяли в народе подобные бессмыслицы. Ахмед Расим Паша¹² (в Трапезонде) ходил сам по кофейням и объяснял все выгоды для Турции от войны с Россией. В Янине Паша объяснял Троян-

¹ Весной 1876 года Губастов находился в отпуске и надеялся навестить Леонтьева в его имени, но получил предписание срочно вернуться в Константинополь.

² Начеку (фр.).

³ Михаил Александрович Хитрово (1837–1896) – дипломат, поэт; в описываемое время генеральный консул в Константинополе; приятель К.Н. Леонтьева. Посвященный ему отрывок воспоминаний Губастова см. в нашей публикации [6].

⁴ Речь идет о восстании софт (студентов-богословов) и смещении Махмуд Недим Паши (1818–1883), великого визиря в 1871–1872 и 1875–1876 годах.

⁵ Абдул-Азиз (1830–1876) – турецкий султан (1861–1876).

⁶ Ахмед Шефик Мидхад Паша (1822–1884) – турецкий государственный деятель, неоднократно занимавший должность великого визиря, один из руководителей Танзимата (реформ).

⁷ Хусейн Авни Паша (1821–1876) – великий визирь (1874–1875).

⁸ Мехмед Мурад V (1840–1904).

⁹ Халиль Шериф Паша (1831–1879) – турецкий дипломат и государственный деятель.

¹⁰ Крит.

¹¹ Битолия (Монастырь, Битола) – город в Северной Македонии.

¹² Ахмед Расим Паша (1826–1897) – губернатор Трабзонского вилайета (с 1872). Адресат письма был хорошо знаком с этим пашой в бытность его генерал-губернатором Эпира.

скому¹ все преимущества республиканского или, что одно и то же по его мнению, конституционного правления, которое будет введено в Турции – над монархическим, и советывал России последовать этому примеру – если она не хочет быть раздавленной Турцией и Англией (!). Словом, Консула наши недоумевали, до чего дойдет гаерство опьяневших от радости Мусульман. В это время в Конст<антино>п<о>ле: – новый Султан поехал в мечеть в gris perle² перчатках, отправили на тот свет Абдул-Азиза (под хлороформом ему открыли вены); Хасан-бей, beau frère³ покойного Султана, из личных расчетов, убил двух Министров⁴; Мидхад и Халиль разрабатывают новый проект ограничения власти Султана; Мурад заболевает и 2 раза подряд не едет в пятницу на салаат-уль-джумье⁵, прислуга Рашида⁶ и Хусейн-Авни клянется отомстить смерть своих «добрых» Пашей убийством Мидхада и Шейх-уль-Ислама⁷; Мурад, терзаемый во все стороны то софтами, то консерваторами, то радикалами, не знает кого слушать и призывает своего брата⁸ и упрасивает его сесть на престол; Министры умоляют Мурада этого не делать, говоря, что это произведет ужасную пертурбацию в стране; а что для него лично единственный исход будет затем смерть. Министры до сих пор дрожат за свою безопасность, и дома их наполнены заптиями⁹ и вооруженною прислугою. Триста женщин харема покойного Султана разорвали в куски, в день смерти Султана, всю мебель киоска¹⁰, где их поселили, их за это выгнали на улицу, они шли и ехали с воплями и клялись отомстить чрез своих родственников и новому Султану и всем, участвовавшим в перевороте.

Картина меняется: обезумевшая всеми, при воцарении Мурада, радость начинает улегаться, возбужденные страсти утихать, все начинают себя спрашивать: в чем же польза-то от совершившегося переворота, куда же пошли миллионы Абдул-Азиза (которых всего оказалось 5), отчего же не платят *по-прежнему* жалованья, когда же будет объявлена война России, когда же подымутся фонды настолько, что можно будет от них без убытка отделаться?

На все эти вопросы никто, конечно, ответов не дает, и вот появляются серьезные признаки реакции, разочарования. Приняв раз порцию опиума, который погрузил турок в такие очаровательные сны, им, конечно, пробуждение не по вкусу, и они, разумеется, ищут случая опять принять этого же зелья. В легкости совершенного переворота заключается их дурман.

В провинциях реакция разрешается зверским избиением болгар. По счетам Герова, Цертелева и Крылова¹¹ до сих пор убито до 40 тысяч болгар. На днях, Цертелев пишет, в Филиппополе (куда он послан расследовать жалобы властей на Герова) повесили 14 бол-

¹ Александр Степанович Троянский (1835–1905) – преемник Леонтьева по консульству в Янине; с 1886 года генеральный консул в Палермо.

² Жемчужно-серых (*фр.*).

³ Шурин (*фр.*). Речь идет о Черкес Хасан Паше (1850–1876) – брате пятой жены султана Абдул-Азиса.

⁴ 15 июня 1876 года были убиты Мехмед Рашид Паша и Хусейн-Авни Паша.

⁵ Пятничный намаз.

⁶ Мехмед Рашид Паша (1824–1876) – министр иностранных дел (с 1873).

⁷ Высшее духовное лицо в Турции, муфтий Константинополя.

⁸ Абдул-Хамид II (1842–1918).

⁹ Жандармами (*тур.*).

¹⁰ Павильона.

¹¹ Найден Герович Геров (1823–1900) – российский дипломат, вице-консул в Филиппополе (1857–1876), впоследствии болгарский государственный деятель; князь Алексей Николаевич Цертелев (1848–1883) – в описываемое время управляющий консульствами в Адрианополе и Филиппополе, впоследствии герой русско-турецкой войны, Иван Петрович Крылов (кон. 1830-х – не ранее 1881) – секретарь консульства в Янине (1868–1873; в 1869–1871 – подчиненный Леонтьева), Русуке (с 1873), впоследствии консул в Скутари.

гар и 2-х священников в полном церковном облачении; жители подали просьбу Порте, в которой просят разрешения не вешать болгар, а сажать их на кол. На о. Хиосе софты выщипали 2-м священникам бороды и т.д.

Вот Вам в общих чертах набросанная картина дел в Турции. Что же при всем этом делает дипломатия в Европе и в Конст<антино>п<о>ле. Англичане, прислав в Безину (близь Трои) 8 сильных броненосцев и приказав 8 другим отплыть туда же, спокойно смотрят на всё, зная, что они единственные хозяева теперь в Турции и никто с ними в *неравный* бой не вступит. В известный момент все эти броненосцы с 10 т<ысячами> десантного войска могут вступить в Конст<антино>п<о>ль. Турки ухаживают, конечно, за англичанами как нельзя более; пока же различные члены Парламента раздают софтам деньги на покупку оружия (это не басня – один Sir Johnson Butler собрал и прислал 28 т<ысяч> L¹ на этот предмет). На бедном же Николае Павловиче² лица просто нет. Положение его здесь невыносимо тяжелое. Никто к нам не хочет (или не смеет) заходить, все отвернулись и при каждом удобном случае заявляют свою ненависть, угрозы всякие сыплются ежедневно – то пишут (анонимно), что Н<иколая> П<авлови>ча собираются убить, – то отравить, – то что будут требовать его отозвания. Вместе с тем из М<инистерст>ва *положительно* ни строчки, из Эмса³ – тоже. Н.П. сам начинает уже настаивать на отозвании всего Посольства, потому что Послу оставаться при таком враждебном к России настроении – не только бесполезно, но даже и непристойно. Ведет он себя, впрочем, с большим мужеством. Внешне почти образ жизни наш не изменился, хотя всё, конечно, отзывается жизнью *sur la qui vive*⁴. Все старые политические архивы в городе уложены в сундуки. <...> Того и гляди, что мы сядем на «Сокол» и уедем. Турки до того объелись белены, что легко могут прислать Н.П. паспорт. Если только Черняев поколотит сербов⁵ – то взрыв негодования разнузданных Мусульман не обойдется без серьезных катавасий.

В этукую-то минуту Хитрово вздумал вызвать на дуэль Цертелева, осмелившегося что-то спросить Софью Петровну⁶ в его присутствии. Цертелев приезжал сюда на 3 дня из Адриано<поля> и успел нарваться на историю. Петухов пока розняли, но дуэль, говорят, неминуема⁷.

Если только немножко дела прояснятся – то я выпишу экземпляров 30–40 ваших повестей. У меня уже подписавшихся довольно, но все просят обождать выписывать, не желая иметь теперь лишнего фунта багажа. <...> О Ваших намерениях нужно подождать говорить до исхода дуэли⁸. Конечно, Хитрово здесь уже не останется. М-ме Ону⁹ со всеми детьми уехала в Крым. Игнатъев очень недоволен приезде М-ме Нелидовой¹⁰ (приехавшей с прошлым пароходом).

¹ Фунтов.

² Речь идет об Н.П. Игнатъеве.

³ То есть от кн. А.М. Горчакова.

⁴ См. примеч. на с. 446.

⁵ Вероятно, описка; должно быть «турок». Генерал М.Г. Черняев (1828–1898) в 1876 году был главным командующим сербской армией.

⁶ С.П. Хитрово (урожд. Бахметева, 1846–1910) – жена М.А. Хитрово, впоследствии «муза» Вл.С. Соловьева.

⁷ Позднее дуэль состоится, но оба противника не выстрелят.

⁸ Леонтьев, планировавший в то время вернуться на дипломатическую службу, рассчитывал занять место М.А. Хитрово.

⁹ Елизавета Александровна (Луиза Францевна) Ону (урожд. Пети де Баронкур, 1843–1909) – племянница и приемная дочь бар. А.Г. Жомини, жена первого драгомана посольства М.К. Ону, приятельница Леонтьева.

¹⁰ Ольга Дмитриевна Нелидова (урожд. кнж. Хилкова, 1839–1918) – жена советника посольства А.И. Нелидова.

29 июля 1876 г., Буюкдере

Цертелев разъезжает по Болгарии с английскими и американскими журналистами и не торопится вернуться сюда, зная или чувствуя, что без Игнатьева у него здесь будет очень нетвердая почва. Значит опять придется разваривать кашу здесь, что несомненно ужасно. Я думаю уехать на это скучное время в Афины. Вообще, скажу Вам, голубчик, и грустно и скучно и т.д. здесь. Вести всё неутешительные получаются: сербам не везет, Черняев зарвался, болгары – дурни и трусы, чорбаджи¹ же их (Геров и Бурмов²) – плуты первой руки и ничего плутоватостью своею не достигнут. Вся эта катавасия затянется еще на долго и, по-видимому, ничем не кончится.

Игнатьев возвращается сюда недели через две к 15–20 августа. Говорят, в Петербурге шла серьезно речь о его невозвращении, но в последнюю минуту, когда нужно было расставаться с 10 тысячами – у Игнатьева сперло дыхание и он предпочел их всему остальному. Как мало героев в XIX веке! И наш милейший Николас Павлович не принадлежит конечно к этому малому числу!

11 октября 1876 г., Пера

У нас, с приходом Игнатьева, события идут так быстро, что едва успеваешь передавать известия о них по телеграфу. Измученный томительным положением турецкий народ бросился в заговоры. Вчера арестовано было до 100 человек, замешанных в заговор против Министров. Пока еще анархия правительственная удержалась, но кажется, что скоро начнется анархия народная. Вообще настроение делается мрачным. Эллиот³ опять вступает в силу и подбивает турок ничего не уступать Европе. Последние телеграммы из Англии грозны, и бритты хотят ввести нас в войну и опередить наше вступление захватом Проливов. Выбить потом сильный Англо-Турецкий флот из Константинополя будет, конечно, очень трудно. Христиане с другой стороны рыдают и кричат, что без занятия провинций им нет никакого спасения. Известия из Сербии становятся день ото дня хуже – изурование полное. Одни только черногорцы не унывают и продолжают доколачивать турок.

Не спрашивайте меня о выводе из всего этого. Это продолжает оставаться х-ом, которого еще никто не смеет определить – особенно же близорукие дипломаты. На всякий случай и даже весьма вероятный – все мы понемножку и «не возбуждая ничьих подозрений», складываем наше добро и принимаем различные меры для успешного *saive qui reuvent*⁴.

16 декабря 1876 г., Пера

Вы предсказываете, что дела не только не ограничатся занятием Болгарии, но и весь вопрос будет разрешен для нашего Правительства присоединением Царьграда – совершенно неожиданно⁵. Жаль, что я вступаю в беседу с Вами об этом не полу-лежа у Вас на диване и не могу Вас посвятить во все тайны и подробности хода дел, а принужден писать Вам издали. Скажу, что можно уместить на нескольких страничках. Прежде всего, чтобы не забыть, достаньте и прочтите непременно мастерскую образцово-превосходную

¹ Старшины (болг.); в данном случае употреблено в значении «вожди, главари».

² Федор (Тодор Стоянов) Бурмов (1834–1906) – драгоман посольства в Константинополе (с 1867), болгарский политический и государственный деятель.

³ Сэр Генри Джордж Эллиот (1817–1907) – посол Великобритании в Константинополе в 1867–1877 годах.

⁴ Спасайся кто может (фр.).

⁵ Отклик на слова Леонтьева в письме от 5 декабря 1876 года: «...Убежден, что дело не только не ограничится занятием Болгарии, но и неожиданно для самого Русского Правительства разрешением всего Вопроса и присоединением Царьграда. – Попомните вы мое слово» [7, с. 53].

и верную статью Leroy-Beaulieu в книжке 1-го декабря “Revue des deux Mondes” (La Russie et les Réformes Turques)¹. Отчетливее и вернее подметить и оценить все тонкости положения России к Турции, роль и задачу нашу в этом вопросе нельзя.

Я совершенно согласен (и всегда соглашался и поучался) в общем с философскими заметками Вашими. Но не предполагайте, пожалуйста, чтобы «роковая точка, которая должна закончить известный период истории»², была бы близка. Она еще очень далека, и мы ее только теоретически сознаем и чувствуем ее приближение. Во-первых, не в славянской натуре наносить решительные быстрые и неожиданные удары своим врагам. Ни одно присоединение к Русскому Госуд<арст>ву не похоже на присоединение Альзаса к Пруссии. Итак, это решение не в нашей натуре, а во-2-х, это, начинаем мы с каждым *холодным* днем всё более и более сознавать, даже и не в наших *русских* интересах, а в-3-х, мы тоже начинаем понимать, что в жизни для успеха всегда прежде чем делать что-нибудь, нужно знать что «нужно и что хочется» делать, – иначе выходит каша, которую очень хорошо доесть, когда голоден и хочешь насытиться, а сытому она неведомо и только производит расстройство организма. Я не знаю, кто из нас двоих находится в более выгодном, для верного обсуждения, положении. Восточный вопрос – есть вопрос Европейский, Русский и Турецкий; следов<ательно>, нужно в каждый данный момент знать последнее слово Европы, России и Турции. Ни Вы, ни я (да, конечно, и ни один смертный) не можем знать одновременно мысли Бисмарка, Дерби, фабриканта в Сити, Мидхада, баши-бузука Ахмеда, Аксакова, Семенова, Иванова, Занмана, и т.п. Поэтому сознавая и Вашу и мою односторонность взгляда, я думаю, однако, что выгода моего положения та, что мне ближе видно – как обстоятельства обходят наскоро выработанные и недоношенные (*avortés*) планы, которые шатаются и разбиваются хуже и скорее, чем самые расслабленные и агонизирующие организмы, как Турция.

Вот тема, на которой я бы строил мои возражения Вам, дополняя и подкрепляя их всевозможными данными и фактами, которых у меня вдоволь. Развейте и дополните сами мои положения за невозможностью это сделать мне.

Что касается до практического положения дела в данную минуту, то оно сводится к тому, что турки ни за что не примут сразу решения Конференции и мы пройдем через множество фазисов *de la pression et de la coercitive*³; отозвание Послов и т.п., и наконец, когда всё будет готово для наступления, турки примут требования (которые немножко изменят) и все будут очень довольны забыть несносный восточный вопрос, “*ces pauvres Chrétiens*”, “*ces misérables bachi-bouzouks*”, “*ces herdes sauvages vemces du fond de l’Asiè et de l’Afrique*”⁴. Мы начнем писать опять мемуары: «О решении вост<очного> вопроса», «О конечных целях наших на Востоке», «Славянский вопрос с Русской точки зрения» и т. п. Мемуары эти будут, конечно, не читаться, потому что от чтения их не будет всё равно никакой пользы; а вре-

¹ Имеется в виду явившаяся откликом на Ливадийский ультиматум статья французского критика Анатоля Леруа-Больё (1842–1912), название которой Губастов передал неточно (у него: «Россия и турецкие реформы»), в оригинале: «Реформы Турции. Русская политика и панславизм» [см. 8]. Отзываясь о современной России с большой симпатией как о нации, «которая себя осознает, которая мыслит, которая чувствует, которая выражает себя» [8, р. 512], а о панславизме как о «нездоровой химере» [8, р. 533], проекте, достижимом разве что в подвиде «пансербизма», автор предвидит скорую войну, предсказывая России трудный выбор между достижением своих целей на Балканах и сохранением мира с двумя ее «союзницами», Австрией и Германией, которые не уступят собственных национальных интересов.

² Перечислив в своем письме ряд политиков и дипломатов разных стран, Леонтьев заключал: «Пусть эти люди все очень различны не только по нраву, но и по целям и по взглядам своим; но совокупное действие как обществ, так и этих выражающих то или другое начало лиц – все-таки дает в конце *диагоналя разнородных сил* ту роковую *точку а* или *б*, которая должна закончить известный период истории» [7, с. 53].

³ Давления и принуждения (*фр.*).

⁴ Этих бедных христиан, этих жалких баши-бузуков, эти дикие стада из глубин Азии и Африки (*фр.*).

мя будет всё идти и наконец действительно настанет «роковая минута», которая закончит известный период Истории, устроив *непрерывно* «очаг неслыханного интернационального радикализма»¹ в Конст<антино>п<о>ле, с чем мы волею и неволею примиримся.

Итак, Вы видите, что в окончательном выводе я с Вами вполне согласен. <...>

У нас в Посольстве страшная работа – нескончаемая, всё пишем, пишем, шифруем, расшифровываем. Цертелев готовится каждый день по регламенту для Болгарии, Боснии, Герцеговине, будущих Коммиссаров, и т.д. Молодежи бездна, но всё какая-то она неудавшаяся. Вот оно *переламывать* системы воспитания!.. Цертелев собирается Вам писать и каяться в том, что не разделял Ваших мнений о болгарях, греках и турках. Теперь, говорит он, я вижу, как Леонтьев хорошо их понимал и оценивал². Базили³ и Ону⁴ сделались еще более мрачны, особенно первый – просто ничего и никогда не говорит и всё смотрит исподлобья. Ону ноет, тоскует по своему семейству и ходит для развлечения в Порту. Мокеев⁵ пьет горькую и даже сладкую и уж совсем никуда не годится. Максимов⁶ приехал сюда. Растолстел (как и Вы) и всё такой же несносный спорщик как и прежде и всё читает и торгует «Отечественными» Записками», сделался болгарофилом. Прощайте, крепко Вас обнимаю. Пришел Цертелев и отнял последнее место. Другого листа брать не хочу.

9 марта 1877 г., Пера

В России, Вы говорите, политикой все до монахов и до извозчиков очень недовольны⁷. То же самое и здесь – ею недовольны все до курьеров и до болгарина Григория (канцелярского – помните?) включительно. Но что от этого?.. Нисколько не в подражание Игнатъеву, я должен, однако, сказать, что на подобный исход я Вам намекал еще в одном из осенних моих писем, когда говорил, что не в славянской натуре решать метко и быстро такие жизненные вопросы, как Восточный. Угадав давно всю пустоту всевозможных агитаций в обществе у нас и в дипломатии, я ни на минуту не сомневался в окончательном результате всех этих затей и доказательством этого служат бесчисленные пари, выигранные мною с Аргиропуло⁸, Нелидова⁹, с М-те Игнатъевой¹⁰ и с прочих иллюзионистов.

¹ Слова из того же письма Леонтьева, говорившего, что если освобожденный Царьград станет «вольным городом», он превратится в «очаг неслыханного еще интернационального радикализма» [7, с. 54]. Эту тему позднее Леонтьев будет развивать в своем цикле статей «Письма о Восточных делах» (1882).

² К этому месту кн. А.Н. Цертелев сделал примечание на полях письма: «Они точно сукины дети, но и греки Ваши хороши. Всех их в одну ступу!?!»

³ Александр Константинович Базили (1846–1902) – секретарь посольства в Константинополе, впоследствии (1897–1900) директор 1-го (Азиатского) департамента МИД; сын дипломата и писателя К.М. Базили.

⁴ Михаил Константинович Ону (1835–1901) – дипломат, первый драгоман посольства в Константинополе, впоследствии советник посольства, посланник в Афинах (с 1889); переписывался с Леонтьевым.

⁵ Николай Дмитриевич Мокеев – драгоман посольства; в 1871 году сменил Леонтьева на посту консула в Салониках.

⁶ Виктор Александрович Максимов (1836 – не ранее 1900) – второй драгоман посольства в 1872–1873 годах, консул в Битолии (1873–1877), Трабзоне (1884–1887); Леонтьев слегка притерпел к нему в 1872–1874 годах, но недолюбливал его, считая типичным «средним европейцем».

⁷ Ответ на слова Леонтьева в письме от 22 февраля 1877 года: «Политикой нашей – все в России до монахов и до извозчиков – очень недовольны. – Все удивляются... все ропщут. В Петербурге – особенно» [7, с. 70].

⁸ Кимон Эммануилович Аргиропуло (1842–1918) – третий драгоман посольства (с 1868); во время русско-турецкой войны будет исполнять обязанности чиновника особых поручений при дипломатической канцелярии главнокомандующего.

⁹ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) – советник посольства (1872–1877); впоследствии много лет будет послом в Константинополе (1883–1897).

¹⁰ Екатерина Леонидовна Игнатъева (урожд. кнж. Голицына, 1842–1917) – жена Н.П. Игнатъева; графиня (с 1878).

По-турецки подобные потешные истории, Вы знаете, называются «маскаралык». Если я когда-нибудь буду описывать историю этого времени – то я так и назову «Историю маскаралыка 1876–1877 г.» Лучшим доказательством моего мнения служит то, что от всей этой каши все оказались в накладе: Россия, болгары, греки, босняки, герцеговинцы, сербы, черногорцы, даже турки – и выиграл только один маскара Цертелев. Он прославился своею деятельностью в Болгарии, своими пустозвонными (и уморительными в сущности) проектами реорганизации Болгарии, Боснии и т.п. Съездил в Ливадию, обедал там очень хорошо, получил камер-юнкерство, разъезжает теперь по Европе, украшается всевозможными орденами, беседует с журналистами и слова его передаются *in extenso*¹ по телеграфу во все концы мира. В промежутках же бьет баклуши, шопенгауерствует (т.е. то, что в 40-х годах называлось Печоринство), занимается спиритизмом с Графиней Соллогуб² и издевается над единоверцами и единоплеменниками. Бога ради не подумайте, что я говорю это от зависти. Нимало. Никогда и ничего, по правде, я не завидовал и подавно уже не завидую успехам Цертелева, – но я говорю это серьезно и привожу как знак времени, как мерило нашей политической деятельности. Пожалуйста же, не думайте, что я пишу завистью к моему сослуживцу и печалюсь не быть камер-юнкером или кавалером Черного орла или другого какого брелока. Я, право, смотрю на это давно уже глазами Эк<к>лезиаста: «суета сует»³. <...>

Вы спрашиваете меня, когда и где мы увидимся? Вероятно, в России. Я надеюсь летом иметь возможность покинуть опостылый мне Конст<антино>п<о>ль (пожалуйста, не набрасывайтесь на меня за это и не упрекайте в буржуазном взгляде). Довольно с меня просидеть 5 лет; видал я всякое за это время, и право, теперь не весело будет русскому оставаться здесь. Вы скажете, что если горечи и неприятности придется испытывать русскому – то уже никак не 2-му Секр<етарю>⁴ – а Начальнику Миссии, 1-му Драгоману и Консулам, и что раз эти лица будут терпеть свою горькую участь – то мне и подавно уже не следует позировать.

А, что если я не хочу оставаться здесь, то это вследствие европеизма и потому что с жиру бешусь, имея средства делать что мне вздумается. Может быть, это и так. Но я не вижу также особенной причины и не делать того, что мне вздумается – имея для этого возможность; раз же я не вижу удовольствия оставаться здесь – то для чего же я буду делать что мне не нравится. Другие к этому вынуждаются различными соображениями и необходимостью материального, – а я поставлен в другие условия и потому не вижу резона делать то, что другие. К тому же вся эта шушара Базили, Цертелев и Щербачев⁵ мне ужасно опротивели, и я буду рад не видать их камер-лакейских рож. Одним словом, есть 1001 причина почему я постараюсь уйти отсюда и надеюсь, что это последует летом.

¹ В расширенном виде (*лат.*).

² Графиня Наталья Михайловна Соллогуб (урожд. Боден-Колычева, 1851–1915), жена гр. Ф.Л. Соллогуба, приятельница Вл.С. Соловьева.

³ Еккл. 1: 2.

⁴ Губастов занимал в то время эту должность.

⁵ Юрий Николаевич Щербачев (1851–1917) – дипломат, историк, литератор; в 1875–1883 – третий секретарь посольства в Константинополе.

ИЗ <ВОСПОМИНАНИЙ «ЗА СОРОК ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ»> К.А. Губастова

Разразившиеся летом 1875 г. сперва в Герцоговине [так – О.Ф.], а потом и во всей Боснии волнения отодвинули греко-болгарскую распрю на задний план и привели скоро в смятение всю европейскую дипломатию.

Столкновение невесинцев¹ с местными властями из-за сбора податей было обычным в Турции явлением. Оно могло быть легко улажено, если бы Порта вовремя догадалась, что ей следует некоторыми уступками потушить скорее начинавшийся пожар и не дать возможным соседним Государствам вмешиваться в смуту и тем ее поддерживать.

Давно уже установлено историою, что австрийская дипломатия с Графом Андраши во главе задалась мыслью вознаградить Габсбургскую Монархию за понесенные ею потери в Италии приобретением Боснии и Герцоговины. Поездка Императора Франца-Иосифа в 1874 г. по Далмации и завязавшиеся при этом сношения с влиятельными лицами в турецких и славянских областях были первыми шагами для осуществления этой политической программы.

Граф Андраши очень искусно воспользовался событиями, происходившими в соседних с Австрией землях.

Для Николая Павловича Игнатъева наступило теперь трудное время. Хорошо осведомленный и от природы весьма проницательный, он разгадал австро-венгерские стремления и с свойственными ему смелостью и стремительностью начал им противодействовать в Константинополе и в Петербурге. Но ему не удалось ни убедить близорукость турок в грозившей им опасности, ни поколебать доверие Князя Горчакова в бескорыстие Графа Андраши.

Хотя верховным визирем был наиболее приятный Игнатъеву из турецких сановников, Махмуд Недим Паша², но турецкая политическая система, основанная на медленности и на выжидании в расчете образования разногласия между европейскими Державами, восторжествовала, и Махмуд Недим не внял ни одному из советов русского дипломата. Так прошел 1875 год.

Весною 1876 года начались брожения в мусульманском мире в Константинополе, которые застигли врасплох Султана и верховного визиря и последствиями которых было в апреле удаление Махмуда Недима, а в мае низложение Абдул-Азиза.

Принимало ли в последнем событии деятельное участие Английское Посольство, как это старается доказать В. Теплов³ в своей очень хорошей книге «Смутное время и дворцовый переворот в Константинополе» (СПб. 1897) или нет – это безразлично, но несомненно, что со времени переворота личное влияние Генерала Игнатъева умалилось.

Свергнувшие Султана Министры, особенно Мидхад и Халиль-Шериф Паша⁴ намеревались провозгласить конституцию немедленно по воцарении Султана Мурада, но затем решили отложить изменение формы правления до того времени, когда новый Султан будет признан Державами и когда уладятся некоторые внутренние затруднения.

Последние, однако, не только не уладились, но с каждым днем всё более обострялись и осложнялись. Султан Мурад через несколько недель оказался психически больным и в августе 1876 г. уступил трон брату своему Аблуд-Хамиду II, а беспощадное усмирение

¹ Жители Невесине, города на юге Герцеговины.

² См. примеч. на с. 446

³ Владимир Александрович Теплов (? – не ранее 1908) – дипломат, публицист, историк.

⁴ См. примеч. на с. 446.

Христиан в Боснии и в Болгарии послужило предлогом Князьям Сербскому и Черногорскому объявить войну Турции.

Генерал Игнатъев ясно увидел, что совокупное заступничество Держав за христиан разными нотами и меморандумами не будет иметь никакого успеха; он начал настаивать на своевременности поддержать наши требования силою.

Князь Горчаков хотя громогласно и провозглашал желание ИМПЕРАТОРСКОГО Кабинета разрешить восточные затруднения мирным способом, но в июле 1876 г. при свидании ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА с Францем-Иосифом в Рейхштадте установил с Графом Андраши условия на случай войны с Турцией.

Побежденная Сербия была спасена в октябре 1876 г. русским ультиматумом. Вследствие настояний Держав Порты заключила мир с Сербиею и Черногорию; оставалось улучшить положение пострадавших христиан в Болгарии и в Боснии введением местных реформ, на которых настаивали Державы.

После продолжительных переговоров относительно способа воздействия на Порту Англия выступила с предложением созвать конференцию с целью найти наилучший выход для сохранения мира и улучшения участи христиан в возмущившихся турецких провинциях. Все великие Державы приняли это предложение, и к ним, после некоторых колебаний и с видимым недоброжелательством, присоединилась Турция, замышляя втайне сорвать конференцию введением конституции.

В конце ноября 1876 г. съехались в Константинополь специальные представители Держав, назначенные на Конференцию. Англия прислала Лорда Салисбери, Франция – Шодорди и Австрия – Каличе¹. Россия, Италия и Германия поручили своим Послам при Султане быть членами Конференции.

Генерал Игнатъев как старшина дипломатического Корпуса, как представитель Державы наиболее заинтересованной в разрешении вопроса, выработал заранее проект нового административного и судебного устройства для Боснии, Герцоговины и Болгарии; иностранные представители, искренно желавшие решить вопрос мирным путем, исключили из игнатъевского проекта всё, что касалось им обидным для достоинства Порты, и надеялись, что минимум их требований будет принят турками.

Русский Посол знал приготовления турок к войне и, предвидя бесплодность работ Конференции, шел охотно на уступки, изменяя свой первоначальный проект в угоду европейским коллегам, которые окончательно остановились на следующих требованиях:

1) Сербии возвращались старые границы и уступался Малый Зворник, предмет многолетнего спора между турками и сербами.

2) К Черногории присоединялись восставшие Герцоговинские округа и некоторые албанские племена и давался Княжеству доступ к морю.

3) Боснии, Герцоговине и Болгарии обеспечивалась автономия и назначение Генерал-Губернаторов с одобрения гарантирующих Держав. Регулярные турецкие войска имели сосредоточиться в крепостях и городах; остальная часть страны охранялась туземною милициею и жандармериею.

4) Обширная территория Болгарии заключала не только всю Болгарию, но и Македонию. Генерал-Губернатором назначался европеец (бельгиец).

Для того, чтобы избежать резкого различия во взглядах и раздора между собою в присутствии турецких уполномоченных, европейские представители предварительно выработали программу единогогласных требований Держав без участия турок и собра-

¹ Роберт Артур Талбот Гаскойн-Сесил, 3-й маркиз Солсбери (1830–1903) – британский государственный деятель; граф Жан-Батист-Александр де Шодорди (1826–1899) – французский посланник в Мадриде (с 1874); барон Генрих фон Каличе (1831–1912) – австро-венгерский посланник в Бухаресте (с 1874).

лись затем 11/23 декабря на общее с турецкими делегатами заседание Конференции для обсуждения этой программы. Когда Послы вошли в залу Адмиралтейства, с укреплений раздались пушечные салюты и Сафвет Паша¹, Министр Иностранных Дел, торжественно объявил собравшемуся ареопагу, что Султан дарует своей Империи конституцию, провозглашаемую в данную минуту.

Оттоманская Империя преобразовывалась в представительную монархию, учреждался парламент из двух палат и ответственное министерство; судебная власть признавалась независимой, всем подданным даровались широкие права, причем проводилось полное равноправие между христианами и мусульманами и т. д.

Судьба этой конституции известна. Парламент был собран однажды – на одну сессию, и Абдул-Хамид царствовал неограниченно до 1908 года. Но в ту минуту эта бумажная реформа решила участь Конференции, которая после второго и последнего заседания, 8 января 1877 г., на котором турецкие делегаты наотрез отказались ввести требуемые реформы, разошлась, и Послы великих Держав, в силу полученных ими предписаний, покинули 15 января Константинополь, оставив Поверенных в делах.

Эта дипломатическая демонстрация не произвела того действия, которого ожидали Державы; турки, кроме немногих благоразумных и дальновидных, шумно выражали свое удовольствие по случаю неудачи Конференции. Князь Бисмарк иронически заметил, что надо удивляться, как мог Генерал Игнатъев вообразить, что такая угроза подействует на турок и побудит их к уступкам. Они, напротив, очень рады, что наконец избавятся от него.

Армия наша с ноября 1876 года была мобилизована в Бессарабии и ждала только приказа перейти границу, но прежде чем объявить войну, Русский Кабинет считал нужным – и это в ущерб военным действиям – вести новые переговоры с Державами относительно понуждения Порты принять проекты реформ. Генерал Игнатъев, рассчитывая на свое дипломатическое искусство, объехал все столицы великих Держав, и в Лондоне 19 марта 1877 года подписал протокол, к которому была приложена особая декларация, в которой Россия объявляла, что если Порта примет советы Европы, изъявит готовность вернуться к мирному положению и серьезно приступит к выполнению реформ – то должна отправить в Петербург особого Посла для установления соглашения относительно разоружения, на которое Е<го> В<еличество> даст с своей стороны немедленно согласие.

Протокол этот был, однако, Портою отвергнут и 9 апреля 1877 г. она заявила, что не может присоединиться к акту, составленному без ее участия и посягающему на независимость Турецкой Империи.

12 апреля появился наш Манифест в Кишиневе о войне.

Между тем эти 4 месяца турецкая армия успела численно усилиться и получить огромное количество снарядов и патронов, которых в январе не было.

Таким образом бесплодные дипломатические переговоры, заставлявшие нашу армию бездействовать, были выгодны только туркам, что и отразилось на ходе военных действий. Ответственность за первые наши неудачи на Дунае свалена была потом печатью и обществом на Генерала Игнатъева и на нашего военного Агента в Константинополе А.С. Зеленого², которые будто бы умышленно ввели наш Главный Штаб в заблуждение относительно боевой готовности турецкой армии. Военное Министерство хотя и не нашло нужным громко заявить неосновательность подобного обвинения, но отказало, одна-

¹ Мехмед Эсад Сафвет Паша (1814–1883) – турецкий государственный деятель, министр иностранных дел, впоследствии великий визирь (1878); председательствовал на Константинопольской конференции послов в 1876 году.

² Александр Семенович Зеленый (1839–1913) – полковник, военный агент в Константинополе (1870–1877); впоследствии генерал от инфантерии (1909).

ко, впоследствии Генералу Зеленому предать его суду, как он этого требовал для своего оправдания в глазах общества.

Так как описание войны 1877–78 годов, составленное в Главном Штабе¹, очень мало кому известно, то неудивительно, что Барон А.Е. Врангель² в своих «Воспоминаниях», появившихся в декабре 1910 г., повторяет прежний вздор, говоря, что «никто так не наталкивал нас на войну с Турцией, как Игнатъев, уверяя, что она не имеет ни войска, ни денег, ни военных запасов»³.

Бывший заурядный и второстепенный дипломат Барон Врангель написал свои воспоминания, вероятно, от нечего делать или для собственного развлечения и отчасти самовосхваления. Все его суждения об общественных деятелях необыкновенно поверхностны. Например, о Н.П. Игнатъеве, который как никак, а укрепил за Россию целый обширный Амурский край, он только сумел сказать, что он был человек подвижной, очень словоохотливый, всё преувеличивающий в худую или хорошую сторону, любил политические интриги и сильно прихвастнуть. Неужели человек, обладающий только такими свойствами, мог быть, 37 лет от роду, Послом, играть в течение 10 лет выдающуюся роль в Константинополе и привести Турцию на край гибели...

Когда Генерал Игнатъев покинул Константинополь, поверенным в делах остался Александр Иванович Нелидов. Он старался насколько мог образумить турок и убедить их, для их же пользы, принять требуемые Европой реформы. Все усилия его были напрасны. Турки надеялись на доблесть своих войск и на то, что в затруднительную минуту они найдут материальную поддержку со стороны Англии.

Томительно прошли для нас три зимних месяца в ожидании разрыва. Большинство служивших тогда в Посольстве и в Консульстве были люди женатые, семейные. Необходимо было, ввиду надвигавшихся грозных событий, подумать заблаговременно о безопасном удалении семейств из Константинополя, в котором начиналось уже проявление мусульманского раздражения.

Действительно, в первые месяцы 1877 г. все жены и дети чиновников выехали в Россию, в Грецию и в другие страны. Образ жизни в Посольской семье, с внешней стороны продолжал оставаться всё тот же. Утром занятия в Канцелярии, затем прогулки пешком или верхом по Константинополю и его ближайшим окрестностям. Вечером все собирались на обед к Нелидову и, если не было шифрованных телеграмм отправлять или разбирать – то играли в карты.

4 апреля Александр Иванович получил извещение, что 12 апреля Князь Горчаков объявит турецкому представителю в Петербурге о начале военных действий и войска в тот же день перейдут Прут. Нелидову предписывалось передать 11 апреля ноту Порте о прекращении дипломатических сношений и немедленно со всеми подчиненными ему лицами выехать из Константинополя в Одессу на предоставленных в распоряжение Посольства военных пароходах «Эриклик» и «Аргонавт».

Таким образом на сборы и приготовления к отъезду нам давалось 7 дней, но при этом Канцлер рекомендовал отнюдь не возбуждать в городе нашими приготовлениями подозрений о приближающемся часе военных действий. Приказание это было нелегко исполнять. Укладывать вещи без помощи слуг, которые все почти были греки и армяне, конечно, было невозможно. Людям этим нельзя было запретить рассказывать о происходящих сборах их друзьям и родным, а через них весть о приготовлениях к отъезду могла

¹ Имеется в виду издание: Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–78 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Изд. Военно-ист. комиссии Главного штаба, 1898–1911.

² Барон Александр Егорович Врангель (1833–1915) – дипломат, мемуарист. Ниже упомянута публикация первой главы («1876 год») из его книги «Отрывки из воспоминаний».

³ Иллюстрированное приложение к Новому Времени. 4 декабря 1910 г., № 12476. [С. 8–10.] – Примеч. К.А. Губастова.

разойтись по городу. Однако секрет был хорошо сохранен – ни турки, ни иностранцы, догадываясь о близости разрыва, не знали, что он произойдет 12-го апреля.

Наконец наступил памятный день 11 апреля. С раннего утра началось непрерывное движение хамалов (носильщиков) из Посольства в Топхане¹, переносивших ящики, сундуки, всякий домашний скарб для загрузки на пароходы. Мало-помалу число любопытных, толпившихся вокруг дворца Русского Посольства, всё увеличивалось, и к 4 часам дня толпа уже запрудила Перскую улицу и ближайšie к Посольству переулки.

В 3 часа дня назначено было молебствие в Посольской церкви. Князь Лев Владимирович Шаховской († 1899 г.)², бывший тогда третьим Секретарем, прекрасно описал в «Московских Ведомостях» (27 апреля, № 101) это напутственное молебствие. «Мне удалось, говорит он, присутствовать на этой торжественной церемонии, память о которой глубоко врезалась в душу. Всё было тут полно той трогательной, сердечной простоты и вместе торжественности, которыми богато только сильное чувство. Впереди молящихся стоял Поверенный в делах г. Нелидов, за ним 1-й Драгоман Посольства М.К. Ону, а за ними все служащие, в последний раз собравшиеся у Православного Алтаря в Константинополе. Все преклонили колена вместе с Архимандритом Смарагдом³, когда он, прерывающимся от волнения голосом, стал произносить слова молитвы: “Се бо врази наши собрасася на ны, еже расторгнути и погубити нас и святыни наша: Ты же, вся ведый, веси еже они на нас помышляют и яко не можем мы стати пред лицом их, аще не Ты поможеш нам”... Не умею выразить, какое ощущалось в душе, в ту минуту, полное чувство единения этой малой русской колонии с широко бьющимся в ту же минуту за морем сердцем всей русской земли. Единое чувство, единая мысль, казалось, сплотили всех. Все были тронуты, у всех были на глазах слезы...».

Далее Князь Шаховской продолжает: В 5 часов вечера кареты и коляски стояли уже у дверей русского дворца, в ожидании отъезжавших. Г. Ону тотчас после молебствия уехал в Порту для передачи Турецкому Министру Иностранных Дел Сафвет Паше ноты о прекращении дипломатических сношений и извещения о выезде Посольства из Константинополя.

Несколько минут спустя после 5 часов показался в дверях весь персонал Посольства с Нелидовым во главе и, разместившись по экипажам, тронулся вдоль широкого двора. Впереди ехали на белых конях кавасы⁴... Едва экипажи задвигались и подъехали к воротам дворца, наступила опять торжественная минута: огромный двуглавый орел, красовавшийся до тех пор наверху здания русского дворца, дрогнул и медленно и плавно стал опускаться; другие меньшие орлы на воротах окутались флером и коляски с отъезжающими исчезли в несметной толпе народа, тесно скучившегося у ворот.

Путь, по которому следовал поезд, не лежал через турецкие кварталы города. От Перы до набережной Салибазара, против которой стояла яхта «Эриклик», приходилось спуститься в Галату, затем путь шел вдоль Галаты, мимо Топхане, где помещаются турецкие казармы и где выстроенная турецкая стража поспешила сделать на караул и отдать честь выезжающему Посольству.

Настроение народа, окружавшего экипажи, бежавшего за ними, не было враждебное, скорее доброжелательное, симпатичное, как будто печать сознания и серьезности, лежавшая на лицах уезжавших, сообщалась и толпе.

¹ Топхане – квартал в Константинополе на берегу Босфора.

² Князь Л.В. Шаховской (1849–1897) – корреспондент «Московских ведомостей» в Константинополе, а затем в действующей армии; впоследствии зять М.Н. Каткова.

³ Архимандрит Смарагд (в миру Стефан Михайлович Троицкий) – настоятель посольской церкви в Константинополе с 1871 года; впоследствии (с 1885) епископ Ковенский.

⁴ Охранники (тур.).

Часов около 6 вечера г. Ону возвратился на «Эриклик» из Порты с известием, что нота о разрыве и выезде Посольства сообщена Турецкому Правительству, и яхта немедленно снялась с якоря. В последнюю минуту глазам отъезжающих представилась чудная картина, какую можно видеть только в Константинополе. Весь день 11 апреля шел мелкий дождь и туман серою пеленою окутывал город и окружающие холмы. К вечеру, едва наши пароходы запенили воду своими колесами, как солнечный луч, будто прорвавшись из-за туч и тумана, одел в нежно розовый свет величественную панораму Константинополя и волшебным образом окрасил воды моря и пролива. На противоположной солнечному лучу стороне неба появилась яркая, сиявшая нежными красками радуга... С распущенными флагами, шумя колесами, задвигались вдоль Босфора «Эриклик» и «Аргонавт».^{1*}

13 апреля около 10 часов утра прибыли мы в Одессу; Городской Голова Н.А. Новосельский² встретил нас на пристани и короткою речью приветствовал наше благополучное прибытие. В тот же день вечером город дал Посольству большой обед. Градоначальник Гр<аф> Левашев и жена³ его пригласили нас бывать у них каждый вечер запросто.

После 5–6-дневного пребывания в Одессе все мы разбрелись в разные стороны. Нелидов, назначенный Директором Дипломатической Канцелярии Главкомандующего, уехал в Кишинев; он взял с собою чиновниками Канцелярии – Базили, Аргиропуло и Щербачева; некоторые отправились к Князю Черкасскому⁴, а я уехал в Петербург.

^{1*} Все подробности приготовления к разрыву я заимствую из моей статьи «Двадцать пять лет назад» (1877–1902), напечатанной в «Новом «Времени» 11 апреля 1902 г. – *Примеч. К.А. Губастова.*

² Николай Александрович Новосельский (1818–1898) – одесский городской голова в 1867–1878 годах.

³ Граф Владимир Васильевич Левашов (1834–1898) – генерал от артиллерии, градоначальник Одессы в 1874–1878 годах; его жена – гр. Ольга Викторовна Левашова (урожд. гр. Панина, 1836–1904), дочь министра юстиции гр. В.Н. Панина.

⁴ Князь В.А. Черкасский (1824–1878) в это время был уполномоченным в действовавшей армии от Красного креста.

Литература

1. *Лукомский В. К.А.* Губастов // Вестник литературы. 1919. № 5. С. 132.
2. Российский дипломат К.А. Губастов и его служебная записка «Черногория. 1860–1900 гг.» / публ. В.Б. <Варвары Борисовны> Хлебниковой // Славяноведение. 1997. № 5. С. 35–51.
3. *Фетисенко О.Л.* [Вступ. ст. к публ.:] Письма К.А. Губастова к Б.В. Никольскому (1898, 1908–1911) // Христианство и русская литература. СПб., 2012. Сб. 7. С. 250–256.
4. *Губастов К.А.* Из личных воспоминаний о К.Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Лит. сб. СПб., 1911. С. 185–234.
5. Пророки Византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филипова (1875–1891) / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О.Л. Фетисенко. СПб., 2012.
6. *Фетисенко О.Л.* Эпизоды из жизни консула (К.Н. Леонтьев и М.А. Хитрово) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 97–146.
7. *Леонтьев К.Н.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. СПб., 2019. Т. 11. Кн. 2: Письма 1876–1882 годов.
8. *Leroy-Beaulieu A.* Les Réformes de la Turquie: La politique Russe et le panslavisme // Revue des deux Mondes. 1876. Т. XVIII. 1 dec. P. 508–537.

Аннотация. В публикации представлены фрагменты неизданных писем и воспоминаний дипломата К.А. Губастова (1845–1919), повествующих о жизни русского посольства в Константинополе перед русско-турецкой войной 1877–1878 годов, в частности о дне эвакуации 11 апреля 1877 года. Адресат писем – К.Н. Леонтьев, ближайшим другом которого Губастов был с 1867 года. Перед читателем не просто очередное свидетельство очевидца. Вопрос о будущем Константинополя, присутствующий в текстах, позволяет ввести этот материал в круг источников, расширяющих представление об эпохе Данилевского и об одной из значимых для него историософских тем.

Ключевые слова: Константинополь, русское посольство, К.А. Губастов, К.Н. Леонтьев, Н.П. Игнатьев, кн. А.Н. Цертелев, письма, воспоминания.

Olga Fetisenko, Doctor in Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences. E-mail: betsy98@mail.ru

Constantinople “Mascaralyc” in Letters and Memoirs of K.A. Goubastov

Abstract. The publication contains fragments of unpublished letters and memoirs of a Russian diplomat K.A. Goubastov (1845–1919), telling about the life of the embassy in Constantinople before the Russian-Turkish war of 1877–1878, in particular about the evacuation on April 11, 1877. The letters are addressed to his friend since 1867 K. Leontiev. The topic of correspondence allows us to consider these documents not only as just as eyewitness account, but also as the material enlarging our scope of Danilevsky epoch understanding and the source associated with the historiographical issues that N. Danilevsky was engaged in.

Keywords: Constantinople, Russian Embassy, K.A. Goubastov, K.N. Leontiev, N.P. Ignatiev, A.N. Tsertelev, Letters, Memoirs.

Европа ли Россия?

Беседа о Николае Данилевском и главном труде его жизни*

150 лет назад – в 1869 году – в журнале «Заря» начал печататься труд Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа», который признан классикой русской консервативной мысли. В книге доказывалось, что Россия и Европа принадлежат к разным культурно-историческим типам, и делалась попытка объяснить причины постоянной, как считал Данилевский, вражды Европы к России. К 150-летию выхода «России и Европы» на портале Православие.ru состоялась беседа с деканом философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, членом-корреспондентом РАН Владимиром Васильевичем Мироновым и заместителем декана по научной работе философского факультета МГУ доцентом Алексеем Павловичем Козыревым об этой книге и ее основных идеях, о том, что в них может быть актуально и сегодня.

– На ваш взгляд, чем примечательна книга Н.Я. Данилевского «Россия и Европа», почему она стала классикой русской общественной мысли?

А.П. Козырев: Чтобы правильно оценивать эту книгу, важно знать тогдашний исторический фон и международную обстановку. Австро-Венгерская и Османская империи испытывали во второй половине XIX века сильнейший кризис. На фоне серьезных геополитических изменений, шедших тогда в Европе, возник вопрос о будущем тех народов, которые эти империи населяли, и прежде всего народов славянских. Это сербы, которые жили в Австро-Венгерской империи, и болгары, которые жили в Османской империи. Что с ними будет после распада этих империй и как они будут соотноситься с Российской империей? Будет ли это некий панславянский союз, о котором мечтали славянофилы, или, как писал Константин Леонтьев, эти народы, почувствовав свободу, «пойдут на Запад» и будут ориентироваться на Западную Европу, на уравнилельно-либеральные процессы и ценности? Заведут у себя парламент, буржуазную республику, откажутся от православной веры? Речь ведь шла о народах православных – и сербы, и болгары традиционно исповедуют Православие.

Тогда предлагались разные понимания или модели будущего политического развития этих народов. Модель, или идея, Данилевского – это идея Славянского союза, может быть – новой славянской империи, которая возникнет на основе нового пассионарного, если говорить языком Льва Гумилева, славянского культурно-исторического типа. Но вре-

Миронов Владимир Васильевич (1953–2020), декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН.

Козырев Алексей Павлович, и.о. декана философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии. E-mail: a.kozyrev@bk.ru

Пуцаев Юрий Владимирович, научный сотрудник философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук. E-mail: putschaev@mail.ru

* Беседу с В.В. Мироновым и А.П. Козыревым ведет Ю.В. Пуцаев, см. <https://pravoslavie.ru/124138.html>

мя показало, что относительно будущего этих славянских народов более прав был Леонтьев. Эти страны и народы в итоге послушно пошли в фарватере либеральной Западной Европы, а идея славянской конфедерации оказалась несбыточной мечтой. Идеи Данилевского оказались во многом утопическими. «Россия и Европа» была, собственно, тем документом, который был не столько исследовательской работой, сколько футурологическим и идеологическим конструктом: вот так могло бы быть, но так не стало.

Поэтому книга «Россия и Европа» – одна из глобальных политических утопий, но тем не менее утопий очень значительных. Я думаю, что память о ней сегодня жива не в связи с несостоявшимся славянским проектом, а в связи с четким утверждением Данилевского: Россия – не Европа. То есть у России собственный исторический и культурный путь, отличный от европейского пути. Данилевский приводит ряд аргументов, каждый из которых, наверное, может быть оспорен, но тем не менее к ним следует прислушаться: почему Россия представляет собой иное цивилизационное образование, чем Европа.

Вообще Данилевский выделял десять культурно-исторических типов:

- египетский,
- китайский,
- ассиро-вавилонно-финикийский,
- индийский,
- иранский,
- еврейский,
- греческий,
- римский,
- аравийский и, наконец,
- германо-романский, который и представляла для него современная ему Европа.

А на смену ему должен прийти новый, славянский тип. Кстати, опять же Константин Леонтьев упрекал Данилевского за то, что он не выделил собственно русский тип и не связал его с византизмом, что Данилевский просмотрел Византию и ее культурно-историческое значение для России. Но факт остается фактом: с Данилевского начинается в России то, что мы называем цивилизационным подходом к истории.

– Вторая глава книги «Россия и Европа» называется «Почему Европа враждебна России», а заголовок третьей – «Европа ли Россия?», и дается отрицательный ответ на этот вопрос. Что побудило Данилевского считать, что Европа враждебна России и что Россия – не Европа? Чем он аргументирует свою позицию?

– Аргументы он приводит различные и далеко не всегда бесспорные: Россия не являлась частью империи Карла Великого, наследующей Риму; она не входила в состав теократической федерации, которая сменила Карлову монархию; не была связана единой наднациональной феодально-аристократической сетью; не участвовала в борьбе с феодальным насилием, которая привела к тем формам гражданской свободы, которые выработала эта борьба; не знала гнета схоластики и не имела нужды в протестантизме, поскольку была избавлена от католичества, и т.д.

Но возьмем и другую сторону. Принимает ли нас сама Европа в семью европейских народов? Россия и сегодня кажется Европе чем-то гигантски лишним: в политическом дискурсе современной Европы Россию за редкими исключениями не рассматривают как часть Восточной Европы. Россия представляется как нечто другое. Восточная Европа – это Балканы, Болгария, Польша.

Вообще вопрос, что такое Россия, очень интересный. Недавно я встречался со своим коллегой японцем, который мне сказал, что в Токио создали институт по изучению

Северо-Восточной Азии, в рамках которого изучают... Россию. То есть для Японии Россия – это Северо-Восточная Азия, что для нас совершенно непривычно и удивительно.

– Интересная параллель: Данилевский писал свой труд после Крымской войны 1853–1856 годов, когда Европа в целом враждебно выступила против России. А события последних пяти лет, которые вновь актуализировали поставленную Данилевским проблему, тоже связаны с Крымом. Его книга начинается с констатации наличия вопиющих двойных стандартов у тогдашней Европы: тогда Германия и Австрия отторгли у Дании провинции Шлезвиг и Гольштейн, но Европа молчала. Тем не менее в соперничестве России и Турции вся Европа вдруг встала на сторону мусульманской Турции, и началась Крымская война.

В.В. Миронов: Я согласен с Алексеем в том, что актуальность работ, подобных «России и Европе» Данилевского, осознается, конечно, лишь через некоторое время. Только теперь мы можем говорить, насколько сбылись его предсказания или насколько основательны были его гипотезы. Но помимо прочего следует отметить, что перед нами текст, который содержит мысли, направленные против идей глобализма, что в тот период встречалось не столь часто в работах философов, – уж не знаю, насколько это осознавалось самим Данилевским. То ли это его некая внутренняя исследовательская интуиция, то ли это всё же результат рационального анализа России как страны и общества, ее истории и особенностей культуры. Мы понимаем, что это скорее некая модель общества, но ведь не спонтанно же она возникла. За этим стоят размышления философа, и его выводы основаны на анализе каких-то тенденций развития, которые он предугадывал.

Ну и, конечно, нельзя не отметить двойных стандартов отношения к России. Правда, в политике, нравится нам это или нет, «двойной стандарт» – это скорее норма, и он основан на политической целесообразности в конкретный исторический момент. Можно сказать, что России здесь в большей степени не повезло, так как она всегда стояла особняком в силу своего географического и культурного положения. Находясь между Европой и Азией, она всегда представляла интерес, с одной стороны, в качестве партнера, а с другой – выступая в качестве противника. А поскольку наша страна является достаточно большой, то, выступая против нее, необходимо было с кем-то объединяться, и поэтому Европа неоднократно в той или иной конфигурации осуществляла такие объединения. Наверное, нет стран, которые в том или ином сочетании не воевали против России. Правда, когда какая-то европейская страна воевала с другими, то было всегда неплохо иметь Россию в качестве союзника, ибо это почти гарантировало успех. Поэтому и союзов с Россией в истории Европы тоже хватало.

Кроме того, Европа и особенно Англия чутко реагировали на различного рода альянсы между Россией и Германией, союз между которыми является самым естественным, а значит, именно его стремились не допускать в долгосрочной перспективе, ибо это могло бы означать доминирование России в Европе. Это тоже одна из особенностей России, о которой пишет и Данилевский.

Соответственно, и политика России по отношению к Европе имела разные варианты – от «прорубания в нее окон» до закрытия этих окон на какое-то время. Более того, учитывая, к сожалению, на некоторых этапах технологическую отсталость России, «прорубание окна», в том числе и в период царствования Петра Первого, сопровождалось нарастанием зависимости страны от Европы и европейских технологий, прежде всего в области вооружения. Страна как бы раздваивалась. Она была зависимой от Европы в технологической сфере, но достаточно самобытна внутри собственной культуры. Поэтому ряд идей книги Данилевского «Россия и Европа» можно было бы сегодня переосмыслить на новом этапе развития.

Более того, представляется, что мы сегодня могли бы даже эмпирически подтвердить целый ряд идей, которые были им в этой книге высказаны.

– **Какие идеи вы имеете в виду?**

– Я понимаю, что не слишком популярно говорить об особом пути России, особенно для определенных кругов нашей интеллигенции, но этот путь существует и реализуется, опять же нравится это кому-то или нет. Поэтому и не срабатывают внешне простые варианты пересаживания на российскую почву некоторых идей – от политических до экономических. Например, нам во время «перестройки» обещали построение капитализма по типу чуть ли не США и Германии, даже не упоминая такие страны, как Бразилия и Аргентина. Но оказалось, что простая пересадка экономических моделей не срабатывает, ибо эти модели опосредуются конкретной культурой и, естественно, зависят от нее, а культура России по отношению к западным представляется все-таки достаточно отличной. И не всегда это отражает наше отставание. Например, что касается нынешней ситуации в Европе, для нашей страны проблемы мультикультурализма, хотя мы его так не называли, по сути не существовало, ибо уже в Российской империи, а затем в Советском Союзе, при всех перегибах в ту или иную сторону, тем не менее уживались множество народов и национальностей. То есть наша страна, по сути, изначально была мультикультурной. А вот, например, в нынешней Германии эта модель пробуксовывает, так как она всегда была относительно монокультурной страной с доминированием немецкой нации и культуры.

– **Но в истории Германии был длительный период раздробленности, существовало множество разных немецких княжеств и государств.**

– Но все они имели единый язык, это похоже на раздробленность русских князей. Была раздробленность и войны, но это реализовывалось в рамках одной культуры. Думаю, что даже в одной семье возникают противоречия и споры. Так и в Германии были модификации немецкой культуры: баварцы, саксонцы, швабы и пр., – они и до сих пор отличаются, но тем не менее они понимали друг друга на языковом уровне и стереотипах поведения. Доминировал один язык. Не случайно даже еврейская культура, носителей которой в Германии было достаточно много, по сути, сконструировала особый язык, который был достаточно адаптирован к немецкому, а точнее – возник на основе немецких диалектов. По сути это была смесь немецкого и европейских языков, но не только, сюда включались и элементы славянских языков, ибо славяне тоже обширно проживали в Германии, особенно в ее восточной части. Однако явно доминировал именно немецкий язык. А идея мультикультурализма в нынешнем варианте не подразумевает выделения основной (или господствующей) культуры, исходя из идеи прямого равенства всех, но эти установки не срабатывают.

В России, между прочим, в том числе и в советский период, был общий язык межкультурного общения, то есть русский, но продолжали существовать и национальные языки при всех возникающих трудностях и разных периодах взаимодействия. Не всегда это происходило гладко, но всё же это было. В России всегда жило множество разных народов. И несмотря даже на то, что доминировала одна религия, на территории России присутствовали и другие религии, и другие культуры. Любопытно, что проблемы учета наличия разных религий проявлялись даже в царской армии и даже на каторге (вспомним Достоевского!): было запрещено мешать молиться каторжнику-еврею или совершать намаз мусульманину.

Пожалуй, можно было бы поспорить с Данилевским в одном – в знаке равенства, который он ставил между Россией и славянством. Россия – не славянская или, мягче говоря, не чисто славянская страна. Применительно к нашей стране нельзя говорить об одном культурно-историческом типе.

Общность русского языка вовсе не означала его абсолютного доминирования, как и доминирования русской культуры. Русский язык всегда был общим имперским языком. Но все малые народы, которые населяли Россию, имели и имеют каждый свой язык. Данилевский на это совершенно закрыл глаза.

– Давайте вспомним биографию Данилевского. Как-то повлияла она на его взгляды, изложенные в труде о России и Европе?

А.П. Козырев: Выпускник Царскосельского лицея, он окончил Санкт-Петербургский университет, занимаясь преимущественно ботаникой, и в годы студенческой юности познакомился с учением Фурье. В молодости он участвовал в кружке петрашевцев и проходил по тому же самому делу, по которому проходил Достоевский. Только Достоевский был приговорен к смертной казни через расстрел, а наказание Данилевского оказалось мягким – ссылка в канцелярию сначала вологодского, а потом самарского губернатора. Таким образом, в юности он был социалист, сторонник учения Фурье, то есть сторонник вполне европейского пути. Точно так же Достоевский, впоследствии почвенник, начинал с европейского социализма.

Интересно, что основной профессией и специализацией Данилевского была вовсе не тема цивилизационного развития и не теория культуры, а биология. Он участвовал во многих ихтиологических экспедициях на Каспий, Черное, Азовское, Белое моря, на Чудское озеро, сначала под руководством знаменитого естествоиспытателя Карла Бэра, а потом и сам возглавлял эти экспедиции, был инспектором рыбных промыслов на Волге, как бы сейчас сказали – главой тамошнего Рыбнадзора. К концу жизни он стал директором Никитского ботанического сада в Ялте; похоронен на территории Крыма. Его могила находится недалеко от мыса Форос в так называемом Кипарисовом зале – на небольшой поляне, окруженной кипарисами.

Основным делом своей жизни Данилевский считал опровержение теории естественной эволюции Дарвина. Самое большое его сочинение в трех томах так и называется – «Дарвинизм» и посвящено оно критике дарвинизма. Но это как раз тот случай, когда человек вошел в историю культуры своим побочным делом. Точно так же, например, Бородин вошел в историю культуры не как выдающийся химик, а как композитор и автор оперы «Князь Игорь», хотя сочинительством музыки он занимался на досуге, в свободное от основной работы время.

Итак, Данилевский был ученый-биолог, и, что характерно, к его методам в книге «Россия и Европа» относится вообще свойственный середине XIX века перенос закономерностей естественных наук, органической теории на социальное развитие. В этом отношении теория Данилевского достаточно позитивистична. У него культурно-исторические типы – это своего рода самостоятельные животные в истории. Они уподобляются живым существам, которые рождаются, взрослеют, стареют и умирают, состоят из дифференцированных и неотъемлемо связанных друг с другом частей и т.д.

– Данилевский считается одним из предшественников цивилизационного подхода к истории. В чем он заключается, и в чем тут состоит заслуга Данилевского?

В.В. Миронов: Данилевский фактически утверждает мысль о локальности культур, прежде всего семиотической локальности. Культуры – немецкая, французская, китайская, любая другая – все локализованы в своих географических пространствах, в своих традициях, в своем языке, в своей вере или совокупности вер. Этой локализации никогда по большому счету избежать не удастся.

И поэтому нам надо не бояться, что кто-то другой веры, другой культуры и т.д., а надо искать возможности диалога. Как мы можем реализовывать эту диалогичность, как

мы можем жить, будучи разными? Это можно осуществить, лишь понимая Другого. Как отмечал Г.С. Кнабе, наличие этого Другого необходимо хотя бы ради развития самого свойства понимать, а отсутствие Другого может означать не столько его реальное отсутствие, сколько неумение осуществить такое понимание.

А другой ученый, Д.С. Лихачёв, усиливал этот тезис, говоря о том, что внутри диалога понимание Другого является условием более полного понимания себя. Понимание другой культуры означает прежде всего понимание своей, ибо по крайней мере есть с чем сравнивать. Глобализм, который сегодня нам навязывается, может осуществляться в сфере наших экономических и каких-то иных форм взаимодействия и коммуникации, но он не должен претендовать на формирование некоей глобальной культуры, ибо такой быть не может в принципе, если, конечно, мы сознательно сами не откажемся от своего языка, своих традиций, своего этноса и религии.

Как это ни неожиданно, я сошлюсь на пример из Библии (книга «Бытие») о Вавилонской башне, которая была своеобразным прообразом глобальной культуры, где вроде бы все должны были понимать друг друга в силу единого языка. Но Бог разрушил ее и, мягко говоря, посоветовал разным культурам жить по-своему и согласно своим традициям. И мы должны понимать, что нынешняя модель глобальной культуры спущена не Господом Богом и не является некоей абстрактной очищенной моделью. За такой моделью всегда стоит какая-то конкретная культура или группа культур, а значит, переход к ней означает отказ от собственной культуры. Это просто констатация.

Данилевский, конечно, не мог тогда говорить об американской культуре как отдельном культурно-историческом типе: ее в современном виде еще не существовало. Но именно она сегодня претендует на модель такой общей глобальной культуры, которую навязывают всем.

**– Как «Россия и Европа» была встречена читающим обществом?
За что ее критиковал, например, философ Владимир Сергеевич Соловьев?**

А.П. Козырев: Хотя было три прижизненных издания «России и Европы», заметили ее всё же только после смерти Данилевского. Тут, и правда, большую роль сыграл философ Владимир Соловьев, ведь он был публицист общероссийского масштаба, но в связи с национальным вопросом он на Данилевского и Николая Николаевича Стрхова, который был сторонником Данилевского, вылил буквально ушатые помоев.

Здесь важно даже не то, что Соловьев критиковал Данилевского, но то, что он делал это с подтасовками. Особенно это обидело Стрхова, который последние годы своей жизни был болен раком. Он просто перестал с Соловьевым общаться, подавать ему руку. Соловьев, можно сказать, действовал по принципу: если разбойники укрылись в лесу и нет никакой возможности их там изловить, то надо поджечь лес, – примерно так он выступал против теории Данилевского. То есть вместе с ее действительно слабыми местами он изничтожил и все, что в этой книге было дельного. Соловьев был безжалостным в своей критике и как публицист мало чем отличался, например, от Чернышевского и других писателей левого направления: он был категоричен, безапелляционен, хлесток на язык, мог пойти на сознательные софизмы.

Словом, Данилевскому досталось от Владимира Соловьева, но не совсем поделом. Главное обвинение Соловьева было в том, что теория Данилевского не оригинальна, а украдена у немца по фамилии Рюккерт, который написал какой-то учебник, и что якобы там эта теория культурно-исторических типов уже присутствует. Стрхов же показывал, что это обвинение абсолютно несостоятельно. Вообще в истории культуры часто одна и та же мысль приходит параллельно разным людям. Тогда уж мы должны обвинить автора «Заката Европы» Шпенглера в том, что он украл теорию Данилевского, хотя вряд ли Шпен-

глер читал Данилевского, точно так же маловероятно, что Данилевский украл свою теорию у Рюккерта или еще у кого-то.

Впрочем, теория Данилевского, которого обычно относят к поздним славянофилам, отнюдь не стала идеологической доктриной Российской империи. Более того, к славянству, к славянскому движению власти относились очень настороженно и даже критически. Они видели в этом определенную угрозу для существующего порядка имперской власти, который носил, если можно так выразиться, наднациональный характер.

Надо сказать, что для этого были определенные основания. Это то, о чем говорил тот же Леонтьев: национальная идея может взорвать целостность государственной власти, «племенная политика» может стать орудием революции. Что, например, недавно произошло на Украине с «майданом»? По сути, произошло технологичное и умелое использование украинского национализма для подрыва существовавшего государства.

Национализм всегда является острым инструментом социальных пертурбаций. И мне кажется, что имперские власти это очень хорошо тогда понимали: Российская империя держалась не на национализме, русском, или славянском, или еще каком-то, – она была сверхнациональна. Имперскость всегда сверхнациональна. Это тигель, который сплавляет в себе различные нации, где религиозное и политическое выше национального.

– И в этом акцентировании национального, племенного начала минус концепции Данилевского?

– Соловьев действительно был более имперский философ, чем Данилевский, не смотря на его критику Данилевского.

– Почему?

– Потому что Соловьев не имел в виду построение христианской монархии на национальных началах. Фундирование концепции Данилевского на национальном начале порождает многочисленные проблемы. Например, когда он говорил о славянстве, славянской культурной среде, то куда тогда было девать поляков? Поляки – католики. Он разводил руками и говорил, что хотелось бы, чтобы и поляки стали православными. Но ведь не стали и не станут, потому что в католичестве их идентичность. Поэтому идея славянского союза, славянского братства в версии Данилевского уже тогда трещала по швам. Впереди были еще войны за Болгарию, когда славянское движение было на пике, но власть его подавила. Но что мы имеем в XX веке? Мы имеем Болгарию, которая дважды воюет на стороне Германии, а не на стороне России.

– Резюмируя нашу небольшую по философским меркам беседу, как бы вы ответили, зачем стоит читать «Россию и Европу» Данилевского?

В.В. Миронов: Я думаю, актуальность этой книги заключается в том, что у нас сегодня нет однозначного ответа, какой должна быть наша страна и каким должен быть мир. Такого рода работы побуждают нас вступать в диалоговое пространство. И в этом ее ценность, особенно сегодня, когда в западном мире мы можем наблюдать очень сильную антирусскую волну.

А.П. Козырев: Для меня самое интересное в этой книге, что подвигает к размышлению, – это закон самобытности культурно-исторических типов. Данилевский считает, что существуют самобытные культуры, которые не заимствуют свое начало из других культур, а рождают их внутри себя. Я считаю, что это очень интересная гипотеза. Но это именно гипотеза, которую сложно верифицировать, подтвердить или опровергнуть.

Таким образом, можно задать вопрос, есть ли у той или иной культуры своя внутренняя сущность, ниоткуда не заимствованная? Или любая культура – это конгломерат

каких-то заимствований и превращений? Причем сам Данилевский предлагает варианты этих заимствований: прививка, пересадка и т.д. Это очень непростой вопрос – ответить, какая культура самобытна.

Самобытна ли, например, была римская культура относительно греческой? Римляне долго считали себя варварами, а греков – носителями подлинной культуры. Например, Марк Аврелий неслучайно по-гречески писал «Наедине с собой». Римляне не придумали никакой оригинальной, собственно римской философии, а фактически заимствовали ее у греков. Но тем не менее Данилевский выделяет римскую культуру в качестве самобытной, в качестве отдельного культурно-исторического типа.

В данном случае все же остается больше вопросов, чем ответов. Принимая теорию Данилевского на веру, мы встречаем много исключений, сталкиваемся с такими контраргументами, против которых трудно устоять. Тем не менее его гипотеза очень интересна и мы к ней постоянно возвращаемся, спрашивая, а что же самобытно в нашей культуре. Может быть, даже не культура наша самобытна, а вера? А может быть, не вера, а тип личности, который вырабатывает эта культура? Может быть, самобытен язык? Возможно, самое большое недоумение, которое испытывают иностранцы, попадая в Россию, это когда они видят кириллицу. Они не понимают, как на этом языке можно читать. Любой неродной европейский язык, пользующийся латиницей, их не шокирует, он им не настолько чужой. А вот кириллица для европейца – это примерно то же самое, что для нас арабская письменность или японские иероглифы.

Тем не менее в любом случае проблема самобытности и тех оригинальных начал, из которых строится культура, – это очень серьезная проблема. Ее после Данилевского пытались решать философы, социологи, культурологи, антропологи. Были те, кто соглашался с Данилевским, но были и те, кто следовал за Пушкиным и Чаадаевым, которые считали, что русские – это европейцы. Кстати, не знаю, откуда эта легенда, но говорят, что на столе у Сталина лежала «Россия и Европа» Данилевского и это якобы была одна из самых его любимых книг. Как говорят итальянцы, «даже если это неправда, это хорошо придумано». В это несложно поверить, на самом деле.

Альманах
Тетради по консерватизму
№ 3 2020

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

<http://www.essaysonconservatism.ru/>
tetradipokonservatizmu@gmail.com

Подписано в печать 01.10.2020. Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 58.5
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282 Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1.
Тел. 8 (495) 685-93-18